S 82
О-249

ПАМЯТНИКИ
ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ И ПЕСНИ ЭВЕНКОВ

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Серия основана членом-корреспондентом Российской академии наук А.Б. Сокгоевым

Том 32

ЭВЭДЫ ОДЁ, ИМТЫ, ИЧЭМКЭ, АЛГА, ЊИРГЭ, САМАДЫ ДЯРИН, ЭВИН ИКЭНИН ТАДУК ИКЭН ЊЭГЭННУН

НОВОСИБИРСК
АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГЕО»
2014

S 82
О-24

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ И ПЕСНИ ЭВЕНКОВ

Р-52
201540522
400 г
+CD
NGONB.RU
56671263017091

НОВОСИБИРСК
АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГЕО»
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

В подготовке серии участвуют

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ-МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

•

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ИНСТИТУТЫ

ИНСТИТУТ АЛТАИСТИКИ им. С.С. СУРАЗАКОВА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

ТУВИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

•

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.К. АММОСОВА

•

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М.И. ГЛИНКИ

•

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
АРКТИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Э.Е. Алексеев, А.Е. Аникин, В.М. Гацак (зам. главного редактора), *Л.С. Дампилова, А.П. Деревянко* (главный редактор), *В.В. Илларионов, А.С. Каргин, М.Г. Кондратьев, Е.Н. Кузьмина* (отв. секретарь), *С.М. Орус-оол, Ю.И. Смирнов, Ю.И. Шейкин*

Художественное оформление серии
А.А. Рюмина

В ПОДГОТОВКЕ ТОМА УЧАСТВОВАЛИ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СО РАН

АРКТИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Составление, подготовка текстов и перевод
Г.И. Варламовой, А.Н. Мыреевой

Вступительная статья, комментарии, примечания, указатели и словари
Г.И. Варламовой

Музыковедческая статья, составление компакт-диска
Ю.И. Шейкина, О.Э. Добжанской

Нотные записи
Т.И. Игнатьевой, Ю.И. Шейкина

Подготовка мастер-диска
Г.А. Петрова

Редакторы
Ю.В. Лиморенко, С.П. Рожнова (сверка текстов, перевод)
Е.Н. Кузьмина (научный аппарат)
Г.Е. Солдатова при участии Е.И. Исмагиловой (музыковедческий раздел)

УДК 398.8 (=512.211)
ББК 82.3 (=651.1)-40
О–249

Рецензенты
доктор филологических наук *Б.В. Болдырев*
кандидат филологических наук *О.И. Чарина*
кандидат исторических наук *А.Г. Гомбожапов*

Утверждено к печати Учёным советом Института филологии
Сибирского отделения Российской академии наук

Ответственный редактор тома
кандидат филологических наук *Т.Е. Андреева*

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Сибирского отделения Российской академии наук и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 00-04-00232а «Исследование особенностей обрядовой традиции в фольклоре эвенков» (2000–2001 гг.)

Обрядовая поэзия и песни эвенков / Сост. Г.И. Варламова, Ю.И. Шейкин. Отв. ред. Т.Е. Андреева. – Новосибирск : Академическое издательство «Гео», 2014. — 487 с., [8] с. цв. вкл. + компакт-диск. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. — Т. 32).

ISBN 978-5-906284-69-3

В очередном томе серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» собраны образцы обрядовой и песенной поэзии эвенков. Это первое комплексное издание эвенкийского поэтического фольклора. В него включены 180 текстов (заклинания, описания обрядов, запевы круговых танцев, песни) с параллельным русским переводом, фольклористическая и музыковедческая статьи, справочный аппарат, нотные примеры и фотоиллюстрации. Прилагаемый компакт-диск представляет живое звучание публикуемых музыкальных произведений.

Книга адресована фольклористам, литературоведам, этнографам, а также всем, кто интересуется традиционной культурой народов мира.

УДК 398.8 (=512.211)
ББК 82.3 (=651.1)-40

© Г.И. Варламова, составление, подготовка и перевод текстов, 2014
© Г.И. Варламова, А.Н. Мыреева, вступит. ст., коммент., примеч., указатели и словари, 2014
© Ю.И. Шейкин, О.Э. Добжанская, составление, музыковедческая статья, композиция компакт-диска, 2014
© Т.И. Игнатьева, Ю.И. Шейкин, нотные записи, 2014
© Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук. Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Основана в 1981 г., 2014
© Оформление. Академическое изд-во «Гео», 2014

ISBN 978-5-906284-69-3

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Основная цель серии — научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. Данное издание — не свод национального фольклора и не простой набор фольклорных текстов, оно ориентировано на публикацию избранных памятников, представляющих вершинные достижения устно-поэтического творчества каждого народа Сибирско-Дальневосточного региона, т. е. произведений памятных и значимых и для истории, и для современности. В совокупности фольклорная классика этого обширного края, отличающаяся яркой самобытностью, предстанет в серии как богатая и неотъемлемая часть общего культурного достояния народов нашей страны.

Главным критерием при отборе текстов служат художественное совершенство и историко-познавательная ценность произведения. Выбор текста — итог изучения всей совокупности произведений и вариантов.

Одна из задач серии — широкое введение в научный оборот неизданных материалов (инедитов). При наличии старой (опубликованной) записи и новой (неизданной), равноценной ей, а тем более лучшей по качеству, используется второй вариант. Огромное число вариантов, версий произведений публикуется впервые. Это придает серии уникальную новизну.

Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка (но без применения диакритических знаков, которыми пользуются лингвисты, т. е. оставаясь в пределах современных алфавитов каждого языка).

Серия двуязычная. Национальные тексты (за исключением, разумеется, русских) сопровождаются параллельным переводом на русский язык. Исходя из фольклористических принципов, переводчики стремятся точно уловить и передать по-русски в наиболее соответствующем оригиналу словесном оформлении суть поэтической мысли (обязательное требование к переводу — сочетание точности с доступностью для широкого круга читателей). При необходимости вносятся пояснительные слова в квадратных скобках. Поэтические образы, этнобытовые и другие реалии специфического характера поясняются в комментариях и словарях.

Национальный текст и русский перевод координируются посредством нумерации стихов или частей (смысловых блоков).

Серии в значительной мере придаётся комплексный характер, с особым акцентом на сочетании филологического, музыковедческого, этнографического подходов.

Вступительные статьи к каждому тому характеризуют место издаваемых произведений в традиционной фольклорной культуре соответствующего народа, их поэтические и музыкальные особенности, синкретическое искусство исполнителей. Комментарии призваны точно документировать публикацию, снабдить текст и перевод необходимым фольклористическим, филологическим, этнографическим толкованием.

Нотации приводятся в соответствии с требованиями фольклористической точности и необходимой доступности для воспроизведения. Они размещаются в зависимости от характера тома: либо вместе с публикуемым текстом, либо в музыковедческой статье. Все специальные условные обозначения, не являющиеся общепринятыми, оговариваются в конце музыковедческой статьи. В нотных записях фиксируются все основные элементы исполнительского варианта, а также систематические или характерные отклонения от них, имеющие смысловое значение. Не поддающиеся нотированию специфические элементы интонирования (тембр и т. п.) оговариваются в комментариях.

К каждому тому прилагается грампластинка с образцами публикуемых вариантов произведений, в томах 11, 18, 20 и далее — компакт-диск. Но бывают случаи, когда фонограмм не существует (это относится, например, к ряду эпических сказаний, зафиксированных в своё время только в вербальной записи). В таких ситуациях сочтено целесообразным давать для ориентации фрагменты другой звукозаписи, запечатлевшей то же самое произведение или, по крайней мере, ту же самую местную традицию. Музыковедческий анализ позволяет представить путем неизбежно гипотетической экстраполяции, какие черты звучания могли быть свойственны и публикуемому произведению или варианту.

Фоноприложение иллюстрирует самые разные жанры фольклора (не только словесно-музыкальные, но и прозаические) в их естественном бытовании. Можно услышать звучание текстов на редчайших языках в исполнении талантливых певцов и сказителей.

Тома серии иллюстрируются ценным документальным материалом.

Книги серии печатаются фотонаборным способом на единой основе — гарнитуре В.В. Лазурского. Сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН в сотрудничестве с коллективами специалистов-лингвистов решалась задача создания — первоначально в порядке рабочего научного эксперимента — национального алфавита и шрифтов для ряда бесписьменных языков Сибири и Дальнего Востока (долганского, тофаларского, удэгейского, юкагирского и др.).

Авторские коллективы томов серии опирались на традиции отечественной академической школы, использовали опыт лучших изданий советского времени (в том числе двуязычной академической серии «Эпос народов СССР», выпускаемой Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН) и зарубежных публикаций.

В состав серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» входят следующие книги (в ходе подготовки к печати их названия и количество уточняются):

Алтайский фольклор (в 5 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Несказочная проза

Белорусский фольклор (в 2 ч.)
Семейно-обрядовый фольклор
Календарно-обрядовый фольклор

Бурятский фольклор (в 7 т.)
«Аламжи Мэргэн». Героический эпос
«Осодор Мэргэн». Героический эпос
Волшебные сказки
Сказки о животных и бытовые
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды, предания

Корякский фольклор (в 2 т.)
Мифы, сказки оседлых коряков
Фольклор кочевых коряков

Нанайский фольклор (в 2 т.)
Нингман, сиохор, тэлунгу
Обрядовая поэзия и песни

Русский фольклор Сибири и Дальнего Востока (в 6 т.)
Эпическая поэзия
Сказки волшебные и о животных
Сказки легендарные и бытовые
Лирическая поэзия
Обрядовая поэзия
Несказочная проза (в 2 ч.)

Селькупский фольклор (в 2 ч.)
Фольклор южных селькупов
Фольклор северных селькупов

Тувинский фольклор (в 5 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды, предания

Хакасский фольклор (в 5 т.)
Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Несказочная проза

Хантыйский фольклор (в 2 т.)
Медвежий праздник казымских хантов
Мифы и сказки хантов

Шорский фольклор (в 2 т.)
Шорские героические сказания
Фольклор шорцев

Эвенкийский фольклор (в 3 т.)
Героический эпос
Сказки, легенды и предания
Обрядовая поэзия и песни

Эвенский фольклор (в 2 т.)
Героический эпос
Сказки, легенды и предания

Якутский фольклор (в 6 т.)
«Кыыс Дэбилийэ». Героический эпос
«Могучий Эр Соготох». Героический эпос
Сказки
Песни
Обрядовая поэзия
Мифы, легенды и предания

Фольклор (по одному тому)
Долганский
Кетский
Мансийский
Нганасанский
Негидальский
Ненецкий
Нивхский
Сибирских татар
Тофаларский
Удэгейский
Украинский
Ульчский
Чувашский
Чукотский
Энецкий
Эскимосов азиатских
Юкагирский

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Первый цикл

Эвенкийские героические сказания. 1990 г.
Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн». 1991 г.
Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. 1991 г.
Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилийэ». 1993 г.
Бурятские волшебные сказки. 1993 г.
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные и о животных. 1993 г.
Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Легендарные и бытовые. 1993 г.
Тувинские народные сказки. 1994 г.
Предания, легенды и мифы саха (якутов). 1995 г.

Второй цикл

Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». 1996 г. Т. 10
Нанайский фольклор: Нингман, сиохор, тэлунгу. 1996 г. Т. 11
Тувинские героические сказания. 1997 г. Т. 12
Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры. 1997 г. Т. 13
Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. 1997 г. Т. 14
Алтайские героические сказания. 1997 г. Т. 15
Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин». 1997 г. Т. 16
Шорские героические сказания. 1998 г. Т. 17
Фольклор удэгейцев: Ниманку, тэлунгу, ехэ. 1998 г. Т. 18

Третий цикл

Фольклор долган. 2000 г. Т. 19
Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые. 2000 г. Т. 20
Алтайские народные сказки. 2002 г. Т. 21
Русский семейно-обрядовый фольклор. 2002. Т. 22
Фольклор ненцев. 2001 г. Т. 23
Обрядовая поэзия саха (якутов). 2003 г. Т. 24
Фольклор юкагиров. 2005 г. Т. 25
Мифы, сказки, предания манси (вогулов). 2005 г. Т. 26
Якутские народные сказки. 2008 г. Т. 27

Четвертый цикл

Мифы, легенды, предания тувинцев. 2010 г. Т. 28
Фольклор шорцев. 2010 *г. Т. 29*
Несказочная проза алтайцев. 2011 г. Т. 30
Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть 1: Семейно-обрядовые песни и причитания. 2011 г. Т. 31

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Бурятский героический эпос «Осодор Мэргэн»
Обрядовый фольклор бурят
Алтайские народные песни
Якутские народные песни
Мифы, легенды и предания хакасов
Хакасские народные сказки

ОБРЯДОВЫЙ И ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР ЭВЕНКОВ

В связи с началом подготовки серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и решением издать в ней несколько эвенкийских томов (в их числе и том «Обрядовая поэзия и песни эвенков») были начаты сбор и изучение материалов по обрядовому фольклору эвенков. В 80-е годы прошлого века даже специалистов по эвенкийскому языку в стране имелось немного, а квалифицированных фольклористов среди них не было вовсе. Произведения обрядового фольклора с точки зрения фольклористики в советское время в силу идеологических соображений практически не изучались и в поле зрения фольклористов попали довольно поздно. Вплоть до 1980-х гг. целенаправленным изучением и сбором подобных материалов никто не занимался.

Лишь в 1985 г. российскими фольклористами была проведена первая крупная конференция, посвящённая проблемам обрядового фольклора. На ней было отмечено, что у народов Сибири и малочисленных народов Севера широко бытуют такие фольклорные жанры, как заклинания, благопожелания, хороводные песни, плачи и т. д. Также было обращено внимание на существование у народов Сибири и Севера фольклорных произведений, сопровождающих охотничьи, рыболовные и скотоводческие трудовые процессы.

Сбором материала для тома, посвящённого обрядовому фольклору эвенков, в 1980-х гг. начала заниматься Г.И. Варламова. В него вошли тексты и аудиозаписи, собранные с 1970-х гг. по настоящее время наряду с языковыми и другими фольклорными материалами отдельными специалистами. До этого времени обрядовый материал если и фиксировался, то записывался вручную, хотя произведения обрядового фольклора являются образцами не только поэтического, но и музыкального творчества эвенков. Во многом пробел в фиксации эвенкийского музыкально-обрядового

фольклора был восполнен записями КФЭ 1986 г. (в Якутии) и 1989 г. (в Тугуро-Чумиканском р-не Хабаровского края), материалы которых включены в настоящий том.

Отечественная этнографическая литература, содержащая сведения по различным обрядам эвенков, довольно обширна, но для подготовки настоящего тома оказалось пригодно немногое. Сопутствующая обрядам поэзия в большинстве публикаций представляет собой вольный перевод на русский язык, который отражает лишь основные моменты ритуала. Тексты на языке оригинала отсутствуют, либо приводятся одна-две эвенкийские фразы.

Выдающимся трудом Г.М. Василевич является монография «Эвенки» [Василевич, 1969]. Она основана на многообразном материале, показывающем мир эвенкийского этноса и с материальной, и с духовной стороны. В ней использована самая достоверная терминология по народным названиям основных эвенкийских обрядов. Здесь же перечислены и отдельные обрядовые жанры эвенкийского фольклора: 1) *одё, нэлумо* — обереги, табу, запреты; 2) *сингкэлэвун* — обряд добывания охотничьей удачи; 3) *икэнипкэ* — обряд погони за воображаемым оленем, другим копытным зверем; 4) *далучин* — гадание по лопатке; 5) *боби* — женское гадание на специальных палочках с нарезками.

Также Г.М. Василевич выделяет следующие обряды: 1) обращения-просьбы к божеству Сэвэки и духу Хингкэну/Сингкэну послать-дать зверя охотнику; 2) принесение жертвы в виде «кормления» и «дарения»; 3) просьбы к огню, местам бродов и местам переходов через перевалы. Она называет их «мелкими» обрядами и, видимо, по этой причине не приводит их эвенкийских названий. Важно отметить, что эти обряды всегда являются частями сложных ритуалов *сингкэлэвун* и *икэнипкэ*. Но обряд добывания охотничьей удачи *сингкэлэвун* проводится сезонно или в исключительных случаях, когда долго не могут добыть зверя. Многодневный обряд *икэнипкэ* (*икэник, икэчик*) проводится один раз в год. Именно такие «мелкие» обряды сопутствуют традиционной кочевой жизни эвенков постоянно, и поэтические тексты, сопровождающие эти обряды, наиболее употребительны в быту.

Г.М. Василевич

В 1984 г. вышла в свет монография А.И. Мазина «Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов» [Мазин, 1984], содержащая прекрасный этнографический материал и анализ традиционных представлений об окружающем мире этой этнической группы.

Из ранее опубликованных научных материалов по обрядовому фольклору эвенков нам удалось выбрать и поместить в данный том совсем небольшое количество текстов. Из всех изданных научных сборников эвенкийского фольклора образцы обрядовой поэзии имеются лишь в двух: «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» под редакцией Г.М. Василевич [Сборник, 1936] и «Фольклор эвенков Якутии» [1971]. Однако сразу отметим, что за исключением единичных текстов они оказались непригодными для включения в том. В сборник «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» вошли песни эвенков различных локальных групп и достаточный материал по шаманским песням, однако они не сопровождаются нотными записями. В сборнике «Фольклор эвенков Якутии» для нас представляют интерес только образцы песен и запретов (*одё*), но они также не нотированы.

«Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» [1936] сегодня является раритетом, труднодоступным не только для широкого круга читателей, но и для исследователей культуры эвенков. Он содержит произведения обрядового фольклора эвенков, записанные с конца XIX по начало XX в. К сожалению, по большей части они пересказаны на русском языке, а немногочисленные тексты на эвенкийском языке даны на латинице, что затрудняет их чтение и восприятие современными эвенками. Необходимые сведения об описываемых ритуалах: по какому поводу был проведён обряд, кто (социальный ранг) являлся его участником, в какое время года он проходил — отсутствуют. Весь этот материал не имеет необходимого комментария, который помог бы глубже понять смысл фольклорных произведений. К примеру, тексты 105—107 связаны с похоронными обрядами эвенков, текст 108 представляет собой образец просьбы шамана послать хороший промысел. Текст 104 Г.М. Василевич характеризует как «древнюю, забытую теперь шаманами» концепцию о происхождении первого шаманского дара и шаманского мира [Сборник, 1936, с. 7]. В предисловии к сборнику Г.М. Василевич пишет: «Шаманские песни непонятны для современных эвенков, ...сами шаманы затрудняются точно объяснить содержание отдельных строф, ...в ряде песен-обращений к духам не удалось дать точного перевода» [там же, с. 6]. Все эти обстоятельства не позволили исследовательнице представить шаманские материалы в полном объёме.

В Дополнения к данному тому мы включили два произведения, взятые из сборника 1936 г. Это тексты шаманских заклинаний, записанных Г. Гутом в экспедиции к енисейским эвенкам летом 1897 г.: «Заклинание шамана при лечении болящих членов тела», «Заклинание шамана против оспы».

Сведения по обрядовому фольклору эвенков можно найти и в отдельных статьях М.Г. Воскобойникова. Он выделяет среди малых жанров эвенкийского фольклора пословицы и поговорки, загадки и заговоры, однако приводит во вступительной статье к сборнику «Эвенкийский фольклор» [Воскобойников, 1960б] лишь три образца заговоров, а в сам сборник заговоры и шаманские песнопения не включены. В статье об эвенках Северной Бурятии [Воскобойников, 1960а] дана краткая характеристика их устно-поэтического творчества и сказано о жанрах, отнесённых исследователем к обрядовому фольклору.

Среди песен-импровизаций и песен с устоявшимся текстом М.Г. Воскобойников особо выделяет шаманские песни — *саман-нимнганин*, которые он называет «камланье шаманов», отмечая следующие особенности произведений этого жанра: 1) сложность лексики: «Большинство из них имеет лексику древнего эвенкийского языка, поэтому многие слова уже непонятны современному поколению эвенков, особенно припевы»; 2) «жанр этот отмирает, и молодежь уже не присутствует на устраиваемых изредка шаманских ритуальных обрядах»; 3) «отдельно шаманские песни не бытуют, все они исполняются шаманами только во время *нимнган* (камланья)»; 4) «в каждом отдельном случае, в зависимости от цели камлания, исполняются и определённые слова с припевами, под аккомпанемент бубна» [Воскобойников, 1960а, с. 105]. В статье приведён вариант шаманской песни, связанной с излечением ребёнка, с комментариями к тексту; этот образец включён нами в Дополнения к тому.

М.Г. Воскобойников

«Специального термина заговоры у эвенков не имеют. Эвенкийские заговоры существенным образом отличаются от того, что обычно принято понимать под этим термином в русской фольклористике», — пишет М.Г. Воскобойников [1960а, с. 106]. Исследователь отмечает очень важную, по нашему мнению главную, черту эвенкийского обрядового фольклора: «...У эвенков основное в заговоре — ритуальное действие». Три образца заговоров эвенков Северной

Бурятии мы поместили в данный том: заговор против грозы (текст 9); заговор, чтобы выпал снег зимой (текст 54); заговор против дождя (текст 13).

Отдельно следует сказать о материалах К.М. Рычкова, которыми в своё время активно пользовался М.Г. Воскобойников. В 1950—1960-е гг. они находились в рукописном архиве Института востоковедения АН СССР в Ленинграде. По нашей просьбе Н.Я. Булатова в 1980—1990 гг. специально исследовала архив К.М. Рычкова, но не нашла необходимого материала на эвенкийском языке, который мы могли бы использовать. Архив М.Г. Воскобойникова, очевидно, хранится в семье, поскольку его нет в ЛГПИ им. А.И. Герцена (ныне ЛГПУ), где учёный преподавал до 1970-х гг.

Отметим особо, что статьи Г.М. Василевич, посвящённые эвенкийскому фольклору, имели в основном историко-этнографическую направленность, связанную с её профессиональными интересами. С филологической точки зрения изучал эвенкийский фольклор лишь один учёный — М.Г. Воскобойников. Позднее появились отдельные статьи А.Н. Мыреевой по фольклору эвенков, в основном по героическим сказаниям, Е.П. Лебедевой по сказкам. Однако жанры обрядового фольклора эвенков никем не исследовались, а следовательно, сбором и фиксацией поэтических текстов эвенкийской обрядовой поэзии также никто специально не занимался.

Таким образом, обрядовая поэзия эвенков не изучалась фольклористами почти до начала XXI в.

В основную часть тома включено 180 образцов обрядовой поэзии и песен эвенков, из них 144 представляют обрядовую поэзию и 36 — песенную. В первый раздел вошли тексты, связанные с почитанием природы (тексты 1—34). Это заклинания, обращения к объектам природы — духам рек, гор, перевалов, озер, духам местностей, а также заговоры, обращения к духам природных стихий — грозе, грому (тексты 6—10), вихрю (текст 17), духу горного хребта (тексты 19, 20). Сюда же отнесены тексты, связанные с почитанием Неба (Буга) как главного божества природы эвенков, обращения к солнцу (тексты 11, 14, 15), к духу земли — Земле-матери (Дуннур-Эни) (текст 23) и духам конкретных мест *иччи/итчи* (тексты 26—29).

Произведения из второго раздела связаны с основным промыслом эвенков — охотой (тексты 35—70). Некоторые из них относятся к обряду *имты* — кормлению, угощению духа-хозяина огня (тексты 35, 36). Другие адресованы духу охотничьей удачи *сингкэн* (текст 37), божеству Неба, которое распоряжается душами всех обитающих на земле животных (тексты 39, 49). В этот раздел также помещены тексты, связанные с охотничьими гаданиями (тексты 40, 50, 51) и обрядами возвращения охотничьей

удачи (тексты 41, 42, 48). Отдельную группу составляют тексты, связанные с почитанием соболя: при добыче этого ценного зверя соблюдается ряд запретов и ритуальных требований, сопровождающихся заклинаниями (тексты 44—47). Имеется и сходный текст, относящийся к обряду почитания копытного зверя (текст 55).

В довольно представительную группу (тексты 56—70) собраны тексты, отражающие культ медведя: они связаны с традиционными запретами и ритуалами почитания медведя, некоторые так и озаглавлены самими исполнителями (тексты 60, 62, 64, 65, 68, 69). Запреты (*одё*^{n}) касаются действий человека во время охоты на медведя, общего отношения к этому животному, использования особой лексики, связанной с ним (см., напр., тексты 67, 68).

Третий раздел небольшой, его составляют произведения, посвящённые оленеводству (тексты 71—80). Заклинаниями сопровождаются такие скотоводческие обряды, как испрашивание у божества душ оленей (текст 73), лечение оленей (тексты 75, 76), благословение оленя, участвующего в скачках (текст 78), заклинания, призванные защитить и умножить оленье стадо (тексты 74, 80).

Четвёртый раздел тома представляют тексты, связанные с семейно-родовыми обрядами (тексты 81—134). Они разнообразны по содержанию, но большинство объединяет почитание духа огня, родового и семейного очага; главным обрядом в жизни эвенков является кормление духа огня — посредника между человеком и другими духами природы, различными эвенкийскими божествами.

В пятый раздел вошли произведения обрядовой поэзии, связанные с шаманизмом (тексты 135—144). Тексты 143, 144 представляют два камлания целиком, от начала до конца. Шаманизм у эвенков сохранился и по сей день, он оказал огромное влияние на их мировоззрение, что отмечает А.И. Мазин на примере эвенков-орочонов: «Анализ традиционных представлений об окружающем мире эвенков-орочонов показывает, что они представляли собой сложную систему, включавшую различные по своим историческим и социальным корням, генезису элементы, принадлежащие к различным временным пластам. Все они были трансформированы шаманством, в них можно лишь вычленить дошаманские элементы. При этом надо иметь в виду, что традиционные верования дошли до нас сильно изменившимися» [Мазин, 1984, с. 101].

Последний раздел тома содержит образцы различных песенных жанров. Тексты 145—160 представляют собой запевы традиционных круговых

танцев: *дэвэ* (тексты 145—150), *осорай* (тексты 151—154), *гэсунгэ* (тексты 155—157), *дялер, дялехинче* (тексты 158, 159) и *хадэ* (текст 160). Для запевов характерны повторения слов и целых строк, строгая ритмичность, связанная с ритмом пляски. Круговые танцы — неотъемлемая часть традиционного праздника *икэнипкэ*, отмечающего наступление весны. Для призыва на праздник также могли исполняться особые запевы (текст 161).

В раздел также включены лирические песни эвенков, некоторые из них посвящены родной земле (тексты 162—164). Песни-импровизации представляют собой воспоминания о прошлом (о молодости, о любви) и размышления о будущем (тексты 165, 171—173, 176—180). Среди них выделяется трагизмом песня о судьбе рода Пудовых (текст 176), исполняемая Н.Т. Пудовым — последним мужчиной в роду. В том вошли и песни-жалобы: песня девушки, которую родители выдают замуж за старика (текст 166), и песня мальчика-сироты (текст 174).

Материалы тома дают возможность выделить основные жанры эвенкийского обрядового фольклора.

1. *Алга* (*алга̄*), *алгавка* (*алга̄вка*) — заклинания в виде кратких или распространённых формул. Заклинания *алга* исполнители могут как проговаривать, так и петь, и тогда они принимают форму песенных благопожеланий. В диалектных вариантах эвенков Хабаровского края термину *алга* (*алгавка*) соответствуют термины *хиргэ* (*hиргэ̄*), *хиргэчин* (*hиргэ̄чин*).

2. Шаманское пение *дярин, дяр*.

3. Песни, сопровождающие круговые хороводные танцы, запевы которых у эвенков очень разнообразны. По запевным словам хороводных песен называются и сами хороводы (*дэвэ, ёхор, гэсугур, дялер, осорай*).

Слово *алга* («благословение») есть и в маньчжурском языке, что позволяет говорить не о заимствовании (якут. *алгыс*), а, скорее, об общности термина, восходящей к далёким временам (ср. древнетюрк. *alga* — «благословлять») [Сравнительный словарь..., 1975, с. 30].

К жанру *алга* относятся обращения к духам-хозяевам рек, горных перевалов, местности, к духам стихий (огня, воды и тайги) и к Небу (Буга), которые обычно содержат просьбу о содействии успешному промыслу. Как правило, подобные заклинательные формулы краткие, несложные по форме, и к ним чаще применяют термин *алгавка* (букв. «маленькое заклинание»). Все эти тексты имеют общий признак: в них выражена суть просьбы, обращённой к конкретному адресату, а в *алгавка* — только основная мысль: *Бугака̄кун, неhӯкэл!* — «Великое Небо, одари!», *Энэ̄кэн-того, бэлэкэл!* — «Мать-огонь, помоги!» Подобные *алгавка* являются, по нашему мнению, самыми древними обрядовыми произведениями, так как компоненты об-

ряда (слово и действие) здесь взаимообусловлены, в них нет места сложным поэтическим формам, они являются строгим исполнением запретов *одэ̄*. Сложные тексты возникают лишь на более поздних стадиях бытования того или иного обряда.

Наряду с произносимыми *алга* бытуют и поющиеся заклинания, просьбы, благопожелания. Материалы данного тома демонстрируют, что в эвенкийских песенных *алга* нет изображения желаемого результата как действительного, что традиционно для фольклора других народов, отсутствуют гиперболизация и идеализация, поэтому подобные тексты у эвенков довольно краткие.

Эвенки, проживающие в Тугуро-Чумиканском районе Хабаровского края, наравне с термином *алга* используют слово *хира (hира)* (вариант — *хиргэ (hиргэ̄), хиргэчин (hиргэ̄чин)*, а в говорах, где начальный придыхательный звук исчезает, — *иргэ̄чин*). Этимологически *hира/сира* восходит к эвенкийскому слову *сира-ми* («удлинить, надставить, надбавить») [Сравнительный словарь..., 1977, с. 94], что опять-таки связывается с функцией этого жанра: произносить и петь *hира/сира* — значит с помощью слов-просьб удлинять свою жизнь, улучшать судьбу, т.е. в основе термина лежат мировоззренческие представления эвенков о нитях жизни. Данный термин с подобным значением характерен для всех тунгусо-маньчжурских языков.

hира / сира, hиргэчин/иргэчин можно произносить или петь. Но часто либо, начав петь, заканчивают благословение чтением заклинания, либо, наоборот, начав говорить, заканчивают пением. Иногда, пропев заклинание, исполнитель тут же заново проговаривает его, будто поясняя слушателям своё пение. Так, эвенкийка М.К. Васильева из с. Тором Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края перед отъездом домой членов нашей экспедиции предложила: «Ну, и я, давайте, благословлю вас на дорогу, спою *хиргэчин*». Закончив петь, она сказала, что благословила нас, и повторила содержание песни, причем её текст оказался гораздо короче пересказа (см. текст 90). Текст *иргэчина*, спетый для нас, по композиции и содержанию перекликается с *иргэчином*, исполняемым в этих краях осенью для перелётных птиц. Образ улетающих птиц исполнительница перенесла на женщин-исследовательниц эвенкийского фольклора. Текст заклинания проводов перелётных птиц опубликован ранее [Варламова, 2002, с. 131].

Алга и *хира/сира*, по сути, представляют один жанр — благопожелание. Параллельное развитие терминов произошло из-за разобщённости эвенков и расселения их на большой территории. Структура *алга* и *хира/сира* одинакова и содержит следующие части: 1) обращение к духу по имени; 2) сведения о себе; 3) пояснение обстоятельств, вынудивших человека

просить о помощи; 4) конкретная просьба; 5) слова заклинания как ожидаемый результат; 6) заключительное обращение к духу по имени. К примеру, вот структура текста 86 «Как новый год благословляют», произносимого при встрече первого грома: первая строка — обращение к божеству по имени Арче; последняя — заключительное обращение; сведения о себе: «Мы же эвенки, / С *арбагасиками*» (стк. 3—4); причина обращения: «Чтобы мы хорошо жили, чтобы не голодали» (стк. 10); конкретная просьба: дать хороший год; заклинательные слова как ожидаемый результат: «Хорошим годом к нам приходи, / Плохим годом не приходи!» (стк. 11—12).

В отличие от обрядовых текстов соседей-якутов эвенкийская обрядовая поэзия характеризуется краткостью, что связано с ее генеалогией, восходящей к запретам (*одэ̄*) — кратким регламентированным табу в бытовой и производственной жизни. Именно *одэ̄* — та основа, от которой отталкивается эвенк, произнося *алга*. И лишь в одном из видов фольклора — героическом эпосе, где всё повествование пронизано различными обращениями героев к духам жилищ, природы, обрядовая поэзия получила дальнейшее художественное развитие. В быту для человека, в первую очередь, важен результат, а сказанное кратко и точно, считают эвенки, скорее исполнится.

Песни *дярин (дяр)* могли исполнять только шаманы или провидцы (*ичэн* — букв. «смотрящие»). Они сопровождали пение обрядово-магическими действиями. Например, прославление земли и растительности на празднике *икэчик (икэник)* у дальневосточных эвенков требовало определённых условий: оно исполнялось только весной, в присутствии зрителей и слушателей, и обязательно должен был гореть огонь; в первой праздничной песне восхвалялось и воспевалось каждое растение, имеющее у эвенков название.

В томе специфику исполнения *дярин* ярко демонстрирует текст, который по эвенкийской терминологии определён исполнителями как *нонолли эривунтын*, что переводится «предшествующий празднику зов (клич)». К сожалению, аудиозапись этой песни не сохранилась, но мы поместили в том её текст (текст 161).

Термин *дярин* происходит от глагола *дяра-ми* («петь, подпевать, вторить, подражать в пении»). *Дяричин* — пение не индивидуальное, а в сопровождении хора людей, поддерживающих шамана во время обряда. Хоровое пение тоже называют *дяричин*, а помощников шамана — *дяричимнгул*. Слово *дяра-ми* в значении «петь, подпевать» характерно для многих тунгусо-маньчжурских народов и маньчжуров. Составители «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» [1975] приводят в качестве приме-

ров письменно-монг. *заргап* («шаман»), монг. *зайран* (почтительное обращение к шаману) [с. 252].

К *дяричин* очень близко пение, сопровождающее хороводные танцы, что указывает на его очень древнее происхождение; возможно даже, что оно послужило основой для формирования шаманского пения.

О ритуальности хороводов написано достаточно, их связь с ритуалами доказана учёными на материале круговых песен-танцев многих народов. Для круговых танцев эвенков также характерен принцип обрядности: есть подготовительные действия, есть запевала и хор. Запевала ведёт хор, а танцующие подпевают, вторят каждой пропетой им строке. Запевалы чередуются, этим обеспечивается равное участие в хороводе многих людей, так как ритуал — всегда общее действие. А.М. Айзенштадт подчеркивает важный для нас тезис: «Эвенки, расселённые, как известно, очень широко, хорошо знают уважаемых сородичей, среди которых сказители, песенники всегда занимали одно из почётных мест. Это объясняется не только исконным уважением к таланту, но и стойкостью древней традиции восприятия песни, как некого действа, важного обряда, играющего жизненно целесообразную роль» [Айзенштадт, 1995, с. 16].

Пение, сопровождающее хороводы, эвенки называют *эвин икэныи* (букв. «песня игры»), что свидетельствует о первичности и большой значимости для хоровода не только самого запева, но также игры и игровых движений. Песни, сопровождающие хороводные танцы, нельзя назвать собственно песнями, так как эвенки по отношению к ним не употребляют слово *икэми, hэгэми* («петь»). Но когда речь идет о хороводе, эвенки никогда не произносят и слово *hэкми* («танцевать, плясать»). По-эвенкийски хоровод можно «играть» либо «играть, пропевая». Движения, ритм дыхания и игра, основанная на движении, были первичны в эвенкийских хороводных танцах. В большинстве текстов *дэвэ* можно найти слова, характеризующие хоровод *дэвэ* как «древнюю нашу [т.е. эвенкийскую] игру» — *билиргикун эвикэнты*.

Игра обнаруживает глубинное родство с различными важнейшими явлениями культуры, с традиционным мировоззрением и фольклором. Национальная игра несёт в себе обширную культурную информацию. У современных цивилизованных народов игра — это, в первую очередь, развлечение, способ проведения досуга и т.д. У эвенков же до сей поры слово *эвин* («игра») имеет более широкое значение. Пожилые эвенки употребляли и употребляют слово *эвими* («играть») в значении «жить», а также в значении «проводить *икэнипкэ*». Одна эвенкийка сказала в беседе: *Эдук дюлэски*

икэнипкэвэ эвиденэл бидедигэт. — «В будущем, *икэнипкэ* регулярно играя [т.е. проводя], будем жить» [Варламов, 2006].

Сегодня эвенкийские хороводы умеют водить, запевать даже дети, а в конце 1980-х гг. это могли делать лишь пожилые люди. В 1990-х гг. во всех местах компактного проживания эвенков снова начали проводить забытый в своё время весенний праздник *икэнипкэ* (праздник обновления жизни). Эвенки разных родов из разных местностей съезжались, чтобы вместе провести праздник, обменяться новостями и дать возможность познакомиться молодым людям из отдалённых мест. Искусство вести и запевать эвенкийский хоровод подхватило молодое поколение, и теперь оно воспринимается молодыми людьми так же, как знание родного языка: это показывает, что ты действительно эвенк. Как утверждают эвенки, с возрождением праздника *икэнипкэ* уменьшилось число самоубийств среди молодёжи. По мнению старых людей, проведение ритуалов и праздничных игр положительно влияет на жизнь современных эвенков. Значимость ритуала и в прошлом, и в настоящем в том, что с его помощью решаются практические задачи коллектива, он сплачивает людей в социум, объединяет их, выявляет общие ценности.

Эвенкийский хоровод ближе к игре и обряду, нежели к пению. Сообщения первых путешественников о хороводах эвенков говорят о том, что пение в них было менее значимо, чем движение и действие. Свидетельства Н.М. Добромыслова, побывавшего у северобайкальских эвенков в XIX в., и М.А. Кастрена, наблюдавшего быт туруханских эвенков, подтверждают это. В описании М.А. Кастрена нет упоминания о пении, хоровод основывался на ритме дыхания и движения.

С. Попов наблюдал в 1794 г. камлание у ербогачёнских эвенков, когда исполнялся круговой танец с шаманом в центре. Первоначально танец носил магический охотничий характер. «Эвенкийский танец в основном являлся коллективным. Он был основным развлечением всех эвенков, от подростков до стариков. Летом, когда на одном стойбище стояло несколько чумов, эвенки устраивали такой хоровод очень часто. Заводила его часов с 9—10 вечера молодёжь, желающие играть подходили, вставали в круг и плясали до рассвета. В этом танце один, наиболее впечатлительный, способный сочинять импровизации на темы дня, был запевалой, остальные повторяли напетую им музыкальную строку. Вначале влево двигались медленно. Постепенно темп усиливался, и в песне оставался только ритм слова-запева, тогда импровизатор прекращал сочинять, и хоровод быстро нёсся влево. Движения ног и нижней части корпуса должны были напоминать движения оленей, переступающих ногами. Танцы различались по деталям

движений. Вариантом этого танца был хоровод животных и птиц. Все вставали в круг, запевала — в середину, он же показывал движения животных, а все повторяли» [Василевич, 1969, с. 234—235].

О любви эвенков к хороводным песням-танцам пишет А.М. Айзенштадт: «...Бывает так, что танцуют с вечера всю ночь напролёт, а весной — несколько вечеров подряд. В круг становятся мужчины и женщины — группами или, реже, вперемежку, берут друг друга под руки, сплетая пальцы и касаясь локтями друг друга. Раскачиваясь мягкими и плавными боковыми движениями, они двигаются по кругу либо короткими прыжками, либо переступая «нога за ногу». Направление движения — «по солнцу», но иногда оно в современной традиции может меняться либо по взаимному согласию, либо по инициативе наиболее уважаемых участников хоровода. То же относится и к длительности танца. Мне, например, приходилось наблюдать в Тугуро-Чумиканском районе, как танцующие женщины минут через 10—15, как бы сговорившись, внезапно вскрикивали «и-их!» и сразу садились, отдыхая» [Айзенштадт, 1995, с. 31].

Общего термина для всех хороводов и их запевов у эвенков нет. Когда-то пение, сопровождающее танец, было не просто увеселением, а частью обрядового действа и не имело собственного названия, так как ещё не являлось собственно пением. Со временем у каждой локальной группы эвенков появились свои запевы к конкретным танцам. Постепенно становясь развлечением, пение почти утратило обрядовое назначение, обрядовую функцию, но сохранило неразрывную связь с танцем.

Песни к хороводным круговым танцам имеют очень разнообразные запевы и свою мелодию у каждой локальной группы эвенков. Для восточных эвенков характерны запевы *дэвэ, гэсугур, манчорай, дялер,* для эвенков Красноярского края — *ехор, иколэ-иколэ, хино-хино, хено* и т.д. Разнообразие названий хороводных песен эвенков можно объяснить тем, что исторически эвенки проживают по всей территории Сибири и Дальнего Востока, Монголии и Китая до определённой степени изолированными группами. Лишь запев *дэвэ* знают все эвенки без исключения, даже в Китае и Монголии. Недаром информанты всегда говорят, что это «самый старый хоровод».

Г.М. Василевич пишет, что *икэн* — это «песня-импровизация, прежде — спортивное соревнование охотников-воинов, позже — танец под пение тут же импровизированной песни» [Василевич, 1969, с. 195]. К.М. Рычков отмечал, что «тунгусы очень любят состязаться в песнях и следить за состязаниями и меткими характеристиками певцов» [Рычков, 1922]. Но Е.И. Титов, собирая фольклор у северобайкальских, витимо-олёкмин-

ских и качугских эвенков, установил, что наряду с импровизациями у них бытуют и неизменные песенные формы. Особенно устойчивы по сюжету и композиции песни-хороводы.

Все хороводные песни эвенков имеют свои сюжетную линию и композицию, чёткая структура песни-хоровода выдерживается запевалой: 1) запев конкретного хоровода; 2) созыв-клич; 3) подзадоривание и шутки в адрес тех, кто долго не приходит водить хоровод; 4) краткая характеристика данного хоровода; 5) восхваление его старинности и ритуальности; 6) конкретные указания, как танцевать: браться ли за руки, идти ли кругом и т. д., т.е. режиссура хоровода запевалой; 7) упоминание повода, по которому танцуют этот хоровод (праздник, свадьба, приехавшие издалека гости и т. д.); 8) передача эстафеты другому запевале.

Ранее у эвенков существовали определённые различия между женскими и мужскими песнями, между песнями стариков и молодых: «По существующей традиции, исполнение мелодии *икэлэнами* строго дифференцировано. Так, например, мелодию «о-со-рой, о-со-рой!» могли петь лишь *икэлэны* — пожилые мужчины и женщины; мелодию «делики-энь, делеэнь!» — пожилые женщины» [Воскобойников, 1960б, с. 250]. В проведении обрядов у эвенков главную роль действительно играют пожилые люди, и нередко — именно старые женщины. А.М. Айзенштадт пишет, что «в старину, как отмечают эвенки, в ритуальных *икэн* дифференциация была еще большей — вплоть до отдельно мужских и женских танцев» [Айзенштадт, 1995, с. 31]. В «Сибирской советской энциклопедии» отмечено, что «тунгусские певцы славятся как мастера песни», они поражают развитым звукорядом, разнообразной и «всегда оформленной ритмикой и кристаллизированным напевом». И — любопытная деталь: «Очень распространены своеобразные диалоги: поочерёдное исполнение одного и того же напева двумя певцами — мужчиной и женщиной» [Эвальд и др., 1932, с. 580]. Однако в последние годы эта дифференциация забывается, происходит смешение бывших женских и мужских, молодёжных и стариковских запевов.

Синтез игры, танца и песни в хороводах эвенков отражён и в текстах песен, где ярко проступают черты былой обрядности. Это искусство синкретического характера, где пение и танец органично слиты, неотделимы друг от друга. Например, исполнение запева *дэвэ* не мыслится без танца *дэвэ*. Исполнять *дэвэ* — значит петь *дэвэ*, обязательно сопровождая пение танцем, т.е. действием. Для исполнителей *дэвэ* понятия «петь» и «танцевать» нерасторжимы. На нашу просьбу исполнить *дэвэ* шестидесятилетняя эвенкийка У.Е. Федорова из оленеводческого совхоза «Золотинка» ответила: «Как же я буду петь *дэвэ*, если никто не станет танцевать *дэвэ*?» Танец и

пение *дэвэ* воспринимаются эвенками ещё и как игра, они говорят: *Дэвэвэ эвигэт.* — «Давайте играть *дэвэ*».

В.Н. Топоров, анализируя внутренние формы слов, обозначающих ритуал у многих народов, обращает внимание на языковой фактор. Он выделяет три типа семантической мотивировки таких слов: 1) когда слово имеет значение «священный»; 2) когда его глубинный смысл связан со словом «дело» либо 3) со словами «правило», «порядок», «обычай», «закон» [Топоров, 1988, с. 23–29]. В.Н. Топоров подчёркивает, что тип мотивировки, связанный со словом «делать», важнее и фундаментальнее двух других, «поскольку здесь семантика самым непосредственным образом отсылает к внутренней сути самого ритуала, к главному, глубинному смыслу его, к его идее...» [там же, с. 24]. Случай семантической мотивировки, связанный со значением «делать» и «делание», наиболее показателен и для эвенкийской культуры.

Запев *дэвэ* и название кругового танца *дэвэ* восходят к слову *дэвэ-ми* — «красить охрой» (*дэвэ* — «охра»), букв. «совершать действия (делать) природной охрой». И устоявшийся текст песни всегда содержит зов-приглашение «идти с охрой в чащу», к тем, кто «имеет охру». Интересен в этом отношении образец, записанный от М.П. Кульбертиновой, в котором сохранилось указание на совершение обрядовых действий, сопровождающихся использованием охры (отрывок из вар. текста 148, опубл.: [Варламова, 2002, с. 155–156]):

Дэвэ-дэвэ, дэвэксэ!	*Дэвэ-дэвэ*, охру дайте!
Дэвэксэлэй сигилдулэ!	Отправимся за охрой в чащу!
Дэвэксэдэ дэвэксэчи	Красить охрой будем,
Дэвэдэлэ эмэкэллу!	На раскрашивание приходите!
Ḥуларикан дэвэкичи	Красной охрой
Дэвэксэдэ эмэкэллу!	Красить приходите!

Охру — красную и черную — эвенки собирали в горах. Этот природный краситель использовали для рисования узоров на одежде, а главное — охрой выполнены древние рисунки на скалах. Эвенкийский шаман Савей (по паспорту Семён Васильев из с. Иенгра Нерюнгринского улуса Республики Саха, 1936–2013) сообщил нам, что на старых наскальных изображениях появляются новые рисунки, нанесённые красной охрой. Он говорил, что время от времени посещает старые писаницы и видит там новые рисунки. С уверенностью можно утверждать, что *дэвэ* был связан с ритуалом, где главным являлось действие — рисование охрой.

Следующим по древности, по сообщениям информантов, является запев *осорай*. Он распространён на большой территории — в Бурятии, Чи-

тинской и Амурской областях, его помнят и далее на востоке. Семантика *осорая* также связана со значением «делать», производить какие-то определённые действия. Почти во всех говорах эвенкийского языка слово *ос-ми* имеет значения: 1) расчистить дорогу, тропу (от бурелома), 2) просекать тропу в чаще, 3) очищать место для чума (в тайге). Глагол *ос-ми* с этими же значениями есть в эвенском, негидальском, орочском, орокском, ульчском, нанайском языках [Сравнительный словарь..., 1977, с. 25–26]. Прорубание дороги, очистка места — это важная часть ритуала, проводимого в тайге (а эвенки их там и проводили). Название хоровода и хороводного пения *осорай* произошло от корня **ос* и ранее означало подготовку места проведения ритуала (подготовку экспозиции, но подготовка экспозиции для ритуала также обставлялась конкретными обрядовыми действиями), вот почему все информанты говорят о том, что *осорай* древнее, чем *гэсугур* и другие хороводные запевы.

Т.П. Габышева из с. Усть-Нюкжа (Амурская обл.) рассказала: *Дэвэ̄ — тар со̄ма билирги, са̄май эвэды̄ тар. Гэсугӯр тар эрмэ̄кин. Осо̄рай тар нян эвэды̄мэ эвэды̄, билиргима.* — «*Дэвэ* — он очень старинный, настоящий эвенкийский он. *Гэсугур* — это не такой уж древний. *Осорай* — тот тоже истинно эвенкийский, очень древний». Затем она исполнила *осорай*, как пели в старину, и стали очевидны ритуальные моменты этого запева к хороводу (текст 151).

Текст песни сюжетен и образен, её главными героями выступают предметы эвенкийской одежды и утвари с их основными признаками и функциями — как будто поют и танцуют не люди, а сама праздничная (ритуальная) одежда. *Олочи* — это короткая летняя охотничья обувь с подошвой из непромокаемой сыромятной кожи, сухие *олочи* могут стучать громко; *хэмчуры* — охотничья обувь из камусов, мягкая, она может только шуршать. *Арбагас* — меховая шуба, главный предмет верхней одежды, его носят дольше, чем всю обувь, поэтому он *амин* — «отец». *Нэл* — нагрудник, обязательная часть эвенкийского платья, раньше вышивался подшейным волосом оленя (*муяллэ*), позднее украшался полосками цветного шёлка. Это поэтическое произведение эвенкийского фольклора хранит и отражает всю былую ритуальность *осорая*.

Существует ещё один замечательный хоровод — *дяле* (варианты названий: *дялер, дялёр, дялеһинчэ*). Запев этого хоровода всегда комбинируется с запевом *осорай*. Начинают песню-хоровод словами *дяле*, потом переходят на запев *осорай* и далее их чередуют. Запев хороводного танца *дялер* современные эвенки связывают со словом *дялан* («сустав»). Такое толкование названия танца основано на описании его движений, данном исполнитель-

ницей А.П. Авеловой (текст 158). Ранее мы переводили *дялер* как хоровод «расшевеливания суставов» (тренировку тела) [Варламова, 2002, с. 156]. Сейчас мы уточним, что главное в данном случае — не тренировка тела и не буквальное «расшевеливание суставов». Слово *дялан* — однокоренное со словом *дял* («родственники, родова»). Хороводы водили на праздниках, где обычно собирались родственники, и их единение в хороводе имело особое значение. *Дялер* сплачивает всех членов рода, «расшевеливает» родову, объединяя её в ритуальном действии. Как кости и суставы человека составляют его скелет, так каждый участник хоровода есть часть того костяка-скелета, который представляет собой род — *дял*.

Интересен исполняемый и поныне хоровод *мальчор* иенгринских эвенков (с. Иенгра Нерюнгринского улуса Республики Саха). Все встают в круг, взявшись за руки. Ведущий запевает: *Мальчор-мальчор, такес-такес!* Все вторят запевале. В хороводе *мальчор* главным является движение: приседая, постепенно достигая земли, танцоры крутят согнутыми коленями в одну и другую стороны, таким же образом они поднимаются. Затем начинается настоящее баловство: запевала толкает участников в одну сторону, в другую, прыгает, поднимая ноги, толкает рядом стоящего участника бёдрами и т.д. И чем изобретательнее в своих движениях ведущий, тем веселее хоровод. Игровой элемент превалирует над другими аспектами хороводного танца.

Эвенки Тугуро-Чумиканского района исполняют танец *хадэ (хадю)* (от *hāдэ («родня, свойственники»)*), очень близкий к эвенскому *хэдье* (текст 160). В *хадэ* восточных эвенков сохранились черты, указывающие на его принадлежность в прошлом к обрядам. Согласно сообщениям С.И. Софронова из с. Тором и других информантов, *хадю* поют только мужчины, женщины не поют, танцуют молча; мужчины держат руки вверх, а женщины — согнутыми в локтях; хоровод движется только в левую сторону, по ходу солнца; *хадю* исполняют в июне, когда идёт кета; начинают хоровод 5—6 человек, а к концу танца в круг могут входить до 60 танцоров. По словам сказительницы и песенницы К.П. Афанасьевой, *хадю* танцевали вокруг костра, и женщины надевали специальные танцевальные пояса с колокольчиками, которые назывались *конгактака* (от *конгактэ* — «шарообразный бубенчик»). Она рассказала также, что для пения и танцев все эвенки собирались в местности Бурукан (Борукан), где в конце XIX—начале XX в. проводились тунгусские ярмарки. Место это называлось Авландя («Большая долина»). К.П. Афанасьева исполнила традиционный запев хороводного танца, который зазывал в круг. Он напоминает описание игрищ в героических сказаниях эвенков, где обязательны следующие слова: «*Сōниҥинмар*

Ирāиндя тӯриндӯн / Ḥэиндегэр умипкаллу! / Ирāиндя надан гарпалылнадӯ/ Сэвдēелэй-дэ гуделэй! — «В богатырской Ираиндя земле, / Плясать соберитесь! / В Ираиндя на слиянии семи лучей / Весело же и красиво!» (текст 161).

У дальневосточных эвенков также существует хоровод *ḥадэ*. Они действительно малопонятны либо вовсе непонятны современным эвенам. Слова, сопровождающие эвенкийское *ḥадэ*, растолковал нам знаток и исполнитель, сказитель-*нимнгакалан*, ветеран Великой Отечественной войны, эвенк И.П. Павлов, уроженец Аяно-Майского р-на Хабаровского края. Он дал пояснения этих слов по-эвенкийски и перевёл их на русский язык (текст 160):

1 *ḥāдэ! ḥэда!..*	*Свойственники! Свойственники!*
5 *ḥумōкой! ḥумōкой!..*	По одному! По одному!
7 *Эмэкой! Эмэкой!..*	Приходите! Приходите! (от *эмэ-ми* — «приходить»)
9 *ḥумдей! ḥумдей!..*	Кружитесь! Кружитесь!
11 *ḥāгэй! ḥāгэй!*	Пойте! Пойте!

Хоровод был построен на ритме вдоха и выдоха танцующего, слова же означали команду — что делать, какое движение исполнять. Это подтвердили и другие знатоки древних хороводов у восточных эвенков.

Этимологический анализ слова *ḥāдэ* и его корневого гнезда показывает, что у всех тунгусо-маньчжурских народов *Ха является общей основой и обозначает кровного родственника. *Ха, хади* у баргузинских и селемджинских эвенков означает «кровный родственник», «сородич», *ханан* — двоюродный брат [Сравнительный словарь..., 1977, с. 306]. Исполнитель И.П. Павлов перевёл совершенно верно: *ḥāдэ* — это звательная форма от *ḥā* («кровный родственник»). Праздник *икэнипкэ* изначально был родовым и межродовым (его праздновали родственные роды), а потом уже стал общеэвенкийским. В эвенском языке есть слово *ḥада* («стадо, табун, косяк, гурт»), обозначающее скопление животных, так что *ḥāдэ* имеет ещё и значение скопления, сборища людей. Слово, употреблённое в строках 9—10, исполнитель перевёл как «Кружитесь»; у нерчинских эвенков *ḥумэй, ḥумдей* означает «раскачиваться», «качаться на качелях» [там же, с. 347]. Обрядово-игровой аспект этого хоровода очевиден.

Хороводы с запевными словами *дэвэ, осорай* и *дялер* являются самыми распространёнными и известными всем эвенкам, их ритуальная основа наиболее очевидна и понятна. Но самый древний хоровод-песня, наглядно демонстрирующий охотничью ритуальную магию, — это *ḥино-ḥено* («Рябчик-рябчик»), записанный нами в 2000 г. от Е.А. Курейской из Эвенкии (текст 168). А.М. Айзенштадт [1995, с. 124] охарактеризовал данный запев

как «охотничью закличку», не приводя его этимологии. Древняя охотничья закличка была представлена нам Е.А. Курейской как хороводная песня. Такой хоровод-песню уже не знают и не помнят ни в Забайкалье, ни на востоке. Песня сюжетная: танцоры должны подражать птенцам рябчика, которые учатся летать. Слово *hено/hино* — звательная форма, обращение (от *hинуки* («рябчик»)). Запевала одновременно выполняет функции режиссёра: в каждой строке (кроме запева «Рябчик-рябчик, рябчик!») он называет действия, которые выполняют танцующие: «*Дялихинче*, рябчик! / Рябчик-рябчик, рябчик! / Руками — рябчик! / Плечами — рябчик! / Ногами — рябчик! / Коленями — рябчик! / Собрались — рябчик! / Взялись за руки — рябчик! / ... Полетели — рябчик!»

В настоящее время *hено* исполняют как хороводный круговой танец, но, судя по словам песни, сопровождающей его, когда-то он таковым не был. Запевала рассказывает, что должны делать танцоры — подражать полёту молодых рябчиков, играть в рябчиков, т.е. это был обрядовый танец, посвящённый рябчику, возможно, охотничий. В кочевой жизни эвенков рябчик был важным продуктом питания, ведь лося добывали не каждый день. Свежим мясом для эвенка-кочевника обычно являлось мясо боровой дичи. При кочёвках мужчины ехали впереди каравана и по пути охотились на рябчика, глухаря, куропатку.

Итак, на обрядность круговых хороводных танцев указывают: 1) наличие костра в центре круга; 2) использование охры как красителя; 3) различная функция в танце у мужчин и женщин (мужчины поют, а женщины нет); 4) ритуальная одежда у женщин (например, пояса с колокольчиками); 5) движение хоровода только в левую сторону; 6) исполнение в определённое время (например, ход кеты в июне); 7) непрерывность пения, которую обеспечивала поддержка хора, как в камлании шамана; 8) проведение танцев в особом месте. Отсутствие единого термина, общего для всех запевов и танцев, наличие игры и игровых движений, особых танцевальных па также говорят о ритуальной функции в прошлом эвенкийских хороводов.

Основу философии эвенков составляет гармония в отношениях человека и природы-Неба (Бога): *Бога бутунну дӯннэ тӧктавӑн иргивкӣ, бэевэ нян. Бога угӣдук ичэчивкӣ, hулӣвкӣ, бэевэ бэеҥивкӣ. Эрӯвэ Бога эвкӣ аявра. Борӣнавӑн экэл дёгӧро, нимӑдыкал. Тар Бога итын.* — «Небо даёт жизнь всякой соринке земной, в том числе и человеку. Небо сверху всё видит, всех греет, человека человеком делает. Небо не любит плохого. Того, что даётся тебе, ни для кого не жалей — делись безвозмездно, соблюдая обычай *нимат*

[обычай равного дележа добычи между людьми]. Это закон Неба» (подробнее см. [Варламова, 2002, с. 51—59]).

Эвенкийские ритуалы отражают опыт жизни в единстве с природой, которая для эвенков является и родным домом, и землёй, и верховным божеством Неба, матерью всего живого на земле (букв. Вселенная, Небомать, Мир). Эвенки говорят: «Всё создано Небом. Небо человека-эвенка кормит, растит и воспитывает». В обряде кормления духа огня обязательно должна прозвучать благодарность Небу, традиционное изречение при кормлении духа огня: *Бугакāкун, борīдякал!* — «Великое Небо, одари [пищей]!» либо: *Бугакāкун, бэе бинīвэн сирāдякал!* — «Великое Небо, удлиняй человеческую жизнь!» Эвенки считают, что Небо является основой жизни всего окружающего человека мира, от него целиком зависит человеческая жизнь. Законы, обычаи, права и традиции также даны человеку Матерью-Небом.

С развитием шаманизма из общего представления о Небе, символизирующем весь комплекс природных сил, возникли другие мировоззренческие образы: Дуннур-Эни (Мать-Земля), божество Айин-Майин — хранительница человеческих судеб, небесная прародительница Энекан-Буга (Мать-Небо).

По представлениям эвенков, Дуннур-Эни живёт в глубине земли и лишь иногда наполовину (до пояса) высовывается наружу. Мать-Земля являлась охотнику в исключительных случаях, в облике старушки с большими ушами, и если ему удавалось подержаться за её уши, то он получал удачу в охоте и богатство. Дуннур-Эни следовало благословлять осенью, чтобы она благополучно пережила зиму (текст 23 повествует об осеннем прощании с духом земли до весны), с ней требовалось прощаться и когда человек навсегда покидал родные края. Подобные тексты предваряют пояснения, как это следует делать: «...Той Земле-матери лоскутки подаришь – на последней стоянке, когда уезжаешь». В тексте 23 звучат извинения за то, что людям приходится покидать родные места:

Дӯннӯр-энӣ,	Земля-мать,
Балдыдя̄к дӯннэвӣ эмэ̄ндем,	Землю, на которой родился, я оставляю,
Ӈурӯн ӈурудюрув –	Навсегда уедем —
Таргачӣн киӈалга ӧран...	Такая нужда пришла...

Верования в духов-хозяев конкретных мест, называемых *иччи*, отражены в текстах 25—27. Считалось, что место, где стоит или стояло жилище эвенка, имеет своего духа, и с ним также следовало попрощаться при перекочёвке на новое место.

К культу Неба относятся и представления эвенков о небесных богинях Айин-Майин и Айихит-Эни, влияющих на судьбу человека, — через них эвенки сохраняют связь со своими предками. В тексте 81 Айин-Майин — подательница добра, хранительница человеческих судеб:

Айин-Майин,	Айин-Майин,
Айиһит-энӣ,	Айихит-мать,
Энӣнгэһэ-амӣнаһа,	Матери-отцы,
Эвэкэ̄рби-эһэкэ̄рби	Бабушки-дедушки,
Карайдякаллу...	Берегите...

У эвенков восточного региона Айин-Майин или Айихит считалась покровительницей деторождения, поэтому и сами роды назывались *Аиһит-танагин* («хождение за человеком *аи*») [Варламова, 2004]. В текстах обрядов-обращений к божеству Айихит-матери (*Айиһит-энӣ*) получили отражение некоторые представления эвенков о происхождении людей.

Айихит даёт дитя — посылает его душу родиться на земле человеком. Все люди (*урангкаи*) — дети Айихит; эвенки тоже её дети, поэтому они относятся к племени *аи*, т.е. настоящих людей. Корни Айихит очень глубоки во времени, и мы, люди-*аи*, имеем такую же древнюю историю. Племя *аи* в эпосе эвенков — это дети богини Аи. Жители Верхнего мира (Угу-Буга) и люди Средней земли (Дулин-Буга) в сказаниях относятся к единому племени *аи*, ибо связаны общим происхождением от Айихит, причём человек называется также человеком-*урангкаем*. Это позволяет отнести возникновение культа богини Аи ко времени общеалтайской языковой общности, когда словом *урангкай* называли себя разные племена.

Представления об Айихит-матери связаны с шаманскими воззрениями эвенков. Тексты, обращённые к ней, содержат следующие пояснения: *Айиһит — аһӣ, бэегэчӣн, эвэмнӯ. Самаһал Айиһит-энӣдук дяривкӣл. Дэктылэ̄чӣ бивкӣ, дэгиктэдевкӣ. Бутунну ура̄нгкай Айиһит һутэлин. Мӣт нян һутэлин.* — «Айихит — женщина, как человек, эвенкийка. Шаманы с помощью Айихит-матери поют. С крыльями она, летает. Все *урангкаи* — дети Айихит. Мы с вами тоже её дети» (текст 82). Обратившись к Айихит-матери за помощью, шаман может схватить и удержать душу умирающего. Как сказано в тексте 120, она следит за судьбой человека и оберегает его. Шаман Кокай обращается к Айихит-матери при лечении больной:

Айиһиткэ̄кун,	Великая Айихит,
Уевэ̄н сирана,	Век её продли,
Бинӣ уһикэ̄нмэн	Жизни её верёвочку
Нгонымивдякал!	Удлини!
Аёвкэ̄кал!	Вылечи!

Н.А. Алексеев пишет, что культ *айыы* у якутов «известен в литературе как «белое шаманство» и является одной из самых слабоизученных сторон религии якутов» [Алексеев, 1975, с. 77]. Главные функции *айыы* у якутов совпадают с функциями Айихит у эвенков. В.Ф. Трощанский высказывал гипотезу, что якуты в образе Урунг-Айыы-тойона олицетворяли солнце [Трощанский, 1903, с. 31], а у эвенков и сейчас Айихит-мать — это солнце. Как отмечает Н.А. Алексеев, «при обращении к светлым духам *айыы* шаманы одевались в женскую одежду» [Алексеев, 1975, с. 88].

У эвенков Айин-Майин и Айихит-мать являются также покровительницами домашних оленей: тексты 73, 74 содержат просьбу к Айихит-матери послать оленьи души, чтобы стадо множилось.

В характеристике небесной богини Айин-Майин просматривается влияние важнейшего мировоззренческого образа — прародительницы и хозяйки всего живого на земле Энекан-Бога, Матери-Неба, который присутствует в различных жанрах эвенкийского фольклора: в мифах, эпосе и обрядовой поэзии. А.И. Мазин так описал прародительницу Мать-Небо со слов эвенков: «На третьем ярусе Верхнего мира, или первом от земли, живет *энекан-бога*. Эвенки представляют её как очень старую сгорбленную женщину с добрым лицом, в длинном платье из ровдуги. Волосы зачёсаны назад (возможно, на голове капюшон). В левой руке она держит *чемпули*, полный шерстинок — душ разных животных, в правой — шерстинку, чтобы подарить её кому-нибудь из людей» [Мазин, 1984, с. 12].

Другие исследователи эвенкийской культуры также выделяли образ Матери-Неба: С.М. Широкогоров, а позже А.Ф. Анисимов отмечали, что у эвенков высшим божеством, хозяйкой тайги, зверей и рода человеческого, является *энекан-бугады*, которая обитает в святынях родового культа — скалах *бугады* и ассоциируется с образом зверя — лося или дикого оленя. В более позднее время она представлялась антропоморфным существом. В эвенкийских мифах фигурирует как антропоморфное, так и зооморфное существо — хозяйка зверей. Она тесно связана с образом лося, вероятнее всего, потому что именно лось издавна являлся для жителей тайги основным объектом охоты и главным образом от лося зависело благополучие общества пеших охотников [Мазин, 1984, с. 35].

Фольклор активно вовлечён в практическую жизнь традиционного эвенкийского общества, обрядовый же фольклор эвенков имеет особенно тесную связь с магией и ритуалами, он отражает древнейшие представления о мире и человеке. Многочисленные духи-хозяева рек, гор, перевалов, озер и т.д., явления природы, небесные светила, созвездия и звезды чаще всего олицетворялись в образе женщины. Представление духов и божеств

в мужском облике отражает позднейшие изменения в мировоззрении эвенков и их обрядовом фольклоре. К примеру, в тексте 16 Небо названо «дедушкой», но всё же в большинстве случаев это божество имеет женскую природу. Дух вихря (*суги*) также представляется в мужском образе (текст 17). Люди противостоят ему, применяя орудия труда и быта, используемые мужчинами, что понятно из предварительного пояснения: «Если очень сильный ветер поднимается, вихрь появляется, нож берут или топор (что-то с лезвием). Его к дереву привязать нужно, лезвием к ветру. Обходя [дерево] стороной, заклинать будешь так...» — далее даётся образец текста заклинания духа вихря. В мужской ипостаси предстают дух грома и грозы Арче (тексты 6–8), дух горной тайги, именуемый у олёкминских эвенков Салэй (текст 53 и его вариант), духи озера Чукчагир (текст 18) и хребта Джугджур (тексты 19, 20). Материалы тома демонстрируют и переходное состояние верований эвенков, когда природные явления и объекты имели и женскую и мужскую ипостась. К примеру, в тексте 14 солнце называют «Великая Мать-Солнце», а в тексте 15 именуют мужским именем Сигундар.

Интересно, что при сборе материалов к данному тому от женщин записано гораздо больше текстов обрядовой поэзии, чем от мужчин. Женщины проводят большее количество обрядов, и эти обряды разнообразнее по содержанию. К тому же, у эвенков бытует традиция женского исполнительства эпоса — героических сказаний *нимнгакама нимнгакан* (букв. «шаманящийся, поющийся *нимнгакан*», т.е. эпос) в отличие от традиций исключительно мужского исполнительства у тюрко-монгольских народов Сибири. Женские образы в обрядовом фольклоре эвенков остаются главными и основными. К примеру, божество Небо-матушка считается выше, чем Сэвэки — дух-создатель Средней земли (Дулин-Буга) мужское божество, сотворившее землю, человека и всё остальное на земле.

Повседневная жизнь эвенков пронизана обрядностью, что внешне не всегда заметно. Главный охотничий обряд эвенков — *сингкэлавун (сӣнгкэлӑвун)* — посвящён лосю, а в северных районах — дикому оленю. Подробно он описан Г.М. Василевич [1969, с. 238–239] и А.И. Мазиным [1984, с. 49–54]. Суть обряда заключается в добывании души зверя: охотники изготавливают чучело лося (в некоторых случаях — дикого оленя), а затем имитируют охоту на него, «выслеживая, стреляя из лука, разделывая» и совершая другие привычные действия (текст 41). Обряд *сингкэлавун* существует и в наше время, он не требует обязательного участия шамана и может выполняться самими охотниками.

С диким оленем и лосем как основными объектами охоты было связано и древнее охотничье празднество-мистерия *икэнипкэ*. Весь праздник-обряд представлял собой восьмидневный хоровод, в танце изображалась погоня всех присутствующих вместе с шаманом и его духами за воображаемым диким оленем (лосем), убиение его и вкушение его мяса, а также весь годовой цикл жизни охотника.

Важное место в охотничьей обрядности эвенков занимают традиции охоты на медведя. Результатом особого отношения к медведю стал целый пласт в мировоззрении эвенков. Правила, которые эвенки стараются соблюдать неукоснительно: добывая медведя, не убивать его без предупреждения, сохранять части скелета зверя на специально построенном лабазе, изображать ворона во время охоты на медведя в берлоге, а также во время угощения медвежьим мясом после охоты.

Эвенки называют медведя *амака, амӣкāн, эһэ, эһэкэ* («дедушка», «старик»), *эвэкэ, эбэкэ, эбэчи* («бабушка», «старуха»), *атырканнга* («большая старуха», т.е. уважаемая и почитаемая старая женщина). Эти имена отражают почтительное отношение эвенков к медведю. Следы древнего медвежьего культа отчётливо видны в диалектных названиях медведя — *нгамэнди, маңе, торганди* и др. Все они идентичны названиям древних этнических групп, в разное время говоривших на тунгусских языках: *манги* — верхнеленские и северобайкальские эвенки, а также некоторые из подкаменно-тунгусских, *нгамэнди* — потомки нижнеангарских эвенков, *торганди* — охотские эвены и некоторые эвенки Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края [Сравнительный словарь..., 1975, 1977]. Совпадение названий родовых групп эвенков с диалектными названиями медведя указывает на существование анималистических верований, в которых медведю отводилась роль предка.

По мнению Г.М. Василевич, зарождение медвежьего ритуала относится к периоду материнской родовой организации. Вначале это был обряд двух родов, связанных взаимобрачными отношениями: «Свежевание медведя и его шкуры свойственником, вручение первого куска с медвежьей головы самой старой женщине, слово *давун*, произносимое во время трапезы, — все эти факты свидетельствуют о зарождении обряда в период материнской родовой организации» [Василевич, 1969, с. 23].

В ритуальный комплекс охотничьего культа эвенков входят также мелкие обряды: обращения к *Сэвэки* и *сингкэну* с просьбой послать зверя и охотничьи гадания. Один из наиболее древних способов гадания — гадание на лопатке копытного зверя [там же, с. 235]. У разных групп эвенков существуют различные обряды-гадания, суть которых в намерении узнать

результат охоты или верное направление для выслеживания зверя. Амурские эвенки иногда гадали при помощи котла. Для этого с вечера пустой котёл ставили на потухшее кострище, и если утром под ним появлялись очертания следа зверя, это было знаком удачной охоты. Перед охотой эвенки часто гадают новой обувью — охотничьими унтами или *олочами* (летняя непромокаемая обувь охотника). Гадая, обращаются к Небу. Берут новый унт, подбрасывают его вверх, говоря: *Бугакāкун! Сāһэе олōмī — тэвэгин!* — «Небо! Если суждено ему в крови зверя запачкаться — пусть стоймя упадёт!» В том, как упадёт унт, видят волю Неба: если стоймя, то Небо даст добычу, если набок — не даст. Каков бы ни был результат гадания, божество обязательно благодарят: *Бӯмī бӯкэл, ая бидиҥэн.* — «Если пожелаешь дать [добычу] — дашь, пусть всё будет хорошо».

У современных эвенков оленеводство стало постоянным занятием, и оно сопровождается обрядами, нацеленными на сохранение поголовья. Для многих групп эвенков оленеводство — относительно новый вид хозяйственной деятельности. «О том, что оленеводство появилось у большинства пеших охотников уже после их расселения по тайге, говорят следующие данные: их годичный цикл жизни и календарь, характерный для пешей охотничьей культуры; отсутствие упоминания об оленях во всех ранних сказаниях эвенков; преобладание пеших охотничьих групп в XVII в.; крайне малое количество у них оленей и запрет ездить на них; орочонская колыбель, характерная для оленных групп, — это дальнейшее развитие эвенкийской колыбели, характерной для пеших охотников» [Василевич, 1969, с. 78]. Оленеводство у эвенков по ряду признаков делится на два типа, оба они таёжные и не сравнимы с тундровым оленеводством: «Потеря оленей у эвенков не влекла за собой нищеты, как у тундрового населения. Из группы кочевых они переходили в группу «сидячих» (*мэнэдерил*). Олень у эвенков не служил предметом накопления, так как его нельзя было ни продавать, ни покупать — его только дарили. Кроме того, большие стада неудобно было содержать в тайге, и они даже мешали веками выработанным традициям охотников» [там же, с. 79].

По нашим наблюдениям, большинство обрядов, связанных с оленями, проводилось шаманами. В настоящем томе представлен раздел скотоводческих обрядов, включающий небольшое количество текстов, которые удалось записать. В наши дни шаманов, которые могут проводить оленеводческие обряды и рассказать о них, остались единицы. Наиболее распространённый обряд — собирание подшейного волоса домашних оленей. По представлениям эвенков, именно в этом волосе хранится душа оленя, и для сохранения поголовья нужно собрать вместе волоски всех оленей стада. По

этой же причине волосы из подшейного клока нельзя разбрасывать. Забив домашнего оленя, голову отдавали соседу, глаза и копыта вешали на дерево, считая, что тогда душа оленя вернётся на следующий год в виде приплода. Для обеспечения здорового поголовья оленей и их размножения в специально изготовленный оленный *наму* (коврик из лобных частей шкуры оленя) шаман вводил священную силу *мусун*. Общим для всех групп эвенков был обряд посвящения (табуирования) оленя — после него олень становился особым, священным. Такого оленя называли *сэвэк* (от имени Сэвэки), на нём нельзя было ездить, возить вещи, за исключением священных семейных реликвий. Священному оленю делали особую ритуальную узду с подвесками, напоминающими подвески на шаманской шапке, его периодически окуривали дымом багульника. После смерти особого оленя хоронили целиком на специально возводимом лабазе в положении «головой к восходу солнца» [Мазин, 1984, с. 41—43].

Традиции рыболовства в обрядовой культуре эвенков отражены мало, исключение составляют образы рыб в шаманском костюме. Для шаманских камланий изготавливаются макеты тайменя и щуки, их основная роль — охранять проход из Нижнего мира, чтобы не допустить проникновения злых духов в Средний мир, а также сопровождать дух болезни, чтобы он не смог вернуться к больному человеку.

Значительную роль в жизни традиционного общества эвенков играли обряды, связанные с рождением ребёнка. Описывая якутский обряд испрашивания женщинами ребёнка у Айыысыт, Н.А. Алексеев пишет: «В чашку помещали две серебряные птички. По словам Кулаковского, значение этих фигур забыто» [Алексеев, 1975, с. 103]. Но у эвенков и в наши дни изображения птичек-*оми* — птичек-душ кладут в пустую колыбель, чтобы родились дети. По представлениям эвенков, на дереве у Айихит живут, резвятся и чирикают души неродившихся детей в виде синичек. «В северных окраинах Якутии почитание Айыысыт сохраняется в большей степени», — пишет Н.А. Алексеев [там же, с. 104]. Это совпадение вполне естественно, поскольку этот общий, по нашему мнению, культ возник в древнейшую эпоху и существовал также у тунгусов-эвенов. У эвенов культ солнца в настоящее время выражен отчётливее, чем у современных эвенков, они ежегодно проводят праздник встречи солнца.

Обряд, следующий за родами, называется *эллувка* — «мазанье сажей, углем». Это приобщение ребёнка к семейному очагу, родовому огню. В вар. 1 текста 96 имеются пояснения: «Женщина рожает ребёнка в родильном чуме. Как родится, его ведь ещё не вносили в своё жилище-дом. Женщина-помощница берёт ребенка на руки и несёт в дом. Как только

она вошла, или отец роженицы, или мать, или бабушка берут золу с очага и мажут ребёнку нос, щеки, подбородок, приговаривая: «Отец твой, мать твоя, дедушка твой! / Бабушки твоей огонь. Дедушки твоего огонь. / Как бабушка твоя, будешь разжигать очаг!»

В другом варианте того же текста суть причащения ребенка к родовому огню, семейному очагу выражена ещё ярче: «Новорожденного ребёнка в свой дом вносят, говоря: «Огонь, не принимай за чужого, / Твой пришёл». Так говоря, мажут лицо ребёнка сажей. Потом, допустим, ты впервые приехала к родне со своим ребёнком маленьким. Ребёнка твоего ещё не видели родственники, впервые приезжаете вы — тогда тоже нужно так делать» [Варламова, 2002, с. 118]. Обряд *эллувка* предназначен для новорождённых, а также должен проводиться с большими детьми при первом приезде в гости и знакомстве с родственниками — так дети приобщаются к семейным очагам родни. Обряд проводят бабушки либо старшие по возрасту женщины — хозяйки очагов, и лишь в их отсутствие — дедушка или кто-то другой. Всё, что связано с огнём, делают женщины, а хозяйка огня у большинства групп эвенков — дух в образе старушки.

Всю основную бытовую и производственную обрядность эвенков можно свести к двум всеобъемлющим по своему содержанию и смыслу обрядам: *имтӣ* и *(h)улганнӣ*. Это два самых главных обряда, которые человек, ведущий традиционный образ жизни, выполняет почти ежедневно. *Имтӣ* — обряд кормления огня. Огонь кормят по всевозможным случаям, так как от него зависит вся жизнь эвенка. Обряд имеет очень широкий диапазон, он охватывает все сферы жизни человека — у огня можно просить всё: зверя (сытую жизнь), благополучия для семьи, здоровья, счастья, защиту от всевозможных неудач, несчастных случаев.

Г.М. Василевич пишет: «Поскольку огонь считался хранителем благополучия большой семьи, то, бросая жир, мясо в огонь, всегда обращались с просьбой не только согреть, но и накормить, т.е. послать зверя: *Того-эникэкун, мунэ нямалгикал, дегдэлкал соты, бэюнэ букэл.* — «Огонь-матушка, согрей нас, гори сильнее, пошли зверя» [Василевич, 1969, с. 223]. Акцентируя внимание на уважительном и почтительном отношении эвенков к огню, исследовательница не указывает название обряда кормления огня. А.И. Мазин тоже не приводит такого термина, однако отмечает очень важный момент в мировоззрении эвенков: «Почитание огня у эвенков складывалось тысячелетиями, оно тесно связано со всеми обрядами культа духов-охранителей. Всюду, где фигурируют эти духи, поклоняются и духу огня: когда совершали обряды кормления духов-охранителей, кормили и дух огня; когда чествовали защитников и кормильцев семьи по случаю удачной

охоты, прежде всего угощали дух огня и т.д. В представлениях и обрядах, связанных с культом огня, он выступает, с одной стороны, как хозяин и глава семьи или рода, а с другой — как хранитель душ членов этой семьи и рода» [Мазин, 1984, с. 13].

По представлениям эвенков, огонь — посредник между человеком и высшим божеством Буга, а также другими духами рангом ниже. Самые распространённые слова, которые произносят эвенков при обряде кормления огня: *Бугакакун, боридякал!* — «Небо, одаривай!» В данной формуле обращения к огню нет слова *того* («огонь») — просьба обращена к божеству Неба, поскольку у дальневосточных и западных эвенков высшим божеством, хозяйкой тайги, зверей и рода человеческого является *энекан-бугады*, которая, как отмечает А.И. Мазин, имеет ближайшую и почитаемую помощницу — *энекан-того* («Бабушка-Огонь»). Через огонь эвенки имеют возможность обратиться сразу к самой *энекан-буга*, или, как называют ее дальневосточные эвенки, Матушке-Небу.

Обряд кормления огня – самый простой по форме, необременительный, не требующий никаких специальных приготовлений. Вот почему он жив в любом доме и любой семье. Даже в повседневной городской жизни по важным поводам эвенки не забывают угостить огонь. Слово *имты̄* означает ещё и окуривание чего-либо дымом от горящего жира и восходит к словам *иму-ми, имурэн* — «мазать жиром (салом)», «сало (жир)» [Сравнительный словарь..., 1975, с. 313—314].

(h)улганнӣ — следующий по значимости и частоте исполнения обряд эвенков. Данный термин объединяет все виды однотипных обрядов, проводящихся на трудных участках пути — на перевалах и хребтах, при переправах через опасные реки. В этих случаях оставляют жертву в виде ленточек из ткани, различных мелких личных предметов, делают другие подношения духам-хозяевам местности. После обряда лечения ребёнка также вешают на дерево ленточки из ткани и личные вещи (этот обряд записан нами в с. Иенгра), оставляют духам-хозяевам местности другие дары.

Термин *hулганнӣ (hулга)* можно возвести к слову *улгэ-ми* — «связывать что-либо длинное (верёвки, шнуры, ремни, полоски ткани и т.д.), плести, надвязывать, привязывать друг к другу, навязывать на что-либо верёвки, шнуры, полоски» (ср. *улгэр* — «связка»). Это слово имеется в эвенкийском, эвенском, негидальском, орочском, орокском, маньчжурском языках (напр., бурят. *улхэ* — «нанизывать») [Сравнительный словарь..., 1975, с. 259]. У эвенков различных групп оно имеет варианты: *улганнӣ (улга), hулганнӣ (hулга), hурганнӣ*. Однокоренные слова с близким значением отмечены в удэгейском, маньчжурском языках (ср. монгол. *огол* — «жертва, дар» и бу-

рят. *ургэл* — «пожертвование») [там же, с. 344]. Этимологию термина можно свести к главному обрядовому действию — привязыванию полосок ткани, шнуров в определённых местах. Такое объяснение мотивируется тем, что верёвки-шнуры из ровдуги, меха и ткани ассоциируются у эвенков с нитью жизни, которую родившийся человек получает от Неба, и смысл их дарения тоже связан с этими представлениями.

Взаимоотношения человека и природы в эвенкийском социуме были отражены в особом своде правил поведения в виде системы запретов-оберегов *одэ̄* и нравственного закона, называемого *итыӣ*. В своём устном культурном наследии эвенки выработали особую языковую форму *одэ̄* как правил, требующих неукоснительного соблюдения. Фразы *одэ̄* формулируются в повелительном наклонении и звучат как приказ: «Делай так, и только так».

Эвенки создали свою промысловую этику, положения которой усваивали с детства и передавали из уст в уста. Она разработана до мелочей в множестве запретов-*одэ̄*. Соблюдение этических принципов охоты было незыблемо, их нарушение даже могло стать причиной начала родовых войн. Эвенки убеждены, что человек не имеет права брать от природы больше, чем ему необходимо. Одно из первых охотничьих правил сформулировано в таком *одэ̄*: *Энэ̄ манатыӣра, экэл ватыӣра.* — «Больше того, что можешь съесть, нельзя убивать». Руководствуясь им, эвенки сохраняли зверя, не истребляли полностью его местную популяцию. Часть *одэ̄* начинается либо заканчивается словом *нэ̄лумо̄* («грех! нельзя!»): *Нэ̄лумо̄ — эӈнэрэ бэйӈэ̄вэ лягӣрэ.* — «Грех — нельзя зверя ругать». Нередко *одэ̄* начинаются с глагольного отрицания: *Экэл бэйӈэ̄ гирамналва̄н гарагатыӣра — дэлкэндӯ нэ̄кэл.* — «Не разбрасывай кости зверя — сложи их на лабаз». Большинство *одэ̄* представляют собой приказ-наставление и имеют повелительную глагольную форму, что подчеркивает необходимость их неукоснительного соблюдения: *Бэӣон гирамналва̄н дэлкэндӯ нэ̄кэл.* — «Кости копытного зверя положи на лабаз». Запреты-обереги могут иметь рекомендательный характер, но и в этом случае используется повелительное наклонение, а также даётся пояснение, что будет, если ослушаться: *Эӈэ дылва̄н сэ̄раӈдӯ лококол. Но̄да̄ракис — тыкӯлдиӈа̄н.* — «Голову медведя на шест повесь. Бросишь — рассердится».

Правила поведения *одэ̄* применимы и к бытовой обрядности. С утилитарной точки зрения их можно назвать санитарными нормами жизни в природе. К примеру, существует *одэ̄* о поведении беременной женщины и женщины, имеющей детей: *Эӈнэрэ ӈутэчӣ аӈӣдӯ, ургэӈӣдӯ нимэ̄рдулӣ некэектэ̄ндедэ — бумулдиӈэ̄тын.* — «Нельзя женщине, имеющей детей,

беременной много ходить по гостям — заболеют [дети]». Этот запрет оберегает от распространения болезней (карантинный запрет-*одэ̄*). Многие *одэ̄* являются педагогическими, воспитательными наставлениями, например: *Эҥнэрэ куҥа̄ка̄нмэ мигды̄мэмэт эвӣвка̄нэ — элдиҥэн е̄ва-кат са̄ра.* — «Нельзя позволять ребёнку постоянно играть в шумные игры — вырастет незнайкой». Смысл наставления в том, что, играя в спокойные и вдумчивые игры, ребёнок осваивает мир, учится думать. Есть запреты, содержащие конкретный практический совет-наставление: *Эҥнэрэ дӯрдо̄к куҥа̄канмэ дагалтыт дявӯчара, на̄рэ.* — «Нельзя оставлять двух маленьких детей один на один». Вполне понятный оберег — с детьми, оставшимися без присмотра, может случиться всякое. Во многих запретах-оберегах содержатся нравственные установки: *Эҥнэрэ сагды̄ва лӓгӣрэ, инедэ̄, нӣдэгӯдэ̄.* — «Нельзя ругать старых людей, смеяться над ними, унижать их»; *Эҥнэрэ булумдяча̄ hуна̄тпа инерэ, таргачӣн-да̄ о̄диҥа̄с.* — «Нельзя смеяться над блудящей девушкой — сама можешь стать такой».

Современному человеку большинство эвенкийских *одэ̄* могут показаться предрассудками и суеверием, так как их древняя мировоззренческая основа практически забыта самими эвенками. Многие эвенкийские обереги относятся к огню и очагу: *Эҥнэрэ котово тоготкӣ нэ̄рэ — Энекэ̄-того hалгарва̄н hэрэкӣдиҥэ̄с.* — «Нельзя класть нож остриём к огню — Матушке-Огню ноги можешь поранить»; *Эҥнэрэ тоголо̄ инмэвэ гаранда̄ра — муhӯнин ливгандиҥа̄н.* — «Нельзя бросать иголку в огонь — дух огня может подавиться ею». Содержание одного *одэ̄*, имеющего отношение к духу огня, таково: «Огонь угощают жиром, говоря: "Большая матушка! Нам помогай!"» (вариант 4 текста 83). Формулировка данного *одэ̄* во второй части является, по сути, образцом краткого обращения-заклинания. Обрядовые тексты, представляющие варианты текста 83, имеют форму *одэ̄* — они краткие и исполнены по-эвенкийски в форме повелительного наклонения: «Пудя! За детьми своими присматривай!» (вар. 1 текста 83). В варианте 2 текста 83 разъясняется значение огня: «Твой огонь большую силу имеет. Твой огонь всё может. Свой огонь ты кормишь постоянно, поэтому он за твоей семьёй присматривает, хранит. Угощая огонь, так говори: "Матушка, хорошо присматривай за нами, помогай!"»

Так же как запреты-*одэ̄*, большинство обрядовых текстов у эвенков включает пояснения и инструкции, что следует делать и говорить. Их структура сходна с формой *одэ̄*, которые предписывают не только обрядовые действия человека, но и их словесное сопровождение. Судя по материалам тома, многие обрядовые тексты даже носят названия, связанные с *одэ̄*.

Например, название текста 35 в переводе с эвенкийского означает «Угощая, говори». Такими же *одэ̄* и одновременно краткими обрядовыми текстами являются запреты, касающиеся медведя. В текстах 65, 67, 68 описано словесное сопровождение разделки туши медведя. При свежевании медведя над каждой частью туши рекомендуется произносить конкретные слова, которые в общей сложности составляют целое заклинание.

Напрашивается вывод о том, что именно рекомендации *одэ̄* в виде обращений-просьб стали первыми художественными текстами обрядовой поэзии эвенков. К примеру, *одэ̄*, которое должен выполнять гость, приехавший издалека: *Эмэктэ бэе тогово имтыдян, Айихитва алгадян.* — «Пришедший человек, огонь угощая, Айихит должен благословить» (текст 82). Предписание, облечённое в поэтическую форму, стало благопожеланием.

Эвенкийский фольклор до сего времени во многих отношениях утилитарен. Современный эвенкийский охотник произносит охотничье заклинание, чтобы оно помогло ему добыть зверя, помогло овладеть охотничьей удачей (*сингкэн*). Но он осознаёт, что заклинание должно быть образным, красивым, чтобы своей художественной силой повлиять на того, к кому обращено. Человек, произносящий и поющий заклинание, воздействует силой поэтического слова на тех, от кого он, по своим мировоззренческим представлениям, зависит. Для создания образности и художественности обрядового текста эвенки используют богатые возможности своего языка.

Материалы данного тома станут для исследователей источником, иллюстрирующим исторические основы образования поэтических форм эвенкийской обрядовой поэзии. Многие обрядовые тексты являются отражением начальных ступеней образования и формирования поэтики фольклора, так как наглядно демонстрируют переход утилитарно-бытовых текстов *одэ̄* в художественные формы обрядовой поэзии эвенков. Тесная взаимосвязь эвенкийских *одэ̄* с обрядовыми текстами отражает смену и переход типовых разновидностей жанровых структур. По материалам эвенкийских текстов *одэ̄* и поэтических форм обрядовой поэзии можно изучать начальные этапы развития фольклора как целого, что наиболее ценно для современной науки.

Г.И. Варламова

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ И ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ЭВЕНКОВ

В данной статье авторы, максимально используя имеющиеся в настоящее время полевые, архивные и опубликованные материалы по музыкальному фольклору эвенков, рассматривают песенную культуру эвенков в её обрядовом и лирическом аспектах. Обрядовый музыкальный фольклор представлен, с одной стороны, шаманскими песнопениями, с другой — напевами круговых песне-танцев, ритуальными обращениями к духам-покровителям. Как наиболее архаичная и реликтовая часть песенной традиции, он анализируется первым. Песенным жанрам необрядового фольклора эвенков посвящена вторая часть статьи. Необходимо заметить, что некоторые необрядовые мелодии могут быть использованы в свадебных песнопениях, благопожеланиях и др. Такая полифункциональность напевов свидетельствует о более широком бытовании необрядового фольклора.

В целом, обрядовое поведение эвенков, вызывающее определённые формы интонирования, связано с родовыми и общественными празднествами (круговые танцы), шаманскими обрядами различных типов, охотничье-промысловыми культами, ритуализированными обращениями к гостям за праздничным угощением. Представленные в статье материалы записаны в реальных этнографических ситуациях и характеризуют традиционное обрядовое интонирование эвенков.

Музыкальный стиль в традициях различных групп эвенков имеет свою специфику, в связи с чем авторы уделяют необходимое внимание рассмотрению локальных разновидностей жанров, учитывая этномузыкальный контекст их бытования и особенности исполнения.

При анализе интонационно-акустической культуры эвенков учитывалась многоуровневая система материалов: фольклорно-музыкальные тер-

мины и названия*; этнографические свидетельства и объяснения очевидцев; нотные записи и музыковедческие характеристики акустического выражения; аудио- и видеозаписи, которые зафиксировали реальную практику культуры. Весь этот материал рассредоточен в публикациях, рукописях, архивах и музейных фондах. Источниковая основа данного исследования сформирована в значительной мере за счёт музыкально-фольклорных полевых материалов авторов: Ю.И. Шейкин вёл записи от носителей обрядовой культуры эвенков на протяжении 1980—2000-х гг.

***

Эвенки вошли в мировую науку со своим термином *шаман-саман-хаман*, которым они выделяли профессионального знатока и хранителя культуры, обладающего экстрасенсорными способностями и отличающегося от других носителей традиционного фольклора. Это название, вероятно, исторически связано с термином *шань-мань* (*šaṇ-maṇ*), которым предки эвенков — чжурчжени (тунгусо-маньчжурский этнос XI—XII вв.) — обозначали людей, «обладающих разумом выше ординарного» [Воробьев, 1966, с. 68; Шейкин, 2011, с. 205—206, 397]. При этом личности с собственно экстрасенсорными наклонностями у них «носили звание *уюй* (*ujuj*)», и это слово историками чаще всего связывалось с определением «шаман» [Воробьев, 1966, с. 68]. Слово *шань-мань* согласуется с тунгусо-маньчжурскими вариантами этого понятия: *са-ман-са-ма-ша-ман-ха-ман*. Начальная основа сравниваемых слов наиболее стабильна и производна от основы *са-* (*sa-*) — «знать, уметь, понимать», а вторая имеет варианты основы *ма--мая--маябу*, означающей «молиться об изгнании нечистой силы» [Сравнительный словарь..., 1975, с. 521; 1977, с. 49, 59]. Следовательно, термин *шаман* обозначает одарённого профессионала устной традиции, который знает молитвы и формы поведения, позволяющие ему общаться с миром духов. Более того, тунгусо-маньчжурский термин *саман-хаман* имеет генетические связи с древнетюркским *қам* (*qam*) и более поздними *кам-хам* [Древнетюркский словарь, 1969, с. 413].

---

* В настоящей статье термины, обозначающие жанры фольклора (в том числе названия и запевы круговых танцев), приводятся в написании авторов, иногда отличающемся от орфографии, принятой для текстов тома:

алга, алгавка — см. *алгā, алгāвка*; *госунго* — см. *гэсӯнгэ*; *гэсугор, гэсугэр, гэсигор, гасагай, гачигор, гэсэм, гэсэсэм* — см. *гэсугӯр*; *дзалиэр, дялиэр, дзалёр, дзэлин-эндэ, делиэндэ* — см. *дялёр*; *дзарин, дзаричин, дзаривка* — см. *дярин, дяричин, дяривка*; *дэвэй, дэвэйдэ, дэвэк, дэвэльдэ* — см. *дэвэ̄*; *ёхарьё, ехэрье, ёкарьё, йохарьйо, йокор* — см. *ёӈэрьё̄; одёра, дёра* — см. *одё̄р*; *манчера, мончера, манчоор, мончо, мончоракан, мальчор* — см. *мальчо̄р*; *одзор, одзорай* — см. *осо̄рай*; *хаан, хавун, хагавун, хогэн* — см. *ӈэ̄гэ̄н*; *хэдзэ, хэдьо, хадьо* — см. *ӈэ̄дэ*. — *Примеч. ред.*

Обязательным признаком эвенкийского шаманства являлось мастерство исполнительской практики, приходящее в результате сосредоточенности исполнителя на определённой жанровой сфере. Шаманы были искусны в исполнении не только ритуальных песен, но и танцевальных и песенно-лирических мелодий, а также в сказительстве. В отличие от других выдающихся знатоков традиционного фольклора, именовавшихся *икэмнӣ*, *икэлэн* («певцами») [Русско-эвенкийский словарь, 1948, с. 198; Мыреева, 2004, с. 235], *нимнгакāкāн* («сказителями») [Русско-эвенкийский словарь, 1948, с. 270], у шаманов-профессионалов существовала целая система дополнительных эпитетов, отражающих качество их владения разными сферами шаманской практики, включая и песенно-музыкальную. Эвенкийские шаманы, как и в других традициях, очень часто соперничают между собой. Они должны постоянно доказывать соплеменникам свой авторитет и непревзойдённое мастерство. Шаманы профессионально знают традиционную культуру и являются хранителями многих фольклорных тайн.

Характерно, что шаманское пение и пение эвенкийских сказителей в мелодическом плане не противопоставлены друг другу. Оба типа исполнения основаны на общей системе мелодического выражения и различаются прежде всего эмоционально. Шаманское и сказительское пение эвенков консервативно не только в стилистике, но и в практике самого пения. У эвенкийских шаманов и сказителей повествование всегда содержит архаизмы, древние речевые клише и характерные припевные слова [Варламова, 1986, с. 26–32].

Реликтовым в эвенкийской культуре считается пение в состоянии «шаманской болезни» — *ираптылга*, в которое впадает будущий шаман. Подобное предшаманское интонирование — не совсем пение, это интонационная эмфаза. Среди простых эвенков такое звуковое и кинематическое поведение называется «сумасшествием». Психоделическое интонирование является начальным этапом сонорного выражения будущего шамана. Это состояние характеризуется непроизвольной фонацией в состоянии транса. Напев заболевшего «шаманской болезнью» претендента, по мнению носителей культуры, нельзя назвать песней, он имеет своё наименование: *яя-яян* или *jaja-jajan* [Василевич, 1969, с. 224; Сравнительный словарь..., 1975, с. 338]. Когда шаман получал право на использование бубна, он сохранял способность петь мелодию, пришедшую к нему в психоделическом трансе. Такой тип пения — *яя* — всегда производит большое эмоциональное впечатление, тем не менее, у опытного шамана его можно услышать только в кульминационные моменты камлания.

Примером психоделического «пения» можно считать инцидент на современном празднике *икэнипкэ* в с. Иенгра, который удалось наблюдать одному из авторов статьи. Молодой эвенк (по просьбе родственников его фамилия и имя не указаны) выпил рюмочку спиртного (чего обычно, зная о своей предрасположенности, старался не делать), и опьянение вызвало у него «шаманскую болезнь». Юноша впал в беспамятство и начал «петь». Он сидел перед своей палаткой, скрестив ноги, закрыв глаза и непроизвольно раскачивался из стороны в сторону. Родственники просили не подходить к нему и не трогать его. Между тем, голос заболевшего эвенка громко звучал над поляной: его «пение» больше походило на стон или плач и состояло из одного горького напева-выдоха. Это продолжалось относительно долго; постепенно «пение» стало стихать, молодой человек начал успокаиваться. Затем к нему подошёл родственник, тронул за плечо, и тот словно очнулся. Жена и родственники помогли парню перебраться в палатку, где он тихо заснул [ПМШ, 1995]. Пение людей, находящихся в состоянии «шаманской болезни», всегда определялось исследователями как иррациональный процесс интонирования, однако в этом случае мелодия шамана содержала характерные признаки типового напева нюкжинско-иенгринских эвенков.

Среди собственно шаманских форм пения следует выделить шаманский клич, называемый *эривун*. В некоторых случаях этот тип интонирования встречается в самом начале камлания. Он имеет свою тоновую организацию, которая выражается сигнальными зовами и «запевами», представляющими обращение шамана к миру духов перед вселением в него духа-покровителя. В *эривуне* ритм и мелодия задаются особым запевом, который неоднократно повторяется как припев. В качестве примера можно привести нотный образец, записанный Е.И. Титовым [1936, с. 140 и 214]. Активизация возгласов и мобильности шамана на начальных этапах камлания подтверждается нотировкой чуйского напева в записи И.М. Суслова, в котором исполнитель ведёт разговор с «душой тайменя» [Эвальд и др., 1932, с. 584].

Во второй половине XX в. обрядовое интонирование эвенков изменилось. Прежде всего это коснулось перехода шамана от психоделического пения *яя* к структурно оформленным и чётким песенным клише *эривун*, а также к пению без сопровождения. Шаманы чаще всего пели без главного инструмента — бубна (бубны профессиональных шаманов были у них отняты и до сих пор пылятся в музейных запасниках). Несколько подобных «песен» записал А.М. Айзенштадт [1995]. Примером обрядового интонирования без сопровождения бубна является шаманское пение, сохранившееся у западных (североенисейских) эвенков. В первом напеве, записанном от

Исполнитель И.А. Лазарев

А.С. Воронина из пос. Тура, мелодия состоит из двух протяжных предложений, которые представляют собой «текучую» структуру и постоянно изменяются по ритму и в тоновом отношении. Такой тип интонирования явно сохраняет традицию шаманского пения *яя* [Айзенштадт, 1995, № 113, с. 217]. Во втором образце, записанном от среднеенисейского эвенка К.А. Миронова из пос. Куюмба на р. Подкаменная Тунгуска, наоборот, возгласное начало реализуется в пении краткой мелодической формулы [Айзенштадт, 1995, № 114, с. 218]. «Шаманский призыв» состоит из чередующихся мелодических сегментов в виде акцентированного и кантиленного интонирования.

Примером шаманского пения с мелодией структурно оформленной, но звучащей без бубна, является камлание, посвящённое излечиванию дочери, исполненное И.А. Лазаревым — профессиональным шаманом из рода Кэптукэ (амурские эвенки), отцом составителя тома Г.И. Варламовой. Мелодия строится на четырёхступенной бесполутоновой ладовой ячейке в диапазоне квинты, ритмическое развитие основано на семисложнике, который то расширяется за счёт дробления долей до девяти слогонот, то сжимается до четырёх. Напев в приводимом примере сохраняет ритмическую чёткость и ладовую формульность (нотный пример 1).

Типичен шаманский клич *эривун* в исполнении олёкминского эвенка П.Е. Николаева из с. Тяня на р. Чара (нотный пример 2). Шаман, чтобы подчеркнуть стилистику клича, пользовался песенным припевом — *гоокай*. Запев обнаруживает интонационное родство с мелодиями круговых танцев: четырёхдольная ритмическая пульсация подчёркивает ярко очерченную в диапазоне пентахорда нисходящую мелодическую формулу. Он исполняется без бубна и предполагает ансамблево-хоровую втору помощника и участников шаманского обряда. Сольное исполнение камлания объясняется условиями записи: если бы присутствовали помощники шамана, то втора возникла бы реально. Признаки нормативного камлания проявляются только при публичном исполнении. Так, во время выступления на территории эвенкийского традиционного комплекса «Бакалдын» этот же шаман пел в сопровождении бубна, пританцовывал, и ему подпевали зем-

ляки. На этот раз шаманское пение П.Е. Николаева звучало в значительно более быстром темпе и в более высокой тональности, приближаясь к возгласному интонированию.

Собственно шаманский напев у эвенков называется *дзарин-дзарим* [Сравнительный словарь..., 1975, с. 228, 252, 324; 1977, с. 135, 338]. В историческом плане эвенкийский термин *дзарин* связан на востоке с нанайским, орочским и ульчским термином, означающим песню; *дзарин-дзарим* имеют право исполнять только профессиональные шаманы, прошедшие обряд посвящения. Мелодические образцы названных напевов зафиксированы в музыковедческих исследованиях Е.Н. Широкогоровой [Shirokogoroff, 1924, № 32, 36, с. 119], И.М. Суслова [Эвальд и др., 1932, с. 584], А.М. Айзенштадта [1995, № 115, с. 219; № 117 с. 65, 220].

Важный признак нормативного камлания зрелого шамана — гетерофонное подпевание ему со сдвигом по времени — *дзаричин-дзаривка*. Принцип хорового повтора заложен уже в самом названии шаманской песни *дзарин*, которое происходит от основы *дза* — «подпевать, подражать в пении». Термин объясняет специфику шаманской песни, которую начинает петь не сам шаман, а его дух-покровитель. Шаман как будто повторяет «песню духа», которая слышна только ему. Таким образом, хоровая втора участников камлания имеет цель усилить воздействие шамана на духов и является необходимым признаком ритуального шаманского пения. На многоголосную фактуру такого пения, состоящего из запева шамана и вторы присутствующих, впервые обратил внимание И.М. Суслов. В своих нотных записях он передал эту особенность в виде канона, который сопровождается партией бубна. Нужно сказать, что нотировка И.М. Суслова придала эвенкийскому обрядовому напеву чуждые ему черты европейской композиторской музыки. Эту рукопись впервые опубликовал А.М. Айзенштадт [1995, с. 271–282].

По структуре *дзаричин-дзаривка* имеет аналогию с респонсорным принципом пения в круговых танцах. Исследование этого вопроса показало наличие нескольких разных типов фактуры хоровой вторы и её структурного соотношения с запевом шамана. В нотировках шаманских обрядов, выполненных И.М. Сусловым, можно обнаружить хоровые вторы с признаками куплетности, антифонности, рондальности и даже канонической имитации [Айзенштадт, 1995, с. 271–282]. Структурные признаки хоровой вторы во многом зависят от профессиональных возможностей шамана-музыканта и стабильности аудитории, которая ему подпевает. Если аудитория постоянна, подпевающие знают песни шамана и слаженно ему вторят. Если аудитория случайна, возможны неточности при повторе слов,

в мелодии, ритмические сбои и т.д. В незнакомой шаману аудитории фактура получается гетерофонной, а в подготовленной она близка к унисону.

Другой признак нормативного камлания — сопровождение его звуками шаманского бубна. В структурно-типологическом отношении эвенкийский бубен относится к центрально-сибирскому типу и родствен бубнам саха, долган, нганасан, тундровых энцев и ненцев. На северо-востоке Сибири он встречается у верхоянских и индигиро-колымских эвенов, а на юго-востоке — у верхнеамгунских негидальцев. Центрально-сибирский тип бубна начал формироваться в обрядовой практике северных тунгусов (эвенков и эвенов) и приобрел окончательную форму под влиянием самодийцев (нганасан, энцев и ненцев) и северных тюрков (саха и долган). Он может быть представлен двумя разновидностями: восточной и западной. Бубен восточной разновидности после обряда «оживления» (точнее одухотворения) олицетворял ритуальное животное (оленя или коня) и в дальнейшем считался живым помощником шамана. Каждый из шаманских ритуальных предметов, согласно мировоззрению эвенков, «жил» вместе с шаманом. От состояния подобных вещей, «друзей шамана», зависело его благополучие и даже жизнь. Такой бубен выявлен почти во всех группах эвенков; он имеет одинаковую форму и название *унгтувун-уӈтувун*, происходящее от основы *унг-~уӈ-* [Сравнительный словарь..., 1977, с. 279—280], которое буквально можно перевести как «громко звучащий предмет». У северобайкальских и витимо-олёкминских эвенков его именуют *нямнганки-нэ́мӈааӈкии* — от основы *нимӈака* («рассказывать сказку») [Сравнительный словарь..., 1975, с. 594]. Для сравнения: у саха и долган такой тип бубна считается основным и называется *дюнгюр-дяӈяр*. Западная разновидность бубна — с рисунками на поверхности — встречается у западных и южных групп эвенков, хотя более характерна для самодийцев.

Овальная форма эвенкийского бубна создаёт необычную акустику, которую И.М. Суслов отобразил в своей записи в виде аккорда из трёх звуков, расположенных в кварту и квинту (соль-ре-соль) [Айзенштадт 1995, с. 271—282]. В некоторых обрядах эвенкийский шаман поручал играть на бубне помощнику, а сам продолжал камлание с помощью жезла с позвонками (*тыевун*). Звучание позвонков — *конголда-коӈолда*, закреплённых не только на бубне, но и на одежде шамана, охраняло его во время путешествий в иные миры. Полное камлание шамана со всеми атрибутами называлось *дэвдзэкин*. У енисейских, алдано-зейских и маньчжурских эвенков этот обряд получил название *нимнганивка* [Василевич, 1958, с. 293].

Одним из базовых сонорных источников эвенкийской обрядовой мелодики являются звукоподражания и сигналы оленеводов. Система олене-

водческих сигналов имеет общее название *энгтэвкакэл* (*энгтэвун* — «подражать голосу оленя» [КФЭ, 1986; ПМШ, 1995]; *энгти* — «хорканье» [Сравнительный словарь..., 1977, с. 457]). Подтверждение значимости этих мелодических «эмбрионов» в культуре — напев из камлания енисейского эвенка И.К. Каплина. В этом обряде, по свидетельству А.М. Айзенштадта, «шаман превращается в двухгодовалого оленя; он кричит по-оленьему, бегает и гоняет важенок» [Айзенштадт, 1995, с. 64]. Первый напев И.К. Каплина «не отличается какой-либо подчёркнутой изобразительностью» [там же], и в нём отсутствует натуралистическое звукоподражание хорканью оленя (нотный пример 5). Второй же представляет случай песенного преобразования звукоподражательных сигналов в мелодию: напеву предшествуют сигналы-подражания голосу гагары (*ка-ка-ка-ка, ка-ка-у*). Собственно напев, имеющий четырёхстопную ямбическую структуру, разворачивается в четырёхступенном бесполутоновом звукоряде в объёме квинты; его мелодике свойственна нормативность, подчёркнутая выдержанной структурой респонсорной вторы (нотный пример 6). В этой шаманской мелодии заметно влияние мужских оленеводческих сигналов и песен каюра [там же, с. 175—176].

Для музыковедческого понимания эвенкийского камлания важна запись шаманского обряда Матрёны Петровны Кульбертиновой, которую выполнила в 1990 г. Н.Н. Николаева. По мнению собирателя, «музыка обряда состояла из трёх соразмерных блоков: каждый новый раздел строился на собственном интонационном материале» [Николаева, 2000, с. 58]. Камлание содержит несколько мелодий, чередование которых в последовательности, заданной обрядом, создаёт специфическую композицию. М.П. Кульбертинова на фоне разговоров участников камлания открывает обряд возгласной мелодией *у-о-о-хой, о-о-хай* и далее *гоо-хай*, что напоминает имитацию *эривуна*, исполненную П.Е. Николаевым из с. Тяня. После этих возгласов шаманке вторят её помощники, и она играет на бубне (нотный пример 3).

Музыковедческий анализ крупного ритуального произведения показал, что шаман-исполнитель М.П. Кульбертинова, пользуясь несколькими мелодическими формулами, создала масштабную музыкальную композицию. В построении камлания, как и у нганасан (см. исследование камлания О.Э. Добжанской [2002], которая впервые в сибирской этномузыкологии расшифровала звуковой текст камлания от начала до конца), можно отметить принцип асимметричной рондальной композиции. Звучание бубна М.П. Кульбертиновой не подтверждает аккордовую акустику звучания, отмеченную И.М. Сусловым в эвенкийских камланиях, но принцип сочета-

ния голоса и бубна позволяет говорить о важной — эталонирующей — функции этого инструмента в ладотональной организации песенных мелодий. Дальнейшая работа над этим уникальным памятником фольклорной культуры позволит более детально выявить особенности шаманского интонирования у эвенков.

На протяжении камлания М.П. Кульбертинова неоднократно имитирует голоса дятла, кукушки, кулика и лебедя, которые являются шаманскими «хранителями и стражами». А во время «священного подъёма в мир духов» шаманка «следует за полётом огромной, невидимой взору мифической птицы *кыыран*, которая указывает ей путь в Угу-Буга (Верхний мир)» [Николаева, 2000, с. 58]. В целом звукоподражания, как сонорные элементы, архаизирующие интонационную структуру обряда, являлись сегментирующим средством и стали применяться в качестве сигналов, оповещающих о прибытии духов-помощников в образе птицы или зверя. Характерно, что наиболее популярные у шаманов звукоподражания сове, кукушке, журавлю, стерху и т.п. табуировались во внеобрядовом применении самими шаманами. Их использование запрещалось, а активные шаманисты (участники шаманской практики) старались избегать их в детских играх и лирических песнях. Более того, в рамках ритуала создавались специфические, сугубо шаманские имитации голосов птицы или зверя, которые отличались от нешаманских.

Для эвенков характерно участие в окончании шаманского обряда всех присутствующих. Все участники заключительной части камлания имели право надеть плащ шамана и поиграть на бубне, они «сопровождали» духов шамана в места их обитания [Мазин, 1984, с. 86–87]. Во время таких миникамланий шаманисты на непродолжительное время становились «шаманами». Они произносили значимые для себя короткие заклинания, которые, звуча из уст людей, одетых в шаманский костюм, приобретали форму магического «заказа». Они увеличивали силу самого шамана и укрепляли веру в его сверхъестественные возможности. Таким образом, обрядовая деятельность эвенкийского шамана не изолирована от участия в ней соплеменников: они обслуживают обряд, выполняют просьбы шамана по ходу камлания, изготавливают ритуальные атрибуты. Благодаря непосредственному участию в камлании родственники шамана, помощники и другие присутствующие защищены шаманом и его духами. Люди, подпевающие шаману во время камлания и «играющие» с ритуальными атрибутами после него, участвуют в создании парашаманистической фольклорной традиции, которая является необходимой частью профессиональной практики.

***

Жанр кругового танца эвенков относится к мистериальной музыке, сочетающей сольное и хоровое пение с кинематикой и поэтической импровизацией. Общий для песенной и танцевальной музыки термин *икэн* дополняют названия кругового танца в разных локальных традициях эвенков: *ёхэрьё, хэдзэ, одзор, эхэкэн, гэсугор* и др. Все эти названия произошли из танцевальных возгласов и припевов, используемых в качестве тембровых слов. По мнению А.М. Айзенштадта, «каждый род, как свидетельствует об этом большинство опрошенных эвенков, использует в качестве излюбленного восклицания лишь два-три (а иногда и одно) из этих слов. Это наводит на мысль, что они могли быть связаны с какими-то особыми родовыми признаками, ныне забытыми, например, с названиями местности, криками родовых (тотемных) животных или птиц» [Айзенштадт, 1995, с. 33]. Разумеется, эта идея требует серьёзного лингвистического и фольклористического исследования, но может быть принята в качестве одного из способов априорной систематизации хороводных напевов.

В одной из первых заметок о бытовании кругового танца у туруханских эвенков А. Мордвинов пишет: «Мужчины и женщины, взявшись за руки, попарно или как случится, становятся в круг, в центре которого утверждают палку, и начинают тихо кружиться то в одну, то в другую сторону, переставляя или правую ногу за левую или наоборот и припевая дружно, в такт ударам ног: *ехор-ё-ехор-ё, чех, чех, ехор-ё* или *хай-канхачу*» [Мордвинов, 1860, ч. 28, № 2, с. 35–36]. Название кругового танца *йохарьйо*, распространённого у западных эвенков, вероятно, возникло из тембровых слов *йохарьйо-йохарьйо* [Сравнительный словарь..., 1975, с. 356].

Позднее Е.И. Титов отмечает круговой танец у северобайкальских эвенков и описывает его: «Вечерами молодёжь, сцепившись руками, плечо в плечо движется в круговых плясках и поёт в один голос музыкальную фразу, замкнутую в определённую словесную форму — в слово без смысла...» Мотивы сменяют друг друга, люди ритмично приседают, выставляя вперёд ноги, азарт нарастает, в круг вовлекаются всё новые и новые участники, и пляска превращается в радение» [Титов, 1936, с. 163]. Е.И. Титов осуществил записи, а затем и опубликовал нотные строчки «из круговых танцев» [там же, № 25, 26, с. 190–191, 214]. Почти одновременно с Е.И. Титовым варианты круговых мелодий енисейских эвенков записал И.М. Суслов, обозначив их припевными словами *йохарьйо-йохарьйо* [Эвальд, т. 3, 1932, с. 584].

Мелодии круговых песен-плясок с хоровым припевом *икэл-икэл* и *йохарьйо-йохарьйо* весьма популярны среди эвенков западных групп. В частности, в книге А.М. Айзенштадта приведена мелодия, записанная в с. Ербогачён, с тембровыми словами *икэл-икэл* [Айзенштадт, 1995, № 55, с. 191], что характерно для енисейских эвенков. Её отличает нисходящее ангемитонное мелодическое движение, в котором угадывается сольно-хоровой принцип с запевом в верхней части звукоряда и хоровым припевом в нижней, она исполняется в умеренном темпе. В целом же данный тип мелодии, сочетающий олиготонику и хазматонику, характерен для нескольких круговых танцев с разными тембровыми словами, о чём будет сказано ниже.

Припев *йохарьйо-йохарьйо* более популярен, чем *икэл-икэл*, он распространён на широкой этнической территории. Более того, термин *йохарьйо* становится общим названием для всех танцевальных мелодий у эвенков западных групп, даже для круговых песне-танцев, в которых используются другие тембровые слова или вообще нет припева. В качестве примера можно привести танец, исполняемый быстрым боковым шагом, записанный у североенисейских эвенков. Запевала — известная эвенкийская исполнительница Е.А. Курейская (нотный пример 13). Напев *дя-лихин-чэ хе-но* показателен для круговых танцев благодаря наличию хоровой вторы, в которой женские и мужские голоса повторяют вслед за запевалой мелодию. Напев, в основе которого лежит большетерцовая попевка, подчинён ритмике шестисложника (четыре коротких и два долгих слога), интонационное варьирование эпизодически расширяет диапазон мелодии до квинты — в пятой строке напева, где происходит восходящее движение от терцового тона. Голоса вторящих гетерофонно расслаиваются, в то же время нотная запись вторы несколько упрощена по сравнению с реальным звучанием «кластера». Из-за отсутствия многоканальной записи деление голосов на отдельные партии в нотировке показать не удалось.

Танцы *йохарьйо* имеют несколько мелодических типов, наиболее устойчивым среди них является кварто-квинтовый. Специфический мелодический тип *йохарьйо-йохарьйо*, основа которого представляет собой трихорд в квинте **e—a—h** с преобладанием восходящих квинтовых и нисходящих квартовых попевок (характерных, соответственно, для начала и окончания мелодической строки), впервые был отмечен у северобайкальских эвенков Е.И. Титовым [1936, № 25, 26, с. 214], а спустя полвека подтверждён А.М. Айзенштадтом (напевы северобайкальских эвенков М.П. Урончиной и А.С. Воронина) [Айзенштадт, 1995, № 38, 39, 41, 42 с. 185—188]. Близкий к северобайкальскому типу хоровой напев *йохарьйо-*

йохарьйо записан у баунтовских, подкаменно-тунгусских и нижнетунгусских эвенков. Но в этих группах названные тембровые слова уже сочетаются с более чёткой семисложной ритмической строкой (шесть коротких слогов и один долгий) либо шестисложной строкой, составленной из повторённых трёхсложных сегментов *йохарьйо-йохарьйо* (два коротких слога и один долгий) [Айзенштадт, 1995, № 13, с. 178; № 28, с. 183; № 44, с. 188; № 62, с. 193; № 66, 67, с. 195–196].

Обратимся к примерам *йохорьйо*, публикуемым в данном томе. Нотный пример 22 представляет круговую песню-танец *ёкарьё-ёкарьё* в исполнении Е.Н. Курбалтуновой из с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. Ладовую структуру рассматриваемого примера песни-танца можно назвать «подвижной олиготоникой», так как мелодия первой строки основана на **c–d–e**, вторая начинается дихордом **d–f**, затем перемещается выше: **es–f–ges**, в третьей строке дихорд **es–ges** закрепляется. Учитывая то, что звукоряд не только смещается вверх, но и эволюционирует (в первой строке – поступенное движение в диапазоне терции, а в третьей строке – уже дихорд в диапазоне терции), ладовую систему напева, который сопровождает танец, можно отнести к мобильной организации, называемой «раскрывающийся лад» [Алексеев, 1976]. Ритмическая формула относительно стабильна и основана на равномерном семисложнике с остановкой на последнем слоге. *Ёхарьё-ёхарьё* в исполнении Нины Гильдеевой (нотный пример 23) в ритмическом отношении организован как двенадцатисложная мелодическая строка, состоящая из трех анапестов (а) и одного ямбохорея (в) в последовательности: а–а–в–а. Мелодия имеет необычную ладовую структуру: пентахорд с низкой второй ступенью и с субквинтой. Песенная структура *ёхор-ёхор* П.Н. Копчиленок (нотный пример 24) представляет собой четырнадцатисложную строку, состоящую из двух равновременных отрезков (восемь плюс шесть слогов). Первая часть – олиготонное движение мелодии в верхнем регистре **b–c–des** (с текстом *ёхор-ёхор-ёхор-ёхор*), вторая часть – хазматоническое движение мелодии в нижней регистровой зоне (контрастные ритмические длительности отражают деление текста на короткие и долгие слоги: *ёхор-хэй-ёхор-я*).

Две импровизированные строки *йокор-йокор*, исполненные А.Г. Ядренцевой из пос. Куюмба (нотный пример 25), предположительно, можно отнести к призывным голосовым манифестациям, которые звучали перед началом строго ритмизированного танцевального *йохора*.

Мелодика обрядового танца *икэл-икэл* и *йохорьйо-йохорьйо* сопоставима с песенными импровизациями *ан-аан-аавун* енисейских эвенков, к которым относятся локальные группы, кочевавшие по рекам Нижняя

Тунгуска, Подкаменная Тунгуска и Сым с их притоками. Установлено, что лирические песенные импровизации по мелодическим нормам не только не противоречат обрядовым круговым танцам, а наоборот, органично входят в систему локальных хороводных традиций. Межжанровые мелодические связи не ограничиваются отношениями «обряд—лирика». В эвенкийской культуре особое синтезирующее значение имеет эпическое начало, которое, в свою очередь, указывает на особые взаимоотношения с другими этническими традициями (енисейскими, самодийскими, тюркскими, монгольскими и палеоазиатскими) [Айзенштадт, Шейкин, 1990, с. 119; Sheykin, 2001, с. 76—77].

В некоторых случаях мелодические реликты эвенкийской культуры позволяют установить генетические связи с хороводной практикой других народов Центральной Сибири. В частности, существует предположение, что именно обрядовые танцы, отраженные в петроглифике Верхней Лены и Прибайкалья, явились одним из источников фольклорной традиции эвенков и окружающих их этносов [Дугаров, 1991, с. 116; Шейкин, 2001, с. 48—57]. Танцевальная специфика эвенкийского *ехэрье* и бурятского *ёхор-яхорьё* (*johor-jahorjo*) имеет существенные различия, но в мелодическом плане они исторически связаны. Отличительный припев *ехэрь* у эвенков и соответствующие ему мелодические «эмбрионы» являются структурообразующим тембровым припевом рондальной, куплетной, гетерофонной и респонсорной форм. Аналогичный танец у эвенов с названием *дзэхэрьэ* (*ћеherje*), состоящий из трёх разделов, зафиксирован и описан М.Я. Жорницкой [1966, с. 79—81].

На другом конце «тунгусского мира», у амуро-охотских эвенков, наибольшее распространение получил круговой танец *хэдьо-хэдзэ-хэдзэв-хэдзэнэк-сэдзэ* (*heeће-heћew-heeћenek-seeће*) [Айзенштадт, 1995, с. 31—33, 35; Сравнительный словарь..., 1977, с. 361; Фольклор..., 1971, с. 14; КФЭ, 1987; ПМШ, 1995]. Впервые круговой танец *хэдзэ* в естественных условиях наблюдал А.Ф. Миддендорф у охотских эвенков на р. Тугур: «Сначала образовался маленький кружок вперемежку из мужчин и женщин, в том числе и совершенных старух, как попало, без заметного влияния половых отношений. Схватились за руки и началась безыскусственная пляска, заключавшаяся в передвижении ног в сторону. Вскоре, однако же, круговая пляска стала оживляться, движения обратились в прыжки и скачки, всё тело покачивалось... В заключении всех обуяло бешенство» [Миддендорф, 1878, с. 708].

В композиции хороводной песни восточных эвенков, сопровождающейся ритмичными возгласами-напевами и кинематикой, можно выде-

лить несколько разделов. Начиналась пляска с медленного покачивания стоящих на одном месте танцоров. Далее следовало умеренное переступание боковым шагом по солнцу (самая длительная часть танца). Заканчивался хоровод быстрым движением с прыжками то вправо, то влево.

По традиции начало танца исполняется очень медленно. Оно представляет собой хоровую гетерофонию, в которой каждый из голосов произносит «свою партию» в произвольном ритме. В таком сочетании произвольных мелодических линий важную роль играет сам факт одновременного пения. К сожалению, этот раздел не записывался в ансамблевом исполнении: его краткость, фактурная хаотичность, возможно, воспринимались исследователями как недостойный внимания материал. В наши дни исполнители только рассказывали об этом приёме, но реально исполнить его не смогли [ПМШ, 1995].

Следующий раздел хоровода достаточно традиционен, и в музыкальном отношении он отражён более полно. Музыкальная структура *хэдзэ* — сольный запев, который сопровождается второй всех участников. Записанные мелодии хороводного танца можно разделить на два типа: возгласный и кантиленный, они исполняются в разном темпе и отмечены в разных группах амуро-охотских эвенков. Возгласный (более архаичный) тип мелодического движения, основанный на хазматоническом акцентировании двусложных сегментов, которые группируются в мелодическую формулу из восьми тонов, сохранился у удских и усть-майских эвенков [Айзенштадт, 1995, № 18, 22; Кондратьев, 1963, № 42, 45].

Вероятно, аналогичная мелодическая формула используется в *хэдзэ* аяно-майских эвенков, кинематика которого описана М.Я. Жорницкой: «Для этого танца характерно чёткое отстукивание пятками... Из-за такта танцующие чуть приподнимаются на полупальцы правой ноги. На первую восьмую делают шаг с ударом левой ногой влево, одновременно ударяют и пяткой правой ноги о пол, чуть сгибая колени; опущенные и соединённые ладонями руки проводят вперёд. На вторую восьмую приподнимаются на полупальцы левой ноги и, скользя носком по полу, правую ногу приставляют к левой. На третью восьмую с ударом опускают обе пятки, чуть пружиня колени, руки опускают вниз. Четвёртая восьмая — пауза» [Жорницкая, 1966, с. 92]. Кинематический цикл соответствует произнесению тембрового слова *хэдзэ* и на протяжении мелодической формулы повторяется четыре раза. Не исключено, что хоровая втора в умеренном разделе также соответствовала четырёхкратному повтору кинем, хотя оптимальному размеру вторы соответствовали две кинемы. Вероятно, в быстрых разделах хоровода

размер мелодической формулы сокращался вдвое, и мелодическое развитие соответствовало парной системе кинематического цикла.

Показателен в ритмическом отношении представленный в издании запев кругового танца *хадьо* в исполнении В.П. Слепцовой (нотный пример 35). В отличие от восьмисложных строк *хэдзэ*, рассмотренных выше, ритмическая структура данной песни-танца сформирована семисложным запевом, который состоит из тембрового слова, образующего название танца: *ха-дьо-ха-дьо-ха-дьо-дьо*. Демонстрационный напев исполнен речитативом, которому соответствует четырёхзвучная ладовая структура: **a—h—cis—d**. Запев — это парный период, с остановкой мелодии на тоне **h** в первом сегменте, на тоне **a** — во втором. Период вопросно-ответной структуры состоит из двух строк а и в, которые различаются ритмическим и звуковысотным окончаниями. Втора, которая подразумевается в хоровом исполнении, будет повторять каждую из строк, в результате чего образуется структура аа—вв.

В кантиленном варианте исполнения *хэдзэ* усиливается «песенное» начало и сольный запев может состоять из двух, четырёх поэтических строк [Айзенштадт, 1995, № 14; Кондратьев, 1963, № 41, 43, 44]. У селемжинских эвенков мелодический запев включает несколько стихотворных строк и соответствует куплету. По структуре это парная мелострока, где запевный стих и припев поются на идентичные мелодии), в ладовом отношении она представляет собой олиготонику с распевами в конце каждого шестисложника. Аналогичные мелодии, но с некоторыми отличиями в ритмоформулах (чередование дактиля и спондея или дианапеста и дипиррихия) выявлены в круговых танцах усть-майских эвенков. Контуры этих напевов соответствуют речитативным мелодиям, но отличаются большей акцентностью в произнесении распеваемых слов.

Респонсорная форма второго раздела ограничивает участников жёсткостью ритма и метра, а звуковысотные тоны хоровых ответов (втор) часто располагаются по принципу хаотической гетерофонии. Вторящие не стремятся к повтору мелодии, им важно принять участие в общем «выкрике». Мелодии «ответов» высотно нерегламентированы, и каждый исполнитель вторит в удобном для себя темброрегистре, в результате чего образуется спонтанный шумовой кластер, а в конце танца, в связи с нарастанием темпа, втора преобразуется в своего рода «экстаз выкрика». Многомикрофонная запись могла бы прояснить некоторые особенности этих кластеров, но, к сожалению, такая запись не производилась. Описанный принцип заметно усиливается при переходе к быстрой части, которая основана на кратких возгласных мелодических формулах из четырёх (в заключительной час-

ти даже из двух) слогов. Кроме того, в конце темп танца стремительный, а запев накладывается на втору — такое «подстёгивание» хоровой вторы приводит к упрощению мелодического движения и даже к переходу его на выкрики кратких тембровых слов.

В целом, *хэдзэ* — это круговой танец, распространённый во всем северо-восточном регионе Сибири и Дальнего Востока, основной обрядовый танец у эвенков и эвенов. Исследователи указывают на традиционные связи хоровода с несколькими обрядами и праздниками у эвенов [Жорницкая, 1966, 74—82; Попова, 1967, с. 178—179]. У негидальцев и ороков *хэдзе* (*hedzje*) является наиболее отчётливым реликтом северотунгусского музыкального фольклора и также связан с обрядово-праздничными традициями [Сравнительный словарь..., 1977, с. 361]. Сравнительный анализ мелодических норм позволяет утверждать, что *хэдзэ* амуро-охотских эвенков не выпадает из общей системы возгласного пения традиционных мелодий этого танца. Он входит в огромный ареал распространения *хэдзэ*, охватывающий колымско-камчатский, амуро-охотский и аяно-майский регионы Северо-Восточной Сибири.

В сравнении с западными группами в структуре мелодий круговых танцев амуро-охотских эвенков лучше сохранилась архаика интонирования [Шейкин, 2002, с. 4—7]. Это наблюдение подтверждают записи образцов в олиготонике, часто свойственной архаичным пластам музыкального фольклора, у амурских, нельканских, ниранских и торомских носителей традиционной культуры. В мелодике амуро-охотских эвенков связи с остальными регионами расселения эвенков будто прерываются, а единичные образцы олиготонических песен-речитативов, зафиксированные в северобайкальском, витимо-олёкминском и алдано-зейском регионах, только подтверждают их архаические особенности. Аналогов таким песенным мелодиям у енисейских эвенков уже не найти.

У эвенкийского *хэдзэ* на западе региона есть родственный круговой танец с названием *одзор-одзорай*, а также его редуцированный вариант *дэрёдэ* [Сравнительный словарь..., 1977, с. 361]. Танцевать начинают, стоя на одном месте и покачиваясь. Затем танцующие медленно переступают с ноги на ногу, также покачиваясь из стороны в сторону. Этот медленный танец бытует у енисейских, северобайкальских, витимо-олёкминских и алдано-зейских эвенков, у последних он выделился в особый хоровод, называемый *дзэлэндэ* и *манчера*. М.Я. Жорницкая заметила существенные различия в восточном варианте танца и выделила две его разновидности, обозначив их по запеву *дэрё-дэрё-дэрё-дэс* и *мончо-мончо-мончоракан* [Жорницкая, 1966, с. 89—91], причем у учурских и тимптонских эвенков (алдано-зей-

ская группа) этот танец, как и *хэдзэ*, основан на приставном шаге. «На первую восьмую танцующие делают шаг влево левой ногой <...> На вторую восьмую правую ногу приставляют к левой ноге...» [Жорницкая, 1966, с. 90]. К концу танца темп исполнения нарастает.

Описанные движения танца являются типовыми и для *одзор-одзорай*, но в отличие от восточных вариантов, которые ограничиваются медленной частью, у юго-западных групп эвенков танец *одзор-одзорай* является основным (т.е. отсутствует альтернативный быстрый вариант танца типа *хэдзэ*), в связи с чем его кинематика и мелодика построены на эволюции от медленного к быстрому. Более того, анализ мелодики *одзор-одзорай* у северобайкальских и витимо-олёкминских эвенков выявляет её связь, прежде всего, с кантиленами лирических песен. Танцевальная мелодия *одзора-одёра-дёра* впервые опубликована в «Сибирской советской энциклопедии» [Эвальд и др., 1932, № 5, с. 584]. Варианты этого напева (*дэрёдэ*) приведены М.Я. Жорницкой [1966, с. 88—91] и А.М. Айзенштадтом [1995, № 11, с. 177; № 16, с. 179; № 40, с. 187]. Необходимо подчеркнуть ценность нотных записей в монографии М.Я. Жорницкой, выполненных Э.Е. Алексеевым: исследователь сделал попытку нотировать хоровой припев, показав некоторые элементы не только звуковысотной, но и ритмической гетерофонии.

В упомянутых опубликованных кантиленных *одзора-одёра-дёра* обращает на себя внимание кварто-квинтовая основа напева. Подобную ладовую организацию обнаруживают и северобайкальские песенные мелодии *хаан-хавун-хагавун*, крупная коллекция которых собрана А.М. Айзенштадтом [1995, № 128, с. 225; № 131, с. 227; № 143, с. 232; № 144, с. 233; № 166, с. 246—247]. Сравнительный анализ вариантов *одзора-одёра* у витимо-олёкминских, северобайкальских и енисейских эвенков позволяет предположить, что вероятным «географическим» центром распространения этого танца является северобайкальский регион.

Круговой танец *осорай* связан с танцами *эгэлэй-оголай* и распространён среди енисейских, витимо-олёкминских и алдано-зейских эвенков [Эвенкийско-русский словарь, 1958, с. 328]. По данным М.Г. Воскобойникова, его могли петь только «пожилые женщины и мужчины» [Воскобойников, 1960б, с. 250]. Кинематика *осорай* изучена недостаточно. Имеющиеся в нашем распоряжении видеозаписи танцев эвенков из с. Иенгра [ПМШ, 1995] показывают, что в большинстве своём участники хоровода пользуются простым приставным шагом или же перекрестным, как в якутском *осуохае*. Данный танец имеет достаточно ясные исторические связи с бурятским *осоо* и якутским *осуохай* [Жорницкая, 1966]. Солист произно-

сит смысловую строку, а участники вторят ему устойчивыми тембровыми словами *осорай-осорай*. Шесть образцов этого танца, записанных от жителей сел Кюсть-Кемда и Холодное (олёкминская группа), нотированы А.М. Айзенштадтом [1995, № 15, с. 179; № 25, с. 182; № 35, с. 184–185; № 179, с. 254; № 127, с. 224]. Эти напевы отличает олиготоническая основа, к которой иногда добавляется субтерция или субкварта. Записаны и примеры использования припева *осорай-осорай* (который чередуется с *дягиел-дягиел*) [Воскобойников, 1960б, с. 276]. Судя по нотным записям, круговой танец с тембровыми словами *осорай-осорай* исполнялся в умеренном темпе.

Новые записи, сделанные у олёкминских и алданских эвенков, позволили уточнить стилистические особенности обрядового танца *осорай*. Два напева песни-танца *осорай*, записанные от В.Р. Кузьминой из с. Чапо-Олого, представляют один типовой напев в двух вариантах, исполненных, соответственно, в более подвижном и более медленном темпе (нотные примеры 18 и 19). Танцевальной мелодии свойственна упорядоченная ритмическая и звуковысотная организация, приближённость к возгласному интонированию. Вариант П.Е. Николаева из с. Тяня имеет кварто-квинтовую звуковысотную основу и шаговый ритм пения. Тембровые слова *осо̄рай-осо̄рай* — это уже песенный припев, который поют все участники танца, в то время как запев исполняется солистом (нотный пример 21). Образец кругового танца записан от группы эвенков с. Иенгра (запевает Т.Е. Кирилова), в нём продемонстрирована техника респонсорного интонирования (нотный пример 20).

Следующий круговой танец, который встречается в разных локальных группах (енисейской, витимо-олёкминской и алдано-зейской), — *эгэлэй*. Этот танец основывается на шаговой кинематике (основной боковой шаг с приставленной ногой), он имеет рондальный припев из тембровых слов, которые соответствуют названию *эгэлэй* или близки ему по фонетике: *эгэлэй-эгэдэй-экэкэн-эгэгэй*. Они интерпретируются как звукоподражание крику филина, который является одним из родовых тотемов эвенков [Сборник..., 1936, с. 142; Туголуков, 1969, с. 113; Эвенкийско-русский словарь, 1958, с. 552, 571]. Кинематика танца мало исследована, по существу, её описание только намечено [Нилов, 2001, с. 55]. Можно предположить, что в традиционном виде танец включал подражательные кинемы, а в его основе были наиболее общие формы танцевального движения с боковым приставным шагом в направлении «по солнцу». Четыре мелодии танца *эгэлэй* записаны А.М. Айзенштадтом у енисейских, витимо-олёкминских и алдано-зейских эвенков [Айзенштадт, 1995, № 23, с. 181; № 24, с. 182;

№ 46, с. 189; № 53, с. 190]. На основании имеющихся материалов его можно локально связать с витимо-олёкминской группой эвенков (исполнители А.П. Авелова (Сынгылаева) в с. Кюсть-Кемда, Е.Н. Курбантулова в с. Чапо-Олого).

Напевы круговых танцев *эгэлэй, эгэдэй* и т.п. родственны группе мелодий с тембровым припевом *оголай, огодэй*. Иногда исполнители считают их сопровождением одного танца, где всего лишь меняются гласные *э* и *о* в тембровых словах. Первый образец мелодии танца *огокай* был опубликован в «Советской сибирской энциклопедии» [Эвальд и др., 1932, с. 585], позднее четыре других песенных варианта представил А.М. Айзенштадт [1995, № 10, с. 177; № 11а, с. 177; № 47, с. 189; № 50, с. 190]. Танец зафиксирован у подкаменно-тунгусских, тунгокоченских, кюсть-кемдинских эвенков.

Саха-бурятские связи эвенкийских хороводов *осорай, эгэлэй* и *оголай* указывают на то, что этот жанр наиболее развит у витимо-олёкминских эвенков. Территория расселения этой группы расположена между Бурятией и Якутией (её представители издревле живут на реках Амалат, Каренга, Калар, Нюкжа, Токко, Тяня, Чара и др.). Обрядово-танцевальная мелодика здесь имеет интонационные связи с лирическими песнями и напевами *хаган-хэгэвун*. А.М. Айзенштадт собрал коллекцию лирических мелодий витимо-олёкминских эвенков [Айзенштадт, 1995, № 126, с. 223—224; № 153, с. 237; № 156, с. 239]. Приведённые примеры содержат очевидные аналогии с мелодиями танца *эгэдэй* и песенными мелодиями северобайкальских эвенков.

Подвижный круговой танец *гэсугор-гэсигор-гэсугур* наиболее популярен у алдано-зейских эвенков, но встречается и у витимо-олёкминских, и даже у енисейских [Айзенштадт, 1995, № 29, с. 183; № 68, с. 196]. Тембровые припевы в танце: *гасагай-гасагай* или *гэсэм-гэсэм-гэсэсэм* — часто используются в качестве ритмического каркаса напева. Название тембрового распева произошло от глагола *гэсэ* («собираться вместе») [Сравнительный словарь..., 1975, с. 182]. В опубликованных текстах *гэсугора* прослеживаются традиционные поэтические клише, что свидетельствует об устойчивом ритме стиха [Фольклор..., 1971, с. 28, 44]. По данным А.М. Айзенштадта, *гэсигор-гэсугэр* относится к мужским танцам [Айзенштадт, 1995, с. 33], что в наших полевых исследованиях не подтвердилось [КФЭ, 1986; Материалы Шейкина, 1996; ПМШ, 1992, 1995].

Первую попытку описать кинематику *гэсугора* (по крайней мере, его восточного варианта) предприняла М.Я. Жорницкая [1966, с. 93]. Алданский эвенк П.Е. Марфусалов продемонстрировал для одного из авторов

статьи традиционную кинематику танца. Это дважды перекрестный шаг с прыжками: правая нога заносится за левую то впереди, то сзади, левая нога (при переносе тяжести на правую) становится «идущей», и танцор делает прыжок в направлении «по солнцу». Во время прыжка то левая, то правая нога эффектно выбрасываются вперед [КФЭ, 1986]. Это движение оказалось сложным для других участников танца, и при его групповом показе они предпочли делать одинарный перекрестный шаг, представляющий собой только занос правой ноги назад и движение левой. Этот же упрощённый вариант танцевального шага, базовый для якутского *осуохая,* исполняли жители с. Иенгра, более того, некоторые из них вообще отказывались от перекрестного шага и просто прыгали с ноги на ногу, то влево, то вправо, с постепенным продвижением «по солнцу» за счёт разницы длины прыжков [ПМШ, 1995].

А.М. Айзенштадт сделал нотные записи сольных мелодий кругового танца *гэсугор-гэсигор-гэсугур-гэсугэр* у алдано-зейских, витимо-олёкминских и енисейских эвенков. Судя по приведённым в публикации ремаркам «не спеша» и «умеренно», песенное исполнение этих мелодий скрыло главный признак этого танца — подвижный темп [Айзенштадт, 1995, № 27, с. 182; № 29, с. 183; № 48, с. 189; № 49, с. 189].

Благодаря полевым исследованиям представление об этом обрядовом танце значительно расширилось. Количество локальных вариантов его названия увеличилось: *гэсугэ-гэсугэр-гасугур-гасугор-госугор-госунго-гасунгоо-гасунга-гачигор-гэсэм* (нотные примеры 26—34). Песенные интерпретации круговой пляски исполнили олёкминские эвенкийки А.П. Авелова (нотный пример 28), П.И. Габышева (нотный пример 27) и А.В. Иванова (нотный пример 26). Эти три примера песенного исполнения *гэсугор* объединяет трёхступенная ладовая организация, квадратность метрики (четырёхдольная метрическая структура), повторяющаяся в мелодических фразах ритмическая формула анапеста, которая отражает структуру слова *гэсугор* с ударением-остановкой на последнем слоге. Следует отметить, что олёкминский *гэсугор,* записанный от А.П. Авеловой и В.Р. Кузьминой через двадцать лет после экспедиции А.М. Айзенштадта [КФЭ, 1986, № 840], мелодически почти не изменился, но его темп стал более быстрым и добавилась танцевальная «отрывистость».

Сольные мужские варианты *гэсигора* записаны от олёкминца П.Е. Николаева (нотный пример 33) и алданца Д.П. Пудова (нотный пример 32). Нужно сказать, что исполненный П.Е. Николаевым вариант *гэсугур* (нотный пример 33) по структуре выразительных средств примыкает к проанализированным выше образцам *гэсугор* в женском исполнении, отлича-

ясь только более развёрнутым звукорядом (к верхнему устою мелодии присоединяется орнаментирующий звук, лежащий на секунду выше). *Гачигор* Д.П. Пудова (нотный пример 32) также отличается от проанализированных образцов только ладовой организацией (трёхзвучная олиготоника в диапазоне большой терции с субквартой). Другой алданский исполнитель П.Е. Марфусалов исполнял танец *гачигор* в движении и со вторами приехавших эвенков, т.е. максимально близко к оригиналу (нотный пример 31). Данный образец отличает постоянно ускоряющийся темп (что соответствует характеру исполнения танца), причём запевала начинает новую строку, не дожидаясь окончания вторы, «наступая на пятки» вторящим. Ритмическая структура образца аналогична проанализированным выше женским *гэсугор*. Ладовая организация напева в целом родственна мелодии Д.П. Пудова (в основе — олиготоника с субтерцией), хотя и более разнообразна в микроальтерационных вариантах ступеней, а расширение объема звукоряда до квинты **c—e—f—g**, как кажется, образовано путем «эмансипации» субтерции в самостоятельный тон, заканчивающий каждую строку.

Наиболее аутентично круговой танец представила группа носителей традиции из с. Иенгра. Во время обряда *икэнипкэ* танец *госунго* исполнялся дважды, в обоих случаях запевалой была У.Т. Максимова (нотные примеры 29 и 30). Данные примеры показательны особой ритмической организацией, характерной для музыки эвенков. Гибкий ритмический рисунок обусловлен своеобразным сочетанием четырёхдольности и трёхдольности: каждая метрическая доля четырёхдольного такта содержит синкопированную триольную ритмоформулу, которая сообщает «биению» танцевального пульса особое изящество. И снова приходится сожалеть об отсутствии многомикрофонной записи, без которой невозможно отразить в нотах все детали цветистой гетерофонии женских голосов, вторящих исполнительнице.

Как показывает анализ, в круговых танцах *гэсугор* типологически разнятся напевы: 1) в олиготонике с субтерцией/субквартой; 2) основанные на тонах натурального строя и перекликающиеся с мелодиями «оленных труб»; 3) распевные, со сменой ритмических стоп и орнаментаций тонов.

Гэсигор, имея очень широкую географию распространения, тем не менее, наиболее органично связан с песенной мелодикой алдано-зейских эвенков (орочонов). У эвенков этой группы сложились мелодические типы, которые вошли не только в сопровождение круговых танцев, но и в песни-импровизации *хэгэн-хогэн*. Песни-импровизации, записанные от Е.Т. Дмитриевой (нотный пример 56) и Т.Е. Кириловой (нотный при-

мер 57) из с. Иенгра, убедительно доказывают, что обряд, как одна из наиболее строгих форм этнического поведения, оказал основополагающее влияние на формирование норм эвенкийского пения: мелодика опирается на олиготонические и натуральные звукоряды, в ритмике используются формулы, близкие хороводным. Аналогичное влияние обрядового пения, связанного с традиционной кинематикой кругового танца, можно услышать в песнях Д.П. Пудова, восхваляющего р. Алдан (нотный пример 42) и Д.П. Никитиной, поющей о Барчикане (нотный пример 47). Оно проявляется в общей ладовой основе напевов (олиготонный бесполутоновый звукоряд в диапазоне большой терции, в песне о р. Алдан расширенный за счет субтерции и единичного b в первой строке). Танцевальная четырёхдольная ритмика прослеживается в песне о Барчикане.

Умеренный круговой танец *дэвэй-дэвэйдэ-дэвэк-дэвэк*, исполняемый в шаговом стиле и имеющий рондальную, песенно-куплетную и респонсорную формы, известен у витимо-олёкминских и алдано-зейских эвенков [Варламова, 2002, с. 155—156; Сравнительный словарь..., 1975, с. 228; Фольклор..., 1971, с. 28, 44—45; Эвенкийско-русский словарь, 1958, с. 132; КФЭ, 1986; ПМШ, 1995]. Скорее всего, танец *дэвэй-дэвэйдэ* в реликтовой традиции был преимущественно мужским (т.е. запевы танца исполняли мужчины) [Айзенштадт, 1995, с. 33], хотя в приводимых исследователем примерах имеется и образец детского исполнения. Танец *дэвэйдэ* составлял своеобразную пару с другим шаговым танцем — *осорай*.

В аналитическом отношении важно принять во внимание нотный материал, опубликованный А.М. Айзенштадтом [1995, № 11, с. 177—178; № 19, с. 180; № 26, с. 182; № 32, с. 184; № 36, с. 185; № 58, с. 192; № 60, с. 193]. Зафиксированные им напевы содержат три типа мелодических формул: 1) двухсегментная (два анапеста у полигусских эвенков, трибрахий и анапест у тунгокоченских эвенков); 2) трёхсегментная; 3) четырехсегментная из двух полустрок.

Материал, собранный в экспедициях последних лет, позволяет уточнить некоторые особенности пения в этом наиболее популярном у олёкминских и алдано-зейских эвенков танце. Группа исполнителей из с. Иенгра исполнила три варианта танца: в первом *дэвэ-дэвэ* запевает У.Т. Максимова-Мухачан (нотный пример 14), во втором — Т.Е. Кирилова (нотный пример 15), в третьем варианте — Е.Т. Дмитриева (нотный пример 16). Восьмисложная срока запева в исполнении У.Т. Максимовой-Мухачан основана на распетом ямбе. В ладовом отношении и запев, и втора представляют олиготонику с субквартой, с распевом на конечном тоне. Мелодия песни-танца в исполнении Е.Т. Дмитриевой *дэвэ-дэвэ-дэвэль-дэе*

по структуре аналогична предыдущей. Четырёхстопная ямбическая структура запевной строки и вторы у Т.Е. Кириловой подчинена тексту, который состоит из четырёх маркирующих слов: *дэвэ-дэвэ-дэвэ-дэя*. В ладовом отношении мелодия представляет собой трихорд с субтерцией. В приведённых нотациях ансамблевого исполнения песне-танца втора показана схематично: в нотных примерах 14 и 15 почти как унисон, в нотном примере 16 — как синхронная кластерная гетерофония. Реальное звучание этого «хора» гораздо богаче.

Параллелизм существования в культуре витимо-олёкминских и алдано-зейских эвенков шаговых танцев *дэвэйдэ* и *осорай* подтверждается аудиозаписями последних десятилетий. Так, от В.Р. Кузьминой (с. Чапо-Олого на р. Чара) записано два напева танца *осорай* (нотные примеры 18 и 19) и песня про этот танец (нотный пример 51). Песенную интерпретацию двух круговых песне-плясок *дэвэйдэ и осорай* представила олёкминская эвенкийка П.И. Габышева (нотный пример 17), объединив их в общую мелодическую линию, состоящую из начального восходящего квинтового скачка с последующим нисходящим заполнением. Ритмическое отождествление запевных слов *дэвэйдэ и осорай* оказалось возможным на основе их переосмысления в анапестовую ритмическую структуру, становящуюся основой напева. Как особый вариант запевных слов отметим интерпретацию этого танца алданским эвенком Д.П. Пудовым: *дарё-дарэда-дэвэдэй* [КФЭ, 1986].

В исполнении некоторых хороводов, по данным А.М. Айзенштадта, была очень важна роль женщин, особенно он выделял озвученный женскими голосами танец *дзалиэр-дзэлин-эндэ* [Айзенштадт, 1995, с. 33]. Наши полевые материалы [КФЭ, 1986; Материалы Шейкина, 1996; ПМШ, 1995] подтверждают эти наблюдения: во время праздника *икэнипкэ* у эвенков Иенгры данный танец исполняли только женщины. Их движения напоминали изгибы тела с кручением суставов в женских танцах *млавев* у коряков и *тихгть-чехгуч-тыгынд-тыихгдь* у нивхов. Столь дальние связи в кинематике хоровода имеют историческое дополнение в виде пиктограмм эпохи неолита, изображающих изогнутые фигурки танцовщиц [Шейкин, 2002, с. 342—345]. Но в отличие от палеоазиатских аналогов *дзалиэр* исполняется в респонсорной форме, а его композиция сохраняет обрядовое единство с другими круговыми танцами. В целом название этого жанра, основанного на кинемах с изгибами тела, «ломанием» и «кручением» суставов рук, ног и туловища, произошло от смысловой основы *дзалан* («сустав») [Василевич, 1958, с. 147], что позволяет перевести его как «кручение» или «разминку» суставов, корпуса, конечностей стоящих в кругу участников

[Варламова, 2002, с. 156; Туголуков, 1969, с. 130; Эвенкийско-русский словарь, 1958, с. 114; КФЭ, 1986; ПМШ, 1995]. У северобайкальских и витимо-олёкминских эвенков в качестве припева в этом танце используются слова *дзалиэр-дзалила-дзалёль-дзалин-генде-делинде-делин-эндэ*.

Эвенкийский *дзэлиэр* имеет ещё одно название, которое связано с припевными словами *манчера-манчера* и *манчоор-манчоор* [ПМШ, 1995]. Танец с таким вариантом припева и с запевом, соответственно, *мончо-мончо-мончоракан* записала М.Я. Жорницкая в Тимптонском (Иенгринском) р-не. Она отметила, что танец называется *мончоракан*, исполняется на 2/4, «порывисто, стремительно, с резкими прыжками и низкими приседаниями» [Жорницкая, 1966, с. 91]. Слова *манчера-мончера-манчоор*, вероятно, являются вариантами одного наименования, которое связано со словом *манчаарэ-малчёёр* — название травы осоки или ситника [Сравнительный словарь..., 1975, с. 529]. Возможно, это указание на обычай исполнять танец, не держась за руки, а стоя раздельно, размахивая пучками трав, подобно тому, как это делали в некруговых женских танцах коряки и нивхи [Жорницкая, 1983, с. 102; Карабанова, 1979]. М.Я. Жорницкая установила связь *мончоракан* с медленным танцем учурских эвенков, который, в свою очередь, родствен рассмотренным выше северобайкальским и витимо-олёкминским *одзора-одёра-дёра* [Жорницкая, 1966, с. 88—91]. Мелодии танца, основанного на «ломании» корпуса и «кручении» суставов, зафиксированы у тунгокоченских (*дели-эндэ*) и кюсть-кемдинских (*дялиэр-дялиэр*) эвенков витимо-олёкминской группы [Айзенштадт, 1995, № 126, с. 178; № 17, с. 180].

Полевые исследования одного из авторов статьи зафиксировали практику бытования женских песне-танцев у олёкминских эвенков. В частности, в исполнении П.Е. Николаева мелодия *дялехинчэ* содержит распевы ритмических долей, что делает её удобной для пения стоя, с ритмичным покачиванием (нотный пример 12). Отметим женское ансамблевое исполнение *манчоор-манчоор* жительницами с. Иенгра, в котором запевает А.Н. Енохова-Нюрмага (нотный пример 40), а также сольное исполнение *манчоор-манчоор* П.И. Габышевой (Сынгылаевой) (нотный пример 39). В данных образцах представлены протяжные варианты мелодий. Несмотря на разницу в ладовой организации (квинтовый ангемитонный тетрахорд в мелодии А.Н. Еноховой-Нюрмага и олиготоника с субквартой в мелодии П.И. Габышевой) и ритмической пульсации (соответственно четырёхдольной и трёхдольной), родство напевов медленного танца очевидно благодаря сохранению в них основного признака — распевного покачивания. В целом, фольклорная практика танца *манчоор-манчоор*, выявленная у группы не-

рюнгринских эвенков, среди которых запевает А.Н. Енохова-Нюрмага, сохранила реликтовые черты. Переходным от олёкминских вариантов к алданскому является *дялер-дялер-мальчор-мальчор*, исполненный А.П. Авеловой (нотный пример 41). Отметим, что парной тембровой лексемой избрана последовательность *мальчор-мальчор*, которая, как отмечалось, имела первоначальную связь с танцевально-песенной мелодикой и практикой *хэдзэ* и *одёра*. Мелодия танца у этой исполнительницы имеет родство с мелодией *алгавка* (нотный пример 7) и представляет кварто-секундовое опевание опорного тона. Полевые записи позволили уточнить особенности бытования *дзалёр-дзалёр* у алданских эвенков: Д.П. Пудов исполнил мелодию танца в умеренном «шаговом» темпе [ПМШ, 1995]. Таким образом, женские танцы, основанные на кинемах кручения и ломания корпуса, были характерны для нерюнгринских, учурских, северобайкальских, витимо-олёкминских, алданских эвенков.

В обрядовых местах эвенков можно увидеть петроглифы, изображающие женские фигуры, изгибающиеся в танцевальных движениях. Подобная кинематика более характерна для индивидуальных танцев, но у эвенков она имеет коллективную традицию. Вполне возможно, что хороводный вариант исполнения таких танцев сложился именно у тунгусов-оленеводов (предков эвенов и эвенков). Петроглифы в виде стоящих в ряд изгибающихся человечков, найденные у д. Шишкино (верховье р. Лены, Иркутская обл.), на Средней Лене, в Верхнем и Нижнем Приамурье, на Ангаре, Байкале и в других местах [Окладников, Запорожская, 1959, 1972], подтверждают это предположение. Таким образом, практику интонирования круговых песне-танцев у эвенков можно причислить к реликтовым явлениям тунгусской культуры.

* * *

Обрядовая практика эвенков содержит норму речитативно-декламационного интонирования, промежуточную между пением и говорением. Речитативность как свойство музыкально-интонационной архаики не имеет строгих жанровых ассоциаций, что в полной мере относится и к реалиям эвенкийской культуры. Речитативность представлена в обрядовых жанрах *имты*, *улгани*, *алга* и *хира*. Они могли исполняться по-разному, с использованием различных форм говорения (шёпотом, «в голос», восклицание), декламации (скороговорка, ритмическая речь, тонированная речь, темброизменённая речь и т.п.) и пения (в речитативной, песенной, гимнической манере). По наблюдению Е.И. Титова, «песни благодаря обязательному речитативному напеву имеют более или менее строгую метричность,

часто воспроизводящую рисунок наших ямбов. В песенной строчке можно наблюдать «краесогласие». Рифмуются и концы, и начала слов, созвучия располагаются свободно» [Титов, 1936, с. 163].

Декламация была типична для считалок *тангивка* (от основы *таң* — «считать») [Сравнительный словарь..., 1977, с. 161; КФЭ, 1986]. В наши дни подлинные *тангивка* стали большой редкостью. Они интонировались скоростной, равномерной или ритмически организованной речью, но при желании исполнитель мог демонстрировать их в речитативной форме, как это сделал алданский эвенк Д.П. Пудов, который «вернул в жизнь» речитативную считалку из традиционного повествования «Орель» (нотный пример № 10).

Мелодия считалки интонируется в олиготонике **gis—a—h**, представляющей чередование преимущественно двух тонов, и балансирует на грани между декламацией и собственно речитативом. Но высокая песенная позиция и медленный темп произнесения выделяют данную мелодию среди обычных песенных импровизаций Д.П. Пудова. После каждой смысловой строки исполнитель произносит тембровый текст — дважды повторённую последовательность пяти ритмических звуков-слогов *о-рель-да-о-рель*. Здесь можно говорить о стабилизации именно «считалочного» ритма, на который будет интонироваться весь текст, включая вставные тембровые строки после каждой смысловой строки (смысловые строки в считалке чётные, тембровые — нечётные).

Необходимо упомянуть мелодическое соответствие между считалкой в исполнении Д.П. Пудова и напевом верхового оленя из эпического сказания «Иркисмондя-богатырь», записанного от Николая Гермогеновича Трофимова [Эвенкийские героические сказания, 1990, нотный пример № 12 на с. 103, грампластинка, сторона 1, № 3]. Совпадение мелодики можно объяснить контактами алданских эвенков с эвенками рода Бута (к которому принадлежал Н.Г. Трофимов), кочевавших в том числе по притокам Алдана. Не исключено, что Д.П. Пудов мог использовать для считалки «Орель» напев из слышанного им когда-то эпического сказания.

В фольклоре охотских эвенков встречается ещё один речитативный жанр, представленный термином *хирэ-хиргэчин-хиргэчэн-hиргэчэн*, обозначающим молитвенный текст (благопожелание, заклинание). Это название произошло от основы *hирэ-* или *сирэ-*, *hиругэ-* («молиться, благословлять») [Сравнительный словарь... 1977, с. 327] и связано с древнемонг. *hiru'er* («благая молитва») [Кэптукэ-Варламова, 1996, с. 114—116]. В большинстве южных локальных групп эвенков упомянутый жанр обозначен термином *алга-алгавка*. Вероятно, он проник в лексику эвенков от древних тюрков в

форме *alqis* («хвала», «молитвенное обращение к духам») [Древнетюркский словарь, 1969, с. 38; Сравнительный словарь..., 1975, с. 30]. Распространению этого термина, разумеется, серьёзно способствовала масштабная традиция *алгыса* в фольклоре саха. *Хирэ* или *алга* — это обращение к духам-хозяевам рек, горных перевалов, тайги и огня с целью получить помощь в промысле, улучшить свою судьбу и пожелание благополучия себе и своим родственникам. Чаще всего произведения этого жанра произносятся в речевой фонации.

Благопожелания могут звучать как в речевой, так и в песенной форме, это зависит от профессиональной склонности носителя фольклорной традиции. В качестве примеров можно привести песенные *алга* в исполнении алданского эвенка Д.П. Пудова, олёкминской эвенкийки А.П. Авеловой и охотской эвенкийки М.К. Васильевой (нотные примеры 7—9). Для понимания избирательного принципа в мелосе эвенкийских *алга* полезно сравнить обрядовые *алга* и необрядовые песни *хэган* одного и того же исполнителя.

Алга Д.П. Пудова — песенная молитва, обращённая к духам, имеет полную аналогию с песенной импровизацией *хэган*, названной им по-русски «застольная песня» (нотные примеры 8 и 43). Возможно, жанровое значение последней требует уточнения. Между тем, эти напевы можно назвать вариантами. Их мелодическое родство не вызывает сомнения. Главное различие между ними — эмоциональный тонус, в котором они исполнены, а также разная звуковысотная позиция, которая придаёт «низкой» *алга* потаённость, а «высокой» *хэган* большую открытость и публичность.

Свою мелодию песенной молитвы, обращённой к духам, довольно выразительно исполнила А.П. Авелова. Рассматриваемый тип мелодии встречается именно в её песенном «словаре», но это не единственная песенная мелодия исполнительницы. А.П. Авелова хорошо осознаёт отличия этой мелодии от других, сочетаемых ею с лирическими и танцевальными текстами (нотные примеры 7, 44, 45). Во всех примерах применён приём опевания опорного тона внутри кварты. Таким образом, напев этого типа используется в различных жанрах — от молитвенного обращения к духам до лирических импровизаций *хэган*. Характерно, что мелодия имеет связи с песнями енисейских эвенков, поэтому вполне уместно её сопоставление с напевами, записанными А.М. Айзенштадтом [1995, № 82, с. 202; № 92, с. 206; № 119, с. 220; № 123, с. 222; № 127, с. 224; № 146, с. 234].

В тексте третьего *алга*, записанного от М.К. Васильевой из с. Тором, благословляются праздничный стол и гости за столом. Мелодии собственно *алга* и *огэн* (лирической импровизации о любви) у этой исполнительницы

практически не отличаются. Олиготоника как универсальная норма песенной практики охотских эвенков служит ладовой основой обоих напевов. Более того, они очень похожи по мелодической формуле и даже интонируются в одном регистре (нотные примеры 9 и 54). Этот пример мелодической близости показывает особый принцип жанровой «вибрации», когда происходит полное стирание грани между мелодией обрядовой *алга* и лирической *огэн*.

Песенная импровизация М.К. Васильевой, в которой восхваляется и благословляется стол, накрытый для гостей, показательна для понимания специфики обрядового мышления эвенков. То, что данная импровизация интонировалась на типовой для этой исполнительницы напев и лишь некоторыми сонорными штрихами (вокализацией наподобие *кылысах*) подчеркивалось обрядовое назначение мелодии, весьма показательно. В мелодической формуле использовалось речитативное интонирование, поэтому изменения в напеве происходили только для координации его с текстом. Для понимания обрядовых «штрихов» в интонационно-акустической культуре эвенков необходимо рассмотреть этот вопрос на более широком материале.

Профессиональные шаманы исполняли *хирэ* и *алга* обязательно в песенной форме, а простые охотники, которые произносили подобные тексты по необходимости и фрагментарно, их просто проговаривали. Более того, текст в условиях торжественного произнесения мог приобретать гимнический статус, и в этих условиях он уже не просто речитировался, но пелся в особом регистре, а в некоторых случаях и в особой тембровой звукоподаче. Технику такой звукоподачи можно определить непосредственно при изучении пения шаманов во время камлания.

Благопожелания *хирэ* и *алга* входили в песенные тексты в качестве составной части и способствовали формированию песенной традиции. Кроме них существовали заклинательные тексты, произносимые шаманом с целью проклятия — *нунгур* (исторически связано с древнемонг. *nigul* («грех»)) [Сравнительный словарь..., 1975, с. 589]. В традиционной культуре такие тексты всегда произносились речитативом, для их озвучивания шаманы пользовались своими специальными напевами [Материалы Шейкина, 1993б; ПМШ, 1995].

К системе ранних форм религиозного мышления относятся мелодизированные охотничьи заклинания, которые исполняются носителями культурной традиции и не являются шаманскими ритуалами. С помощью напеваемых заклинаний охотник надеется получить промысловую удачу. Традиционность подобного «охотничьего заклинания» у тунгусских наро-

дов А.М. Айзенштадт подтвердил публикацией «охотничьей заклички», которая относится к жанровой традиции *алга* енисейских эвенков [Айзенштадт, 1995, № 2, 3, с. 175]. Для понимания мелодического контекста охотничьей заклички, основанной на возгласных интонациях, в результате специального исследования была выявлена целая коллекция напевов соответствующего мелодического типа [Айзенштадт, 1995, № 3, с. 175; № 76, с. 199; № 129, с. 226; № 154, с. 237–238]. Среди песенных вариантов этой «охотничьей заклички» в опубликованных А.М. Айзенштадтом материалах можно выделить разные по жанру мелодии: колыбельную (из Кюсть-Кемды), воспевание р. Каренги (у тунгокоченских эвенков), «застольную» песню (у селемджинских эвенков), песню-загадку и личный напев (у северобайкальских эвенков). Все мелодии, несмотря на различный вербальный и функциональный контекст, можно отнести к одному мелодическому типу, который характеризуется олигохазматоническими звукорядами (олиготоника с субквартой, тетрахорд в сексте), а также интонациями, основанными на ярких квартовых восходяще-нисходящих ходах. Краткий текст *алга*, состоящий из эвфемизмов, в котором соединяются слово и действие без самооценки и художественного отступления, видимо, весьма архаичен. Таким образом, можно представить эвенкийские *алга* не как заимствованный у соседних саха *алгыс*, а как автохтонный реликт, который в процессе своего развития сближался с обрядовой традицией северного тюркского народа.

Песенные жанры в фольклоре эвенков составляют основу интонационно-акустической культуры. Практически все фольклорные жанры так или иначе связаны с песенной практикой.

Песенное интонирование эвенков имеет свою типологию и выстраивается от таких основополагающих и общих понятий как звук, голос, напев. Звук, в том числе и музыкальный звук, у эвенков обозначается словом *ии-иг-ишу*. Это понятие возникло из тембровых звуков в пении и означает «звучать» [Сравнительный словарь..., 1975, с. 293–294; Эвенкийско-русский словарь, 1958, с. 157]. От этой основы произошёл и основной термин, обозначающий песенную культуру эвенков — *икэн-икэвун* («вокальная музыка»). В некоторых случаях термин *икэн* конкретизирует такие понятия, как «песне-танец» и даже «стих, стихотворение» [Сравнительный словарь..., 1975, с. 301; ПМШ, 1995]. В целом *икэн*, если сравнивать содержательный смысл этого понятия с термином *хэган* (об этом и других родственных вариантах слова см. ниже), целесообразно трактовать скорее как устойчивое явление, чем спонтанное, сиюминутное. Следовательно, его понимание в контексте песенной культуры можно считать вполне уместным.

Основа *ии-иг-* входит в слова *икэвкэ* и *икэнипкэ*, которые обозначают совершенно различные сферы фольклора. В частности, *икэвкэ-икээвкээ* характеризует песенные разделы в эпических и сказочных текстах [Айзенштадт, Шейкин, 1990; Сравнительный словарь..., 1975, с. 301]. Термин же *икэнипкэ* (букв. «праздник песни»), отмеченный Г.М. Василевич у алданозейских эвенков, обозначает праздник, посвящённый священному оленю и сопровождаемый исполнением разных по жанру песен [Василевич, 1969, с. 239]. Первоначально «праздник песни» — это весеннее камлание шамана, предполагающее песенное поведение всех участников празднества. Шаман выполнял функцию руководителя и организатора различных круговых песне-плясок, а также соревнования певцов в индивидуальном пении [Василевич, 1969, с. 239; Сравнительный словарь..., 1975, с. 301; ПМШ, 1995].

Для понимания специфики песенной культуры эвенков большое значение имеет понятие *дилган*, которое существует не только у эвенков, но и у солонов и негидальцев и, кроме прочих значений, характеризует «голос в пении» [Сравнительный словарь..., 1975, с. 206; Материалы Шейкина, 1997; ПМШ, 1995]. Аналогичный термин известен у других тунгусо-маньчжурских этносов: удэ (*дзага-дзаган*), ороков и ульчей (*дзилдзан*) — он переводится как «напев» или «мелодия». Характерно, что *джилган*, родственный термин, существующий у маньчжуров, уже означает «тон в музыке», а *джилган мудан* — «напев песни» [Захаров, 1875, с. 988; Словарь..., 2000, с. 95].

Песня с традиционно понимаемой структурой напева и стиха, содержащая обширный нарратив (песня-поэма), по нашему мнению, является заимствованной [КФЭ, 1989; Воскобойников, 1973, с. 9]. Она называется *давлавун*, т.е. обозначена термином, заимствованным из древнемонгольской лексики (*дагун-дауун* — «песня»). В тунгусо-маньчжурской традиции аналогичная песня есть у негидальцев — *дахавка*, чаще понимаемая как «песня шамана» [Сравнительный словарь..., 1975, с. 186; КФЭ, 1986] (см. в этом же ряду аналогий у эвенков понятие *дэвэй*). Структурообразующим фактором в таких песнях является основной запев, состоящий из тембровых слов.

Отдельный жанр представляет колыбельное пение — *эмкуттэвун*, в нём выделяется особый рефрен с повторяющимися тембровыми словами или сонорный приём в виде языково-губной вибрации [КФЭ, 1986; ПМШ, 1995].

Для напевов-импровизаций, основной формы эвенкийской песенной культуры, характерно региональное разнообразие, которое отразилось в варьировании их названий в разных локальных группах. Например, у ени-

сейских эвенков (на западе расселения этноса) напев, на который исполняется песенная импровизация, называется *ан-аан-аавун* (*an-aan-aawun*) — термин, по-видимому, производный от тембровых звуков *аа*, применяемых в пении. У северобайкальских эвенков (на юго-западе) в этом же значении употребляется вариант слова *хаан-хавун-хагавун* (*haan-haawun-hâgawun*) и производное от него слово *агачинан* (*âgaiinan*), обозначающее обрядовый весенний песенный праздник, посвящённый священному оленю [Сравнительный словарь..., 1977, с. 308]. У витимо-олёкминских эвенков происходит дальнейшая мутация термина «напев-мелодия»: он уже произносится *хаган-хэган-хэгэн-хэгэвун-эгэвун-hэгэн-hэгэвун* [Сравнительный словарь..., 1977, с. 308, 360; Материалы Шейкина, 1996], а варианты этого слова у алдано-зейских эвенков — *хогэн-хэгэн-хагэн-hогэн-hагэн*. Причём термин охватывает такие жанровые понятия, как песенная импровизация *hан* и песня со стиховым текстом [Сравнительный словарь..., 1977, с. 314; КФЭ, 1987, 1989]. У охотских и амурских эвенков в результате редукции термин приобретает совсем неузнаваемый облик — *ог-огэн* — и используется в строго очерченном смысловом поле со значением «напев», «мелодия» [КФЭ, 1987, 1989]. Таким образом, изменения в названии напоминают принцип «первобытной лингвистической непрерывности» С.П. Толстова [Лашук, 2001], согласно которому между енисейскими, северобайкальскими, витимо-олёкминскими, алдано-зейскими и амуро-охотскими эвенками возникает парная связь слов, обозначающих песенную импровизацию. Вся же последовательность, начиная со слова *ан* у енисейских эвенков, продолжается в виде *хан-хавун-хаган-хэгэн-хэгэвун-хогэн-огэн*, а у амуро-охотских — уже *ог*. Приведённые термины более подробно описаны в книге Ю.И. Шейкина [2002, с. 283—286]. Аналогичная мутационная связь наблюдается и в мелодическом плане. В целом же карта расселения эвенков совпадает с разделением их музыкально-фольклорной традиции на основные мелодические стили.

Песенные импровизации *ан-аан-аавун* у енисейских групп эвенков отличаются тем, что не имеют авторства и, подобно танцевальным напевам, считаются общим родовым мелодическим наследием. В песенной практике енисейских эвенков разные по типу мелодии принято определять по их принадлежности к роду, который кочевал на той или иной реке (Нижняя Тунгуска, Подкаменная Тунгуска, Сым и их притоки). Поэтому за каждой лирической мелодией закрепились локальные определения: «экондинская», «туринская», «нидымская», «торомская» (по названиям современных посёлков с компактным проживанием эвенков) [Айзенштадт, 1995, № 91, 138, 149, 157, 158, 161; Collaer, 1960, с. 146].

Мелодии енисейских эвенков репрезентируют типичные черты, характеризующие практику песенного интонирования в регионе. Это протяжные мелодии с синтезированной пентатоникой, содержащие квартовую основу. Как пример можно привести экондинскую мелодию «Плач женщины, отданной в чужую семью», которая интонируется только на тембровые слова *ягалай-ягалай* и где ладовой нормой является трихорд в кварте **e—g—a** [Айзенштадт, 1995, № 91, с. 206]. Слоговые распевы и тоновые опевания с субквартой снизу в образце песни «Козирь» [Айзенштадт, 1995, № 158, с. 241] напоминают бурятские исторические песни и *юролы*-благопожелания [Дугаров, 1980, с. 18, 109]. Аналоги этой мелодии встречаются среди мелодий *ёхора* и в уже упомянутой нами охотничьей закличке [Айзенштадт, 1995, № 3, с. 175].

«Нидымская» колыбельная, как образцовый пример североенисейской пентатоники, имеет мелодический контур, аналогичный «закличке» охотника, но в более развитой звуковысотной структуре **h—d—e—g—a** [Айзенштадт, 1995, № 72, с. 197]. Данному мелодическому типу принадлежит и другая североенисейская («туринская») песня с импровизированным текстом «Солнце закатилось...» [Айзенштадт, 1995, № 174, с. 251].

Песенная практика амуро-охотских эвенков, определяемая термином *ог-огэн*, имеет интонационные связи с мелодикой *хэдзэ*. В лирических импровизациях представители этой локальной группы сохранили реликтовую структуру пения. Образцы, записанные у сахалинских, николаевских, нельканских, удских, алгазейских, нирапских и торомских эвенков, существенно отличаются от рассмотренных выше лирических мелодий енисейских эвенков. В качестве примера можно привести песни эвенков амурского лимана, записанные В.Н. Стешенко-Куфтиной, и песни амурских и охотских эвенков, собранные А.М. Айзенштадтом [Айзенштадт, 1995, № 86, 87, с. 204; № 135, с. 229; № 150, с. 236; № 160, с. 242; Музыкальный фольклор..., 1966, с. 93—94; Стешенко-Куфтина, 1930, № 1—5, с. 88—89]. Все напевы амуро-охотских эвенков, по мнению В.Н. Стешенко-Куфтиной, основаны на «чувстве терции, как интервала... с небольшими интонационными изменениями», а «в отношении ритма мы здесь встречаем поразительную организованность, даже метрическую аккуратность. Ни у кого среди других туземцев Севера мы не наблюдаем подобной размеренности движений» [Стешенко-Куфтина, 1930, с. 89]. Действительно, для амуро-охотских напевов характерна олиготонная звуковысотная конструкция в объёме терции. Между тем, орнаментальное опевание опорных тонов в олиготоновом формате показывает чрезвычайную вариативность мелодической структуры. Доминирование в данном регионе олиготонной мелоди-

ческой организации подтверждается целым рядом записей напевов амурских, нирапских, нельканских и торомских эвенков, опубликованных А.М. Айзенштадтом. В частности, певец из с. Нелькан Н.К. Третьяков импровизирует с описательным текстом: «Весна пришла, трава зазеленела, птицы запели» [Айзенштадт, 1995, № 135, с. 229]. В следующем примере И.С. Иванов, житель с. Неран, импровизирует напев с этикетной функцией приветствия, но без смысловых слов, т.е. только на тембровый текст [Айзенштадт, 1995, № 86, 87 с. 204]. Торомский напев, в котором описываются пастушеские наблюдения («по большой мари на оленях скачу») имеет почти полную аналогию с предшествующим напевом [Айзенштадт, 1995, № 150, с. 236].

В иносказательной песне, записанной от исполнительницы из с. Удское, где звучит загадка о хвастуне: «Туда, куда идёт — паук ползёт, назад смотрит — совой обернётся», происходит орнаментальное опевание вокруг опорного тона с субтерцией [Айзенштадт, 1995, № 160, с. 242].

Богатый материал, собранный в последние годы, по-своему иллюстрирует уже отмеченные особенности мелодики амуро-охотских эвенков. Следует выделить песни-импровизации П.И. Соловьёва [КФЭ, 1989, № 20], песни-стихотворения Н.Г. Трофимова «Песня учурских эвенков» и «Под солнцем родились» [ПМ Мыреевой, № 3, 5] (нотные примеры 53, 48, 49). В этом же ключе нужно рассматривать песни-импровизации М.К. Васильевой (нотный пример 54).

Лирические песни и напевы витимо-олёкминских эвенков *хаган-хэгэвун* имеют ощутимые интонационные связи с обрядово-танцевальной мелодикой. В 1950—1960-е гг. А.М. Айзенштадт собрал коллекцию лирических мелодий этой группы эвенков [Айзенштадт, 1995, № 126, с. 223—224; № 153, с. 237; № 156, с. 239], многие из них имеют очевидное сходство с мелодиями танца *эгэдэй* и песенными мелодиями северобайкальских эвенков. Отмеченные нами интонационные связи лирических и танцевальных напевов объясняются тем, что песни «Вниз по Чаре» (№ 126, с. 223—224), «Александр-отец» (№ 156, с. 239) и «Ждут гостя» (№ 153, с. 237) исполнила А.П. Авелова (Сынгылаева), от которой записаны и родственные мелодии *эгэдэй-эгэлэй* [Айзенштадт, 1995, № 23, с. 181; № 53, с. 190].

Спустя много лет А.П. Авелова переехала в Якутию и неоднократно работала с музыкантами-фольклористами. В частности, от неё были записаны песни «Гилюй, Гилюй-матушка» и «Алдан-мать», которые представляют две разные грани песенной культуры этой исполнительницы эвенкийского фольклора. Позднее с А.П. Авеловой многократно проводились сеансы повторной записи [Материалы Шейкина, 1993а, 1997; Материалы

Шейкина и др., 1993; ПМШ, 1996]. Сопоставление этих мелодий позволяет определить нормативные колебания, которые происходят во время импровизации на свои родовые напевы (нотные примеры 45 и 46). Вариант песни «Гилюй, Гилюй-матушка» в исполнении Авеловой приводится в томе в качестве традиционной песни сватов (нотный пример 45). Представленные в нотных примерах 45 и 46 мелодические типы характерны для витимо-олёкминских эвенков. Они характеризуются парной структурой строки, гибкой восходяще-нисходящей интонацией, ладовыми нормами на основе трихорда и тетрахорда (трихорд в кварте, тетрахорд в квинте).

Исполнительница А.П. Авелова

Песни-импровизации алдано-зейских эвенков (орочонов) *хэгэн-хогэн* наиболее тесно связаны с песнями-танцами *гэсигор*: здесь сложились мелодические типы, общие для круговых танцев и песен *хэгэн*. Мелодические возможности, зафиксированные в песенной практике, тем не менее, гораздо богаче, чем в круговых танцах. Основные мелодические типы, распространённые в песнях алданских эвенков, представлены в образцах, записанных от Е.Т. Дмитриевой (нотный пример 56), Т.Е. Кириловой (нотный пример 57), Д.П. Пудова (нотный пример 42) и Д.П. Никитиной (нотный пример 47).

Первый мелодический тип — олиготоника с субтерцией — лёг в основу двух разных по тематике и ритмике песенных импровизаций (нотные примеры 57 и 42). Другой мелодический тип основан на тонах натурального строя: он показан в песенной импровизации, которая перекликается со звукоподражательными мелодиями «оленных труб» и «охотничьих заклич-чек» (нотный пример 56). Наиболее распевный мелодический тип представлен в песне с меняющейся системой ритмических стоп и орнаментаций тонов в структуре олиготоники (нотный пример 47).

Содержательное определение эвенкийского интонирования в песенных и обрядовых жанрах должно учитывать также инструментальную сферу интонационно-акустической культуры. У эвенков этот её раздел важно рассматривать с учётом локальных особенностей, которые составляют различные типы исторического единства. Поскольку инструментальная музы-

ка эвенков ещё требует специального исследования, в данной работе она не рассматривается. Начальные подходы к изучению этой обширной сферы предложены в недавней публикации Л.И. Кардашевской и Ю.И. Шейкина [2012].

* * *

В целом, мы считаем перспективным понимание особой организации эвенкийской интонационно-акустической культуры как устойчивой системы звукового поведения с определённым набором приоритетов. В данном случае нормы культуры интонирования обусловлены «слуховыми возможностями и эстетическими запросами человека» [Герцман, 1986, с. 5].

Шаманское пение и пение личностно-лирическое являются наиболее контрастными формами песенного интонирования у эвенков и различаются стилевым оформлением песен.

Шаманские песни используют респонсорную технику (запевает шаман, вторят присутствующие). Пение сопровождается игрой на бубне, что также является формообразующим фактором. Большую роль в камлании играет колокольчик, который выполняет высотно-организующую функцию «камертона». Шаман настраивается на колокольчик, а присутствующие помощники — на пение шамана. Песни камлания с фоноинструментами звучат в иной тональности и заметно отличаются от песен без сопровождения инструментов (даже у одного и того же исполнителя — П.Е. Николаева-Нгангагэр).

Респонсорный принцип присутствует также в круговых танцах. Респонсорий у эвенков не столь одноплановый, как у якутов, которые более чётко разграничивают соло и хоровую втору, и довольно часто представляет собой гетерофонию. Главное отличие танцевального пения — его чёткая ритмичность и сформированная культура интонирования всех присутствующих. Респонсорий в шаманском пении лучше организован и имеет более точную втору, чем в танцевальных жанрах. Это связано с серьёзностью и сложностью текстов, исполняемых в шаманском камлании (поэтому помощники и присутствующие иногда повторяют вслед за шаманом только припевное устойчивое слово).

По материалам полевых исследований мы можем предположить, что респонсорное пение, сходное с шаманским, присутствовало также в эпической традиции (по крайней мере, слушатели эпических сказаний повторяли слова в конце строк). К сожалению, в конце XX в. такой тип интонирования уже не был зафиксирован, возможно, по причине сложившейся практики записи эпоса в отсутствие аутентичных слушателей.

Предполагается, что камлание строилось на целой системе самостоятельных мелодических формул. В этом смысле камлание М.П. Кульбертиновой должно стать предметом специального музыкально-теоретического исследования. Приводимые нами примеры показывают, что изыскания по данной теме следует продолжать.

Форсированная эмоциональность шаманского пения эвенков характерна лишь для некоторых особых жанров. Необходимо уточнить детали искусства фольклорного пения в полевых условиях с носителями традиции. Сегодня шаманское камлание, вероятно, эволюционирует. Характерно, что один из современных шаманов Васильев-Савей* редко пользуется системой вторы, предпочитая сольные камлания.

Опубликованные А.М. Айзенштадтом нотные записи шаманских песнопений, с одной стороны, представляют традицию сольно-имитационного показа камлания (краткие образцы песен без инструментального сопровождения), с другой — нотную запись сложных полифонических канонов, которые необходимо проверить по оригиналам фонозаписей.

Ценные записи эвенкийской музыки, в том числе камланий, выполненные И.М. Сусловым, хранятся в коллекции ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Уже более века они недоступны для исследователей и до сих пор не подвергались музыковедческому анализу.

Что касается песенной культуры, то она формируется из системы традиционных личностных напевов, в которых текстовая часть либо спонтанна, либо давно заготовлена исполнителем. Современные певцы владеют тремя-четырьмя песенными формулами для своих импровизаций. Не исключено, что в традиционных условиях набор мелодических формул был более широким и разнообразным. Это можно проверить на материале, собранном в начале XX в. (записи С.М. и Е.Н. Широкогоровых, И.М. Суслова и др.). В различении стилистики напевов важно учитывать региональную традицию. В каждом регионе сложился свой набор мелодических формул, характерных для определённого жанра. Особенно это заметно у северо-восточных эвенков, мелодии которых развиваются обычно в пределах олиготоники. У читинских и южно-якутских эвенков чаще встречается ангемитоника в пределах квинты, у прибайкальских и енисейских эвенков выявлены октавные лады. Такое мелодическое разнообразие следует сопоставить с традицией пения в круговых танцах. В разных регионах эвенки сохранили фактически локальные «сюиты», составленные из набора харак-

* Эвенкийский шаман Савелий Васильев (Савей) скончался в период подготовки данного тома к печати. — *Примеч. ред.*

терных для данной местности танцевальных мелодий. Причём в некоторых случаях можно говорить о типологических различиях как в кинематике танца, так и в технологии пения.

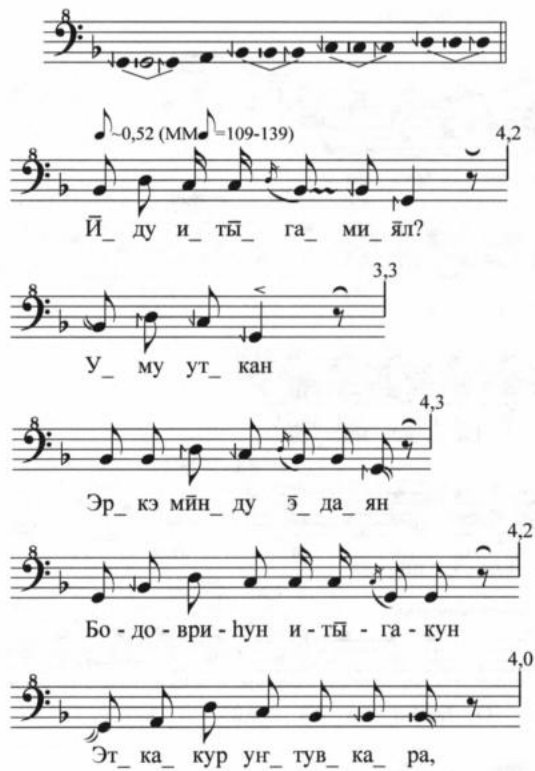
Авторы убеждены, что необходимо продолжить исследования в данном направлении. Изучение фактически ещё не объяснённой культуры одного из самых широкорасселённых по территории Сибири народов, по сути, только начато. Актуальным видится написание специализированной монографии, посвящённой интонационной характеристике эвенкийской культуры.

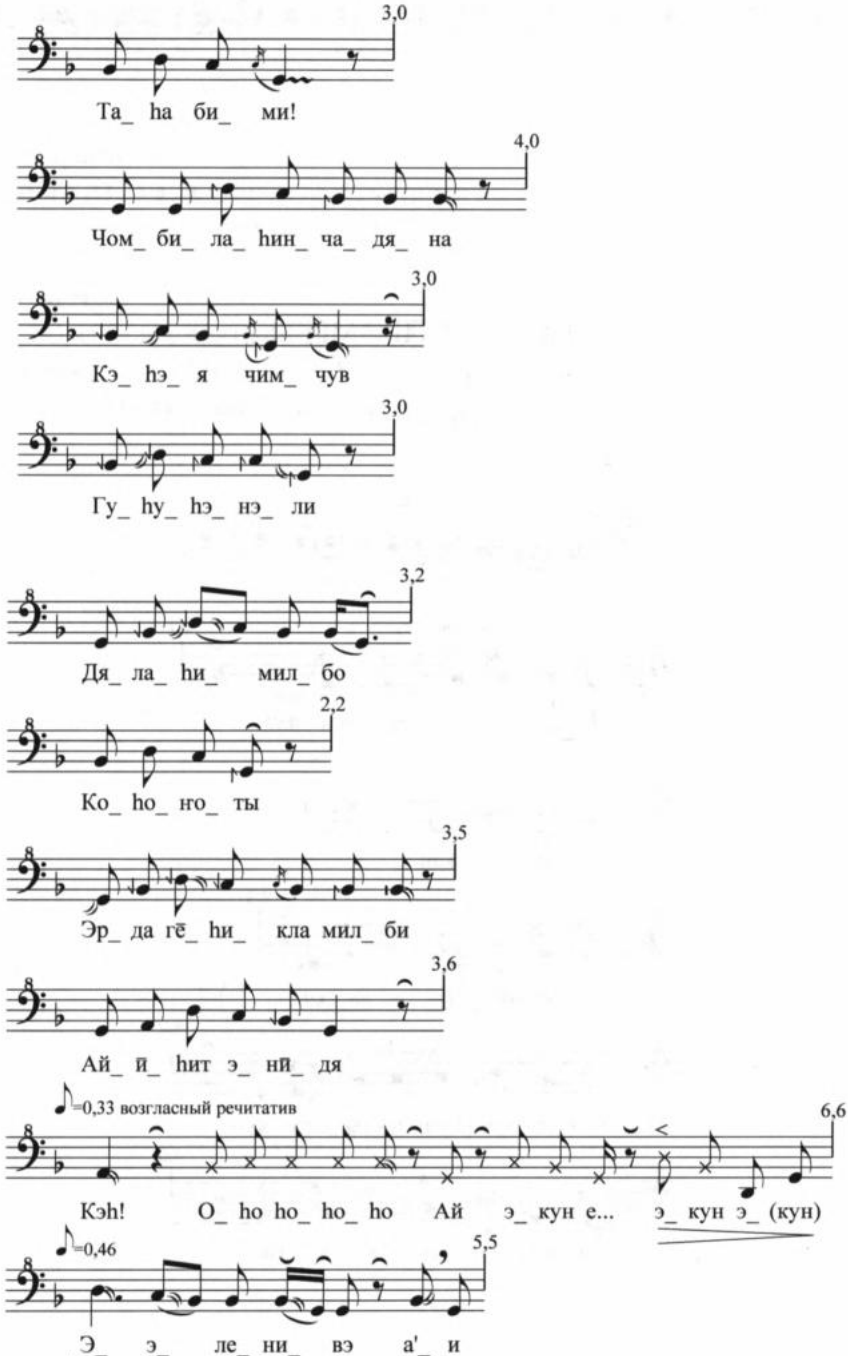
Авторы благодарят коллег: А.М. Айзенштадта, Г.И. Варламову-Кэптукэ, А.Н Мырееву, Г. Матвеева, Н.Н. Николаеву, — любезно предоставивших свои полевые материалы и источники для написания статьи.

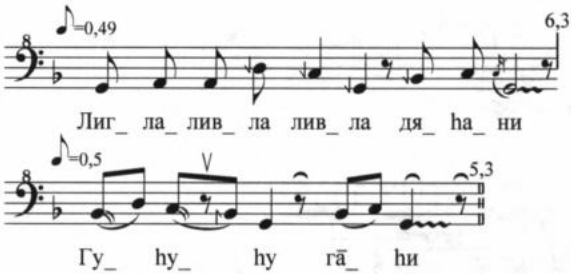
Ю.И. Шейкин,
О.Э. Добжанская

НОТНЫЕ ПРИМЕРЫ

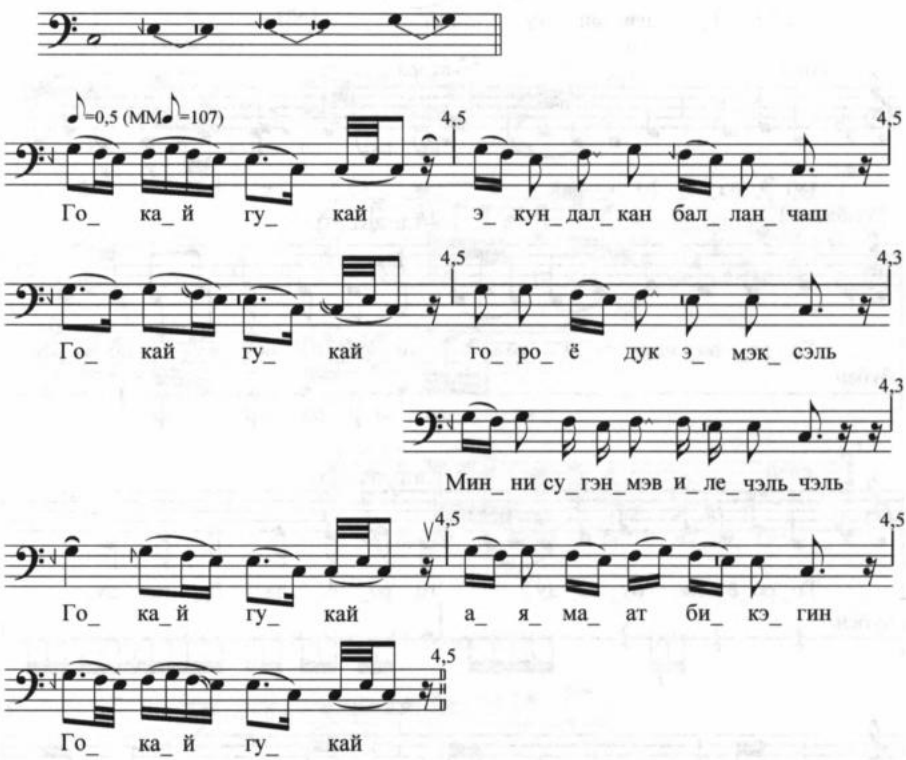
Пример 1



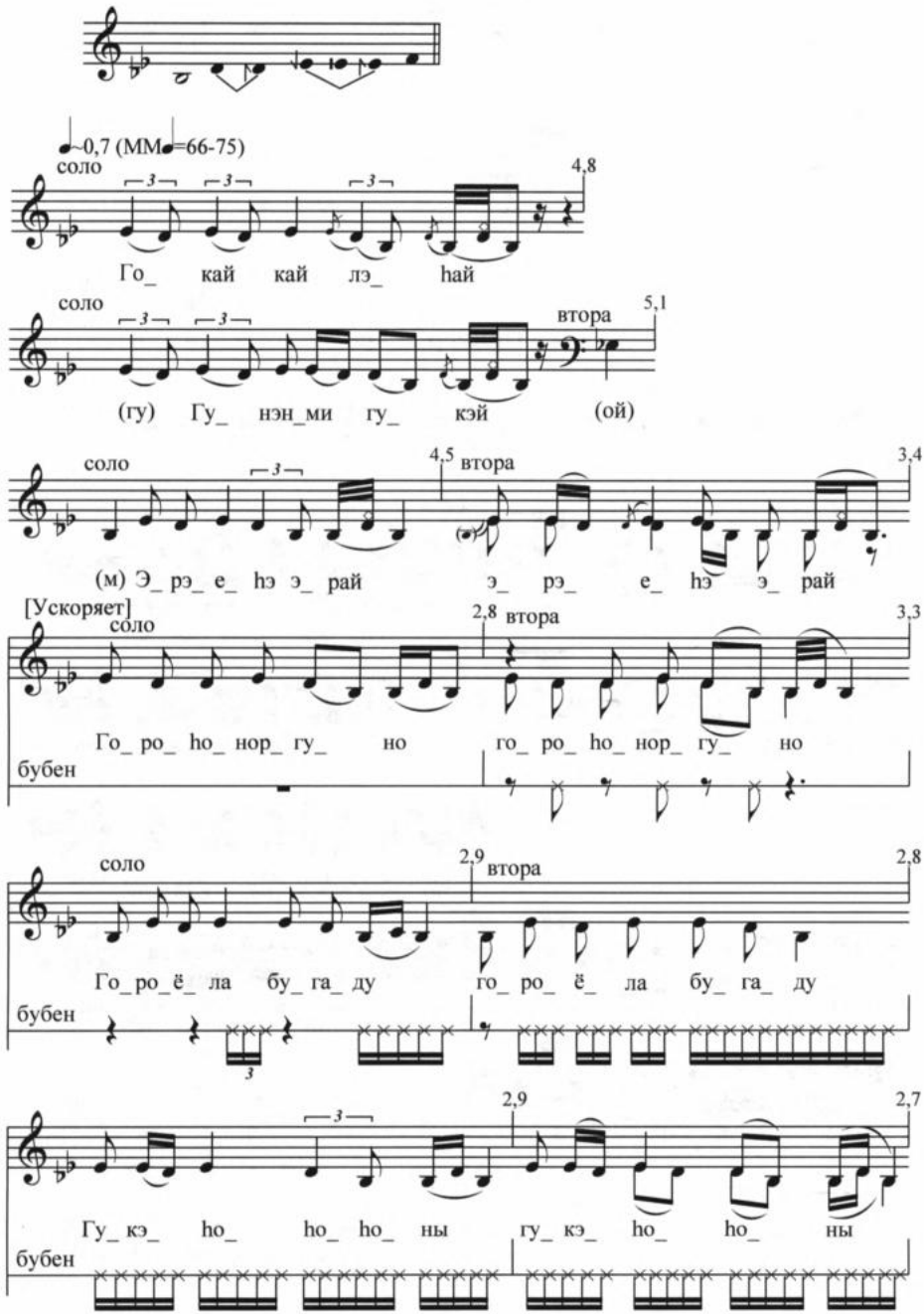

3,0
Та_ ha би_ ми!
4,0
Чом_ би_ ла_ hин_ ча_ дя_ на
3,0
Кэ_ hэ_ я чим_ чув
3,0
Гу_ hу_ hэ_ нэ_ ли
3,2
Дя_ ла_ hи_ мил_ бо
2,2
Ко_ ho_ нo_ ты
3,5
Эр_ да гё_ hи_ кла мил_ би
3,6
Ай_ й_ hит э_ нй_ дя
=0,33 возгласный речитатив
6,6
Кэh! O_ ho ho_ ho_ ho Ай э_ кун е... э_ кун э_ (кун)
=0,46
5,5
Э_ э_ ле_ ни_ вэ а'_ и

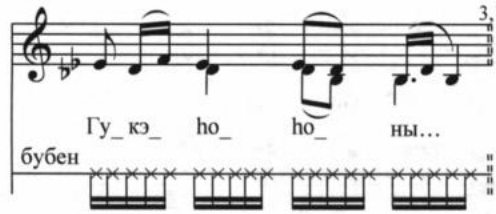

♪=0,49
6,3
Лиг_ ла_ лив_ ла лив_ ла дя_ ha_ ни
♪=0,5
5,3
Гу_ hy_ hy гā_ hи

Пример 2

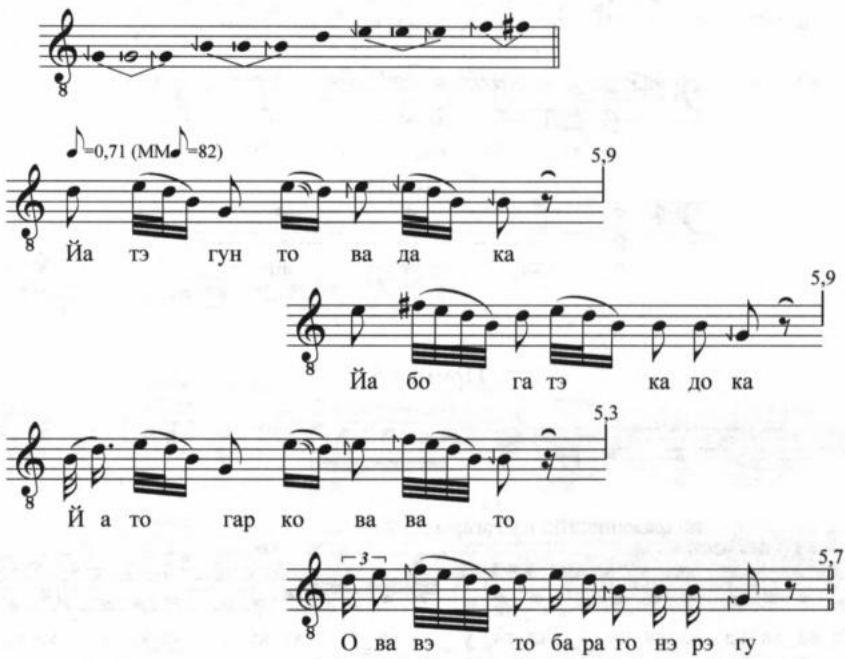

♪=0,5 (MM♪=107)
4,5
4,5
Го_ ка_ й гу_ кай э_ кун_ дал_ кан бал_ лан_ чаш
4,5
4,3
Го_ кай гу_ кай го_ ро_ ё дук э_ мэк_ сэль
4,3
Мин_ ни су_ гэн_ мэв и_ ле_ чэль_ чэль
4,5
4,5
Го_ ка_ й гу_ кай а_ я_ ма_ ат би_ кэ_ гин
4,5
Го_ ка_ й гу_ кай

Пример 3

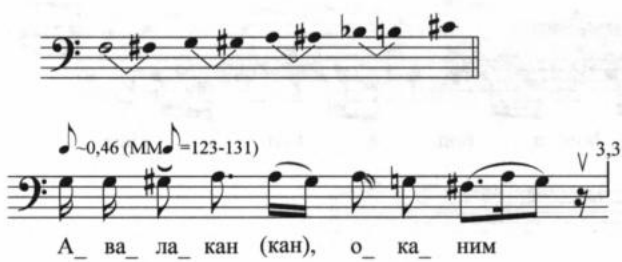

~0,7 (ММ♩=66-75)
соло
4,8
Го_ кай кай лэ_ hай
соло
втора
5,1
(гу) Гу_ нэн_ми гу_ кэй (ой)
соло
4,5
втора
3,4
(м) Э_ рэ_ е_ hэ э_ рай э_ рэ_ е_ hэ э_ рай
[Ускоряет]
соло
2,8
втора
3,3
Го_ ро_ hо_ нор_ гу_ но го_ ро_ hо_ нор_ гу_ но
бубен
соло
2,9
втора
2,8
Го_ро_ё_ ла бу_ га_ ду го_ ро_ ё_ ла бу_ га_ ду
бубен
2,9
2,7
Гу_ кэ_ hо_ hо_ hо_ ны гу_ кэ_ hо_ hо_ ны
бубен

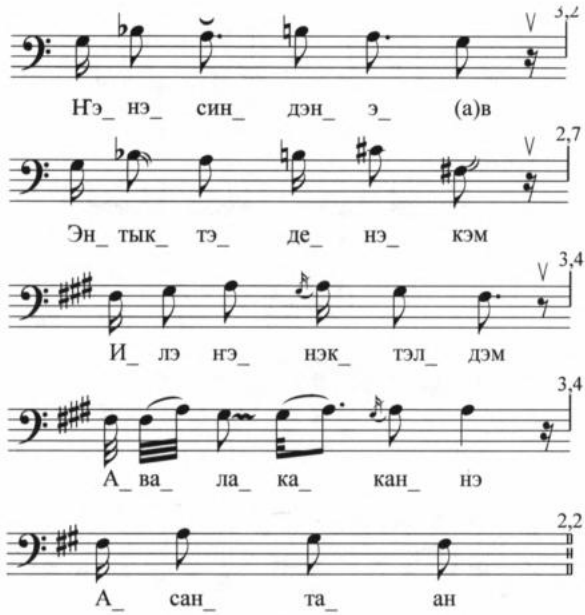


Пример 4



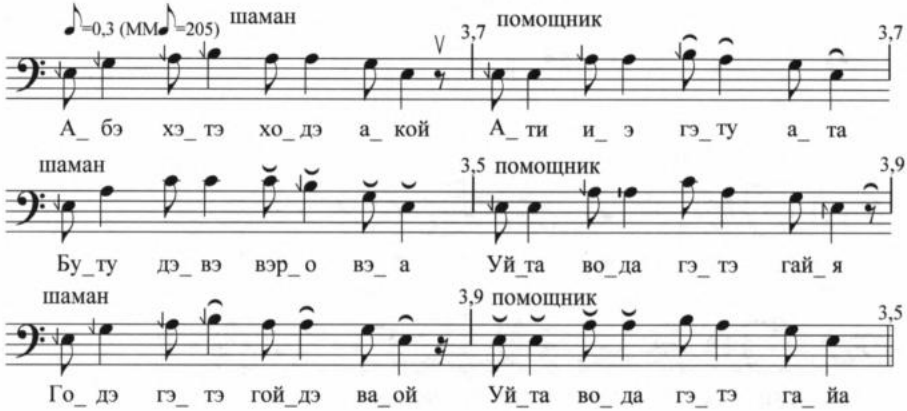
Пример 5



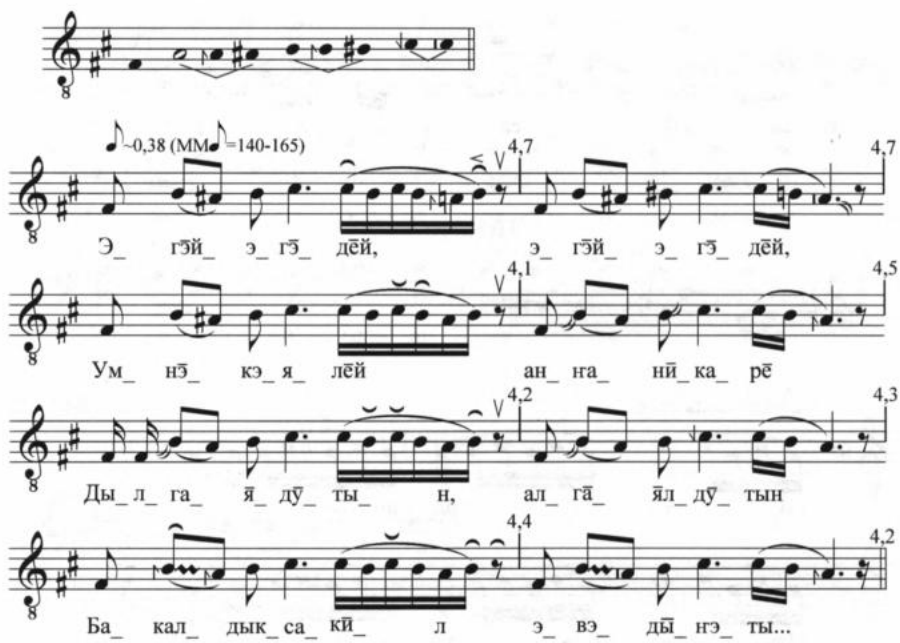

Нэ_ нэ_ син_ дэн_ э_ (а)в
Эн_ тык_ тэ_ де_ нэ_ кэм
И_ лэ нэ_ нэк_ тэл_ дэм
А_ ва_ ла_ ка_ кан_ нэ
А_ сан_ та_ ан

Пример 6

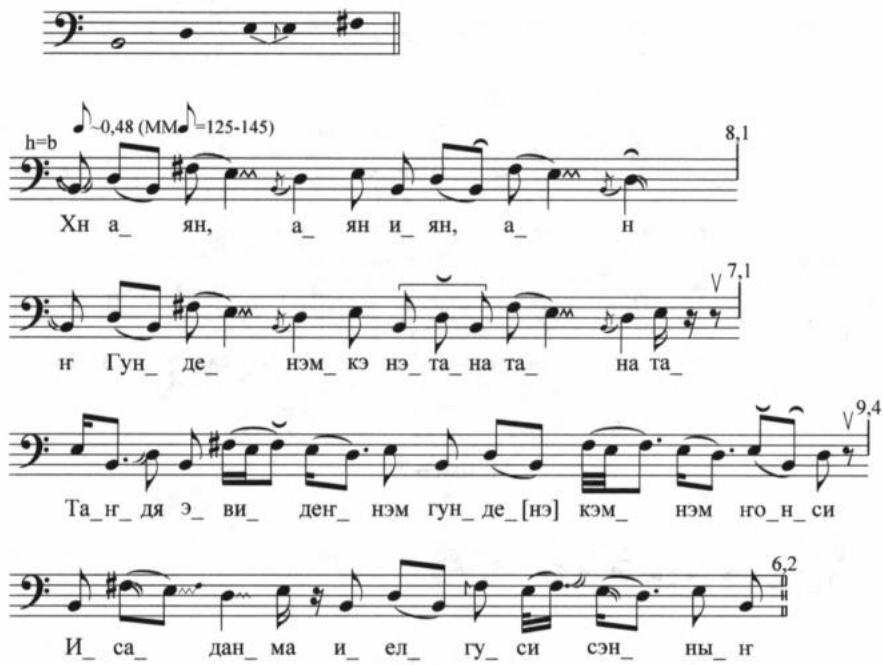
подражание голосу гагары
a=b
=0,4 (MM=260)
Ка_ка_ка_ка ка_ка_ка_ у ка_ка_ у ка_ка_ у ка_ка_ у ка_ка_ у ка_ка_ у
=0,39 (MM=102)
А_ hоп, а_ hоп, а_ hоп, а_ hоп


♪=0,3 (ММ♪=205)
шаман
помощник
3,7
3,7
А_ бэ хэ_ тэ хо_ дэ а_ кой А_ ти и_ э гэ_ ту а_ та
шаман
3,5 помощник
3,9
Бу_ ту дэ_ вэ вэр_ о вэ_ а Уй_та во_да гэ_ тэ гай_ я
шаман
3,9 помощник
3,5
Го_ дэ гэ_ тэ гой_дэ ва_ой Уй_та во_ да гэ_ тэ га_ йа

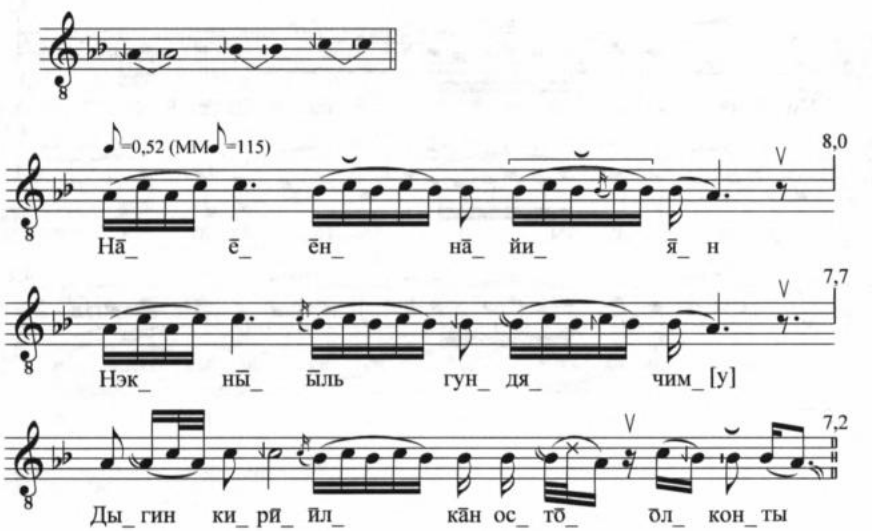
Пример 7


~0,38 (ММ♪=140-165)
4,7
4,7
Э_ гэ̄й_ э_ гэ̄_ дё̄й, э_ гэ̄й_ э_ гэ̄_ дё̄й,
4,1
4,5
Ум_ нэ̄_ кэ_ я_ лё̄й ан_ на_ нӣ_ ка_ ре̄
4,2
4,3
Ды_ л_ га_ я̄_ дӯ_ ты_ н, ал_ га̄_ я̄л_ дӯ_ тын
4,4
4,2
Ба_ кал_ дык_ са_ кӣ_ л э_ вэ_ ды̄_ нэ_ ты...

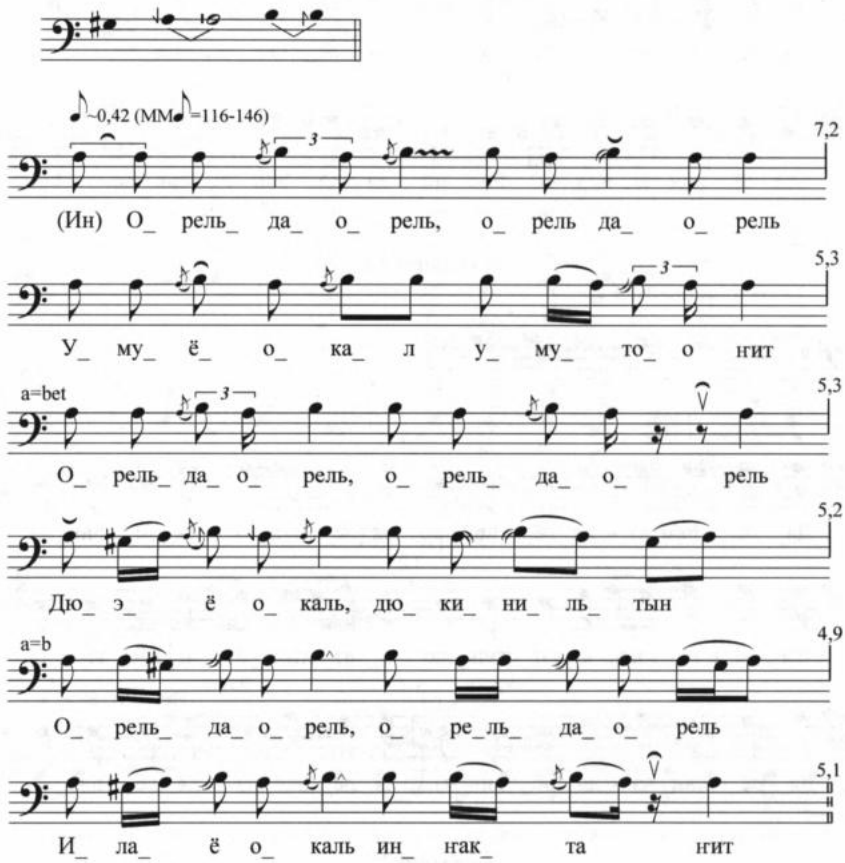
Пример 8



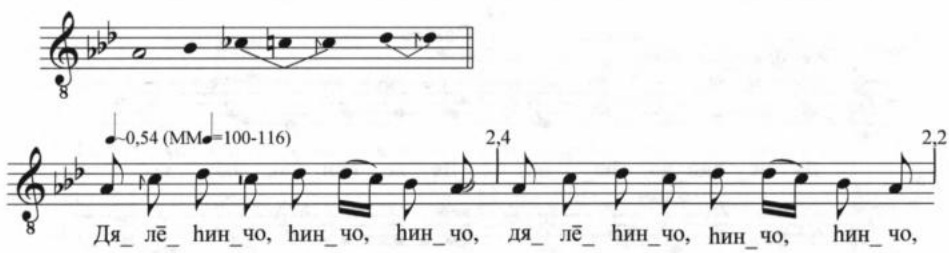
Пример 9

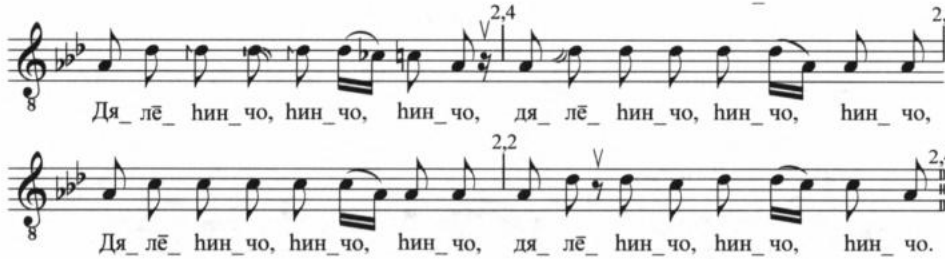


Пример 10

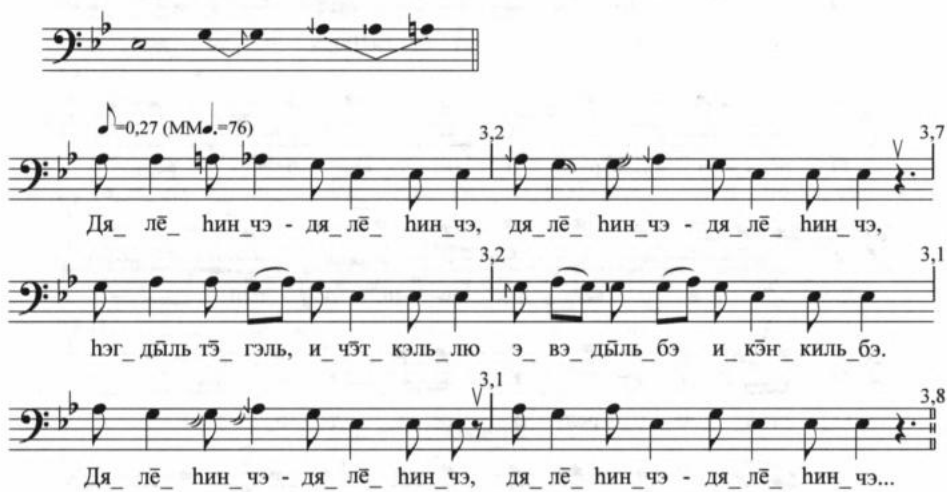


Пример 11

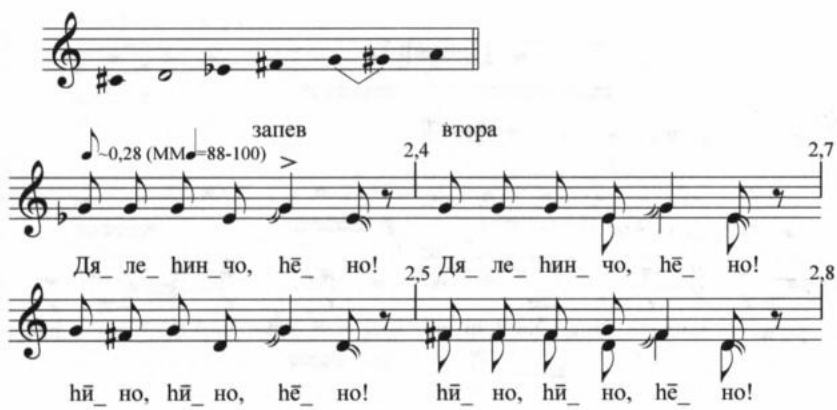


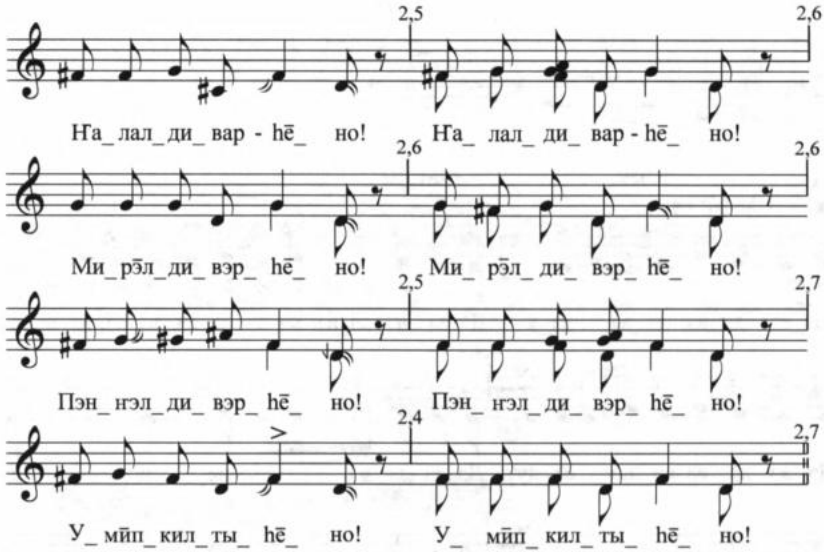


Пример 12

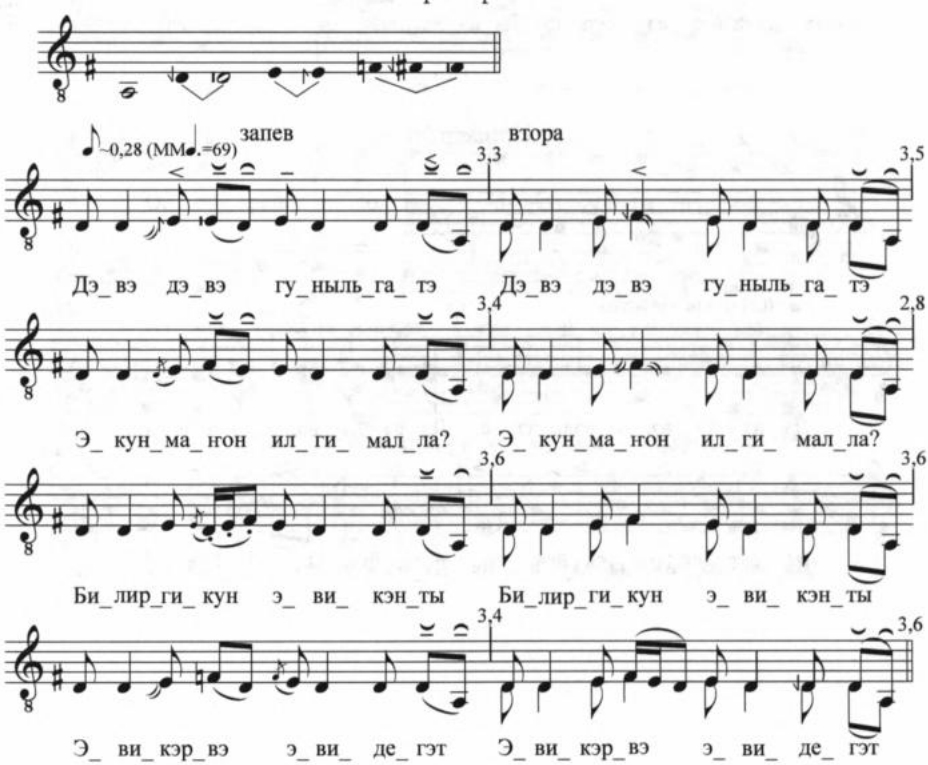


Пример 13

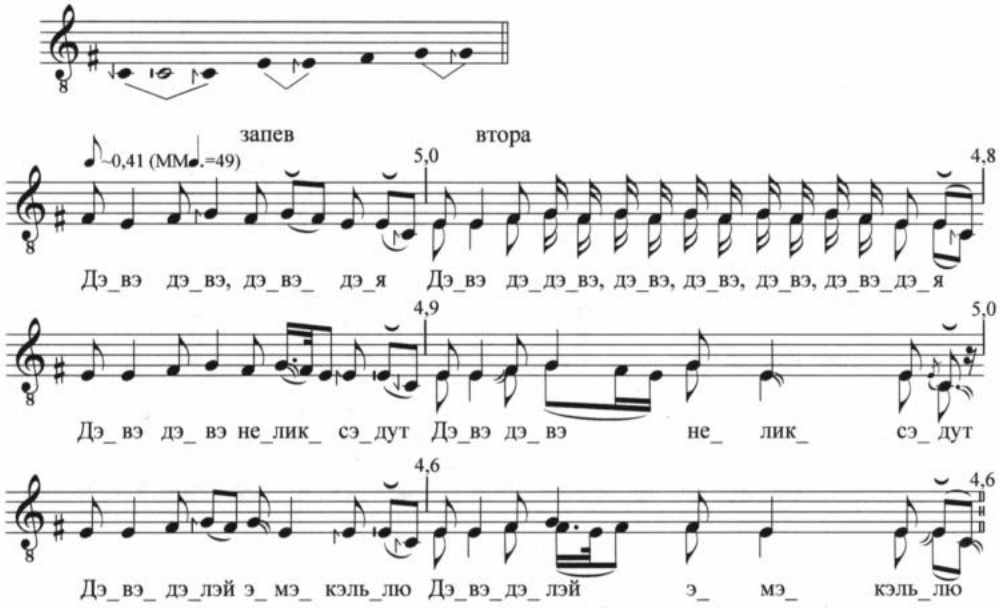



2,5
2,6
Ӈа_ лал_ ди_ вар - hē_ но!
Ӈа_ лал_ ди_ вар - hē_ но!
2,6
2,6
Ми_ рэ̄л_ ди_ вэр_ hē_ но!
Ми_ рэ̄л_ ди_ вэр_ hē_ но!
2,5
2,7
Пэн_ нэл_ ди_ вэр_ hē_ но!
Пэн_ нэл_ ди_ вэр_ hē_ но!
2,4
2,7
У_ мӣп_ кил_ ты_ hē_ но!
У_ мӣп_ кил_ ты_ hē_ но!

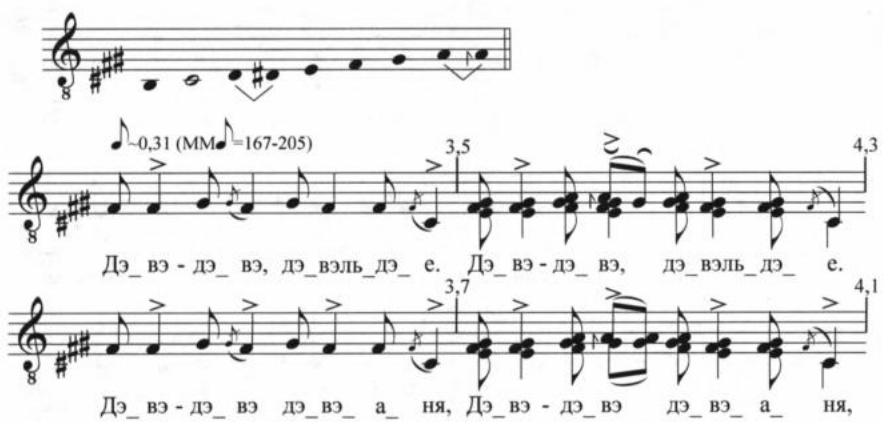
Пример 14

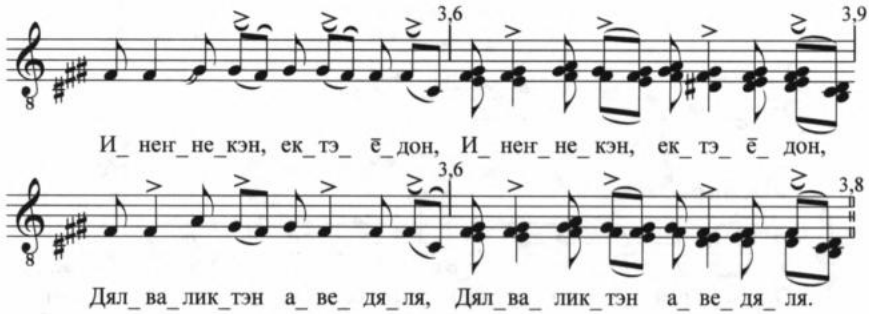

запев
втора
~0,28 (MM♩.=69)
3,3
3,5
Дэ_ вэ дэ_ вэ гу_ныль_га_ тэ
Дэ_ вэ дэ_ вэ гу_ныль_га_ тэ
3,4
2,8
Э_ кун_ма_ нон ил_ги_ мал_ла?
Э_ кун_ма_ нон ил_ги_ мал_ла?
3,6
3,6
Би_лир_ги_ кун э_ ви_ кэн_ты
Би_лир_ги_ кун э_ ви_ кэн_ты
3,4
3,6
Э_ ви_ кэр_ вэ э_ ви_ де_ гэт
Э_ ви_ кэр_ вэ э_ ви_ де_ гэт

Пример 15

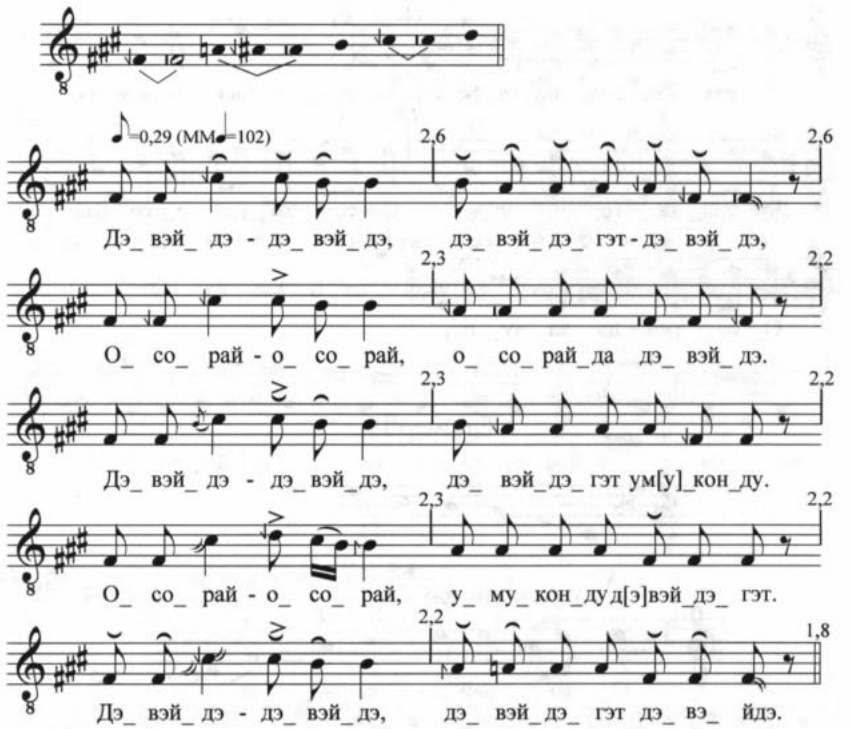


Пример 16

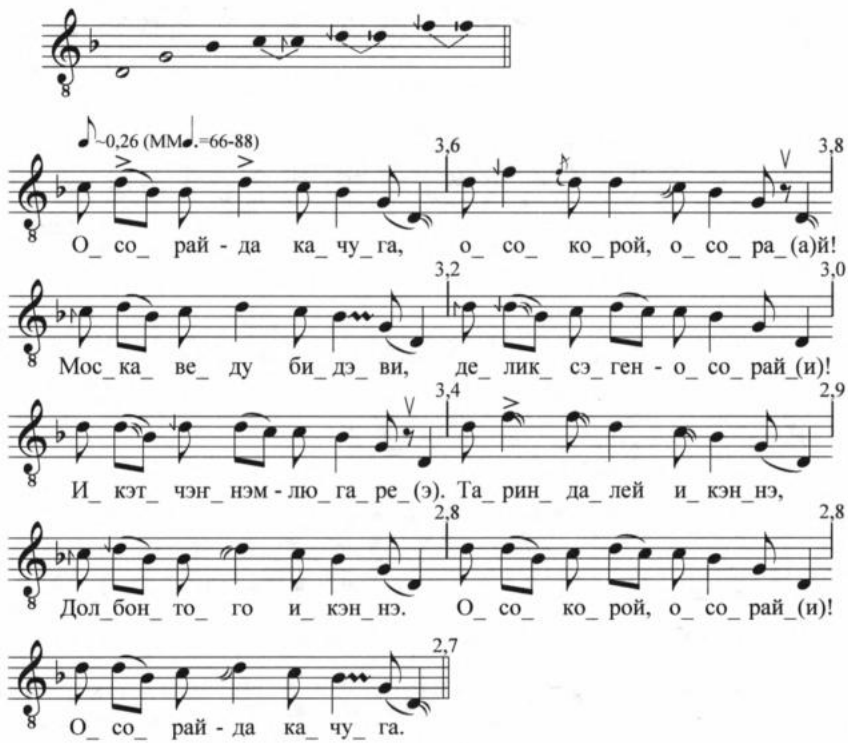



3,6
3,9
И_ неӈ_не_кэн, ек_тэ_ ӗ_дон, И_ неӈ_не_кэн, ек_тэ_ ӗ_ дон,
3,6
3,8
Дял_ва_лик_тэн а_ ве_ дя_ля, Дял_ва_ лик_тэн а_ ве_ дя_ ля.

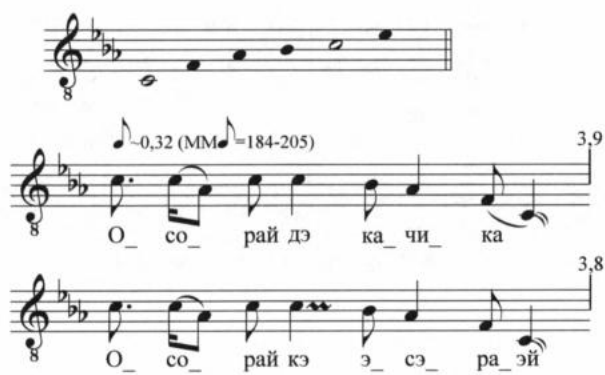
Пример 17

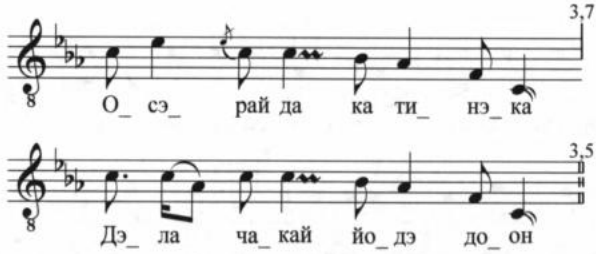

♪=0,29 (ММ♩=102)
2,6
2,6
Дэ_ вэй_ дэ - дэ_ вэй_ дэ, дэ_ вэй_ дэ_ гэт - дэ_ вэй_ дэ,
2,3
2,2
О_ со_ рай - о_ со_ рай, о_ со_ рай_да дэ_ вэй_ дэ.
2,3
2,2
Дэ_ вэй_ дэ - дэ_ вэй_дэ, дэ_ вэй_дэ_ гэт ум[у]_кон_ду.
2,3
2,2
О_ со_ рай - о_ со_ рай, у_ му_ кон_ду д[э]вэй_дэ_ гэт.
2,2
1,8
Дэ_ вэй_ дэ - дэ_ вэй_ дэ, дэ_ вэй_дэ_ гэт дэ_ вэ_ йдэ.

Пример 18

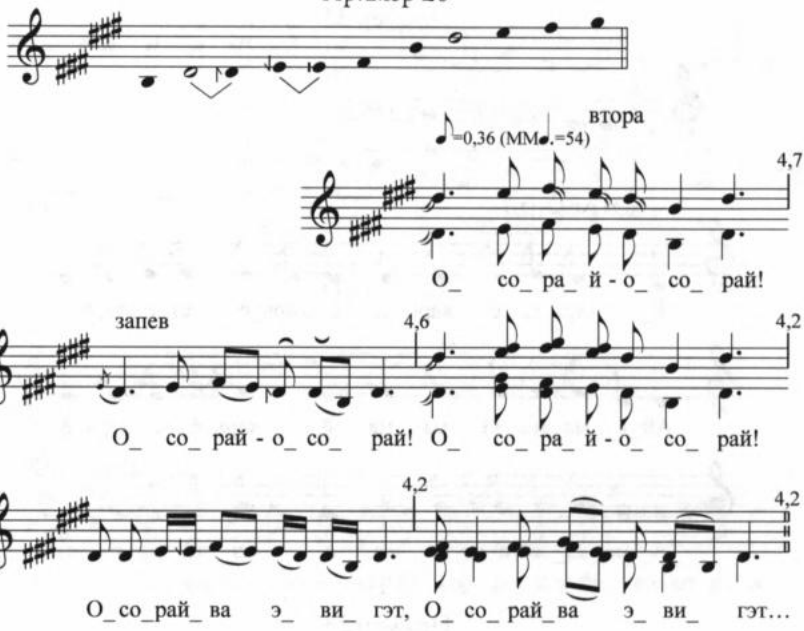


Пример 19

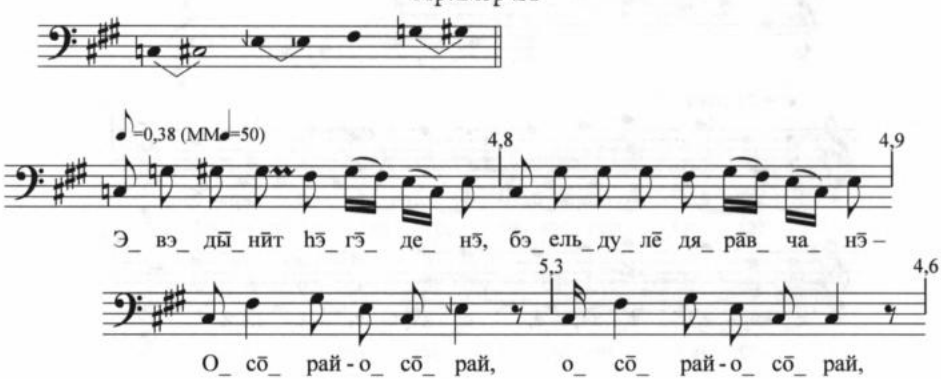


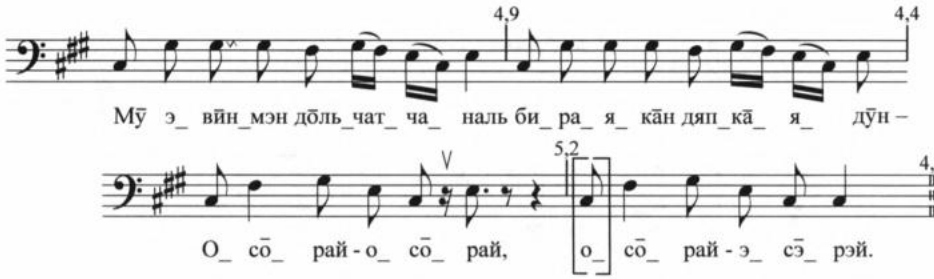


Пример 20

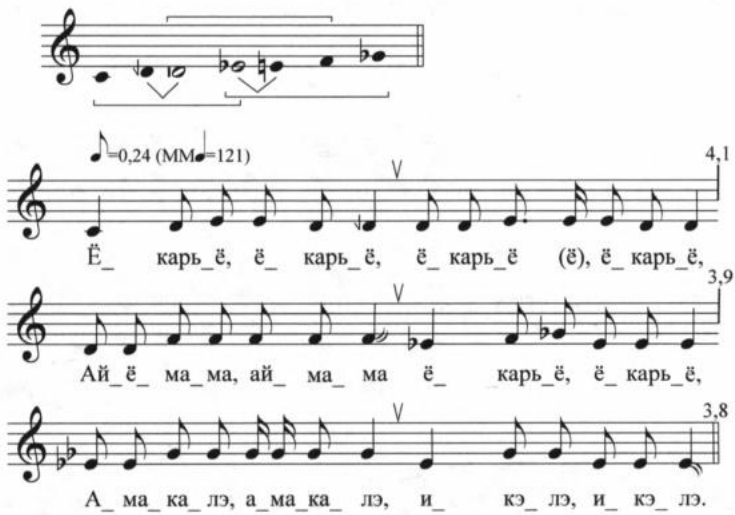


Пример 21

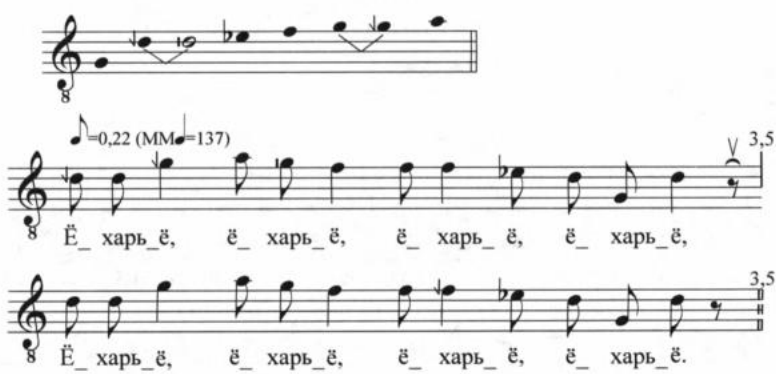




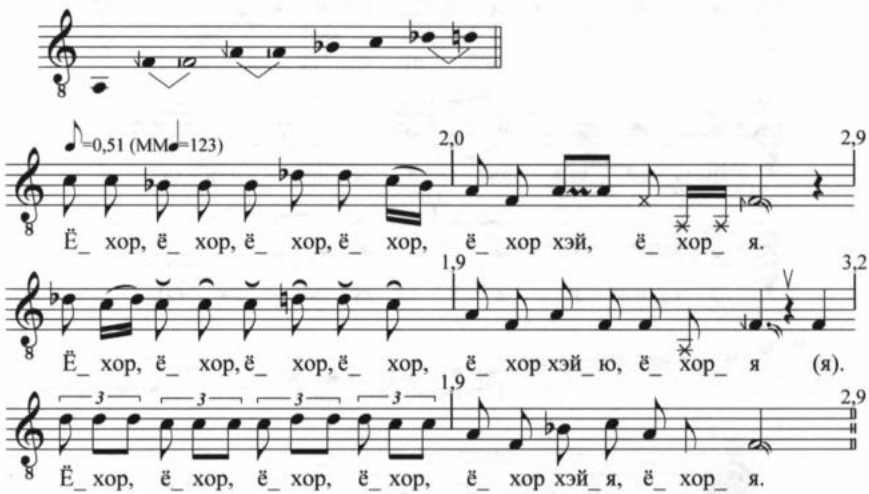
Пример 22



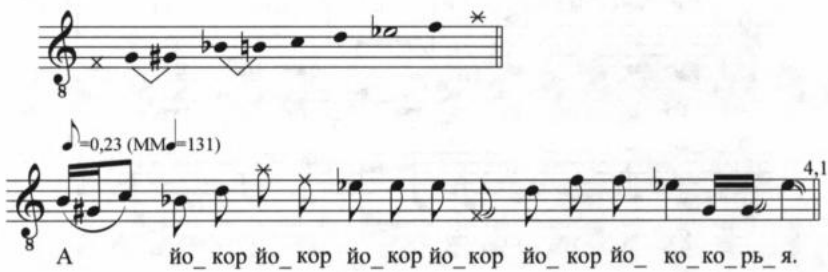
Пример 23



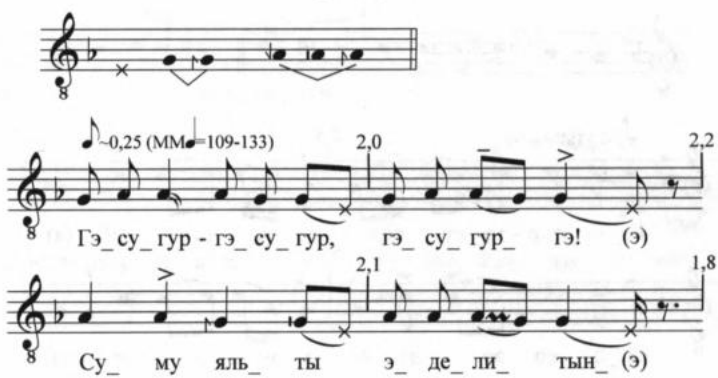
Пример 24

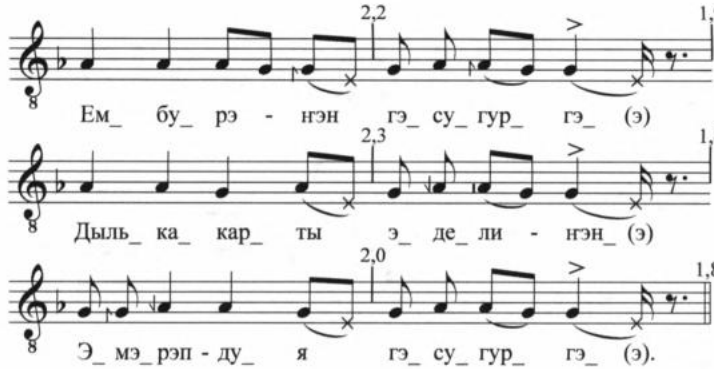


Пример 25

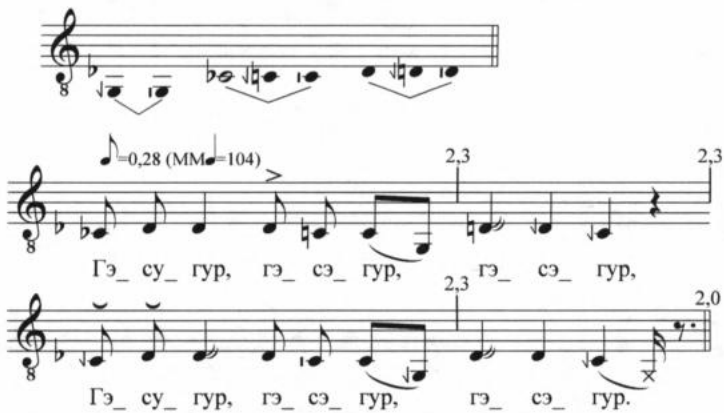


Пример 26

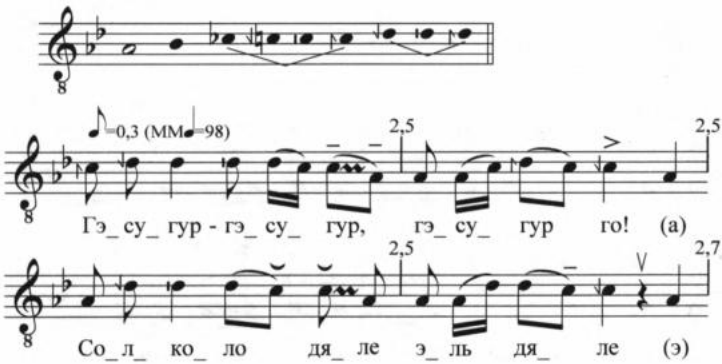


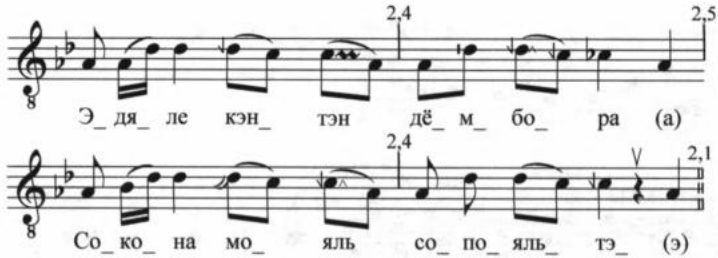


Пример 27

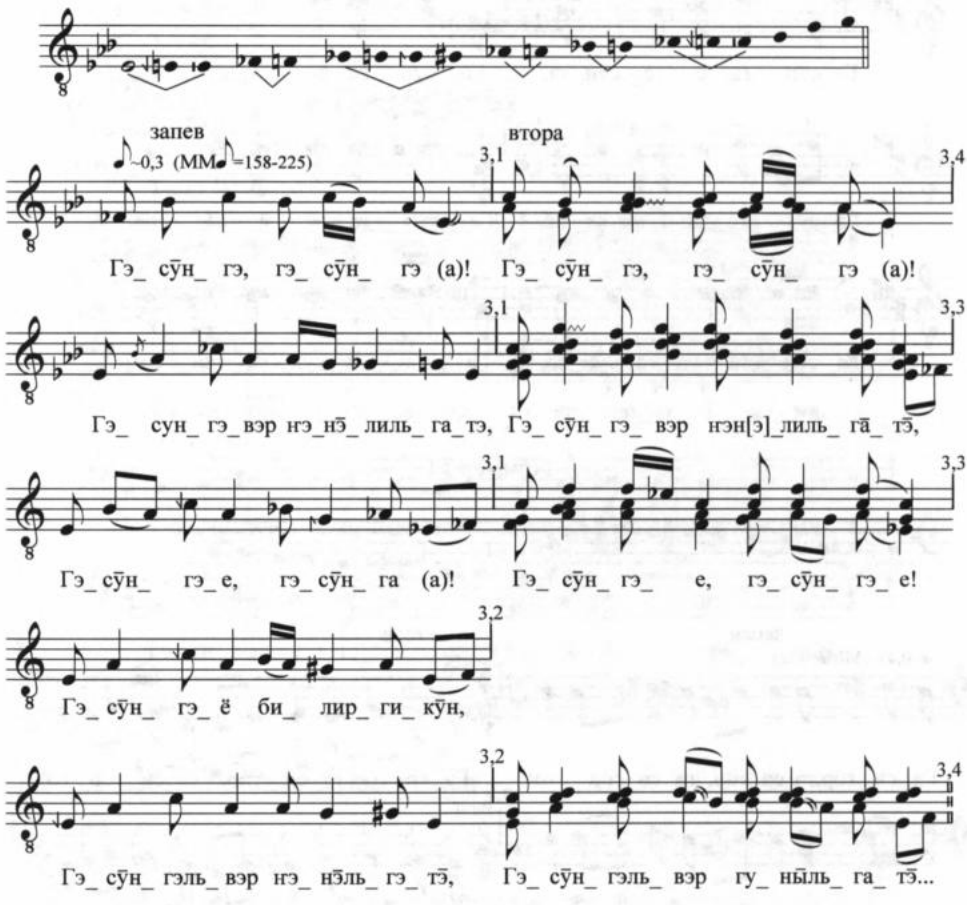


Пример 28

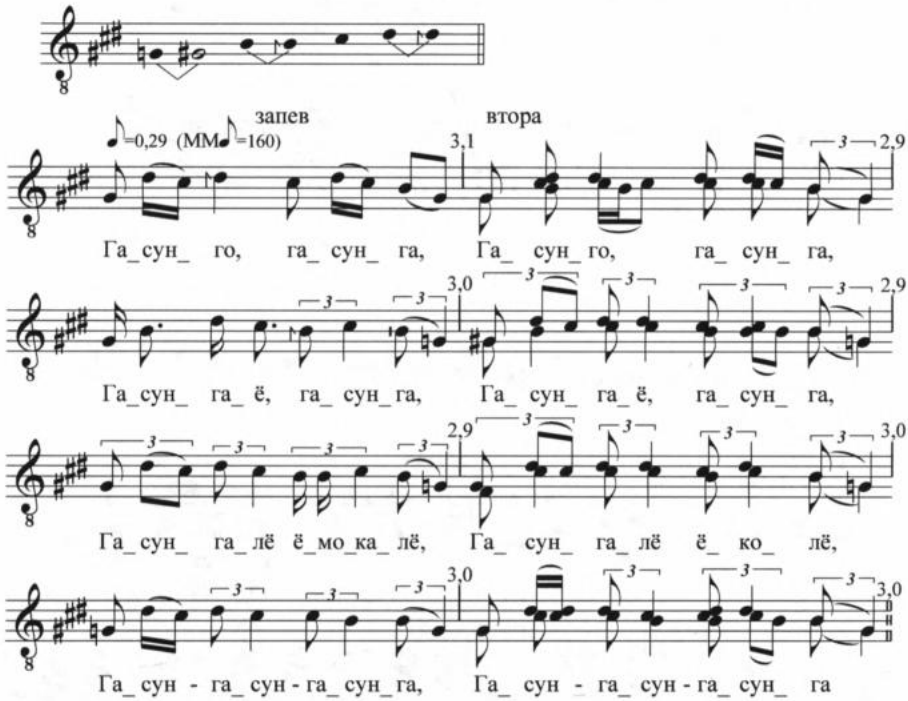



2,4
2,5
Э_ дя_ ле кэн_ тэн дё_ м_ бо_ ра (а)
2,4
2,1
Со_ ко_ на мо_ яль со_ по_ яль_ тэ_ (э)

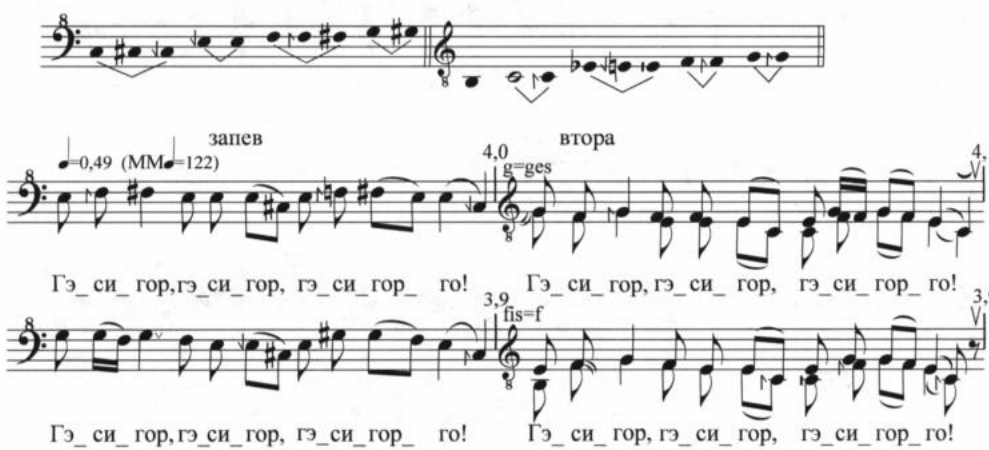
Пример 29

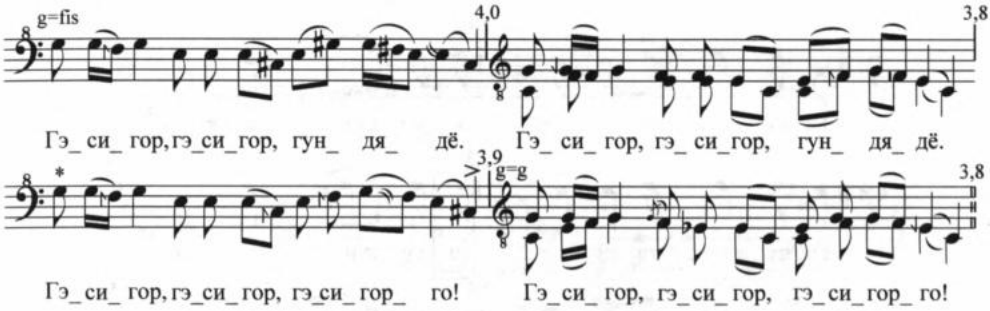

запев
втора
~0,3 (ММ♩=158-225)
3,1
3,4
Гэ_ сӯн_ гэ, гэ_ сӯн_ гэ (а)! Гэ_ сӯн_ гэ, гэ_ сӯн_ гэ (а)!
3,1
3,3
Гэ_ сун_ гэ_вэр нгэ_нӭ_ лиль_ га_тэ, Гэ_ сӯн_ гэ_ вэр нгэн[э]_лиль_ га_ тэ,
3,1
3,3
Гэ_ сӯн_ гэ_ е, гэ_ сӯн_ га (а)! Гэ_ сӯн_ гэ_ е, гэ_ сӯн_ гэ_ е!
3,2
Гэ_ сӯн_ гэ_ ё би_ лир_ ги_ кӯн,
3,2
3,4
Гэ_ сӯн_ гэль_ вэр нгэ_ нӭль_ гэ_ тэ, Гэ_ сӯн_ гэль_ вэр гу_ нӹль_ га_ тэ...

Пример 30



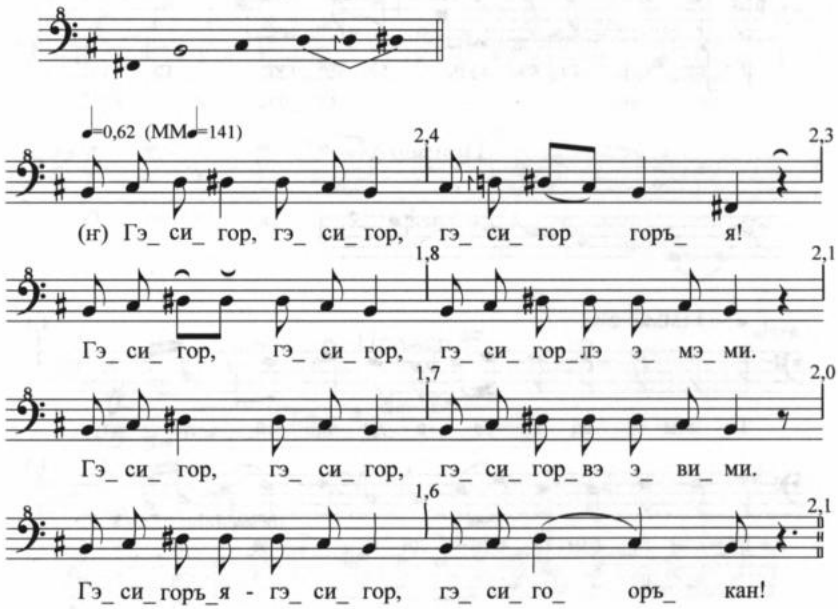
Пример 31



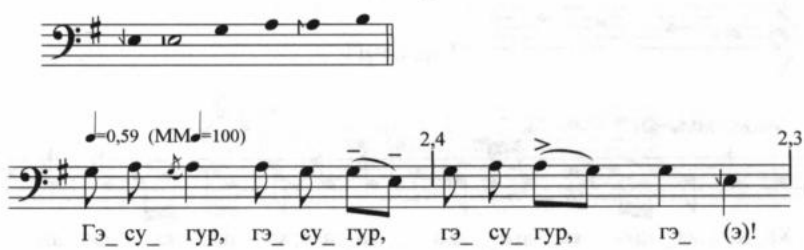


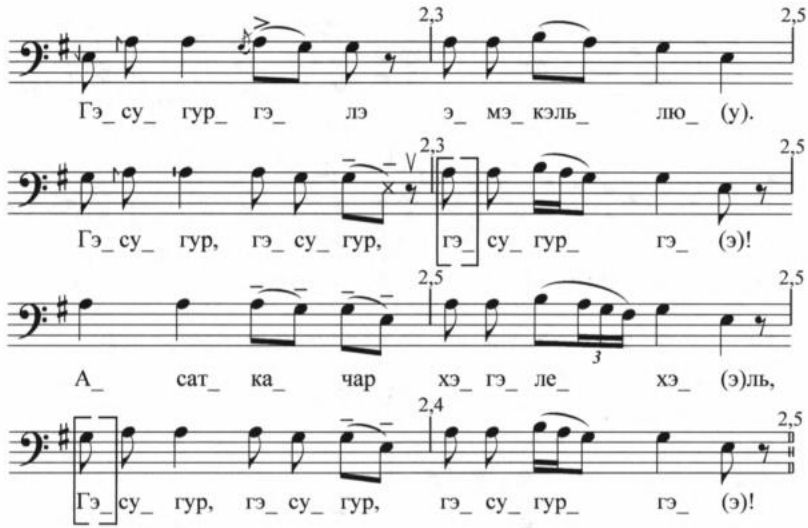
*Здесь и далее запев начинается на четверть раньше, накладываясь на окончание вторы.

Пример 32

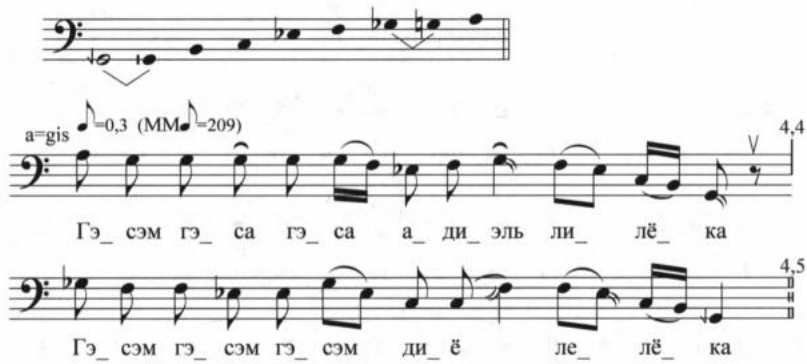


Пример 33

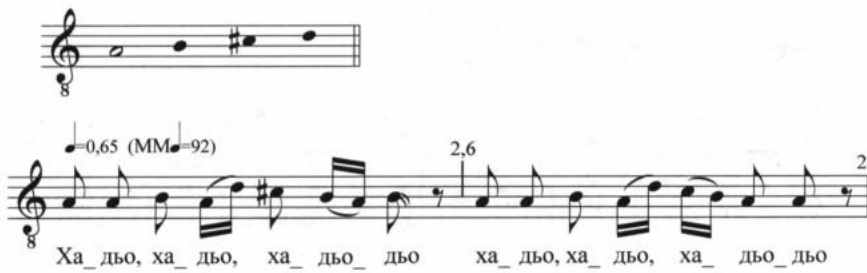




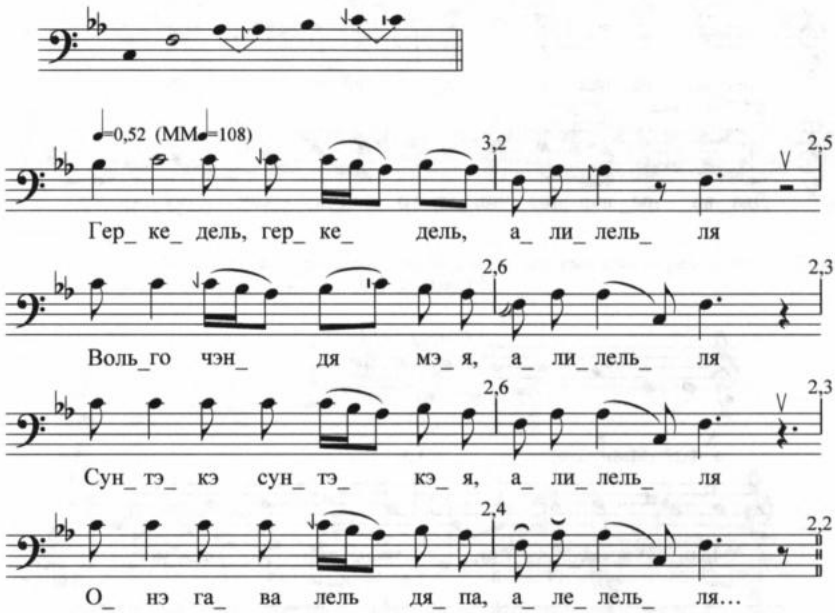
Пример 34



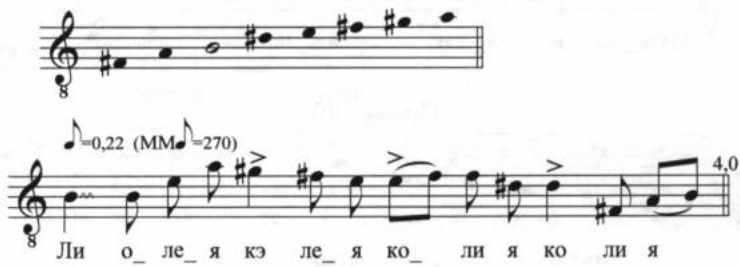
Пример 35



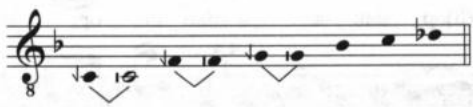
Пример 36

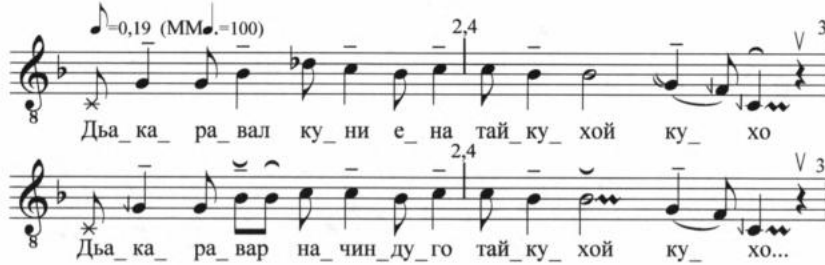


Пример 37

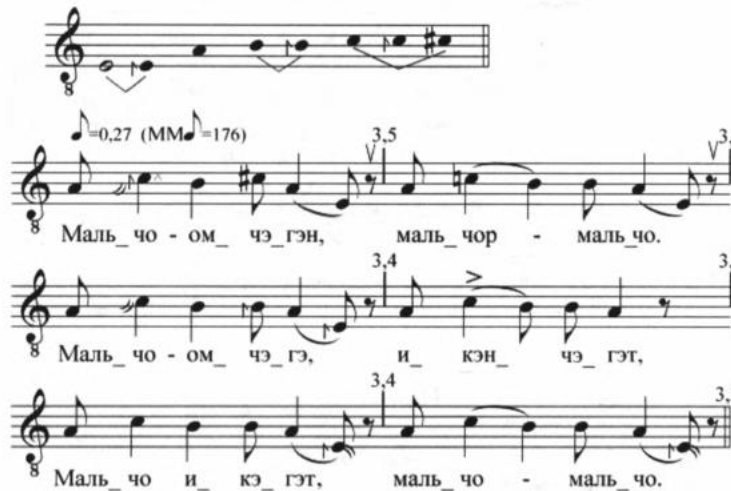


Пример 38

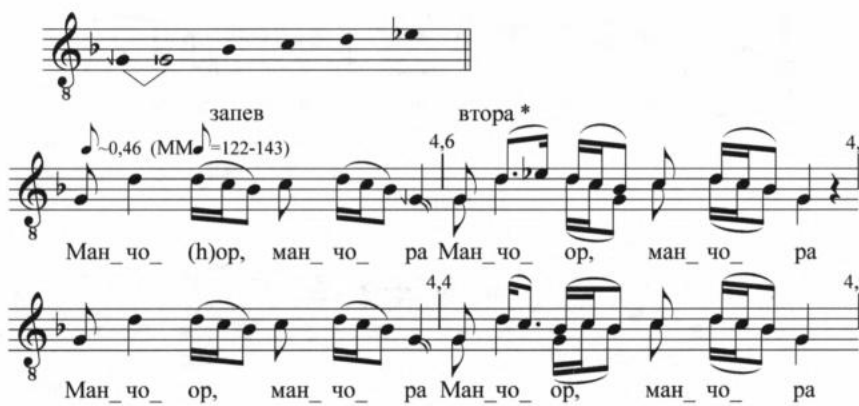


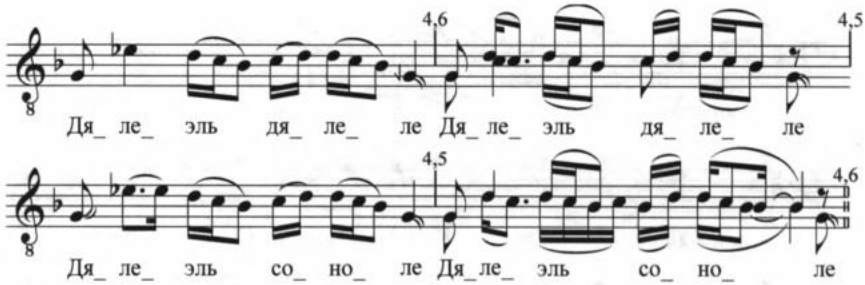


Пример 39



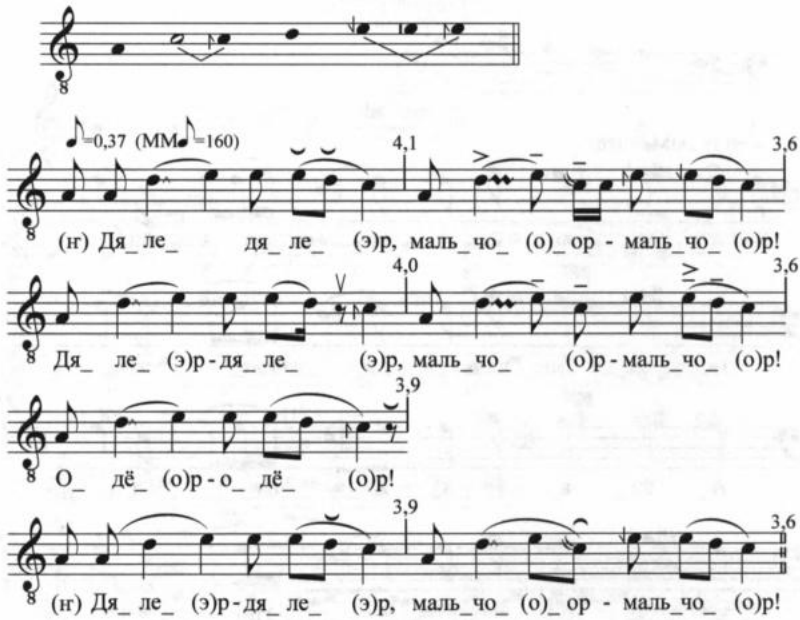
Пример 40



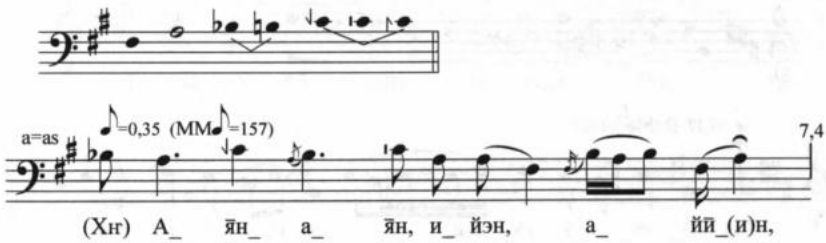


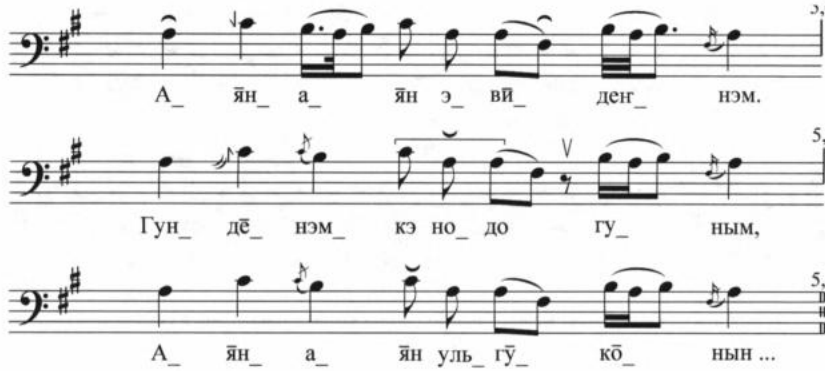
*Нотировка здесь отражает мелодическую линию вторы схематично, в реальности слышна несинхронная гетерофония.

Пример 41

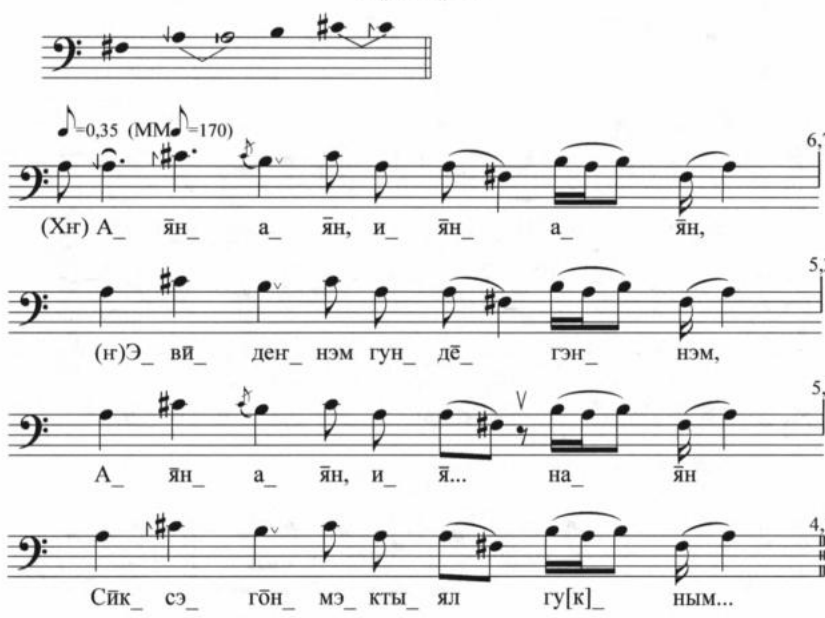


Пример 42

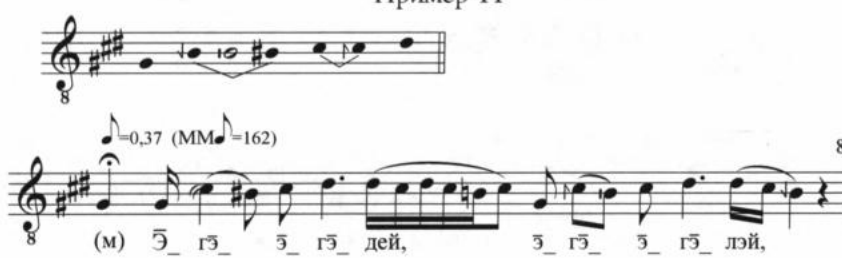


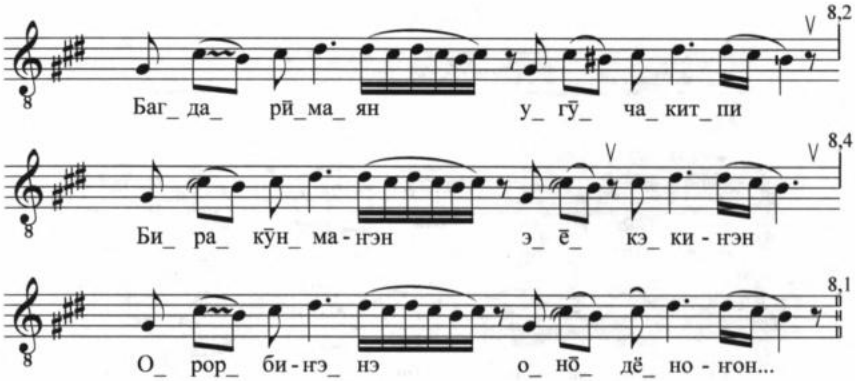


Пример 43

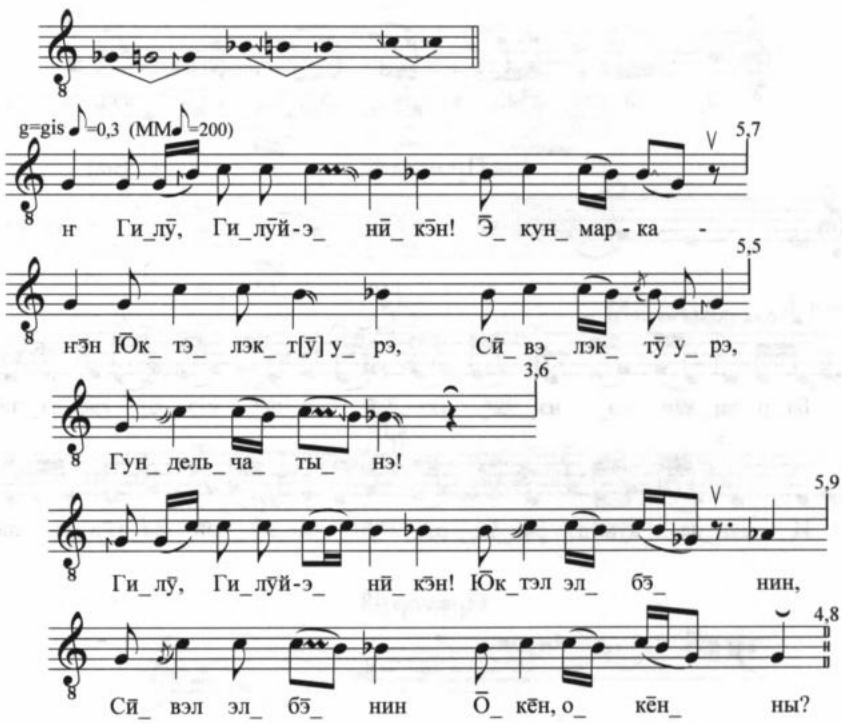


Пример 44

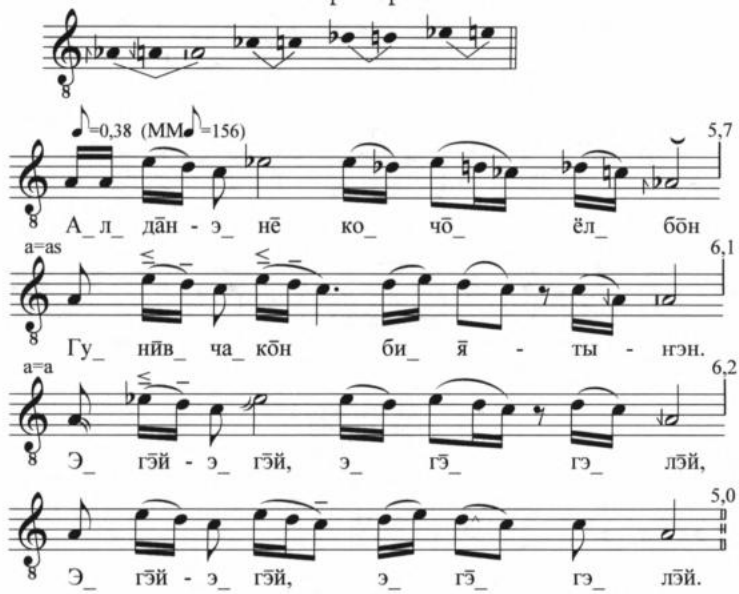



Баг_ да_ рӣ_ ма_ ян у_ гӯ_ ча_ кит_ пи
Би_ ра_ кӯн_ ма - нгэн э_ ӗ_ кэ_ ки - нгэн
О_ рор_ би - нгэ_ нэ о_ нӧ_ дё_ но - нгон...

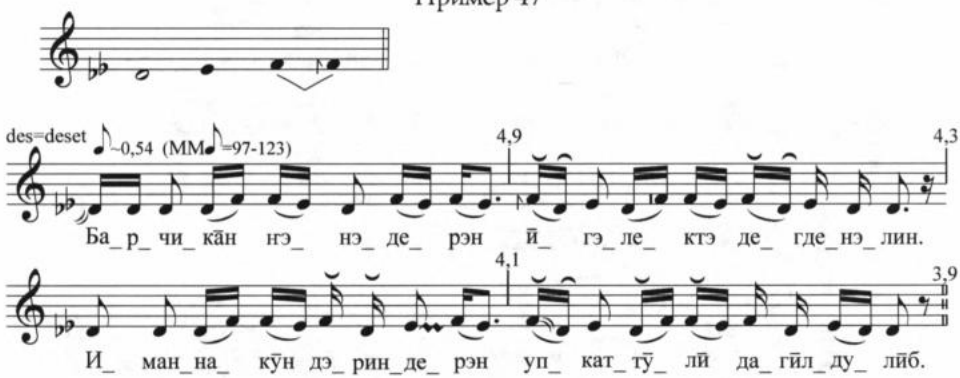
Пример 45


g=gis =0,3 (MM =200)
нг Ги_лӯ, Ги_лӯй - э_ нӣ_ кэ̄н! Э̄_ кун_ мар - ка -
нгэ̄н Ю̄к_ тэ_ лэк_ т[ӯ] у_ рэ, Сӣ_ вэ_ лэк_ тӯ у_ рэ,
Гун_ дель_ ча_ ты_ нэ!
Ги_лӯ, Ги_лӯй - э_ нӣ_ кэ̄н! Ю̄к_тэл эл_ бэ̄_ нин,
Сӣ_ вэл эл_ бэ̄_ нин О̄_ кё̄н, о_ кё̄н_ ны?

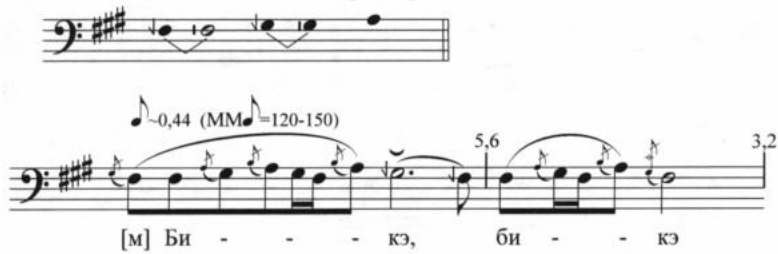
Пример 46

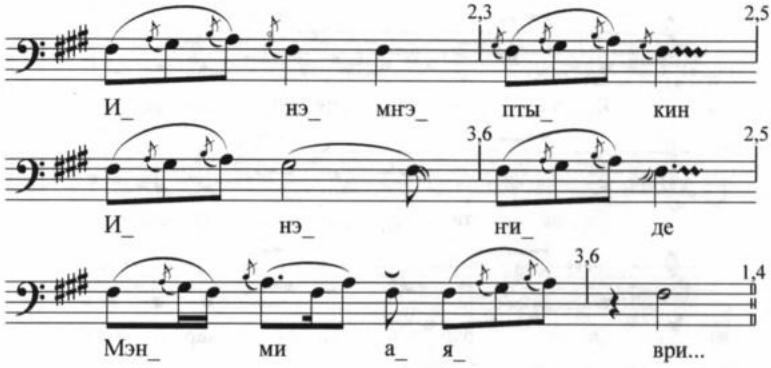


Пример 47

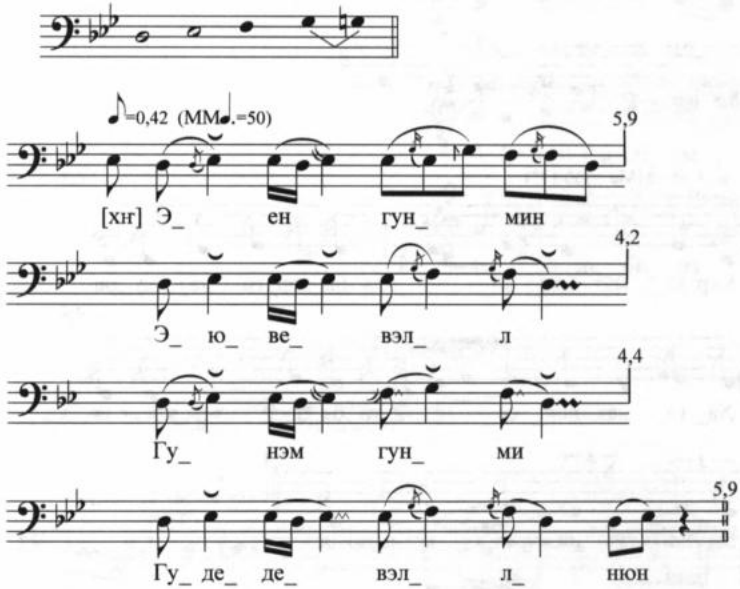


Пример 48

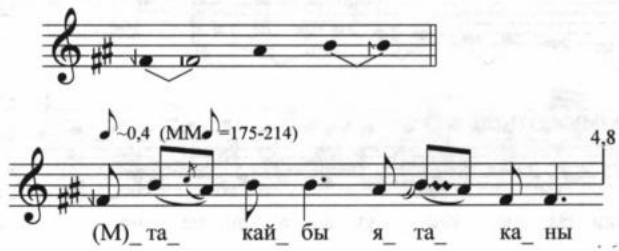


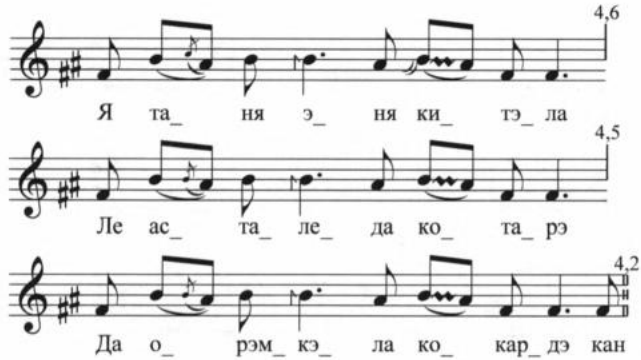


Пример 49

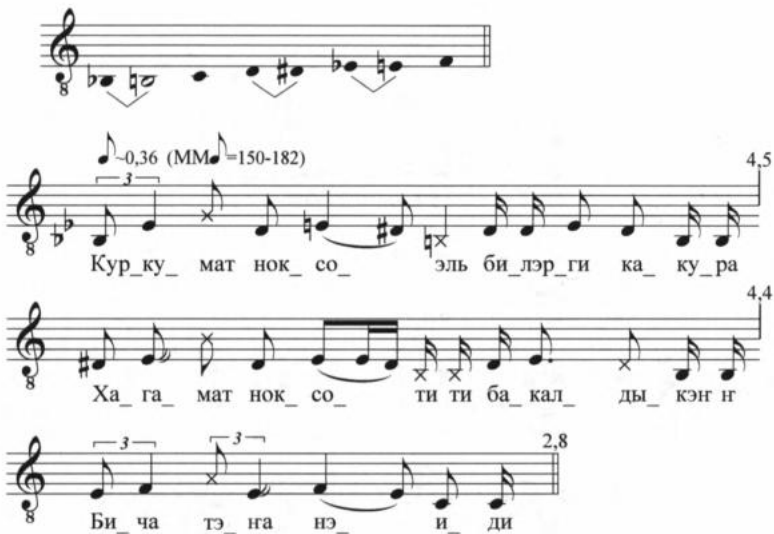


Пример 50

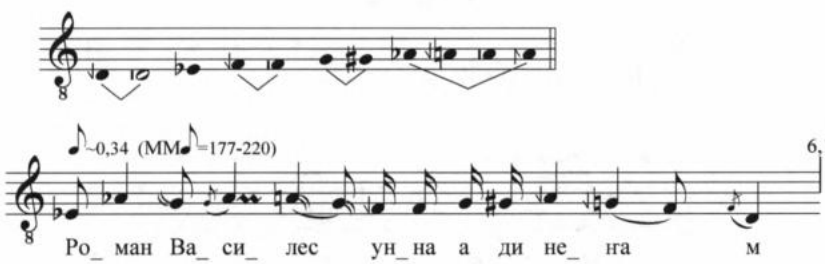


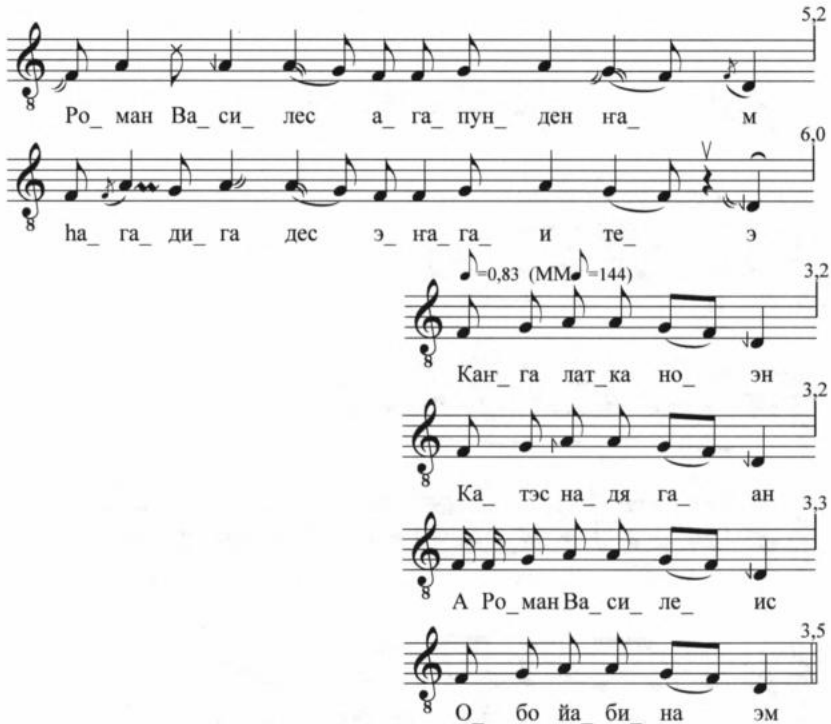


Пример 51

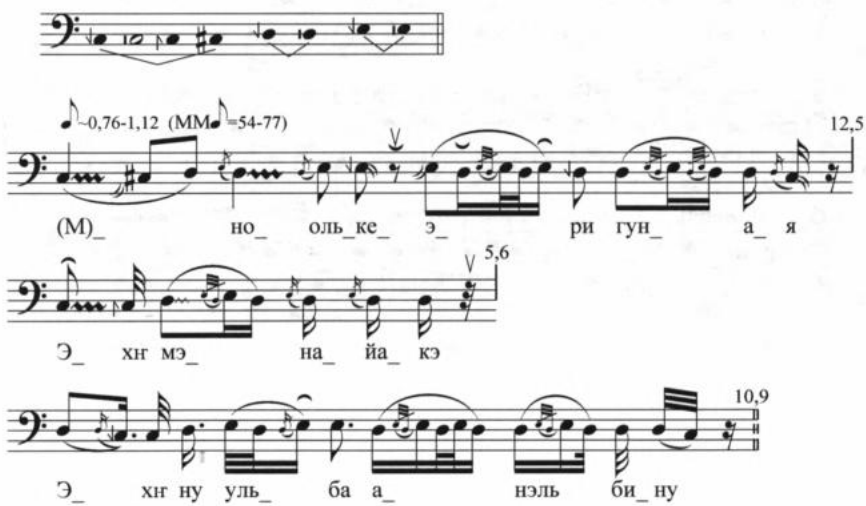


Пример 52

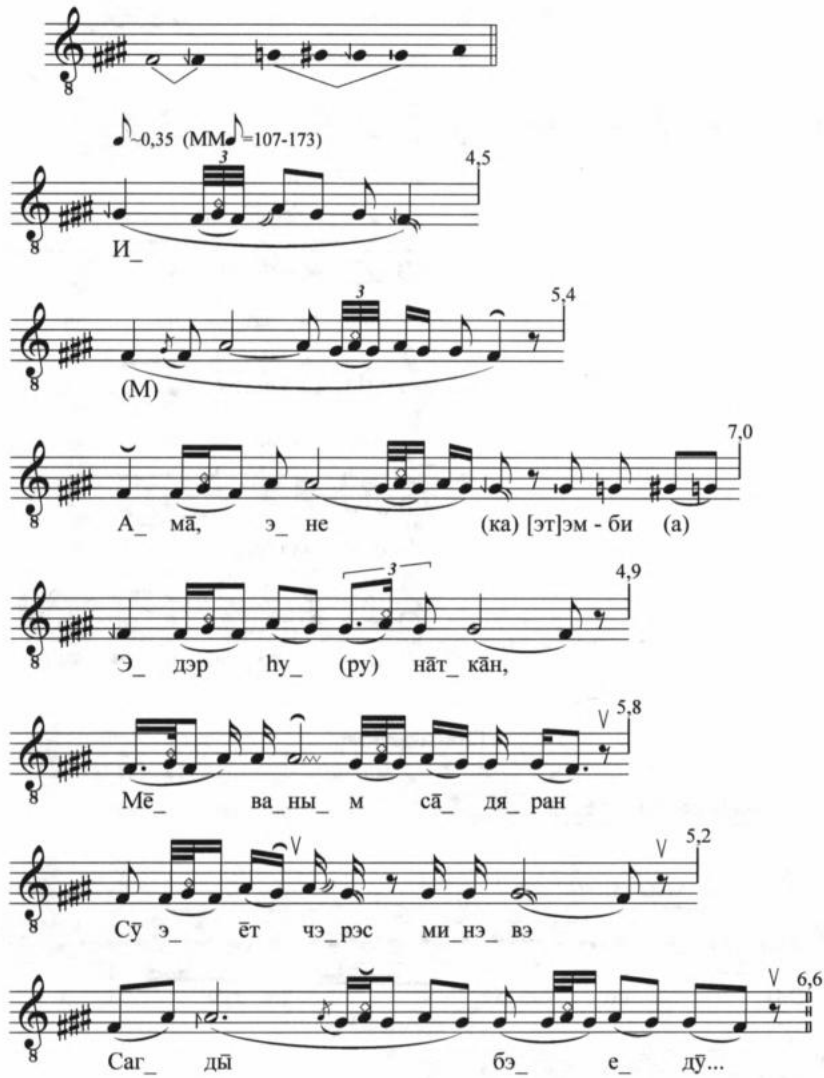



5,2
Ро_ ман Ва_ си_ лес а_ га_ пун_ ден ңа_ м
6,0
ha_ га_ ди_ га дес э_ ңа_ га_ и те_ э
=0,83 (ММ =144)
3,2
Каң_ га лат_ка но_ эн
3,2
Ка_ тэс на_ дя га_ ан
3,3
А Ро_ман Ва_ си_ ле_ ис
3,5
О_ бо йа_ би_ на эм

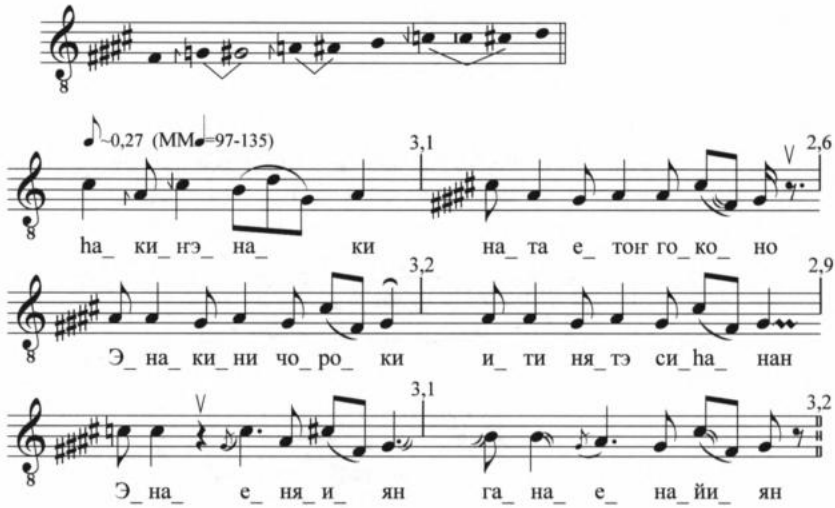
Пример 53


=0,76-1,12 (ММ =54-77)
12,5
(М)_ но_ оль_ке_ э_ ри гун_ а_ я
5,6
Э_ хң мэ_ на_ йа_ кэ
10,9
Э_ хң ну уль_ ба а_ нэль би_ ну

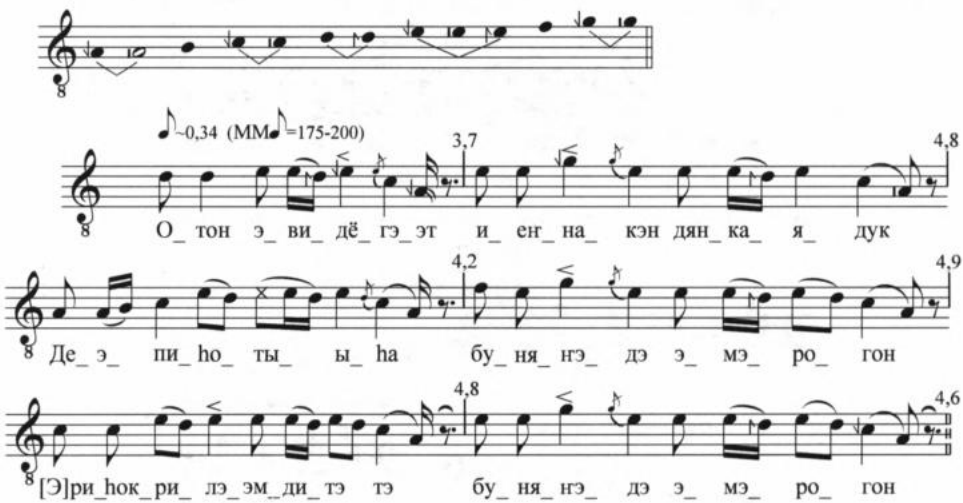
Пример 54


0,35 (ММ=107-173)
4,5
И_
5,4
(М)
7,0
А_ ма̄, э_ не (ка) [эт]эм - би (а)
4,9
Э_ дэр hу_ (ру) на̄т_ ка̄н,
5,8
Мē_ ва_ны_ м са̄_ дя_ ран
5,2
Сӯ э_ ēт чэ_рэс ми_нэ_ вэ
6,6
Саг_ ды бэ_ е_ дӯ...

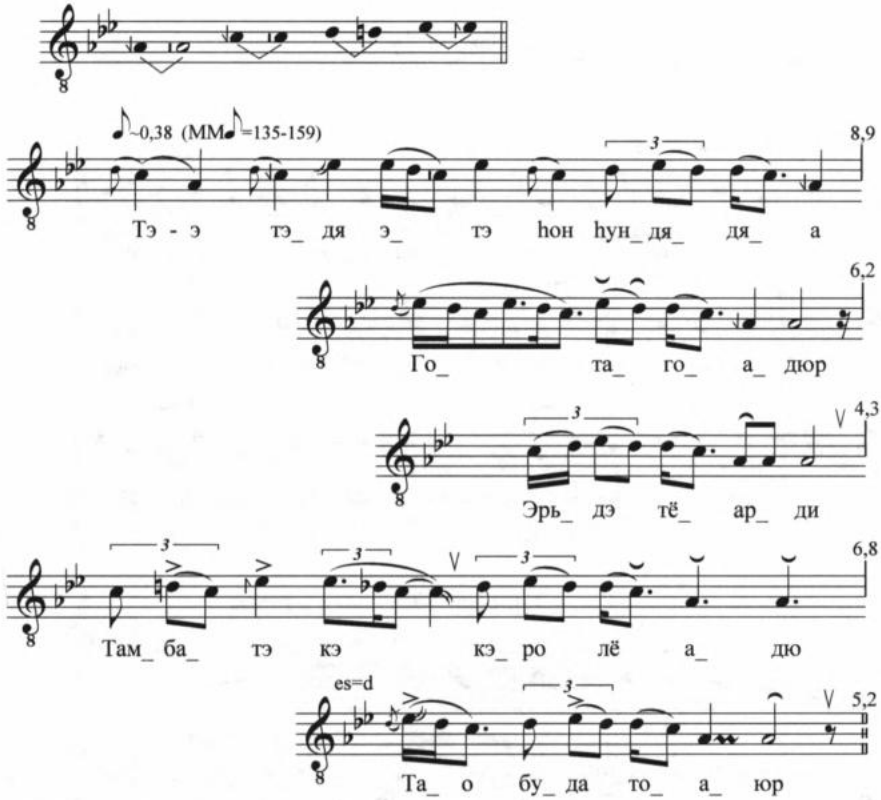
Пример 55



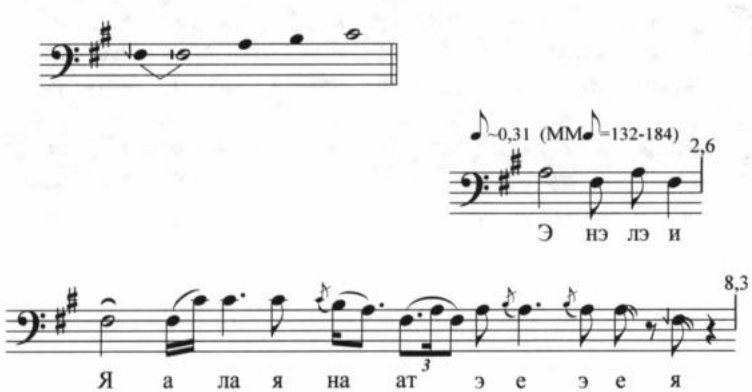
Пример 56

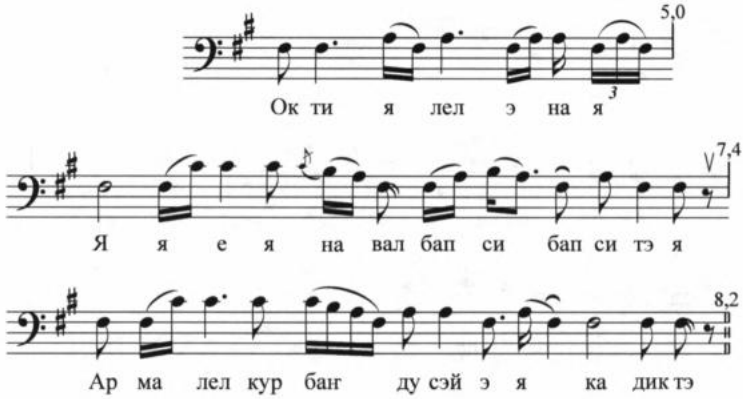


Пример 57

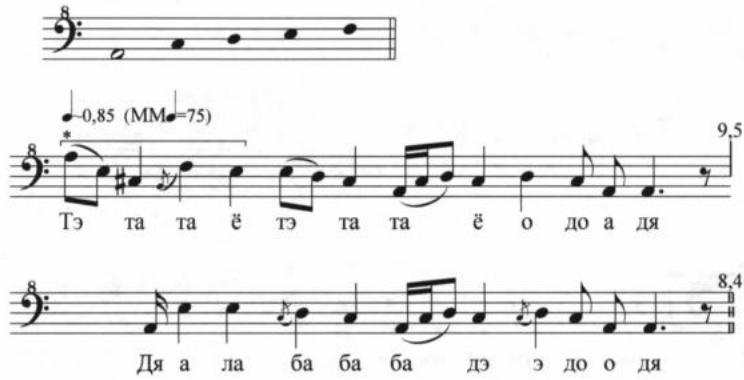


Пример 58



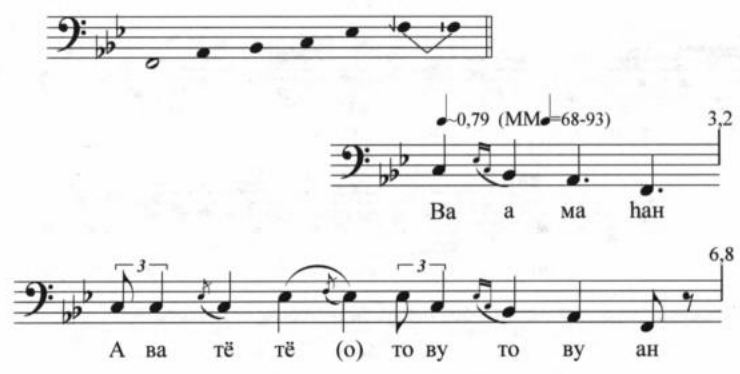


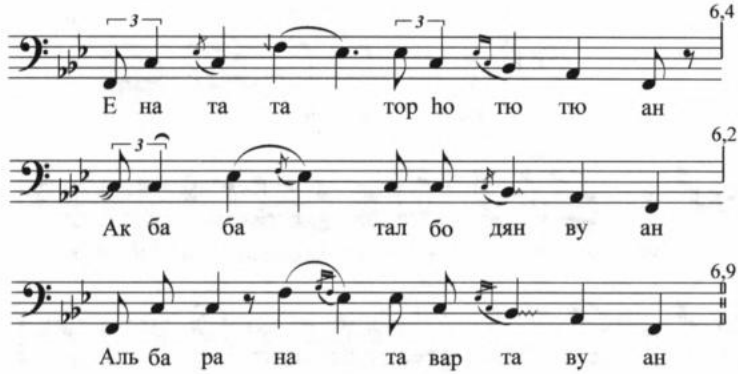
Пример 59



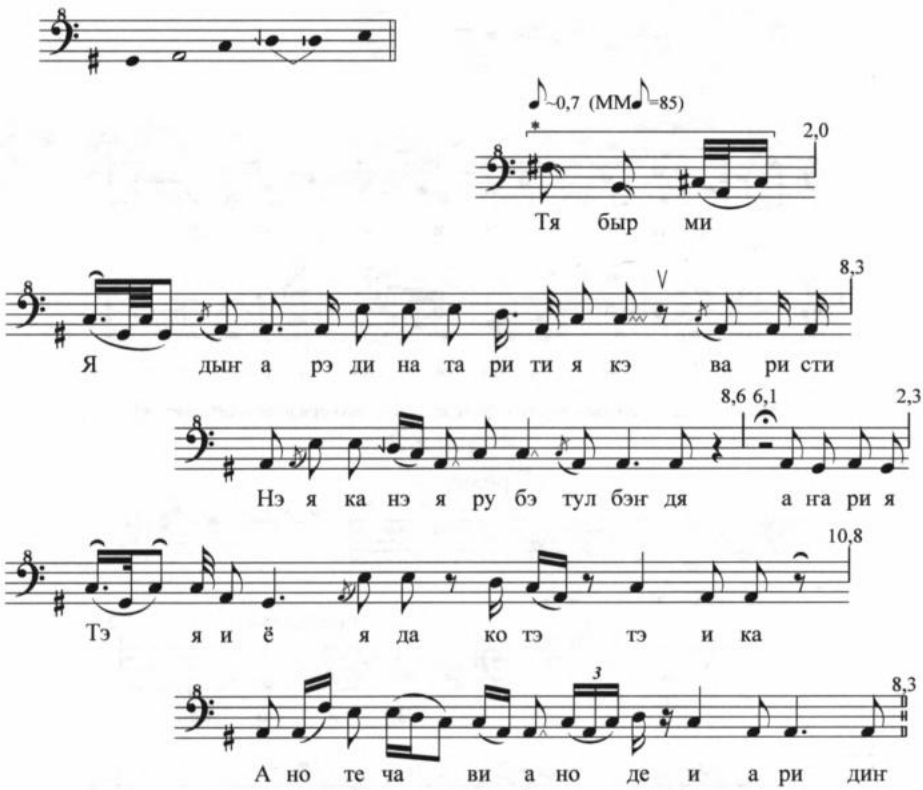
*Искажение звуковысотности в фонозаписи (в звукоряде не учитывается).

Пример 60



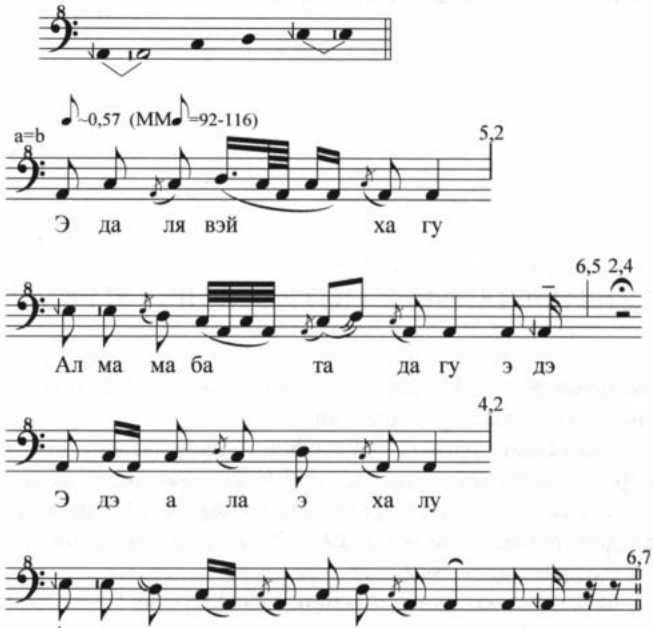


Пример 61

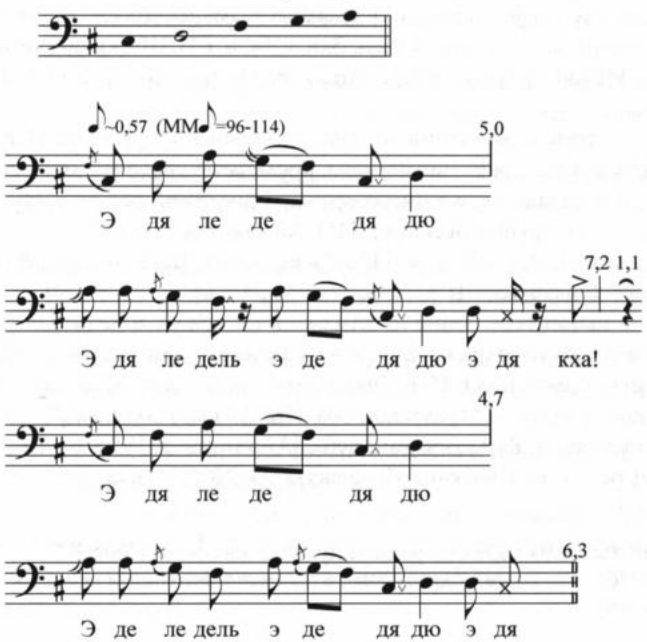


*Искажение звуковысотности в фонозаписи (в звукоряде не учитывается).

Пример 62



Пример 63



ПРИМЕЧАНИЯ К НОТНЫМ ПРИМЕРАМ

Все нотные примеры расшифрованы Т.И. Игнатьевой и Ю.И. Шейкиным по фонограммам, данные о которых приведены ниже*.

1. *Дзарин* — камлание шамана, посвящённое излечиванию дочери. Исп. Иван Андреевич Лазарев. Фонозапись и расш. текста Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 1.

2. *Дзарин* — шаманская песня с припевом *гоо-кай*. Исп. Прокопий Егорович Николаев-Нгангагэр. Материалы Шейкина, 1996, № 4. Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 2.

3. *Дзарин* — начало шаманского камлания. Исп. Матрёна Петровна Кульбертинова, вторят родственники. Установка на лечение «женского заболевания». Зап. Н.Н. Николаева, подробную информацию о проведении записи см. [Николаева, 2000, с. 57—60]. Расш. текста Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 3.

4. *Дзарин* — песенный фрагмент из малого шаманского камлания. Образец зап. у нерченских орочонов. Исп. неизвестен. Зап. С.М. и Е.Н. Широкогоровы. 1913 г. Фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ФВ 1055, № 14. Расш. текста Ю.И. Шейкина.

5. *Дзарин* — напев из камлания по поводу излечивания ребёнка. Исп. Иван Константинович Каплин. Сольное пение шамана, предшествующее его диалогу с помощником. Образец зап. в с. Наканно Катангского р-на Иркутской обл. на р. Нижняя Тунгуска (североенисейская группа эвенков). ПМ Айзенштадта, № 27-11-1. Вар. нотации опубл.: [Айзенштадт, 1995, с. 219, № 115]. Расш. текста: [там же], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 6, фрагмент 1.

6. *Дзарин* — шаманское пение из камлания по поводу излечивания ребёнка. Содержит два раздела: звукоподражательное вступление (с возгласами гагары) и пение со второй (шаман и помощник). Исп. Иван Константинович Каплин. Образец зап. в с. Наканно Катангского р-на Иркутской обл. ПМ Айзенштадта, № 27-11-2. Данные о помощнике отсутствуют. Вар. нотации опубл.: [Айзенштадт, 1995, с. 219, № 116]. Расш. текста: [там же], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 6, фрагмент 2.

---

* Сведения о записях в данном разделе приводятся сокращённо: КФЭ, 1986; Материалы Шейкина, 1996 и т.п. Более подробно см. в разделе «Источники фольклорных материалов». — *Примеч. ред.*

7. *Алгāвка-ḥэгэн* (Благословение-песня) — на празднике *бакалдын* обращение к женщинам-эвенкийкам. Исп. Анфиса Павловна Авелова. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 843. Расш. текста Г.И. Варламовой. Текст 165. Компакт-диск, № 8.

8. *Алгавка* — благопожелание. Исп. Дмитрий Павлович Пудов. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 858. Расш. текста Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 9.

9. *Алгавка* — благопожелание праздничному столу: «Младшие сёстры... наш столик, имеющий четыре ножки, пусть всегда созывает эвенков...» Исп. Мария Карловна Васильева. Образец зап. в с. Тором (на р. Тугур) Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. КФЭ, 1989, № 9. Расш. текста Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 10.

10. *Тангивка* — считалка, имеющая ритуальный смысл. Напев звучит в сюжете сказки (*нингман*) «Орель». Исп. Дмитрий Павлович Пудов. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 826. Расш. текста Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 12.

11. *Дзялегинчохена* — быстрая часть кругового танца. Исп. Анфиса Павловна Авелова. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 848-9. Расш. текста Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 29.

12. *Дялēḥинчэ (Дялехинчэ)* — песне-танец. Исп. Прокопий Егорович Николаев-Нгангагэр. Материалы Шейкина, 1996, № 2. Текст 159. Расш. текста Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 30.

13. *Дзалигинчахена* — быстрый круговой песне-танец, исполняется с хоровой второй. Исп. Евгения Александровна Курейская. Запись произведена А. Лекомт и А. Лаврильe в пос. Тура в августе 2000 г. Фонозапись опубл.: [Musique du Mond. Sibérie. Vol. 8. Évenk. Chants Rituels des Nomades de la Taiga. 3015792. № 10]. Текст 168. Расш. текста Г.И. Варламовой.

14. *Дэвэ-дэвэ* — песне-танец. Исп. Ульяна Тихоновна Максимова-Мухачан. ПМШ, 1995, № 4 (8). Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 31.

15. *Дэвэ̄ (Дэвэ)* — танцевальная песня. Исп. Татьяна Егоровна Кирилова-Энгэлаас. ПМШ, 1995, № 6 (10). Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 32.

16. *Дэвэ̄ (Дэвэ)* — танцевальная песня. Исп. Елена Тихоновна Дмитриева. ПМШ, 1995, № 16 (21). Вар. 3 текста 146. Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 33.

17. *Дэвэ̄йдэ-осōрай (Дэвэйдэ-осорай)* — танцевальные песни. Исп. Прасковья Иннокентьевна Габышева (Сынгылаева). ПМШ, 1992, № 26. Вар. 1 текста 146. Расш. текста Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 34.

18. *Осорай* — круговой танец. Исп. Вера Романовна Кузьмина. ПМШ, 1992, № 35. Расш. текста Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 35.

19. *Осорай* — круговой танец. Исп. Вера Романовна Кузьмина, с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМ Айзенштадта, 13-5. Вар. нотации опубл.: [Айзенштадт, 1995, с. 219, № 116]. Расш. текста: [там же], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 36.

20. *Осорай* — запев кругового танца и хоровая втора. Исп. Татьяна Егоровна Кирилова-Энгэлаас (запевала) и др. ПМШ, 1995, № 19. Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 37.

21. Осо̄рай (*Осорай*) — круговой танец. Исп. Прокопий Егорович Николаев-Нгангагэр. Материалы Шейкина, 1996, № 1. Текст 153. Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 38.

22. *Йохорьо* — круговой танец. Исп. Евдокия Николаевна Курбалтунова. Образец зап. в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМ Айзенштадта, № 13-14. Расш. текста Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 39.

23. *Йэхорьйо-йэхорьйо* — круговой танец. Исп. Нина Гильдеева. ПМ Айзенштадта, № 7-2. Вар. нотации опубл.: [Айзенштадт, 1995, с. 195—196, № 67]. Расш. текста: [там же], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 40.

24. *Йэхорь-йэхорь* — круговой танец. Исп. Прасковья Никоновна Копчиленок. Образец зап. в пос. Куюмба Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта, № 6-1. Расш. текста опубл.: [Айзенштадт, 1995], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 41.

25. *Йокор-йокор* — круговой танец. Исп. Аксинья Григорьевна Ядренцева. Образец зап. в пос. Куюмба Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта, № 8-2. Расш. текста опубл.: [Айзенштадт, 1995], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 42.

26. *Гэсугэр* — песня, сопровождающая круговой танец. Исп. Александра Васильевна Иванова. ПМШ, 1992, № 43. Расш. текста Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 43.

27. *Гасугур* — песне-танец. Исп. Прасковья Иннокентьевна Габышева (Сынгылаева). ПМШ, 1992, № 31. Расш. текста Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 44.

28. *Гасугор* — песне-танец. Исп. Анфиса Павловна Авелова. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 840. Расш. текста Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 45.

29. *Гэсӯнгэ (Гэсунгэ)* — песне-танец с запевом и хоровым припевом. Исп. Ульяна Тихоновна Максимова-Мухачан. ПМШ, 1995, № 17 (22). Текст 155. Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 46.

30. *Гасунгоо-гасунга-а* — запев песне-танца. Исп. Ульяна Тихоновна Максимова-Мухачан. ПМШ, 1995, № 7 (12). Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 47.

31. *Гачигор* — песне-танец. Исп. Пётр Елисеевич Марфусалов. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 833. Расш. текста Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 48.

32. *Гачигор* — песне-танец. Исп. Дмитрий Павлович Пудов. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 828. Расш. текста Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 49.

33. *Госугор* — подвижный круговой танец. Исп. Прокопий Егорович Николаев-Нгангагэр. Материалы Шейкина, 1996, № 2. Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 50.

34. *Гэсэм* — круговой танец. Исп. Павел Павлович Артемко. Образец зап. в пос. Полигус Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта, № 2-6. Расш. текста опубл.: [Айзенштадт, 1995], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 51.

35. *Хадьо* — запев кругового танца у восточных эвенков. Исп. Вера Петровна Слепцова. Образец зап. в с. Удское Чумиканского р-на Хабаровского края. ПМ Айзенштадта, № 5-5. Расш. текста опубл.: [Айзенштадт, 1995], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 52.

36. *Олилеэль-льаа* — устойчивый припев в круговом танце (у западных эвенков). Исп. Павел Петрович Артемко. Образец зап. в пос. Куюмба Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта, № 2-3. Вар. нотации опубл.: [Айзенштадт, 1995, с. 192, № 59]. Расш. текста: [там же], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 53.

37. *Олияко-лияко-ли-яа* — песне-танец. Исп. Аксинья Григорьевна Ядренцева. Образец зап. в пос. Куюмба Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта, № 8-3. Расш. текста опубл.: [Айзенштадт, 1995], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 54.

38. *Тайкуо-куохо* — круговой танец. Исп. Прасковья Никоновна Копчиленок. Образец зап. в пос. Куюмба Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта. № 6-2. Расш. текста опубл.: [Айзенштадт, 1995], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 55.

39. *Манчор* — песне-танец. Исп. Прасковья Иннокентьевна Габышева (Сынгылаева). ПМШ, 1992, № 30. Расш. текста Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 56.

40. *Манчора* — песне-танец, запев. Исп. Анна Николаевна Енохова-Нюрмага. ПМШ, 1995, № 18 (23). Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 57.

41. *Мальчора* — медленная часть танца. Исп. Анфиса Павловна Авелова. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 847-9. Расш. текста Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 58.

42. *Алда̄н ая̄н* (Благость Алдана). Исп. Дмитрий Павлович Пудов. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 816. Текст 162. Расш. текста Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 13.

43. *Алга̄вка-hэ̄гэн (Осто̄лду алга̄вка)* (Благословение-песня (Благословение столу)). Исп. Дмитрий Павлович Пудов. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 827. Текст 89. Расш. текста Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 14.

44. *hэ̄га̄н* (Песня). Исп. Анфиса Павловна Авелова. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 845. Текст 164. Расш. текста Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 15.

45. *Гилӯ, Гилӯ-й-энӣкэн* (Гилюй, Гилюй-матушка) — песня сватовства. Исп. Анфиса Павловна Авелова. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 837. Текст 102. Расш. текста Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 16.

46. *Алда̄н энӗ* (Алдан-мать). Исп. Анфиса Павловна Авелова. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 839. Текст 163. Расш. текста Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 17.

47. *Барчика̄н* (Барчикан). Исп. Дарья Павловна Никитина. Образец зап. в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 835. Текст 169. Компакт-диск, № 18.

48. *Учӣр эвэнкӣлин икэ̄нтын* (Песня учурских эвенков). Исп. Николай Гермогенович Трофимов. ПМ Мыреевой, кассета 1, № 5. Текст 177. Расш. текста А.Н. Мыреевой, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 19.

49. *Хогэн* — протяжная песня «Под солнцем родились...» Исп. Николай Гермогенович Трофимов. ПМ Мыреевой, кассета 1, № 3. Расш. текста А.Н. Мыреевой, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 20.

50. *Хэгэн* — песня про утку-*тармы*. Исп. Вера Романовна Кузьмина. Образец зап. в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМ Айзенштадта, № 13-2. Расш. текста опубл.: [Айзенштадт, 1995], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 21.

51. *Хэгэн* — песня про танец *осорай*. Исп. Вера Романовна Кузьмина. Образец зап. в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМ Айзенштадта, № 13-4. Расш. текста опубл.: [Айзенштадт, 1995], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 22.

52. *Хэгэн* — песня-воспоминание об отце, Романе Васильевиче. Исп. Вера Романовна Кузьмина. Образец зап. в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМ Айзенштадта, № 13-8. Расш. текста опубл.: [Айзенштадт, 1995], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 23.

53. *Хогэн* — охотничья песня. Исп. Пётр Иннокентьевич Соловьёв. КФЭ, 1989, № 20. Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 24.

54. *Хэгэ̄н* (Песня). Исп. Мария Карловна Васильева. Образец зап. в с. Тором (на р. Тугур) Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. КФЭ, 1989, № 2. Текст 166. Расш. текста Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 25.

55. *Хогэн* — иносказательная песня (песня-загадка). Исп. Вера Петровна Слепцова. Образец зап. в с. Удское Чумиканского р-на Хабаровского края. ПМ Айзенштадта, № 5-1. Вар. нотации опубл.: [Айзенштадт, 1995, с. 242, № 160]. Расш. текста: [там же], ред. Ю.И. Шейкина. Компакт-диск, № 26.

56. *Хэгэн* — песенная импровизация. Исп. Елена Тихоновна Дмитриева. ПМШ, 1995, № 9 (14). Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 27.

57. *Хэгэн* — песенная импровизация. Исп. Татьяна Егоровна Кирилова-Энгэлаас. ПМШ, 1995, № 10 (15). Расш. текста Ю.И. Шейкина, ред. Г.И. Варламовой. Компакт-диск, № 28.

58. Зап. С.М. и Е.Н. Широкогоровы. Исп. неизвестен. Фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ФВ 1060, № 19.

59. Зап. С.М. и Е.Н. Широкогоровы. Исп. неизвестен. Фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ФВ 1064.

60. Зап. С.М. и Е.Н. Широкогоровы. Исп. неизвестен. Фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ФВ 1059.

61. Зап. С.М. и Е.Н. Широкогоровы. Исп. неизвестен. Фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ФВ 1069.

62. Зап. С.М. и Е.Н. Широкогоровы. Исп. неизвестен. Фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ФВ 1054.

63. Зап. С.М. и Е.Н. Широкогоровы. Исп. неизвестен. Фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ФВ 1053.

Т.И. Игнатьева,
Ю.И. Шейкин,
О.Э. Добжанская

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

БУГАДЫ ИТЫЛ

1. [СИГӮН АҺИНЫВКӢ УМНЭКЭН]

1 Сигӯн аһинывкӣ умнэкэн, таргачӣн бивкӣ. Дылача, сигӯн умнэкэн бувэнчэ эдӯ. Самар савкӣл тара.

— Дылача бувэндиҥэн, аһиндиҥан, — гунывкӣл, нимҥандянал.

— Сигӯн бувэндиҥэн, аһиндиҥан, бэлэннэкэллу, — гунывкил, нимҥандянал.

— Бэлэннэкэллу, сэрувчидиҥэт — тэдэвувкӣл.

2 Элэ бэлэннэвкӣл. Теклоя* бакада, бэлэннэдэ надачӣ* бивкӣ. Тара һукчавкӣл, бэлэннэвкӣл. Эһӣлэ аһиныливкӣ дылача, һактыраливкӣ. Эр-ты бувэнэллэкин, тар теклокарва сигӯн оптӯкӣтлэн гарачивкӣл. Саман алгадявки, унтувундӯи иктӯдевки:

— Сигунэ, Сигунэ!

– Сигундэр, экэл аһина! — гунденэ.

3 Ады саман бивкӣ, бутуннул унтувундӯвэр иктӯвкӣл. Аһал бимӣл сильбӣһилвэр иктӯвкӣл, бэел икэчэрвэр, каларвар. Куҥакар тыгэкэрвэ. Иктӯдеячӣвкил, эдын аһина. Һактырама Һактыра ӧвкӣ — ҥэлевсё! Иктӯденэл, элэ гэлэвкӣл:

— Дылача! Аёкал!

— Дылача, экэл бувэнэ!

2. ТЫГДЭЛЭВУН*

Горово эһикин тыгдэрэ — тыгдэлэвкӣл. Иргактава дявавкӣл, олгочӧ чӯкаканма урдӯн чипчиһинивкӣл, тадук угискэкӣ тынивкӣл, гунденэл: «Тыгдэе эмукэл! Тыгдэлэкэл!» Тар эһӣлэ иргакта тыгдэлэвкӣ, тыгдэвэ эмӯвкӣ. Тэдемэ-ты тыгдэливкӣ тадук.

ОБРЯДЫ ПОЧИТАНИЯ ПРИРОДЫ

1. [СОЛНЦЕ ЗАСЫПАЕТ ВДРУГ]

1 Солнце засыпает вдруг, такое бывает. Солнце, солнце* однажды умирало тут. Шаманы знают это.

— Солнце умирать начнёт, заснёт, — говорят, шаманя.

— Солнце умирать начнёт, заснёт, приготовьтесь, — говорят, шаманя.

— Приготовьтесь, будем будить, — предупреждают.

2 Вот готовятся. Стекло найти, приготовить надо. Его разбивают, готовят. Вот начинает засыпать солнце, меркнет. Только оно начинает умирать, те стекляшки на восход солнца бросают. Шаман благословляет, в бубен свой бьёт:

— Солнце, Солнце!

— Сигундэр*, не засыпай! — говорит.

3 Сколько шаманов есть, во все бубны свои бьют*. Женщины в медные тазы свои бьют, мужчины — в свои котелки, в свои котлы*. Дети — в мелкую посуду свою. Бьют изо всех сил, чтобы [солнце] не уснуло. Темным-темно становится — ух как страшно! Стуча, так говорят:

— Солнце! Выздоравливай!

— Солнце, не умирай!

2. ХОЖДЕНИЕ ЗА ДОЖДЁМ

Долго не было дождя — идут за дождём. Паута ловят, засохшей травкой брюшко ему набивают*, потом вверх отпускают, говорят: «Дождя принеси! За дождём лети!» Вот потом паут за дождём летит, дождь приносит. Вправду дождить потом начинает.

3. [ТЫГДЭЛДЭ̄Н]

Тыгдэлдэ̄н, калакача̄нма куңа̄ка̄нду бӯвкил. Тадук тар калаканча̄нма куңа̄ка̄н дю̄р ңа̄латпи дявӯчадяна, тэтымкэ̄вки дылдӯви. Тадук туһакталивки, гунденэ-икэмкэ̄денэ:

— Тыгдэлёдем, тыгдэлёдем!
Тыгдэ о̄кал, тыгдэ о̄кал!
Тыгдэлёдем, тыгдэлёдем!
Бугака̄кун, тыгдэвка̄кэл,
Калакача̄нми кумтэвчэ —
Мӯңив а̄чин, тыгдэвка̄кэл!

4. [ТЫГДЭЛДЭ̄Н]

Тыгдэлдэ̄н, эһэксэ бэлевкӣ. Эһэксэвэ локовкӣл ня̄ликин ирэктэду, ня̄ликин мо̄ка̄рдӯ. Эһӣле мо̄ка̄ндӣ нонолӣ эһэксэвэр иктӯвкӣл — тэһӣнэл. Ня̄ликин мо̄ка̄ндӣ иктӯвкэмкӣл, тадук лукивкӣл-дэ̄ гивъя̄чивкӣл! Гивувкӣл, гивувкӣл — горок о̄нмо! Тымӣ-ты тыгдэльдинэ̄н. Бӣ тыкэ̄н тыгдэлёвкӣ биһӣв ня̄н. Тар гивденэ, гэлёдиңэс: «Тыгдэе уңкэл, тыгдэлёкэл!»

5. АГДЫ̄ЛЛАКИН ҺИРУГЭ̄Н*

Агдыллакин, сэлэмэлбэ (котолбор, сукэлбэр, бэрилвэр) дяявкӣл. Пёчилэ̄* арчёва нэвкӣл, тыпувчавкӣл. Тадук икэ̄вкӣл:

— Энекэ̄! (Бугава гэрбӣвкӣл.)
Горолӣ, Энекэ̄!
Горолӣ-горолӣ.
Аңадякар биһип,
Дӯннэкэ̄н дӯннэдӯ
Аңадякар биһип.
Мулакал, карайкал!
Ҳутэчэ̄р биһип,
Горолӣ-горолӣ,
Агдывдявкал горолӣ!

6. АРЧЁВА АЛГА̄

1 Агдыва* нэ̄лэмӣл, ңинакинма сендукин мускуивкил, тэпкэдӯн. Агдыӣ ңинакин тэпкэнмэ̄н эвкӣ аявра. Ңинакирвэ сёрдуктын кими-

3. [ЧТОБЫ ДОЖДЬ ПОШЁЛ]

Чтобы дождь пошёл, котелок ребёнку дают. Потом этот котелок ребёнок двумя руками держит, будто хочет на голову надеть*. Потом начинает бегать, говоря-припевая:

— За дождём иду, за дождём иду!
Дождь, полей, дождь, полей!
За дождём иду, за дождём иду!
Небо великое, дай дождя,
Котелок мой опрокинут —
Воды у меня нет, дай дождя!

4. [ЧТОБЫ ДОЖДЬ ПОШЁЛ]

Чтобы дождь пошёл, медвежья шкура помогает. Медвежью шкуру вешают на живую лиственницу*, на живые кусты. Вот веткой сначала медвежью шкуру хлещут — очищают. Живой веткой хлещут, затем снимают — и давай трясти! Трясут, трясут — долгонько! Назавтра дождь и пойдёт. Мне тоже случалось так дождь вызывать. Так стряхивая, просишь: «Дождя пошли, за дождём сходи!*»

5. ЗАКЛИНАНИЕ ПРИ ГРОЗЕ

Когда гроза начинается, всё железное (ножи, топоры, ружья) прячут*. На печь можжевельник кладут, дымят. Потом поют:

— Бабушка! (Небо так называют.)
Подальше [греми], Бабушка!
Подальше-подальше.
Сироты мы,
На землице-земле
Сироты мы*.
Пожалей, убереги!
Мы твои дети,
Подальше-подальше,
Греми подальше!

6. ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ АРЧЕ

Грома страшась, собаку за ухо теребят, чтобы визжала. Гром собачьего визга не любит. Собак за уши дёргают, чтобы визжали. Затем

скалавкӣл, тэпкэдӯтын. Тадук һуларӣнма пулатпэ, урбакива* лукивкил. Һуларӣнма агды̄дӯ эвкӣл ичэвкэ̄нэ, дяявкил. Тадук ирэ̄ктэлвэ дагаду бидерилвэ алдывкил. Алдывча мо̄ва агды эвкӣ һеркира. Тадук котолво, сукэ̄лвэ даһивкил, дяявкил. Сэлэвэ бутунну дяявкил.

2 Тара о̄нал, арчӣва тыпӯвчадиӈэс. Дю̄вӣ тар арчит һороливканнэ, тыкэ гундиӈэ̄с:

— Арчӗ, Арчӗ,
Горолӣ, горолӣ!
Арчӗ, Арчӗ,
Мунэвэ агилна,
Горолӣ, горолӣ!

Со̄мат агды̄дяракин, тыкэ̄н о̄вкӣл, тыкэ̄н алгавкил.

7. АГДЫ̄ЛЛАКИН АЛГА̄

Агды̄ һӯркикӯтчаракин, дюһунэдерэкин, эдэ̄н һеркӗра, этэдэ̄н-ӈу, агилдан-ӈу, тыкэ̄н гунывкӣл:

— Арбагаслар биһильбун!
Агды̄кэ̄н, экэл һӗркӣттэ,
Сукуначӣлдулэ̄, супкучӣлдулэ̄* һурукул!
Эр арбаһилбун! — гуннэл, арбагаскарвар ичэвкэ̄нывкӣл.
Экэл һӗркитта, ӈэлумо̄!
Агды̄, дёлоӈилас тавдиӈавун, — гуныммӗн.

(Тар дёлолво бакавкӣл, тар-ка һуптэкэ̄).

Агды̄кэ̄н, экэл һӗркӣтта!
Сукуначӣлдулэ̄ һуруксэ̄,
Тэтэкӯн тыгдэкэл!
Бӯ арбагаһивун
Экэл улара! — тыкэ̄н гуннэл, арбагискарвар ичэвкэ̄вкӣл.

8. АРЧӖВА АЛГА̄

Агды̄ллакин, Арчӗва гэлэ̄вкӣл — тариӈис агды̄дявкӣ. Тара алгавкӣл:

— Арчӗ угӯпчӯ!
Горолӣ ӈэнэкэл,
Мунэ агилкал,
Гороӗли ӈэнэдекэл!
Тэтыгэлвэр уладянны —
Тэтыгэлвун эрӯпчӯл.
Горолӣ, горолӣ, горолӣ!

красный платок, рубашку снимают. Красное грозе не показывают, прячут*. Потом деревья*, стоящие поблизости, затёсывают. В дерево с затёсиной гроза молнией не бьёт. Потом ножи, топоры прикрывают, прячут. Железное всё прячут.

Сделав так, можжевельником окуривают. Дом свой тем можжевельником по кругу обнося, так говоришь:

— Арче, Арче,
Подальше, подальше!
Арче, Арче,
Нас обходи,
Подальше, подальше!

Когда сильная гроза, так делают, так заклинают.

7. ЗАКЛИНАНИЕ ПРИ ГРОЗЕ

Если гроза сильно молнией бьёт, сильно сверкает, чтобы молния не ударила, чтобы закончилось это или обошло стороной, так говорят:

— *С арбагасами* мы!
Гром великий, не бей молнией,
К тем, у кого сукно, зипуны*, иди!
Вот наши *арбагасы*! — так говоря, *арбагасики* свои показывают.
Не бей молнией, грех!*
Гром, для тебя твои камни мы соберем!* — говорят.

(Находят такие камни, которыми искры высекают.)

Гром великий, не бей молнией!
К тем, у кого сукно, уходи,
Там во всю силу пролейся!
Наши *арбагасы*
Не замочи! — так говоря, *арбагасики* свои показывают.

8. ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ АРЧЕ

Когда гроза начинается, Арче просят — это он громом гремит. Его заклинают:

— Арче, который всех выше!
Подальше иди,
Нас обойди.
Ещё дальше иди!
Одёжки наши намочишь —
Одёжки у нас плохие*.
Подальше, подальше, подальше!

Ирэктэл биһӣлбэ алдывкӣл, дювар һороливдянал. Һуечӣвэ агдӹ эвкӣ һукчара. Тадук һуларӣл урбакилвар лукивкӣл, пулатылба-авурва һуларӣлва огонӹдӯвар дявкӣл.

9. [МАРКАНА* ЧИКУКСАЛ]

Маркана чикуксал, теңгӣ арпуливкил тэринтэки:

— Уңнякакун, гилдули нэнэкэл,
Оёлдулӣ, эрилдулӣ, дэрэндули!
Миндуклэ нёдулэкэл,
Эргидэли лэпунтыкэл!

10. АГДӹТКИ ГУҢНЭРЭ

Эӗчиңкитын:

— Минэ экэл гада,
Һуңтули һоктоли ичэткэл,
Тадӯ мэлкэн һуричэдерэн.
Бакакал, бакакал!
Агдӹ, агдӹлран шӧт —
Мэлкоми дикэлчэ мӧдӯ.
Аят ичэткэл!
Тадӯ бичэривэ бакадянрэ.
Һӣмат, һӣмат!

Агдӹ мӧдук мэлконмо бакаран, игдӹт игдӹран, мӧва һёркиран.

11. [НЕҢДЭЛЭДЭН]

Неңдэлэдэн, эдэн тыгдэрэ, куңакардӯ гунывкӣл:
— һимакандӣ, неңдэлэе гэлэкэллу!
Эһӣлэ куңакар, һунаткар бӯ, юнэл, һэркилвэр лукивкӣл, сигӯндӯ нярбакир мукэмуккӯрвэр ичэвкӯнывкӣл, гунденэл, тэпкэденэл:

— Сигунэ, Сигунэ!
Миннгӣ мукӯмэкив олгӧкин,
Синнгӣ улапкун!

Тар сигунэ һалдявкӣ, тадук ювкӣ. Тар неңдэлэвкӣ. Уһадӯвар, тӧй амтӹлвун неңдэлэвэ гэннэвкэнынгкитын тыкэ.

Деревья, какие есть, затёсывают, дом вокруг обходя*. Раненое [дерево] грозой не ломается. Потом красные платья* снимают, платки-шапки красные за пазуху прячут.

9. [МАРНИК СРЕЗАЮТ]

Марник срезают, его пучками машут в разные стороны:

— Великая гроза, к другим уходи,
Выше, отсюда к верховьям реки!
Впереди меня,
В той стороне пронзи [молнией]!

10. ГРОМУ ПРИНЯТО ГОВОРИТЬ

Желали:

— Меня не забирай*,
На другую дорогу смотри,
Там *мэлкэн** прячется,
Найди его, найди!*
Гром, греми сильней —
Мэлкон в дереве прячется.
Хорошенько его высматривай!
Тогда сидящего ты найдёшь.
Быстрей, быстрей!

Гром в дереве *мэлкона* находит, громко гремит, дерево молнией разбивает.

11. [ЧТОБЫ РАСПОГОДИЛОСЬ]

Чтобы распогодилось, чтобы дождь не шёл, детям говорят:

— Быстрее хорошую погоду просите!

Тогда мы, дети, девочки, выходим, штаны свои снимаем, солнцу голые попки свои показываем, крича-говоря:

— Солнце, Солнце!
Моя попка сухая,
Твоя мокрая!

Вот солнце устыдится и тогда выйдет. Вот и распогодится. Когда мы маленькие были, наши родители так заставляли ясную погоду приносить.

12. [ŌН ŌВКИЛ, НЕҤДЭЛЭДЭ̄Н]

Ōн ōвкил, неҥдэлэдэ̄н? Тыгдэ горово тыгдэдерэкин, неҥдэлэвэ бугадук гэлэ̄вкӣл. Ҥонымӣкар-ка кулӣр дӯннэдӯ бивкӣл, тарит олломō̄тто ая бивки. Тарилва, дӯннэвэ улексэ, бакадиҥа̄с. Олгочō чӯкава гакса, тар кулӣка̄нма уйдиҥа̄с, тадук олговчō мō̄ва бакакал, локодō̄ви. Локодёно, гундэ̄ви:

— Бугака̄кун, hутэлли дэльби улапра,
Дӯннэкэ̄кун дэльби мӯчи ōран,
Бирал̄ли сō̄мат мӯдаhичэ̄л.
Бугака̄кун, неҥдэлее уҥдэ̄ви!
Неҥдэлегин hима̄чӣра,
Сигӯкэ̄кун олгӣгин мунэвэ!
Кулӣка̄л дӯннэвэ депчэ̄тын —
Олгӣкал, олгӣкал!
Неҥдэлее уҥдэ̄ви,
Мула̄кал hутэлвӣ! —

тыкэн гуннэ, этэнэ, лококол кулӣка̄нмӣ олгō̄кин мō̄дӯ — ирэктэдугу, ёкунду-гу.

13. [ЭКЭЛ ТЫГДЭРЭ]

Экэл тыгдэрэ эситкэ̄н,
Тымӣ-вэл, чагӯдӯ-вэл тыгдэдэ̄ви.
Бӣ чӯкава качӯдям,
Экэл тыгдэрэ!

14. [СИГӮНЭВЭ КУҤАКАР ГЭЛЭ̄ВКӢТЫН (СŌМА ГОРО ТЫГДЭДЕРЭКИН, МУДЭ̄РЭКИН)]

Сигӯнэ, сигӯнэ,
Эникэ̄кун, сигӯнэ!
Тӯксулдук ичэhикэл*!
hутэлли соҥодёро
Инга-иҥакардӯ.
Сигӯнэ, сигӯнэ,
hутэкэ̄рри улапта,
hутэлвӣ ичэhикэл,
hутэлдӯи бэлэкэл,

12. [КАК ДЕЛАЮТ, ЧТОБЫ РАСПОГОДИЛОСЬ*]

Как делают, чтобы распогодилось? Дождь долго идёт — хорошую погоду у неба просят*. Длинненькие черви-то в земле бывают, на них рыбачить хорошо*. Их, землю покопав, найдёшь. Высохшую травинку взяв, того червячка обвяжешь, потом высохшее дерево найди, подвесь. Подвешивая, скажешь:

— Небо великое*, дети твои совсем промокли,
Землица великая наша вся водою наполнилась,*
Реки твои водой переполнились.
Небо великое, хорошую погоду пошли!
Пусть распогодится побыстрее,
Пусть Солнце великое высушит нас!
Ведь черви землю съедят* —
Высуши, высуши!
Хорошую погоду пошли,
Пожалей ты детей своих! —

так сказав, закончив, подвесь червяка своего на высохшее дерево — на лиственницу или ещё на какое.

13. [НЕ ЛЕЙ]

Не лей сейчас,
Хоть завтра, хоть послезавтра лей.
Я траву кошу,
Не лей!

14. [ИСПРАШИВАНИЕ ДЕТЬМИ СОЛНЦА* (ЕСЛИ ИДУТ ДОЛГИЕ ДОЖДИ, НАЧИНАЕТСЯ НАВОДНЕНИЕ)]

Солнце, солнце,
Великая мать солнце!
Из-за туч выгляни!
Дети твои плачут
На гальке-галечке.
Солнце, солнце,
Детки твои промокли,
На детей своих ты взгляни,
Детям своим помоги,

Тӯксулдук ичэикэл*!
Иҥалдӯ соҥодёров,
Иҥалӣ туксандянал,
Сигӯнэ, сигӯнэ!

15. СИГӮНЭВЭ КУҤАКАР ГЭЛӘВКӢТЫН

Сигӯндар сигӯнӘ,
Сигӯндарин сигӯнӘ!
Чōрā-чōрāдукки,
Мэҥумэ* чōрāндукки,
Мэҥумэ дю̄кāндукки,
Чōрāма дю̄кāндукки,
УркэкӘнми нӹhиксӘ,
Һутэлви ичэhикэл!
Иҥа-иҥакарлӣ,
Соҥо-соҥордёнол,
Һутэлли туксандяра!
Сигӯндар сигӯнӘ,
Сигӯндарин сигӯнӘ!

16. [АЛГĀ]

Боло бӯ олломōҥноров ЭмҥӯндулӘ — де тыгдэливкӣ. Эhӣлэ гэлӘҥнэрэв, неҥдэлэдӘн:

— Буга-эhэкӘ, аёкал!
Буга-эhэкӘ, экэл соҥоро!
Буга-эhэкӘ, аёкал!

Тадук тогодӯ ēкуна-вал аяя, алапчӯя бӯвкӣл, гунденэл:
— Тогокō, аёвнакэл!

17. СУГӢВА АЛГĀ

Сōмат эдӹҥилигин, сугӣ ōракин, котово гавкӣл, сукэе-гу (деечӣе). Мōдӯ уйдӘс нада*, деевӘн эдӹндерӣлӘн. Агиливкӣ, алгадя̄с:

Из-за туч выгляни!
На гальке мы плачем,
По гальке бежим*,
Солнце, солнце!

15. ИСПРАШИВАНИЕ ДЕТЬМИ СОЛНЦА

Сигундар солнце*,
Сигундарин солнце!
Из дома-домика*,
Из золотого колокольчика,
Из золотого жилища,
Из дома-жилища,
Дверцу открыв,
На детей своих ты взгляни!
По гальке-галечке,
Плача-плача,
Дети твои бегут!*
Сигундар солнце,
Сигундарин солнце!

16. [ЗАКЛИНАНИЕ]

Осенью мы едем рыбачить на Амгунь — ну, дождь начинается. Тогда просим, чтобы прояснилось:

— Небо-дедушка, выздоравливай!*
Небо-дедушка, не плачь!
Небо-дедушка, выздоравливай!

Потом огню что-нибудь хорошее, вкусное дают, говоря:
— Огонь, иди полечи [Небо]!*

17. ЗАКЛИНАНИЕ ВИХРЯ*

Если очень сильный ветер поднимается, вихрь появляется, нож берут или топор (что-то с лезвием). Его к дереву привязать нужно, лезвием к ветру. Обходя [дерево] стороной, заклинать будешь так:

— Сугӣ, сугӣ!
Агилна нӡэнэкэл,
Агилкал-йлтэнкэл.
Котови һоктодӯс нӡэчӡв,
Котов арчадяран синэвэ,
Сукэв арчадяран.
Агилкал дыӏӣ,
Агилкал нӡёгидалӣ!

18. ҺУЛГАННӢ

Эдӯ Чукчагир биһин, һэгдындя, амутындя ламнгачӣн. Билир бэел дюкэлӣ нгэнэһинчэл Чукчагирва. Чэпэчэл. Тадук йтчӣ оча. Чукчагирва энэ имтыра этэнны нгэнэрэ. Һулгавкӣл. Гэлэвкил:

— Эһэкэ! Ает бивкэл!
Эһэкэ! Ает давувкакал!

19. ДЮГДЮ̄Р-ЭҺЭКЭДӮ ҺИРГЭ

Бугамӣя!
Ает ичэткэл мунэвэ —
Имтыргэ дамгава нэдем.
Синду нэдем,
Синду һулгадям.
Дюгдю̄р-эһэкэ!
Одё! Гудякэл!
Һиргэксэнэ,
Алгадям синэвэ.
Дюгдю̄р-эһэкэ!

Кадардӯ нэнны. О̄кин-да энэл алгаһакса, энэ имтырэ* экэллу нгэнэрэ.

20. ДЮГДЮ̄Р-АМИН БУГАДӮ АЛГА̄

Дюгдю̄р, дёһун буга,
Дюгдю̄рэкэн дюгдю̄р
Амин-буга,
Мӯһулкэн турэнмэв

— Вихрь, вихрь!
Обходя, проходи,
Обходи-проходи.
Нож мой я на пути твоём положил,
Нож мой встречает тебя,
Топор мой встречает.
Обходи выше,
Обходи ниже!*

18. ПОДНОШЕНИЕ*

Здесь Чукчагир* есть, большущее, огромное озеро, как море. В старину люди по первому льду пошли через Чукчагир. Утонули. С тех пор [у озера] дух-хозяин появился*. Чукчагир, не покормив, перейти не сможешь. Подношение делают. Просят:

— Дедушка! Дай хорошо жить!
Дедушка! Дай хорошо переплыть!

19. ЗАКЛИНАНИЕ ДЖУГДЖУРА-ДЕДУШКИ*

Небо милостивое!
Хорошо присматривай за нами —
В угощение курево кладу.
Тебе кладу,
Тебе жертвую.
Джугджур-дедушка!
Смилуйся! Пожалей нас!
Заклиная,
Благословляю тебя.
Джугджур-дедушка!

К скале положи. Никогда не пропускай заклинания, без угощения не пройдёшь.

20. ЗАКЛИНАНИЕ ЗЕМЛИ ДЖУГДЖУРА-ОТЦА

Джугджур, граница неба и земли,
Хребтового хребта
Отец-Земля,
Заветное* слово моё

Иргэлэ̄ви ӣвкэл,
Сӗ̄ндӯи силдыдякал,
Аямат ичэикэл мунэвэ.
Дулин бугадӯ hутэлвӣ
Балдыкса иргиденэ,
Дулин бугакакунду ӣндем,
Орокӧ̄рви иргиденэ, ӣндем.
Аят алавкакэл мунэвэ,
Баргидадӯи нӧ̄дакэл!

21. САЛАМАВКА̄

1 Илан мучуктэткэ̄нмэ иливувкӣл. Саламава илан да̄риктачӣва ӧ̄вкӣл. Багдарӣн томково гавкӣл, улгэвкил. Илан дарикта тар томко ӈонимин бивкӣ. Тар томколӧ̄ саӈая оноктоткӧ̄ро уивкӣл, томкокӧ̄р-гӯ hунтул бивкил — тарилба уивкӣл. Гириптылалба саӈакарба. Ӈӣ дамгатӹ̄вкӣ — дамгая, папирӧ̄ская уйден. Кампӗ̄тъя*, эвӣкэ̄р-гӯ бидиӈэ̄тын, ohукэе.

2 Тар саламава илан мучуктэткэ̄ннӧ̄н hэгды, гугда ирэ̄ктэдӯ эhилэ угӣлэ̄ уивкӣл. Гороhинчадӯ, бэе эдэ̄н илэчэ̄рэ угӣлэ̄ уивкӣл. Эмэ̄нденэл, гунивкӣл:

— Эмэ̄ним, аят бигин.
Тӧ̄ра̄к ӗhачӣл эктын илэчэ̄рэ.
Эрӯ ӗhачӣ бэе егин илэчэ̄рэ.

Тыкэ̄н гуннэл, тыкэ̄н алганал эмэ̄нивкӣл эhилэ. Ӈӣ-вэл илэчэ̄дя̄н — тар эру. Мэ̄нин мунудэлэ̄н бимӣ — ая. Тар саламава ая бидэ̄н уивкӣл.

22. САЛАМАВКА̄ АЛГА̄НЮН

— Сӯ, эмэмэктэл бэел э̄р бугадӯ, саламаваяр ӧ̄даhун на̄да*. Томкое багдарӣна, тадӯ оноктокӧ̄ро уйкэллу, испӣскака̄нэ, дамгака̄на. Саламава ӧ̄ксал̄, тыкэ̄н гундӗ̄hун: «Бӯ э̄р бугала̄ эмэрэв. Дюлэ̄ски аят бикпун. Эвэвэр бакалдырав, экнӣлвэр, нэкнӣлвэр бакалдырав аят».

Тыкэ̄н гунденэл, тар саламава ирэ̄ктэдӯ уйдиӈэ̄hун. Тара̄ бӣ алга̄дяв, аядӯ алга̄дяв.

В мозг свой введи,
На уши нанижи*,
Благосклонно взгляни на нас.
Детей своих в Среднем мире
Родив и вскармливая,
В своём Среднем мире я живу,
Олешков своих кормя, живу.
Благополучно переправь нас,
На другую сторону переброс!

21. ДАРЕНИЕ *САЛАМЫ**

1 Три молодых лиственнички ставят*. *Саламу* длиною в три маховых сажени делают. Белые нитки берут, сплетают. Эти нитки длиной в три маховых сажени. На эту нить новые тряпочки* привязывают, всякие ниточки, если есть, — тоже привязывают. Лоскутки новенькие. Кто курит — табак, папироску привяжет. Конфеты, игрушки, какие есть, пули.

2 Эту *саламу* вместе с тремя молодыми лиственничками на большую, высокую лиственницу теперь привязывают*. Подальше*, чтобы человек не трогал, подвешивают. Оставляя, говорят:

— Оставляю, пусть хорошо будет.
Поперечноглазые* пусть не трогают.
Человек с дурным глазом пусть не трогает.

Так говоря, так благословляя, теперь оставляют. Кто-нибудь тронет — это беда. Сама сгниёт — хорошо. Такую *саламу*, чтобы всё было хорошо*, привязывают.

22. ДАРЕНИЕ *САЛАМЫ** С БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

— Вы, только что на эту землю прибывшие люди, должны сделать [для себя] *саламу*. На белую нитку там тряпочки привяжите, спичечку, табачок. Сделав *саламу*, так скажете: «Мы на эту землю пришли. Пусть в будущем хорошо нам живётся. Бабушку свою встретили, старших сестёр, младших сестёр и братьев* своих хорошо встретили».

Так говоря, эту *саламу* на лиственницу привяжете. Эту [*саламу*] я благословлю, на добро благословлю.

23. ДӮННӮР-ЭНӣДӮ ҺУЛГАННӣ

Дӯннӯр-энӣ бивкӣ, дӯннэ дӧдӯн. Балдыдя̄к дӯннэдуккӣ ҺурӧӉн нгэнэдэвӣ некэми, тар Дӯннӯр-энӣдӯ оноктокӧро Һулгадиӈа̄с — послеННей* урикӣттӯ, Һурудюлмӣ. Тадӯ алга̄диӈа̄с:

— Дӯннӯр-энӣ,
Балдыдя̄к дӯннэвӣ эмэндем,
ҺурӧӉн ҺурудюруВ —
Таргачӣн киҺалга ӧран.
Экэл hэннырэ, гунденэ:
«Балдыдя̄к дӯннэвӣ
Эмэнэн, энэ-кэт ҺулгараВ».
Ая Һоктоёвун бӯкэл,
Энэ эруе дялда̄ра.
Багар ӧкин-мал мучӯдиӈа̄вун,
Багар ҺурӧӉн бидиӈэвун...
Эрилвэ синдӯ Һулгадярав,
Ят эмэнмукэл!

24. БАЛДЫДЯ̄К ДӮННЭДУККӢ* НУЛГИЛМӢ АЛГА̄Н

Балдыдя̄к дӯннэв итчӣн,
Айилӣнна балдыиа̄в бугав ӣтчӣн,
Эгдэр баян бэгин-эҺэкэв!
Һуиту бугала̄вӣ нульгирӣв инэиӣ ӧдан.
«Энэ мэргэрэ нульгидэи некэдерэн,
МӯҺулкэн турэнмӣ
Энэ эмэнэ нгэнэдэи
Некэдерэн», — экэллу гунэ!*
Эр ҺулгаМ, эмэным.
Бинӣвэ бидэ умун алакӣт
Эчэ бирэ — гунывкӣл.
Багар ӧкинмал мучӯдиӈа̄в!
Сӣ айӣс — синдӯ,
Бӣ айӣв миндӯ ӧгин!

25. ДӮННЭ ИЧЧӣДӮН АЛГА̄

Ёкӯскайла̄* нгэнэдеҺиннэл, Ка̄вергала̄ эксэрӣв Һутэлвӣ. Таду Һулгаммӗн, тадук гуныммӗн:

23. ПОДНОШЕНИЕ ЗЕМЛЕ-МАТЕРИ*

Земля-мать внутри земли [живёт]. Когда с родной земли навсегда уехать собираешься, той Земле-матери лоскутки подаришь — на последней стоянке, когда уезжаешь. При этом благословишь:

— Земля-мать,
Землю, на которой родился, я оставляю,
Навсегда уедем —
Такая нужда пришла.
Не обижайся, говоря:
«Родную землю
Оставил, даже не сделав приношения».
Хорошую дорогу нам дай,
Плохого не думая.
Может быть, когда-нибудь и вернёмся,
Может быть, навсегда уедем...
Вот тебе подношение делаем,
Всего хорошего!

24. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПРИ ПЕРЕЕЗДЕ С РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Дух-хозяин родной земли,
Спасительной родной земли хозяин,
Горной тайги богатый хозяин-дедушка!
В чужую землю кочевать день настал.
«Не очень горюя, откочевать хочет,
Своего слова заветного*
Не оставляя, уехать
Хочет», — так не говори!
Вот делаю подношение, оставляю [подарки].
Жизнь прожить — не один
Перевал перевалить*, — говорят.
Может, когда-нибудь и вернусь!
Тебе — твоё,
А мне пусть моё будет!*

25. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ДУХУ-ХОЗЯИНУ ЗЕМЛИ*

В Якутск уезжать собираясь, в Кавергу* повёз я своих детей. Там приношение сделали, потом я сказал:

— Дӯннэ иччӣн,
Мунэвэ аят эксэктэкэл,
Аят алгӑкал!
Синэвэ ӧкин-да̄ этэ̄рэв омнгоро!
Аят бидединг̄эвун,
Сӣ нян аят эмэ̄нмукэл!

Һулгарав тадӯ, гэлэ̄рэв дӯннэ иччӣдӯк аят бидедэ̄вун сан̄а дӯннэдӯ, ёкӧл дӯннэдӯтын. Тарит эмэрӣвун элэ̄ аят.

26. БИРА МУҺӮРЭНДӮН АЛГА̄ (БИРАВА АЛГА̄)

Эгдыкӯн бирава эдэдеһиннэ, сӗктакӑрдӯ оноктокӧрво уикнэнны, гунденэ:

— Биракӯн, гэрбӣлэгдэкӯн биракӯн!
Муһӯрэнникӯн биракӯн!
Аят эдэвкэл,
Баргида̄лӑви нӧда̄кэл!

Эһӣлэ аят эдэрэ, сӗктая огдин̄а̄тын.

Дя̄витпал, угӯчакитпал-кат нэнэмӣл, сӗктакӑрва һогивкил. Эдӣгӯлӣ дявӯчадяна, мӯдӯ бурӣдединг̄эс умутукӧрдӣ. Китылва исталави. Ӧвкӣл — аят эдэрэ. Сӗктака̄килдула̄ һуруксол:

— Э, биракӯн, гэрбилэ̄гдэ биракӯн!
Муһӯрэнни биракӯн!
Аят эдэвка̄нынны,
Эдук дюлэ̄скӣ аят эдэвка̄ндекнэкэллу,
Һутэв бигин, мэ̄нми бигин —
Аят эдэвка̄ндикэллу, эр улгам.

Тыка̄н турэ̄тчэнэл, уивкил сан̄ал оноктокӧрво. Ча̄скичӣ бимӣ — ча̄ския, лӧскачӣ — лӧскача̄на*.

27. БИРАВА АЛА̄НДЯРӢЛ АЛГА̄ТЫН

Бирава ала̄ндянал, улганнӣвкӣл. Ӗктаткӑрдӯ сан̄ал гириптыла̄ оноктокӧрво уивкӣл, гунденэл:

— Аят эдэвкэл,
Баргида̄лӑви нӧда̄кэл!

— Дух земли,
Хорошо нас веди,
Добром благослови!
Ведь мы никогда тебя не забудем!
Будем жить хорошо,
Тебе тоже всего хорошего!

Сделав там подношение, попросили у духа-хозяина земли хорошей жизни на новой земле, земле якутов. Поэтому доехали хорошо.

26. ЗАКЛИНАНИЕ ДУХА РЕКИ (ЗАКЛИНАНИЕ РЕКИ)

Через большую реку собираясь переправляться, на тальники нужно лоскутки привязать, говоря:

— Большая река, имеющая имя большая река!
С духом-хозяином большая река!
Хорошо переправь,
На ту сторону перебрось!

Вот хорошо переправились, тальник ломают*.

На лодке или верхом на олене переправляются, тальник ломают. По течению* держа, в воду бросают по одной веточке. Пока твёрдой земли не достигнут. Выходят — хорошо переправились. Идут к тальникам, говорят:

— Большая река, имеющая имя большая река!
С духом-хозяином большая река!
Хорошо ты нас переправила,
Впредь так же хорошо переправляй,
Ребёнок ли мой [придёт], сам ли я —
Хорошо переправляй, вот я тебе подношу.

Так говоря, привязывают* новые лоскутки. Чашка есть — чашку [оставляют], ложка — ложечку*.

27. ЗАКЛИНАНИЕ ДУХА РЕКИ ПРИ ПЕРЕПРАВЕ

Через реку переезжая, делали подношение. На тальники новые лоскутки ткани привязывали, говоря:

— Хорошо переправь,
На ту сторону перебрось!

Ӈутэчӣ биӈинни-дӑ — октӑкӑрва ӈокогоӈнонны. Нюӈутульдӣ уикнэнны, илана нюӈутульдӣ уикнэнны. Эӈӣлэ, бирава ӈэдэденэ дегӣнӈӯлӣи тарӑкӑн нодӑӈнанны, мӯдӯ тыкивуӈнэнны, гунденэ:

— Ӈутэчэл биӈильбун!
Аят ӈэдэвкэл,
Гэрбӣлэгдэ биракӯн,
Олӧкмӑкӯн биракӯн!
Муӈӯрэнни Олӧкмакӑн,
Ӈутэчэльвэ аят ӈэдэвкэл!

Дёлокӧрдӣ куӈӑкӑрдӯ эвкӣл бӯрэ гарагаттӑтын, эдэн тукӯлла.

28. БИРАВА ГЭЛӘДИӇӘС

Биракӑнма дагамамӣ, йлӣ ӈэдэдэви эӈинны сӑра. Багар ӈёскӣ ая такан бидиӈэн, багар дьыскӣ аятмар ӈэдэдэ бидиӈэн, ороно ӑчин бими. Тыргимэн бимӣ. Биракӑнма дагамакса, гундэи:

— Энёкэ, йдӯ идерэс?

Тыкэн гунмӣ, тыкэн гэлэмӣ, тарты бакадиӈас тӑканма-гу, ирэктэвэгу тыкчэвэ, тэлӣ ӈэдэдёс. Эмӣ тыкэн гэлэрэ, муӈнандиӈэс, ӈэдэкӣтпэ горово гэлэктэдиӈэс. Тыкэн гэлэмӣ, тарты ӈэдэдиӈэс. Гэлэмӣ, йдерэвӣ синду ичэвкэндяӈн — ӈэдэкӣтвэ.

29. БАЛДЫДЯК БИРАЛДУ АЛГӐ

Дулин бугадӯн,
Дулин дӯннэдӯнэ,
Дылачӑ ӈэрӣндӯн
Нульгиктэнэль-ӈэн
Йнденэль-дэ,
Ӈэнэденэнэль-дэ
Эвэнкӣкэр-дэ.
Олӧкмакӑн-энӣкэн,
Ӈӧкдекэн-энӣкэн
Эмкэркэкундутынэ
Булӑдявкиль-дэ,
Йндевкиль-дэ
Балдыдякильду-дэ
Биракӑрдулӣвэр-дэ

Если у тебя есть маленькие дети — надо наломать ерника. По шесть [веточек] надо связать, три пучка по шесть связать. Потом, переезжая реку, с левой стороны три раза надо бросить, в воду уронить, говоря:

— Дети у нас!
Хорошо переправь,
Имя имеющая большая река,
Олёкма большая река!
С духом-хозяином Олёкма великая,
Нас, имеющих детей, хорошо переправь!

Камешки детям бросать не разрешают, чтобы не рассердилась.

28. ПРОСЬБА К РЕКЕ

К речке близко подойдёшь, а где брод — не знаешь. Может, вниз по течению хорошая колода лежит, может, вверх по склону лучше брод есть, если ты без оленя. Подойдя к реке, надо сказать:

— Бабушка, где твоя спина?*

Если так скажешь, так попросишь, то самое найдёшь, или бревно через речку, или упавшее дерево, тогда перейдёшь. Если так не попросишь, то намучаешься, брод долго будешь искать. Если попросишь, обязательно быстро переправишься. Если так попросишь, она свою спину тебе укажет — перейдёшь.

29. ЗАКЛИНАНИЕ РОДНЫХ РЕК

В Среднем мире,
На Средней земле,
Под светом солнца
Кочуя ведь,
Живут ведь,
Идя ведь,
Эвенки ведь.
Олёкмы-матушки,
Нюкжи-матушки
По берегам ведь,
Охотясь ведь,
Живут ведь,
По родным ведь
Рекам своим ведь

Утэкэ̄ррун-дэнгэн,
Ча̄кигириль-канэ.
Оло̄кмака̄н-энӣкэ̄н,
Нюо̄кдекэ̄ны-кэны,
Сира̄дякальлю-нэ
Октовотын-ӣнмэтынэ!
Аямат нгэнэдектынэ,
Аямат бидектынэ.
Гороёло̄ суга̄ркальлюнэ*
Аямат нгэнэдектынэ!
Гороёл бугалдулӣ-дэ̄,
Бираял эмкэркэ̄рдулӣ-дэ̄
Ӣнденэль ӣндектынэ!
Оло̄кмака̄н-энӣкэ̄нэ,
Нюо̄кдекэ̄нэ-энӣкэ̄нэ!
Аява-дэ аядыява-дэ̄
Алга̄дяна, гэлёдемӣ-дэн.
Оло̄кмака̄н-энӣкэ̄н,
Аядыгдая-дэ̄,
Нюо̄кдекэ̄н-энӣкэ̄н,
Айдякаллу утэльбэре!

30. ИЕНГНЭКЭ̄НДӮ АЛГА̄

Иё-иё-Иёнгнэкэ̄н
Эвэнкӣл гэрбичӣвкӣл.
Иё-иё-Иёнгнэкэ̄н —
Гудей бира.
Икэ̄рвэр икэ̄нденэл,
Аямат бидерэ эвэнкӣл,
Кунга̄ка̄рвэр иргиденгэл.
Ие-ие-Иенгнэкэн
Эвэнкӣл гэрбичӣвкӣл.
Иё-иё-Иёнгнэкэ̄н —
Гудей бира.
Ичэвденэ, мӯда̄девкӣ,
Эёнин гороёло̄ до̄лдывдявкӣ —
Дёлоко̄рви ултӯденэ,

С детьми своими
Чакигиры-то*.
Олёкма-матушка,
Нюкжа-матушка,
Продлевайте
Дорогу-жизнь их!
Хорошо пусть идут*,
Хорошо живут.
Долгий путь им назначьте*,
Хорошо пусть живут!
И по далёким землям ведь,
По берегам рек ведь
Живя, живут пусть!
Олёкма-матушка,
Нюкжа-матушка!
Хорошего, самого лучшего ведь,
Заклиная, прошу.
Олёкма-матушка,
Лучшего [дай],
Нюкжа-матушка,
Оберегайте ваших детей!

30. БЛАГОСЛОВЕНИЕ МИЛОЙ ИЕНГРЕ

Ие-ие-Иенгра милая*
Эвенки тебя называют.
Ие-ие-Иенгра милая —
Красивая река.
Песни распевая,
Хорошо живут эвенки,
Детей своих растя.
Ие-ие-Иенгра милая
Эвенки тебя называют.
Ие-ие-Иенгра милая —
Красивая река.
На глазах водами наполняется*,
[Шум] течения её далеко слышится —
Камешки свои дробя*,

Имат эӭндевкӣл.
Эвэнкӣл одӭдявкӣл:
Эгды биралва
Ӈэдэкӣтвэр сулгӑдевкӣл,
Мӯдӯ мэнӯнмэ нодӯдявкӣл,
Мӭннӣвэр дӯннэвэр одӭвкӣл.

31. БУГАДӮ АЛГӐ

Буга, Буга борӣдякин,
Сигӯкӑнты сигӯнэдӭн.
Буга, Буга борӣдякин,
Ирӭктэкӭр сирбаргадӭтын.
Буга, Буга борӣдякин,
Орокӧкӧр балдыдӭтын.
Буга, Буга борӣдякин,
Диктэкӭр ирденӈӭтын.
Буга, Буга борӣдякин,
Оллокӧр кэтэлденӈӭтын.
Буга, Буга борӣдякин,
Куӈӑкӑр балдыдяӈӑтын.

32. ДЮЯПЧУЛ*, ШИМИКТЭЛ БАЛДЫДАТЫН

Нэӈнерэкин, эвэнкил, дюяпчул, шимиктэл балдыдатын, гаӈнара шимкурэвэ, дюямкурэвэ. Эмэвувкил, кира тогодун дявучашкатра, тадук луӈра, гунденэл:

— Экшэри, Экшэри!
Оды дюяпчул, дикшийвэл,
Шимиктэл балдыдатын.
Куӈакар девулдерэ —
Огды октын!

33. МӬЛКОН НӬНЭВРЭН БИМИ ДЮ̈ТКИВИ

Кэйми — мӬлкон нӬнэврэн бими дю̈ткиви. Шу энӈнэкэлру мӬрвэр турэрэ. Тунӈапра нӬнэрэв — энӈнэрэв баккара ӈоктово. Тадук би гулим:

Быстро течёт.
Эвенки соблюдают запреты:
Большим рекам
При переправе подношения делают,
В воду монеты бросают,
На своей земле запреты блюдут.

31. БЛАГОСЛОВЕНИЕ НЕБА

Если Небо, Небо одарит,
Солнышко наше будет светить.
Если Небо, Небо одарит
Деревья листвой покроются.
Если Небо, Небо одарит,
Оленята родятся.
Если Небо, Небо одарит,
Ягода вызреет.
Если Небо, Небо одарит,
Рыба размножится.
Если Небо, Небо одарит,
Дети родятся.

32. ЧТОБЫ ГОЛУБИКА, БРУСНИКА УРОДИЛАСЬ

Когда весна наступает, эвенки, чтобы уродились голубика, брусника, берут [веточки] брусничника, голубичника. Приносят, над небольшим огнём держат, потом поджигают, говоря:

— Экшэри*, Экшэри!
Много голубики, черники,
Брусники пусть уродится.
Дети есть будут —
Пусть много её будет!

33. ЕСЛИ *МЭЛКОН** ВЕДЁТ К СВОЕМУ ДОМУ

Заблудился — это *мэлкон* ведёт к своему дому. Вы [тогда] вежливо разговаривайте друг с другом*. Пять кругов сделали мы* — не можем найти дорогу. Затем я начала говорить:

— Экшэрӣ, Экшэрӣ! Бэлэкэл!
Ӯпкэл hоктотки.
Чумбарав hоктовор.

Тадук аракӯн шурурув, ичэ̄рэв hоктово. Биратки ӯрэв.

34. БУГАДЫ КАДАРДУ ОДЁКИ

Мамоду, Иркускай области*, кадар бишин — бэе дылван урэмэчэ. Тар Бугады кадар, ашалду энӈнэрэ нуӈанман ичэттэ. Ичэтмил, куӈадус укуню ачин одиӈан. Таду эвэнкил улгадявкил. Этыркар-атыркар тогово илавкил, аракикана нывкил, иччилду аптывкил. Таду кампетъе, пулькэльвэ, карталва эмэнывкил*. Баяшал мэӈучивэ эмэнывкил таду. Ирэктэлду оноктокоро ӈонымилкара уивкил. Таду эвкил сот турэттэ, ляги-мэттэ, пэктырэдэ. Эмэнденэл, гунывкил:

— Бугады Эникэ!
Ая шоктоё нуӈникэл,
Бэйӈэе нешукэл!
Одёкитчарав шинэвэ,
Бугады Эникэ!
Шинду улгадярав.
Эвэнки бинидун
Аява алгадякал,
Бэйӈэлвэ нешудекэл,
Ороровун ичэткэл!
Бугады Эникэ,
Ая биние мунду улгакал!

— Экшэри*, Экшэри! Помоги!
Выведи на дорогу.
Потеряли мы дорогу свою.

Потом тихонько пошли, увидели дорогу. К реке вышли.

34. ПОЧИТАНИЕ НЕБЕСНОЙ СКАЛЫ

На [реке] Мама, в Иркутской области, скала есть — на голову человека похожа. Это Небесная скала, женщинам не положено на неё смотреть. Если будут смотреть, в груди молока не станет. Там эвенки подношения [духам] делают. Старики-старухи огонь разводят, водку открывают, духам-хозяевам кропят*. Там конфеты, пульки, карты оставляют*. Богатые деньги там оставляют. На деревья длинные лоскутки ткани привязывают. Там нельзя громко разговаривать, ругаться, стрелять. Оставляя, говорят:

— Небесная матушка!
Хорошую дорогу укажи,
Зверя пошли!
Почитаем тебя,
Небесная матушка!
Тебе подношение делаем.
Жизнь эвенка
Добром благослови,
Зверя посылай,
За оленями нашими присматривай!
Небесная матушка,
Хорошую жизнь нам дай!*

БЭЮ̄КТЭРӢ ИТЫЛ

35. ИМТЫ̄ДЕМӢ ГУННЭ̄КИС

Бэю̄нэ-гу вамӣ, hунҥтуе-гу бакамӣ — тоговӣ имтыдинҥэ̄с, тадӯ гуннэ̄кис:

— Тогоко̄кун-энӣкэ̄н!
Таргачӣна дюсо̄*,
Энэ мула̄на,
Энэ дёгоргӣрэ,
Мундӯ бӯдекэл!

36. БУГАДӮ ИМТЫ̄

Тэгэлтэнэ тогово илодённы — имтыкал ёкун бисин, девгэ̄т. Тадук чаит ча̄чӯкал, гунденэ:

— Аят бидекэл, Буга!
Боёл упколи
Аят биктын!

Бою̄денэ, тогови имтывкӣл:

— Буга, бою̄кол,
Экано-вол бӯкол!

37. БЭЮ̄Н СӢНҥКЭНЫН

1 Сӣнҥкэн — бэю̄н тэкэнын, бэю̄нмэ ня̄н сӣнҥкэн гунывкӣл. Сӣнҥкэнмэ ичэмӣ — дявакал, тадук тоголо̄ гаранда̄кал, гуннэ:

— Сӣнҥкэн, сӣнҥкэлэ̄кэл!
Сӣнҥкэн — бэю̄н тэкэнын,
Бэю̄нэ-сӣнҥкэнэ неhӯкэл!
Сӣнҥкэлэ̄вкэл-неhӯкэл!
Эргэчӣн амтачӣя бӯкэл!

ПРОМЫСЛОВЫЕ ОБРЯДЫ

35. УГОЩАЯ*, ГОВОРИ

Лося ли добыл, другого ли кого нашёл* — огонь свой угостишь, тут скажешь:

— Великий Огонь-матушка!
Такого же ещё,
Не скупясь,
Не заставляя нас мучиться,
Нам давай!

36. УГОЩЕНИЕ НЕБУ

Утром огонь разожжёшь — угости тем, что есть, едой. Потом чаем побрызгай*, говоря:

— Хорошо живи, Небо!
Люди все
Пусть хорошо живут!

Идя на лося*, огонь свой угощают:

— Небо, зверя дай,
Что-нибудь дай!

37. *СИНГКЭН** ЛОСЯ

Сингкэн — дух лося*, лося тоже *сингкэном* называют. *Сингкэна*[-муху] увидишь — лови, потом в свой огонь его брось, говоря:

— *Сингкэн, сингкэна*[-удачи] дай!
Сингкэн — дух лося,
Лося-*сингкэна* дай добыть!
Сингкэн дай поймать-добыть*!
С таким вкусом* дай!

2 Тар сиӈкэныс сома амтачи, тоголо гарандаракис — имурэмувки. Элэ вами, товви имтыдиӈас, гуннэ:

— Айиһит-эни,
Энйкэкун!
Аят борйнны,
Аят неһунны!

38. ЧЙМЭЧЙН

Чймэчйн бивки-кэ, тар нян бэлэчивки, неһувки. Чймэчйнмэ ичэми — дюр уняканми окал тыкэ, тадук гундекэл, гэлэдекэл:

— Чймэчйн, чймэчйн,
Имурэчи биһинны!
Чймэчйн, чймэчйн,
Илгйнду* докал!

Додиӈан — тар ая: неһудерэн, имурэнэ дебдиӈэс, аюв бидиӈэс.

39. БУГАДУ АЛГА (ЭЛЭКЭС ИМАННА ТЫКТЭКИН)

Бугакакун, энйкэн,
Энйкэкун!
Эдук дюлэски
Эгдэн бэйӈэӈин,
Бэе ēһадун
Дерис она,
Ичэвдегин эрэгэр!
Удя удяван* кэптуденэ,
Кэптукэнкур со биктын!
Бэйӈэл сиӈкэнмэтын
Мунду уӈдекэл!
Эгдэн бэйӈэ
Удятын эгин манавра,
Удя-удялйи нэнэденэ,
Удякатчакта!

2 Этот *сингкэн* очень вкусный, в огонь бросишь — жиром пахнет*. Вот, добыв, огонь угости, говоря:

— Айихит-мать,
Великая мать!
Хорошо наделила,
Хорошо дала добыть!

38. ОВОД*

Овод ещё есть, тот тоже помогает, добычу даёт*. Овода увидишь — два пальца сделай так*, потом говори, проси:

— Овод, овод,
У тебя есть жир!
Овод, овод,
На стоянку слети!

Слетит — то хорошо: добычу подарит, жир есть будешь, сытым будешь.

39. ЗАКЛИНАНИЕ НЕБА (КОГДА ПЕРВЫЙ СНЕГ ВЫПАДЕТ)

Великое Небо, матушка,
Великая мать!
Теперь и всегда
Таёжный зверь,
Перед глазами мужчин
Мелькая,
Всегда пусть виднеется!
По следам следуя,
Мужчины Кэптукэ* удальцами пусть будут!
Сингкэны зверей
Нам посылай!
Таёжного зверя
Следы пусть не кончаются,
По сле-следу идя,
Чтоб я выслеживал!

40. ИСПӢСКЭТ* ИЧЭМКӢ

Лēнэ сōма синґкэчӣ биһӣн. Бэю̄нґнэрэв, дю̄дуккар мӯнэкэ̄н адагалинґнарав — бӣ гунынґнэм: «Лēнэ, ичэкэл, ӣлē нґэнэнґэ̄тывун». Испӣскэвӣ бӯнґнэм, нуливкӣ испӣскэкэ̄нмэ, ичэвкӣ. Ӣлэ̄ тар нюнґнӣран — тала бэю̄нґнэрэв. Тарты ванґнарав. Лēнэ нуливкӣ испӣскэкэ̄нмӣ, гуннэ:

— Ичэвкэ̄кэл,
Ēма бугадӯ
Бугака̄кун
Борӣда̄ви
Некэдерэн?
Са̄мӣ —
Тала̄ нынґӣкэл!

41. СӢНҐКЭЛЭ̄ВУН*

Экун-да девгэ̄ а̄чин ōвки — демӯливкил. Ōһукэлтын дёгор. Гунмэ̄чиливкил:

— Ōн некэммēр, бэе бэю̄нэ ва̄лдинґа̄н?
— А, маяча̄, одёлво эрӯт ичэттчэл биһип.
— Ōн некэдинґэ̄т? Сӣнґкэлэ̄мӣ ая бимчэ.
— Сама̄нмар сӣнґкэлэ̄вкэнми.

Сама̄н тōлкичивки, гунивки:

— Ōктакарди, болгиктака̄нди,
Бэю̄н депчэрӣвэн,
Бэю̄кэ̄нэ ōкаллу.
Һелакия бакакаллу сэ̄һэнґкэ̄нэвэр,
Һа̄кра-ирэ̄ктэткэ̄нмэ бакакаллу

(таду-вал бидинґэ̄н — нюнґнӣвки).

Эмӯнэл, доллōколлу.
Бэекэ̄нэ-барыла̄къя ōкаллу.

Барыла̄кка̄нмар имты̄на, ча̄нмӣн имӯрэкэ̄нди имты̄вкил, сама̄н гэлэ̄вки:

— О! Барыла̄к сӣнґкэчӣ!
Бэю̄н сӣнґкэнмэн
Омӣтчарӣл бэелдӯ
Нґа̄лалдутын дявавкакал!
Сōт омӣтчарав, бэлэкэл!
Барыла̄к-бэекэ̄н,
Экэл бэю̄нэ маявкана!

40. ГАДАНИЕ СПИЧКОЙ

Лена очень удачливой была*. Едем на лося, от дома немного отдалимся — я говорю: «Лена, погадай*, куда нам ехать надо». Спички свои даю, она зажигает спичку, гадает. Куда та показала — туда на лося едем. Там добываем. Лена зажигает спичечку, говоря:

— Покажи,
В какой стороне
Великое небо
Одарить нас
Желает?
Знаешь —
Туда наклонись!

41. ДОБЫВАНИЕ *СИНГКЭНА*

Никакой еды не станет — голодать начинают. Патронов очень мало*. Говорят между собой:

— Что сделать, чтобы человек лося начал добывать?

— А, не попадается*, плохо мы запреты соблюдали*.

— Что будем делать? За *сингкэном* сходить хорошо бы*.

— Шамана нашего пошлём за *сингкэном*.

Шаман сон видит*, говорит:

— Из карликовой березки, кедрового стланика,
Чем лось кормится,
Лосёнка сделайте.
Куропатку найдите помазать*,
Хакра-лиственничку найдите

(где-то она есть — указывает).

Принеся, расколите вдоль.
Человечка-*барылака** сделайте.

*Барылака** угощают, костным жиром мажут*, шаман просит:

— О! *Барылак* с *сингкэном*!
Сингкэн лося
Голодающим людям
В руки вложи!
Сильно голодаем, помоги!
Барылак-человек,
Не дай лосю исчезать!*

Тадук тар бэю̄кэ̄нэ о̄вкӣл, бэркэ̄рэвэр о̄вкӣл. Барыла̄квар һе̄лакӣ сэ̄һэдӣн имӯвкӣл. Сама̄н нимӈа̄ливкӣ, нимӈа̄ндяна, тар бэю̄нмӣ һуктывувкэ̄ндевкӣ. На̄вканда̄тын бэю̄кэ̄нмэ бими, сама̄н һэ̄гэ̄вки:

— Тар кумала̄н дулинма̄н
Иссаракив — гарпакаллу!

На̄вка̄нывкӣл — сама̄нтын бэю̄ӈэчӣн тыкивки. Тадук гарпадярӣл:

— О! Барыла̄к сӣӈкэчӣ!
Бэю̄н сӣӈкэнмэ̄н
Ӈа̄лалдӯтын дявавканан!
Аят некэрэн барыла̄ккӯнты, —

гунденэл, һигиливкӣл тар бэю̄кэ̄нмэр.

— Кэ-лэ, аят некэрэн!
Кэ-лэ, депилделлеп.
Барыла̄кты неһӯрэн,
Эдук этэп демӯтчэрэ.
Барыла̄ккӯн сӣӈкэнмэ бӯчэ̄,
Неһӯчэ̄, бургундёвэ неһӯчэ̄! — гундевкил.

Тадук дэлкэнэ о̄ксакил, бэю̄кэ̄ннивэ̄р дэлкэнивкил. Бэю̄рэ ва̄ливкил элэ. Гочӣнтыкин сӣӈкэлэ̄вкӣл ня̄н.

42. [БЭЕ СӢӈКЭНМЭ̄Н МУЧӮВКА̄НМӢ]

Бэе сӣӈкэнмэ̄н мучӯвка̄нмӣ, бӣ тыкэ̄н о̄ӈнам. Гёванӈан омолгив туркэврӣн. Сӣӈкэнын һуручо̄ — ӈӣкэ эрӯе о̄ча̄, маявка̄нча̄. Гуным:

— Чӯкая эмӯкэл,
Сӣӈкэнмэ̄с мучӯвка̄ндям.

Тар чӯкадук о̄ча̄в аһӣва бэеню̄н. Аямат мэтэвучим* омолгидӯи: «Ча̄скӣ* эксэкэл, депты̄етын нэ̄кэл. Тыма̄нын мо̄ӈӣчи ӈэ̄нэкэл, бэедэ̄ткэл*. Тар мо̄ӈит идакакал, гунденэ:

— Экэллу минэ эрӯт о̄ра,
Сӣӈкэнмэв ӈӣ маявка̄нча̄?!
Экэллу минэ эрӯт о̄ра!»

Эһэкэ̄в тыкэ̄н о̄ӈкин. Эр анӈанма кэтэвэ бакарӣн.

Затем такого лосёнка делают*, луки делают. *Барылака* своего кровью куропатки мажут. Шаман камлать начинает, камлая, того лося скакать заставляет*. Когда нужно попасть в лосёнка, шаман поёт:

— Когда до середины этого *кумалана*
Дойду — стреляйте из лука!*

Попадают — шаман, как лось, падает. Потом стрелявшие из лука:

— О! *Барылак* с *сингкэном*!
Сингкэн лося
В наши руки вложил!
Добро сделал *барылак* наш великий, —

говоря, начинают свежевать* того лося.

— Ну вот, добро сделал!
Ну вот, теперь есть будем.
Барылак одарил,
С этих пор голодать перестанем.
Барылак великий *сингкэн* дал,
Одарил, жирным одарил! — говорят.

Потом, сделав лабазик, лося своего на лабазик кладут. И начинают добывать лосей. На будущий год опять за *сингкэном* идут.

42. [*СИНГКЭН* МУЖЧИНЫ ЗАСТАВЛЯЯ ВЕРНУТЬСЯ]

Сингкэн мужчины заставляя вернуться, я так делаю. В прошлом году у сына моего не ладилось*. *Сингкэн* его ушёл — кто-то сделал зло, заставил [зверя] не попадаться. Говорю:

— Травы принеси,
Сингкэн твой заставлю вернуться.

Из той травы сделала женщину с мужчиной*. Хорошо наказала моему сыну: «Подальше унеси, еды им оставь*. Наутро с палкой иди, накажи человечков. Той палкой их колоти, говоря:

— Не делайте мне зла,
Сингкэн мой кто заставил уйти?!
Не делайте мне зла!»

Дедушка мой делал так. В этом году [сын] много [зверя] нашёл.

43. ДУКУВУЧӢ

Россӧшин дагадӯн кадӧрил биси, тар гэрбӣн Дукувучӣ. Довӧкит дукувчӓл, онӗвчӧл бэйнгэл, бэел. Бэюмӣл, эвонкӣл тадӯ сӣнгконмо мэрдӯвэр гэлӧвкӣл:

— Дукувучӣ!
Несӯкэл,
Бэйнгӧсовӧ бӯкӧл!
Шӣнгкэнмэ дявавкӓкал
Боюдери боёдӯ.
Сӣнгкэнмэ бӯкол!

Тадӯ нонон тогомкӯрэ бисин, дёломо сокӧвун. Таду самӓр ӧнгкитон. Сокӧвун эткэн ӓчин, бӣ нӓн нгэнэнгном талӓ откэн-дӧ. Тадӯ дэвӧк оӗндевкӣ кадӓрдук.

44. НЕКЭВЭ ИМТЫРӢ

Некэвэ бакамӣ, дюлавӣ эмувуhэ, эhилэ малӯдӯ нэнгнэнни, городук эмэчэ матава тэгэврӣгэчӣн.

Уллэнгмӣ девуhэ, чайингмӣ силӯhэ, эhилэ hигилингнэнни. Нонон некэнгмӣ имтынгнэнни. Тогодувкӣ чӓтува экундӯ-гила (ковордӧктӯ*, сэлэкэндӯ-гӯ) гаhӓ, имӯhэкэнмэ, арӣкӓнма-гӯ чӓтудӯ нэнгнэнни санг-нядан. Тар сангняллакин, некэнгмӣ оногтодин сангнядярӣ чату оёдӯн дявӯчадяна (имтыденэ), аракӯкӓн гунингнэнни:

— Андагӣ-бэйнэ,
Алаhӣва амтакал,
Эвэнкӣ синэ бакаран,
Эвэскӣ-нюн ӧдякал!
Антагалдук — амтылвӣ,
Нэптэкэлдук* — нэкнӣлвӣ,
Дялтулалдук — дялвӣ,
Гирикэрдук — гиркилвӣ
Элгэкэтнэ, эмувкэл,
Эрӣкэтнэ, умӣвкал!

45. НЕКЭ АЛГӢhИН

Уруй* эвэскӣгдэ!
Энӣ элэмтылэтын,
Амӣ аламтылӓтын
Эвэскӣгдэ уруйдакал*!

43. ПИСАНИЦЫ*

Недалеко от Россошино* скалы есть, их называют Писаницы. Охрой исписаны, нарисованы звери, люди. Собираясь за лосем, эвенки там *шингкэн** для себя просят:

— Писаница!
Одари,
Лосей дай!
Шингкэн поймать дай
Собравшемуся на охоту мужчине.
Шингкэн дай!

Там раньше кострище было, каменный ковш*. Там шаманы камлали*. Ковша сейчас нет, я тоже захаживаю туда до сих пор. Там охра сочится из скал.

44. УГОЩЕНИЕ СОБОЛЯ

Соболя найдя, домой принесёшь, потом на почётное место положи, как приехавшего издалека гостя усаживают.

Мяса поев, чаю попив, потом начинай его свежевать. Сначала соболя угости. Из огня угли на что-нибудь (на сковороду, на железку) взяв, на них кусочек жира, масла ли брось, чтобы дымил. Он задымит, своего соболя носом над дымящими углями держа (угощая), тихонько скажи:

— Друг-зверь,
Вкусного попробуй,
Эвенк тебя добыл,
Впредь так же делай!
С южных склонов — своих родителей,
С равнин — своих младших братьев-сестёр,
С горных речек — своих родственников,
С песчаных отмелей — своих приятелей,
Ведя за руку, приведи,
Созывая, собери!

45. БОЛЬШОЕ ЗАКЛИНАНИЕ СОБОЛЯ

Уруй всегда!
Мать матерей своих,
Отец отцов своих,
Всегда *уруй* говори!

46. ӨН НЕКӘВӘ ИМТЫВКИЛ

Некәвә вами — имтывкил. Гавкил чатува дегдэри тогодук, нәвкил сәләкәнду, чату оёдун — арикана*, умакана, саңняндан. Некәвә гаксал, саңняндү оңоктодин амтачивканывкил, гунденэл:

— Амтылды, энтылды,
Нэкнылды, дялды
Эвэски эмэктын!

47. НЕКӘДҮ АЛГА

Ами, эмэнэ, эвэ дюлелин нодаңнанны. Тадук имтыдяс, арыкандү оңоктовөн һикчиңэс. Тадук гундес аракүкан:

— Уруй, уруй!*
Эргит-таргит
Эмэнэл, ичэвкэлду!
Кэтэлкэлду!

Билир некәвә сомат одёкичивкил биһитын, малүли-нюн ивувкил биһитын.

48. ӨН ӨҢНАРА, ЭРҮ БЭЕ ДЯЛИН БОДОРОКИН

1 Тар бивки билир, эрү дяличи бэе, багар эрү дяличи саман бивки. Эһилэ тар эрү дялин бодовки бэевэ: «Эгин бэютырэ», — гунчэдиңэн багар. Тар гунчэнэн дялин эһилэ бодовки. Эһит ичэврэ бэевэ тырэдеңкитын. Тара сада нада*: таргачин оракин синнюн, эрү бэе дялин синэвэ бодорокин, си тыкэн өңнаран одай, миннэчин.

2 Таргачин оракин, би тыкэн овки биһив. Сачаннам, ңи-кэ эрү дялин бодочо минэвэ — бега оран, бэюнмэ энгнэм вара. Эһилэ орөктово өңнам, орөктово бэеңиңнэм. Ңинакинан өңнам. Малүдү тырүдү нэңнэм, эһилэ: «Кэ, дамгатыгат», — гуниңнэм, орөктомо бэелэ гуниңнэм. Кумагидук* дамгава чакилиңнам, эһилэ нулиңнам. О, тыпидявки дамга, бэе дамгатыдяригачин. Тадук бердаңкай* чомпурван* ганнам. Нонон бердаңка чомпурин сэлэ бо. Тар некэненэ, де тёһачиңнам, дуктэёчиңнэм, гунденэ:

— Эдук минэ бододёс? Бододёс минэ эдук?!

3 Аямат дуктэёчиңнэм. Тэгэлтэнэ дэлкэкэнмэ ниннүдук оңнам — тадү нодаңнэм. Эһилэ тар-ты тэгэлтэнэ бэюңнэм. Тыминан оми-кат

46. КАК СОБОЛЯ УГОЩАЮТ

Соболя добыв — угощают. Берут угли из горящего очага, кладут на железку, на угли — масло*, костный мозг, чтобы дымило. Соболя берут, дым носом дают понюхать, говоря:

— Родичи отца, родичи матери,
Младшие братья-сёстры, родня твоя
Сюда придут пусть!

47. ЗАКЛИНАНИЕ СОБОЛЯ

Добыв, приходишь, перед бабушкой брось его. Потом угощаешь, маслом нос ему помазав. Потом говоришь тихонько:

— *Уруй! Уруй!*
Оттуда-отсюда*
Приходя, покажитесь!
Умножайтесь!

Раньше соболя очень почитали, только через почётное место* вносили.

48. ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ МЫСЛЬ ЗЛОГО ЧЕЛОВЕКА ХОДИТ СЛЕДОМ

1 Это бывало в старину, со злыми мыслями человек*, может быть, шаман со злыми мыслями бывал. И вот эта злая мысль ходит следом за человеком: «Пусть не добывает лося», — сказал он, может быть*. Эта сказанная мысль его потом ходит следом. Так невидимо человека придавили*. Это знать надо: если такое случится с тобой, мысль злого человека за тобой следом пойдёт, ты так сделай*, как я.

2 Если такое случалось, я так делал. Догадался, что чья-то злая мысль ходит за мной, — месяц уже, как лося добыть не могу. Тогда траву беру*, из травы человечка делаю. Собаку ему делаю. На почётном месте на подушку сажаю, потом: «Ну, давай покурим», — говорю, травяному человечку говорю. Из бумаги самокрутку сворачиваю, потом зажигаю. О, дымит самокрутка, будто бы человечек курит. Потом от берданки шомпол беру. Раньше у берданки шомпол железный ведь был. Его взяв, вот ударю, поколочу его, говоря:

— Теперь за мной следом пойдёшь? За мной пойдёшь теперь?!

3 Хорошенько поколочу. Утром лабазик из жердей делаю — там бросаю. Потом тем же утром на лося иду. Непременно назавтра добы-

ваңнам. Эһилэ тар вāһā, һигиңнэм. Мучуктэкэ̄рдук о̄да̄в на̄да бэека̄рэ, дэрэкэ̄рэ. Дыгинмэ дэ̄вундӯ̄ дыгин кирӣдӯ̄ тэ̄вуңнэм: эдӯ̄ умуко̄но, тадӯ̄ умуко̄но, тала̄ умуко̄но. Тариңгилвӣ бэю̄н сэ̄һэдин һӣкиңнэм, гунденэ:

— Айӣһит бэлэрэн!
Айӣһит миндӯ̄ бӯ̄рэн!
Эдук эңнэкэлду бодоро,
Айӣһит бэлэрэн!
Эдук эңнэкэллу бодоро!
Эр сундӯ̄ укундӯ̄ эһилэ!

Тыкэ̄н гуннэ, тар дыгин нӣликир мучуктэдук бэека̄рэ о̄нэ̄ӣ, һикчэңнэм. Эһилэ бэеткэ̄р, дэрэкэ̄р, тыкэ̄н-ты дэ̄вундӯ̄ эмэ̄нмувкӣл. Тыкэ̄н о̄ңкив бӣ, эрӯ̄ дялин бодокторокин.

49. БУГАДӮ̄ АЛГА̄ (БОЛОР)

Буга-энӣкэ̄н,
Угӣдук ичэтчэрӣ,
Угӣдук бэевэ уёндерӣ!
Эгдэ̄р бэйңэ̄л сӣңкэнмэтын
Дулин дӯ̄ннэлэ̄ уңдерӣ,
Сӣңкэрбэтын дявӯ̄чадярӣ,
Эвэнкӣ-бэевэ иргидерӣ,
Буга-энӣкэкун,
Эвэнкӣ-бэевэ, һутэвӣ,
Энэ омңоро, ичэһиндекэл!
Девгэ̄евун уңдекэл!
Биракар эмкэркэ̄дулӣтын,
Эгдэ̄р ӣңил дяпкалдулӣтын
Эгдэн бэйңэ̄ удяка̄ртын
Чапактэгэчин чападяктын!
Дулин дӯ̄ннэ бэйңэ̄нин
Эһӣ манавра бигин!

50. ИЧЭМКЭ̄

Уло̄нэ һиңкичэ̄нмэ, аямат умңэдиңэ̄с һиңкичэ̄н арканма̄н (эптылэ̄е а̄чиндӣ), тадук того дагадӯ̄н нэ̄диңэ̄с — олгодёдо̄н. Нэ̄денэ, гундиңэ̄с:

ваю. Потом, его добыв, свежую. Из молодых лиственничек мне надо сделать человечков, с «личиком»*. Вокруг подстилки* в четырёх углах ставлю их: здесь одного, тут одного, там одного*. Их кровью лося мажу, говоря:

— Айихит помогла!
Айихит мне дала!
Теперь не смейте следом ходить,
Айихит помогла!
Теперь не смейте следом ходить!
Это вам пососать вот!*

Так говоря, тех четырёх человечков, сделанных из свежих молодых лиственниц, [кровью] мажу. Вот человечки, личики, так на подстилке и остаются. Так я делал, если злая мысль за мной ходила.

49. ЗАКЛИНАНИЕ НЕБА (ОСЕННЕЕ)

Небо-матушка,
Сверху смотрящая,
Сверху человеку век дающая!
Сингкэны таёжных зверей
На Среднюю землю посылающая,
Сингкэны их держащая,
Эвенка-человека кормящая,
Небо-великая мать,
Эвенка-человека, дитя твоё,
Не забывая, взгляни на него!
Пищу нам посылай!
По берегам речушек,
По гребням таёжных гольцов
Следов таёжного зверя,
Как в созвездии Гнездо белки [звёздочек], насыпано будет пусть!*
Зверь Средней земли
Никогда не кончается пусть!

50. ГАДАНИЕ*

Сварив рябчика, хорошенько обглодаешь килевую кость рябчика (без рёбер), потом возле огня положишь — чтобы высыхала. Кладя, скажешь:

— Һиңкичэн, һиңкичэн!
Ичэвкэкэл —
Он гочин бидиңэвун:
Аювукин-ңу, демукин-ңу?

Аювукин бидиңэс — синдулэ кэпэдиңэн, демукин бидиңэс — тоголэ кэпэвкы. Ят-ку, эрут-ку бэюнэ вадиңас — тар савки.

51. ИЧЭМКЭ

Һиңкичэнмэ иргин савкы дюлэвэс, тарит ичэмкэвкыл. Һикичэнмэ вамы, иргивэн гадиңас. Элэ ңалалдывы дявучадяна, дылдуи нэдиңэс, дявучадяна. Гундиңэс:

— Һиңкичэн, һиңкичэн!
Һиңкичэн, һиңкичэн!
Дюлэвэв ичэвкэкэл —
Он гочин бидиңэв?
Аювукин-ңу бидиңэв,
Демукин-ңу бидиңэв?
Һиңкичэн, һиңкичэн!
Пр-р-р-р! — окал, гуннэл, сомат танывкыл иргивэн, тыннэл.

Тариңис аядуу дюлэдус гороло тыкивкы, эрудуу (бэюрэ эһикис аят вара) — амардус тыкивкы.

52. КАРАКЫВА ҺИРГЭЧИН

Модуу һуркая одиңас, каракыва ичэмы. Тэгэтчэрылэ дагамадиңас, ирэктэду-гу тэгэтчэнэн, оңколыдиңан-ңу. Тариңис иргэн һорокыдуккэт, һинкичэндук-кэт эрутмэр — тэгэтчэкэкунывки, энэ дэгиллэ, бэевэ ичэһэ. Дагамадяна, гундиңэс:

— Карaки, карaки,
Акари бы биһим!
Ичэкэл-ичэкэл —
Мэңумэ уняпкачы биһим.
Гилбэнэры уняпкачы биһим.
Карaки, карaки,
Мэңумэ унякаптунас будяв!

Эһилэ мэнын дылвы дывкы. Тар һуркадус мэнын дылвы дывкы, тыкэн гунэкис.

— Рябчик, рябчик!
Покажи —
Как на будущий год буду жить:
Сытно ли, голодно ли?

Сыт будешь — в твою сторону вздуется [кость], голодать будешь — в сторону огня вздуется*. Хорошо ли, плохо ли лося будешь добывать — она знает.

51. ГАДАНИЕ

Хвост рябчика знает твоё будущее, поэтому им гадают. Рябчика добыв, хвост его берёшь. И вот руками держа, на голову положишь, держа. Скажешь:

— Рябчик, рябчик!
Рябчик, рябчик!
Будущее покажи —
Как на будущий год буду жить?
Сытно ли буду жить,
Голодно ли буду жить?
Рябчик, рябчик!
*Пр-р-р-р!** — [так] сделай, скажи, сильно дёрни его хвост, отпусти.

Тот хвост к добру впереди тебя далеко падает, к худу (лося не будешь хорошо добывать) — позади тебя падает.

52. ЗАКЛИНАНИЕ ДИКУШИ*

На палке петлю сделаешь, дикушу увидев. К сидящей [птице] близко подойдёшь, на дереве она сидит или ягоду ест. У неё ум хуже, чем у глухаря-то, у рябчика-то, — посиживает себе, не взлетая, человека видя. Подходя, скажешь:

— Дикуша, дикуша,
Глупый я!
Посмотри-посмотри —
Золотое кольцо у меня есть.
Блестящее кольцо у меня есть.
Дикуша, дикуша,
Золотое кольцо тебе дам!

Вот она сама голову суёт. В твою петлю сама голову суёт, [если] так скажешь.

53. САЛЭЙДУ АЛГӐ

Болонӣтыкин, булта̄надяна, эгдэ̄н урэлвэн исми, Салэйвэ гэлэ̄динҕэс. Гэлэ̄динҕэс Салэйвэ, бэю̄нэ-дэ, андагӣва-да борӣдан, унҕдэн. Булта̄дяри гэлэвки, тыкэн гуннэ:

— Салэй, Салэй!
Эгдэ̄ндулэс эмэрэв,
Булта̄надял эмэрэ.
Иманна тыктэн —
Булта̄надя-эвэнки
Бэйнҕэ̄лвэ булта̄наран.
Урэ̄лдукки, бираяӣлдукки,
Бэйнҕэ̄лвэ мундулэ дёhунмувка̄кал!
Бэю̄рвэ, солонто̄лво,
Улюкӣлвэ*, андагӣлва унҕэл!
Булта̄надя синҕкэ̄нмэн
Нҕа̄ладун дявавка̄кал!
Эмэнэл, hулга̄дярав.
Кунҕака̄рвар аят иргитчэ̄вун,
Синҕкэ̄нмэ бӯрэкис,
Салэй, Салэй!

54. [УЛУМЭ̄ЧЭНЭЛ]

Улумэ̄чэнэл, орочо̄р со̄т имандава гэлэ̄вкил:

— Умилькэ̄кун*, иманавкакэл.
Дюлдэлӣ, илилдулӣ
Будунэ̄кэл*, иманавкакэл.

55. БЭЮ̄НМЭ ОДЁКӢЧИЛТЫН

1 Бэю̄нмэ на̄н одёкӣчивкӣл. Бэю̄н дылва̄н со̄т одёкӣт, со̄т одёчиҕнара. «Бэю̄гэ̄т» эвкил гунэ, «Э̄к», — гунывкӣл, элэ сурувкӣл. Кэ-лэ, ва̄ксэ̄л, эмэрэктын, депудепкил бо — кэ, арай сэ̄рэ̄ксэл. Ва̄ксэ̄л, эмэрэктын — аннӯвкӣл:

— Кэ, ёрас? Ёкура бакарас? Ёда̄ сэ̄рэ̄чипчэ̄л биhиллун?

— Э-э, бэю̄рвэ бакарав, — бэю̄дерӣл гунывкил.

— Э, Буркэ̄н тыкэ бирэн, аят некэрэн (таҕара гуктэтын Буркэ̄н, эдэ̄вэр тара гунэ).

— Э-э, аят тэкэчип, — бэю̄дерӣл.

53. ЗАКЛИНАНИЕ САЛЭЯ

Каждую осень, охотясь, как до таёжных сопок доберёшься, Салэя попросишь. Попросишь Салэя, чтобы и лося, и соболя* уделил, послал. Охотник просит, так говоря:

— Салэй, Салэй!
В твою тайгу пришли мы,
Охотники пришли.
Снег выпал —
Охотник-эвенк
На зверя охотиться пришёл.
С гор своих, с рек своих
Зверей в нашу сторону поверни!
Лосей, колонков,
Белок, соболей посылай!
Охотничий *сингкэн*
Дай в руки!
Придя сюда, мы жертвы приносим.
Детей наших хорошо вырастим,
[Если] *сингкэн* дашь,
Салэй, Салэй!

54. [УХОДЯ БЕЛКОВАТЬ]

Уходя белковать, орочоны много снега просят*:

— Филин великий, заставь выпасть снег.
Через два дня, через три
Помоги, заставь выпасть снег.

55. ПОЧИТАНИЕ КОПЫТНОГО ЗВЕРЯ*

Копытного зверя тоже почитают. Голову копытного зверя очень почитают, надо очень почитать. «За копытным пойдём», — не говорят, «*Эк*»*, — скажут, да и пойдут. Ну, добудут, придут, поедят ведь — ну, невзначай кровью запачкались. Добыв, придут — их спрашивают:

— Ну, что? Что нашли? Что это вы в крови запачкались?

— Э-э, копытных нашли, — ходившие за копытным зверем говорят.

— Э, Буркан* такой, хорошо замыслил (тангара* называют Буркан, чтобы [«тангара»] не сказать).

— Э-э, до отвала наелись, — ходившие за копытным зверем [говорят].

2 — Буркан аят некэрэн, — гуннэл, энинин-аманин нэҥэдиҥэ̄тын, тар уруҥко̄кучиксэл. Нэҥэвкил — каятын омӣтчиҥа̄тын? Кэ, ahа̄л-гу, куҥа̄ка̄р-гу неhӯҥиндиҥэ̄тын. Таду гунивкил бичэл:

— Тар дылиҥҥар энэл ороруду hэкипкэ̄нэ — на̄н элдегэ̄тын ичэвуллэ, демӯливкэндиҥэ̄тын, — сагдыл гунипкил.

— Э-э, са̄диҥа̄вун.

— Дылиҥмар энэл энэрэ, олдо̄ндӯ намаҥнакаллу, орон олдо̄ндӯн, — наны сагдыл алагӯчипкил. Энэрэктын, уктылдемэлэ бидиҥэ̄тын нани. Кэ, неhӯчэ̄л эмэпкил. Наманаватын ичэпкил сагдыл, аят-ку намачал, гуннэл, дылиҥар. Тадук гунипкил сагдыл, нэҥэвкил:

3 — Ороруду эчэ̄вун hэкипкэ̄нэ,
Эчэ̄вун синэ энэрэ,
Одо̄ндӯ намача̄вун.
Экэллу уктылчэ̄л бирэ
Эдук дюлёскӣ.
Аят одёкӣттав синэвэ,
Ороруду эчэ̄вун hэкипкэ̄нэ.
Эдук дюлёскӣ эрэгэмэ
Ичэвулдекэллу!

56. ЭhЭНӮНМЭ hИРГЭ

1 Эhэ ahӣва со̄т эвкӣ илечэ̄рэ, бэе калтакан нуҥан. Эhэнӯн hигрэкис — ahӣмагачӣн бивкӣ. Тадук гунывкӣл: ahа̄лва муланывкӣ. Эгдэ̄ндӯ бакалдыhа̄л, ahа̄л нонон укурвэр ичэвкэ̄нывкитын, эдэ̄н илечэ̄рэ.

Умнэ̄кэ̄н бӯ hӣмиктэлэ̄рӣвун. Тавукса̄л, тадӯ-ты чаимытӣллав. Умнэ̄т эмэрэн. Эрмэ — илитчавкӣ. Дю̄р hутэчӣ. Миндӯ гунывкӣл гӣл: «Гэлэ̄кэл, синэ этэ̄н илечэ̄рэ» (бӣ hунатканмӣ гача биhӣв). Элэ hиргэ̄м:

2 — Эвэкэ̄, бэе калтакан биhинны.
Hутэкэ̄чӣ биhим —
Гудя̄кэл hутэвэв!
Экэл мунэ илечэ̄рэ,
Экэл, экэл!
Сӣ ня̄н hутэчӣ.
Hэ̄лумэ, hэ̄лумэ, гудя̄кэл!

Тарты hэнэрэн, эмэ̄нэн.

2 — Буркан хорошо замыслил, — так говоря, мать-отец [Буркану] кланяются*, радуясь этому. Кланяются — сколько же голодать? Ну, женщины ли, дети ли за добычей ехать должны*. Тут говорили, бывало:

— На эту вашу голову не давайте оленям наступать* — опять [звери] не станут показываться, заставят нас голодать, — старики говорят.

— Э-э, будем знать.

— Голову не приторачивайте позади седла, сбоку навьючивайте, на оленя сбоку, — опять старики учат. Если приторочат сзади седла, [звери] убегать опять будут. Ну, поехавшие за добычей приезжают. Как навьючено, старики смотрят, хорошо ли навьючили, скажем, голову. Затем говорят старики, кланяются*:

3 — Оленям мы не позволяли топтать тебя,
Не приторачивали тебя позади седла,
Сбоку навьючили.
Не убегайте
С этих пор.
Хорошо мы почтили тебя,
Оленям не позволили наступать на тебя.
С этих пор всегда
Показывайтесь нам!

56. ЗАКЛИНАНИЕ МЕДВЕДИЦЫ

1 Медведь женщину почти не трогает, он ведь наполовину человек*. Медведицу освежуешь — совсем как женщина*. Поэтому и говорят: она женщин жалеет*. В тайге женщины раньше, встретив её, груди свои показывали, чтобы не трогала.

Однажды мы за брусникой пошли. Собрав, там стали чай пить. Вдруг она пришла. Только руку протянуть — стоит. С двумя детёнышами. Мне говорят остальные: «Попроси, тебя не тронет» (я дочурку свою взяла с собой). Вот я заклинала:

2 — Бабушка, ты наполовину человек.
С ребёнком я —
Пожалей моего ребёнка!
Не трогай нас,
Нет, нет!
Ты тоже с детьми.
Грех, грех, пожалей!

И вот ушла, оставила нас.

57. ЭҺЭНӮНМЭ ҺИРГӒ

1 Мунтикӣт* маӈӣва* амакā гэрбивкил. Бодайбōдук Олōкматкāки нульгиктэдерӣл эвэнкӣл амӣкāнма гунивкил эҺэкӒ. Амӣкāн аҺӣва эвкӣ илечӒрэ. Амӣкāнма игрэкис элēли — аҺӣгачӣн бивки. Тадук гунывкил, аҺāлва эвучинывки. Нонон аҺāл амӣкāнмэ налдымӣл, укурвэр ичэвкӒнивкил бичӒль, эдӒн иличāрэ. УмнӒкӒн аҺāл, сӣмиктэвэ тавдянал, олочол: умнӒт эмэчӒ, илитчавки — дю̄р сутэчӣ. Тар аҺāл сутэчӣ аҺӣткӣ гунэ: «Гэлēкэл, синэвэ этӒн иличӒре». Сутэви гача, Һиргāлиммēн:

2 — Амӣкӯкāн, бэе калтакан биҺинны!
Сутэчӣ биҺинны —
Гудя̄интэкэл сутэвэв!
Экэль мунэвэ иличāрэ,
Экэль, экэль, экэль!
Сӣ нян сутэчӣ биҺинни.
ҤӒлумо, ҥӒлумо, гудēинтэкэл!

Тарты ҺэнӒчӒ, эчӒн иличāрэ. Тадук мунтыкӣт амӣкāн маӈӣва гунивки, тадук эле амӣкӯкāн гунывкил — тар эгдӒн, агӣ сэвэкӣн. Тогодук гэлӒвкӣл: «Амӣкӯкāн, бэлэкэль минду».

58. ЭНӢКӒНТЫКИ ГӮЛРЭН

Нёне* умнӒ энӣкӒнмэ арчāран. Гӯлрэн:

— ЭнӣкӒ!
Ӓдянри, Ӓдянри?!
Ӓдянри эвэнкӣл
Һоктодӯтын?
5 Дептылэл биши —
Дю̄япчӯл*, нянтал.
Шурукэл, шурукэл
Мэнӈӣлӣви Һоктолӣ.
Миннӣл куӈāл
10 Һулӣл.
Шӣ типкан* ая —
Шурукэл, сурукэл!
Ōн куӈāл ӣшиндерэ?!
Шурукэл, шурукэл!

ЭнӣкӒн эӈнэрэн шурурэ, илитчаран, амӈави аӈāчā. Нёне ня̄н эёчилран, луӈӯдяна:

57. ЗАКЛИНАНИЕ МЕДВЕДИЦЫ

У нас медведя дедушкой называют. От Бодайбо к Олёкме кочующие эвенки медведя называют дедушкой*. Дедушка женщин не трогает*. Освежуешь дедушку — он как женщина. Поэтому, говорят, он женщин за своих принимает*. Раньше женщины, медведя встретив, груди свои показывали, чтобы не трогал. Однажды женщины, бруснику собирая, испугались: вдруг пришла [медведица], стоит — с двумя детёнышами. Те женщины говорят женщине с ребёнком: «Проси, тебя не тронет». Она ребёнка своего взяла, заклинать стала:

— Отец уважаемый,* ты наполовину человек!
У тебя дети —
Пожалей ребенка моего!
Не трогай нас,
Не надо, не надо, не надо!
У тебя тоже дети.
Грех, грех, пожалей!

И вот ушла, не тронула. Потом, в нашем краю дедушку медведем называют, потом ещё «отец уважаемый» говорят — это горной тайги, леса дух. У огня просят: «Отец уважаемый, помоги мне»*.

58. МАТЕРИ-МЕДВЕДИЦЕ СКАЗАЛА

Мама однажды мать-медведицу встретила. Заговорила:

— Мать!
Что делаешь, что делаешь?!
Что делаешь у эвенка
На дороге?
Еда для тебя —
Голубика, орехи.
Уходи, уходи
Своей дорогой.
Мои дети
Маленькие.
Ты хороший зверь —
Уходи, уходи!
Как дети мои будут жить?!
Уходи, уходи!

Мать-медведица не уходит, стоит, пасть раскрыла. Мама опять начала просить, крича:

— Энӣкэ̄! Энӣкэ̄!
Шурукэл, шурукэл!
Шиннӷӣ ӈоктошос мэ̄ннӷӣ,
Бӣ бимӣ кунӑ̄лтыкӣ шурудём!

Тадук ӈалгардӣви аракӯка̄н шурурон, тадук ӈуктылрэн. Нёне амашкӣ пишӑ̄лран*, тукшашинан амаскӣ.

59. АМӢКО̄НВО ГОЛО̄СИН

Бӣ Ииӈо̄ндо̄ду аннӷа̄силим. Тогово имтым, а̄синнасилим. Э̄кунка эр о̄дясадярӣво̄н до̄лдысиным — амӣка̄н. Э̄дяшиним? Эвэнкӣл амӣко̄нмо «боё калтакан» гусинивкӣл. Голо̄сином:

— Сӣ бисинни боё калтакан,
Минэ окол, экол э̄сора.
Сурукол мо̄ннӣсинови,
Бӣ нян — мэ̄ннӣшинэви.
Сурукол, сурукол!

60. ЭӇЭВЭ* ОДЁКӢТ

1 Эӈэвэ энгнэрэ ӈэгдыт, эрӯт гунэ. Нуӈан дэвэкӣлӣ саӈаричӣ — тар нян сёнын. Бэе гуннэвэн тариӷитпӣ до̄лдывкӣ. До̄лдыӈа — эмэдиӷэн. Тар тэдемэ-дэ̄. Сӣ эӈэкэ̄с нуӈандӯн сэмэлэ̄вча биӈӣн. Садяна, ёда-ка тыкэ̄ о̄ча биӈӣн, умча биркэ. Саӈа бэрвӣ гача̄ биӈӣн, стално̄йва, винто̄вкава*. Тар адулакатчана, гунывкӣ:

— Ӈэбэ̄йӷэ̄* ичэнгэ̄!
Кукинын удуган биӈӣн, гунывкӣ:
— Ёкуна-ка ичэмэ̄деӷнэрэ! Ёкун-да бигин — ӷэ̄лумо̄!

2 Тарты, ады-ка инэнӷӣ йлтэрэкин, ӈокторондулӣ ӷэнэдечэ̄вэ, умнат нэпталӣӈинча! Винто̄вкамӣва-кат эчэ̄ бурба̄лӣӈӣрэ. Тар ӈокторондӯ каравдяча, до̄лдыча, бидиӷан, эрӯ гунӣван. Тырэча эӈэкэ̄вэс. Нонон митнӣл эвэнкӣл котолбор амардӯвар эксэктэдеӷкитын. Котон эвкӣ гавувра — тырэчэ̄ дӯннэлэ̄. Де эӈӣлэ о̄н некэдиӷэн? Гэлэ̄мӣ-нюн аямат, алгамӣ. Эӈэн тырэӈэ̄, умнат кэтэккэ̄н танча. Саӈэ ёӈалван кайча, котон-да эвкӣ бурбалӣврэ. Де эӈэкэ̄с алга̄спӣ са̄вкӣ бо̄, кукинын тэгэльтэнэ тэдэвчэ̄: «Сокто̄ бинэ эрӯт эӈэвэ гунча биӈинны», — гуннэ.

— Мать! Мать!
Уходи, уходи!
У тебя дорога своя,
А я к детям пойду!

Потом она на лапах пошла тихонько*, потом убежала. Мама назад выстрелила, побежала назад.

59. ПРОСЬБА К ДЕДУШКЕ-МЕДВЕДЮ

Я в [местности] Ихондо* ночевал. Огонь покормил, спать собрался. Какой-то шорох услышал — дедушка-медведь. Что мне делать? Эвенки дедушку-медведя «наполовину человеком» называют. Я просить стал:

— Ты сам наполовину человек,
Меня не трогай, не надо.
Уходи к себе,
А я — к себе.
Уходи, уходи!

60. ПОЧИТАНИЕ ДЕДУШКИ-МЕДВЕДЯ

1 О дедушке-медведе нельзя непочтительно, плохо говорить*. У него в бедренных костях дырочки — это его уши. Сказанное человеком он ими слышит. Услышит — может прийти. Это правда, да. Твой дед им искалечен был. Зная [всё это], зачем-то он так сделал, выпивший был, видно. Новое ружье своё взял, стальное, винтовку. Вот, рассматривая её, говорит:

— Страшного* увидеть бы!
Невестка его шаманкой была, говорит:
— Ишь ты, увидеть его захотел. Хоть что имей — грех!*

2 Так и есть, сколько-то дней прошло, он по тропе шёл, вдруг [медведь] его опрокинул! Даже винтовочку не вскинул. На той тропе он уже караулил, услышав, должно быть, плохие слова. Прижал твоего деда. Раньше наши эвенки ножи свои сзади носили. Нож никак не взять — прижат к земле. Ну, что теперь делать? Только просить хорошенько, заклинать. Медведь, прижав его, разом с затылка кожу содрал*. Кровь глаза ему заливает, нож-то не выхватить. Ну, дед твой оплошку свою знает, невестка утром напомнила: «Спьяну плохо о дедушке-медведе говорил», — сказала.

3 Де эһэкэс гэлэливкӣ, алгаливкӣ:

— Эһэкэ! Экэл, экэл!
Алгаһача биһим!
Алгаһача биһим!
Лӯчал аракйдӯтым
Дылив һукчавча,
Дылив һукчавча!
Бэрэкэл, бэрэкэл!
Мулакал, мулакал!
Кирē, кирē, нӧнйва,
Нӧнйва экэл илечэрэ!

Де тариңин һэтэкэнча нуңамаēр, һурӧн!

4 Горово муңнанча биһйн эһэкэс. Самāн Кӧкай айрйн. Тадӯ-вēт умун ēная ачин ӧча. Сагданыһа, тадук-ты балӣ ӧча биһйн. Эһэвэ ает гэлэмӣ — син муланывкӣ. Эрӯт-дэ умнāкāн, алгаһāчā биһикис. Ает гэлэрэкис — син муланывкӣ, бэе калтакан нуңан.

5 Һокторондӯ умнат бакалдымӣ — эңнэрэ туһāлла. Мēванмӣ дявӯчамӣ — ая бивкӣ. Эңнэрэ нэлэрэ, туһаһина. Эēтмӣ — син бокондиңӧн синэвэ. Тыкэн ӧракин — энэ нэлэрэ, гэлэкэл, алгадяна:

— Эвэкэ (Эһэкэ-гу)!
Мулакал, бэе калтакан биһинны.
Мулакал, эдēкэл!
Сӣ һокторонныс мэннйс,
Минӣ — мэннйв!

Тыкэн гуннэ, аракӯкан һокторондукин адагадякал. Тариңис сӧма иргэчӣ, бэегэчйн. Эмӣ гоёвуһинывча бимӣ — һурудиңэн, эмэндиңэн.

61. [ЭҺЭ СӦМАТ СĀВКӢ]

1 Эһэ сӧмат сāвкӣ, эрӯвэ-кэт сāвкӣ, аява-кат. Умнакан кукинмун авдӯнма бакачā биһин. Улумйңкин, сӧңаһа биһйн. Кэ, баканадулан нэнэрэв. Бӧрсāллав. Кэ, эһэңивун авдӯн дӧдӯн сӧмат гивэнчивкӣ: «Сйр! Сйр! Сйр!» Тадук люглиючивкӣ сēрдйви: «Лук! Лук! Лук!» Тар эрӯкйтчэрэн. Кукинмун гунывки:

— Кирē, кирē! Нэлумӧ!
Ӧн ӧдянны, эһэкэ?!
Кирē, кирē! Нэлумӧ!
Экэл, экэл тыкэ ӧра!

3 Ну, дед твой просить начинает, заклинать начинает:

— Дедушка! Не надо, не надо!
Ошибся я!
Ошибся я!
От русской водки
Голову потерял*,
Голову потерял!
Смилуйся, смилуйся!
Пожалей, пожалей!
*Кире, кире**, вонючего,
Вонючего не трогай!*

Ну, тот, через него перепрыгнув, ушёл!

4 Долго промучился твой дед. Шаман Кокай спас. С тех пор ведь он одного глаза лишился. Оттого, когда постарел, совсем ослеп. Медведя хорошо попросишь — он тебя пожалеет. Оплошаешь ведь однажды, ошибёшься*. Хорошо попросишь — он тебя пожалеет, он наполовину человек.

5 На тропе однажды его встретишь — нельзя убегать. Сердце своё сдержишь* — хорошо. Нельзя пугаться, убегать. Захочет — всё равно догонит тебя. Так случится — не боясь, проси, заклинай:

— Бабушка (или дедушка)!
Пожалей, ты наполовину человек.
Пожалей, не трогай!
У тебя тропа своя,
У меня — своя.

Так говоря, потихоньку с его тропы отходи. Тот очень умный, как человек. Не будет ранен — уйдёт, оставит тебя.

61. [ДЕДУШКА-МЕДВЕДЬ ОЧЕНЬ МУДРЫЙ]

1 Дедушка-медведь очень мудрый, и плохое знает, и хорошее. Однажды невестка наша берлогу нашла. Белковала, удалая была. Ну, мы к её находке пошли. Добывать стали. Ну, дедушка-медведь внутри берлоги сильно отряхивается: «*Сир! Сир! Сир!*»* Потом трясёт ушами: «*Лук! Лук! Лук!*»* Так дурное предсказывает*. Невестка наша говорит:

— *Кире, кире!* Грех!
Что делаешь, дедушка?!
Кире, кире! Грех!
Не надо, не делай так!

2 Кэ, бултāрав. Наннавāн миндӯ бӯрэ. Тэлэрэв наннаван. Сō ая инҥактачӣ бивкӣ. Килбэнэдеӧчивки. Эһӣлэ арай тыманан ичэрэв — инҥактан дегдэмэвча ōран. Дегдэнча — эрӯкӣтча. Эһӣлэ атыркан, ичэксэ, дагамакса, гунывкӣ:

— Кирē, кирē! Ҥэлумō!
Ōн ōча биһинны тар?
Ҥэлумō, ҥэлумō!
Эдэрилэ экэл гада!
Эдэрилэ экэл, экэл!
Минэмӯллэвэ гакал!
Минэмӯляэвэ-нюн!

3 Кэ, тар тугэ дулинмāн эһӣн иста, сэмрин. Эһэ наннан эрӯдӯ дегдэнывкӣ, эрӯдӯ ниргиһинчавкӣ. Эһэ сōмат сāвкӣ. Тадук, эһэвэ авдӯндӯ некэмӣ, тылькэрэкир — пэрӣһинывкӣ, мукамуккӣ бӯвкӣ, энэ ӧрэ. Тар эрӯ, эрӯкӣтчэрэн. Нёкчӧрдӯ дюрэкāн мукамуккӣ бӯча биһӣн. Тарҥаһӣ бутунну сологор биһӣтын, кэтэҥэһэ биһӣтын. Элэ эткан, ады-нюн анҥан йлтэнэн — бутуннул манавчāл. Миндӯ умна-кат эһӣн мукāмуккӣ бӯрэ.

4 Тадук, эһэ ирэксэн эрӯвэ сāмӣ, эрӯкӣчивки нян. Чикэлтэвкӣ. Һуллаларакис эһэ ирэксэвэн, эрӯдӯ эпэнэвкӣ. Мӯ ӧвкӣ: Эпэс! Эпэс! Эпэс! Умнā бӣ эр Кукӯскэдӯ эһэтэрйв. Тарҥаһӣ һунāткāнми биһӣн, дячӣ. Эһэ ирэксэвэн кумалэвкӣ, эвйденэ:

— Эпэнэдерэн! Эпэ! — гунывкӣ. — Тыгдэдерэн-ҥу?

Тыгдэ āчин, ирэксэн тулйла локӯчадяча, йдук мӯ? Олгōкима олгōкин ирэксэдук чургиһинывкӣ мӯ. Эрӯкӣтчача тар ирэксэ. Тартывēт āчин ōрйн.

62. ЭҺЭВЭ ОДЁКЙТ

1 Эһэ нёгӯ һалгардӯн манял бивкйл — тар ҥāлалин. Токторо энҥэрэ гирамналвāн. Котот бутуннувэ ōнны. Тар мāнялбāн алгāдянал гавкйл, һунтул тэгэлин эдэтын бэевэ оһйра. Эр бӣ умнāкāн сōмат алгаһāчā биһйв. Сасамāркӯна бултāрйв. Тугэ. Āһилтанадярин. Эһӣлэ һигденэ, һэлйнчэнҥэм: һактыралдиҥāн. Эделйв-кэт аямат һигрэ — һактыраллан. Бӣ тар утāдяна мāнялбāн сукэт токтоһиным. Эдэр биһйв, иргэе āчин. Дёҥҥӣ гадам — дюлāвӣ эксэдэвӣ.

2 Кэ, дюлāвӣ ҥэнэм. Эмэм. Арай* — атыркāныв сумулин бутунну тāнмувчāл. Тэгэтчэнэ, уллитчэнэ — тыкэн-ты биденэ, тāнмувчā. Учикйма

2 Ну, убили. Шкуру его мне дали*. Растянули шкуру. Очень хороший мех. Прямо блестит. Потом вдруг назавтра посмотрели — мех опалён. Опалило его — не к добру. Тут старушка[-невестка]* увидев это, подойдя, говорит:

— *Кире, кире*! Грех!
Что с тобой стало?*
Грех, грех!
Молодых не бери!*
Молодых не надо, не надо!
Меня, самую [старую], возьми!
Меня, самую [старую], только!

3 Ну, до середины зимы не дожив, умерла. Шкура дедушки-медведя не к добру опалена, не к добру обгорает. Дедушка-медведь очень мудрый. Потом, дедушку-медведя в берлоге добывая, промажешь — поворачивается, зад свой показывает*, не выходя. Это плохо, дурное предвещает. Нёкчору* он дважды зад показал. Тогда все сологоны* были, много их было. Вот сейчас, всего несколько лет прошло — все извелись*. Мне ни разу зад не показывал.

4 Потом, шкура дедушки-медведя дурное знает, дурное тоже предвещает. Писается. Когда вместо одеяла накидываешь дедушкину шкуру, не к добру [из неё] капает. Вода выходит: «Кап! Кап! Кап!» Однажды я тут на Кукушке* добыл медведя. В то время дочка у меня была, десять лет. Она шкурой дедушки-медведя накрылась, играя:

— Капает! Кап! — говорит. — Дождь идёт, что ли?

Дождя не было, шкура на улице висела, откуда вода? Из сухим-сухой шкуры сочится вода. Дурное предвещала та шкура. Вот ведь не стало её*.

62. ПОЧИТАНИЕ ДЕДУШКИ-МЕДВЕДЯ

1 У дедушки-медведя на передних лапах кисти — это его руки*. Рубить нельзя его кости. Ножом всё делай*. Те кисти его, заклиная, берут, чтобы другие его сородичи человека не порвали*. Вот я однажды большую ошибку сделал. Огромного самца* добыл. Зимой. Вечерело. Вот, разделывая его, тороплюсь: стемнеет. Не успел даже как следует разделать — стемнело. Я вот второпях кисти его топором отрубил. Молодой был, ума не было. Желчь взял — домой отнести.

2 Ну, домой пошёл. Пришёл. Глядь — у моей старухи* сухожилия все стянуты. Сидела, шила — так вот всё и стянуло [судорогой]. Кри-

учикӣ ӧчӑ. Ӈӑлан-кат эӈин тыктэ, дэрэн-кэт тӑнмувчӑ. Ӈэлевсё! Олоёчим. Тэлки* дёӈив биӈӣн. Дёӈӈӣ гам, дёӈитпӣ ӈӣкилим. Дёӈитпӣ ӈӣкчэнэ, алгӑдяӈнам, гэлёӈнэм:

3 — Ӈэлумӧ, ӈэлумӧ!
Алгас некэчэ биӈим.
Экэл элэнйе бӯлэрэ,
Ӈэлумӧ, эӈэкэ, кирё!
Эр алгаспав экэл таӈра,
Экэл миндулэ тыкӯлла,
Сӧмат экэл тыкӯлла.
Алгас бэевэ бакавкӣ —
Эрӯт некэчэ биӈим,
Алгаӈача биӈим.
Ӈэлумӧ, ӈэлумӧ!
Бӣ алгастӯв
Атыркӑнмав экэл муӈнӑра.
Эрӯт ӧчӑ биӈим!
Алгаӈӑчӑ биӈим!
Эр алгӑспав экэл таӈра,
Сӧмат экэл тыкӯлла.
Ӈэлумӧ, ӈэлумӧ!

Эӈӣлэ тыкан гуннэ, алгам. Тариӈив эӈӣлэ нялбургаллан. Тэгэлтэнэ атыркӑнмӣ ая ӧран. Тыкэн биӈӣн. Тэлки олус* эчэ тыкӯлла, алгӑспав эчэ таӈра. Тар тэдемэ.

63. ЭӇЭВЭ ГЭЛЭӇӉЭРЭ, АЛГАӇНАРА

1 Бӣ нӑн умнакан эӈэдӯ сэмэлэврӣв. Тар гиркив буруин. Авдӯнма бакарӣв. Ӈӣ-нюн гадиӈав? Ӈӣ-кэт ачин. Нюкӯ биӈӣн, сагдаӈинча, бӣ эдэрмэкэн. Бэел гундерӣтын, дӧлдырӣв, «Мёванын эӈэдӯ эрӯ, ӈэлэкис». Ӈӣ-кэт-дэ ачин. Кэ, дӧрӣ ӈэнэрэв. Гиркидӯв тунӈа тэвӯричӣ бэрин биӈӣн, миндӯ — умун тэвӯричӣ. Дагамарав.

— Ӈинакирвар тыннэт, — гунывкӣ.
— Кэ, — элэксӣим; сӑран бидиӈэн, гунчэнэ.

2 Ӈинакинмӣ авдӯндулӑ ӣгэӈинчэрэн. Ӣгэӈинчэрэкин — авдӯндук эӈэткэн лупулӧрон. Мунэвэ ичэксэ — амаскӣ ӣгэӈинчэрэн. Тадук, ӭрдяле!! Эninын ӧӈинчэрэн. Ӈинакирва саксыиллан*. Саксыйдяячив-

вым-кривая стала. Рука-то у неё не опускается, лицо-то стянуло*. Страшно как! Перепугался я. Хорошо, что желчь была. Желчь взял, желчью её намазал. Желчью мажу, заклинаю, прошу*:

3 — Грех, грех!
Проступок я совершил.
Не давай много [за это]*,
Грех, дедушка, грех!
Этот проступок мой не считай,
На меня не сердись,
Сильно не сердись.
Проступок человека находит* —
Плохо я сделал,
Проступок совершил.
Грех, грех!
За проступок мой
Старуху мою не мучай.
Плохо я сделал!
Проступок совершил!
Этот проступок мой не считай,
Сильно не сердись.
Грех, грех!

Вот так говоря, заклинал. Потом это всё разглаживаться стало*. Утром старухе моей полегчало. Так было. Хорошо, что сильно не рассердился, проступок мой не засчитал. Это правда.

63. ДЕДУШКУ-МЕДВЕДЯ ПРОСИТЬ ПОЛОЖЕНО, ЗАКЛИНАТЬ ПОЛОЖЕНО*

1 Я тоже однажды дедушкой-медведем поранен был. Это товарища моего вина. Берлогу я нашёл. С кем возьму? Никого нет. Нюку был, старый уже, я молоденький. Люди говорили, слышал я: «Он сердцем на дедушку-медведя слабоват, трусоват». Да никого ведь нет. Ну, вдвоем пошли. У моего товарища пятизарядное ружье было, у меня — однозарядное. Подошли.

— Собак своих давай отпустим, — говорит [Нюку].

— Ну, — согласился я; знает, наверно, подумал.

2 Собака моя в берлогу залезла. Залезла — из берлоги медвежонок выскочил. Нас увидел — назад залез. Потом, вот тебе на!! Мать его вышла. Собак трепать стала. Треплет вовсю! На товарища моего глянул —

кӣ! Гиркивӣ ичэһиным — ӑчин. Умна пэктырэннэ, тылкэчэ-да туһалча. Бӣ нӑн тылкэм — ӈинакирва бо̄ саксыйдявкӣ, дылван урам. Дылван һэркулим-нюн.

3 Силгиһинчаран эһэӈив, силгинна дылитпӣ, минэ ичэрэн. Минэмэвэ ичэһинэн! Патро̄нмӣ* ӗдячӑлӑв — эр эмэрэн! Бӣ сам бо̄, эһэ алӣкат колтодиӈо̄н, тыким һэргискӣ. Тариӈив минэ тагдыһиллан. Эдук, тадук гадан. Һалгарбав тагдывкӣ, тадук кэӈтирэвэв кикиллан. Де эһӣлэ ӗва-кат этэн сулара миндук. Тэпкэчилъӗчим бӣ, гэлэлим, алгӑлим:

4 — Эвэкэ! Ӗдянны, кирӗ, кирӗ!
Эвэкэ, кирӗ, кирӗ!
Нэкунмӣ ӗдӑ һэрэкӣденны?
Нэкӳмэчэн биһип, кирӗ, кирӗ!
Эһэмӳнэчэн биһип, кирӗ, кирӗ!
Нӗлумо̄ о̄дянны, кирӗ!
Нэкунмӣ һэрэкӣденны, кирӗ!

Тыкэн гуннэкив-тэпкэрэкив — оёлӣв һэтэкэнэн. Тар һурурун. Горово бӣ бумӳрӣв. Тэлки* мулӑнчӑ-вӗт минэвэ, до̄лдыча турэнмэв, гэлэдерӣвэв.

64. ЭҢЭВЭ ОДӖКӢЧИЛТЫН

1 «Амакӑва* вӑрав» эвкӣл гунэ, «амакӑва чоктав» гунӣвкӣл. Авдӳндӳ бидерӣвэ бакадяра, тадук туе о̄дяра, кӑӣва, курӗвэ, эдэн ӳрэ. Аниливкӣл, сичиливкӣл мо̄лди. Сумналлакин — ӗсалин ичэвуливкӣл, ӗсалин-ка һегӳгачӣн ӈэрӣдерэ. Ӗсалин ичэвдерэ — һэялӣн һо̄давкӣл. Нӑвувкӣл. Нӑвдярӣ дулиндӳ бивкӣ, һӑл — олдо̄солдулӣн. Ура̄ракин, бэлэдэвэр.

2 Чокта, һигрэ. Упкатпан инивусинэ орордӳ. Урӣкӣтлэвэр ӈэнэвкӣл. Урӣкӣтпэ дагамадянал, тэпкэливкӣл: «Кӣк! Кӣк!» Урӣкӣттӳ бидерӣл бэел тыливкӣл: чокчӑл.

Эмэврэ, иныгэрэ. Тадук анӣдӳ, каландӳ һуювуливкӣл уллэлвэн. Дыӏлван һэрэкэдӳ каландӳ һуювкӣл. Умукэн гулэдӳ депиливкӣл. Малӳдӳ тэгэтчэдён амака сагдыӏмама, упкаттук сагдыӏ. Мёванмӑн тар сагдыӏ атыркан дигиливкӣ. Мо̄ма пуртат дигиливкӣл. Дигдён, борӣчилдян һӑла̄нка̄ди. Сагдыӏл-нюн мёванмӑн депивкӣл. Илмактал ӈӣ эмэдён, имурэнмэн умкаусчӑн. Тадук уллэвэн һуювчэвэ девуливкӣл, гунденэкэкур:

нет его. Раз выстрелил, промазал и убежал. Я тоже промазал — собак ведь треплет, в голову ей [промазал]. Голову её и задел.

3 Вздрогнула медведица моя, вздрагивая головой, меня увидела. Прямо на меня взглянула! Патрон свой заряжал — тут она пришла! Я ведь знаю, медведь во что бы то ни стало кулаком ударит*, упал я вниз*. Она меня рвать стала. Отсюда, оттуда хватает. Ноги мои рвёт, потом спину мне кусать стала. Ну, теперь ничего-то не оставит от меня. Закричал я изо всех сил, просить стал, заклинать стал:

4 — Бабушка! Что делаешь, *кире, кире*!
Бабушка, *кире, кире*!
Младшего брата своего зачем губишь?*
Мы ведь старший-младший родственники, *кире, кире*!
От медведя ведь мы, *кире, кире*!
Грех совершаешь, *кире*!
Младшего брата своего губишь, *кире*!

Так сказал-прокричал — она через меня перепрыгнула. Так ушла. Долго я болел. Хорошо, что пожалела ведь меня, услышала слово моё, просьбу мою.

64. ПОЧИТАНИЕ ДЕДУШКИ-МЕДВЕДЯ

1 «Дедушку-медведя убили» нельзя говорить, «дедушку выкопали» говорят. Лежащего в берлоге найдут, потом всё приготовят, заслон, ограду, чтобы не вышел. Начинают, тычут палками. Зашевелится — глаза его покажутся, глаза-то его как огоньки светятся. Глаза его показались — в лоб стреляют*. Попадают. Попадающий посередине стоит, остальные — по бокам. Чтобы помочь, если промажет.

2 Выкопали, освежевали. Всё навьючивают на оленей. На своё стойбище едут. Приближаясь к своему стойбищу, начинают кричать: «*Кик! Кик!*»* На стойбище люди понимают: выкопали.

Привезли, вьюки сняли. Потом в этом, в котле варят его мясо. Голову его в отдельном котле варят. Едят все в одном чуме. На почётном месте будет сидеть самый старый дед, старший из всех. Сердце [медведя] старая бабушка режет. Деревянным ножом режет. Порежет, разделит понемногу. Только старики сердце его едят*. Молодёжь, кто придёт, жир его пить будут. Потом его сваренное мясо есть начинают, приговаривая:

— Эчэвун бӯ синэ чокта —
Ӈунтул тэгэл бэел.
Бӯ эчэвун, эчэвун!
Эчэвун бӯ синэ чокчара —
Лӯчал синэ чокчал.

65. [ЭВЭНКИЛ ЭНЭКЭВЭ СӦТ ОДЁВКИЛ]

Эвэнкил эӈэкэвэ сӧт одёвкил. Окин-мал тугэ бултамнил эӈэкэ авдӯнман бакавкил. «Эр авдӯнма бакарав», — эвкил гунэ. Тар одё. Дюлави эмэксэ, чаимтыксэ, аракӯкан гилдӯви гунывки:

— Би инэнгман экунма-ка ичэм, бакам. Тыми тала суруденгэт, ичэнэдингэт.

Бултанавар «варав» эвкил гунэ, «аӈинмуврав» гунывкил. Бултанавар авдӯнма бакача бэе балаткалан* ивувкил. Балатка олдондӯн тэнинэлвэ нэвкил, игиливкил. Тар ӈигденэ*, аракӯкан гундевкил:

— Кук-кук!
Эр синэ куктыл аӈинмура,
Мукукэвэс куктыл лукчара.
Кук-кук!

Эӈэкэвэ гунывкил «аӈинан», эвкил гунэ «бултарав», тар одё. Одётнол, гунывкил: «Аӈинан, бадага».

66. ЭӇЭВЭ БӦРСАРИ ГУННЭК

Авдӯндула эмэксэл, гунивкил:

— Бӯ биӈив нэкӯнэн!
Эчэльбун тэгэмэльчэн биӈи!
Энгэкэл!*
Некӯнэн, эӈэвӯнэн биӈивун.
Умун бэедук балдычал биӈип.
Энгэкэл!

67. ЭӇЭКЭВЭ БУЛТАРИ

Бэӧктэденэл, гиркуктадянал, дюван бакапкил*. Дӯннэдӯ авалнадин бакапкил. Сэлэкин бими, «Лурт!» некэпки. «Э, эр бирин-ӈэн», — гу-

— Не мы тебя выкопали —
Другого племени люди.
Мы не делали этого, не делали!
Не мы тебя выкопали —
Русские тебя выкопали.

65. [ЭВЕНКИ ДЕДУШКУ-МЕДВЕДЯ ОЧЕНЬ ПОЧИТАЮТ]

Эвенки дедушку-медведя очень почитают. Как-нибудь зимой охотники дедушкину берлогу находят. «Вот берлогу нашёл», — не говорят*. Это запрет. Домой вернувшись, чаю попив, [нашедший] потихоньку другим говорит:

— Я сегодня что-то увидел, нашёл. Завтра туда пойдём, посмотрим.

Про добытого [медведя] «убили» не говорят, «усыпили» говорят. Добычу вносят в палатку того, кто берлогу нашёл. На половине палатки меховой коврик* расстилают, свежевать начинают. Вот свежуя, тихонько произносят*:

— Кук-кук!
Это тебя кукушки усыпили,
Шубу твою кукушки снимают.
Кук-кук!

Про медведя говорят «уснул», не говорят «добыли», это запрет. Соблюдая запрет, говорят: «Уснул, кажется».

66. ПРИ ДОБЫВАНИИ ДЕДУШКИ-МЕДВЕДЯ СЛОВА

К берлоге придя, говорят:

— Мы с тобой старший-младший братья*!
Мы не разного племени с тобой!
Пожалей!
Старший-младший братья, медвежьи мы с тобой.
5 От одного человека родились мы*.
Пожалей!

67. ОХОТА НА ДЕДУШКУ-МЕДВЕДЯ

1 Охотясь на копытного зверя, ходя, дом его* находят. По его работе с землёй находят*. Если чутко спит, «*Лурт!*» делает*. «Э, тут-то есть», —

никсал, урувкил. Дю̄ла̄вар эмэксэкил, аямат бэрилбэр о̄лдыпкил, тадук дю̄ла̄вар урувкил. Тугэнӣ бирэкин со̄ма — отӯкана илапкӣл дагадӯн, бими сомо̄килтын* эдэтын доңоторо. Тадук гунмэ̄чиливкил отӯдӯвар:

— Кэ, аямамат, кэ сӣ мо̄я дьӹлкэл, ю̄рэкин — пэктырэ̄ндэвэр.

— Кэ, сӣ дьӹлкэл, бӣ-кэнэ итыгӯчакта.

Кэ, умукон бэе го̄рипчаракин, «Лурт!» овки, мо̄ңматын та̄нӣна, кигдикактана некэливки.

— Кэ-лэ! Ю̄деллэн, кэ-лэ мо̄ңмӣ гакал!

2 Мо̄ңмар аракӯкан гавкил — эрдэ̄т мо̄ңма̄н бодоно, эмэливки. Эркэ̄кинмэ ю̄рэкин, дылин аят ю̄рэкин, пэктырэ̄нипкил. Таду а̄hиниpки. Тара эhӣ «бурэн» гунэ, «а̄hинан» гунипкил. Кэ, одётнол: «А̄hинан, бадага». Кэ-лэ тариңңар луптулипкил. Нямиян, бэеен одулапкил: «Э, эр-ңэн нямӣ, hутэлин, бадага, до̄ла̄ биhи». На̄н урӯпкӣл аят-аят. Тарил бимӣл — качурукёка̄чипкил. Дю̄р бипки, умуко̄ло̄н бипки, эпки кэтэ бирэ. Элэ:

— Кэ, кэ! Биhин!

Аямат сэктэвэ̄н луптуганал-луптуганал уркӯдяпкил. Сэктэвэ̄н гадяpактын — эрё эмэкэ̄чипкил. Сэктэн болгикта бипки, болгиктат сигипки. Болгиктал дугэкэ̄рдӣтын, таду а̄чиммё̄н.

3 Тарты дю̄н дагадун игипкил, сугуло̄новор о̄пкил болгиктадӣн на̄н. Нонон наннава̄н гапкил, тадук умӯксэвэн. Эвкил «hӣг» гунэ, «силларгат» гунипкил: «Эhӣлэ силларӣлдяллап?» гуктэтын одёңңин.

Тар дылгида̄ва̄н бэе игиллэкин — гунипкил: «Иhиллӣрвэн аят гакал». Тар оңоктовон тыкэ̄н мӣнэ̄нэл галипкил бо, тара минэ̄денэл, гунипкил: «Э, эhэкэ̄кун, эвэкӯн, ӣриктэңилли бэhидэдерэ!»

68. АМӢКА̄Н ОДЁКӢЧИЛИН

1 Амӣка̄нвэ бо̄рсарӣ, авдӯндула эмэксэ̄, гунывкӣ:

— Бӯ биhивун нэкӯнэн!
Эчэ̄львун тэгэ̄мэмэ бирэ!
Нэкӯнэн, ама̄ка̄, биhӣвун.
Умундӯу балдыча̄л нонопты биhӣвун.
Энңэкэл — нэкӯнэн биhӣвун.

сказав, уходят. Домой придя, хорошенько ружья готовят, потом к дому своему* идут. Зима очень суровая — костерок разжигают поблизости, чтобы замки [ружей] не примёрзли. Потом договариваются у костра:

— Ну, очень хорошо, ну, ты жердь толкай [в берлогу], как вылезет — стреляйте.

— Ну, ты начинай толкать, а я приготовлюсь [стрелять].

Ну, один человек как пошевелит [жердью, медведь] «*Лурт!*» делает, жердь их таща [к себе], грызть её начинает.

— Ну вот! Сейчас выйдет, ну-ка жердь вынимай!

2 Жердь тихонько вынимают — тут же за жердью следом [медведь] вылезает. Когда посюда* вылезет, когда голова как следует высунется, стреляют. Тут он засыпает*. Об этом «умер» не говорят, «заснул» говорят. Ну, запрет соблюдают: «Заснул, кажется». Ну вот, его вытаскивают. Важенка* или мужчина, рассматривают: «Э, это ведь важенка, дети её, кажется, внутри». Опять шевелят [жердью] хорошо-хорошо. Они [медвежата] есть — шуршат* там. Два бывает, один бывает, много не бывает. Теперь:

— Ну, ну! Есть!

Хорошенько подстилку [из берлоги] вытаскивая-вытаскивая, шевелят [жердью]. Подстилку вытаскивают — с ней вытягивают [медвежат]. Подстилка из стланика бывает, из стланика [медведь] подстилку делает. Из верхушек стланика, на ней спит.

3 Там же у его дома его разделывают, подстилку для свежевания* тоже из стланика делают. Сначала шкуру снимают, потом жир. Не говорят «свежуем», «*силларгат*» говорят: «Теперь начнём *силларга* делать?*», так из-за запрета принято говорить.

Ближе к голове свежевать начинают — говорят: «*Ихилиры** его как следует снимай». Это нос его так отрезая, берут, его отрезая, говорят: «Э, дедушка уважаемый, бабушка уважаемая, это муравьи твои ползают!*»

68. ПОЧИТАНИЕ ДЕДУШКИ-МЕДВЕДЯ

1 Охотясь на дедушку-медведя, к берлоге придя, говорят:

— Мы младшие братья твои!
Мы не разного племени!
Мы младшие братья твои, дедушка.
Вместе родились в старину мы.
Пожалей* — мы младшие братья твои.

Энңэкэл, энңэкэл, энңэкэл!
Нэкӯнэн биһӣвун,
Эчэльвун тэгэмэмэ бирэ!

2 Бӧрсавкӣл, сигиливкил — тадӯ нӓн одёкит турэнтын бивкил. Сигиливкил, нонолӣ сёрвӓн лалбукат-гу, ёкукӓндӣ-гу липкивкил, гунденэл:

— Амӣкӓн, сӣ «дӧлды» биһинны —
Экэл, экэл дӧлчатта.

Оңоктолвӧн, ёлвӓн сигилмӣ, мӣнэлми — гунывкил:

— Һӣриктэңильли бэгинэдэдерэ!
Һӣриктэңильли бэгинэдэдерэ!

Сёрвӓн минэльми — гунывкил:

— Ныңнӯңильли кикэдяра!
Ныңнӯңильли кикэдяра!

Алгӓденэл тыкэ, һигдявкил. Эрэгэмэ алгӓдянал, одёкит турэнмэр гунденэл.

3 Амӓкӓ гирамнаван эвкӣл токтовкӓны, ёлдӧливкӓны эвкил. Амӣкӓн уллэвэн эвкил кикивкӓнэ, йктэлдиви эңгнэнни мудурэ, котот мӣнэнэ, депиңгнэкэл. Амӣкӓн дылван девденэл — гунывкил:

— Бэетки эчэвун дёһунмувра, амӣкӓн.
Амӣкӓн, тоготкӣ ичэчикэл.
Бэеткэкӣ экэл ичэчиктэрэ.
Бэелэ экэл — нэлумӧ!
Амӣкӓн, экэл, экэл!

Тэкэмӯнмэ депчэнэл, тоговор улӣвкӣл, гунденэл:

— Ая бидэвэ этэепкӣ бэйнэ.

4 Эһалван, чӯкадӯ чакиликсал, мӧва чӣксӓл, дӧр тӧриндӯн лапкивкил, гулик дагадӯн дӧр тӧриндӯн, ӓннӯвӓн ӓннӯдӯ, дегиннӯва дегиннгидэдун. Депимсэдӯвэр амӣкӓн дылдун оноктолво уивкил, оноктол ӧмакта бинэтытын. Тыкэ элэ мӧдӯвар дэрэвэн нэвкӣл. Самӓна ӓчин эвкил нонон сёкӓвувра, нимңӓнывкӣ бивки биһин. Адыл эвэнкӣл дылвӓн гулӣктӯ сигӯн ӧптӯкиндулэн дэрэрдин нэвкӣл. Гулӣнал, гунывкӣл:

— Аят ичэксэнэм.
Экэл, экэл, экэл
Эрӯптыкӣ дёнчара.
Элекиндӣ дэлкэним-гулӣм*.
Аят эмэнмукэл, энэ тукӯлла.

Пожалей, пожалей, пожалей!
Мы младшие братья твои,
Мы не разного племени!

2 Добудут, начинают свежевать — на это тоже особые слова* есть. Начинают свежевать, сначала уши его или мхом, или чем-то ещё затыкают*, говоря:

— Дедушка, ты «слышащий»* —
Нет, не слушай*.

Нос его и остальное начинают свежевать, отрезать — говорят:

— Муравьи твои ползают*!
Муравьи твои ползают!

Уши отрезают — говорят:

— Сухие лиственницы твои свистят!*
Сухие лиственницы твои свистят!

Заклиная так, свежуют. Всё время заклиная, особые слова говорят.

3 Кости дедушки-медведя нельзя рубить, раскалывать нельзя. Мясо дедушки-медведя нельзя откусывать зубами, зубами своими нельзя рвать, ножом отрезая, есть надо. Голову дедушки-медведя едят — говорят:

— В сторону человека не поворачивали [голову твою]*, дедушка.
Дедушка, на огонь смотри.
В сторону человека не посматривай.
На человека не надо — грех!
Дедушка, не надо, не надо!

Тэкэмун кушая, огонь свой угощают, говоря:

— Хорошей жизни желает нам зверь*.

4 Глаза его, в траву завернув*, жерди срубив, с двух сторон защепив [глаза в жердях], возле лабаза ставят, по обе стороны, правый [глаз] справа, левый слева. На объеденную голову дедушки-медведя лоскутки привязывают, лоскутки новые должны быть. Так вот на дерево лицо его* подвешивают. Без шамана раньше не делали [обряд] надевания серег, ведь он шаманить должен. Некоторые эвенки голову на лабаз [лицом] к восходу солнца клали. Захоронят на лабазе, скажут:

— Хорошо присмотрели [за тобой].
Не надо, не надо, не надо
Худом вспоминать нас.
Хорошо похоронили на лабазе-помосте.
Всего доброго, не сердись.

69. АМӢКӐН ОДЁКӢЧИЛИН

1 Амӣкӑн гирамнаван сукэт эвкӣл токтовкӧно, елдӧлӣвкӑна эвкӣл. Амӣкӑн уллэвэн эвкӣл кэнӷӣвкэнэ, иктэлдивӣ энӷнэнни мудурэ. «Амӣкӑн уллэвэн экэл йктэтпӣ мудурэ, нэлумӧ. Котот мӣнэнэ депкэл. Одё̄». Амӣканма булта̄мӣ, дылван улӧксӧл, тоготыкӣ ичэвкэнивкӣл, дэрэвэн тоголӧ ичэвкэнивкӣл. Бэеткэкӣ эвкӣл деһунмувкэнэ. Тар нян нэлумӧ. «Бэеткэкӣ экэллу деһунмура амӣкӑн дылва̄н. Тоготкӧкӣ ичэчигин. Бэеткэкӣ ичэвкӣһиннэксун — бэелэ̄ тыкивкӣ ӧдиӷа̄н, бэевэ дявавкӣ ӧдиӷа̄н».

2 Тэкэмунмэ дебденэл — тоговор улӣвкӣл, гунденэл: «Ая бидэ̄ этэевкэ̄ бэйнгэ!»

Амӣка̄нма «дӧлдын» гунӣвкӣл. Дю̄р иһакӣн саӷа̄ричӣ бивкӣ бӧ. Ё̄налба̄н чӯкадӯ чакиликса̄л, мӧва алдыкса̄л, дю̄р тэрӣндӯн лапкитывкӣл гулӣктӯ. Дю̄р тэрӣндӯн: а̄ннӯва̄н а̄ннӯдӯ лапкивкӣл, дегиннӯвэ дегиннӣдэдӯн. Гулӣксэл, гунивкӣл: «Ят караим. Экэл, экэл эрӯптыкӣ дёнчара. Элекинди дэлькэным».

70. СЁКАВУВКЭ̄

1 Эһэ дылва̄н дуликлӣн, бэюннгэчӣнмэ эвкӣл һоӷна̄рэ. Ирӣвкӣл — оӷоктовӧн экӣт дептэ. Эвкӣл депивкэнэ. Унмэвкӣл тара̄, эһилэ пёчиткакӣ*, тоготкӧкӣ дэрэдин нэвкӣл. Тэгэлтэнэ эһилэ мӧва ӧвкӣл, сукэт һа̄ла̄ӷья ӧвкӣл. Депимсэдӯвэр, эһэ дылдӯн оӷӧктолко уивкӣл, саӷал оноктол на̄да*. Деггэн нян эвкӣл һукчара, тыкэ̄ тэвэлэммён. Тар эһилэ мӧндӯвар деггэн нэвкӣл. Сёка̄вувкӣл. Нонон тӧй тыкэн ӧвкӣл, сама̄на-кат а̄чин. Нонон эһэвэ бӧрса̄ктын — сама̄н нӣмӷа̄нивки ва̄надӯтын. Дылва̄н гулӣктӯ сигӯн ӭптукиндулэ̄н дэрэдин нэвкӣл.

2 Эһэ гирамнава̄н эвкил токтовкӧно. Би эдӯ, Кукӯскадӯ, сасама̄рва бакарӣв. Сасама̄риндёвэ! Тэлки* дённӣ мэнмӣ гадарӣв. Нёкчорнӭн бултӑрӣвун, бӧрса̄рӣвун. Эһилэ би огонӣлбӣ, ма̄нялбӣ эһӣв һактыралӣн чикура. Долбо доӷоточэ̄. Йлэ̄-ка ӯта̄дяна, тар бӣ ма̄нялбӣ дялаһалдулӣн сукэт токторӣв.

3 Дю̄ллэвэ биһэ̄л нюльгирэв дю̄ла̄. Благовесенская дагамадӯн, һокто дяпкадӯн урӣнэрӣв. Эмэм, эрдэчӣрэ эмэм. Энӣнгэһэс та̄кан ӧча: дялаһалин танмувчал. Элчэ̄ ӈалан тыктэ. Дэрэн тыкэкэки учики оча,

69. ПОЧИТАНИЕ ДЕДУШКИ-МЕДВЕДЯ

1 Кости дедушки-медведя топором не разрубают, не раскалывают*. Мясо медведя нельзя грызть, зубами не рви. «Мясо медведя не рви зубами, грех. Ножом отрезая, ешь. Запрет».

Дедушку-медведя добыв, голову его сварив, к огню поворачивают, лицом к огню ставят. К человеку лицом не поворачивают. Это тоже грех. «К человеку не поворачивайте дедушкину голову. Пусть он на огонь смотрит. В сторону человека повернёте — на человека будет нападать, человека будет ловить».

2 *Тэкэмун* едят — огонь угощают, говорят: «Хорошую жизнь указывающий зверь*!»

Медведя «слышащим» называют. Две его лопатки ведь с дырками*. Глаза его завернув в траву, обстрогав жерди, с двух сторон [от лабаза] ставят, защемив в них [глаза]. С двух сторон: правый [глаз] с правой стороны защемляют, левый с левой стороны. Похоронив на лабазе*, говорят: «Хорошо сберёг [тебя]. Не поминай, не поминай худом. Хорошо захоронил».

70. НАДЕВАНИЕ СЕРЁГ*

1 Голову дедушки-медведя пополам, как лосиную, не разрубают. Сварят — его нос не едят. Нельзя есть. Когда объедят её [голову], вот к печке, к огню лицом положат. Утром вот жердь делают, топором развилку делают. На объеденное, на голову дедушки-медведя лоскутки привязывают, новые лоскутки нужны. Нижнюю челюсть тоже не отламывают, так оставляют. Потом на ту жердь челюсть надевают. Серьги надевают. Раньше всегда так делали, даже без шамана. Раньше дедушку-медведя добудут — шаман камлает на добычу. Голову на лабаз на восход солнца лицом клали.

2 Кости дедушки-медведя нельзя рубить. Я здесь, на Кукушке*, самца* добыл*. Огромного самца! Хорошо, что желчь себе взял. Мы с Нёкчором его убили, добыли. Вот я задние лапы, передние кисти не смог разделать до темноты. Ночью он замёрз. Куда-то торопясь, я передние кисти по суставам топором разрубил.

3 Два дня пожив, откочевали домой. Около Благовещенской*, на обочине дороги стоянку устроили. Я приехал, раненько приехал. Мать [твоя] покойная* как бревно стала: сухожилия стянулись. Рука не мо-

нян танмувча. Нʻэлэльятчэ биһим. Эһилэ дёным: дёнʻив биһин. Дёнʻнʻи гадам, һикьяʻчим бутуннʻувэн. Гунʻим, дёнʻитпʻи һʻикчэнэ:

— Нʻэлумо̄, нʻэлумо̄!
Алга̄с некэчэ̄ биһим.
Экэл элэнʻйе, эргэчʻйнэ
Була̄нэ, нʻэлумо̄!
Нʻэлумо̄, эһэкэ̄, нʻэлумо̄!

4 Нʻа̄лан, дэрэн та̄нмувча̄, эмуккʻӯчин мунʻнандяран эһилэ. Сʻӣ усо̄ а̄чин биһʻйс. Толя, Сеня*, Ленагдая. Һʻйким. Эһилэ нялбургадяһинан, нялбурдяһинан. Тэгэ̄лтэнэ ая о̄ран нʻӯнʻнэчэ̄. Кэ, тарит айрʻйв. Тар аламнарка-кʻйе токтонолбов. Эһэ эптылэ̄вэ̄н-кэт эвкʻӣл һокогоро, тыкэ̄мэл улʻо̄вкʻӣл. Нирʻйва нирʻйлдулʻйн нирʻйвкʻӣл. Умэкʻйвэ̄н нʻя̄н эвкʻӣл һокʻо̄лʻйра. Эһэ гирамнава̄н нʻинакиндʻӯ бʻӯмʻӣ — гунʻйвкʻӣл: «Та̄кан ча̄гʻӯлʻйн!» Энэ турэһинэ нʻинакинду гирамнаван бʻӯрэкис, нʻя̄н эрʻӯ. Тыкэ̄н тʻӯрэ̄һиндэ̄ на̄да. Мэ̄ндʻус эрʻӯ — нʻинакиндʻӯ до̄ гунчэннʻӣ? Одёкʻӣчитын тар.

5 Эһэ силуктаван, ёван тыкэ̄н о̄вкʻӣл: о̄кта̄нма һокоговкʻӣл, тэмбуһо̄кин о̄вкʻӣл, силукталва̄н, ёкурва̄н тадʻӯ нэ̄вкʻӣл. Сигэт уивкʻӣл. Нʻонимкʻӯн сёранʻнʻа гавкʻӣл, тар сёранʻду локовкʻӣл. Тар гулʻйрэ эһилэ.

«Эһэвэ ва̄чал» эвкʻӣл гунэ, «Эһэвэ бо̄рса̄ча̄» гунивкʻӣл. Эһэвэ бо̄рса̄ча̄ биһим бигин, бэюде бэе — дагамадяна, «Кʻӯккаллу!» — тэпкэдʻяс. Эһилэ до̄лдыһал, дʻютэл кукʻйливкʻӣл: «Кʻӯк! Кʻӯк!» Тыкэ̄н са̄вкʻӣл — коңнорʻйнма бо̄рса̄ча̄. Наннаңнʻар бо̄рса̄ча̄ бэе нима̄дывкʻӣ. Бо̄рса̄ча̄ бэе эвкʻӣ наннава̄н гара, нима̄дывкʻӣ. Аңадякʻа̄р-гу бидятын, атыркʻа̄н-нʻӯ ва̄мнʻӯя а̄чин — тариңгилдʻӯ нима̄дывкʻӣ. Аңадякʻа̄р а̄чин бидʻя̄тын — сагдыгʻӯдʻӯ этыркʻэ̄нду нимадывкʻӣ. Нима̄дывдярʻӣ бэе эһэвэ неһʻӯвкʻӣ.

6 Эһэвэ бо̄рса̄мʻӣл, ка̄къя о̄да̄тын на̄да. Тэкэмун тар. Ёкун уллэн биһин, то̄кʻӣ-гʻӯ уллэн, мэнʻэтʻӯнʻӣ-гʻӯ, тара улʻо̄вкʻӣл. Кэтэкʻӯнэ. Каптарʻйн дёлово бакавкʻӣл, эһилэ сукэт иктʻӯвкʻӣл дэльби. Ильдʻйлʻӣ о̄вкʻӣ уллэ, эһилэ тара̄ котот дигивкʻӣл. Ултʻӯлʻӣ, мясорубкадʻӯ-кат* һулэвэ о̄вкʻӣ. Дʻю̄р йкэ̄ндёдʻӯ улʻо̄вкʻӣл. Эһэ уллэвэ̄н эвкʻӣл тэкэмундʻӯ дигрэ. Эһэ имʻӯрэрбэ̄н унʻкувкʻӣл уллэлэ̄, уркʻӯʻячивкʻӣл. Тэмпэ о̄вкʻӣ. Эмнʻэ дʻю̄ва бакавкʻӣл, тулилэ̄-гʻӯ мэнʻёривкʻӣл. Мундʻӯ эһэ уллэвэн эвкʻӣл «дептэ» гунэ — «мэнʻёркэл» гунивкʻӣл. «Тэкэмунмэ тэкэткэл» эвкʻӣл гунэ — «каккэл».

жет упасть*. Лицо её вот так искривилось, тоже стянулось. Перепугался я. Вот вспомнил: желчь его [медведя] у меня есть. Желчь взял, натёр её всю. Говорю, натирая желчью:

— Грех, грех!
Проступок я совершил.
Сильно не наказывай, вот такого
Не посылай, грех!
Грех, дедушка, грех!

4 Её руку, лицо стянуло, одна-одинёшенька мучается так. Тебя ещё не было. Толя, Женя да Лена. Намазал. Тогда размягчилось, помягчало. Утром легче стало, [жена] распрямилась. Ну, так спас её. Тот рассердился, видимо, что я его порубил*. Даже рёбра дедушки-медведя ломать нельзя, целиком варят. Спинные жилы от жил повдоль отделяют. Тазовую кость тоже не ломают. Кости дедушки-медведя собаке даёшь — надо говорить: «За бревном!»* Не сказать этого, давая собаке кость, тоже плохо. Так приговорить надо. Для тебя самого плохо — для собаки, что ли, думаешь? Это запрет.

5 С кишками дедушки-медведя, с остальным так поступают: ерник* ломают, выпукло связывают, кишки его, внутренности туда [в пучок веток] кладут. Тальником связывают. Длинную жердь берут, на этой жерди [связку] вешают. Вот захоронили, значит.

«Дедушку-медведя убили» нельзя говорить, «дедушку-медведя добыл» говорят. Допустим, я дедушку-медведя добыл, когда лося промышлял, — приближаясь [к дому]: «Каркайте!»* — кричу. Услышав это, они по двое каркают: «*Кук! Кук!*»* Так они узнают — я чёрного* добыл. Шкуру добывший человек дарит по *нимату*. Добывший человек шкуру его взять себе не может, должен подарить по нимату. Сироты ли живут, старуха ли без добытчика — им по *нимату* отдаёт. Сирот нет — старшему старику по *нимату* отдаёт. Одариваемый человек за дедушкой-медведем едет.

6 Дедушку-медведя добыв, *как** приготовить надо. *Тэкэмун* — то же самое. Какое мясо есть, лося мясо или дикого оленя, его варят. Очень много. Плоский камень находят, вот [мясо на нём] топором* отбивают сильно. Измельчают мясо, потом его ножом ещё режут. Мягкое, лучше, чем из мясорубки-то, станет. В двух больших котлах его варят. Мясо дедушки-медведя нельзя в *тэкэмун* резать. Жир дедушки-медведя вливают в мясо, размешивают. Кашицу делают*. Просторный чум находят или на улице ритуальную еду устраивают. У нас о мясе дедушки-медведя нельзя «ем» говорить — «причастись»* говорят. «*Тэкэмун* ешь» не говорят — «клюй»*.

7 Ады̄ бичэ̄ бэе бутуннӯ эмэвкӣл. Ahа̄л эhӣл дептэ нян эмэвкӣл, чайя-да̄ силӯдэ̄вэр. Эмэвкӣл ка̄кла̄. Дю̄р икэ̄ндэ̄дӯ дыгин ло̄скава нэ̄вкӣл. Дю̄тэл бинэл соко̄hиннал, «Как! Как!» гунивкӣл. Дю̄рэ̄кэ̄н гунивкӣл, тадук эhилэ депиливкӣл.

Эhэвэ булта̄мӣ, депмӣ, нульгиhинденэ, булта̄ча̄ бэе ма̄нялба̄н гавкӣ. Дюкча̄ дыгин кирӣндӯн (муннуктӯн) мо̄лдӯ локовкӣ. Амарга̄нма малӯдӯ, нюнӣлва̄н дюлэдӯ. Ма̄нялба̄н hара̄нтыка̄кӣ нэ̄вкӣ. Тар некэксэ̄, гунивкӣ:

— Кэ, эhэкэ̄!
Hутэлдӯв дюлэ̄скӣ ая hоктое сӯга̄кэл,
Ая бинйе сӯга̄кэл!
Аруткāн hара̄ндӯвӣ гулйм,
Аруткāн hара̄ндӯв эмэ̄нмукэл!

7 Сколько есть людей, все приходят. Женщины не едящие* тоже приходят, хотя бы чаю попить. Приходят на *как*. К двум огромным котлам четыре ложки кладут. По двое* зачерпывая, «*Как! Как!*» кричат*. Вдвоём говорят, затем вот есть начинают.

Дедушку-медведя добыв, съев, при перекочёвке добывший его человек передние кисти берёт*. В четырёх сторонах (углах) [чума], на жердях их вешают. Задние — на почётном месте, передние — впереди. Кисти по [направлению к] спальным местам развешивают*. Так сделав, говорят:

— Ну, дедушка!
Детям моим на будущее добрую дорогу протори,
Хорошую жизнь протори!*
На животворной* лежанке я тебя похоронил,
На животворной лежанке оставайся!

АВДӮВӐ ДЯВӮЧАРИЛ

71. СЕКАЛӐВКӐВУН АЛГӐН

Бугакӑкун-энӣкэн,
Бэлэдекэл-карайдякал!
Абдӯ тэкэнмэн,
Орон омӣвӑн
Сирӑдякал, унгдекэл!
Ӈутэкэр-ӈутэкэрри
Орон орочӣл ӧктын!
Нямӣл-нямӯкӑр
Анҥан анҥанӹытыкин
Кэтэльбудектын!
Ӈутэлби-куҥакӑрби
Сӣҥкэчи сӣҥкэнмэ
Дявӯчадярӣл ӧктын!
Орокӧртын-нямӯкӑртын
Анҥан анҥанӹытыкин
Энгнэкэрбудектын!

72. НӢМЭКТЭДЕРӢ АЛГӐН

Бугакӑкун-энӣкэн,
Абдӯ тэкэнмэн
Ҥӑладӯи дявӯчадярӣ!
Орорбун аял,
Орорбун бургул —
Нӣмэктэмӣ ӧдан.

СКОТОВОДЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

71. ЗАКЛИНАНИЕ ПРИ НАДЕВАНИИ «СЕРЁЖЕК»*

Великое Небо-матушка,
Помогай-береги!
Скота основу,
Оленьи души
Прибавляй, посылай!
Дети-детишки твои
С оленями оленными пусть будут!
Важенки-важеночки
Из года в год
Пусть множатся!
Дети-чада мои,
Имеющие *сингкэна, сингкэн*
В руках пусть держат!*
Олени-важенки их
Из года в год
Пусть телятся!

72. ЗАКЛИНАНИЕ ПАНТОВЩИКА*

Великое Небо-матушка,
Скота основу
В руках своих держащая!
Наши олени хорошие,
Наши олени жирные —
Пора пантов настала.

Аяя уңдекэл,
Мунэвэ оролбудякэл,
Эргэчӣндӣ нӣмэктэдерӣл
Нӣмэһин нӣмэлдерӣл
Эдук-тэ̄ дюлэ̄скӣ о̄дяпкун!

73. ОРОНМО АЙИҺӢТТУК ГЭЛЭ̄РӢ

1 Ко̄кай ororво, омӣлватын Айиһиттук гаңкин, гэлэ̄нэ. Талука̄ндӯк орока̄ро о̄вкӣ, бирака̄нма малӯла̄вкӣ. Нимңа̄ндяна, талума орока̄рво һэдэвкэ̄нывкӣ. Бирака̄н баргӯдӯн бэе илитчавкӣ, дявавкӣ тариңилва. Талума орока̄рвӣ һэдэвкэ̄нывки — һэдэвкӣл тэдемэ!

Бирака̄нын метра два-три*, һэгды! Тар орола̄рон, омӣлбатын нонолӣ Айиһиттук гэлэ̄вкӣ:

2 — Айһит-энӣкэн,
Энӣкэ̄кунты!
Бэе-дэ омӣва̄н,
Орор-да̄ омӣлватын
Ңа̄ладӯи дявӯчарӣ!
Ороннока̄н омӣва̄н
Уңкэл мундулэ̄,
Мӯнэкэ̄нэ-дэ̄ уңкэл!

74. АЙИН-МАЙИНДУЛЭ̄ АЛГА̄ (БЭЕ ОРОРБУДЭН)

Айин-Майин-энӣкэн,
Угӯ Бугадук ичэтчэрӣ,
Дулин Буга йндерӣвэ̄н
Уевэ̄н сира̄дярӣ!
5 Һутэл-һутэкэ̄рбэв
Бинӣвэтын уёндекэл!
Айин-Майӣн-энӣкэн,
Абдӯ тэкэмнэ̄н карайдярӣ!
Орочӣл-абдӯчӣл
10 Һутэл-һутэкэ̄би о̄дяктын!
Эдук-тэ̄ дюлэ̄скӣ
Ororбуктын, сӣңкэлэ̄рбуктын!
Абдӯ тэкэнмэ̄н

Добра посылай,
Нас многооленными делай,
Чтобы так же мы панты срезали
И молодые панты ели*
С этих пор и в будущем!

73. ИСПРАШИВАНИЕ ОЛЕНЕЙ* У АЙИХИТ

Кокай оленей, их души у Айихит брал, просил. Из бересты олешков сделает, над речкой почётное место [чума] сделает*. Шаманя, берестяных олешков переправляться заставляет. На другой стороне речки человек стоит, ловит тех. Берестяных олешков он заставляет переправляться — вправду переправляются!

Речка (метра два-три), большая! Тот за оленями сходил, души их сперва у Айихит просит:

— Айихит-матушка,
Великая мать наша!
И души людей,
И души оленей
В своих руках держащая!
Души олешков
Нам пошли,
Хоть немного пошли!

74. ЗАКЛИНАНИЕ АЙИН-МАЙИН (ЧТОБЫ У ЧЕЛОВЕКА ОЛЕНИ МНОЖИЛИСЬ)

Айин-Майин-матушка,
Из Верхнего мира смотрящая,
Жителям Среднего мира
Век удлиняющая!
Детям-детишкам моим
Жизнь продли!
Айин-Майин-матушка,
Скота основу хранящая!
С оленями-скотом
Дети-детишки мои пусть будут!
С этих пор и в будущем
С оленями, с *сингкэнами* пусть будут!
Основа скота

Нямӣча̄р нямӣлдук,
Энӣгэчӣн эниндӯк,
Тэкэнэ а̄чин о̄дяктын!

75. АРКИЛАН АЛГА̄Н

Аркилан аркича̄н,
Аркин аркича̄н,
Аркин ҥа̄лака̄мни,
Экэллу урарэ!
Айдяри ҥа̄лака̄нми
Айдяна, аркича̄н!

76. ГИВУҺИН АЛГА̄Н

Гивэ̄кэл, гивэ̄кэл,
Гивэнэмӣ гивэ̄нэ̄декэл!
Эрӯлбэ-уҺалба
Гивэнэтпӣ гивкэл!
УҺа дяличӣ,
Тора̄к е̄Ҳачӣ
Эгин-дэ̄ намарара.
Гивэ̄кэл-гивэ̄кэл,
Гивэнэмӣ гивэ̄ндекэл!
УҺал-бумӯкил
Гивэ̄ндедектын!
Буга, Бугака̄кун,
Абдӯлва айдякал!
Аян-аядӣ,
Со̄мат гивэнэгин,
Гивмэ гивмэрӣ о̄гин!

77. [ҺУННӢРАЧӢ ОРОН АЯТ БИВКИ]

Ҳуннӣрачӣ орон аят бивки, аят кэтэльбувкӣ, эвкӣ бумӯрэ, эвкӣ сэ̄нмӣврэ. Аят бивки, тар бэе ҳуннӣран, оронду синҡкэчӣ бимӣ. Орондӯ синҡкэчӣ бимӣ. Синҡкэ̄чӣ бэе орондӯ бивки тар Бугадук. Орондӯ синҡкэчӣ о̄дан — Буга тар бэевэ сӣнмавкӣ. Мэ̄нны орондӯ синҡкэчӣ а̄чин би-

От важенок к важенкам,
Как от матерей к матерям,
Бесконечной пусть будет!

75. ЗАКЛИНАНИЕ УКАЛЫВАТЕЛЯ*

Колющий укалывает,
Колющий укол,
Колющая рука моя,
Не промахнитесь!
Лечащая рука моя
Вылечила, колющая!

76. ЗАКЛИНАНИЕ ПРИ СТРЯХИВАНИИ*

Стряхивай, стряхивай,
Стряхиваясь, стряхивай!
Плохое-худое,
Стряхиваясь, стряхни!
[Те, кто] со злыми мыслями,
С поперечными глазами*,
Пусть не прилипают.
Стряхивай-стряхивай,
Стряхиваясь, стряхивай!
Зло-болезни
Стряхиваются пусть!
Небо, Великое Небо,
Скоту помогай!
Хорошо-хорошенько,
Пусть сильно отряхивается,
Пусть встряской встряхнётся!*

77. [ИМЕЮЩИЙ ХОЗЯИНА ОЛЕНЬ ХОРОШО ЖИВЁТ]

1 Имеющий хозяина олень хорошо живёт, хорошо размножается, не болеет, не теряется. Очень хорошо, если этот человек, хозяин, с *сингкэном* на оленей. С *сингкэном* на оленей. С *сингкэном* на оленей человек бывает от Неба. Чтобы он был с *сингкэном* на оленей — Небо того человека избирает. Ты сам не имеешь *сингкэна* на оленей — имеющему

hникис — синҥкэчӣ орондӯ бэедӯ анакал оронмӣ. Оронмо анакал, подāркакал*. Тар борӣдяна, мэн дялдӯи, орондӯ гундиҥэс:

2 — Hуннӣчӣ ōкал!
Синҥкэчӣ бэедӯ,
Орондӯ синҥкэчӣ бэедӯ
Анадям-борӣдям синэвэ —
Синҥкэчӣ hуннӣрāнис ōчā.
Бӣ ороробри кэтэльбуктын,
Эктын бумӯрэ, эктын сэнмӣврэ.
Бугакāкун ичэтчиҥэн синэвэ-кэт,
Бӣ ороровов-кэт!
Ая дялдӣви анадям —
Орор кэтэльбуктын, Бугакāкун!

78. СУРУКВӢ АЛГĀВ (hУКТЫВУНДӮ)

Мōк, мōк, мōк, мōк!
Эвӣдерэ, hуктыдерэ.
Мōк, мōк, мōк, мōк!
Эвдерэнҥэн урэдук.
5 Сӣммарӣм сурукъявӣ,
Багдамава, алава,
hалгарин ҥонимил —
Аямама ичэдэн.
Мōк, мōк, мōк, мōк!
10 Эвӣдерэ, hуктыдерэ.
Мōк, мōк, мōк, мōк!
Эвдерэнҥэн урэдук.
Аякāндӣ дявадям,
«Иксарӣт!»* — илбӭдем,
15 Гиркӣлви миннҥӣл тэпкэдӭтын:
«Сōт, сōт, hӣмат илбӭкэл,
Бутуннувэ суптыкал!»
Мōк, мōк, мōк, мōк!
Эвӣдерэ, уктыдерэ.
20 Мōк, мōк, мōк, мōк!
Эвдерэнҥэн урэдук.

сингкэн на оленей человеку отдай* своего оленя. Оленя отдай, подари. При этом, даря, в мыслях* оленю скажешь:

— Хозяина обрети!*
Человеку с *сингкэном*,
Человеку с *сингкэном* на оленей
Отдаю-дарю тебя —
Имеющий *сингкэн* хозяином твоим стал.
Мои олени пусть множатся,
Пусть не болеют, пусть не теряются.
Небо будет присматривать и за тобой,
И за моими оленями!
С добрыми мыслями отдаю [тебя] —
Пусть олени множатся, Великое Небо!

78. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ОЛЕНЯ, ПОЛУЧЕННОГО В ПРИДАНОЕ* (НА СКАЧКАХ)

Мок, мок, мок, мок!
Играют, бегают [олени].
Мок, мок, мок, мок!
Спускаются с горы.
Выбрала в приданое
Белого, пегого,
Ноги длинные —
Красивый на вид.
Мок, мок, мок, мок!
Играют, бегают [олени].
Мок, мок, мок, мок!
Спускаются с горы.
Ловко поймаю его*,
«Поторопись!» — подхлестну,
Друзья мои закричат:
«Сильней, сильней, скорей подхлёстывай,
Всех обгони!»
Мок, мок, мок, мок!
Играют, бегают [олени].
Мок, мок, мок, мок!
Спускаются с горы.

79. [БИРАТКИ ГУНЫ̄ВКЭ, ОРОРВО ДА̄ВУЛДАВАР]

Биратки гуны̄вкил, ororvo dāvuldavar:

— Мӯ! Шинду аны̄дяра̄в —
Гакалру, гакалру!
Ярика̄рвэ гакалру —
Шинду аны̄дяра̄в!
Аят орор да̄вуктын,
Ӈӣма̄т, ӈӣма̄т!

80. АЯТ ОРОР ДЯВУВЧАДАТЫН, АЛГА̄

Аят орор дявувчадатын, муя̄ллэвэтын гавкӣл, чэмпулӣкэнэ о̄нал, тала̄ нэ̄вкӣл — тар орор омӣрукитын. Тадук сэвэк орон эмэгэн амардӯн уйкэл, алга̄на:

— Энӣкэ-Бугака̄кун!
Орондӯ синґкэ̄нэ бӯкэл —
Орондӯ синґкэ̄чи бэе биктэ!
Энӣкэ-Бугака̄кун, бэлэдекэл!
Ӈуннӣран бими, муя̄ллэвэтын
Чэмпулӣкэ̄ндӯ караичим,
Умун умундӯ биктын —
Эктын сэнмӣврэ! Эрӯл бэел,
Бэинґэл эктын орорбов илечэрэ!
Энӣкэ-Бугака̄кун!
Орорбов карайдякал,
Мунэвэ ичэтчэкэл,
Аямат бидэвун!

Муя̄ллэвэ орон ӈуннӣранин тавувки. Тар чэмпулӣкэ̄нми чэнґкирэт ӈулгавкӣл, нульгидэи некэмӣл.

79. [РЕКЕ ГОВОРЯТ, ОЛЕНЕЙ ПЕРЕПРАВЛЯЯ]

Реке говорят, оленей переправляя:

— Вода! Тебе дарим —
Возьмите, возьмите!*
Бусины возьмите —
Тебе дарим!
Пусть хорошо олени переправятся,
Быстро, быстро!

80. ЗАКЛИНАНИЕ, ЧТОБЫ ОЛЕНИ ХОРОШО СОДЕРЖАЛИСЬ

Чтобы олени хорошо содержались, белый подшейный волос их берут*, сумочку-*чэмпули** сделав, туда кладут — это хранилище душ оленей. Потом на седло священного оленя сзади привяжи, заклиная:

— Матушка-Великое Небо!
Сингкэн на оленей дай —
Человеком с *сингкэном* на оленей пусть стану!
Матушка-Великое Небо, помоги!
Я, хозяин, подшейный волос их
В сумочке-*чэмпули* сохраняю,
Один к одному пусть будут* —
Пусть не теряются! Плохие люди,
Звери пусть оленей моих не трогают!
Матушка-Великое Небо!
Оленей моих береги,
За нами присматривай,
Чтобы мы хорошо жили!

Подшейный волос хозяин оленей собирает. Ту свою сумочку-*чэмпули* багульником окуривают, собираясь кочевать*.

ДЮВӀ ДЯВӮЧАРИЛ

81. АЙИН-МАЙИНДУЛӘ, АЙИҺИТ-ЭНӢЛӘ, ӘНТЫЛДУЛӘ-АМТЫЛДУЛӘ АЛГӀ

Айин-Майин,
Айиһит-энӣ,
Энӣнгэһэ-амӣнгаһа*,
Эвэкӗрби-эһэкӗрби,
Карайдякаллу
Мунэвэ-кэт,
Һутэлбэвун-кэт!
Бинӣ һоктововун
Уӭндэкэллу-сирӑдякаллу.
Эдук дюлӗскӣ
Аякандӣ айдякаллу.
Нгӣ-кэт бумӯрэ эгин,
Ӗкун-да эрӯ эгин ӧра.
Угӯ Бугадук ичэтчэрэс,
Сӑдярас бидерӣвэвун.
Аяя унгдекэллу,
Сирӑдякаллу!

82. АЙИҺИТ-ЭНӢВЭ АЛГӀ

Эмэктэ бэе тогово имтыдӭн, Айиһитва алгӑдӭн. Айиһит-энӣ тогодук гавкӣ. Айиһит — аһӣ, бэегэчӣн, эвэмнӯ. Самаһал Айиһит-энӣдук дяривкӣл. Дэктылӗчӣ бивкӣ, дэгиктэдевкӣ. Бутунну урӭнгкай Айиһит һутэлин. Мӣт нӭн һутэлин. Эмэктэ-бэе алгӑвкӣ, гуннэ:

СЕМЕЙНО-РОДОВЫЕ ОБРЯДЫ

81. ЗАКЛИНАНИЕ АЙИН-МАЙИН, АЙИХИТ-МАТЕРИ И СВОИХ ПРЕДКОВ*

Айин-Майин,
Айихит-мать,
Матери-отцы,
Бабушки-дедушки,
Берегите
И нас самих,
И детей наших!
Дорогу жизни нашей
Продлевайте-удлиняйте.
С этих пор и в будущем
Хорошенько помогайте.
Пусть никто не болеет,
Пусть ничего худого не будет.
Из Верхнего мира вы смотрите*,
Знаете о нашей жизни.
Добра посылайте,
Продлите!

82. БЛАГОСЛОВЕНИЕ АЙИХИТ-МАТЕРИ*

Пришедший человек, огонь угощая, Айихит должен благословить. Айихит-мать от огня берётся. Айихит — женщина, как человек, эвенкийка. Шаманы с помощью Айихит-матери поют*. С крыльями она, летает. Все *урангкаи** — дети Айихит. Мы с вами — тоже её дети. Пришедший человек благословляет, говоря:

— Тогокōкун,
Айиһит-энӣ,
Того тэкэнын,
Дэктылэлкэн Айиһит!
Минэвэ экэл һуҥтōро:
Ураҥкай биһим.
Бутунну ураҥкаил —
Сӣ һутэлис,
Бӣ нян һутэс биһим!

83. АРЧАЛДЫРИ ГУННЭКИ

Горово эчэл бакалдыра дял чэнкирэвэ ковордōдӯ* тыпӯвчавкӣл. Тара испӣскэт* эвкӣл нулла — тогодук. Мэн тогодук. Тадук талӣ дорōвавкил, нюканы̄вкӣл.

Арчалдыри гуннэки тыкэн:

— Аямат бакалдыгат,
Тогот дегдэдегин!

84. ГОРОЛŌ НУЛЬГИЊИНЫКСЭЛ ТОГОВО АЛГĀРӢ

Того-энӣкэкун,
Горо бугалā
Нульгирӣ инэнӣ ōран.
Муннюн, муннюн нульгигэт,
Һутэлнюнми нульгикэл!
Того-энӣкэкун,
Ёлламрāк чатурӯктӯи,
Мэн чāтурӯктӯи
Аямат нульгилдингэс.

Тарā ōвкӣ аһӣ — дюва дявӯчадярӣ. Гунденэ, урбāкикāндӯи* нэвкэһинывки чāтукарвэ ҥāландулии. Тадук чāтурӯктӯ нэвкӣ чāтукāрва, нонон аһӣдӯ чāтурӯкин биҥкин.

85. АЛГĀ

Урӣнденэл, энты̄лви нонолӣ тогокōнмо илавкил — аят бидэвэр эдӯ. Уллэт, имӯрэнди имты̄вкил, мэн дялдӯвар гуннэл:

— Великий огонь,
Айихит-мать,
Огня исток,
Крылатая Айихит!
Меня не чуждайся:
Урангкай я.
Все *урангкаи* —
Твои дети,
Я тоже дитя твоё!

83. ПРИ ВСТРЕЧЕ ГОВОРЯТ

Давно не встречавшимся родственникам разжигают багульник* на сковороде, дымят. Его спичками нельзя разжигать — только от очага. От своего очага. Потом уже там здороваются, целуются*.

При встрече говорят так:

— Хорошо встретимся-ка,
Огонь пусть горит!*

84. ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ КОЧЁВКОЙ ОГОНЬ ЗАКЛИНАЮТ

Огонь — Великая мать,
В дальнюю землю
Кочевать пора настала.
С нами, с нами кочуй,
С детьми своими кочуй!
Огонь — великая мать,
В мешочке для золы, для углей,
В собственном мешочке
Благополучно кочевать будешь.

Делает это женщина — хозяйка дома*. Говоря, в рукава рубахи кладёт угольки руками. Потом в мешочек кладёт угольки, раньше у женщины[-хозяйки] мешочек для углей был.

85. БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Останавливаясь на стоянку, родители мои сначала огонёк разжигали — хорошо жить тут. Мясом, жиром огонь угощают, в мыслях* говоря:

— Того, бэлэкэл,
Ая биние букэл!
Эдэвун омӣтта,
Эдэвун эрӯт бирэ —
Бэйнгэлъе унгдекэл!

Нульгишинденэл, нян тогово имтывкил. Того бинэвэн тэшивкил аямат — гатывкил ёллаван, екукарбан (эчэлвэ дегдэрэ). Эмэнывкил тупава, гуннэл:

— Тогоё, депкэл!
Бу нян этэвун
Дёмикир* бирэ —
Депкэл!

86. ӦН ЭМЭРӢ АННҒАНМА АЛГӐВКӢЛ

Эмэрӣ аннганма, лӯчадыт Новай год*, алгӑвкӣл. Эвэдыт эмэвкӣ, кукӯ куккӯллакин, элэкэс агды агдыллакин. Нонон эвэнкӣл, агды агдыллакин элэкэс, ӧктӑктакӑрва гавкӣл. Сигӯн нгэнэрӣдӣн дювар илараґгды hороливкӣл, алгӑдянал:

— Арчё, Арчё!
Арчё, угӯпчӯ биһинны!
Эвэнкӣкэкур бӯ,
Арбагасичӣл бӯ,
Супӯначӣл* эчэлбун бирэ.
Дулин Буга дыгин
Һалгалкӑһал бэйнгэльгэчӣн
Дулин Бугакӑндӯ, эгдэндӯ
Бэйнгэлвэ бэӧктэденэл, бидерэв.
Аят бидэвун, эдэвун демӯллэ,
Аят аннганыт эмэдекэл,
Эрӯт аннганыт экэл эмэрэ!
Арчё, угӯпчӯ биһинны!

87. ДӮННӮР-ЭНИДӮ БОЛОКИН АЛГӐ

Чӣе чӣечэми,
Дэкта дэначӑми,
Болокин ӧран.
Дӯннӯр-энӣ,

— Огонь, помоги,
Хорошей жизни дай!
Чтобы не голодали,
Чтобы плохо не жили —
Зверя посылай!

Когда кочевать собирались, тоже огонь угощали. Жилище огня чистят хорошо — убирают по очереди пепел, что-нибудь (не сгоревшее). Оставляют пресную лепёшку, говоря:

— Огонь, ешь!
Мы тоже не будем
Голодными жить —
Ешь!

86. КАК ПРИШЕДШИЙ ГОД БЛАГОСЛОВЛЯЮТ

Пришедший год, по-русски Новый год, благословляют. У эвенков он приходит, когда кукушка закукует, первый гром загремит. Раньше эвенки, как только гром загремит первый, тальник брали*. По ходу солнца жилище своё трижды обходят, заклиная:

— Арче, Арче!
Арче, ты выше всех!*
Мы же эвенки,
С *арбагасиками.*
Зипунов у нас нет.
На Средней земле, как звери
Четвероногие,
На великой Средней земле, в горной тайге
Зверя добывая, живём.
Чтобы мы хорошо жили, чтобы не голодали,
Хорошим годом к нам приходи,
Плохим годом не приходи!
Арче, ты выше всех!

87. ОСЕННЕЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ ДУХА ЗЕМЛИ-МАТЕРИ

Хвоинки отхвоились*,
Листочки отлиствились* —
Осень настала.
Земля-мать,

Ичэвдиӈэс,
Ирэктэ ирэллэкин,
Болгиктал болгӣллактын,
Чӑлбӑр чӑлбӑлдяддактын.
Иманна чӯмиллакин —
Тардӑла бидэви
Дӯннэ дӧдӯн.
Гочӣндалӑ бидэви,
Нэӈне ичэвулдэви!

88. ДЮКЧАДӮ АЛГӐ

Чимкэ чиркульдэ*,
Ӗкунма гундэи,
Чиркульдэ, некэденны?
Ӈарандӯвун эмэнмукэл!
Гочӣн, нульгиденэл,
Эдӯты дюкчадиӈавун.
Ӈӣ-кэт эгин илечэрэ,
Эрӯ дяличӣ Ӈалганын эгин тӯрэ,
Ӈӣ-кэт эгин тутӯктэрэ,
Ӈӣ-кэт эгин ӈэкӣрэ!
Аямат эмэнмукэл гочӣндала.

89. АЛГӐВКА ӇЭГЭН (ОСТӦЛДУ* АЛГӐВКА)

Аӣн-аӣн, иӣн-аӣн,
Эвӣденӈнэм-гундӗгэнӈнэм.
Аӣн-аӣн, иӣн-аӣн,
Сӣксэгӧнмэкты-ял гуным
Сӣксэнэкӣндӣ гунтыӣвэльдӯ.
Дыгӣнынӈкӑн кирӣлкӑн
Остӧлкордӯ баргӯнамнӯ
Тунгэрэкӯн тэгэтчэнэль,
Аӣн-аӣн, иӣн-иӣн,
Тэрӗлькэльдӣ* дэльтэннэль
Гундӗгэнӈнэм иӣн-иӣн.
Битылькальдӣ* кальтӑкальдӣ,
Дын урӯмкэльдӣ* кальтӑкальдӣ
Дын гундӗгэм-гӯ эӣн-эӣн.

Покажешься,
Когда лиственница залиствится,
Стланик застелется,
Берёзы заберёзятся*,
Пока снег не начнёт таять —
До той поры живи
Внутри земли.
До следующего года живи,
Весной покажешься нам!

88. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ОСТАВЛЯЕМОМУ МЕСТУ ЧУМА*

Скрипящая жердь*,
Что же сказать,
Скрипя, собираешься?
На месте очага останься!
На будущий год, кочуя,
Здесь же* свой чум поставим.
Никто ничего пусть не трогает,
Нога человека с дурными мыслями пусть не ступит сюда,
Пусть никто здесь не ползает,
Никто не топчется!
Всего хорошего*, до следующего года.

89. БЛАГОСЛОВЕНИЕ-ПЕСНЯ (БЛАГОСЛОВЕНИЕ СТОЛУ)

Аян-аян, иян-иян,
Играю-пою.
Аян-аян, иян-иян,
Вечерком-*ял** рассказываю,
С вечера начал рассказывать.
За четырёхугольным
Столиком на разных сторонах
Кругом сидя,
Аян-аян, иян-иян,
Под звон тарелочек
Приговариваю, *иян-иян.*
О бутылочках ополовиненных,
О рюмочках ополовиненных
Приговариваю, *эян-эян.*

Остӧлколбӧ тунтӯрэгэр
Тэгэтчэнэль, эрэ-тарā
Ульгӯчэмэтчэнгнэй кунэ.
Аян-аян, иян-иян,
Эвйденгнэм остӧлкорду-вае
Гунэм-ну аян-аян.
Гундēгэмнэм, эдэ, гундēм,
Аян-иян, иян-аян.

90. ДЫГИН КИРИЛКАН ОСТӦЛКОНТЫ (ОСТӦЛКОНДУ АЛГАВКА)

Нāēн-найиян*,
Нэкныль, гундячим —
Дыгин кирйлкāн остӧлконты
Гэгдэк тыкэн эрбэн эрйдэгин.
Нāēн-найиян,
Нāēн-найиян!
Дыгин кирйлкāн остӧлкӧнты
Гэгдэк тыкэн бэелбэ эрйдэгин.
Бй эвйдем, нэкныльбй бакалдыксā,
Горо бугаялдук эмэчэл —
Уруныксэкэн, эвйдем,
Нāēн-найиһиян!

91. ҺИРГЭ

Сӯ-вэһин аят бидэвэр,
Һутэлвэр угиривкэллу.
Һутэллун нюнгйлтын нгонумуллактын,
Ая майгичйл ӧмйл —
Тэгэвэ-дэ айрйл ӧдингатын.

92. ҺИРĀ ҺУРУНУДЙТЭН

Аят дэгэкэллу —
Иргэчинмэ* һэгэдингэв сундӯ.
Гочин нян-дāт эмэдэвэр!
Аят бикэллу, экэллу бумӯрэ,

Вокруг стола
Сидя, о том, о сём
Разговоры ведём.
Аян-аян, иян-иян,
Играю* за столиком-*вае,*
Припевая, *аян-аян.*
Припеваю, друг, говорю,
Иян-иян, иян-иян.

90. НАШ ЧЕТЫРЁХУГОЛЬНЫЙ СТОЛИК (БЛАГОСЛОВЕНИЕ СТОЛИКУ)

Наен-найиян,
Младшие сёстры*, я говорю —
Наш четырёхугольный столик
Пусть всегда вот столько созывает*.
Наен-найиян,
Наен-найиян!
Наш четырёхугольный столик
Пусть всегда вот столько созывает.
Я играю*, с сёстрами встретившись,
Из далёких земель прибыли они —
Радуясь, играю,
Наен-найихиян!

91. БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Вы-то уж живите хорошо,
Детей своих поднимайте.
Голени ваших детей удлиняться станут*,
С добрым нравом вырастут они —
Сородичам ведь помогать станут.

92. БЛАГОСЛОВЕНИЕ НА ДОРОГУ

Хорошо летите —
Благословение спою я вам.
На будущий год опять приезжайте!
Хорошо живите, не болейте,

Кэргэлкэһэлбэр аят дявӯчакаллу,
Куҥакāрвар иргикэллу!

93. ҺУТЭЛ ЭМЭНЭДӮТЫН ИКЭН

Һутэлви-дā эмэнэдӯтын
Аякāндӣ неливкāтнэ,
Һутэв Һутэван армиялдук*
Эмэксэ-дэ нелипивкāнэ.
Инэҥӣлдӯ аяялӣ
Дялилвāн ӣврэ-дӯ?
Тар-дāдӯ тӯксэлдӯн
Аядыя гэлēденэл,
Сагдандалāвӣ ҥэнэнксэндӯ,
Һутэв Һутэлван мēварди-дā
Һāкирдӣ-да дёндяна,
Сигӯн аёракин,
Нēливкатнэ ҥэнэктандем.
Нямāвӣ-дā дялупилим,
Гунчэктэндеҥнэм-дэ.
Кутулдӯтэн эдук дюлēскӣ
Илан-дюре аниганйе
Ҥэнэмкэктэ, гунчэдем!

94. ИРГЭЧИН* БЭЕЛ ОКТОДӮТЫН

Ият дэгкэллу, иргэчинмэ
Эгэдиҥэв* сӯндӯ.
Гочйн нян-дат эмэдэвэр!
Ият бикэллу, экэллу бумӯрэ,
Кэргэлкэһэлбэр* аят дявӯчакаллу,
Куҥāкāрвар иргикэллу!
Горово эгэмчэв-дэ,
Энгнэрэ-ҥэнэ горот
Эгэдедэ иргэчинмэ.
Һймāмият дэгилкэллу,
Һймāмия дюлавар искаллу!

Семьи свои хорошо содержите,
Детей своих растите!

93. ПЕСНЯ ПО СЛУЧАЮ ПРИЕЗДА РЕБЁНКА

Приезду ребёнка-то своего
От всей души радуюсь*,
Сын сына моего, из армии
Прибыв-то, порадовал меня.
В хорошие дни
Думали вы о нём?*
Вон у тех облаков
Добра испрашивая*,
До старости дожив*,
Внуков своих всем сердцем
И печенью вспоминая*,
Под добрым солнцем*,
Радуясь, живу.
Сотню [лет] своих наполню скоро,
Подумаю-ка я.
Ради их счастья* ещё
Три-два года
Попробую прожить*, думаю!

94. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЛЮДЯМ НА ИХ ДОРОГУ

Хорошо летите, благословение
Спою вам.
На будущий год опять приезжайте!
Хорошо живите, не болейте,
Семьи свои хорошо содержите,
Детей своих растите!
Долго бы я пела-то,
Да нельзя долго
Петь благословение*.
Быстренько летите,
Быстренько до дому доберитесь!

Һӣмāмия аяканди
Ҥэнэдэвэр дю̄лавар-дэ!
Тадук-кале иргэ̄чинми
Урумкӯмэкэ̄н бидиҥэнэ!

Иргэ̄чинмэ горот эвкил э̄гэ̄рэ, горот э̄гэ̄диҥэв — горо октогун о̄диҥан. Эҥнэрэ вет.

95. Э̄ЛЛУВКЭ̄

Бӣ Андрēив тунҥāчӣ биһин. Амӣню̄н Мāрēлā Журбāндулā ирэмэ̄рэв. Мāрē эчӣн ичэрэ һутэвэв. Ӣдекēнмун — пēчилэ̄и* һэтэкэнэн! Чāтукāнма чāварӣһинан — бутунну дэрэвэ̄н (һэēвэ̄н, анчарвāн, деггэ̄н) эллӯран, гунденэ:

— Того-Энӣкэ̄н!
Кулумтаҥив!
Экэллу һуҥто̄ро —
Миннӣ, миннӣ!
Миннӣ эмэчэ̄,
Мэ̄ннӣс эмэчэ̄!
Миннӣ саһэв —
Экэллу һēнны̄рэ,
Аядыт ичэткэллу!
Һуркэ̄н-куҥāкāн,
Кэптукэ̄ткэ̄н ирэмэ̄чэ̄.
Экэллу һуҥто̄ро —
Мэ̄ннӣвэр ичэрэс!
Багдāлама ню̄риктэчӣ,
Лӯчакāн ēһакāчӣ —
Миннӣ, миннӣ!

96. Э̄ЛЛУВКĀ

Балдыча куҥāва эллувкāвкил, гунденэл:

— Шинни эмэрэн,
Шинэвэ илатчиҥан,
Шинэвэ ичэтчиҥэн,
Шинэвэ одё̄тчиҥан!
Эникэ-того! Иргикэл,
Ичэткэл аят нуҥанман.

Быстренько и хорошо
Поезжайте домой-то!
Поэтому-то благословение моё
Коротеньким будет!

Благословение долго не поют, долго петь буду — долгой дорога ваша будет. Нельзя так.

95. МАЗАНЬЕ УГЛЕМ

Моему Андрею пять лет было. Они с отцом к Марии* в Журбан* поехали. Мария не видела моего ребёнка. Вошли — она к своей печи кинулась! Уголёк выхватила — всё лицо его (лоб его, щёки, подбородок) измазала углем, говоря:

— Огонь-матушка!
Кулумтан мой*!
Не чурайтесь —
Мой, мой!
Мой приехал,
Ко мне приехал!
Моя кровь —
Не сердитесь,
По-доброму взгляните!
Дитя-ребёнок,
Маленький Кэптукэ приехал.
Не чурайтесь —
Вы своего увидели!
Со светлыми волосами,
С русскими глазками* —
Мой, мой!

96. МАЗАНЬЕ УГЛЕМ

Рождённого ребёнка мажут углем, говоря:

— Твой пришёл,
Тебя будет разжигать,
За тобой будет присматривать,
Твои запреты будет блюсти!
Мать-Огонь, расти его,
Присматривай хорошо за ним.

Дылачā тыктэкин — куҥāва тулискӣ эвкӣл ӧврэ, эвкӣл ҥāликтара тулилэ. Нададу*, āшилтана йлэ-вэл куҥāва экшэми — нян тогодӯк эллава гавкӣл, дэрэвэн шӣкивкил, гунденэл:

— Энӣкэ-того! Эрӯ ёшачи бэе
Эгин эрӯт ичэттэ, эгин куҥāлбав маявкана.
Эникэ-того! Ичэткэл аямат,
Эгин эрӯе ҥӣ-кэт ӧра, энӣкэ-того!

97. ҤУНĀДИЛ ИЧЭМКЭНТЫН

Нонон ёма-дā ҳунāдидӯ тэрӣдӯн багдарӣн мэҥун умкāн биҳин. Тарит дюлэвэр ичэмкэвкӣл биҳӣтын. Ҳунāт ичэмкэвкӣ: дялдāнан дялувдиҥāн-ну, этэн-ҥу. Багар ёма-вал омолгива эётчэрэн — тарā дялдāвкӣ, тадӯ ичэмкэвкӣ умкāндӣи. Гарадāвкӣ умкāнмӣ, гуннэ:

— Мэҥумэкэн умкāнмӣ,
Багдарӣкāн мэҥункэн умкāнмӣ,
Ичэвкэкэл!
Дялданадӯв — тэвэкэл,
Эҳикин дялуврэ — мукчэкэл!

Тэвэрэкин — дялин дялувдя̄н, эҳикин — этэн.

98. ҤИҤКИЧĀН* ЭРУКӢТЧЭРӢДӮН ҤИРГЭ

Ҳиҥкичāн, ҳорокӣ умуктавāн дāмӣ — эрӯ. Тарā энэ илечэрэ, амаритпӣ удялӣи мучӯкал, гунденэ:

— Экэл эрукэттэ*,
Экэл эрукāттэ!
Эрӯдӯ экэл ичэврэ,
Экэл, экэл!
Удявӣ кāйдиҥāв!

Удявӣ мӧт кāйдиҥэс, элэ амаритпӣ ҳурудёс. Ҳорокӣ, ҳиҥкичэн умукталвар сӧт дявкӣл: гэлэктэмӣ-дэ — этэнны бакара. Тар эрӯдӯ ичэвукӣ, гуныҥкитын.

99. КУТУГА (ГИРКУРӢ ҤЭРЭКӢ) СӦМАТ СĀВКӢ

1 Эмҥун эвенкӣл гиркурӣ ҳэрэкӣвэ гэрбӣвкил кутуга, кутучӣ* бо нуҥан. Тар сӧмат сāвкӣ, аят-гу, эрут-гу бидиҥэс — сāвкӣ, ичэвкӣ. Тарэ

Солнце закатится* — ребёнка на улицу не выносят, не берут на улицу. Если нужно, вечером с ребёнком куда-то идёшь — тоже из очага уголь берут, лицо [ребёнку] мажут, говоря:

— Мать-Огонь! Человек с дурным глазом
Пусть дурно не посмотрит, пусть у детей моих удачу не отнимет*.
Мать-Огонь! Присматривай хорошо,
Пусть никто дурного не сделает, Мать-Огонь!

97. ДЕВИЧЬЕ ГАДАНИЕ

Раньше у всякой девушки в калыме ложка из белого золота* была. Ею о своём будущем гадали обычно. Девушка гадает: задуманное исполнится или нет. Может быть, о каком-то парне мечтает — это загадывает, тогда гадает ложкой. Кидает ложку, говоря:

— Золотая моя ложка,
Из белого золота моя ложка,
Покажи!
На задуманное — дном вниз упади*,
Не сбудется — дном вверх упади*!

Падает дном вниз — задуманное исполняется, нет — тогда нет.

98. ЗАКЛИНАНИЕ, ЕСЛИ РЯБЧИК ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ХУДОЕ

На яйца рябчика, глухаря нападёшь — худо. Его не трогая, пятясь по своим следам, возвращайся, говоря:

— Не предрекай худого,
Не предрекай худого!
К худу не показывайся,
Нет, нет!
След свой закрою!

След свой палкой закроешь*, потом, пятясь, уходишь. Глухарь, рябчик яйца свои очень хорошо прячут: искать будешь — не найдёшь. Они не к добру попадаются, говаривали.

99. ЖАБА (ШАГАЮЩАЯ ЛЯГУШКА*) ОЧЕНЬ МУДРАЯ*

Амгунские эвенки* шагающую лягушку называют жабой [*кутуга*], у неё ведь душа-*кут* есть. Она очень мудрая, хорошо или плохо жить

арчамӣ, ичэмӣ, нэнэкэл, сӑдӑй эётмӣ. Пулӑтвӣ* һоктодӯн гиркэмэлчэкэл. Тариӈис һэрэкӣчэннӡчӣн эвкӣ һэтэкӯрэ, гиранивкӣ. Пулӑтпӣ гиркэмэлчэксэ, дялдӑкал мэндӯвӣ:

— Ият биӈэт биһикив —
Гиранӣкал,
Экэл агилла!

2 Ият биӈэтыс бидиӈэн-дэ — тариӈис ӈэнэвкӣ, гиранивкӣ. Эрӯе ичэмӣ — агилдиӈэн, этэн пулӑтпас ӈэнэрэ.

Аминми умнэкэн кутугава ичэчэ, ӈэнэчэ. Энэептӯнмӣ лукчӑ, һоктодӯн нэчэ. Тариӈин эчэ гиранӣра — агилчӑ. Нонон гиранивкӣ бичэ. Тар тадук* гороё энэ бирэ — сэмнэн. Кутуга сӧмӑт савкӣ.

100. ИЧЭМКЭ ИВЭЛЛЭТ

Һунадил олгӧкин ирэктэвэ бакавкӣл, тарӑ һоӈнӹвкил. Тадук сукэт ивэллэкэрэ гавкӣл. Олдовкӣл ӈӯӈнэкэрдӣ, уюмкӯндӣ. Тарӑ эксэвкӣл дюлӑвэр, тадук ичэмкэвкӣл: ёма һунӑди ёма бугала ӈэнэдиӈэн (бэелё). Ӑһилтана тарӑ ӧвкӣл, отӯваръя ӧвкӣл, тэгэвкӣл тугурук. Умутул ивэллэкэнэ гавкӣл. Тар гулувундӯвар ивэллэкэнмӣ илана, һунӑт ӈуӈнэкэн гороё дявӯчавкӣ ӈӑладӯвӣ (дюр ӈӑлат дявӯчавкӣ), гунденэ:

— Тогокӧн-эникэн,
Ивэллэкэнми,
Ичэвкэкэллу —
Ёма бугалӑ ӈэнэдиӈэв?
Сигӯн юптӯдерилэ —
Ивэллэкэн, тала ныӈӣкэл!
Сигӯн тыкчэдерӣлэ —
Тала ныӈӣкэл!
Ёма бугала ӈэнэдиӈэв —
Талӑ ныӈӣкэл!

Тогон сӣвувкӣ, тадук ёлланӷӣн (мӧдук эмэнмучэ), тӯдяня, ёма-вал бугалӑ ичэвкэвкӣ. Йилэ ичэвкэнын — тадук омолги нуӈанмӑн гадиӈӑн.

101. БАГДАРӢН МЭӇУМЭКЭН УМКАНДӢ ИЧЭМКЭ

1 Энӣдӯ-кэ багдарӣн мэӇун һэгдындӕ умкан биһӣн, тарӑ, уритпэр энӯллэкивун (ӧһурдерикит), энӣ котот чӣвкӣ — багдарӣн мэӇунмэ

будешь — знает, видит. Встретив, увидев её, загадай, если знать хочешь. Платок свой на дороге её расстели быстренько*. Эта твоя похожая на лягушку не прыгает, а будто шагает. Платок свой расстели быстренько, задумай про себя:

— Хорошо жить буду —
Шагай,
Не обходи!

2 Хорошо жить будешь — та твоя [жаба] проходит, [по платку] шагает. Худое видит — стороной обойдёт, на платок твой не пойдёт.

Отец мой однажды жабу увидел, подошёл. Ремень свой снял, на пути её положил. Та его не перешагнула — обошла. А раньше перешагивала*. С тех пор немного прошло — он ушёл*. Жаба очень мудрая.

100. ГАДАНИЕ* ЛУЧИНОЙ

Девушки сухую лиственницу находят, её срубают. Потом топором лучинки делают*. Откалывают пряменькие, лёгонькие. Их несут домой, потом гадают: какая девушка в какую землю пойдёт (замуж). Вечером это делают, костёр себе разводят, садятся кругом. По одной лучине берут. В этом очаге лучину зажигая, девушка, долго держа её в руках (двумя руками держа), говорит:

— Огонь-матушка,
Лучина моя,
Покажите —
В какую землю пойду [замуж]?
5 На восход солнца —
Лучина моя, туда согнись!
На закат солнца —
Туда согнись!
В какую землю пойду —
10 Туда согнись!

Огонь гаснет, потом уголёк (от обгоревшего дерева), потухнув, на какую-то землю показывает. Куда показала — оттуда парень её [девушку] возьмёт.

101. ГАДАНИЕ ЛОЖКОЙ ИЗ БЕЛОГО ЗОЛОТА*

1 У мамы-то нашей большая ложка из белого золота была, её, когда у нас болели животы (понос был), мама ножом скоблила — белое золото

гавкӣ. Чӣнан — тукалэгачӣн бивкӣ. Мӯт ӗна, мундӯ-кэ бӯдерӣн. Тарит урилты аӗдялкитын. Тар багдарӣн мэӈумэ умкӑндӣ нуӈан ичэмкэвкӣ биһӣн — аят-ку бидиӈэт, бу (куӈӑкӑр) сӧмат бумӯдиӈэвун-ӈу, этэвун-ӈу, амтылты нӑн аят-ку бидиӈэтын. Тар багдарӣн мэӈумэ умкӑнмӣ гарандӑна, һаннӯвки биһӣн:

2 — Багдарӣн мэӈумэкэн умкӑнмӣ,
Ичэвкэкэл, ӧн бидиӈэвун.
Ая бимӣ — тэвэкэл,
Эр бимӣ — мукчэкэл!

Элэ гарандӑвкӣ мэӈумэкэн умканмӣ: тарит сӑвкӣ ӧн бидиӈэн. Тэвэрэкин — ая, мокчӧрокин — эрӯ.

102. [ГИЛӮ, ГИЛӮ-Й-ЭНӢКЭН]

Гилӯ, Гилӯ-й-энӣкэн!
Ӗкунмар-ка-ӈэн
Ю̄ктэлэктӯ урэ,
Сӣвэлэктӯ урэ,
Гундельчатынэ!

Гилӯ, Гилӯ-й-энӣкэн!
Ю̄ктэл элбэнин,
Сӣвэл элбэнин
Ӧкӗн, окӗнны?
Сунтамкачаси
Ӧкӗн, окӗнны?
Арбамкачасӣ?

Бӣя-югу, бӗя-ю,
Баргигидис бӑргивулдям.
Тутуивэ чӯӈнимчальдям,
Куктыйвэ чӯӈнимчальдям.

Нярбӑчевас сӑдем,
Сӑдем, сӑдеммӗ.
Улюксёйвэ бэевэ
Некэдемӗ-ӈэн.

брала. Наскоблит — оно как песок. Водой разводя, нам давала пить. От этого наши животы проходили. Этой ложкой из белого золота она гадала — хорошо ли жить будем, будем мы (дети) сильно болеть или не будем, родители наши тоже хорошо ли жить будут. Ту ложку из белого серебра бросая, она спрашивала:

— Ложка моя из белого золота,
Покажи, как жить будем.
Хорошо — дном вниз упади,
Плохо — дном вверх упади*!

Вот она бросает серебряную ложку: так узнаёт, как жить будем. Дном вниз упала — хорошо, дном вверх упала* — плохо.

102. [ГИЛЮЙ, ГИЛЮЙ-МАТУШКА]

Гилюй, Гилюй-матушка!*
Что-то своё
У горы с родником,
У горы с нежной травкой*,
Говорить они начали!*

Гилюй, Гилюй-матушка!
Широта ключей
Широта места с нежной травой
Каковы, каковы?
Глубина этого
Какова, какова?
Мелкота этого [какова]?*

Я-то уж, я-то
С противоположной стороны переправляюсь.
Как дикий голубь, воркую,
Как кукушка, кукую*.

Нярбаче твоего знаю,
Знаю, знаю.
Алексея мужчину
Желаю ведь*.

103. ТЭ̄РЙН О̄ДЯРИЛДӮ ӇИРГЭ̄ЧИН

Сӯ-кэӈин аят бидэвэр,
Ӈутэлвэр балдырилвэ
Аямат угиривкэллу.
Ӈутэллун нюӈйлтын
Ӈонумӯллактын —
Мэрвэӈун айдинатын-дэ.
Ӈуркэ̄р-куӈа̄ка̄р
Умачйл бэел о̄ктын,
Аӈа̄тка̄р-куӈа̄ка̄р
Энйдук энйлэ
Бэе тэкэнмын сирадяктын.
Олнакан аӈа̄ка̄р,
Киптыкар-аӈа̄ка̄р
Тоговор иландянкитын,
Энйдук энйлэ о̄ктын!

104. ӇУЕЛДЫДЕРЙЛДӮ АЛГА̄ (НИМЭ̄К О̄КСАЛ)

Кэ, Ӈутэл, нимэ̄кирдэс.
Эдук дюлэ̄скй аямат бидекэллу!
Балдыдя̄к иргивкйт
Энин-бугалавар
Нульгирй инэнй о̄ран.
Нульгикэллу аямат,
Ӈэнэкйт Ӈоктоӈун
Авлака̄н авлакандй
Авладягин сунэвэ.
Балдырй утэлвэр* иргинэл,
Дяландӯтын иливувнал,
Илан дэткэ̄н дэлэмичэ̄н
Орорвор иргикэллу,
Курёвэ курёкэллу.
Дюявар та̄никса̄л,
Тоговор илакса̄л,
Бэе тэкэнын о̄каллу!
Ӈуркэ̄р-Ӈутэллун,
Аӈатка̄р-Ӈутэллун

Исполнитель Е.П. Николаев

Амурские эвенки на стойбище
Фото: А.Н. Варламов

Эвенки – пешие охотники

Праздник «Бакалдын», Жиганский улус, 2009 г.

Олени во время отёла (апрель–май)
Фото: А.Н. Варламов

Идол Чичипкан
Фото: А.Н. Варламов

А.Н. Мыреева

День оленевода в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я): женские гонки на оленьих упряжках

День оленевода в с. Иенгра

Кочевье. Якутия

Обряд добывания охотничьей удачи
Фото: А.Н. Варламов

Томские эвенки. 1930-е гг.

Обряд приношения духам – *хулганни*. Амурские эвенки

Чичипкавун – очищение чичипканом, с. Петропавловск Усть-Майского улуса РС(Я)
Фото: Е. Васильева

Круговой танец *дэвэ*

Женское бисерное украшение *нэл*
Фото: Е. Васильева

Нарты усть-нюкжинских эвенков

103. БЛАГОСЛОВЕНИЕ СОЗДАЮЩИМ ПАРУ*

Вы-то хорошо живите,
Детей ваших родившихся
Хорошо поднимайте.
Голени детей ваших
Удлинятся —
Вам ведь помогать они будут.
Парнишки-дети
Крепкими мужчинами пусть будут*,
Девочки-дети
От матери к матери
Человеческий род* пусть продолжают.
Молодицы-женщины,
Умелицы-женщины*
Свой огонь пусть разводят,
От матери к матери будут!

104. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ОТДЕЛЯЮЩИМСЯ* (КОГДА ОНИ СОСЕДЯМИ СТАНОВЯТСЯ)

Ну, дети, соседями теперь вы стали*.
С этих пор и в будущем хорошо живите!
На землю, где вы родились-выросли,
На мать-родину
Кочевать вам день настал.
Кочуйте благополучно,
Путь, который должны пройти,
Равнинка равнинкой
Расстелется перед вами.
Рождающихся детей воспитывая,
На суставы крепко поставьте их,
Три мари* заполняющих
Оленей своих выращивайте,
Изгородь городите.
Чум свой натянув,
Огонь свой разведя,
Родоначальниками* станьте!
Парнишки-дети ваши,
Девчонки-дети ваши

Кэтэлбудектын!
Бэе уӭн сирӑдягин!

105. ТУКСӐНДЯРӢ ИКӬНЫН

Эӭн, эӭн, эӭн,
Эӭн, эӭн, эӭн,
Мэӈумэ сирӣчӣ
Бира эӭндерэн.
Бира улӣдӯн
Чӑлбӑн балдычӭ.
Тар чалбан дагадӯн
Ӈунаткан илитчаран,
Икӭдерэн аӣвдярӣвӣ.
Омолгичан дӧлдыча,
Дӣвкӑнмӣ мӯлӭ
Анадиран, тэгэдерэн.
Дӣвкӑндӯви солӧки солодерон,
Эртыкӣ-тартыкӣ улӣӈиндерэн.
Наӭн, наӭн, наӭн...
Эмэрэн ӈунӑткӑндулӭ:
«Тэгэдекэл бӣ дӣвкандув», — гундерэн.
Наӭн, наӭн, наӭн...
Ӈунӑткӑн тэгэрэн дӑптыкӣ.
Омилгичӑнма икӭдерэн аӣвдярӣвӣ.
Наӭн, наӭн, наӭн...
Эӭкӭки эӭндерэ,
Омолгичӑн улӣндерэн,
Ӈунӑткӑн икӭдерэн аӣвдярӣвӣ.
Наӭн, наӭн, наӭн...

106. СУЧАӇИНЧӐЛ ӇЭГӬНТЫН

Сучаӈинчӑ, туксӑндяран амтӹлдуквӣ ӈунат омолгилаи. Урэкэчӭн ӈорӧндӯн илитчаран. Омолгин угӯчакдӣ ӈунаттулаи ӈэнэдерэн. Урэкэчӭн ӈорӧнмӧн ӈэгӭдечӭн:

— Сучаӈинчӭ энтӹлдӯквӣ,
Омолгилаи ӈэнэдиӈӭв —
Нюкандиӈав, кумнэдиӈӭв.

Множатся пусть!
Человеческий век ваш продлится пусть!

105. ПЕСНЯ СБЕГАЮЩЕЙ

Течёт, течёт, течёт,
Течёт, течёт, течёт,
Золотой лентой
Река утекает.
На повороте реки
Берёза выросла.
У той берёзы
Девушка стоит,
Поёт о любимом.
Паренёк услышал,
Берестянку свою в воду
Толкает, садится.
В берестянке своей вверх по течению поднимается,
Туда-сюда веслом гребёт.
Наен, наен, наен...
Приехал к своей девушке:
«Садись в мою берестянку», — говорит.
Наен, наен, наен...
Девушка села лицом к нему.
О парнишке поёт любимом.
Наен, наен, наен.
Поток утекает,
Паренёк веслом гребёт,
Девушка поёт о любимом.
Наен, наен, наен...

106. ПЕСНЯ УБЕГАЮЩИХ*

Убегает, сбегает от своих родителей девушка к парню своему. На вершине горки стоит. Парень её со своим ездовым оленем к девушке едет. Вершине горки пела она:

— Убегаю от родителей моих,
К своему парню иду —
Поцелую его, обниму его.

Авсаканмӣ нӑлдяна-гу,
Омолгилавӣ нӑнэдем.

Урэкэчӭн һорӧнмӧн гэлӭдечӭн.
Омолгин, нӑнэденэ угӯчактӯи, нӑн һэгӭдерэн:

— Һунатлаи нӑнэдем, нӑнэдем.
Урэвэ аландям, аландям,
Урэ һорӧнмӧн иһимкандем.
Угӯчакив амтадяран һунатпав!
Һунатла исчинӑв, исчинӑв,
Угӯчаккӣ гудӑндинӑв.

107. АЙӢҺИТТАНАГИН

1 Аһӓл балдыллактын — тыкӭн алгӓвкӣл:

— Аят айӣһиттанагин!
Айӣһиткӯн, бэлэкэл!

Тар балдыдярӣдӯ аһӣдӯ бэлэтчэрӣ, атыркан, тыкӭн гунивкӣ, ӭрӣвкӣ Айӣһит-энӣвэ. Тар Айӣһит-энӣ бӧ һутэвэ бӯвкӣ. Урӓнӑкай тар ай-бэе бӧ бивкӣ. Балдыдярӣ аһӣ ай-кунӑкӓнма балдывкӣ, тарит гунивкӣл «айӣһиттанагинан». Айӣһит-энӣ сигӯндӯ бивкӣ. Этӭнны нунӑнман ичэрэ. Сигӯн чивкӓчӓрва, ӭкӓрва иргивкӣ. Няматпӣ, һулуннӣнэ иргивкӣ. Сигӯнмэ Айӣһит-энӣ гунӣвкил.

2 Ӭдӓ тар сигӯн Айӣһит-энӣ бивкӣ? Энӣдук кунӑкӓн балдывкӣ, энӣдук — энӣ, энӣдук — энӣ, дугӭе ӓчин. Сигӯн бутуннӯвэ инэдерӣвэ иргивкӣ, Айӣһит-энӣ — сигӯн. Нонон самӓһил Айӣһит-энӣдук тэкэнтэнэл нимнӑнӣвкил бичӭл. Бутуннӯ урӓнӑкай Айӣһит-энӣ һутэлин. Мит-нӑн һутэлин. Нӑи һутэе ӓчин, нонон Айӣһит-энӣдук гэлӭнӑкитын. Айӣһит-энӣ оронмо-кот бӯвкӣ. Айӣһит-энӣ тогодук гавкӣ. Дугӭн сӧ горо.

108. МАЛӒҺИН*

Кунӑкӓн балдыракин — оронмо бургуву вӓвкӣл, дебдӭвэр. Упкачин тэгэтнэл тара девувкил. Тара гунивкил малӓһинын. Кунӑкӓн дюлӭскӣ кутучӣ бидӭн, һэгдыгэмӣ. Бэедӯ улӣвкӣ бидӭн. Тар тэгэтчэрӣл, девудерӣл бэел малӓһинма эмэмэктэ кунӑкӓн, эмӭ дувунмӓн, девмӣл — ая дялилтын ӧдӓн. Тар дюлӭскӣ ая бидӭн, туг некэвкӣл. Тоговор имтӹвкӣл, гунденэл:

— Эмэмэктэ кунӑкан кутудӯн!
Аяя бӯкэл!

Рукодельную сумочку свою несу в руках*,
К парню своему дойду.

Вершину горки она просила*.
Её парень, едучи на своём ездовом олене, тоже поёт:

— К девушке своей еду, еду.
Гору переваливаю, переваливаю,
До вершины горы доберусь.
Ездовой олень мой чует девушку мою!
К девушке доеду, доеду,
Ездового оленя своего приласкаю.

107. ХОЖДЕНИЕ К АЙИХИТ [ЗА РЕБЁНКОМ]*

1 Женщины рожают — их так благословляют:

— Пусть хорошо сходит к Айихит [за ребёнком]!
Великая Айихит, помогай!

Помощница той рожающей женщины, старушка, должна так говорить, звать Айихит-мать. Эта Айихит-мать ведь дитя даёт. *Уранг-кай* — это ведь тот *аи*-человек*. Рожающая женщина *аи*-ребёнка рождает, поэтому говорят «за человеком-*аи* отправилась». Айихит-мать на солнце живёт. Её увидеть нельзя. Солнце птичек, всё прочее растит. Теплом своим, жаром растит. Солнце Айихит-матерью называют.

2 Почему же солнце — это Айихит-мать? От матери ребёнок рождается, от матери — мать, от матери — мать, без конца. Солнце всё живое растит, Айихит-мать — это солнце. Раньше у шаманов от Айихит-матери исток камлания был*. Все *уранг-кай* — дети Айихит-матери. Мы тоже её дети. Кто детей не имеет, те раньше у Айихит — Великой матери просили [детей]. Айихит-мать и оленя даёт. Айихит-мать от огня берётся*. Вершина* её очень далеко.

108. ПИР

Ребёнок родится — жирного оленя забивают*, [чтобы] съесть. Все, сидя, его едят. Это называют пиром. Чтобы ребёнок в будущем счастливым* был, когда вырастет. Чтобы человека кормить мог. Те сидящие, едящие люди на пиру в честь пришедшего ребёнка*, появившейся вершины [родового дерева]*, поедят — мысли их добрыми станут*. Чтобы будущее добрым было, так делают. Огонь свой угощают, говоря:

— Пришедшему ребёнку на счастье!
Добра дай!

109. ОМӢРӮК

Куңāкāн бумӯдерэкин — энинын омӣрӯкъян ōвкӣ. Тарā самāндӯвар бӯвкӣ. Тариңин куңāкāн омӣвāн таду дявӯчавкӣ, караивкӣ. Омӣрӯкъян ōнал, алгāвкӣл. Арчит һулганнӣвкӣл, гунденэл:

— Омӣрӯк омӣлāк!
Караик ōдиңāс,
Омӣрӯк бидиңэс,
Сэвэкӣчэн бидиңэс!
Омӣван аят карайкал!

Иһэвдэлэн тар омӣрӯкин самāнду бивкӣ.

110. ОМӢЛĀК

1 Тāнэдӯ умун атыркāн биһӣн — Ната*. Омӣлāвкӣ биһӣн. Куңāкāнмӣ бумӯдерӣн, гэлэрӣв омӣлāдāн. Гаран сэлэвэ кōңдэрэквэ, ирэгэвэ. Эһӣлэ тар сэлэлӣ һоронмōн һӯвуллэн. Ōн-кē гундергē? Аракӯкāн гунывкӣ, омӣвāн эрӣвкӣ нонолӣ:

— Һутэē омӣн,
Омӣкāкунын!
Мучӯкал, экэл һурурэ,
Мучӯкал, мучӯкал,
Мучӯнэ йкэл!
Куңāкāн омӣн бинэ,
Куңāкāнтыкӣ мучӯкал!
«Һӯ!» ōнадӯв — йкэл!

2 Тариңив ēдяракин гунывкӣ:
— Бабушка плохая!*
— Һутэ, экэл, экэл! — атыркāнмӣ. Тадук:
— Кутучӣ* куңāкāныс, дёллōкичӣ.
Тар эһӣлэ тэдемэ аёча биһин, куңāкāнми.

111. ОМӢЛĀК

Исāков Романн йрилчэ̄*. Романн инедемэ ōча. Улōскэ-самāн бичэ̄ тадӯ. Улōскэ айичилчэ̄, омӣвāн мучувкāныльчэ̄. Нимңāныллан. Тэгэврэн Романма — мэ̄нын баргидāдӯн. Романн инедемэ — алгадяна, Улōскэ нян инеллэн. Алгаран (омӣван бокончō, эмӯчэ̄). Элэ:

109. ХРАНИЛИЩЕ ДУШИ

Ребёнок болел [часто] — его мать хранилище души делала. Его шаману отдавали. Тот душу ребёнка там держал, берёг. Сделав ему хранилище души, заклинали. Можжевельником окуривали, говоря:

— Хранилище души, содержащее душу!
Беречь её станешь,
Хранилищем души будешь,
Священным будешь!
Душу его хорошо береги!

Пока не вырастет, это хранилище души у шамана будет.

110. ВОДВОРЕНИЕ ДУШИ

На Тяне* одна старушка была — Наташа. Водворяла душу. Ребёнок мой болел, я попросила его душу вернуть. Она взяла железку полую, напильник. Вот через эту железку стала в макушку ему дуть. Как же она говорила? Тихонечко говорит, душу его зовёт сначала:

— Душа ребёнка,
Уважаемая душа!
Вернись, не уходи,
Вернись, вернись,
Вернувшись, войди!
Ты душа ребёнка,
В ребёнка вернись!
«*Ху*!» сделаю* — войди!

Тот что-то говорит:
— (Бабушка плохая!)
— Дитя, не надо, не надо! — старушка моя. Потом:
— Счастливый у тебя ребёнок, удачливый.
Вот так он в самом деле выздоровел, мой ребёнок.

111. ВОДВОРЕНИЕ ДУШИ

Исаков Роман с ума сошёл. Роман всё время смеялся. Алёшка шаман там был. Алёшка стал его лечить, душу его возвращать. Шаманить стал. Посадил Романа — сам напротив. Роман смеётся — заклиная, Алёшка тоже засмеялся. Заклинал (душу его догнал, принёс). Потом:

— Айиһит-энӣ!
Сучарӣва дявачӑв,
Туһалчӑва боконын.
Айиһит-энӣ, бэлэдекэл!
Романӑ омӣлкӑнын,
Боконмувчӑс!
Этэнны сучара! —

алгӑдяна, һӯвһуинывкӣ һорӧндулӣн. Эһӣлэ дӯрӣ инемилмӗн. Улӧскэ иненын энгэһӣтмэр — сурдӑкӗ! Давдыран Улӧскэ — Роман этэрэн инедэви. Тыкэ̄н айча̄ биһӣн.

112. [АһӢ УКУНИН АВУЛЛАКИН]

Аһӣ укунин авуллакин, гунивкӣл:
— О, тогодук энӯлчэ̄!
Тадук һэрэкӣе тукаладук ӧвкӣл. Того дагадӯн нэдингэс, анҥавкӑндиҥас. Сэнгкирэт имурэннюн тыпӯвчана. Тадук гундингэс:

— Пудя! Бэе һутэвэ̄н аёвкӑкал!*
Кая бэе тогодӯ тумнӣчэ̄ бидингэн, —
Экэл һиргэрэ, экэл тыкӯлла!
Гудейнэкэл!

Тэгэлтэнэ сигӯн ӯптулэн ювдингэс, мӧ тэкэндӯн нэдингэс. Ӧн того дагадӯн нэкчэдечэ̄л, тыкэ̄-ты нэдингэс. Илара̄кан ӧвкӣл.

113. [КУҤӐКӐН ЧИКЭЛТЭЛДИНҤЭ̄Н]

Куҥӑкӑн чикэлтэлдинҤэ̄н, Пудява гэлэ̄дингэс:

— Пудя! Кая бэе чикэнин бидингэн,
Гудёйкэл!

Тадук ча̄тудук илан һэрэкӣвэ ӧвкӣл, того дагадӯн а̄ннгавка̄вкӣл. Тэгэлтэнэ сигӯн ӯптулэ̄н мӧ тэкэндӯн иливка̄нивкӣл. Илара̄кан ӧвкӣл. Гэлэ̄вкил:

— Пудя! Экэл һӣргэрэ!
Кая бэе чикэнин бидингэн —
Экэл мэргэрэ, мула̄кал!

— Айихит-мать!
Убежавшую я поймал,
Сбегающую я догнал.
Айихит-мать, помогай!*
Душа Романа,
Догнали тебя!
Не сбежишь! —

заклиная, дует ему в макушку. И вот вдвоём начали смеяться. Алёшкин смех сильнее — страшно! Победил Алёшка — Роман перестал смеяться. Так вот и вылечил.

112. [ГРУДЬ КОРМЯЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ ОПУХНЕТ]

Грудь кормящей женщины опухнет — говорят:

— О, от огня заболело!

Потом лягушку из глины сделаешь. Около огня положишь, переночевать оставишь. Багульником с жиром окуриваешь. Скажешь потом:

— Пудя!* Дитя человеческое вылечи!
Сколько людей в огонь плевали, может быть, —
Не обижайся, не сердись!
Пожалей!

Утром на восход солнца вынесешь, у корня дерева положишь. Как около огня клала, так же положишь. Так трижды делают.

113. [РЕБЁНОК [В ПОСТЕЛЬ] ПИСАТЬСЯ НАЧИНАЕТ*]

Ребёнок [в постель] писаться начинает* — Пудя просят:

— Пудя! Много человеческой мочи*,
Пожалей!

Потом из углей трёх лягушек делают, у огня переночевать оставляют. Утром их на восход солнца у корней дерева ставят. Трижды делают. Просят:

— Пудя! Не проклинай!
Много человеческой мочи —
Не обижайся, пожалей!

114. [ГОРОЁ СИМКӢДИҤЭН КУҤАКАН]

1 Гороё симкӣдиҥэс куҤакан — чатукарвэ ивэллэкэндӯ тыпкэндёс, того дагалӣн нэдиҥэс. Тарилбӣ гэрбӣдиҥэс, алгана:

— Олӣ биһинны гэрбис,
Сӣ нян олӣ биһинны,
Туракӣ биһинны!
Ҥэнӯ дэгӣл биһис —
Гороло дэгильдиҥэтыһун!

2 Гэрбӣнэ, того дагадун иливкандиҥас — туракӣва дюлэдӯ, гӣлвэ амардӯ. Тэгэлтэнэ алгадиҥас тоговӣ:

— Эһэкэ!
Того мусӯнин!
Аёвкакал һутэвэв,
Экэл симкивкэнэ!

Сигӯн юптулэн эксэдиҥэс, ирэктэ нӣҥтэлӣн нэдиҥэс. Тарит аёвкӣ.

115. [КУҤАКАНЫС СОМАТ СИМКӢЛДИҤЭН]

1 КуҤаканыс сомат симкӣлдиҥэн — илан дульгиктэ мокана гадиҥас, талукандӯ, коҥдэкарэ она иливкандиҥас. Тадук илан атукана тар модӯ дыдиҥас. Тадук того дагадӯн тэгэлтэдэлэн иливкандиҥас: умун дюлэдӯ, дюр амардӯн. Сигӯн юдерэкин — тариҥилбӣ сигӯн юкитлэн ҥэнэвдиҥэс, ирэктэ һэргӣдӯн иливдиҥас, гунденэ:

— Эһэкэ, аёвкакал! Аёвкакал һутэвэв.
Экэл симкивкана!

2 Тар мокар чатукардива пёчи* дагадӯн иливкандяна, тариҥилбӣ «ҥэнӯ дэгӣ» гэрбивҥатыс. Иливкандяна, гундиҥэс:

— Эр ҥэнӯ дэгӣ, ҥэнӯ дэгӣ!

116. [ҺУТЭС БИЛГАН АВУЛЛАКИН]

1 Һутэс билган авуллакин — илан һэрэкӣе коҥнорӣн дӯннэдук одиҥас. Пёчи* дагадӯн одиҥэс, сэҥкирэт тыпӯвчана. Алгадиҥас:

— Пудя! (Тар һэрэкивэ пудявкандиҥас.)
Пудякакун!
Аёвкакал!

114. [ДОЛГО КАШЛЯЕТ РЕБЁНОК]

1 Долго кашляет ребёнок — угольки на лучинки воткнёшь, возле огня поставишь. Им имена дашь*, заклиная:

— Ворон имя твоё,
Ты тоже ворон,
А ты ворона!
Перелётные птицы вы —
5 Далеко полетите!

2 Дав имена, возле огня поставишь — ворону впереди, остальных следом. Утром благословишь свой огонь:

— Дедушка!*
Сила огня!
Вылечи моего ребёнка,
Не дай ему кашлять!

К восходу солнца унесёшь, у корня лиственницы положишь. Так выздоравливает.

115. [ТВОЙ РЕБЁНОК СИЛЬНО ЗАКАШЛЯЕТ]

1 Твой ребёнок сильно закашляет — три ольховых палочки возьмёшь, на кусочек бересты, продырявив его, поставишь их. Потом три потухших уголька на те палочки насадишь. Потом около огня до утра оставишь: одна впереди, две следом. Солнце всходить начнёт — эти твои на восход солнца унесёшь, под лиственницу поставишь, говоря:

— Дедушка, вылечи! Вылечи моего ребёнка!
Не давай кашлять!

2 Те палочки с углями возле печи ставя, эти твои «перелётными птицами»* ты должен назвать. Ставя их, скажешь:

— Это перелётная птица, перелётная птица!

116. [У ТВОЕГО РЕБЁНКА ГОРЛО ОПУХНЕТ]

1 У твоего ребёнка горло опухнет — трех лягушек из чёрной земли* сделаешь. Возле печи положишь, багульником окурив. Благословишь:

— Пудя! (Тех лягушек Пудя называй*.)
Великая Пудя!
Вылечи!

Экэл энӯвкэнэ,
Бумӯквэн гакал!
Пудявкакал!

2 Тэгэлтэнэ ювунны, дылачаткӣ нодаанны. Һэрэкӣ, билир гундеңгитын, дулин дӯннэвэт Сэвэкидӯ бэлэчэ, бэлэчимнгӯ бичэ — тарит коңнорин дӯннэдук онганны. Һэрэкивэ одёкичивкил — эвкил варэ.

117. [КУҢАКАРРИ БУМӮЛЛЭКТЫН]

Куңакарри бумӯллэктын — Пудява гэлэдиңэс. Куңаканни симкиллэкин — чатудук илана овкил: гакива, сорва, олива. Тариңгилби илан ивэллэкэнду иливкандиңас. Ивэллэкэлби товви дагадӯн иливкандиңас. Сэңкирэт тыпӯвчаңатыс. Тадук тогос дагадӯн аңгавкадиңас. Тэгэлтэнэ, дылача юдерэкин, дылача юптилэн ирэктэ һэрэмэдӯн иливкандиңас. Тара одяна, гундинэс:

— Һутэвэв аёвкакэл!
Экэл симкивкэнэ!

Тара иларакан одиңас.

118. ОМИЛАМИ*

Бумӯльми-гу, эрӯт бими-гу — һуларин атакива дяпкун һалгачива гэлэктэвкил. Тадук бакаһал, дюр амаргӯ һалганман унякандивар тырэвкил, гуннэл:

— Омилам, омияв бӯкэл!

Тар бӯвки, эмэнывки, мэнын һурувки. Тадук һиматкандӣ нэвкил, гуннэл:

— Эр омив!

Атакӣ — тар аминны, энинны, эвэкэңис, эһэкэңис.

119. [АТАКИ — АМТЫЛТЫ-ЭНТЫЛТЫ ОМИТЫН]

Атакӣ — энтылты-амтылты омитын, гунывкил. Атакива ичэдес — унякандии һалганман тырэкэл. Тар һалганми бӯвкӣ, дюрива. Амаргӯлви.

Не давай болеть,
Болезнь его забери!
Как Пудя сделай!*

2 Утром их уносишь, к солнцу бросаешь. Лягушка, в старину говорили, Среднюю землю нашу божеству Сэвэки помогала сотворить, помощницей была — поэтому из чёрной земли делаешь. Лягушка священная — её не убивают.

117. [ТВОИ ДЕТИ ЗАБОЛЕЛИ]

Твои дети заболели — Пудя просишь. Твой ребёнок закашлял — из угольков троих делают: ворону, орла, во́рона*. Тех на три палочки насадишь. Палочки эти около своего огня поставишь. Багульником окуришь. Потом около своего огня их переночевать оставишь. Утром солнце встанет — на восход солнца, под лиственницу в самом низу* их поставишь. Так делая, скажешь:

— Ребёнка моего вылечи!
Не давай ему кашлять!

Так трижды сделаешь.

118. ХОЖДЕНИЕ ЗА ДУШОЙ

Заболеешь ли, плохо живётся ли — красного паука с восемью ногами ищут*. Потом найдут, две его задние лапки своим мизинцем прижимают, говоря:

— За душой я пришёл, душу мне дай!

Тот даёт, оставляет [лапки], сам убегает. Потом их быстренько берут, сказав:

— Вот моя душа!

Паук — это отец твой, мать твоя, бабушка твоя, дедушка твой*.

119. [ПАУЧОК — ДУША ОТЦОВ-МАТЕРЕЙ ТВОИХ]

Паучок — душа отцов-матерей твоих, так говорят. Паучка увидишь — мизинцем ногу его прижми. Тот отдаёт ногу свою, две. Задних.

Тарā нимҥэкэл — гороё бидиҥэс. Тар эһэкэл-эвэкэл омӣлтын бэлэчивкӣл, гороё ҥэнэдэс. Нымҥэденэ, гундиҥэс:

— Атāкӣ, атāкӣ,
Һалганмӣ бӯкэл!
Эһэкэл-эвэкэл
Омӣлтын бэлэдектын.
Атāкӣ, атāкӣ,
Омӣлтын биһинны.

120. ОМӢВА ДЯВАНЫН

Огдōвун сōмат бумӯлчэ биһӣн. Кōкай-самāнма эрирӣвун. Экиндӯвун гунэн: «Омирӯкъян ōкал!». Тар ōча. Тадук нимҥāныллан. Де нимҥāндяна, дю̈вавун мāутлāран. Тадук унтувундуккӣ иннҥактакāнма гавкӣ (нонол тадӯ ачин биһин, ичэрӣвун). Тар иннҥактакāн Огдō омӣн бивкӣ. Тарā омӣрӯкла нэвкӣ, тадӯ караивкӣ. Тар нимҥāндяна, һурудерӣ омӣвāн маутлача бō. Нэнэ, нян нимҥāныллан, алгāллан:

— Айиһит-Энӣкэкун!
Сучалчāва дявам,
Ҥэнэһинчэвэ маӯтлāм.
Айиһит-Энӣкэкун,
Омӣвāн карайдякал!
Айиһиткāкун,
Уевэн сирана,
Бинӣ уһикэнмэн
Ҥонымивдякал!
Аёвкāкал!

121. ОМӢВА МАУТЛА

Бэе бумӯдерэкин сōмат — будэвӣ садярӣ, гунывки тыкэн ōдатын. Маутпа гавкӣл, тарит дюкчава һорōнмōн дявавкӣл, дугэвэн чалбандула уивкӣл. Тар чалбан сигӯн ю̈птӯкинду биденҕэн нада*, дылача ю̈птӯгиндӯн тар чалбанма бакавкӣл, гороло̄-да бигин. Тыкэн ōвкӣл, эмэптӹ бэел омӣлтын эдэтын һуруру. Сэмчэ омӣн һурувки, эмэпты бэел ōмӣлтын эдэтын бодоро. Эһилэ сэмчэ бэе инэтчиҥэн дюкчадӯ, тадук тар мавутпа гавкил. Тара некэденэл, мэн дялдӯвар гунывкӣл ōн-мал, омӣлва бэел эмэнмучэлвэ алгавкил, эдэтын бодоро.

Проглоти их — долго проживёшь. Это души дедушек-бабушек помогают, чтобы ты долго прожил. Глотая, скажешь:

— Паучок, паучок,
Ногу свою дай!
Дедушек-бабушек
Души пусть помогают.
Паучок, паучок,
Души их — ты.

120. ЛОВЛЯ ДУШИ

Наша Евдокия сильно заболела. Кокая-шамана позвали. Тёте нашей он сказал: «Хранилище души сделай!»* Та сделала. Потом он стал шаманить. Вот шаманя, на наш чум аркан накинул. Потом из бубна своего шерстинку берёт (раньше в нём ничего не было, мы видели). Эта шерстинка — душа Евдокии. Он её в хранилище души кладёт, там бережёт. Так шаманя, уходящую душу её заарканил вот. Положив, опять стал шаманить, заклинать:

— Айихит-Великая мать!
Убегающую поймал,
Уходящую заарканил.
Айихит — Великая мать,
Душу её береги!
Великая Айихит,
Век её продли,
Жизни её веревочку
Удлини!
Вылечи!

121. ЛОВЛЯ ДУШИ АРКАНОМ

Человек сильно болел — зная о своей смерти, просил, чтобы так сделали. Аркан берут, им верхушку жилища захватывают*, конец его к берёзе привязывают*. Та берёза на восходе солнца должна быть, на восходе солнца ту берёзу находят*, хоть и далеко будет. Так делают, чтобы души оставшихся людей следом не пошли. Душа умершего уходит, [но] чтобы души остающихся людей следом не пошли. Вот умерший человек день [пролежит] в жилище, потом тот аркан берут*. Так делая, сами в мыслях говорят что-нибудь*, души оставшихся людей заклинают, чтобы не пошли следом [за умершим].

122. [БЭЕ БУМӮЛЛЭКИН – СИЧИПКĀНМА ŌВКӢЛ]

1 Бэе бумӯллэкин — сичипкāнма ōвкӣл. Алгāдянал, тар сичипкāндулӣ нуӈанмāн ӈэнэвкэ̄нывкӣл, гунденэл:

— Уēдӯвӣ ӈэнэдекэл,
Айн Майн, бэлэдекэл!

2 Сэӈкирэт тыпувканывкӣл тар бэевэ. Тар сичипкāнма дэлкэндӯ нэ̄вкӣл-гу, һāды̄л дегды̄вкӣл. Орор бумӯллэктын — ня̄н сичипкандулӣ ӈэнэвувкӣл, һильбэ̄вкӣл. Курē амӈадӯн тар сичипканмэ тэ̄вувкӣл, тадук һильбэ̄вкӣл орорво сичипкāндулӣ ӈэнэдэ̄тын. Самāн бимӣ — самāн тарā ōвкӣ, āчин бимӣ — сагды̄л ōвкӣл.

123. [МУНӈӢЛ ЭВЭНКӢЛ БУМӮДЕРӢ БЭЕВЭ ЧИЧИПКĀНДУЛӢ ӈЭНЭВУВКӢЛ]

1 Мунӈӣл эвэнкӣл бумӯдерӣ бэевэ чичипкāндулӣ ӈэнэвувкӣл. Чичипкāнма ōвкӣл ирэ̄ктэдук, дю̄р һалāничӣдук. Тар ирэ̄ктэвэ гадянал, һāды̄л тэкэндулэ̄н пэктырэ̄нивкӣл. Лӯккāна-гу* ōвкӣл, так-ку* бэрит, пистōндӣ-ню̄н* пэктырэ̄нивкӣл нонолӣ, гадāвар. Тар һалāнин дю̄р һалганын ōвкӣл, дылван дэрэчӣе ōвкӣл, тадук иливувкӣл. Самāн мэ̄нын гундевкӣ ӣдук тар дю̄р һалāчӣва ирэ̄ктэвэ гада, ӣдӯ иливкāндā. Элэ чичипкāндулӣ ӈэнэвувденэл, самāн алгāвкӣ, ӣкэ̄вкӣ:

— Аин Маин, бэлэдекэл!
Аин Маин, сирāдякал!

2 Тадук бэевэ ӈэнэвуликтын — гунывкӣ, алгāвкӣ:

— Уедӯвӣ ӈэнэдекэл,
Уһӣкэ̄ӈис эгин этыргэрэ!

Тар чичипкāнма һимāкāндӣ самивкӣл: уивкӣл, һэркэвкӣл һалгарбāн, дэлкэндӯ нэ̄вкӣл горолō, дяявкӣл, ӈӣ-кэт эдэ̄н илечэ̄рэ.

124. СИЧИПКĀН

Сичипкāнма умун тэгэ̄, Кэптукэ̄р-гу, Пуя̄гирил-гу нонон анӈаны̄тыкин ōвкӣл биһӣтын. Сичипкāндулӣ ӈэнэнэл, гэлэ̄вкӣл, аят бидэ̄вэр, эдэ̄тын бумӯрэ, оротын аят бидэ̄тын. Нульгивкӣл тар сичипкāндулӣ. Самāтнын алгāвкӣ, самāна āчин бидиӈэ̄тын — сāрӣ сагды̄ ōвкӣ. Элэ нульгиһинывкил, алгāдянал:

122. [ЧЕЛОВЕК БОЛЕЕТ — ЕМУ *СИЧИПКАН* ДЕЛАЮТ]

1 Человек болеет — ему *сичипкан* делают. Заклиная, через тот *сичипкан* его проводят, говоря:

— Свою жизнь пройди*,
Аин Маин, помогай!

2 Багульником окуривают того человека. Тот *сичипкан* на лабаз кладут, некоторые сжигают. Олени заболеют — тоже через *сичипкан* проводят, прогоняют. У входа в загородку* этот *сичипкан* ставят, потом гонят оленей, чтобы через *сичипкан* прошли. Есть шаман — шаман это делает, нет — старики делают.

123. [НАШИ ЭВЕНКИ БОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ *ЧИЧИПКАН* ПРОВОДЯТ]

1 Наши эвенки больного человека через *чичипкан* проводят. *Чичипкан* делают из лиственницы, с двумя вершинами. Ту лиственницу беря, некоторые в её корень стреляют*. Лучок делают или так, из ружья, одним пистоном* стреляют сначала, чтобы взять. Те две вершины её двумя ногами становятся, голову с лицом делают*, тогда ставят. Шаман сам говорит, где эту лиственницу с двумя вершинами взять, где поставить. Вот, через *чичипкан* проводя, шаман заклинает, поёт:

— Аин Маин, помогай!
Аин Маин, продлевай!

2 Потом человека проводить начинают — говорит, благословляет:

— Свой век пройди,
Нить твоя пусть не обрывается!*

Тот *чичипкан* поскорее закрывают: завязывают, спутывают ему ноги, на лабаз кладут далеко, прячут, чтобы никто не трогал.

124. *СИЧИПКАН*

Сичипкан один род, Кэптукэ ли, Пуягиры ли, раньше каждый год делал. Через *сичипкан* проходя, просят, чтобы жили благополучно, чтобы не болели, чтобы олени хорошо жили. Проезжают через тот *сичипкан*. Шаман заклинает, без шамана будут — знающий старик это делает. Вот проезжают*, заклиная:

— Бугакāкун!
Айин-Майин!
Ая биние бӯкэллу,
Карайкаллу!
Эрӯл-уһал эду эмэнмуктын —
Сичипканыт, экэл тынэ!
Уевэрвун сиравкаллу,
Бинӣ уһӣкэрты ӈонымилкаллу! —

гуннэл, орортой ӈинактай, бэелтэй нульгивкӣл талӣ.

125. ЧИЧИПКĀНДУЛӢ ӇЭНЭЁР

1 Ноно, лӯчамāнал, эвэнкӣл бумӯкилвэ эмӯвкӣл биһӣтын. Лӯчамāдинӡэтын ӯрмаркалā* — бумӯлдинӡэтын. Сō биргэ биһин — бутунну дюкча сэмивкӣ. Элэ самāр бакачал биһӣтын — лӯчамāдялва чичипкандулӣ ӈэнэвкэнывкил. Сāвкӣл — эмэлтэк. Самāн, алгāна, чичипканма ōвкӣ. Йлӣ эмэнӡэтытын, тадӯ тэвувкӣл. Самāн дяритчавкӣ, эмэчэлвэ чичипкāндулӣ ӈэнэвкэнывкӣ, алгāяна:

— Энӣнэ-Бугакаун,
Айин-Майин!
Уелвэтын сирадякаллу —
Гороё ӈэнэктын!
Лӯчаял бумӯилтын
Эктын бодоро,
Эктын ламбавлā!
Айин-Майин, бэлэдекэл!
Айин-Майин, карайдякал!

2 Бутунну ӈэнэдинӡэн — самāн бэлэчимнӯлдӣи бэркэрвэр бэлэнкэвкӣл, алгāвки:

— «ӊāп-ӊōп!» ōнадӯв —
Чичипкāнми, самивкал!
Бэркэнми, аямат!
Нӣорив, дāкал!
Уругун, урэмнын,
Чимиткӣ, чинэмнын! —

гуннэл, пэктырэвнывкӣл, ӊимāкāндӣ чичипкāнмар самивкӣл (уивкил сēктат), дэлкэндӯ нэвкӣл. Дэлкэн ӊэрэдӯн отӯ бивкӯ, дегдывкӣл.

— Великое Небо!
Айин-Майин!
Хорошую жизнь дайте,
Храните нас!
Плохое-дурное пусть тут останется —
Чичипкан наш, не пропускай [его]!
Век наш продлевайте,
Жизненные нити наши удлиняйте! —

так говоря, с оленями, с собаками, с людьми проезжают там.

125. ПРОХОЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ *ЧИЧИПКАН*

1 Раньше, к русским съездив, эвенки болезни привозили. К русским съездят на ярмарку — заболеют. Большой мор приходил — всё стойбище вымирало. Вот шаманы нашли [спасение] — тех, кто к русским ездил, через *чичипкан* проводили. Знают — скоро приедут. Шаман, заклиная, *чичипкан* делает. Откуда должны вернуться, там его ставят. Шаман камлает, приехавших через *чичипкан* пропускает, благословляя:

— Матушка-Великое Небо,
Айин-Майин!
Век их продлевайте –
Пусть долго живут*!
Болезни русских*
Пусть не увяжутся,
Пусть не прилипнут!
Айин-Майин, помогай,
Айин-Майин, оберегай!

2 Все пройдут — шаман со своими помощниками луки свои наготове держат, заклинают:

— «*Хап-хоп!**» сделаю —
Чичипкан мой, закройся!
Лук мой, хорошенько!
Стрела моя, попади!
Большой палец, загреми,
Мизинец, зазвени*! —

так сказав, стреляют*, поскорее *чичипкан* закрывают (завязывают тальником), на лабаз кладут. Под лабазом костёр делают, сжигают.

126. [БИЛГАС ЭНЎЛДИНҒЭН]

Билгас энўлдинҕэн — коҥнорӣн дўннэдук илан һэрэкӣе ӧдинҕас. Пӗчи дагадўн* нэдинҕэс. Сэҥкирэт тариҥилбӣ нонолӣ тыпўвчадинҕас. Нэденэ, гундинҕэс:

— Пудя! Аёвкакал!
Экэл энувкэнэ!
Пудявкакэл!

Тэгэлтэнэ ӧвдинҕэс, дылачаткӣ нодаанны. Куҥакар-ка тогот эвӣденэл чикэлтэрўвкӣл эчэ — нян тыкэн ӧвкӣл.

127. ДЮГУНУК*

1 Дылис энўдерэкин — тыкэн ӧвкӣл. Дульгиктэвэ бакавкӣл, унякакачандӣн эмҥэн. Дӧрвэ ӧдинҕас, дульгиктэкэнэ гана. Гадяна, тўрэн бивкӣ. Мӣһиндэнэ гундинҕэс:

— Мӧдук дюгунук!
Мӧдук дюгунук!
Мӧдук дюгунук!

2 Мӣһинэдёс, тадук саҥкирэт тыпўвчадинҕас, һулганнӣдинҕас. Томкот уйнэ, дылдўи тэтчинҕэс. Орон бумўллэкин — нян тыкэ-ты ӧвкӣл. Тар дульгиктэдук ӧвчава, дюгунук гэрбӣвчэрӣвэ, орондў тэтывденэ дылдўн, нян оронмо һулганнӣдинҕас. Бэрэм-бэрэм ӧвкӣ, илитчавкӣ, курбуһинэ-кэт энэ. Аһинчагачӣн горово-горово илитчавкӣ. Тыкэн ӧмӣ — аёвкӣ. Томкос һуларӣн бивкӣ.

128. ДЫЛИС ЭНЎДЕРЭКИН, АЁВКА

Куккў мавутын чурӣкачӣ бивкӣ, чорақанма урэчэл. Тавдинҕас, олгӣдинҕас, һуювдинҕос. Һуювнэ, дылвӣ булкудяс, гунденэ:

— Куккў мавутын,
Аёвкакал!
Куккў мавутын,
Мӧдук мола,
Дяландук дяланла
Иһэвунҕнэнны.
Гэгдэк улгэнэ,
Балдыдянны.

126. [ГОРЛО У ТЕБЯ ЗАБОЛИТ]

Горло у тебя заболит — из чёрной земли трёх лягушек сделаешь. Возле печи положишь. Багульником этих своих сначала окуришь. Кладя, скажешь:

— Пудя! Вылечи!
Не давай болеть!
Как Пудя сделай!*

Утром выйдешь, в сторону солнца их бросишь. Дети-то, с огнём играя, писаться начинают ведь* — тоже так делаю.

127. ДЮГУНУК*

1 Голова у тебя заболит — так делают. Ольху находят, в палец толщиной. Сделаешь две [палочки], одну ольху взяв. Беря [палочки], речь говорят. Отрезая их, скажешь:

— Деревянный *дюгунук*!
Деревянный *дюгунук*!
Деревянный *дюгунук*!

2 Отрежешь, потом их багульником окуришь, приношение сделаешь. Ниткой связав, на голову себе наденешь. Олень заболеет — тоже так делают. Из той ольхи сделанное, называющееся *дюгунук*, надевая оленю на голову, тоже оленю приношение сделаешь. Он спокойным-спокойным становится, стоит, даже не шевельнется ведь. Как будто спит, долго-долго стоит. Так сделаешь — выздоравливает. Нитка твоя красной должна быть.

128. КОГДА ГОЛОВА БОЛИТ, ЛЕЧЕНИЕ

Кукушкин аркан* — с цветочками, на колокольчик похожими. Соберёшь, высушишь, вскипятишь его. Вскипятив, голову помоешь, говоря:

— Кукушкин аркан,
Вылечи!
Кукушкин аркан,
От дерева к дереву,
5 Сустав к суставу
Растёшь.
Всегда заплетаясь,
Растёшь ты.

Бӣ нӓн синҥэчӣн
Анҥаны̄дук анҥаны̄ла нҥэнэктэ!
Дылис аёвкӣ, нӱриктэлис нӓн аят иһэвувкӣл.

129. [ДЯЛАҺАЛЛИ ЭНӮДЕРЭКТЫН]

Дялаһалли энӯдерэктын — һэрэкӣ бэлэвкӣ. Һэрэкӣдук эмтэ̄е ōдиҥа̄с. Һэрэкӣвэ талука̄ндӯ (саҥа̄ркая ōна), чакилдиҥа̄с. Һӣримӯктӯ ды̄диҥэ̄с. Элэ туһа̄лна, алга̄дӓс:

— Бэгэмикэ̄нъе бӯкэл,
Бэгэмикэ̄н ōкал!
Дялаҥилвав аё̄вка̄кал,
Айкал, айкал!
Ҥэ̄лумэ̄, ҥэ̄лумō,
Экэл тыкӯлла,
Киһалгадӯ* ōча̄в!

Илаллалӣ гадиҥа̄с гирамнакарван, һуювдиҥэ̄с, тарит имӯдиҥэ̄с энӯдерӣвэ. Сōма эҥэһӣ бэгэ бивкӣ — аё̄вка̄нывкӣ.

130. [ИЛЛЭС ЭНӮДЕРЭКИН]

Иллэс энӯдерэкин, сумулис та̄нмувдякӣчитын бидиҥэ̄н — һа̄крака̄ндук (мугдэкэндӯ иһэвчэ̄ бивкӣ) сулиҥ ивэ̄ллэкэ̄нэ ōдиҥа̄с, тарит гидана энӯдерӣлвэ, алга̄дяна ōдявкӣл:

— Пус! Пус!
Тыпус, тыпус!
Гидадям,
Тыпус, тыпус!
Гидадям,
Тыпус, тыпус!
Энӯкилби,
Тыпус, тыпус!
Гидаврас,
Тыпус, тыпус!
Энӯкилби,
Тыпус, тыпус!

Гороё гидадиҥа̄с — иллэс һуларгавкӣ. Тадук аё̄лдиҥа̄с. Кэтэрэ̄кэ̄н ōдиҥа̄с.

И я, как ты,
Год за годом хочу идти!*
Голова проходит, волосы тоже хорошо расти начинают.

129. [СУСТАВЫ У ТЕБЯ БОЛЯТ]

Суставы у тебя болят — лягушка помогает. Из лягушки лекарство сделаешь. Лягушку в бересту (дырочки в ней сделав) завернёшь. В муравейник сунешь. И убегая*, заклинай:

— Лекарство дай,
Лекарством стань!
Суставы мои вылечи,
Помоги, помоги!
Грех, грех,
Не сердись,
Вынуждена [так] сделать!

Через три дня возьмёшь косточки её, вскипятишь, этим помажешь больное [место]. Очень сильное лекарство — помогает.

130. [КОЖА БОЛИТ]

Кожа болит, сухожилия стягивает — из лиственницы-*хакра* (она на пеньке вырастает) острые щепочки сделаешь, ими покалывая больные [места], заклинают:

— *Пус! Пус!**
*Тыпус, тыпус!**
Колю,
Тыпус, тыпус!
Колю,
Тыпус, тыпус!
Боли мои,
Тыпус, тыпус!
Исколол я вас,
Тыпус, тыпус!
Боли мои,
Тыпус, тыпус!

Долго колешь — тело краснеет. Тогда выздоровеешь. Много раз так делай.

131. ГУННЭКИ

Сёндук умнэт йгилдиӈэн нанмактагачйн — тар сэмчэл дялис эрйдерэ. Тыкэн гуннэки:

— Ӈутэлвй ӈутэлвэтын иргиӈэ,
Эмэдиӈэв.

132. ТУДЯ

1 Мёвамдў тудява овкйл. Эр мёвамма саман аиӈкин. Экинмун, Нира, мёвам биӈйн. Бокчолчок* тыкивкй, бидеммён. Элэ Кокай саман айча биӈйн. Кокай дюр сэлэкэнмэ очá биӈйн, тудя гэрбйвкйл. Тар сэлэмэ сэлэ* эвкй бирэ*, тара тудядук овкйл. Умун бэе, умун аӈй, тадук мёван. Коӈдэкарвэ овкйл дылдўтын, элэ ӈуларйн томкодў ёвкйл, дывкйл. Мёвантын дулиндў. Ӈалгарбатын дюлэскэкй тэтычэдекэл. Ӈалгарис дюлэскэкй бо, тыкэн-ты тэтывкйл. Дюлэскэкй ӈэнэдиӈэс бо. Дульгиктэдук ня̈н овкйл. Эӈилэ тэтывканденэ, алгавкй:

2 — Айн-Маин, бэлэдекэл!
Тудякар, аиткаллу!
Мёвакан, караиткал!
Ӈэнэви ӈэнэгин,
Аёгин, ая огин,
Дюлэскэкй горово ӈэнэдегин!

Тар аёчá биӈйн тэдемэ-ты, элчэ тыкилйктэрэ очá биӈйн. Син горокоӈмо ӈэнэрин. Тудява одяна, самалдывкйл, алгавкйл. Кокай тыкэн одяӈкин, тыкэн аитчаӈкин.

133. АЁВКАЛ*

1 Бэевэ айдяна, аёвкатчана, эвэкэвун егин сордоӈново овкй, егин делйлвэ овкй. Сордоӈилва сёктакардук овкйл, онёнол овкйл. Дэгиӈилин бивкйл, овчал, сигўнин, бёганин бивки. Этэнны дэгйӈилэн ора — букчэнывкй саман, аят эвкй эвйрэ.

2 Эвйвкй, тадук сордоӈнолвй эёвкэндэн нада. Эёвкэнывкй бирала, делйӈилбй ня̈н бирадў нэвкй. Сордоӈилбй талй согинтўвкй. Делйӈилин ня̈н тадў, тариӈилин амаскоки пэрйӈинывкйл, мучўвкйл. Тар сордоӈилин ӈурудотын нада*. Тар бумўкилвэ нимӈэчэл бивкйл, бумўкичйл овкйл. Бирава баргискакй ӈурувкйл, согинтўракин нуӈарбатын. Тар

131. ГОВОРЯТ

Однажды в ухе зазвенит, будто комар пищит, — это умершие родственники твои зовут*. Тогда так говорят:

— Детей своих детей воспитав,
Приду.

132. ТУДЯ*

1 Сердечнику *тудя* делают. Эту сердечницу шаман вылечил. Тётя наша, Нира, сердечница была. На бок заваливаясь, падает, а только что здоровая. Вот шаман Кокай её вылечил. Кокай две железки сделал, *тудя* их называют. Это железное железо не настоящее, его из олова делают. Одного мужчину, одну женщину, потом сердце. Дырявят им головы, вот красную нитку делают, продевают. В середину сердца. Ногами вперёд их носи. Ноги твои вперёд ведь, так вот и надевают. Вперёд идти ведь будешь. Из ольхи их тоже делают. Вот надевая, заклинают:

2 — Аин-Маин, помогай!
Маленькие *тудя**, вылечите!
Сердечко, храни!
Пусть дорога идёт,
Пусть поправляется, здоровой* станет,
Вперёд пусть долго идёт!

Она вылечилась на самом деле, но падать всё время не перестала. Всё же долгонько прожила*. *Тудя* делая, шаманят, заклинают. Кокай так делал, так лечил.

133. ЛЕЧЕНИЕ

1 Чтобы человеку помочь, вылечить, бабушка наша девять щук делала, девять тайменей делала. Щук из тальника делают, раскрашивают. Птицы у неё есть, сделаны, солнце, луна есть. Не сделаешь птиц — в обморок падает шаман, не может хорошо играть*.

2 Когда [шаманка] играет, щук вниз по течению отправить надо. Она заставляет их спускаться по реке, тайменей своих тоже в реку опускает. Щук своих там пинает. Таймени её тоже там, те назад поворачивают, возвращаются*. Те щуки должны уйти. Они болезни проглотили, в них болезни. Они по реке на другой берег уплывают, когда попинает

делӣнгилин аһавкӣл нунгарбатын, тадук пэрӣһиннэл, мучӯвкӣл. Сордӧнгилбӣ согинтӯна, гунывкӣ:

— Эдук экэллу эмэрэ!
Эмэрэксун — эрӯ бидинэн.
Баргӣла нгэнэкэллу,
Нгёлâ гороло̄ эёһинкэллу!
Энэл мучӯра, энэл мучӯра!

Тыкэ̄н тар бэевэ аёвканывкӣ биһин.

134. ӦН АВУҺИВ ЭКИНМЭВ ИМАЧА БИҺИН

1 Умнэ̄кэ̄н авуспӣ ичэм — нгэнэдерэн, ёкунма-ка нгалдявки. Сэнгкирэвэ бэекэ̄ндӣ о̄ча, тар бэекэ̄нми ко̄рчактӯ нэ̄чэ̄. Ко̄рчаккана о̄ча. Сэнгкирэ бэекэ̄нми дюлӣ багдарӣндӣ то̄ргат, оёлӣн цветно̄йдӣ* чакилча. Элэ нгэнэдевкӣ, коронӣнача*, иманача. Бӣ:

— Экӣ ёча?

— Экӣ чайва силӯдерэг.

Нгэнэм экӣлаи. Тариигив:

— Авуһис иманача минэвэ. Чэнгкирэдук аһӣва о̄ча, иманача, — гунэн.

Илалла йлтэнэкин — этыркэ̄нгивун сэ̄мчэ̄. Тара сана, тыкэ̄ о̄ча. Сэ̄мнгэкин, экинмӣ эдэ̄н сэ̄мрэ.

2 Сагды бэе сэ̄мнгэкин, егин урбакива* тэтывкил бичэ̄л. Дэрэвэн егин то̄ргат каивкил, багдарӣндӣ. Ёһалбан, онгоктово̄н, амнгаван гиривкил.

Ая дюлечӣ биһин — мо̄ аят дэлпэргэвкӣ, кэ̄рчакту мо̄ва гадямӣ. Баран бугава гиркуча бэе һэргӯ бугадӯ тар дӯннэлвэ нгэнэдинэ̄н, нгэнэдэ̄н нада*.

их. Те её таймени гонят их, потом, повернув, возвращаются. Щук своих пиная, она говорит:

— Больше не приходите!
Придёте — плохо будет.
На тот берег уходите,
Вниз далеко плывите по течению!
Не возвращайтесь, не возвращайтесь!

Вот так она людей лечила.

134. КАК МОЙ ЗЯТЬ ТЁТЮ МОЮ ПОХОРОНИЛ*

1 Однажды зятя моего вижу — идёт, что-то несёт в руках. Из багульника человечка сделал, того человечка в гроб положил*. Гробик сделал. Багульникового человечка сперва белой тканью, поверх — цветной обернул. Вот идёт, хоронить идёт, закапывать. Я:

— Что с тётей?

— Тётя чай пьёт.

Пошла я к тёте. А та:

— Зять твой закапывать меня пошёл. Из багульника женщину сделал, закапывать пошёл, — сказала.

Три дня прошло — старик наш умер. Зная об этом*, [зять] так сделал. Чтобы, когда [старик] умрёт, тётя моя не умерла.

2 Когда старый человек умирал, девять одежд на него надевали. Лицо его девятью тканями закрывали, белыми. Глаза его, нос его, рот его [на ткани] вырезали*.

Если будущее хорошим будет*, дерево хорошо раскалывается, когда для гроба дерево берёшь. Много земель прошедший человек в Нижнем мире [тоже много] земель пройдёт, пройти должен*.

САМАР ДЯВӮЧАРИЛ

135. САМАН ЁКУКАРБАН ӧДЯРӣЛ ЭГЭЛГЭТЫН

1 Саман, унтувунэн ӧдатын, гэлэвкӣ нӣе-вэл. Нюнивкӣ, йдӯ hакран бидинэн. Тар hакрадук унтувунъен ӧвкӣл. Саман мэнин аямат бэелдӯ улгучэнивкӣ, йдӯ тар нунаннӣ hакран бидинэн. «Сигӯн дулиндукакун, юптумэвэн, hакраткан бидинэн, — гунивкӣ. — Тара бакаhал, унтувунув ӧдавар». Эhилэ гэлэктэливкӣл. Гэлэктэденэл, бакавкӣл. Бэричӣл некэектэдевкӣл. Бакаhал, тар hакратканма тэкэндулӣн пэктырэнивкӣл, гунденэл:

— Эр дяванат ӧнат,
Дяванат биhинни!
Унтувун ӧнат биhинни!

2 Эhилэ пэктырэниhэл, бутуннӯвэ hакравэ эвкӣл гара — токтоhинивкӣл тэкэндулӣн дулмаклан, тадук дэлпэлӣвкӣл, калтакаван гавкӣл. Калтакан, hакранӣ калтакан эмэнмувкӣ. Тадук бэювкӣл, бэюнмэ вавкӣл. Бэюн сэhэдин сэрэденэл тар мова модявкӣл. Тогово нян сэрэвкӣл. Сэрэденэл, унтувунмэ-гӯ, гёhикка-гӯ ӧдянал гунивкӣл:

Эргэчӣн урумукэн
Аруткан ӧнатыс!
Кэтэл hоктолбо нэнэдинэс!

3 Эллэкин hакран матавра, hокэмдевкӣ-бӧ, пэhимдевкӣ, саманмэр тэгэвкэнивкӣл. Дюдӯ тэгэвкэнивкӣл, дуннэду. Эhилэ мэндӯн матавкӣл. Матавувкӣ. Матадянал, гунивкӣл:

Эр дяванатын,
Он-мал арӯнма тыкэл!
Экэл судяра, арунма тыкэл!
Горолӣ бугалӣ нэнэдинэс!
Горолӣ бугалӣ йннӯдинас!

ШАМАНСКИЕ ОБРЯДЫ

135. ШАМАНСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ* ДЕЛАЮТСЯ ПО-РАЗНОМУ

1 Шаман сделать бубен просит кого-нибудь. Указывает, где его *хакра** растёт. Из этой *хакра* ему бубен делают. Шаман сам хорошенько мужчинам рассказывает, где эта его собственная *хакра*. «На полуденное солнце*, на восходе, *хакра* есть, — говорит. — Её найдя, бубен мне сделаете». Потом искать начинают. Ищут, находят. С ружьями похаживают. Найдя, той *хакра* в корень стреляют, говоря:

— Это держателем* станет,
Держатель ты,
Бубном ты должна стать!

2 Потом выстрелив, всю *хакра* не берут — подрубают вдоль корня до середины, потом раскалывают, половину забирают. Половина, от *хакра* половина остаётся. Потом на лося идут, лося убивают. Кровью лося помазав, обруч из этого дерева делают. Огонь тоже кровью кормят. Намазывая, бубен или колотушку делают, говорят:

— Таким вот округлым,
Животворным станешь*!
Много дорог пройдёшь!

3 [Но] если *хакра* его не сгибается, ломается ведь, рвётся, шамана своего усаживают. В доме усаживают, на землю. Потом на нём сгибают*. Согнётся. Сгибая, говорят:

— Вот держатель,
Какую-нибудь живую силу впусти!
Не гневайся, живую силу впусти!
По далёкой земле пройдёшь!
По далёкой земле звучать будешь!

4 Тар гуктэтын «Он-мал арунма ты̄кэл» — тар һакукал, тугурук ōдан, матавдан. Уӈтувунмэ саӈава ōмӣл — ня̄н эгэлгэтын кэтэ. Де, саӈа уӈтувунмэ этэвкӣл. Саӈа ō уӈтувун. Бэю̄канмэ ōвкӣл, ōктардук, сēкталдук. Ōва бэю̄н депивкӣ, таргачӣн ōктардук овкӣл. Эһилэ бэю̄кэ̄нмэ ōрактын — саман нимӈанивкӣ. Уһакӯн тэвӯрилвэ ōвкил, дю̄р-вэл бэел, бердаӈкадӯ. Саман гарпувканивкӣ тар бэю̄кэ̄нмэ. Тар нуӈан уӈтувундуӣ бэю̄нмэ вавкӣ. Тар эһилэ уӈтувлэ̄вкӣ.

136. ТОМКОЛГОН

1 Самандӯ самаһикилбан тōй аһӣ ōвкӣ. Томкот улливкӣ бō. Самаһиктӯн чӯрэ̄ктэлбэ, каптакакталбан ōвкӣл. Каптакактава оноктот умурӯвкӣл. Каптакакталба истандӯн* бивкӣл, чурэ̄ктэлбэ — ӯһэлдулӣн. Тар аһал этэвкӣл. Тадук саман нимӈанывкӣ, томколговкӣ. Томколгон тара гунывкӣл. Эдэ̄тын бумӯра томколговкӣ, ӈалалтын эдэ̄тын энӯрэ. Һуӈтул бугалва тар самаһикитпӣ ӈэнэвкӣ бō. Һэргӯ бугала-да иһивкӣ, бэевэ аитчана, омӣван мучӯвдяна, эмӯденэ. Тар уллирӣл томкодӯ эрӯ багар тагавдиӈан, тарит уллидечэ̄л аһалдӯ эрӯ бидиӈэ̄н. Бумӯлдиӈэ̄тын-кэт бидиӈэ̄н. Эрӯ эдэ̄н ōра, эрӯ тар томколдӯ эдэ̄н һорра, нимӈанывкӣ. Тара томколгон гунивкил.

2 Тэгэвкӣл аһал, эһӣлэ нимӈандяна, уӈтувундӣвӣ гаһӣливкӣ. Нимӈандяна, умнэ̄т уӈтувундии арпулиһинывкӣ, аһал-кана тадӯ-ты ӈалалбар дюлэ̄скӣ бӯвкӣл. Таһӣһинарӣтан — аһал ӈалалбар бӯвкӣл! Эһӣлэ тэдемэ-ты томко томкодӣн гавкӣ, ичэмӣ-дэ̄ — уӈтувундӯн томкол бивкӣл.

Тадук уллиденэл, аһал оноктолво гиривкӣл бō, сулапимсак оноктокōр бивкӣл эчэ, уһакар. Тарил ня̄н уӈтувундулэ̄н һоривкӣл, эмэвкӣл. Бутунну сулапимсак оноктокōр, томкокōр уӈтувундулэ̄н эмэвкӣл. Тадук тар суламсатылван тоголō гарандавкӣ. Эдэ̄тын ӈаламӣл ōра. Эдэ̄н чиӈгэрэ, ēва-вал эрӯ эдэ̄н чиӈгэрэ.

3 Самаһиква сатарӣ ōвкӣ. Тар некэденэ, алгавкӣ:

— Урэлгэкэл, томколгокол!
Томко томкодин томколгокол!
Томколгокол, урэлгэкэл!
Томколгокол, чиӈгэргэкэл!
Эрӯ эдэ̄н бирэ, урэлгэкэл!
Ӈаламӣл эктын бирэ, томколгокол! — гунывки.

4 Слова «Какую-нибудь живую силу впусти» — округлись, стань круглым, согнись. Новый бубен делают — ещё много обычаев. Ну, новый бубен заканчивают. Новый ведь бубен-то. Лосёнка делают из марника, из тальника. Что лось ест, из того кустарника и делают. Вот когда лосёнка сделают — шаман шаманить начинает. Слабые заряды* делают, двое мужчин обычно, для берданки. Шаман велит стрелять в того лосёнка. Это он для своего бубна лося убивает. Так вот бубен свой обретает*.

136. СОБИРАНИЕ НИТОК*

1 Шаману его шаманские одежды* всегда женщина делает. Ниткой шьёт ведь. На шаманское платье бахрому-*чурэктэ**, бахрому-*каптакакты** делают. *Каптакакты* материей обшивают. *Каптакакты* на штанах делают, *чурэктэ* — по рукавам. Вот женщины заканчивают [шить]. Потом шаман камлает, собирание ниток делает. Собирание ниток это называют. Чтобы не хворали, собирают нитки, чтобы руки их не болели. В другие земли в этом шаманским платье своём [шаман] ходит ведь. Нижней земли-то достигает, человека излечивая, душу его возвращая, принося*. На тех нитках для шитья зло, может быть, пристало, поэтому швеям женщинам плохо может быть. Заболеть вдруг могут ведь. Чтобы плохого не случилось, чтобы на те нитки зло не прилипло, [шаман] камлает. Это собиранием ниток называют.

2 Женщины садятся, потом, камлая, [шаман] бубном своим собирать начинает. Камлая, вдруг бубном своим взмахивает, женщины тут же руки вперёд вытягивают. Взмахнёт — женщины руки вытягивают!* Потом вправду и настоящие нитки* берёт, посмотреть — в его бубне нитки есть.

Потом когда шьют, женщины ткань на лоскутки режут ведь, остаются лоскутки ведь, маленькие. Те тоже в его бубне прилипают, приходят. Все оставшиеся лоскутки, ниточки в бубен его приходят. Потом те остатки их он в огонь бросает. Чтобы [у женщин] руки не заболели. Чтобы не пристало, что-нибудь плохое чтобы не пристало.

3 Шаманское платье умелица шьёт. Делая это, заклинает:

— Остатки железа и ровдуги, соберитесь, нитки, соберитесь*!
Настоящие нитки, соберитесь!
Нитки, соберитесь, крошки металла и ровдуги, соберитесь!
Нитки, соберитесь, прилипните!
Чтобы плохого не было, остатки металла и ровдуги, соберитесь!
Чтобы руки больными не были*, нитки, соберитесь! — говорит.

4 Сэлэмэлбэ̄н о̄дярӣл бэелвэ нян тыкэ̄ о̄вкӣ — урэлгэн гунывкӣл. Урэн — тар сэлэдук сулапимсакил, наяӈадук. Бэелвэ тыкэ̄н-ты урэлгэвки. Унтувундӣй гавкӣ, урэнмэтынмэ тавувкӣ унтувундӣй. Тара бӣ ичэрӣв, Кмкай дю̄р унтувучӣ биӈӣн. О̄надӯтын томколгодёрӣн, урэлгэдерӣн.

137. ӇУЛӢ

Гэляде̄рӣ, эятчэрӣ нимнганивда гунивкӣ: «Ӈулӣкал!» Самандула эмэвкӣ, тадук тыкэ̄н гунивкӣ:

— Кэ, бакалдымалкидӯвар
Ёкуқарва ичэмкэ̄кэл!

Эӈилэ унтувурбэ̄н илевгӣвкӣл. Ӈулидярӣл онокточӣл эмэвкӣл, дю̄р Ӈуларӣн оноктово эмувкӣл. Ӣдекён — тар Ӈулидярӣ бэе, уивкӣ тар оноктолво нгалалдӯн няӈингмӣ авувунан. Умун онокто мётрачӣ-вэл* бидингэ̄н, уивкӣл дягадӯн. Саман мэ̄нин эвкӣ гэлэрэ̄, тар Ӈулидярӣ бэе борӣвкӣ. Тыкэ̄ нонон эвэнкӣл э̄нгкитын. Эвэнкӣлдӯ эгэлгэтын со̄ биӈӣн.

138. ОРОНМО СЭВЭКӢЛМӢ, СЭВЭКА̄Н ГУНЫВКИЛ

1 Сэвэкӣчан* орон бивкӣ. Тара саман сэвэкӣвкӣ, сама̄ндяна, алга̄дяна. Тариигис багдарӣн-ну, бугды-гу бидингэ̄н. Намува сэвэкӣчэ̄нмэ о̄вкӣл. Талукандук. Тулӣлэ̄ дыгин дэрэкэ̄чӣ мо̄лва иливувкӣл орор курёдӯтын. Кирӣлдӯ.

Гёва курёва о̄вкӣл сигӯн ю̄птулэ̄ндӯн. Илӣва курёва о̄вкӣл, тар дю̄р курёве илӣдӣт курёвкӣл. Тала орорбо нэ̄вкӣл. Сама̄н алгавкӣ, Ӈэгэ̄вкӣ. Сэвэкӣчэ̄н орондӯ гунивкӣ, Ӈэгэ̄денэ:

2 — Сэвэкӣча̄н! Карайдякал аямат!
Орор о̄скёктын, кэтэкӯн о̄ктын.
Эктын будэ, эктын бумӯрэ!
Сэвэкӣча̄н! Аямат ичэткэл,
Аитчакал, карайдякал!

Тыкэ̄н алгёдяна, илаллава Ӈэгэ̄вкӣ. Нонолӣ инэнгӣдӯ орорво сигӯн ю̄птулэ̄н тэ̄вувкӣл тар гё курёдӯ. Гё инэнгӣдӯ бугадук гэлэ̄вкӣ сама̄н:

— Бо̄бай-Буга, бэлэдекэл!
Сигундэ̄р-энӣкэ̄н, бэлэдекэл! — гуннэ, Ӈэгэ̄девкӣ.

4 С железом работающим мужчинам [шаман] тоже так делает — *урэлгэн* это называется. *Урэн* — это от железа остатки, от ровдуги. Мужчинам тоже *урэлгэн* делают. Бубном своим [шаман] собирает, остатки металла и ровдуги подбирает бубном. Это я видел, у Кокая* два бубна было. На сделанное ими он нитки собирал, железки собирал.

137. СОГРЕВАНИЕ*

Просящий, желающий, чтобы ему покамлали, говорит: «Погрей!». К шаману приходит, потом так говорит*:

— Ну, на встречу совместную нашу
Кое-что посмотри-ка!*

Тогда его бубен греют у огня. Просящие «погреть» с лоскутками приходят, два красных лоскутка приносят. Внесут — тот просящий «погреть» человек привязывает те лоскутки к рукам, если вспотеет, вытирать. Один лоскут где-то в метр может быть, его рядом привязывают. Шаман сам не просит, тот просящий «погреть» человек делится [лоскутом]. Так раньше эвенки делали. У эвенков много обычаев было*.

138. ОЛЕНЯ ОСВЯЩАЮТ, СВЯЩЕННЫМ НАЗЫВАЮТ*

1 Бывает священный олень. Его шаман делает священным, шаманя, заклиная. Тот твой [олень] или белым, или пятнистым должен быть. Делают коврик-*наму* идолу *сэвэкичэну*. Из кусочка бересты. Снаружи четыре жерди с личинами* в загородку для оленей втыкают. По углам.

Вторую загородку делают в сторону восхода солнца. Третью загородку делают, те две загородки третьей огораживают. Туда оленей ставят. Шаман заклинает, поёт. Священному оленю говорит, поёт:

2 — *Сэвэкичан*! Охраняй хорошо!
Пусть олени рождаются, пусть их множество будет.
Пусть не умирают, пусть не болеют!
Сэвэкичан! Хорошо присматривай,
Защищай, охраняй!

Так, заклиная, три раза поёт. В первый день оленей [мордами] к восходу солнца ставят в той второй загородке. На второй день у неба просит шаман:

— Бобай-Небо*, помогай!
Солнце-мать, помогай! — говоря, поёт.

3 Илӣ инэнӷӣдӯ сёкӑлӑвкӣл ороробор. Тар сэвэкичӑн бирӣ ороно сёкӑлӑвкӣл, иргидӯн ӈуларӣр торгӑкӑрба уивкӣл. Элэ тар орон сэвэкӣчан ӧвкӣ. Нуӈан ороробо караивкӣ эӈӣлэ. Ӯкчаларӣ нуӈанман одёкӣт, инӹвувкӣл инмэкилвэ-нӧн, муручӯрвэ, пёчивэ-нӧн*. Екчаламӣ нуӈанман бумӯльдиӈэс, эрӯ бидиӈэн. Тар орон — одёкӣт. Сэнмӣврэкин, эвкӣл гэлэктэрэ:

— Тар Буга гачӑ, — гунывкил.

Сэвэкичӑн орон дежӯрнай* бӧ. ӈаргидук караивкӣ ороробо-кот, бэевэ-кэт.

139. БЭЕ СИӇКЭНМЭН ДЁРОМОРӢ (САМАР)

Сэмэн-самӑн биӈӣн. ӈуӈту самар сиӇкэнмэтын дёромовкӣ биӈӣн. Ӈинакин ӧӈӑ сиӇкэрбэтын дёромовкӣ. Ӧн-тана ӧвкӣ, эвкӣ гунэ. Дёромоно, ӈэгэвкӣ. Мэнмӣ тар алгӑвкӣ, дёромодӧи:

— Сэмэн-самӑн,
СиӇкэлэчэ!
Сэмэн-самӑн —
Ӈинаккан-дёролкӧн!
5 СиӇкэрбэтын дяваммён!
Сэмэн-самӑн —
Ӈинаккан-дёролкӧн!

140. ОРОНМО АНАЛЫВМӢ

1 Бумӯрэкис — самӑн оронмо сӣ оннудӯс «анал» ӧвкӣ. Тариӈис самёна* синнӣ. Сӣ оннудӯс нуӈанмӑн, бумӯрэкис, бултэк ӧрӑкис, анавкӣл. Синдулӣ нуӈанман самӑн анавкӣ. Тадук гунывкил анал. Нимӈӑнывкӣ анӑлъяс алгӑвкӣ. Нимӈӑныксӑ, оронмос уивкӣ, алгӑвкӣ. Минду тыкэ алгарӣн Мукӑле-самӑн. Бумӯлчэ сомат биӈӣв, элчэ илла, бултэк ӧчӑв. Мукӑле саманан, ӑӈинан. Мёлна, гунэн: «Ая бидиӈэн, аёдяс. Анӑлъяс ӧм, сӣ оннудӯ анавдиӈан, эрӯ биӈикин». Актав биӈин, Туӈакӣ гэрбӣчӣ, туӈакӣгачӣн багдарӣн биӈӣн. Гунэн Мукӑле, нимӈаныкса: «Эрдэкэн малӯвӣ ныкэл, тадӯ тэвуктын умун мучуктэткэнэ, умун чалбӑткӑна. Туӈакиӈис эмэдиӈэн — дявакаллу, уйкэллу. Алгӑдяв нуӈанмӑн».

2 Кэ тэгэлтэнэ эрдэмэ малӯлӣ «Тӯс-тӯс-тӯс!» орон эмэрэн. Малӯвар ныгрэв — Туӈакиӈинв эмэчэ, дяварав. Умун мучуктэткэнмэ аӈӣв тэврэн,

3 В третий день надевают серьги оленям*. Тому освящённому оленю надевают, на его хвост красные тряпочки привязывают. Вот этот олень священным становится. Он теперь оленей охраняет. Садиться верхом на него — запрет, навьючивают только суму-*инмэк*, короб-*муручун** и печку*. Если кто верхом сядет на него — заболеет, плохо будет. Тот олень — почитаемый*. Если потерялся — не ищут:

— Его Небо взяло, — говорят.

Священный олень [всегда] дежурный ведь. От *харги* — злого духа охраняет и оленей, и людей.

139. ВОРОВСТВО *СИНГКЭНА* ЧЕЛОВЕКА (ШАМАНСКОЕ)

Семён-шаман был. У других шаманов *сингкэн* воровал. В собаку превращаясь, *сингкэн* их воровал. Как он это делал, не говорил. Украв, пел. Сам себя так благословлял, чтобы воровать:

— Семён-шаман
За *сингкэном* отправился!
Семён-шаман —
Щенок-воришка!*
5 Их *сингкэн* поймаю!
Семён-шаман —
Щенок-воришка!

140. ОЛЕНЯ ЗАМЕНИТЕЛЕМ ДЕЛАЮТ*

1 Болеешь — шаман оленя вместо тебя заменителем делает. Он тебя заменяет. Вместо тебя, если болеешь, при смерти, его отдают. За тебя его шаман отдаёт. Поэтому и называют заменителем. Шаманит, заменителя благословляет. Пошаманив, оленя привязывает, заклинает. Меня так заклинал Мукале-шаман. Заболел я сильно, уже не вставал, при смерти был. Мукале пошаманил, уснул. Проснувшись, сказал: «Все хорошо будет, выздоровеешь. Заменителя я сделал, вместо тебя пойдёт*, если худо будет». Холощёный олень у меня был, Заяц звали, как заяц белый был. Сказал Мукале, пошаманив: «Рано утром почётное место своё [в чуме] откроешь*, там пусть поставят одну молодую лиственницу, одну молодую берёзку. Заяц твой придёт — поймайте, привяжите. Заклинать его буду».

2 Ну, очень рано утром к почётному месту «*Тус-тус-тус!*»* олень пришел. Почётное место открыли — Заяц мой пришёл, поймали.

умун чалбāткāнма. Уйен. Чэнгкирэт тыпӯвчарав, сēрдулāн, аркинал, сēкāра hуларӣл оноктокōрдук ōрав. Иргидӯн нян. Мукāле алгāран:

— Анāл ōнны,
Иван анāлин ōнны.
Эрӯ эмэрэкин —
Нунгандулӣн бидингэс,
Нунгандулӣн нгэнэдēс.
Ая бими — аят бидингэс.
Эрӯ ōдингāн —
hāргилду нгэнэдēс.
Анāл ōнны:
Киhалга ōракин —
Анавкал!

Тадук тынэн. Э-э! Туhакингив малтӯна, дяынгнымэделлэн — hурōн. Тыкэнты сэнмӣврӣн. hāргил гачāл бӣ оннудӯв — бӣ аēрӣв.

141. КУЛУМТАНДУЛĀ ДЯРИН

Дювӣ Кулумтанман hоролдёно, тыкэн яянгкитын, дяричингкитын. Саман нонолӣ Кулумтандук, тогодук яяливкӣ, алгаливкӣ. Айӣhитэнӣ Кулумтандӯ тэкэнтэвкӣ. Кулумтан — тогос, дюнӣ того, тугурук* того. Арунмачан Кулумтан — тар эhӣ сиврэ того, эрэгэр дегдэдэрӣ того. Яямӣ, алгамӣ, дяритмӣ гуктэ — тар гэлэденэ hэгэмӣ, ēкуна-вал тогодук. Аравил Кулумтан гунмурӣ — эрэгэр дегдэдерӣ того, эhӣ сиврэ того:

—Кулумтан-энӣё,
Кулумтан, Айӣhит-энӣ,
Энӣкэкун!
Энӣдук энӣлэ Кулумтан,
Кулумтан дугая ачин!
Дюлеhикир чивкачар
Эргэчӣкэкун Кулумтанма,
Аравил Кулумтанма иладянал,
Нэрӣнгэнэл нгэнэнгэтын!
Эр чивкачар — омӣл!
Арӯнмачан Кулумтанма
Элэткэкӣ арӯнӣдянал,
Чивкачар-кунгакар,
Нгэрэнгнэрӣ кунгакар
Нгэрэнгнэвкӣл ōнгатын!
Айӣhит-энӣ!

Одну молодую лиственницу жена поставила, одну молодую берёзку. Привязала. Багульником его окурили, уши проткнув, серёжки из красной материи надели. На хвост тоже. Мукале заклинал:

— Заменителем ты стал,
Ивана заменил.
Беда придёт —
Вместо него будешь,
Вместо него пойдёшь.
Хорошо всё будет — хорошо жить будешь.
Беда будет —
К *харги* пойдешь.
Заменителем ты стал:
Нужда будет —
Замени!

Потом отпустил его. Э-э! Заяц мой, лягаясь, галопом ускакал — пропал. Так и потерялся. *Харги* его взяли вместо меня — я выздоровел.

141. ШАМАНСКОЕ ПЕСНОПЕНИЕ КУЛУМТАНУ

Домашний Кулумтан* обходя по кругу, так камлали, шаманили*. Шаман сначала от Кулумтана, от огня камлает, благословляет. Айихит-мать от Кулумтана ведёт начало*. Кулумтан — огонь твой, дома твоего огонь, округлый огонь. Неумирающий Кулумтан* — это негаснущий огонь, всегда горящий огонь. Камлая с песней, благословляя, *дяр*-песню исполняя — так просим, когда поём, что-нибудь у огня. Вечно живой Кулумтан его называют — всегда горящий огонь, негаснущий огонь:

— Кулумтан-мать*,
Кулумтан, Айихит-мать,
Мать великая!
От матери к матери* [передаваемая] Кулумтан,
Кулумтан, не имеющая конца!
Будущего моего птенцы*,
Такую же Кулумтан,
Вечно живую Кулумтан разжигая,
Порхая, пусть живут!
Эти птенцы — души!
Неумирающая Кулумтан*
И поныне оживляя [тебя],
Птенцы-дети,
Порхающие дети
И впредь пусть порхают!*
Айихит-мать!

142. КУЛУМТАНДУЛЭ

Эрӣлэн-эрӣлэн! Нэ-нэ-нэ!
Колӧдова Кулумтан!
Кулумтан!
Уӈнэлгэн эячинди*
Миткэкэдӯ тиннгичэр,
Колӧдова Кулумтан!
Колбувкэл эячиндевэв!
Алгалакал, алганал
Орондукэн аракӯкан!
Кокорӗ, Амай, омуктачил
Эвивкэндерэ-дэ.
Экэллу энэллэ!
Аял-гӯ, эрӯл-гӯ
Ӧдялан тарикив.

143. ДЯРИЧИВУН ӈУТЭЛДӮВИ

— Лёнэ, кавӑвъя нулкал. Ӈутэлвэ ӈурганӣкал кавӑвит. Тогодӯ имтыдӑв, унгкуӈикэллу. Экэллу нгэлерэ, ӈутэкэр! Гукэллу, эдэтын эӈэкэвэр нгэлерэ!

— Дедушка петь по-шамански будет, вы не бойтесь его пения. Чтобы вы все не болели, чтобы мы все жили хорошо — для этого он будет петь*.

— Аямат бододӧвор, дылгалдӣвар угиръяткэллу. Энӣнгэӈун ӑчин, горо ӧран... Дяричимнгӯл сӯ эле. Эӗӈэлви эмэдерэ, дӧлдыӈал. Горово этэм нгэнэрэ, мӯнэкэн. Самаӈикилби-да ӑчин эткэн. Гӗӈикив-нюн, син садингав ёва-вал. Кулумтандӯв аптыӈинкэл, Лёнэ, умкандӣ. Тадӯ пулатыв биӈин, минӣ-кэ, тара ӈулганнӣна, бӯкэл минду.

— Кулумтан! Ая дяричиндӯ, аядӯ борӣдям!
— Уhу-hу-hу-ээ, уhу-hу-hу-ээ!
Уhу-hу-hу-ээ, уhу-hу-hу-ээ!
Уhу-hу-hу-ээ, уhу-hу-hu-ээ!

1 Кэлэ-кэлэ, Кэлэкӯй! — Кэлэ-кэлэ, Кэлэкӯй!
— Кэлэ-кэлэ, Кэлэкӯй!
— Кэлэ-кэлэ, Кэлэкӯй!

142. К КУЛУМТАНУ*

Зову-зову!* *Нэ-нэ-нэ*!
Округлый Кулумтан*!
Кулумтан!
Посылаемое желание
Для нас уж выполни,
Округлый Кулумтан!
Выполни моё желание!
Благослови, благословляя
Оленя понемножку*!
Неудобно, Амай*, но чужие
Заставляют играть-то*.
Не ленитесь*!
К добру ли, к худу ли,
[Но] делаю это*.

143. *ДЯРИЧИН* ДЛЯ СВОИХ ДЕТЕЙ*

— Лена, *кавав* зажги.* Детей очисти* *кававом*. Огонь угостить мне налейте. Не бойтесь, детишки мои! Скажите, чтобы не боялись своего дедушки!

— (Дедушка петь по-шамански будет, вы не бойтесь его пения. Чтобы вы все не болели, чтобы мы все жили хорошо — для этого он будет петь.)

— Хорошенько идите за мной [повторяйте], голосами своими поднимайте [меня вверх]*. Матери вашей нет, давно уж... Подпевающие вы теперь*. Духи-помощники мои прийти собираются, услышав [что я буду шаманить]. Долго не буду ходить*, немного [попою]. Да и шаманского облачения моего нет у меня сейчас. Колотушка только, но всё равно о вас узнаю что-нибудь*. Кулумтану моему брызните, Лена, ложечкой. Там платок мой есть, мой-то, его очисти [*кававом*], дай мне*.

— Кулумтан! На добрый *дяричин*, на благо дарю!*
— *Уху-ху-ху-ээ, уху-ху-ху-ээ!*
Уху-ху-ху-ээ, уху-ху-ху-ээ!
*Уху-ху-ху-ээ, уху-ху-ху-ээ!**

1 Прихром-прихромал я, Кэлэкуй!* — Прихром-прихромал я, Кэлэкуй!
— Прихром-прихромал я, Кэлэкуй!
— Прихром-прихромал я, Кэлэкуй!

2 Кургӣвла, кургӣвла,
3 Кургӣкӯй, Кургӣкӯй! — Кургӣкӯй, Кургӣкӯй!
4 Лигливлā, Лигливлӯ! — Лигливлā, Лигливлӯ!
5 Тэгэлэр hутэлби, соя̄hāткаллу*,

6 Бодотовколлу!
7 Тэгэлэр hутэлби!
8 Соя̄hāкандӣ гурэвкакаллӯ.
9 Тэгэлэр чивкачāр, омӣhиелбӣ!
10 Ниргӣдуй, ниргӣдуй,
11 Ниргӣкуй, Ниргӣкуй! — Ниргӣкуй, Ниргӣкуй!
12 Гēваннē, Гēваннē,
гēвакāhиннӣлбӣ,
13 hēрпатыкталē hēрпаллакун.
14 Гудеē, гудеē!
15 Кӯк! Кӯк!*
16 Элэгэ-гэнӣ, элэгэ-гэнӣ! — Элэгэ-гэнӣ, элэгэ-гэнӣ!
17 Эмэчэл, гудя̄ēл! — Эмэчэл, гудя̄ēл!
18 Кӯк-кӯ, кӯк-кӯ, кӯк-кӯ!
19 Ēкунма гуннэ, дяричилитча? — Ēкунма гуннэ, дяричилитча?
20 Чивкāчāр-омӣлба, — Чивкāчāр-омӣлба,
21 Угиримнэкē, айичимнакē. — Угиримнэкē, айичимнакē.
22 Кэлэкӯй-амā, бэледекэле!
23 Айитчикалē hутэкэрбэв. — Айитчикалē hутэкэрбэв.
24 Омӣлāкил бигинэл, — Омӣлāкил бигинэл,
гиркудяктанэл! гиркудяктанэл!
25 Кэлэ-кэлэ-кэлэгэчим.
26 Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!
27 Кӯк-кӯ, кӯк-кӯ!
28 Элэккэкин, элэккэкин... — Бэрэ-бэрэ. Аракӯкāн.

29 Аравил Кулумтане,
30 Кургӣкӯй, Кургӣкӯй! — Кургӣкӯй, Кургӣкӯй!
31 Ēкунэ гундекӯнэ,
32 Гундекӯнэ, гундекӯнэ? — Гундекӯнэ, гундекӯнэ?
33 Аялай, аялай бидинӷэнэ... — Аялай, аялай бидинӷэнэ...
34 hутэял-hутэлбӣ, гурэвдēкэллу. — hутэял hутэлбӣ, гурэвдēкэллу.

35 Дяритчаял-нӷэнэ hутэкэрби-кэн. — Дяритчаял-нӷэнэ hутэкэрби-кэн.

2 Запылал, запылал я,
3 Кургикуй, Кургикуй! * — Кургикуй, Кургикуй!
4 Закликал я, Лигливлу! * — Закликал я, Лигливлу!
5 Сидящие здесь дети мои,
хорошенько поддерживайте,
6 Идите за мной!*
7 Сидящие [здесь] дети мои!
8 Хорошенько разогревайте меня*.
9 Сидящие [здесь] птенцы, души-*оми*!*
10 Опаляю*, опаляю,
11 Ниргикуй, Ниргикуй!* — Ниргикуй, Ниргикуй!
12 Заря, Заря, рассветные [лучи] мои*,

13 Как яркая зарница, сверкайте,
14 Милые, милые!
15 *Кук! Кук!**
16 *Элэгэ-гэни, элэгэ-гэни!** — *Элэгэ-гэни, элэгэ-гэни!*
17 Пришли, милые!* — Пришли, милые!
18 *Кук-ку, кук-ку, кук-ку!*
19 О чём прося, начал ты *дяричин*?* — О чём прося, начал ты *дяричин*?
20 Чтобы птенцов души — Чтобы птенцов души
21 Возвышали, оберегали*. — Возвышали, оберегали.
22 Кэлэкуй-отец*, помоги!
23 Спаси моих детей. — Спаси моих детей
24 С душами-*оми* пусть живут, шагают!* — С душами-*оми* пусть живут, шагают!
25 Прихром-прихром-прихромал.*
26 *Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!**
27 *Кук-ку, кук-ку!*
28 Хватит, хватит... — Спокойно-спокойно. Потихонечку.*

29 Всегда возрождающийся Кулумтан,*
30 Кургикуй, Кургикуй! — Кургикуй, Кургикуй!
31 Что вы скажете,
32 Скажете, скажете? — Скажете, скажете?
33 Всё хорошо, хорошо будет...* — Всё хорошо, хорошо будет...
34 Дети-потомки мои*, разогревайте [меня]. — Дети-потомки мои, разогревайте [меня].
35 Моей [песне] подпевающие детки мои, — Моей [песне] подпевающие детки мои,

36 Айӣhит-энӣкэн бэледединӷэн. — Айӣhит-энӣкэн бэледединӷэн.

37 Энӣкэн! Айӣhиткӑкӯнэ, — Айӣhиткӑкӯнэ,
38 Ӈутэлбэв уӗлбӗкэрвэтынэ — Уӗлбӗкэрвэтынэ
39 Сирӑна сирӑкал! — Сирӑна сирӑкал!
40 Кӯк-кӯ, кӯк-кӯ, кӯк-кӯ!
Нупкудӑв, ӈутэӗл... Чургивкӣяв ӧкаллу. Нонолӣ испӣскэт* некэнэл, Лӗнэ.
41 Эрӣhинкэллу! Аядӯ!
42 Чэрӯлӣ, чэрӯлӣ...
43 Ӗкунэ сивсӣран?
44 Ӈалканмав, ӈалканмав!
45 Уркэвэ нӹкэллу! — А! Нӹрэв! Нӹрэв!
46 Нӷӣёкэн-вэл, нӷӣ-вэл!
47 Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!
48 Ӈалканмӣ, экэлӗ,
49 Энӷнэрэ урӑрэ!
50 Урӑра-нганӗ!
51 Эдӯктэ эдӯкин
52 Эгиннэ эмэррэ,
53 Ӧкин-дӑ ӧкинэ!
54 Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!
55 Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!
56 Катӑкаллу, катӑкаллу!
57 Ая бидинӷэн, ая бидинӷэн.
58 Тэвэлэнмэв нӷӑладӯв нэкэллу.
Бодовколлу...
59 Тэвэлэн биӈӣ-вет, — Тэвэлэн биӈӣ-вет,

60 Ичэвкӑкэлӗ! — Ичэвкӑкэлӗ!
61 Тэвэлэн гӗӈикив! — Тэвэлэн гӗӈикив!

62 Экэлӗ мокчӧро, мокчӧро, — Экэлӗ
63 Аява бӯдекэл, — Аява бӯдекэл,
64 Тэвэкэл! — Тэвэчӗ, тэвэчӗ!
65 Ядӑ бидигэн,
66 Аякӯн, аякӯн.
67 Лигливлӑ, лигливлӯ,
68 Лиглитчадянэ! — Лиглитчадянэ!

36 Айихит-мамочка будет помогать вам. — Айихит-мамочка будет помогать вам.
37 Мамочка! Айихит всемогущая*, — Айихит всемогущая,
38 Детей моих жизнь-век — Жизнь-век
39 Продлевай, продли!* — Продлевай, продли!
40 *Кук-ку, кук-ку, кук-ку!**
Покурить мне, дети...* Капающего сделайте мне*. Вначале спичкой сделай, Лена*.
41 Вдохните! На благо! *
42 Тихо, тихо...
43 Что это прошумело?*
44 Молоток мой, молоток мой!*
45 Дверь откройте!* — Да! Открыли! Открыли!
46 В кого-то там, в кого-то!*
47 *Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!**
48 Молоток мой, нет,
49 Не смей промазать мимо!
50 Не промажь, нет!*
51 Никогда уже
52 Не придёшь больше,
53 Никогда, да, никогда!
54 *Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!*
55 *Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!*
56 Заприте, заприте!*
57 Всё будет хорошо, всё будет хорошо*.
58 Падающую «на добро» в руку мою вложите.
Следуйте за мной...*
59 Падающая «на добро» есть у меня ведь, — Падающая «на добро» есть у меня ведь,
60 Покажи-ка!* — Покажи-ка
61 Падающая «на добро» колотушка моя! — Падающая «на добро» колотушка моя!
62 Не падай «на худо», — Не падай «на худо»,
63 Добра посылай нам, — Добра посылай нам,
64 Упади «на добро»!* — «На добро», «на добро» [упала]!*
65 Всё будет хорошо,
66 Очень хорошо, очень хорошо.
67 Кликай, Лигливлу,
68 Кликай по-лебединому! — Кликай по-лебединому!

69 Кургӣкӯй, Кургӣкӯй,
70 Кургиёдекэл! — Кургиёдекэл!
71 Ниргӣкуй, Ниргӣкуй,
72 Ниргивлāдякелё! — Ниргивлāдякелё!
73 Гёваннё, Гёваннё!
74 Гёваһӣдякалё! — Гёваһӣдякалё!
75 Һёрпатыктакӯре,
76 Һёрпаллагакӯнэ! — Һёрпаллагакӯнэ!
77 Эёһэлбикэнэ,
78 Гудёикалёкур, гудёикалёкур, — Гудёикалёкур,
79 Угиривъяткурӣс! — Угиривъяткурӣс!
80 Омӣкар-чивкāчāр,
81 Аякāндиканэ-ӈэнэ — Аякāндиканэ-ӈэнэ
82 Бидекэкулё! — Бидекэкулё!
83 Айиһӣт-энӣкэн, гудяё, гудёйлэн.

84 Уһӣкэр-бинӣлвун сирāвуктынэ. — Уһӣкэр-бинӣлвун сирāвуктынэ.

85 Кӯк! Кӯк! Кӯк!
86 Арāвил Кулумтандӯвӣ — Арāвил Кулумтандӯвӣ

87 Бӯӈнэрэ-ӈэнэ вет! — Бӯӈнэрэ-ӈэнэвет!
88 Кургимнэдерӣлдӯ — Кургимнэдерӣлдӯ
89 Мэнникэр тоголдӯ, — Мэнникэр тоголдӯ,
90 Һутэёл-чивкāчāр, бӯӈнэрэ-ӈэнэ! — Бӯӈнэрэ-ӈэнэ!

91 Дыгин кирилкāһалдӯ-ӈан
92 Бӯӈнэрэ-ӈэнэ! — Бӯӈнэрэ-ӈэнэ!
93 Аянӈāн бидинӈэн, — Аянӈāн бидинӈэ,
94 Гороёлбо, горот ӈэнэдекэллу! — Гороёлбо, горот ӈэнэдекэллу!

95 Кӯк! Этэдеӈэным.
96 Эёһэлдӯв!
97 Дӯннэӈит иччӣлдӯн!
98 Дӯ иччӣлдӯн!
99 Малӯдӯв!
100 Бугакāкундӯт!
101 Сигӯкэн-энӣдӯ!
102 Бёгалтан Бёгадӯт!

69 Кургикуй, Кургикуй,
70 Пылай всегда! — Пылай всегда!
71 Ниргикуй, Ниргикуй,
72 Опаляй! — Опаляй!
73 Заря, Заря!
74 Гори! — Гори!
75 Зарница,
76 Сверкай! — Сверкай!
77 Помощники мои,
78 Миленькие, миленькие, — Миленькие, миленькие,
79 Поддержали вы меня!* — Поддержали вы меня!
80 Души-птенцы,
81 Ну, хорошенько — Ну, хорошенько
82 Живите! — Живите!
83 Айихит-мамочка, милая, миленькая,
84 Верёвки-жизни наши пусть удлиняются. — Верёвки-жизни наши пусть удлиняются.
85 *Кук! Кук! Кук!*
86 Вечно возрождающемуся Кулумтану — Вечно возрождающемуся Кулумтану
87 Подавать полагается ведь!* — Подавать полагается ведь!
88 Пылающим — Пылающим
89 Нашим очагам*, очагам, — Нашим
90 Дети-птенцы мои, подавать полагается ведь! — Подавать полагается ведь!
91 Имеющим четыре ножки* тоже
92 Подавать полагается ведь! — Подавать полагается ведь!
93 Самое лучшее будет, — Самое лучшее будет,
94 Очень долго, долго идите [по жизни]! — Очень долго, долго идите [по жизни]!
95 *Кук!* Заканчивать буду.
96 Духам-помощникам!*
97 Духу-хозяину земли!*
98 Духу-хозяину дома!*
99 Почётному месту моему!*
100 Великому Небу нашему!*
101 Солнцу-матери!*
102 Светящей лунным светом Луне нашей!*

103 Бэел бинйдӯтын
104 Аяя алгāкаллу!
105 Кӯк! Этэм.
106 Мӯкэнэ, тогот тэһйвчэē...

144. ДЯРИЧЙН-ЭВЙН

— Бэел сорукилватын* ичэдиңэт! Пēчивэ* йвкэллу, илакаллу!
— Эрйксэ, гуннэл! Саламая ōкаллу, багдарйн томкодук.
— Саһэе бакакаллу. Уллэе-гӯ мӯдакэллу, силкимсая. Ардява нулкаллу!

1 Эрэй! Илегал тэгэл, экэллу мэргарэ!
2 Нямачй атыркан эткан илдян, илегал тэгэл эмэһэл соруйдяра.

3 Гукэлэкэй, гукэлāкэй! — Гукэлāкэл, гукэлāкэл!
4 Гукэлэкэй, гундерэ!
5 Аядыгдая борйкэл! — Дэгйңилдуккй гэлэдерэн, аят эвйдэвй.

6 Эмэкэллу, гундерэ! — Эмэкэллу, гундерэ!
7 Уйдōколлу гундерэ! — Дэгйңилин сундӯ гундерэ.
— Уйдōколлу гундерэ!
8 О, Муломкōн!
9 Эйянэн, гуннэ!
10 Аядыгдая! — Аядыгдая!
11 Аядыян гэланэл тэгэрэн.
12 Эрэй, эрэй!
13 Ко-ко-ко!
14 Эрэй! Эрэй!
15 Дэгиткачар, энэл
16 Ургэмнырэ, сōягадин
17 Бэлэкэллу! — Бэрэл! Бэрэл!
18 Тавар, тавар элэкин! — Тавар, тавар элэкин!
19 Тэгэнэēт бэлэктын!
20 Гукэлāкэл гуканмэ! — Гукэлāкэл гуканмэ!
21 Гукэлāкэл гуканмэ!
22 Лоңсōломол сунычар,
23 Горол бугалдуки — Горол бугалдуки
24 Эмэчэл илеган тэгэл. — Эмэчэл илеган тэгэл.

103 Для жизни людей
104 Добром благословите!*
105 *Кук*! Закончил*.
106 Водицы, огнём очищенной*...

144. *ДЯРИЧИН*-ИГРА

— Намерения людей посмотрим*! Печь внесите, разожгите*.
— Вздохнув, скажи!* *Саламу** сделайте из белой нитки.
— Кровь найдите. Или мясо в воде подержите, обмывки чтобы были*. Можжевельник зажгите*!

1 *Ээй!* Присутствующие* сородичи, не волнуйтесь!*
2 Столетняя старушка сейчас встанет на ноги*, здесь присутствующие, сидящие, прибывшие просят*.
3 Говори же, говори же!* — Говори же, говори же!
4 Говори же, скажи!
5 Лучшего подари! — У птиц своих просит, чтобы ей было хорошо играть*.
6 Приходите, говорят!* — Приходите, говорят!
7 Поймите, говорят! — Птицы её вам говорят*.
— Поймите, говорят!
8 О, Мулёмкон!*
9 Пусть духи её говорят!
10 Лучшего!* — Лучшего!
11 Лучшего просим, сидя!
12 *Эрэй, эрэй!**
13 *Ко-ко-ко!**
14 *Эрэй! Эрэй!*
15 Птички мои,
16 Не тяготясь, очень сильно
17 Помогайте!* — Успокойся!* Успокойся!
18 Это, это верно! — Это, это верно!
19 Усевшиеся [здесь на камлании] помогут пусть!*
20 Говори же маленькую речь! — Говори же маленькую речь!
21 Говори же маленькую речь!
22 Носатенькие девочки,
23 Из далёких земель — Из далёких земель
24 Приехали человеческие сородичи*. — Приехали человеческие сородичи.

25 Эвэлавэр ирэмэ̄чэ̄л. — Эвэлэ̄вэр ирэмэ̄чэ̄л.

26 Аядыян алганал! — Аядыян алганал!
27 Арчаланал борыктын,
28 Олгомныя борыктын!
29 Тавар, тавар элэкин! — Тавар, тавар элэкин!
— Тэвэрэкин тыкен гундерэн.
30 Энинэй – бэюнэй! — Энинэй – бэюнэй!
31 Аядыян улгуркэл, — Аядыян улгуркэл,
32 Эвэ омин тар Энинэй – бэюнэй.

33 Омилак биһинны,
34 Гукэлэкэл, гукэл-дэ, — Гукэлэкэл, гукэл-дэ,
35 һургамныя борынгнатын!
36 Аядыгдая! — Аядыгдая!
37 Алгачувкал, гукэл-да! — Алгачувкал, гукэл-дэ!
38 Тавар, тавар элэкин! — Тавар, тавар элэкин!
39 Алгаһалба алгакал!
40 Кэлэй-кэлэй, кэлэдуй!
41 Энэлнэлӣ амалла! — Энэлнэлӣ амалла!
42 Улгучакэл, гундерэ, — Улгучакэл, гундерэ,

43 Аядыя гукэл. — Аядыя гукэл.
44 Энэл, энэл буглэрэ, нгэнэдекэллу!
45 Оскуйкаллу! - гундерэ. — Оскуйкаллу! — гундерэ.
46 Ко-ко-ко!
47 Мӯһӯрэнни мӯканэ
48 Чургивкая борыкаллу!
49 Тавар, тавар элэкин! — Тавар, тавар элэкин!
50 Алгаченал, онал-гу? — Алгаченал, онал-гу?
51 Аядыгдая гэлакэл — Аядыгдая гэлакэл
52 Ирэмадерӣл тускулде. — Ирэмадерӣл тускулде.
53 Тускулакэл алгарӣ, — Тускулакэл алгарӣ.
54 Синнгӣ ирэмаделли.
55 Алгачӯдякаллу!
56 Тэгэтчэрӣ, тутукэл!
57 Барканаткан бунивэр,
58 Чораланман эмӯкэллу!
59 Аядыгдая гукэллу! — Аядыгдая гукэллу!

25	К бабушке своей в гости приехали.	— К бабушке своей в гости приехали.
26	Лучше всего благословите!	— Лучше всего благословите!
27	Идя навстречу, пусть подарит,	
28	Сухость пусть подарит!*	
29	Это, это верно!*	— Это, это верно! — На добро упала*, говорят.
30	Великая мать — Великая олениха!*	— Великая мать — Великая олениха!
31	Доброе поведай,	— Доброе поведай,
32		Бабушкина душа-*оми* — та Великая мать — Великая олениха*.
33	Ты, мою душу-*оми* хранящая,	
34	Говори же, скажи-ка,	— Говори же, скажи-ка,
35	Одарят, подарят пусть они!*	
36	Лучшего!	— Лучшего!
37	Благословляй, скажи-ка!	— Благословляй, скажи-ка!
38	Это, это верно!	— Это, это верно!
39	Благословением благослови!	
40	*Кэлэй-кэлэй, кэлэдуй!**	
41	Не вздумайте захотеть спать!*	— Не вздумайте захотеть спать!
42	Поведай, говорят [духи-помощники],	— Поведай, говорят [духи-помощники],
43	Доброе скажи.	— Доброе скажи.
44	Нет, не болея, идите*!	
45	Успокойтесь! — говорят [ей духи]	— Успокойтесь! — говорят [ей духи].
46	*Ко-ко-ко!* *	
47	Водицу, имеющую силу*,	
48	Капающего подарите!*	
49	Это, это верно!	— Это, это верно!
50	Благословили, что ли?	— Благословили, что ли?
51	Лучшего проси	— Лучшего проси
52	Гостящим всем.	— Гостящим всем.
53	Всех благослови,	— Всех благослови.
54	Твои гости.	
55	Благословляйте!*	
56	Сидящая, тутукай!*	
57	Медвежонка из нашего мира Буни,	
58	Колокольчик имеющего, принесите!*	
59	Только лучшее говорите!	— Только лучшее говорите!

60 Тавар, тавар элэкин! — Тавар, тавар элэкин!
61 Эвэнкилдула эмэчэл биһинну! — Эвэнкилдула эмэчэл биһинну!
62 Гунденэлвэтын тылденэлле!
63 Элэксӣйнэл, урāнэл! — Элэксӣйнэл, урāнэл!
64 Энӣнэй-вэл, нгэнэвкэл!
65 Колодовор Кулумтан!
66 Колонōлбор колкуйнал!
67 Колодогин Кулумтан!
68 Ая һунӹкар эмэчэл,
69 Камнаһитын* кэтэлчэл! — Камнаһитын кэтэлчэл!
70 Аямамат һулгакаллу, — Аямамат һулгакаллу,
71 Тэгэлэ̄һэр ōксакил. — Тэгэлэ̄һэр ōксакил.
72 Аядӹян һулгакал! — Аядӹян һулгакал!
73 Тавар, тавар элэкин! — Тавар, тавар, элэкин!
74 Колодомо Кулумтан!
75 Колбовкаян ачинди, — Колбовкаян ачинди
76 Эткптыдэ тымничар! — Эткаптыдэ тымничар!
77 Ко-ко-ко!
78 Тавар, тавар эһилэ! — Тавар, тавар эһилэ!
79 Идарӣһӣ мӯкан бӯкэл, — Идарӣһӣ мӯкан бӯкэл,
80 Унтувунмэр ивӣнал! — Унтувунмэр ивӣнал!
81 Саламалбар салайнал! — Саламалбар салайнал!
82 Тавар, тавар элекин! — Тавар, тавар элекин!
83 Иктэмкакэл, хутэ̄ӣй!
84 Тавар, тавар элекин! — Тавар, тавар элекин!
85 Идарē мӯканэ, — Идарē мӯканэ
86 Горол бугалдук эмӯнэтын, — Горол бугалдук эмӯнэтын
87 Саламалвӣ имӯдем! — Саламалвӣ имӯдем!
88 Салайкаллу! — гундерэ. — Салайкаллу! — гундерэ.
89 Муһӯрэнни гундерэн. — Муһӯрэнни гундерэн.
90 Сэлэмэ Сēлунай, — Сэлэмэ Сēлунай,
91 Умнамэ туранэ! — Умнамэ туранэ!
92 Илан һунаӣ-лē — Илан һунаӣ-лē
93 Эмэнэдутэн-э, — Эмэнэдутэнэ,
94 Саламалби салайдяна, — Саламалби салайдяна,
95 Аядӹгда малӯдӯ
96 Гукэлакэл!
97 Аядӹгдая гукэллу! — Аядӹгдая гукэллу!
98 Гороē бугаӣл! — Гороē бугаӣл!

60 Это, это верно! — Это, это верно!*
61 К эвенкам приехали вы!* — К эвенкам приехали вы!
62 То, что говорят они [духи], поймите!*
63 Соглашайтесь, мимо пронесите!* — Соглашайтесь, мимо пронесите!
64 Великая мать моя, ну веди!
65 Округлый Кулумтан!*
66 Выполни, о чём просим!*
67 Округлый Кулумтан!*
68 Хорошие девушки приехали,
69 Зарплата у них стала больше! — Зарплата у них стала больше!
70 Хорошенько жертвуйте, — Хорошенько жертвуйте,
71 Усевшиеся [здесь]*. — Усевшиеся [здесь].
72 Лучшее жертвуйте! — Лучшее жертвуйте!
73 Это, это верно! — Это, это верно!
74 Округлый Кулумтан!*
75 Без переживаний, — Без переживаний,
76 [Все] находящиеся тут люди*! — [Все] находящиеся тут люди!
77 *Ко-ко-ко!*
78 Это, это теперь! — Это, это теперь!
79 Горькой водицы дай*, — Горькой водицы дай,
80 Бубен наш окропить!* — Бубен наш окропить!
81 *Саламы* наши благословите!* — *Саламы* наши благословите!
82 Это, это верно! — Это, это верно!
83 Постучи-ка, дитя!*
84 Это, это верно! — Это, это верно!
85 Горькой водицей, — Горькой водицей,
86 Из далеких земель привезённой, — Из далеких земель привезённой,
87 *Саламы* свои мажу!* — *Саламы* свои мажу!
88 [*Саламу*] направляйте! * — говорит. — [*Саламу*] направляйте! — говорит.
89 Священная сила у неё, говорят*. — Священная сила у неё, говорят.
90 Железный Селунай*, — Железный Селунай,
91 Один раз сказав!* — Один раз сказав!
92 Трёх девиц-то — Трёх девиц-то
93 По случаю приезда, — По случаю приезда,
94 *Саламы* направляя, — *Саламы* направляя,
95 Только лучшего для моего почётного места [чума]
96 Пожелай!*
97 Лучшего желайте! — Лучшего желайте!
98 Далёкие небеса! — Далёкие небеса!

99 Колодов Кулумтан! — Колодов Кулумтан!
100 Болговкоӗ ачинди, — Болговкоӗ ачинди.
101 Илегаял тэгэя̄hэё!
102 Тэгэлэр о̄я̄чинди,
103 Гунэнми гукэл.
104 Суракилваhун тэдэвдяв,
105 Элэр бэел, hуны̄чарты!
106 Гулэлэ̄кэл! — Бӯкэл, бӯкэл, эвэ! Эчӣнны бӯрэ!
— Дявакал, дявӯчакал!
107 Эрэй, эрэй, эрэй!
108 Инеммёкан бидатын!
109 Туксаммёкан бидатын,
110 Элӣ-да бугала — Элӣ-да бугала
111 Эмэнэ̄тын туспат о̄кал! — Эмэнэ̄тын туспат о̄кал!
112 Аядыян алгакал! — Аядыян алгакал!
113 Тавар, тавар элэкин! — Тавар, тавар элэкин!
114 Булая̄кив, накивкал! — Булая̄кив, накивкал!
115 Муткэчӣн hутэчёр, — Муткэчӣн hутэчёр,
116 Дэгивкаткачӣнэ! — Дэгивкаткачӣнэ!
117 Алга̄ватын толоколлу! — Алга̄ватын толоколлу!
118 Конто̄рала* нгэнэмӣл — — Конто̄рала нгэнэмӣл —
119 hӣмакӯнди нгэнэдатын! — hӣмакӯнди нгэнэдатын!
120 Аядыя hавалнал, — Аядыя hавалнал,
121 Гунчэдетын — Гунчэдетын
122 Курбэлтӣнэв бабуска* — Курбэлтӣнэв бабуска
123 Гуннэлван-э̄. — Гуннэлван-э̄.
124 Тэдемэ-дэ̄ аядыя! — Тэдемэ-дэ̄ аядыя!
— Тэвэча!
125 Гукэлэ̄кэй! — Гукэлэ̄кэй!
126 Бугаллун-да горокӯр! — Бугаллун-да горокӯр!
127 Адаллун-да таду-да — Адаллун-да таду-да
128 Алачилдингатын. — Алачилдингатын.
129 Элэкин-нгу эчэ̄-гу?
130 Гунэ̄нми гукэл!
131 Эрэй, эрэй!
132 Екуна-да-нганэ-да, — Екуна-да-нганэ-да,
133 Илан егин инмэе — Илан егин инмэе
134 Инмэксэ̄кил силёмчэллун.
135 Киптыкарты элӣ-кэ! — Киптыканмӣ элӣ-кэ!

99 Округлый Кулумтан!* — Округлый Кулумтан!
100 Не печалясь, — Не печалясь.
101 Присутствующие [на камлании]!
102 Роднёй будучи,
103 Что сказать хочешь — скажи.
104 Судьбу вашу проверю
105 Здесь [сидящие] люди, девушки наши*!
106 Предсказывай!* — Дай, дай бабушка! Не дала ещё!*
— Бери [руками], держи!*
107 *Эрэй, эрэй, эрэй!**
108 Смеющимися всегда пусть будут!
109 Бегающими быстро всегда пусть будут!
110 Сюда-то, на [эту] землю — Сюда-то, на [эту] землю
111 Приехавшей каждой предскажи! — Приехавшей каждой предскажи!
112 Лучшим благослови! — Лучшим благослови!
113 Это, это верно! — Это, это верно!
114 *Булаяк* мой, попади!* — *Булаяк* мой, попади!
115 У нас тоже дети, как и у них, — У нас тоже дети, как и у них,
116 Прилетевших, как птицы!* — Прилетевших, как птицы!
117 Благословение их исполните!* — Благословение их исполните!
118 В контору поедут* — — В контору поедут —
119 Чтобы быстро ехали! — Чтобы быстро ехали!
120 Чтобы хорошо работали, — Чтобы хорошо работали,
121 Помнили чтобы* — Помнили чтобы
122 Кульбертиновой бабушкой — Кульбертиновой бабушкой
123 Сказанное. — Сказанное.
124 И вправду хорошо!* — И вправду хорошо!
— Поймала!*
125 Говори же! — Говори же!
126 Земли-то ваши далеки!* — Земли-то ваши далеки!
127 И мужья ваши там же — И мужья ваши там же
128 Заждутся. — Заждутся.
129 Верно или нет?*
130 Желание скажи!*
131 *Эрэй, эрэй!*
132 То ли, это ли*, — То ли, это ли,
133 В трижды девять иголок* — Трижды девять иголок
134 Продернув [нить], свяжем*.
135 И ножницы вон там! — И ножницы вон там!

136 Нёвардӣвар* иктэнэл! — Нёвардӣвар иктэнэл!
137 Илеган тэгэ биденэ̄hун — Илеган тэгэ биденэ̄hун.
138 О̄н-ка гунчэдерэс?
139 Тавар, тавар элэкин! — Тавар, тавар элэкин!
140 Инмэе эмӯмчэкэллу! — Эткан инмэе дыдя̄тын!
141 Городук бугалдук — Городук бугалдук
142 Сэмэло̄тылдӣ* эмэнэл — — Сэмэло̄тылдӣ эмэнэл —
143 Дёндя̄hун су тара! — Дёндя̄hун су тара!
144 Тавар, тавар элэкин! — Тавар, тавар элэкин!
145 Араннӯкан аракӯкан — Араннӯкан аракӯкан
146 Маннӣв киптыв бидерэн! — Маннӣв киптыв бидерэн!
147 Энэмэкил сучавра! — Энэмэкил сучавра!
— Накивран, накивран!
148 Эрилэ̄н! — Эрилэ̄н!
149 Гукэлэкэй гукэллу! — Гукэлэкэй гукэллу!
150 Булая̄кив накивран до? — Накивран, накивран!
151 Элэккэ̄кин, — гукэллу.
152 Эрэй, эрэй! — Эрэй, эрэй!
153 Аракӯн, аракӯн — Аракӯн, аракӯн
154 Алгачивкаллу. — Алгачивкаллу.
155 Дю̄я̄дӯвар дёндатын, — Дю̄я̄дӯвар дёндатын,
156 Алгачӯдякал! — Алгачӯдякал!
157 Тавар, тавар элэкин! — Тавар, тавар элэкин!
158 Гукэлакэй! — Гукэлакэй!
159 Бугалдӯвар дёндавар! — Бугалдӯвар дёндавар!
160 Hутэлдуви гунэнмэ гукэл.
161 Аракӯкан алгадянал, — Аракӯкан алгадянал,
162 Гулувундӯ унгкукуллу! — Гулувундӯ унгкукуллу!
163 Гукэлакэй, гукэлай! — Гукэлакэй гукэлай!
164 Эмэчэл суныя̄л! — Эмэчэл суныя̄л!
165 Аядыя алга̄чӯдякаллу! — Аядыя алга̄чӯдякаллу!
166 Урӯмкэе* борӣчӯдякаллу! — Дявакал нгалатпи.
167 Гукэла̄кан-да! — Гукэла̄кан-да!
168 Горол буалдук — Горол бугалдук.
169 Эмэчэлбэ дорово!*
170 Октолмакту* пасӣва!*
171 Унтувъя̄лби,
172 Барка̄наткан-бэёткан*,
173 Энэмэил олгомно̄ро!

136 От всего сердца бейте [в бубен]! — От всего сердца бейте [в бубен]!
137 Ведь вы люди, — Ведь вы люди.
138 Как вы думаете?
139 Это, это верно! — Это, это верно!
140 Иглы несите быстро! — Сейчас в иголки вденут [нитки]!
141 Из далёких земель — Из далёких земель
142 На самолёте прилетевшие, — На самолёте прилетевшие,
143 Будете вы помнить это! — Будете вы помнить это!
144 Это, это верно! — Это, это верно!
145 Чуточку, потихонечку*, — Чуточку, потихонечку,
146 И ножнички наши вот тут!* — И ножнички наши вот тут!
147 Не упустите!* — Не упустите!
— Попала, попала!*
148 Зову! — Зову!
149 Говоря, предсказывайте! — Говоря, предсказывайте!
150 *Булаяк* мой попал, что ли? — Попал, попал!
151 Это хорошо, — скажите.
152 *Эрэй, эрэй!* — *Эрэй, эрэй!*
153 Потихоньку, потихоньку, — Потихоньку, потихоньку,
154 Будьте благословенны! — Будьте благословенны!
155 Дома у себя чтобы вспоминали, — Дома у себя чтобы вспоминали,
156 Благословляй!* — Благословляй!
157 Это, это верно! — Это, это верно!
158 Предскажи!* — Предскажи!
159 На земле своей вспоминайте! — На земле своей вспоминайте!
160 Детям своим речь скажи*.
161 Потихоньку благословляя, — Потихоньку благословляя,
162 В домашний огонь налейте!* — В домашний огонь налейте!
163 Говори, говори!* — Говори, говори!
164 Приехавшие девушки! — Приехавшие девушки!
165 Лучшим благословляйте! — Лучшим благословляйте!
166 Рюмочку* подарите! — Держи рукой*.
167 Скажи-да!* — Скажи-да!
168 Из далёких земель — Из далёких земель.
169 Приехавшим здравствуйте!*
170 В путь собирающимся спасибо!*
171 Бубен и всё прочее,
172 Барканаткан-зверь,
173 Не высыхайте!*

174 Һутэ̄ӗй, дявакаллу
175 Урӯмкэвэй эһӣлэ.
176 Гукэлэй эсӣлэ! — Гукэлэкэ̄й эсӣлэ!
177 Этэрэксун эсӣлэй —
178 Эя̄һэлбэ каравдавар.
179 Гукэлэ̄кэй гукэлэ̄й,
180 Эяка̄кӣ нҥэнэһиндя̄т,
181 Бэлэлгэе о̄каллу!
182 Колкока̄чил дэгил
183 Кукты̄нҥилбам чонҥкилчал!
184 Тугугэчин дэгия̄л,
185 Тутунилбэв чонҥкилчал!
186 Сигӯнилбӣ давдынчал...
187 Инҥакталбар ча̄гӯрнал,
188 Гунэнмӣ гукэл!
189 Эрэ̄н, эрэ̄н, эрэнэ̄н!
190 Гукэлэкэй, гукэллу!
191 Эрэй, эрэй, эрэй!
192 Тавадӯ чо̄ранмав
193 Бэлэктэ̄нэвэнтын эмӯкэллу. — Эмурэс-кӯ?
194 Эриҥдӯ тулэдя̄т,
195 Оронду энэл тулэрэ.
196 Гукэлэкай гукэлэ̄й!
197 Горол, горол бугалдук — Горол, горол бугалдук.
198 Эмэнэн-дэ̄ сунадив*,
199 Унҥтувундӯв тывканда̄вэр,
200 Эӗһэлдук до̄лчатчиҥав,
201 Инэнӣлде бумулмӣл,
202 «Эвэлэ̄йкун!» — гунчэнҥнэкэл.
203 Аяды̄ян алганал — Аяды̄ян алганал
204 Алганал-ду алганал! — Алганал-ду алганал!

205 Тэ̄гэлтэнэ дэгилдя̄тын — — Тэ̄гэлтэнэ дэгилдя̄тын —
206 Гукэгэл-дэ гукэллу, — Гукэгэл-дэ гукэллу!
207 Бэлэннэ̄рэс-ку?
208 Элэксӣйрэс-кӯ-нҥӯ,
209 Эчэллун-нҥу? — Нонон ӗкунма?
210 Ноноӗ инмэлвэ. — Ноноӗ инмэлвэ.
211 Эртыкӣ о̄ракив — — Эртыкӣ о̄ракив —

174	Дети, держите, возьмите вы	
175	Рюмку теперь.*	
176	Говори теперь!*	— Говори теперь!
177	Хотите закончить сейчас —	
178	Духов постерегите*.	
179	Говори, говори же,	
180	Вниз по реке отправимся*,	
181	Нужное сделайте!*	
182	Чужие птицы	
183	Кукушек моих клевать стали!	
184	Тучей стаи птиц	
185	Кукушек моих заклёвывают!*	
186	Солнышки мои побеждены*...	
187	Пёрышки свои взъерошив,	
188	Речь скажи!*	
189	*Эрэн, эрэн, эрэнэн!**	
190	Говорите же, говорите!*	
191	*Эрэй, эрэй, эрэй!**	
192	Там колокольчик мой,	
193	Приготовленный ими, принесите.	— Принесли?
194	На это вот подвесили,	
195	На оленя не подвешивайте*.	
196	Говори же, говори!	
197	Из далёких, далёких земель,	— Из далёких, далёких земель.
198	Приехавшая-то, девушка моя,	
190	К бубну моему прикрепите,	
200	Звон колокольчика услышу,	
201	В дни, когда заболеете,	
202	«Большая бабушка!» — подумай*.	
203	Лучшим благослови*,	— Лучшим благослови,
204	Благословляйте-ка, благословляйте!	— Благословляйте-ка, благословляйте!
205	Утром они полетят* —	— Утром они полетят —
206	Речи свои скажите*,	— Речи свои скажите.
207	Приготовили ли?	
208	Соглашаетесь ли,	
209	Нет ли?*	— Сначала что?
210	Вначале иголки*.	— Вначале иголки.
211	Вот так сделаю —	— Вот так сделаю —

212 Энэмэмэл чучавра!
213 Эрӯканде hокоргодиӈӧтын.
214 Аяктӹмӣ ая бидиӈэн,

215 Инмэлвэ некэдекӗн —
216 Киптӹкарва бӯдэвэр.
217 Гэлэллэкив — энэл бӯрэ!
218 Эрӣлӧй, эрӣлӧй, эрӣлӧй!
219 Унӹлдев аяя алгакал!
220 Аядӹян гукэллу!
221 Дялаhалби, эвӣкэллу!
222 Аракӯн, аракӯн!
223 Эрӣлӧй, эрӣлӧй, эрӣлӧй!
224 Аракӯн, аракӯн!
225 Ко-ко-ко!
226 Ӗкун, ёкун эмэдерэн?
227 Коӈнӧломо суныткан?
228 Ирэмӑчал, гундерэ.
229 Hунӹлба алгӑкал!
230 Саламава салайкаллу!
231 Аядӹгдая!
232 Саламайди салайнал,
233 Бугалдулӣвар ӈэнэвкэл!
234 Иннемӗкан иликтын!
235 Туксаммӗкан ӈэнэктын!
236 Иннемӗкан бидектын!
237 Аядӹгдая
238 Алгӑчӯкатчакаллу!
239 Саламавар салайкаллу!
240 Энэмэкил давдывра!
241 Тавар, тавар элэкин!
242 Ӗран, ёран, ёран,
243 Ӗран, ёран hаннӯкаллу?
244 Ӗран, ёран тыкэ бивкӣ?
245 Тыкэ-да бичэлӣн — аядӹя!

246 Эрэн, эрэн, элэкин!
247 Аяматэ бидес-кӣе.

— Энэмэмэл чучавра!
— Эрӯканде hокоргодиӈӧтын.
— Аяктӹмӣ ая бидиӈэн.

— Инмэлвэ некэдекӗн —
— Киптӹкарва бӯдэвэр.
— Гэлэллэкив энэл бӯрэ!

— Аядӹян гукэллу!
— Дялаhалби, эвӣкэллу!
— Аракӯн, аракӯн!

— Ӗкун, ёкун эмэдерэн?

— Саламава салайкаллу!
— Аядӹгдая!
— Саламайди салайнал,
— Бугалдулӣвар ӈэнэвкэл!
— Иннемӗкан иликтын!
— Туксаммӗкан ӈэнэктын!
— Иннемӗкан бидектын!
— Аядӹгдая
— Алгӑчӯкатчакаллу!
— Саламавар салайкаллу!
— Энэмэкил давдывра!
— Тавар, тавар элэкин!
— Ӗран, ёран, ёран,
— Ӗран, ёран hаннӯкаллу?
— Ӗран, ёран тыкэ бивкӣ?
— Тыкэ-да бичэлӣн — аядӹя!
— Тэвэрэн!
— Эрэн, эрэн, элэкин!
— Аяматэ бидес-кӣе.
— Ая!

212	Не упустите!*	— Не упустите!
213	На худо они сломаются,	— На худо они сломаются,
214	Добро предсказывая,	— Добро предсказывая,
	целыми будут.	целыми будут.
215	С иголками закончу —	— С иголками закончу —
216	Ножнички дадите*.	— Ножнички дадите.
217	Просить буду — не давайте!*	— Просить буду — не давайте!
218	Зову, зову, зову!	
219	Девушек моих добром благослови*.	
220	Добра желайте!*	— Добра желайте!
221	Суставы мои, заиграйте!*	— Суставы мои, заиграйте!
222	Потише, потише!*	— Потише, потише!
223	Зову, зову, зову!	
224	Потихоньку, потихоньку!	
225	*Ко-ко-ко!**	
226	Кто, кто это идёт?	— Кто, кто это идёт?
227	Чернявенькая девушка?	
228	В гости приехали, говорят*.	
229	Девушек благослови!*	
230	Дарите *саламу*!	— Дарите *саламу*!
231	Лучшего!	— Лучшего!
232	Благословляя *саламой*,	— Благословляя *саламой*,
233	По своим землям веди!*	— По своим землям веди!
234	Смеясь, встанут пусть!	— Смеясь, встанут пусть!
235	Смеясь, ходят пусть!	— Смеясь, ходят пусть!
236	Быстро бегая, живут пусть!*	— Быстро бегая, живут пусть!
237	Лучшего	— Лучшего
238	Заклинанием испрашивайте!	— Заклинанием испрашивайте!
239	*Саламу* свою благословляйте!	— *Саламу* свою благословляйте!
240	Не поддавайтесь!*	— Не поддавайтесь!
241	Это, это верно!	— Это, это верно!
242	Что, что, что*,	— Что, что, что,
243	Что, что, спросите?	— Что, что, спросите?
244	Что, что такое?	— Что, что такое?
245	Если и так — лучшего!*	— Если и так — лучшего!
		— На добро упала!*
246	*Эрен, эрен*, довольно!	— *Эрен, эрен*, довольно!
247	Очень хорошо жить будете вроде!	— Очень хорошо жить будете вроде!
		— Хорошо!

248 Ӈутэллун, эдаллун аят бидерэ. — Ӈутэллун, эдаллун аят бидерэ.

249 Ӈутэкар, ӈавакардӯвар — Ӈутэкар, ӈавакардӯвар
250 Дя̄лдӯвар гундэ̄вэр, — Дя̄лдӯвар гундэ̄вэр,
251 Дя̄лдӯвар гунчэдавэр: — Дя̄лдӯвар гунчэдавэр:
252 Курбелтӣнэв бабуска — Курбелтӣнэв бабуска
253 Алга̄ча гунчэдавэр! — Алга̄ча гунчэдавэр!
254 Элэксӣйрэс-ку, эчэллун-ӈу? — Элэксӣйрэс-ку, эчэллун-ӈу?
— Элэксӣйрэв!
255 Эмэнэдеӈун алга̄чиндям. — Эмэнэдеӈун алга̄чиндям.

256 Дэрувсē, ēкун-да биӈин-да. — Дэрувсē, ēкун-да биӈин-да.
257 Бутуннӯ бэлэттэ, аядӹя. — Бутуннӯ бэлэттэ аядӹя.
258 Ӈутэв ӈутэлин бэлэтчэрэ, — Ӈутэв ӈутэлин бэлэтчэрэ,
259 Акныя̄лби, сва̄тылби*, — Акныя̄лби, сва̄тылби,
260 Чокчо̄нытчанал бэлэтчэрэ. — Чокчо̄нытчанал бэлэтчэрэ.
261 Гукэлэ̄кэй гукэ̄лэй! — Гукэлэ̄кэй гукэ̄лэй!
262 Туксаммēкан ӈгэнэденэл! — Туксаммēкан ӈгэнэденэл!
— Тэвэрэн!
263 Элэй элэкин, элеккакин. — Элэй элэкин, элеккакин
264 Эдуккē Курбелтӯнэвилбэ! — Эдуккē Курбелтӯнэвилбэ!
265 Семēнавилби кутэ̄тылби — — Семēнавилби кутэ̄тылби.
266 Тадукке ичэдингэ̄в.
267 Нодамнакаллу аядӹя. — Нодамнакаллу аядӹя.
268 Тадӯ-ке йртыкӣ биӈиллун? — Тадӯ-ке йртыкӣ биӈиллун?
269 Гукэлэ̄кэй гукэ̄л-дэ! — Гукэлэ̄кэй гукэ̄л-дэ!
270 Инэӈйдук куктӹкал, — Инэӈйдук куктӹкал,
271 Эмэдēтын гукэллу, — Эмэдēтын гукэллу,

272 Ӈутэлбӣ аядӹян! — Ӈутэлбӣ аядӹян!
273 Алга̄чӯдякал-нанэ̄! — Алга̄чӯдякал-нанэ̄!
274 Кӯк! — Тэвэрэн!
275 Гукэлэ̄кэй гукэ̄л-дэ! — Гукэлэ̄кэй гукэ̄л-дэ!
276 Элэксӣйрэ гукэл-дэ? — Элэксӣйрэ гукэл-дэ?
— Элэксӣйрэв!
277 Эӈиткандэла̄, — Эӈиткандэлэ̄,
278 Тымӣндала̄-каре — Тымӣндала̄-каре
279 Абдӯлвар гадавар. — Абдӯлвар гадавар.
280 Тар-да бича̄лин, аядӹя! — Тар-да бича̄лин, аядӹя!

248 Дети ваши, мужья ваши хорошо живут.	— Дети ваши, мужья ваши хорошо живут.
249 Детки, на работе вашей	— Детки, на работе вашей
250 Думайте, скажите,	— Думайте, скажите,
251 Думайте, скажите:	— Думайте, скажите:
252 Курбельтинова бабушка	— Курбельтинова бабушка
253 Благословляла, скажите!*	— Благословляла, скажите!
254 Согласны или нет?	— Согласны или нет?
	— Согласны!
255 По случаю вашего приезда благословляю.	— По случаю вашего приезда благословляю.
256 Устала я, что-то такое есть.	— Устала я, что-то такое есть.
257 Все помогали, хорошо.	— Все помогали, хорошо.
258 Дети ребёнка моего помогают,	— Дети ребёнка моего помогают,
259 Братья старшие, мои сваты,	— Братья старшие, мои сваты,
260 На корточки присев, помогают*.	— На корточки присев, помогают.
261 Сказанное, исполнись!*	— Сказанное, исполнись!
262 Бегом едут пусть!	— Бегом едут пусть!
	— На добро упала!
263 Вот достаточно, хорошо.	— Вот достаточно, хорошо.
264 Теперь на Курбельтиновых!*	— Теперь на Курбельтиновых!
265 На Семёновых, моих зятьев,	— На Семёновых, моих зятьев.
266 Немного позже посмотрю.	
267 Брошу-ка на добро.	— Брошу-ка на добро.
268 Где вы там?*	— Где вы там?
269 Говорите, говорите!	— Говорите, говорите!
270 Изо дня в день кукуй,	— Изо дня в день кукуй,
271 И всегда приходить будут, скажите.	— И всегда приходить будут, скажите,
272 Детям на добро!	— Детям на добро!
273 Благослови!	— Благослови!
274 *Кук!**	— Попала!
275 Сказанное, исполнись!	— Сказанное, исполнись!
276 Довольны ли вы?	— Довольны ли вы?
	— Довольны!
277 Немного позже	— Немного позже
278 До завтра	— До завтра
279 Скот свой возьмёте*.	— Скот свой возьмёте.
280 Если и так — лучшего!	— Если и так — лучшего!

281 Улгавкӣя ачинди — Улгавкӣя ачинди
282 Айӣhӣт абдӯвар — Айӣhӣт абдӯвар
283 Айӣhӣт алгӑдян тымӣдалӑкӑн. — Айӣhӣт алгадян тымӣдалӑкӑн.
284 Аямат саламая уйнэл, — Аямат саламая уйнэл,
285 Амамат hулгадӑвар. — Амамат hулгадӑвар.

286 Кӯк! — Тэвэрэн!
287 Гукэлӗкэй гукэл-дӗ!
288 Булӑякив накивкал! — Булӑякив накивкал!
289 Накивдяран, — гундерэн. — Накивдяран, — гундерэн.
290 Гукэлэт гукэл!
291 Тавар, тавар инмэлвэ — Тавар, тавар инмэлвэ
292 Саламаду уйдӑвэр — Саламаду уйдӑвэр
293 Киптывар-нюн экэллу. — Киптывар-нюн экэллу.

294 Сahэракэллу! — Тавар чӑскидӯ*.
295 Эдӑтын олгомноро! — Эдӑтын олгомноро!
296 Сahэялди сahэланэл. — Сahэялди сahэланэл.
297 Гукэлакэй гукэл! — Гукэлакэй гукэл!
298 Сигӯн-энӣ одерэкин — — Сигӯн-энӣ одерэкин —
299 Саламавар уйнӑдӑвэр. — Саламавар уйнӑдӑвэр.
300 Йлӣ сигӯн ӧвки-да — Йлӣ сигӯн ӧвки-да
301 Тадӯ-нгэн hэркэдавэр. — Тадӯ-нгэн hэркэдавэр.
302 Аямамат hэркэдавэр, — Аямамат hэркэдавэр,
303 Эдатын пэhиргэрэ. — Эдатын пэhиргэрэ.
304 Пэhӣрэктын — эрӯ бивкӣ. — Пэhӣрэктын — эрӯ бивкӣ.
305 Эдыннэкин салгивкӣ. — Эдыннэкин салгивкӣ.
306 Тар-да бичалӣн, аядыя! — Тар-да бичалӣн, аядыя!
307 Тӧраптыки ēhачил — Тӧраптыки ēhачил
308 Дивэладиңэтын.
309 Таргачӣрва ичэттавэр — — Таргачӣрва ичэттавэр —
310 Орор hурувукӣл. — Орор hурувукӣл.
311 Букачарду аядыя! — Букачарду аядыя!
312 Гукэлакэй гукэл-да! — Гукэлакэй гукэл-да!
313 Гунэнми гукэл! — Гунэнми гукэл!
314 Горол бугалдук эмэчалвэ — Горол бугалдук эмэчалвэ

315 Аядыя гукэл-да! — Аядыя гукэл-да!
316 Тавар, тавар элэкин. — Тавар, тавар элэкин.

281 Даже без приношения*
282 Животное Айихит*
283 Айихит благословит до завтра.
284 Хорошенько *саламу* привяжите
285 Хорошенько совершите приношение!
286 *Кук!**
287 Говори, говори же!
288 *Булаяк* мой, попади!
289 Попадает, — говорит*.
290 Говори, говори!*
291 Эти, эти иголки
292 На *саламу* привяжите.
293 Ножницы только не привязывайте
294 Кровью помажьте [ножницы]!
295 Чтобы не пересыхало!*
296 Кровью покровите.
297 Говоря, говори!
298 Солнце-мать вставать будет —
299 *Саламу* свою привязывать идите.
300 Где солнце выходит,
301 Там вот привяжите.
302 Хорошенько привяжите,
303 Чтобы не порвались.
304 Порвутся — плохо.
305 Ветер подует — рвётся.
306 Если и так — лучшего!
307 Выпуклые глаза имеющие*
308 Навредят.
309 Такое предусмотрите —
310 Олени [*саламу*] уносят*.
311 Букачарам лучшего!*
312 Говоря, говори же!
313 Речь свою скажи!
314 Для прибывших из далёких земель
315 Лучшего наговори же!*
316 Это, это верно*.

— Даже без приношения
— Животное Айихит
— Айихит благословит до завтра.
— Хорошенько *саламу* привяжите,
— Хорошенько совершите приношение!
— На добро упала!*

— *Булаяк* мой, попади!
— Попадает, — говорит.

— Эти, эти иголки
— На *саламу* привяжите.
— Ножницы только не привязывайте.
— Вот в чашке.
— Чтобы не пересыхало!
— Кровью покровите.
— Говоря, говори!
— Солнце-мать вставать будет —
— *Саламу* свою привязывать идите.
— Где солнце выходит,
— Там вот привяжите.
— Хорошенько привяжите,
— Чтобы не порвались.
— Порвутся — плохо.
— Ветер подует — рвётся.
— Если и так — лучшего!
— Выпуклые глаза имеющие.

— Такое предусмотрите —
— Олени [*саламу*] уносят.
— Букачарам лучшего!
— Говоря, говори же!
— Речь свою скажи!
— Для прибывших из далёких земель
— Лучшего наговори же!
— Это, это верно.

317 Унтувлэ̄нми бикэл-да! — Унтувлэ̄нми бикэл-да!

318 Энэмэки давдывра! — Энэмэки давдывра!
319 Тогогочӣн бургина!
320 Тавар, тавар элэкин! — Тавар, тавар элэкин!
321 Алга̄лакан алганал! — Алга̄лакан алганал!
322 Гунэ̄нми гукэл! — Гунэ̄нми гукэл!
323 Марруӈун-да са̄дярас, — Марруӈун-да са̄дярас,
324 Эвэка̄ӈун сагды̄мӣ, — Эвэка̄ӈун сагды̄мӣ,
325 Гуннэлӣ муландяс. — Гуннэлӣ муландяс.
326 Эмэнэдеӈунэ — Эмэнэдеӈунэ
327 Алга̄мкактын гуннэл-да. — Алга̄мкактын гуннэл-да.

328 Тэгэлтэнэ, сигӯн эмэдерэкин, — Тэгэлтэнэ, сигӯн эмэдерэкин,
329 Аракӣнгичӣл бирэксун, — Аракӣнгичӣл бирэксун,
330 Саламаваӈун аламӯмча. — Саламаваӈун аламӯмча.
331 Биӈӣкана — на̄кчэнэл. — Биӈӣкана — на̄кчэнэл.
332 Тавар, тавар элэкин! — Тавар, тавар элэкин!
333 Тар-да бичалин аядыя! — Тар-да бичалин аядыя!
334 Алга̄чеденэл. — Алга̄чеденэл.
335 Тадук ēкун, гункэллу! — Тадук ēкун, гункэллу!
336 Дёлого̄но борӣктын — Дёлого̄но борӣктын
337 Тэгэлтэнэкэ̄н. — Тэгэлтэнэкэ̄н.
338 Унтувунтын илевӯлча. — Унтувунтын илевӯлча.
339 Колодоё борӣктын. — Колодоё борӣктын.
340 Эвэка̄ӈун сагданча̄ — Эвэка̄ӈун сагданча̄,
341 Турэ̄нмэв дявактын ӈуны̄л. — Турэ̄нмэв дявактын ӈуны̄л.
342 Аядыя гуктынэ!
343 Тавар, тавар, элэкин! — Тавар, тавар, элэкин!
345 Ӈанӷӯкаллу эсӣлэ. — Ӈанӷӯкаллу эсӣлэ.
346 Эӈӣлэ этэделим. — Эӈӣлэ этэделим.
347 Элекин-ӷу, эчэ̄-гу? — Элекин-ӷу, эчэ̄-гу?
348 Ӈутэлив, гукэллу. — Ӈутэлив, гукэллу.
— Элэксӣйрэс-ку?
— Этэӷнэс-ку?
— Дэринны̄? Дэрча бимӣ, этэкэл.
— Этэгин.

349 Ичэтчалду ӈэгэ̄денэв
350 Тымӣ олонколо̄дем*.

317 Бубен мой и всё прочее, будь живым!*
318 Не поддавайтесь!*
319 Греми подобно огню!*
320 Это, это верно!
321 Благословляющая, благословляй!
322 Речь свою скажи!
323 Сами-то знаете,
324 Бабушка ваша старая очень,
325 Говоря, скажете.
326 По случаю приезда вашего
327 Благословить пусть попробуют, говоря-то [что нужно]*.
328 Утром солнце выходить будет —
329 Спиртное если есть у вас,
330 *Саламу* вашу помазала бы.
331 Что есть ещё — храните.
332 Это, это верно!
333 Если и так — лучшего!
334 Благословляйте.
335 Потом что ещё, скажите.
336 Каменного подарят пусть
337 Утречком*.
338 Бубен их разогреваться начал*.
339 Округлому подарят пусть*.
340 Бабушка ваша постарела,
341 Слово моё ловят пусть девушки*.
342 Лучшее говорите!*
343 Это, это верно!
345 Спрашивайте теперь.
346 Теперь заканчиваю.
347 Достаточно или нет?
348 Дети мои, скажите.
349 Увидевшим это [камлание] пропетое
350 Завтра олонхо исполню*.

— Бубен мой и всё прочее, будь живым!
— Не поддавайтесь!
— Это, это верно!
— Благословляющая, благословляй!
— Речь свою скажи!
— Сами-то знаете,
— Бабушка ваша старая очень,
— Говоря, скажете.
— По случаю приезда вашего
— Благословить пусть попробуют, говоря-то [что нужно].
— Утром солнце выходить будет —
— Спиртное если есть у вас,
— *Саламу* вашу помазала бы.
— Что есть ещё — храните.
— Это, это верно!
— Если и так — лучшего!
— Благословляйте.
— Потом что ещё, скажите.
— Каменного подарят пусть
— Утречком.
— Бубен их разогреваться начал.
— Округлому подарят пусть.
— Бабушка ваша постарела,
— Слово моё ловят пусть девушки.
— Это, это верно!
— Спрашивайте теперь.
— Теперь заканчиваю.
— Достаточно или нет?
— Дети мои, скажите.
— Согласны ли?
— Заканчиваете, да?
— Устала если, заканчивай.
— Заканчивает пусть.

351 Эргэрэ — тыкӯлдиŋаһун.
352 Тавар, тавар элэкин. — Тавар, тавар элэкин.
353 Мэнми, мэнми елексакты. — Мэнми, мэнми елексакты.
354 Энӣнэй-бэюнэй! — Энӣнэй-бэюнэй!

355 Амнӯнанал биһилду, — Амнӯнанал биһилду,

356 Бираялду гукэл! — Бираялду гукэл!
357 Аракӯкан дялгекал! — Аракӯкан дялгекал!
358 Тогокордӯ уŋкукул. — Тогокордӯ уŋкукул.
359 Тавар, тавар сэһэргэкэл, — Тавар, тавар сэһэргэкэл,
360 Аядыгдая! — Аядыгдая!
361 Тэгэлэнэ борӣнал, — Тэгэлэнэ борӣнал,
362 Гукэлэлду гундерэн. — Гукэлэлду гундерэн.
363 Тэвэлэнэ, тэвэкэл, — Тэвэлэнэ, тэвэкэл,

364 Тогоктолдӯ тогонол, — Тогоктолдӯ тогонол,
365 Колодоми Кулумтан! — Колодоми Кулумтан!
366 Баргилтачан һэнгэлбӣ. — Баргилтачан һэнгэлбӣ.
367 Эрэй, эрэй, эрэй!
368 Муŋнандӣкил мунӣлби! — Муŋнандӣкил мунӣлби!
369 Аваккалан, оһолор*. — Аваккалан, оһолор!
370 Эрэй, эрэй, эрэй! — Эрэй, эрэй, эрэй!
371 Ирэйкимӣл мунӣлби... — Ирэйкимӣл мунӣлби...

351	Не сделаю — рассердитесь*.	
352	Это, это верно!	— Это, это верно!
353	Сама, сама встану.	— Сама, сама встану.
354	Великая мать — Великая олениха!	— Великая мать — Великая олениха!
355	На равнинках, поросших кустарником, живет кто*,	— На равнинках, поросших кустарником, живет кто,
356	На реках [тоже] скажи	— На реках [тоже] скажи!
357	Тихонько подумай.	— Тихонько подумай.
358	В очажки налей*.	— В очажки налей.
359	Вот, вот рассказывай,	— Вот, вот рассказывай,
360	Лучшего!	— Лучшего!
361	Присутствующие, дарите,	— Присутствующие, дарите,
362	Говорящим* говорит	— Говорящим говорит.
363	Падая на добро — падай на добро,	— Падая на добро — падай на добро,
364	Очажкам подавая,	— Очажкам подавая,
365	Округлый очаг!	— Округлый очаг!
366	Противоположные колени*!	— Противоположные колени!
367	Зову, зову!	
368	Измученные суставы мои!	— Измученные суставы мои!
369	Замучилась, дети.	— Замучилась, дети.
370	*Эрэй, эрэй, эрэй!**	— *Эрэй, эрэй, эрэй!*
371	Исстрадавшиеся суставы...*	— Исстрадавшиеся суставы...

ИКЭР

145. ДЭВЭ

Дэвэ, дэвэ, дэвэйдэ!
Эмэнэдув аямат!

Һунтолтыкокӣ-да-нгэн,

Умун бугадӯ биденэ-дэй!
Һунтультыки тыкнэм-дэй,
Дюр анңанимива-да
Дюдувӣ-дай эһив бирэ!
Аялтыкэ эмэнэй,
Дюлавӣ-да дагамам!

Тэгэлтэнэ исчам-кие,
Дюлавӣ-да истакив —
Мэмээ-да дукчатын
Эвэлби-дэ эгэнэльбэтын.

Оные-да гундётын?

Дэвэ, дэвэ, дэвэдэй!

— Дэвэ, дэвэ, дэвэйдэ!
— Эмэнэдув аямат!

— Ая бидян! — гунчэкэл.
— Умун бугадӯ биденэ-дэй!
— Һунтультыкӣ тыкнэм-дэй!
— Дюр анңанимива-дэ
— Дюдувӣ-дай эһив бирэ!

— Эһэкэлдулэвӣ, — гукэл.
— Тэгэлтэнэ исчам-кие
— Дюлавӣ-да истакив —

— Он гундётын!

— Энэ лягирэ, Лёня.
— Дэвэ, дэвэ, дэвэдэй!

146. ДЭВЭ

Дэвэ, дэвэ — гундеягат!
Дэвэдэлэй эмэкэллу!
Эргит-таргит эмэкэллу!
Дэвэдэлэй эмэкэллу!

ПЕСНИ

145. ДЭВЭ

Дэвэ, дэвэ, дэвэйдэ!
В честь моего приезда
хорошенько!*
Хоть и к совсем другим-то,*

Всё же на одной земле живём-*дэй*!
К другим я упал-*дэй*!
Два плохих года-то*
В своём доме не был!
Как хорошо приехать,
К своему дому приблизился!

Утром, наверное, доберусь,
До дома своего доберусь —
Сами-*дэ* снимут
Бабушками моими напетое*.

Что-то они скажут?

Дэвэ, дэвэ, дэвэдэй!

— *Дэвэ, дэвэ, дэвэйдэ*!
— В честь моего приезда
хорошенько!

— Всё будет хорошо! — думай так*.
— Всё же на одной земле живём-*дэй*!
— К другим я упал-*дэй*!
— Два плохих года-то
— В своём доме не был!

— К дедушкам своим, — скажи*.
— Утром, наверное, доберусь,
— До дома своего доберусь.

— Что-то скажут!

— Не ругай их, Лёня*.
— *Дэвэ, дэвэ, дэвэдэй!*

146. ДЭВЭ

Дэвэ-дэвэ — скажем-ка!
На *дэвэ* приходите!
Отсюда-оттуда приходите!
На *дэвэ* приходите!

Умнэкэ̄ Та̄нялуннӯ,
Тайгадуккӣ эмэнэдӯн,
Дэвэ̄дэлчэ̄, эмэкэллу!
Э̄ча̄мӣл-ка омолгилал!
Умун-дугуй элин эмэрэ!
Дэвэ̄-дэвэ̄ билиргикӯн!
«Билиргикӯн эвӣрбэтын
Эвэнкӣе̄л эткэ̄птыкин,
Аяврa-гӯ?» — гунчэдем-нӯ!
Билиргикӯн япчукандэ̄п,
Билиргиэ̄н эвӣнмэтын!
Дэвэ̄-дэвэ̄-дэвэ̄дэгэ̄т!

147. ДЭВЭ̄

Дэвэ̄-дэвэ̄ гуны̄льгатэ —
Е̄кунма-нон илгӣмалла?
Билиргикӯн эвӣкэнты,
Эвӣкэрэ̄ эвӣдегэ̄т!
Гуннэкэ-нэ̄, гуннэкэ-нэ̄:
«Дэвэ̄йдэле̄й эмэкэльлю̄!»
Дэвэ̄-дэвэ̄ дэвэ̄дэ̄,
Эмэ̄льгэтын кунгака̄ре̄,
Лӯчалнганэ̄ лӯчалда-но̄!
Билиргикӯн эвӣканэ̄
Энгэ̄тыль-нэ̄н дёндяра до̄?
Дэвэ̄-дэвэ̄ дэвэ̄дэ̄,
Дэвэ̄дэгэ̄ эмэ̄кэльлю̄!
Атыркача̄н лэтэкэрӯльдерэ̄ —
Дэвэ̄дэле̄й эмэ̄кэльлӯ!
Дэвэ̄дэлэ̄й — лальдяктынэ̄!

148. ОЛО̄КМАЧЕН БИЛИРГИ ДЭВЭ̄ТЫН

Дэвэ̄-дэвэ̄, дэвэ̄ксэ!
Дэвэ̄дэгэт сигӣлэ!
Гэсӯнгэлэ эмэкэллу,
Утэл*, экны̄л ичэривэл.

Однажды только ваша Таня,
По случаю приезда из тайги,
Дэвэ завела, приходите!
Что это за парни!
Ни один даже не приходит!
Дэвэ-дэвэ древний!
«Древние игры*
Эвенки теперешние,
Любят ли?» — говорю ведь!
По-древнему веселимся,
Древние игры!
Дэвэ-дэвэ — плясать давайте!

147. ДЭВЭ

Дэвэ-дэвэ давайте заговорим* —
Почему вы стоите-то?*
Очень старинная наша игра,
В игры наши будем играть!
Приговаривая-*нэ*, приговаривая-*нэ*:
«На *дэвэйдэ** приходите!»
Дэвэ-дэвэ дэвэдэе,
Пришедшие дети,
Русские, русские тоже!
Очень старинную игру
Разве не можете вспомнить?
Дэвэ-дэвэ дэвэдэе,
На *дэвэ* приходите!
Старушки прыгают* —
На *дэвэ* приходите!
На *дэвэ* — пусть стыдятся!*

148. ОЛЁКМИНСКИЙ СТАРИННЫЙ ДЭВЭ

Дэвэ-дэвэ, охру дайте*!
Пойдём охрить в чашу!*
На *гэсунгэ* приходите,
Дети, старшие сестры видящие*.

Аякāнди кэрēткэллу!
Дэвэ̄-дэвэ̄, дэвэ̄дэ-дэвэ̄.
Дэгэ̄ллэ эмэкэллу!
Гэсӯнгэйкэн, гэсӯнгэй,
Гэсӯнгэйкэн эēнэльле!
Элōкума-энӣкэ̄н,
Орōвнайкан* олōконо.
Ичэнэле — гэсӯнгэлэ!
Нӣокдееду-посēлкадӯ
Биденэ hэгэ̄гэле,
Нӣокденэ гэсӯнгэйкэн!

149. ДЭВЭ̄

Дэвэ̄йдэ, дэвэ̄йдэ!
Дэвэ̄йдэлэ̄й эмэкэллу-э!
Дэвэ̄йдэ, дэвэйдэлэ̄!
Дэвэ̄йдэлэ̄ эмэкэллу-э!
Дэвэ̄йдэмӣ эрӯмӣ!
Дэвэ̄йдэ, дэвэ̄йдэ!
Золотинка-посēлкадӯн,
Эвэдыкэ̄н эвӣнмэ
Эвӣденэл нэнэдегэ̄р!
Кэ!

150. ДЭВЭ̄ЙДЭ

Дэвэ̄йдэ-дэвэ̄йдэ! — Дэвэ̄йдэ-дэвэ̄йдэ!
Дэвэ̄-дэвэ̄-дэвэ̄йдэ! — Дэвэ̄-дэвэ̄-дэвэ̄йдэ!
Дэвэ̄йдэлэ̄р эмэкэллу!
Омолгичар-hунаткар, — Омолгичар-hунаткар,
Энэл-гэ̄ны салдятта, — Энэл-гэ̄ны салдятта,
Дэвэ̄-дэвэ̄й эвӣгэ̄т!
Муhурэ̄нни Иенгрэ! — Муhурэ̄нни Иенгрэ!
Дяпкаядӯн икэ̄нгэ̄т, — Дяпкаядӯн икэ̄нгэ̄т,
Эмкэрьялдӯн эвӣгэ̄т! — Эмкэрьялдӯн эвӣгэ̄т!

Хорошенько проведите *кэреткэн*!*
Дэвэ-дэвэ, охрите-*дэвэ*.
Охрить приходите!
Гэсунгэй танцуйте*, *гэсунгэй*,
Гэсунгэ потёк!*
Олёкма-матушка
С ровненькими бродами*.
Все видящие — на *гэсунгэ*!
Нюкжи-посёлка*
Жителей это песня,
Нюкжинский *гэсунгэ*!

149. ДЭВЭ

Дэвэйдэ, дэвэйдэ!
На *дэвэй* приходите-*э*!
На *дэвэ, дэвэ*.
На *дэвэй* приходите-*э*!
Дэвэ наш плохо идёт!*
Дэвэйдэ, дэвэйдэ!
В Золотинке-посёлке*
Эвенкийскую игру
Играя, будем идти*!
Ну!

150. ДЭВЭЙДЭ

Дэвэйдэ, дэвэйдэ! — *Дэвэйдэ, дэвэйдэ!*
Дэвэ-дэвэ дэвэйдэ! — *Дэвэ-дэвэ дэвэйдэ*!
На *дэвэй* приходите,
Мальчишки-девчонки, — Мальчишки-девчонки,
Не смущаясь, — Не смущаясь,
Дэвэ-дэвэй давайте играть!
Со священной силой Иенгра!* — Со священной силой Иенгра!
На её краю петь будем, — На её краю петь будем,
На её высоких берегах играть будем! — На её высоких берегах играть будем!

Дэвэ-дэвэ-дэвэйдэ! — Дэвэйдэлэй эмэкэллу!
Сōягадйн сōядин!
Иеңгрэкӯн — биракӯн!
Дяпкаялдӯн эвйгэт, — Дяпкаялдӯн эвйгэт!
Дэвэ-дэвэ-дэвэйдэ!

151. ОСӦРАЙ

Осōрай, осōрай! Осōрай, осōрай!
Осōрайвэ эвйгэт, осōрай-осōрай!
Олōчикар тоһилла — осōрай-осōрай!
Осōройкан-осōрай! —
Һэмчӯрэкэр лэптуллэ.
Осōрайкан-осōрай! Осōрайкан!
Тэргэһэлкэн гуныллэ —
Эсэрэй-эсэрэй!
Арбагаскан — аминтын
«Эсэрэй!» — икэллэн.
Отуканли һэкиллэн:
«Осōрэй-осōрэй!»
Манавран-гу эсэрэй?
Нӣ-эткэн осōрайдян?
Эткэн су-вэл гукэллу,
Нэлиһилкэн нечӯксэл?
Нялбиһилкан нечӯксэл,
Солкōмоһол нэһилкэн!

152. ОСӦРАЙ

Осōрай-да кичигā*,
Осōр, кэ-лē, осōрай!
Москāведӯ бидэвй,
Делйксэгēн — осōрай!
Икэтчэңгнэм — люгāрē.
Тарйндалēй икэннэ,
Долбōнтōгō икэннэ.
Осōкорōй, осōрай!
Осōрай-да качӯгā.

Дэвэ-дэвэ, дэвэйдэ! — На *дэвэй* приходите!
Посильнее, сильнее!
Великая Иенгра — великая река!*
На её берегах давайте играть, — На её берегах давайте играть!
Дэвэ-дэвэ-дэвэйдэ!

151. *ОСОРАЙ*

Осорай-осорай! Осорай-осорай!
Осорай давайте играть, *осорай-осорай!*
Олочи затопали* — *осорай-осора!*
Осораюшко-осорай! —
Хэмчуры зашуршали*.
Осораюшко-осорай! Осораюшко!
Одёжки* говорят —
Эсэрэй-эсэрэй!
Арбагасик — отец их*
«*Эсэрэй!*» — запел*.
Вокруг костра заплясали:
«*Осорэй-осорэй!*»
Не конец ли *эсэрэю*?*
Кто сейчас поведёт *осорай*?
Сейчас вы-то будете продолжать,
Нагруднички из замши?
Из мягкой замши,
Шёлковые нагрудники!

152. *ОСОРАЙ*

Осорай-то скрипучий*,
Осор, ну-ка, *осорай!*
В Москве побывать*,
Задумав — *осорай!*
Припеваю — *люгаре**.
Поэтому буду петь,
До вечера буду петь.
Осокорой, осорай!
Осорай-то скрипучий*.

153. ОСӌРАЙ

Эвэды̄нӣт hэ̄гэ̄денэ̄,
Бэельдулē дяра̄вчанэ̄ —
Осӌрай-осӌрай, осӌрай-осӌрай,
Мӯ эвӣнмэн дӌльчатчаналь
Бираяка̄н дяпка̄ядӯн —
Осӌрай-осӌрай, осӌрай-эсэ̄рэй.
Биктэ̄мныкӯн тэгэ̄нчэнгкӣт
Мӯ эвӣн дӌльча̄тчаналь —
Осӌрай-осӌрай, осӌрай-осӌрай.
Дюга̄ны̄нгит* эмэлильлē̄н,
Тугэнӣгип горӌлилла̄н —
Осӌрай-осӌрай, осӌрай-осӌрай.
Чипка̄ча̄ка̄р дэгӣктэльлē
Элē-тала̄ авданналба —
Осӌрай-осӌрай, осӌрай-осӌрай.
Эвэнкӣкур я̄нгкур-урэ̄л,
Оёлдутын бидē̄нгкиты̄н —
Осӌрай-осӌрай, осӌрай-осӌрай.
Эhиткэ̄нэ упка̄ткокӌн
Бултӯла̄ нгэнэ̄птыдерӣл —
Осӌрай-осӌрай, осӌрай-осӌрай.
Олӣhин-да эвэды̄ка̄рдӣ
Э̄гэ̄кэрдӣ* hэ̄гэ̄кэдерӣльдē̄п —
Осӌрай-осӌрай, осӌрай-осӌрай.
Hэ̄гэ̄пчэнэ̄льты̄н горӌлилла̄н,
Эвэды̄ль э̄гэ̄р кэтэ̄лиллэ̄ —
Осӌрай-осӌрай, осӌрай-осӌрай.

154. ОСӌРАЙ

Осӌрай-осӌрай!
Осӌрайва эвӣктэ!
Осӌрай-гэсӯнггэ,
Осӌрай-осӌрай,
Осӌрайка̄н-эвӣкэ̄н,
Осӌрайла эмэкэльлю!
Осӌрай-осӌрэй!
«Осӌрай», — гунденэль.
Эле, hутэкэль, эмэкэльлю!

153. *ОСОРАЙ*

По-эвенкийски напевая,
Для людей запев по-шаманski* —
Осорай-осорай, осорай-осорай,
Воды игру слушая
На берегу речки —
Осорай-осорай, осорай-эсэрэй.
Бывало, сидели мы,
Воды игру слушая, —
Осорай-осорай, осорай-осорай.
Лето наше наступает,
Зима наша далеко ушла —
Осорай-осорай, осорай-осорай.
Птенчики залетали
Туда-сюда в листве —
Осорай-осорай, осорай-осорай.
Эвенки на гольцах-горах,
На их вершинах жили —
Осорай-осорай, осорай-осорай.
Сейчас все
Охотой живут* —
Осорай-осорай, осорай-осорай.
Потому-то эвенкийские
Песни начали петь —
Осорай-осорай, осорай-осорай.
Пропетое нами далеко ушло*,
Эвенкийские песни умножились* —
Осорай-осорай, осорай-осорай.

154. *ОСОРАЙ*

Осорай-осорай!
Осорай буду играть!
Осорай-гэсунгэ,
Осорай-осорай,
Осорайчик-игра,
На *осорай* приходите!
Осорай-осорэй!
«*Осорай*», — приговаривая,
Ну, дети, приходите!

Дӧльчачиль эмэкэльлю!
Эвӣльчэль осӧрай
Дюлэ̄ски hутэльлюн
Эвэдӹ эвӣнмэ
Энэльдэй омнгоро.
Осӧрай-осӧрай!

155. ГЭСӮНГЭ

ГэсӮнгэ, гэсӮнгэ!
ГэсӮнгэвэр нгэнэ̄лильга̄тэ̄,
ГэсӮнгэе, гэсӮнгээ!
ГэсӮнгӭ билиргикӮн,
ГэсӮнгэльвэр нгэнэ̄льгэтэ̄,
ГэсӮнгэльвэр гунӹльгатэ̄!
Умнэкӭ эмэктэкиль
ГэсӮнгэлӭ эмэ̄гэтыль
ГэсӮнгэвэ дэбдэ̄рикэгэ̄т*
Авга̄ракӣт умӣльдямӣль!
ГэсӮнгэё гэсӮнгэ!
Эргӣт-таргӣт эмэ̄ксэкиль
ГэсӮнгэё гэсӮнгэ,
ГэсӮнгэчӣль гунӹльгэчӣль!
Ӣдук-кэнэ̄ эмэ̄ктэрэ?
Экэль-нгэнэ̄ hэ̄кӣмнэрэ̄!
Сагданачэ̄ль сумӮльгэчэ̄ль,
Гундӭльгэчӣн энэ̄льгэчӣн!

156. ГЭШӣНГЭ̄*

Гэшӣнгэ̄, гэсӮнгэ̄!
Гэшӣнгэлэ̄ эмэкэллу-э̄!
Лёняя̄ Антӧн-нюн,
Гэшӣнгэлэ̄ эмэкэллу-э̄!
Лёняя̄ Э̄ла-нюн,
Гэшӣнгэ, гэсӮнгэ̄!
Гэсингала эмэкэллу-э̄!
Балдӹвар дюгӮден
ГэсӮнгэгэ, гэсӮнгэ!

Слышащие, приходите!*
Начавшие играть *осорай*,
В будущем с детьми нашими
Эвенкийскую игру
Не забудем*.
Осорай-осорай!

155. *ГЭСУНГЭ*

Гэсунгэ, гэсунгэ!
Гэсунгэ наш поведём,
Гэсунгэ, гэсунгэ!
Гэсунгэ очень старинный,
Гэсунгэ наш поведём,
Гэсунгэ заговорим!
Однажды придя,
На *гэсунгэ* сойдясь,
В *гэсунгэ* затрясёмся не в лад,
На здоровье собравшись!
Гэсунгэё гэсунгэ!
Оттуда-отсюда придя,
Гэсунгэеё гэсунгэ,
Гэсунгэ заговорили!
Откуда это вы пришли?
Не топчитесь!*
Состарились у вас жилы,
Поёте лениво!*

156. *ГЭШИНГЭ*

Гэшингэ, гэсунгэ!
На *гэшингэ* приходите-э!
Лёня с Антоном,
На *гэшингэ* приходите-э!
Лёня с Элой,
Гэшингэ, гэшингэ!
На *гэшингэ* приходите-э!
В родном доме
Гэсунгэгэ, гэсунгэ!

157. ГЭСУГӮРЛЭ

Гэсугӯр-гэсугӯр, гэсугӯргэ!
Гэсугӯргэлэ эмэкэльлю!
Гэсугӯр-гэсугӯр, гэсугӯргэ!
Асаткачар hэгэлеhэль,
Гэсугӯр-гэсугӯр, гэсугӯргэ!
Омолгиhал икэндыhел,
Гэсугӯр-гэсугӯр, гэсугӯргэ!

158. ДЯЛЁР

Н'алалдуквар дявалдыксал, дялаhалдивар горивчанал hэкивкил. Аракӯканли нонон еливкил, дялаhалвар сэрувуливкилгин. Тадук амаргут hималивкил. Hимаканди hэкчэчивкил эhилэ горово-горово.

Дялёр-дялёр, мальчор-мальчор!
Дялёр-дялёр, мальчор-мальчор!
Одёр-одёр, дялёр-дялёр!
Одёр-одёр, дялёр-дялёр!
Дялёhинчэ-hинчэ-hинчэ!
Дялёhинчэ-hинчэ-hинчэ!
Дялёhинчэ-hинчэ-hинчэ!
Дялёhинчэ-hинчэ-hинчэ!
Hимачирэ нёлюкаллу!
Одёрай-одёрай!
Дялёhинчэ-hинчэ-hинчэ!
Дялёhинчэ-hинчэ-hинчэ!
Hималидукалле!
Дялёhинчэ-hинчэ-hинчэ!
Дялёhинчэ-hинчэ-hинчэ!

Этэденэл, нян аракӯканди икэливкил, аракӯканди hэкиливкил. Сомат бэе дэривкил, гил тэрэрэ эвкил. Таргачин бинин.

Дялёр-дялёр, мальчор-мальчор!
Дялёр-дялёр, мальчор-мальчор!
Одёр-одёр, дялёр-дялёр!
Одёр-одёр, дялёр-дялёр!

157. НА *ГЭСУГУР*

Гэсугур-гэсугур, на *гэсугур*!
На *гэсугур* приходите!
Гэсугур-гэсугур, на *гэсугур*!
Девочки певучие,
Гэсугур-гэсугур, на *гэсугур*!
Парни-запевалы,
Гэсугур-гэсугур, на *гэсугур*!

158. *ДЯЛЕР**

За руки взявшись, суставами двигая, пляшут. Тихонечко сперва начинают, суставы как бы пробуждают. Потом затем убыстряются, быстро пляшут вот долго-долго.

*Дялер-дялер, мальчор-мальчор!**
Дялер-дялер, мальчор-мальчор!
*Одёр-одёр, дялер-дялер!**
Одёр-одёр, дялер-дялер!
*Дялехинчэ-хинчэ-хинчэ!**
Дялехинчэ-хинчэ-хинчэ!
Дялехинчэ-хинчэ-хинчэ!
Дялехинчэ-хинчэ-хинчэ!
Побыстрее двигайтесь!
*Одёрай-одёрай!**
Дялехинчэ-хинчэ-хинчэ!
Дялехинчэ-хинчэ-хинчэ!
Убыстряйтесь!
Дялехинчэ-хинчэ-хинчэ!
Дялехинчэ-хинчэ-хинчэ!

Заканчивая, снова потихоньку петь начинают, потихоньку плясать начинают. Очень человек устаёт, некоторые не выдерживают. Такой он [танец] был.

Дялер-дялер, мальчор-мальчор!
Дялер-дялер, мальчор-мальчор!
Одер-одер*, дялер-дялер!
Одер-одер, дялер-дялер!

159. ДЯЛЁҺИНЧЭ

Дялёҽинчэ-дялёҽинчэ*,
Дялёҽинчэ-дялёҽинчэ,
Ҳэгдыль тэгэль, ичэткэльлю
Эвэдыльбэ икэнгкильбэ.
Дялёҽинчэ-дялёҽинчэ,
Дялёҽинчэ-дялёҽинчэ!
Аям гирким алачиллан,
Тырганингим дагалиллан.
Дялёҽинчэ-дялёҽинчэ,
Дялёҽинчэ-дялёҽинчэ!
Ёмаминэ некэденэ —
Арай таргим алагамнгу.
Дялёҽинчэ-дялёҽинчэ,
Дялёҽинчэ-дялёҽинчэ!
Аямамат тыми, боло
Гиркилэви нгэнэльдигэм.
Дялёҽинчэ-дялёҽинчэ,
Дялёҽинчэ-дялёҽинчэ.
Таркоконэ янгкур-гана —
Бугамильби ичэвдерэ.
Дялёҽинчэ-дялёҽинчэ,
Дялёҽинчэ-дялёҽинчэ.

160. ҺАДЭ!

Ҳадэ! Ҳэда!
(Дялви эриндевки, дялин — ҳадал.)
Ҳадэ! Ҳэда!
Ҳадэ! Ҳэда!
Ҳадэ! Ҳэда!
Ҳумокой! Ҳумокой! (Умуконди тар.)
Ҳумокой! Ҳумокой!
Эмэкой! Эмэкой! (Эмэкэллу тар.)
Эмэкой! Эмэкой!
Ҳумдей! Ҳумдей! (Пэридэтын.)
Ҳумдей! Ҳумдей!
Ҳагэй! Ҳагэй! (Ҳэгэкэллу — гуктэтын.)

159. ДЯЛЕХИНЧЭ

Дялехинчэ-дялехинчэ,
Дялехинчэ-дялехинчэ,
Высокое начальство*, смотрите
Эвенкийские запевы.
Дялехинчэ-дялехинчэ,
Дялехинчэ-дялехинчэ.
Мой добрый друг заждался меня,
Рассвет приближается.
Дялехинчэ-дялехинчэ,
Дялехинчэ-дялехинчэ.
Зачем я делаю это —
Так этим учу*.
Дялехинчэ-дялехинчэ,
Дялехинчэ-дялехинчэ.
Хорошенько завтра, осенью
К другу своему поеду*.
Дялехинчэ-дялехинчэ,
Дялехинчэ-дялехинчэ.
Вон вдали гольцы-то —
Родные места мои виднеются*.
Дялехинчэ-дялехинчэ,
Дялехинчэ-дялехинчэ.

160. СВОЙСТВЕННИКИ!*

Свойственники! Свойственники!
(Свойственников зовёт, родня его — свойственники.)
Свойственники! Свойственники!
Свойственники! Свойственники!
Свойственники! Свойственники!
По одному! По одному! (Это «по одному»*.)
По одному! По одному!
Приходите! Приходите! (Это «приходите»*.)
Приходите! Приходите!
Кружитесь! Кружитесь! (Чтобы кружились*.)
Кружитесь! Кружитесь!
Пойте! Пойте! (Пойте — это их слово*.)

Ha̅гэ̄й! Ha̅гэ̄й!
Ha̅дэ! Hэ̄дэ! (Дялви эрӣдевки.)
Ha̅дэ! Hэ̄дэ!

161. ИКЭ̄НИКЛЭ НОНОЛӢ ЭРӢВУН*

Борукан дагадӯн Авландя биhин, тадӯ икэниккэ о̄нгкитын. Де бэел умӣпивкӣл, нгӣ-вэл нёравки, илан-дыгин бэе икэливкӣл. Нонолӣ эрӣвун бивкӣ, тара икэвкӣл. Бӣ гундем, энэ икэрэ.

Гэ̄, гэйлэр, hэриндегэр!
Надан гарпа на̄лдыдун,
Коргoлдима конгоялду hэкиндегэр!
Сэвдёелэр Ира̄индят ӯгӯгэ!
Со̄нингингмар Ира̄индя тӯриндӯн
Hэкиндегэр умӣпкаллу!
Ира̄индя надан гарпалыналдӯ
Сэвдёелэй-дэ гуделэй!
Дю̄р ёгин китыллэв
Гарпа тӯриндулэн hа̄ринимчэв!
Гэ̄, гэйлэр, hэриндегэр!
Сэвдёни икэн икэнин,
Икэнде икэндегэр!
Ира̄индя икэниктун
Гудей, гудей эвӣнэл!

162. АЛДА̄Н АЯ̄Н

Аян-аян, ийэн*-айӣн,
Аян-аян эвӣденгнэм.
Гундёнэм-кэ-дэ-на гуным,
Аян-аян ульгӯко̄нын
Ульгучэндем-нгэн гундёнэм-ну.
Аян-аян эйэнэмну,
Билир-билир билиръёкӯн,
Дю̄рдя̄нтыгин анна̄ныльдун
Алда̄н, Алда̄н, Алда̄нтындӯ
Го̄ротыльтын* бильденэльдён,
Биденэльдэ̄ гунденэнгнэм,

Пойте! Пойте!
Свойственники! Свойственники! (Свойственников зовёт.)
Свойственники! Свойственники!

161. НА *ИКЭНИК* СТАРИННЫЙ ЗОВ

Недалеко от Борукана Авландя* есть, там *икэник* делали. Вот люди соберутся, кто-нибудь идёт первым, три-четыре человека запевают. Старинный зов есть, его запевают. Я проговорю, не спою.

Гэ, гэйлэр, воспарим!*
На слиянии семи лучей,
На вершинах скал запляшем!
Весёлая наша Ираиндя верхняя!*
В богатырской Ираиндя земле*
Плясать соберитесь!
В Ираиндя на слиянии семи лучей
Весело же и красиво!
Дважды девятью перьями*
К лучам земли* воспарила бы я!
Гэ, гэйлэр, запляшем!
Весёлая песня песен*,
Великая песня поётся*!
В нашей Ираиндя на *икэнике*
Красиво, красиво играя!

162. БЛАГОСТЬ АЛДАНА

*Аян-аян**, мать-кормилица,
Аян-аян, играю*.
Говоря-то-*дэ-на*, говорю,
Аян-аян, в рассказе
Рассказываю ли, говорю ли.
Аян-аян, великая матушка,
Давным-давно, издавна,
В двадцатые годы*
Алдан, Алдан, на Алдане
Города её появились,
Появились, говорю,

Аян-аян бидетэльдин.
Аян-аян ийэн-аян,
Алдан, Алдан горотыльби
Гундэнгнэм-кэ — Эдян, Эдян.
Баян-баян баялитын
Гундэнгнэмтэй эян-эйян.
Эён-эён эёэнэндин,
Мэнгнуёлин, алмасилин*,
Солотольди* гурустэлим.
Байан-байан байитындй,
Алдан Алдан горотыльди
Бидэнгэвки гундэнэнгнэм.
Аян-аяан иянэнгнй —
Айин аян иянэнгит.
Мэнгнуёчи Алдан, Алдан
Горотыльби гэрбинэдин
Гундэнэнгнэм иян-аян,
Алдан, Алдан, Алдан, Алдан —
Нэриёнты гундэнэгон
Гундэнэнгнэм улыгукондин.
Аян-аян-иян-иян.

163. АЛДАН-ЭНЭ

Алдан-энэ кочоёлбон
Гунивчакон бия-ты-нэн.
Эгэй-эгэй, эгэгэлэй,
Эгэй-эгэй, эгэгэлэй.
Алдан-энэ тэнгкэкурбан,
Торганмучал кочоямил
Эгэй-эгэй, эгэгэлэй,
Эгэй-эгэй, кочоямил.
Эгэй-эгэй, эгэгэлэй.

164. ЬЭГАН

Эгэ-эгэдей, эгэгэлэй,
Багдарймаян угучакитпи

Аян-аян, появились.
Аян-аян, матерью-*аян*
Алдан, Алдан город свой
Называю же — Эдян, Эдян*.
Богата-богата богатствами своими,
Говорю, *эян-эйян*.
Течение-течение, течением своим,
Золотом своим, алмазами своими,
Золото перевозил я.
Богата-богата богатствами своими,
Алдан алданскими городами
Живёт, говорю.
Аян-аян, река большая наша —
Кормилица прекрасная, река наша.
Золотоносная Алдан, Алдан
Города свои назвала*,
Говорю, *аян-аян*,
Алдан, Алдан, Алдан, Алдан —
О свете твоём говорю,
Говорю в рассказе.
Аян-аян-иян-иян.

163. АЛДАН-МАТЬ

Об излучинах Алдана-матери
Говорить я буду-*ты-нгэн**.
Пою-пою, говорю в песне*,
Пою-пою, говорю в песне.
О заводях Алдана-матери,
Об обмелевших излучинах её*
Пою-пою, говорю в песне,
Пою-пою об излучинах.
Пою-пою, говорю в песне.

164. ПЕСНЯ

Эгэ-эгэдей, говорю в песне*,
На самом белом своём верховом олене-то

Биракӯнма-нгэн эёкэки-нгэн
Ороробри-нгэнэ онодёно-нгон,
hэгэденэ-нгэн эёргидеми.
Инэнгикуре эдӯяваре
Нгонымилтурай эдӯяваре,
Дӯннэкури-нгэн нгонымилтара
Уhиканмэ-нгэн танмувчагачин.
Окиндуки-нган бакакса-нганэ
Даптукаксаго солодёгоми,
Ороёлбини-нган бакакса-нганэ,
Палаткалави* мучӯдягами?

165. АЛГАВКА-hЭГЭН

Эгэй-эгэдёй, эгэй-эгэдёй,
Умнэкаялёй аннганикарё
Дылгаядӯтын, алгаялдӯтын
Бакалдыксакил эвэдынгэты
Улгӯръяварё ульгучэмачип.
Салэйнганэ-дэй урэмкэкилё,
Бэельдӯ-нганэ hэгэяльби-нгэн
Буделиксэ-нгэн, нёлипкачэнэль,
Эмэнмудегэм экныльдӯви-нгэн.

166. hЭГЭН

Ии-иии-иии,
Ама, энё, этэм — би эдэр hунаткан,
Мёваным садяран — сӯ эётчэрэс
Минэвэ сагды бэедӯ бӯдэвэр.
Энэ аявра энгэтыв нгэнэдерэ.
Ии-иии-иии,
Экэльлю минтыки тыкӯлла,
Экэльлю лягирэ.
Ая бинидӯви инэвдем би,
Эгин нунган минтыки дялдара.
Эдэр hунаткан эвэды, ии-ии...
Ии-иии-иии,

По большой реке-то, по течению-то,
Оленей-то своих разыскивая-то,
Напевая-то, по течению еду.
Дни сейчас
Долгие сейчас,
Земли-то мои* очень обширны,
Словно верёвочка тянутся.
Ну когда-то, найдя-то,
К верховью-то своему подниматься начну,
Оленей-то своих найдя,
К палатке своей поверну?

165. БЛАГОСЛОВЕНИЕ-ПЕСНЯ

*Эгэй-эгэдей, эгэй-эгэдей**,
Редко в эти годы
Для разговоров, для благословений
Встретившись, мы, эвенки,
Разговоры говорили.*
Для Салэя-*дэй* горного духа*,
Для людей-то песни-то мои
Прежде чем уйти-то*, радуясь,
Оставляю своим сёстрам-то*.

166. ПЕСНЯ

*Ии-ииии-ииии,**
Отец, мать, нет — я молодая девушка,
Сердце моё знает — вы хотите
Меня старому мужчине отдать.
Не любя, не пойду.
Ии-ииии-ииии,
Не сердитесь на меня,
Не ругайте меня.
Для хорошей жизни расту я,
Пусть он и не думает обо мне.
Молодая девушка-эвенкийка, *ии-ии...*
Ии-ииии-ииии,

Ии-иии-иии,
Мэ̄нми аяврӣдӯви
Мэ̄н тэгэ̄ндӯви нэнэнгэ̄тыв.
Ии-иии-иии.

167. ЭКСӢННЕ̄, ГЭЛКЭ̄НИНДЕ̄!

Бинӣ дулинма̄н ӣльтэнчэ̄ бэе, ахӣя а̄чин, сэ̄мчэ̄ бидинг̆э̄н — эвкӣ сурумделвэ ахӣдула̄ унгрэ, мэ̄нын ханнӯвкӣ, нэгэ̄денэ тыкэ̄н. Мэ̄нын аяврӣдӯӣ ахӣдӯ о̄н-мал икэ̄ливкӣ, са̄вка̄нывкӣ. То̄кӣкса кумала̄нду мэ̄нын ва̄ча̄дук о̄вча̄дӯ билир ахӣ тэгэрэкин — тар элексӣйдерэн тар бэевэ. Ахӣлада̄вӣ тар дагаматчавкӣ умун бэе бинӣн дулинма̄н ӣльтэнчэ̄. Атырка̄нын а̄чин, сэ̄мчэ̄. Тарит эмукко̄кин бидевкӣ. Аксӣнья-ахӣ тадӯ бивкӣ, тадӯ нэгэ̄вкӣ:

— Эксӣннӗ, гэлкэ̄нинде̄!
То̄кӣкса кумала̄ндув
О̄ке̄н тэгэдинг̆э̄с?
Эксӣннӗ, гэлкэ̄нинде̄!
О̄ке̄н-ке тэгэдинг̆э̄с?
Аксӣннӗ, гэлкэ̄нинде̄!
Элӣ-кэ̄н бэксэлдыкэл!
То̄кӣкса кумала̄ндув
Тэгэдекэл, тэгэдекэл.
Эмэксэкен тэгэкэл,
Гиркэвчэ̄кэ̄н кумала̄нду
Кумала̄ндӯг̆ав,
Эксӣннӗ, гэлкэ̄нинде̄!

168. ӇӢНО-ӇЕ̄НО

Дялӣӈинчэ, ӈе̄но!
Ӈӣно-ӈӣно, ӈе̄но!
Ӈ̄а̄лалдивар — ӈе̄но!
Мирэ̄лдивэр — ӈе̄но!
Ӈа̄лгардивар — ӈе̄но!
Ӈэнг̆э̄лдивэр — ӈе̄но!
Умӣпкалты — ӈе̄но!
Дя̄валдылчал — ӈе̄но!

Ии-ии-ии,
За любимого мною
Моего ровесника должна я пойти.
Ии-ии-ии.

167. АКСИНЬЯ, ЖЕЛАННАЯ МНЕ!

Половину жизни прошёл мужчина*, жены нет, умерла — он сватов к женщине не засылает, сам спрашивает, так поёт. Сам понравившейся ему женщине как-нибудь поёт, знать даёт. На лосиный *кумалан** мужчины, неженатого, раньше женщина садилась — это согласие даёт тому мужчине. Жену себе взять подходит один мужчина, уже середину своей жизни прошёл. Старухи* у него нет, умерла. Вот совсем один живёт. Аксинья-женщина там есть, там он поёт:

— Аксинья, желанная мне!
На мой лосиный *кумалан*
Когда сядешь?
Аксинья, желанная мне!
Когда же сядешь?
Аксинья, желанная мне!
Сюда приближайся как госпожа!
На мой лосиный *кумалан*
Садись, садись.
Подойдя, сядь
На расстеленный лосиный
Кумалан мой,
Аксинья, желанная мне!

168. РЯБЧИК-РЯБЧИК

Дялихинче, рябчик!
Рябчик-рябчик, рябчик!
Руками — рябчик!
Плечами — рябчик!
Ногами — рябчик!
Коленями — рябчик!
Собрались — рябчик!
Взялись за руки — рябчик!

Ӈӣно-ӈӣно, ӈӗно!
Ӈӣнукӣчэр — ӈӗно!
Дэгилилчэл — ӈӗно!
Ӈӣно-ӈӣно, ӈӗно!

169. БАРЧИКӐН

БарчикӐн ԓэнэдерэн
Ӣгэлектэ дегдэнэлин.
Иманнакӯн дэриндерэн
Упкаттӯлӣ агӣлдулӣ.
Улюкӣкэр удякӐртын
Иманнадӯ ичэвдерэ.
ДягданӐден дяпкакӐрдӯн
Ԓынакынын* гогодёрон.
БарчикӐн дӧлчатчаран
Ԓынакынмӣ гогорӣвӐн.
Гогонтыкин ԓэнэсинэн,
Ичэтчэнэ улюкӣӈмэ.
Ԓынакынын омӣкӐттан,
БарчикӐнма ичэтчэнэ.
Кэрӣннгӗтэ пэктырӗнэн
ГаракӐндӯ бидерӣвэ.
Улюкӣӈин бурусинэн —
Овводӗн эленӹвэ.
Улюкӣӈин бурусинэн —
Овводӗн эленӹвэ.

170. ОМОЛГИЧӐН-АӇАДЯКӐН ИКЭНЫН

И-ӈи-и-и-и-и,
И-ӈим-и-ӈим-и.
Бӣ уӈамӣ бэемӣлэ эпчэркэймӣ
Бэӧктэденэ бидечэв.
И-ӈи-и-и-и-и,
И-ӈим-и-ӈим-и.
Урэкэнмэ туктычим ӭнанни,
Иӈинми, ичэчим.
И-ӈи-и-и-и-и,

Рябчик-рябчик, рябчик!
Рябчишки — рябчик!
Полетели — рябчик!
Рябчик-рябчик, рябчик!

169. БАРЧИКАН

Барчикан идёт
По горелому кустарнику*.
Снег густой* кружится
Над всей тайгой.
Белочек следы
На снегу видны.
На опушечке* сосняка
Собака его залаяла.
Барчикан слушает
Лай своей собаки.
На её лай идёт,
Высматривая белку.
Собака его виляет хвостом,
Барчикана завидев.
В рыжую выстрелил,
На сучке сидящую.
Белка его падает —
Вот и дело большое сделано.
Белка его падает —
Вот и дело большое сделано.

170. ПЕСНЯ МАЛЬЧИКА-СИРОТЫ

И-хи-и-и-и-и,
*И-хим-и-хим-и**.
Я у злого человека, трудно,
Охотясь, жил.
И-хи-и-и-и-и,
И-хим-и-хим-и.
На горочку взбираюсь гольцовую,
Забравшись, осматриваюсь.
И-хи-и-и-и-и,

И-hим-и-hим-и.
Дёныкса, нёскāки туксадям.
Бӣ амӣннаhав чалбāн талудукин дявкāнма
Сёктакāрдули нэнэн бидинэн.
И-hи-и-и-и-и,
И-hим-и-hим-и.
«Эдӯкипты куначāкāн бакамӣ
Угэдӯ бэмнэчэтын», — гунденэ.
И-hи-и-и-и-и,
И-hим-и-hим-и.
Тарā бӣ туксадяна иринычиным,
Мӯлё тэгэвучим.
И-hи-и-и-и-и,
И-hим-и-hим-и.
Чалбāн мōдӣн ōвчā улӣвкэндӣ улӣлим
Эртыкӣ-тартыкӣ.
Дявкāнми тутыллэн hимачас.
И-hи-и-и-и-и,
И-hим-и-hим-и.
Угāкāн угирӣдун гороло.
Аран-аран ичэвуттэн нэрӣгэчин
Мэнумэ дылачā гарпанын.
И-hи-и-и-и-и,
И-hим-и-hим-и.
Талā бӣ энэтыв иссара —
Мэнумэ дылачāякиндӣ гарпанāтын,
Нэриннит юнэтын.
И-hи-и-и-и-и,
И-hим-и-hим-и.
Талāдукипты куначāкāн hутэ hутэдукин
Исначāтын нэрӣви.
И-hи-и-и-и-и,
И-hим-и-hим-и.

171. ГӮЁ ИКЭН

Эвэдыканэ гуёввӣ икэнмэр,
Эвэдыканэ гуёввӣ икэнмэр
Мулемгокогōн эмкэрьёден,
Кэвэктэё даптуканден,

И-хим-и-хим-и.
Вспомнив, вниз по склону бегу.
Моего покойного отца берестяная лодочка,
В тальниках спрятанная, должна быть.
И-хи-и-и-и-и,
И-хим-и-хим-и.
«Когда-нибудь ребёнок мой найдёт,
На волнах качающуюся», — говоря [спрятал].
И-хи-и-и-и-и,
И-хим-и-хим-и.
К ней побежав, тяну,
На воду спускаю.
И-хи-и-и-и-и,
И-хим-и-хим-и.
Из берёзового дерева сделанным веслом начинаю грести
Туда-сюда.
Лодочка моя поплыла быстренько.
И-хи-и-и-и-и,
И-хим-и-хим-и.
Волна поднимает высоко.
Чуть-чуть виднеется свет
Золотых лучей солнца.
И-хи-и-и-и-и,
И-хим-и-хим-и.
До них мне не доехать —
Золотыми лучами солнечными
День должен засветиться.
И-хи-и-и-и-и,
И-хим-и-хим-и.
И с этих пор для хорошего ребёнка*
Светлая жизнь настанет*...
И-хи-и-и-и-и,
И-хим-и-хим-и.

171. СЛОВО-ПЕСНЯ*

Эвенкийскую слово-песню мою,
Эвенкийскую слово-песню мою
На высоких берегах Мулёмкона*,
В самом устье Кэвэктэ*

Эвэды̄-канē икэгэһэввы̄
Аракӯкаганэ гуеввы̄ бидевэ̄т.
Эвэнкы̄ эвэдыевы̄ икэнмэ
Эвы̄деёвкы̄л ираснай*,
Эвы̄кэн-гэн эвы̄деёвкы̄л.
Эвэдыдэканмэ э̄гаганмэ*
Эвы̄деде-ӈэлы̄ ӈэнэдеӈэ̄т.

172. ГУНЧЭКЫ̄-ИКЭ̄Н

Эдук дюлёскы̄ ӈэнэрилькӯй,
Бэеткар-гӯ о̄дярӣл,
Аякӯкан (н)олокковор*
Сотыдеһэнэл ӈэнэрэктын —
Ая бимчэ. Сагдыл
Дялкоко̄рдӯ пёнсяя-гӯ*
Бимчэ, — гунчэӈнэм, —
Бимы̄. «Эдук сагдаӈдыктав
Эмэдевкы̄», — гунчэкичӣл.
Куккӯ, куккӯ куккӯдявкы̄л.
Тара долчачикса, гунэм:
«Тар нян-кэ-гӯк эмэдевкы̄
Ю̄ктэк сёвертыкакы̄кӯн*.
Дэгдевкы̄ нян», — дӯмадянай*.
Билирги-гӯ бэел-кэ нян
Бикаты-гӯ. Нулгиланал
Биденгкитын, гунчэкичив.
Таваргачы̄н отӯканма
Иладяксал, бэю̄нмэ-гӯ
Ватыкса-ӈан, умукэндӯ-нӯ
Иирӣтынал, тыкаденэл
Дебденгкитын, гунчэӈнэм.
Эһиткаптык (к)олорукив
Обсественнай* гукы̄ткарбин.

173. ҺЭГЭ̄Н

Чӯкалан ӣдӯ, ӣдӯ тукалан,
Аямамат-ӈэн, аямамат-ӈэн!*

Эвенкийское пение своё
Тихонечко выскажу.
Эвенки эвенкийскую песню свою
Играют по-разному,
Игры-то играют.
Эвенкийскую песню
Напевая-*нгэли*, будем идти*.

172. РАЗМЫШЕНИЕ-ПЕСНЯ

С этих пор в будущее идущие,
Мужчинами становящиеся,
Хорошей жизни
Добьются* —
Хорошо было бы. У старых
Мысль только, чтобы пенсия
Была, — думаю, —
Была бы. «С этих пор только старость моя
Приходит», — думают они.
Кукушка, кукушка кукует.
Её послушав, говорю:
«Она-то ведь прилетает
С юга на самый север,
Летит тоже», — думаю.
Древние-то люди тоже
Жили-то. Кочуя
Жили, думаю.
Такой же вот костёр
Разжигая, дикого оленя
Убив-*нган*, вместе-*нгу*
Сварив, так вот
Ели, думаю.
Современная жизнь,
Общественная, думается.

173. ПЕСНЯ

Луг где, где песчаная коса,
Очень хорошо-*нгэн*, очень хорошо-*нгэн*!

Бугакакун муланакин-ӈан —
Аямамат-ӈан бидинӡтын-ӈэн
Орорбун-ӈэнӡ, аямамат-ӈэн.
Аямамат-ӈэн биктэннӈуннӯэ
Агао инны икэденӡн-ӈэн:
Аямамат-ӈэн, аямат-ӈэн!
Пастӯкил-ӈэн* аямат-ӈэн
Орорбор-ӈон дявӯчадяктын-ӈэн.

174. ӀЭГӠН

Ӏӡгӡдедегӡгӡтэ*
Балдыдяканэ дяпкаяӀдӯн.
Инэнӡлбэ ичэнэлвэр
Эрья-дӡ-гон икӡнэн,
Нульгинӣльдук нюльгиксэнэт.
Солотӣнка-энӣкӡнэ,
Солотӯканма* амтаксакӗл
Дыльгартытэн кӧлоӀилты*
Ӣвдектын дӡ колекаре,
Доркутчане, Мулемкӡн,
Эникӡн-э, баргӣлтачан
Урэкӯрэ аяканы
Урэдинэ, элэксӣгэн!
Кэ, эмэльнэвэдӯн Ӏӡгӡрэ.

175. ӀУНӐТ ИКӠНИН

Бӣ-кэ, бӣ-кэ ӡкун дӧгеден
Дылгагалдям-ӈӯ гуннэӈ ичэмӣӈ?
Горӧӣ горӧ-вол
Учӣр бугав умдӡеден-кэ
Оскёникӡр-гӯ эвэнкӣткӡр-гӯ
Эмэнэвэтын аналдӯ-ка аннялдӯтын
Гэлнӡдерӣ-вэл гэрбӣлвэтын ӈӣ гуннэӈ
Ӡва муркачивдядян.
Дӧкрэ умун-куӈ ирэндэлкӡӀнэл,

Великое Небо пожалеет-*нган* —
Очень хорошо-*нган* жить будут-*нгэн*,
Олени наши-*нгэнэ*, очень хорошо-*нгэн*.
Очень хорошо-*нгэн* чтобы было,
Песню свою споёт-*нгэн*:
Очень хорошо-*нгэн*, хорошо-*нгэн*!
Пастухи-*нгэн* хорошо-*нгэн*
Оленей-*нгон* пусть содержат-*нгэн*.

174. ПЕСНЯ

Петь будем
На берегах, где родились.
О днях, что мы видели*,
До сих пор поём,
От кочёвки до кочёвки.
Золотинка-матушка*,
Золото твоё почуяв,
Из горла голоса наши
Звучат пусть звонко,
Громом раздаваясь, Мулёмкон,
Матушка-*э*, по разные стороны реки стоящие
Горы твои огромные, красивые,
Радуясь, соглашаются!
Ну, по случаю приезда вашего спели.

175. ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Я-то, я-то ради чего
Голос подаю-то, говоря, если посмотреть?
На далёком-далёком
Учуре, родине моей, в глубине его-*кэ*
Родившиеся-*гу* эвенки-*гу*,
Ради их приезда, их хранителям
Звонкие же имена их, говорят,
Зачем гадать.
Оба одинаковую внешность имеющие,

Умун гэрбӣлкэ̄hэл-ге.
Бутанкемачан эвэнкӣткэ̄р-гӯ
Бо̄турчэйэ̄л-кэ* гунмурӣл-кэ-гӯ
Hуркэ̄р-куӈа̄ка̄р эмэнэвэтын
Ирэндэлвэтын ичэдексэкэ̄н
Икэ̄лекэ̄тнэ(ӈ)* эвӣдектэ-гӯ
Муӈар дю̄крэ-гӯ дю̄крэ нӗгӣлтын
Бугды̄л мо̄сандалкаhал бинэлди нэлки.
Ирэндэтэй-ге умуко̄р бинэл-бинэл
Э̄ма-ӈан-кал-ге дэлэй* буга-гӯ
Дэлэмӣчэ̄нин аналлакин
Бикэлдун бо̄лан эркэ(ӈ) эhилэ(ӈ)?
Темнэ̄йкэ̄н-кэ тур-бугамавар
Пэрӣhиндеhун минэмиёдӯ
Ча̄лбан мо̄дук-ка дегилкэ̄н-ё
Толгокӣдеhун тэгэлдыксэкэ̄н,
Мо̄сандаhун илан дарилкан
Чуркалама нэруhун-ка-гэ̄
Илчарйаден солкомочо̄н-ко нюриктэвӣ
Улгэнчедексэ̄, бодончелды̄-вал о̄дям-ка(ӈ)
Дэлэмэ-глэл-гу ая бимчэ-гӯ!

176. ПӮДОВИЛ ИКЭ̄НТЫН

Эрдо̄нка! Эрдо̄нка!*
Илэмты иччинден
Пӯдап-ка эвэнкӣлдук
Икэ̄н-кэ, эвӣн-кэ дю̄геден
Эмукин бакавча бичэ̄в-кэ.
Удугу бираканӈив ниргэ̄гилден
Нирэй-ӈӯ энгнэкэ̄рви
Энтэвчэкэ̄тчэнэ эвӣденкив.
Гэ̄лтамда бираканми сэ̄ктагилден
Сэ̄сланнал сиреткарви
Эвӣдевкӣл биӈкитын.
Букундэ бираканӈив hуно̄гилден
Кувэ̄hэлви муннэглевкӣл биӈкитын.
Hэвгиӈкур бираканӈив иркиhэлвэ̄н

Одинаковые имена оба носящие
Из рода Бута эвенки же,
Петрушами называемые-*гу*
Парни-дети, по случаю их приезда,
На внешность их посмотрев,
Распевая, поиграю-ка.
Даже у обоих [оленей], у обоих передние ноги их
Белые*, у обоих передовых белые.
Похожими друг на друга,
Как же вам в этой обширной стране,
Как свободные священные олени,
Не жить?
Ступившие же на землю-родину свою,
Возвратившись для меня,
Из берёзы дерева полозья имеющие
На нарты ваши усевшись с вами вместе,
Вожжи ваши трехсаженные
Прямо же вытянутые,
В косу их* с шёлковыми волосами своими
Вплетая, вслед за вами,
До чего хорошо было бы!

176. ПЕСНЯ ПУДОВЫХ

Эрдонка! Эрдонка!
Алгомы дух-хозяин,
Пудов же из эвенков,
И песни, и игры ради,
Один я нашёлся*.
В громком течении моей речки Удигу
Новорождённых оленят своих
Заставляя хоркать, играл я.
В тальниках речки Гелтамды
Резво бегая, порозы-олени мои
Играли, бывало.
Вдоль моей речки Букундэ
Холощёные олени мои скакали, играя, бывало.
Через Хэвгингкур, речку мою, дикого самца-оленя

Инйвкэ̄тнэ гиркудяӈкив.
Нюргуэ̄ бирака̄нми улукйлбэ̄н
Улгэчеденэн-кэ эвйӈкив.
Алгама эвэндэ̄вй
Анамулдин иргивденэ
Сот аят эмэчэ̄в.
Эрдо̄нкэ! Эрдо̄нкэ!

177. УЧЙР ЭВЭНКЙЛИН ИКЭ̄НТЫН

Бй-кэ, бй-кэ инэмӈэптыкин инэӈйде
Мэ̄нми аяврй гиркилэ̄рнйонмй
Учйрмачан эвэндэ̄вй-гӯ
Налдын Эннэн-энэ̄йкэ̄н дэрэден бакалдыдяксал,
Коловурван гунмй, эвэнкйткэ̄р
Энӈнэмэ̄риткэ̄н энӈнэкэ̄ргэчйн
Энтэмэ̄ткэ̄тнэл, бакалдыдягат.
Эдэр бэел, эдук эмэрй-кэ инэӈйде-кэ
Арчадярй-ка анӈанйяльде
Тыргемачан дылачаӈит-ка
Н'э̄рйлдэлэ̄н элгэhиндечэ̄-гӯ
Владимир Ильич Ленин-кэ
Дылачадук-да нгэ̄рйтмэр-кэ
Сегарйалйн гиркудяӈатыт.
Ӯгӯ налгӯ авгӯ ая-гӯ нгэ̄рймэл-гӯ
Алагӯнман ahаматчанал,
Ленин эhэвэр тэрэ̄ӈмэчэ̄н олокло̄н-ко
Нуӈан гуннэн-кэ терэ̄ндулйн
Дылача-да тогодукин-ка
Эмэрит-кэ арчадягин-ка!
Уруй-айкал!*

178. ИКЭ̄Н

Бй-кэ гӯ-гӯ* гукэ̄денэл-ге
Гуктэйэ̄лби-гӯ гурэ̄лймэ гунтылим.
Гудёйё-вэл эвэнкйткэ̄р-гӯ бэйэл!
Ahакандал-гӯ бёгаяльде-гӯ

Неся на спине, ходил я.
На Нюргуе, речке моей, белок
Убивая целыми стаями, играл.
Алгомы, бабушки моей,
Осенними лосями питаясь,
Очень хорошо прожил я.
Эрдонкэ! Эрдонкэ!

177. ПЕСНЯ УЧУРСКИХ ЭВЕНКОВ

Я же, я же, сегодня
Со своими любимыми друзьями
На притоке Учура-бабушки,
В истоках Эннэн-матушки встретившись,
Образно говоря, эвенки
Как оленята на привязи,
Перекликаясь, встретимся.
Молодые годы, в грядущие дни,
В будущие годы,
Лучистое наше солнце
К восходу приведшего
Владимира Ильича Ленина-*кэ*
Солнца-*да* ярче-*кэ*
По указу его будем идти.
Высокому, самому светлому
Его учению следуем.
К достойной Ленина-дедушки жизни
Высказанный им призыв
Даже солнечного-*да* огня-*ка*
Жарче-*кэ* пусть зовут-*ка*!
Уруй-айкал!

178. ПЕСНЯ

Я же, *гу-гу* говоря,
Песню свою свободную запел.
Дорогие-*вэл* эвенки-*гу* люди!
За несколько-*гу* месяцев-*гу*

Аналлакмачан* энтэмэриткэн
Эннэкэннгэчимнмэр-кэ
Энтэмэчимнин,
Бакалдыдягат.
Аявримa актаканды-гу умутогкотнол,
Муннэгдеричэчинтын,
Нёгеhуткан-ге нёгаркаткан-ка
Оронмор-ко нюрин гурэн-кэ
Нэнэнгнэкэндин нгнэвкэндегэт!

179. БАКАЛДЫН ИКЭНИН

Би-кэкэн, би-кэкэн
Сиксэнмэпты сэрунтэдери* сиксэнингив,
Сэренмэтчэнэн дюгеёден,
Нэкункэни акин-ка эвэнкиткэр бакалдыксал,
Чутурима солко-гу чукаялкан лайданглавар
Онирмачан оёёдун
Умунупнэвэр гэрбидун,
Урэткэнди тэгэлэниксэл,
Икэкэтнэл эвидегэт.
Эдэл бэел эр-кэ-ге(н) икэлэнде
Ёкун-ка-гу аява-ка дёнчадянакан,
Амилкан-энинduккi дялдакса(н),
Эмэнмудечэв-кэ-гу гунми-кэ
Ёма-да-гу аннанна-гу тэгэёлду
Ая маны-гу* остолдутын*
Тэрэнкэкi тэгэлэнчэдедэви гуннэл-кэ-гу
Дюр дяпкун* эвтылэкэнми догиръядун
Эмэнденгэтын икэткэндиви-кэ-гу
Эвэдыдем тавар-ка, гиркиёл, эвэкэёл!

180. [ЭВЭЛВИ, ЭhЭКЭЛВИ, АМТЫЛВИ!]

Эвэлви, эhэкэлви, амтылви!
Дуннэдутыт дуннэдутын
Орокорви илбэктэдем.
Того, того олвэтын

Как священные хоркающие
Оленятки наши,
Перекликаясь,
Встретимся-ка.
Любимым оленям-быкам
Подражая им, подпрыгивая,
Легко бегая,
Молодого оленя-передовика
Неустанному бегу подобно
Будем двигаться вперед!

179. ПЕСНЯ ВСТРЕЧИ

Мой же, мой же
Вечерний прохладный вечер,
Когда он наступил,
Младшие-старшие братья-*ка*-эвенки, встретившись
На поляне с синеватой* шёлковой зеленью,
На красивой её поверхности
Ради нашей встречи,
Наравне все расположившись,
Попоём-ка, повеселимся.
Дорогие друзья, в этих игрищах
О чём хорошем думая,
От отца и матери
Оставался я?
У любых-*гу* чужих-*гу*
За их праздничным столом
Сиди как равный с ними, завещали.
В дважды восьми ребрах моих
Оставленные ими песни
По-эвенкийски пою, друзья, бабушки!

180. [БАБУШКИ МОИ, ДЕДУШКИ МОИ, РОДИТЕЛИ МОИ!*]

Бабушки мои, дедушки мои, родители мои!
На нашей земле, земле
Олешков своих пасу.
Огня, огня обычаи ваши*

Одёдёно, итывдяна,
Бэелвэ ичэтчэнэ,
Одёлватын одёденэ нгэнэктэдем.
Нирунңа, Нирунңа,
Ниручи бираканан.
Эвэлви, эһэкэлви
Дүннэлтын бидектын,
Орокорво илбэктэдектын.
Эткэн тар дүннэлдук
Дёлово коңноломово, чатуринма бакачал,
Дүннэдук гадяра, ирудяра.
Эткэн тар дүннэду
Һэгды, гудей, омакта
Город* илгимадяран.

Соблюдая, угощение совершая,
На людей глядя,
Запреты соблюдая, живу.
Нерюнгри, Нерюнгри,
Хариусовая речка.
Бабушек моих, дедушек моих
Земля пусть живёт,
Оленей своих пусть пасут [эвенки].
Сейчас в этих землях
Чёрные камни, уголь нашли,
Из земли добывают, вынимают.
Сейчас на той земле
Большой, красивый, новый
Город стоит.

СВЕДЕНИЯ О ТЕКСТАХ И ПРИНЦИПАХ ИХ ПУБЛИКАЦИИ

Основной особенностью обрядовой поэзии эвенков является краткость и сжатость поэтических обрядовых форм, связанных с традициями жизни, правилами и нормами национальной морали, регламентированной системой запретов (*одэ̄, итыӈ*). Пояснения и замечания исполнителей обрядовой поэзии относительно обстоятельств проведения того или иного обрядового действа порой невозможно оторвать от самого текста, иначе нарушается живая нить устного бытования. Этнокультурный контекст очень важен, поэтому мы выбрали комплексный подход к подаче обрядовых материалов.

В том вошли 180 образцов обрядовой поэзии и песен эвенков. Основу обрядовой части тома составили полевые материалы, собранные начиная с 70-х годов XX в. по настоящее время и записанные от руки составителем тома Г.И. Варламовой (большая часть песен записана на бытовой магнитофон составителем тома Ю.И. Шейкиным, в том числе в ходе совместной экспедиционной работы двух составителей), а также записанные на профессиональной аппаратуре в ходе КФЭ 1986, 1987 и 1989 гг. (см. раздел «Источники фольклорных материалов»).

В корпус текстов вошли три заговора (тексты 9, 13, 54), записанные ранее М.Г. Воскобойниковым [Воскобойников, 1960а].

Образцы обрядовой поэзии и песен эвенков, включённые в том, сохраняют специфику того диалекта, говора, на котором они исполнялись, поэтому значения одного и того же слова в разных случаях могут не совпадать (подобные случаи специально оговорены). Однако указать точно, на каком говоре записан тот или иной текст, невозможно. До сих пор лингвистами, исследующими эвенкийский язык, описаны не все говоры; нет единого мнения об их точном количестве. Говоры эвенкийского языка активно изучали в 1950–1970-е гг. К настоящему времени языковая ситуация в эвенкийской среде кардинально изменилась. С первых лет установления советской власти происходили различные миграции как групп эвенков, так и отдельных представителей народа в связи с коллективизацией, укрупнением колхозов в совхозы, событиями 1990-х гг. В результате перемещений и переездов людей отдельные говоры исчезли вовсе, другие перемешались, говоры более многочисленных групп эвенков поглотили говоры мелких групп. В итоге ни один из говоров эвенкийского языка не сохранился в прежнем виде, в нынешних местах компактного проживания эвенков говоры сильно перемешаны, современное состояние эвенкийского языка требует ревизии ранее оп-

ределённых языковедами говоров. Немаловажную роль в современном смешении говоров сыграли упрямые попытки создания единого литературного эвенкийского языка, когда публикация всей письменной литературы эвенков была ориентирована на эту цель. Единого литературного языка эвенков до сих пор не существует, но многие былые говоры теперь невозможно идентифицировать. С полной уверенностью можно говорить лишь о наличии наречий в современном эвенкийском языке и групп говоров, имеющих общие характеристики по территориальной близости расселения групп эвенков (к примеру, говоры эвенков Якутии, говоры эвенков Красноярского края, говоры восточных эвенков). По этой причине в томе не даны названия говоров, а лишь указаны место записи, род и место рождения информанта; если он менял место жительства, это тоже отмечено. Приемлемой характеристикой говора является принадлежность информанта к тому или иному роду. Например, эвенки рода Бута почти везде говорят одинаково — как в Южной Якутии, так и в Хабаровском крае и Амурской области. По текстам тома языковеды смогут определить говор, а также в будущем провести ревизию говоров, так как материалы тома записаны с 1970-х гг. по настоящее время, за исключением ранее публиковавшихся текстов из фольклорного сборника 1936 г. и материалов М.Г. Воскобойникова.

При переводе на русский язык учитывались особенности и специфика эвенкийского языка. К примеру, для языка эвенков характерен суффиксальный способ словообразования: к одной основе слова может присоединяться несколько суффиксов, и каждый из них придаёт слову отдельное значение. Сложность перевода подобных слов на русский язык состоит в том, что все грамматические значения не удаётся передать одной русской словоформой. К примеру, слово *демӯмӯлим* имеет три суффикса. *Де* — корень слова от глагола *деп-мӣ, дев-мӣ* «есть, кушать», *-мӯ-* — глагольный суффикс начинательности действия, следующий суффикс *-мӯ-* — суффикс желательности, хотения чего-то, *-м* — суффикс 1-го лица, который чаще всего при переводе приходится передавать местоимением «я». Точный перевод слова *демӯмӯлим* — «начинаю хотеть есть я». Добавление к одному и тому же слову тех или иных суффиксов меняет его значение. К примеру: *бэе* — «человек», но *бэемӣ* — «плохой человек»; *бэендӗ* следует перевести как «большой человек»: попытка передачи его русским существительным «человечище» в большинстве случаев неприемлема.

Другая особенность эвенкийского языка — обязательность употребления в речи притяжательных суффиксов, значение которых чаще всего приходится передавать тем или иным местоимением; иногда это «утяжеляет» русский текст. При переводе учитывалась и многозначность эвенкийских слов в зависимости от контекста. Например, глагол *ӈэнэмӣ* («идти») часто имеет переносные значения «ехать, лететь, плыть», а также «жить»: *Бӣ дяпкундяр аннаныва ӈэнэм.* — «Я прожил (букв. «прошёл») 80 лет». В поэтической речи конкретное значение этого глагола зависит от того, в каком контексте, в сочетании с какими словами он употреблён. Также в переводе нередко приходилось менять порядок слов. Невозможно перечислить всё, что следует учитывать при переводе на русский язык, мы привели лишь отдельные примеры трудностей перевода.

В примечаниях и комментариях даны сведения о публикуемых текстах: где, кем, когда и от кого они записаны, кто расшифровал текст и напев с магнитной ленты (если такая расшифровка была осуществлена); для ранее изданных текстов указан источник цитирования. Отсутствие сведений об аудиозаписи или публикации означает, что текст

имеется только в записи от руки. Биографические данные исполнителей, от которых записано значительное количество образцов обрядовой поэзии или песен, представлены более подробно. Все особенности пения отражены в подтекстовках к нотным примерам, которые точно соответствуют фонограмме.

Слова, добавленные составителями в переводах для ясности, помещены в квадратные скобки, как и названия текстов, данные не исполнителями, а составителями — по первой поэтической строке или первой фразе. Слова и фразы, произнесённые исполнителями по-русски, в переводе взяты в круглые скобки.

Поясняемые слова и выражения в текстах отмечены звездочкой (*), в примечаниях и комментариях указаны номера стихотворных строк или прозаических блоков. Слова, выделенные в русском переводе курсивом и оставленные без перевода, можно найти в словаре непереведённых слов, где дано их толкование.

При публикации шаманских и песенных текстов, которые исполняются в сопровождении хора, принят следующий принцип: реплики основного исполнителя (шамана, запевалы хороводного танца) помещены в левый столбец, а реплики хора — в правый. В некоторых запевах танцев хор танцующих повторяет за запевалой все без исключения строки без изменений; в таких случаях реплики хора не выделяются, а особенность исполнения оговаривается в комментариях к тексту.

В примечаниях к национальному тексту большое место занимают указания на заимствованный характер некоторых слов, употребляемых исполнителями. Чаще всего заимствования происходят из русского языка, реже — из якутского. Происхождение этих слов указано как русское или якутское независимо от того, насколько слово освоено в эвенкийском языке; ряд русских и якутских заимствований уже вошли в словари эвенкийского языка с указанием источника.

Русские имена в переводах указаны не в эвенкийской форме, а в оригинальном звучании: Натā — Наташа, Улōскэ — Алёшка, Сēня — Женя и т.д. Географические названия также даются в форме, известной русскому читателю: Нюкдe — Нюкжа, Дюгдюр — Джугджур, Олōкма — Олёкма и т.д.

Г.И. Варламова,
Ю.В. Лиморенко

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

БУГАДЫ ИТЫЛ
ОБРЯДЫ ПОЧИТАНИЯ ПРИРОДЫ

1. [Сигӯн аһинывкӣ умнэкэн] ([Солнце засыпает вдруг]). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название тексту дала составитель по первой строке.

2 — Текло́я... (...стекло...) — от рус. «стекло».
— ...надачи... (...надо...) — от рус. «надо».

---

1 — *Солнце, солнце... (Дылача, сигӯн...)* — в национальном тексте используются два слова из разных говоров со значением «солнце»: *дылача* — в некоторых говорах Якутии, Бурятии, сахалинском, *сигӯн* — в дальневосточных говорах [Мыреева, 2004, с. 179, 500]. В ряде говоров (иенгринский, учурско-зейский) используются оба слова.

2 — *Сигундэр... (Сигундэ́р...)* — одно из имён, которыми называют солнце, представляющее в образе женщины или старца.

3 — *...во все бубны свои бьют (...бутуннул уӈтувундӯвэр иктӯвкӣл)* — у шаманов бывает несколько бубнов. В этом случае нужно бить во все бубны сразу (их раздают помощникам шамана).

— ...в свои котелки, в свои котлы (...икэчэ́рвэр, каларвар) — в национальном тексте используются два слова из разных говоров со значением «котёл»: *икэчэ́н* — в говорах Восточной Якутии, Дальнего Востока, сахалинском, *калан* — в говорах Якутии и Прибайкалья [Мыреева, 2004, с. 236, 267]. В ряде говоров (алданском, урмийском, хинганском) употребляется и то и другое слово. *Икэчэ́н* — походный котелок, *калан* — общий котёл, в котором готовят на всю семью.

2. Тыгдэлэ́вун (Хождение за дождём). Зап. Г.И. Варламова в 1982 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— Тыгдэлэ́вун (Хождение за дождём) — глагольное слово от *тыгдэ* («дождь»). С помощью суффикса *-лавун* (*-лэвун*) от любого существительного можно образо-

вать глагольное слово, обозначающее начало какого-то действия. К примеру, от слова *сиӈкэн* («удача») образуется глагольное слово *сиӈкэлэвун* («хождение за охотничьей удачей»). Этот суффикс часто употребляется для образования слов со значением обрядовых действий.

В тексте изложен один из способов вызывания дождя. Дождь можно вызвать и по-другому: нужно, чтобы старый или очень уважаемый человек искупался в реке, раздевшись почти донага (оставшись в одном белье). Пожилые люди у эвенков не только не купаются, но и остерегаются показывать своё тело другим.

— *...засохшей травкой брюшко ему набивают... (...олгочō чӯкаканма урдӯн чипчиһинивкīл...)* — травку просовывают в отверстие на конце брюшка паута. Засохшая травка нужна, чтобы божество Неба увидело: на земле сохнет трава, очень нужен дождь. Если же долго идут дожди и необходима ясная погода, то проделывают то же самое, но используют зелёную, свежую траву.

3. [Тыгдэлдэ̄н] ([Чтобы дождь пошёл]). Зап. Г.И. Варламова в 1978 г. от Е.Н. Александровой (Лехановой) в пос. Бомнак Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дала составитель тома по первой фразе текста.

— *...будто хочет на голову надеть (...тэтымкэ̄вки дылдӯви)* — во всех других случаях детям не разрешают надевать на голову кастрюли, котелки и т.д. Есть примета: если позволять ребёнку играть с кастрюлями и любой другой посудой, надевая их на голову, то он станет глупым, умственно неразвитым.

4. [Тыгдэлдэ̄н] ([Чтобы дождь пошёл]). Зап. Г.И. Варламова в 1982 г. от В.Д. Колесова в пос. Бомнак Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дал исполнитель по первой фразе текста.

— *...лиственницу... (...ирэ̄ктэду...)* — в обрядах эвенки чаще всего используют лиственницу и её ветви. Слово *ирэктэ* в разных диалектах может обозначать дерево любой породы или дерево вообще.

— *Дождя пошли, за дождём сходи! (Тыгдэе уӈкэл, тыгдэлэ̄кэл!)* — обращение к шкуре.

5. Агды̄ллакин hиругэ̄н (Заклинание при грозе). Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от Н.Л. Эмидака в пос. Эконда Эвенкийского АО. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...hиругэ̄н (...заклинание)* — песенное заклинание. Этот текст, по-видимому, имеет древнее происхождение, так как он поётся, а не проговаривается. Заклинание исполняется всеми, кто есть на стойбище. При этом обращаются не к самому божеству грома и грозы, а к небесной покровительнице — Небу (Буга), называя её матушкой.

— *Пэ̄чилэ̄ ... (...на печь...)* — от рус. «печь».

— *...всё железное (ножи, топоры, ружья) прячут (...сэлэмэлбэ (котолбор, сукэлбэр, бэрилвэр) дяявкӣл)* — нельзя, чтобы железные предметы оставались на улице, под открытым небом, так как молния бьёт в железо.

5–6 — *На землице-земле / Сироты мы (Дӯннэкэн дӯннэдӯ / Анӈадякар биһип)* — бабушка Небо живёт на небе, а люди — на земле, и без неё они чувствуют себя сиротами.

6. Арчёва алгӑ (Заклинание для Арче). Зап. Г.И. Варламова в 1990 г. от А.С. Гавриловой в с. Удское Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

1 — *Агдӯва... (Грома...)* — слово *агдӯ* («гром, дух грома») в словаре А.Н. Мыреевой имеет помету *фолькл.* [Мыреева, 2004, с. 25].

— *...лулатпэ, урбакива... (...платок, рубашку...)* — от рус. «платок», «рубаха».

— *Красное грозе не показывают, прячут (Ӈуларӣнма агдӯдӯ эвкӣл ичэвкэнэ, дяявкил)* — эвенки верят, что красный цвет притягивает молнию, и во время грозы стараются спрятать всё красное.

— *...деревья... (...ирэктэлвэ...)* — букв. «лиственницы». Слово *ирэктэ* может означать и «дерево вообще» (см. коммент. к тексту 4).

7. Агдӯллакин алгӑ (Заклинание при грозе). Зап. Г.И. Варламова в 1982 г. от М.П. Кульбертиновой в тайге близ с. Иенгра Нерюнгринского р-на АЯССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 179.

1 — *Сукуначӣлдулэ, супкучӣлдулэ... (К тем, у кого сукно, зипуны...)* — от рус. «сукно», «зипун».

— *К тем, у кого сукно, зипуны... (Сукуначӣлдулэ, супкучӣлдулэ...)* — т.е. к русским.

— *...грех! (...ӈэлумӧ!)* — от *ӈэлэ* («страх»); *ӈэлумӧ* — «грешно! нельзя! страшно!» [Мыреева, 2004, с. 449].

— *...для тебя твои камни мы соберём! (...дёлоӈилас тавдиӈавун...)* — имеется в виду кремень. Кремень называется *агды дёлоконын* — «камень грома». Иногда такие камни находят под корнями деревьев, разбитых молнией.

8. Арчёва алга (Заклинание для Арче). Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от Н.Л. Эмидака в пос. Эконда Эвенкийского АО. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

6 — *Одёжки у нас плохие (Тэтыгэлвун эрӯпчӯл)* — люди прибедняются, чтобы вызвать жалость у Арче.

— *...дом вокруг обходя (...дӧвар һороливдянал)* — дом окуривают, обходя его по кругу с дымящимся можжевельником.

— *...красные платья... (...һуларӣл урбакилвар...)* — из-за боязни притянуть молнию убирают подальше всё красное (см. коммент. к тексту 6).

9. [Маркана чикуксал] ([Марник срезают]). Зап. М.Г. Воскобойников у бурятских эвенков. Исполнитель не указан. Опубл.: [Воскобойников, 1960а, с. 96—107].

Собиратель дал тексту название «Заговор против грозы»; по его словам, «специального термина заговоры у эвенков не имеют» [там же, с. 106]. Современные эвенки Бурятии употребляют термин *мургу*, он зафиксирован составителем тома Г.И. Варламовой в экспедиции 2004 г. к баргузинским эвенкам. Слово *мургу*, по-видимому, восходит к бурят. *мургэхэ* («молиться, кланяться духам-божествам»).

— *Маркана... (Марник...)* — от рус. «марник» — кустарник, растущий на мари.

10. Агды̄ткн гуңнэ̄рэ (Грому принято говорить). Самозапись в 2011 г. В.А. Дуткиной (Иригиной) в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Меня не забирай... (Минэ экэл гада...)* — т.е. не убивай.

— *...мэлкэн... (...мэ̄лкэн...) — мэ̄лкэн, мэ̄лкон* — злой лесной дух в виде огонька, мелькающего вдали [Мыреева, 2004, с. 384].

— *Найди его, найди! (Бакакал, бакакал!)* — эвенки верят, что этого духа может уничтожить только гром, разбив дерево молнией.

11. [Неңдэлэдэ̄н] ([Чтобы распогодилось]). Зап. Г.И. Варламова в 1978 г. от Е.Н. Александровой в пос. Бомнак Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дала составитель тома по первой фразе текста.

Смысл действий детей в том, чтобы солнцу стало стыдно: от долгого дождя оно совсем промокло. Нужно улучить момент, когда из-за туч на миг выглянет солнце. Делают это только маленькие девочки, лет до семи.

12. [О̄н о̄вкил, неңдэлэдэ̄н] ([Как делают, чтобы распогодилось]). Зап. Г.И. Варламова в 1982 г. от Ф.Г. Боярковской в с. Первомайское Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название тексту дала составитель тома по первому предложению.

— *...у неба просят (...бугадук гэлэ̄вкӣл)* — слово *буга* имеет много переносных значений [Мыреева, 2004, с. 99—100]. В данном случае оно обозначает божество Буга (Небо); чаще всего эвенки представляют Небо в женском образе [Варламова, 2004].

— *...на них рыбачить хорошо (...тарит олломо̄ттo ая бивки)* — речь идёт о дождевом черве, на которого часто рыбачат.

1 — *Небо великое... (Бугака̄кун...)* — суффикс *-кун* выражает значение почтения, уважения к тому, о ком говорят.

2 — *...вся водою наполнилась (...дэльби мӯчи о̄ран)* — букв. «совсем с водой стала».

7 — *...черви землю съедят (Кулӣка̄л дӯннэвэ депче̄тын)* — дождевым червям нравится ненастная погода, и они усиленно плодятся, чем, по представлениям эвенков, могут навредить земле. Вредны и все прочие черви, ведь в долгое ненастье всё начинает гнить и портиться.

13. [Экэл тыгдэрэ] ([Не лей]). Зап. М.Г. Воскобойников у бурятских эвенков. Опубл.: [Воскобойников, 1960а, с. 96—107]. Исполнитель не указан.

Название тексту дал собиратель. Тексту предпослан комментарий М.Г. Воскобойникова, описывающий ритуальные действия: «Летом, когда во время сенокоса была ненастная погода, эвенки прибегали к заговору против дождя. При этом брали ведро или чайник с водой и разбрызгивали её в разные стороны, в воду наливали немного оленьей крови. Когда кончалась вода, то все присутствующие говорили — *манам* («кончил»). Затем тот, кто разбрызгивал воду, произносил слова» [там же, с. 107].

Вариант

Опубл.: [Воскобойников, 1960б, с. 17].

«Пусть не будет дождя сегодня. Завтра ли, послезавтра ли пусть будет дождь. Когда я кошу траву, пусть не будет дождя».

14. [Сигӯнэвэ куҥакар гэлӭвкӣтын (сӧма горо тыгдэдерэкин, мудӭрэкин)] ([Испрашивание детьми солнца (если идут долгие дожди, начинается наводнение)]). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Ф.Г. Боярковской в пос. Заря Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название тексту дала составитель.

3, 10 — в тексте встречаются слова *ичэhикэл* и *ичэикэл* как две равноправные формы в значении «выгляни»; звук [h] в интервокальном положении может выпадать.

— *Испрашивание детьми солнца... (Сигӯнэвэ куҥакар гэлӭвкӣтын...)* — если долго шли дожди и угрожало наводнение, то детей посылали на берег реки, чтобы, сидя на камнях, они просили солнце прекратить дожди. Одни дети сидели на камнях, другие должны были скакать по гальке на одной ноге, держась правой рукой за левое ухо и приговаривая такой текст.

— *По гальке бежим... (Иҥалӣ туксандянал...)* — как будто убегая от разлива реки, когда вода поднялась высоко на галечный берег.

15. Сигӯнэвэ куҥакар гэлӭвкӣтын (Испрашивание детьми солнца). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от Ф.Г. Боярковской в пос. Заря Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 179. Публ. впервые.

4 — *Мэҥумэ... (...золотого...)* — слово *мэҥун* может означать и «серебро», и «золото»; у дальневосточных эвенков оно чаще используется в значении «золото» (а также «деньги»).

---

1 — *Сигундар солнце (Сигӯндар сигӯнэ)* — Сигундар, Сигундарин — имя, которым называют солнце, оно представляется в образе женщины или старца (см. коммент. к тексту 1).

3 — *Из дома-домика... (Чӧрӑ-чӧрӑдукки...) — чора дӯ, чорӑма дӯ* — переносное жилище типа юрты, более просторное, чем чум, по форме похожее на колокольчик (*чоран*), отсюда связь домика с колокольчиком (*мэҥумэ чӧрӑндукки* — «из своего золотого колокольчика»).

11 — *Дети твои бегут! (Һутэлли туксāндяра!)* — как будто убегая от наводнения (см. коммент. к тексту 14).

Пояснение исполнительницы: «Дети, играя на берегу реки, купаясь, просили солнце, если оно надолго заходило за тучи, чтобы согреться. Также их могли послать на берег реки просить солнце и взрослые, если шли сильные дожди».

16. [Алгā] ([Заклинание]). Зап. Г.И. Варламова в 1982 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дала составитель тома.

— *...выздоравливай! (...аӣкал!)* — по представлениям эвенков, дождь — это слёзы Неба-дедушки. Плакать он может оттого, что ему больно, что-то заболело.

— *Огонь, иди полечи [Небо]! (Тогокō, аӣвнакэл!)* — эвенки верят в целебную силу духа огня, способного лечить различные болезни; подробнее о целительных обрядах, связанных с огнём, см. тексты раздела «Семейно-родовые обряды».

17. Сугӣва алгā (Заклинание вихря). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от М.П. Кульбертиновой в с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 179. Публ. впервые.

— *...нада... (...нужно...)* — от рус. «надо».

...вихря (Сугӣва...) — вихрь, дух вихря. Считается, что он живёт на дереве, где есть короткие ветви, образующие шар. Такие деревья эвенки называют жилищем вихря. Если пошевелить шар палкой, начинается вихрь: если побеспокоить Суги, тот вылетит из своего дома. Если человек не успевает произнести заклинание, привязав топор, нож или пальмý к дереву, вихрь может унести его жилище — это не к добру. И.А. Лазарев рассказывал, как, когда он был молод и женат в первый раз, внезапно налетел вихрь и из всех палаток унёс только его жилище. Позднее его жена умерла.

7—8 — *Обходи выше, /Обходи ниже! (Агилкал дӯлӣ, / Агилкал ӈӗгидалӣ!)* — т.е. пройди по склону или выше, или ниже человека, произносящего заклинание.

18. Һулганнӣ (Подношение). Зап. Г.И. Варламова от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Подношение (Һулганнӣ)* — обрядовое действие: принесение даров духу местности (в данном случае — духу озера), сопровождаемое словесным заклинанием.

— *...Чукчагир...* — большое пресное озеро, богатое рыбой, в р-не им. П. Осипенко Хабаровского края, в бассейне р. Амгунь. Глубина до 6 м, площадь водного зеркала 366 км². В этой местности эвенки проживали рядом с негидальцами.

— *...дух-хозяин появился (...ӣтчӣ ӧча)* — *итчи* от якут. *иччи* — дух местности, озера, долины, реки, горы. По представлениям эвенков, дух-хозяин у местности может появиться по-разному. К рассказам о таком событии относится и данный текст: духами-хозяевами озера Чукчагир стали души утонувших людей.

19. Дюгдю̄р-эӈэкэ̄дӯ ӈиргэ̄ (Заклинание Джугджура-дедушки). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Е.Г. Охлопкова в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название тексту дал исполнитель.

— *...имтӣрэ... (...угощения...)* — *имтӣрэ* — причастие от глагола *имтӣ* («совершать обряд угощения»).

— *...Джугджура-дедушки (Дюгдю̄р-эӈэкэ̄дӯ...)* — Джугджур — горный хребет в Хабаровском крае и Амурской обл., простирающийся вдоль северо-западного побережья Охотского моря. Длина около 700 км, максимальная высота 1906 м (г. Топко). Водораздел бассейна р. Алдан и Охотского моря. Название происходит от эвенк. *дюгдюр* («горный хребет»).

20. Дюгдю̄р-амин бугадӯ алга̄ (Заклинание земли Джугджура-отца). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

4 — *Заветное... (Мӯӈулкэ̄н...)* — букв. «имеющее священную силу», образовано от слова *мусун/муӈун*. В словаре А.Н. Мыреевой: «*Мусун* I — *этногр.* 1) сила движения (в явлениях природы); 2) *суеверн.* дух-хозяин (любого явления природы)... *Мусун* II — 1) настроение; 2) одарённость; 3) дар слова. *Мусучӣ* — 1) одарённый; 2) *этногр.* имеющий духа-хозяина. *Муӈур* — имеющий дух» [Мыреева, 2004, с. 381].

5—6 — *В мозг свой введи,/ На уши нанижи... (Иргэлэ̄ви ӣвкэл,/ Сэ̄ндӯи силдыдякал...)* — формула призыва к вниманию, широко встречающаяся в эвенкийском эпосе. Примеры вариантов этой формулы в героическом сказании: «Мои слова / Вбей [себе] в мозг, / Учуй нутром, / Вкрути в уши!» [Эвенкийские героические сказания, 1990, с. 142—143]; «Вещие мои слова / Вбей [себе] в мозг, / Вкрути в уши, / Учуй нутром...» [там же, с. 304—307].

21. Саламавкӣ (Дарение *саламы*). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от Н.Л. Эмидака в пос. Эконда Эвенкийского АО. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Текст описывает изготовление *саламы* во время шаманского камлания.

1 — *...папиро̄ская уйден. Кампэ̄тъя (...папироску привяжет. Конфеты...)* — от рус. «папироска», «конфета».

2 — *То̄ра̄к э̄ӈачӣл... (Поперечноглазые...)* — *то̄ра̄к* — от *то̄ра* от якут. *туора* («поперечный») [Сравнительный словарь..., 1977, с. 199]. *То̄ра* («поперёк») от якут. *туора* («поперечный; посторонний, чужой») [Мыреева, 2004, с. 613]. *Э̄ӈачӣл* от *э̄ӈа* («глаз»), ср. *э̄са* [Василевич, 1940, с. 189; Болдырев, 2000, т. 2, с. 405], *э̄ӈа, э̄ша* [Мыреева, 2004, с. 786].

— *Дарение саламы (Саламавкӣ)* — в словаре А.Н. Мыреевой: «Салама — ритуальная верёвка с нанизанными на ней полосками из разноцветной ткани, пучками шерсти, мелких предметов (от якут. *салама*)» [Мыреева, 2004, с. 488—489].

1 —*Три молодых лиственнички ставят (Илан мучуктэткэнмэ иливувкӣл)* — число три здесь символизирует три мира.

— *...новые тряпочки... (...саңгая оноктоткӯро...)* — к нитке *саламы* привязывают ленточки или полоски ткани, причём обязательно оторванные от куска новой материи.

2 — *Эту саламу вместе с тремя молодыми лиственничками на большую, высокую лиственницу теперь привязывают (Тар саламава илан мучуктэткэннӯн һэгды, гугда ирэктэдӯ эһилэ угӣлэ уивкӣл)* — лиственнички складывают вместе по длине и обматывают *саламой*; всё это заворачивают в ткань, чтобы не было видно *саламы*. Находят далеко в лесу высокую лиственницу, вокруг которой много густого кустарника, молодых деревьев — малопроходимое и недоступное для человека место. Лиственнички с *саламой* привязывают к стволу этой лиственницы поближе к её верхушке, высоко от земли.

— *Подальше... (Гороһинчадӯ...)* — далеко от человеческого жилья, в труднодоступном месте, куда никто не пойдёт. Там *салама* будет в неприкосновенности.

— *Поперечноглазые... (Тӯрӣк ӗһачӣл...)* — «двуногий, поперечноглазый, черноголовый эвенк-человек» (*дӯр һалганкан, эвуникӣ ӗһалкан, коңнорин дылилкан эвенкӣбэе*) — формула, обозначающая в эвенкийских героических сказаниях человека [Кэптукэ, 1991]. Возможно, в данном случае «поперечноглазый» обозначает «человек вообще».

— *...чтобы всё было хорошо... (...ая бидэн...)* — т.е. чтобы те, кто принимал участие в изготовлении *саламы*, были счастливы, жили хорошо.

22. Саламавкӣ алгӣнюн (Дарение *саламы* с благословением). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от М.П. Кульбертиновой в с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 179. Публ. впервые.

Описанный обряд проводится шаманкой. Текст обращён к гостям, впервые приехавшим к эвенкам.

— *...надӣ (...должны...)* — от рус. «надо».

— *Дарение саламы... (Саламавкӣ)* — см. коммент. к тексту 21.

— *...старших сестёр, младших сестёр и братьев... (...экнӣлвэр, нэкнӣлвэр...)* — т.е. сородичей-эвенков. *Нэкнӣл* — «братья, сёстры младшие» [Мыреева, 2004, с. 407].

23. Дӯннӯр-энӣдӯ һулганнӣ (Подношение Земле-матери). Зап. Г.И. Варламова в 1984 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 179. Публ. впервые.

— *...посленней... (...на последней...)* — от рус. «последний».

— *...Земле-матери (Дӯннӯр-энӣдӯ...)* — Земля-мать — дух земли, по представлениям эвенков, живёт в глубине земли. Изредка мог кому-нибудь показаться в образе женщины с очень большими ушами, высунувшейся из земли до половины. Если охотник встречал её, то должен был подержаться за её уши двумя руками. Тогда он получал необыкновенную удачливость в охоте и мог разбогатеть.

24. Балдыдя̄к дӯннэдуккӣ нулгилмӣ алга̄н (Благословение при переезде с родной земли). Зап. Г.И. Варламова в 1974 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Балдыдя̄к дӯннэдуккӣ... (...с родной земли)* — *балдыдя̄к дӯннэдук* — устойчивое сочетание со значением «родина, родная земля».

8 — *...экэллу гунэ! (...так не говори!)* — возможно, оговорка исполнителя: мн. ч. (*экэллу*) вместо ед. ч. (*экэл*), необходимого по смыслу.

---

6 — *...заветного (Мӯӈулкэ̄н...)* — букв. «имеющего священную силу»; подробнее см. коммент. к тексту 20.

10—11 — *Жизнь прожить — не один / Перевал перевалить... (Бинӣвэ бидэ̄ умун алакӣт / Эчэ бирэ...)* — эвенкийская пословица.

13—14 — *Тебе — твоё, / А мне пусть моё будет! (Сӣ аййс — синдӯ, / Бӣ аййв миндӯ о̄гин!)* — устойчивая формула прощания, часто встречающаяся в эпосе. Её используют в благословении, когда покидают какую-либо местность насовсем, не в ходе сезонной кочёвки.

25. Дӯннэ иччӣдӯн алга̄ (Благословение духу-хозяину земли). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от А.А. Осипова в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Якут по происхождению, Антон Антонович подростком попал к эвенкам, научился эвенкийскому языку, женился на эвенкийке Вере Гаврильевне Конёнковой (Конёнкиной) из рода Чэрбэгир по отцу, Нгангагир по матери. Многие годы был председателем эвенкийского колхоза. При укрупнении колхозов в совхозы решил увезти свою семью в Якутск и перед отъездом повёз детей в священное место Кавергу — попрощаться с духом земли, где они родились, откуда родом была их мать.

— *Ёкӯскайла̄... (В Якутск...)* — эвенкийское звучание названия «Якутск».

— *...духу-хозяину земли (Дӯннэ иччӣдӯн...)* — по представлениям эвенков родом с Ангары (Иркутская обл.), дух земли мог появиться в облике старушки с длинными ушами (см. коммент. к тексту 23) или мальчика.

— *...в Кавергу... (...Ка̄вергала̄...)* — местность вблизи Бодайбо (Иркутская обл.), где находилось священное место эвенков. Здесь протекала речка с каменистыми берегами и скалой, напоминающей женщину. Под скалой было много камешков необыкновенной формы — в виде животных, людей, монет, много камешков с отверстием. Все они считались у эвенков приносящими удачу и счастье, люди брали их с собой в качестве талисманов. В этом же священном месте эвенки тайком хоронили людей по старинному обычаю: на *арангасах* — помостах, построенных на дереве или на вбитых в землю сваях.

По рассказам исполнителя и его жены, дух земли в Каверге в виде женщины на олене охранял золотой самородок. В Бодайбо издавна добывали золото, и эвенки верили, что, когда золото кончится, в последний самородок, по форме напоминающий женщину на олене, вселится сама хозяйка земли Бодайбо.

26. Бира муһӯрэндӯн алгā (Бирава алгā) (Заклинание духа реки (Заклинание реки)). Зап. Г.И. Варламова в 1982 г. от Е.Н. Александровой (Лехановой) в пос. Бомнак Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Опубл.: [Варламова, 2002, с. 133–134].

— Чāскичӣ бимӣ — чāския, лōскачӣ — лōскачāна (Чашка есть — чашку [оставляют], ложка — ложечку) — от рус. «чашка», «ложка».

— Вот хорошо переправились, тальник ломают (Эһӣлэ аят эдэрэ, сēктая огдиңāтын) — переправившись, нужно наломать веточек тальника на другом берегу и, сойдя с оленей, бросить их в реку, благодаря за удачную переправу.

— По течению... (Эдӣгӯлӣ...) — т.е. в ту сторону, куда течёт река. Веточки бросают левой рукой: духам подносят дары и угощения только левой рукой, так как левая сторона соответствует потустороннему миру, миру духов. Теперь это правило нередко нарушается.

— ...привязывают... (...уивкил...) — полоски ткани — дар духу реки — привязывают на том берегу, куда переправились.

— ...ложечку (...лōскачāна) — духу реки часто дарят посуду: чашки, ложки, мисочки, — поскольку он представляется в образе женщины.

Вариант

Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от Е.А. Курейской в пос. Тура Эвенкийского АО. Опубл.: [Варламова, 2002, с. 135–136].

Большую реку переезжая, на нитку тряпочки, длинные лоскутки привязывали. Так привязывали, чтобы висели, болтались на нитке. Кусочки выделанной замши, обрезки шкур, лоскутки привязывали на нитку. Затем говорили:

— Матушка, на ту сторону переброс,
Тебе дали, подарили,
Хорошо нас переправь!

27. Бирава алāндярӣл алгāтын (Заклинание духа реки при переправе). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от Е.Е. Лехановой (Кульбертиновой) в оленеводческой бригаде с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Опубл.: [Варламова, 2002, с. 134–135].

28. Бирава гэлӭдингэс (Просьба к реке). Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от Г.В. Бояршина в пос. Нидым Эвенкийского АО. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— Бабушка, где твоя спина? (Энēкэ, ӣдӯ идерэс?) — дух реки представлялся антропоморфным существом — старушкой, которая разрешает переправляться по своей спине людям, соблюдающим правила отношений с духами природы.

29. Балдыдяк бираладу алгā (Заклинание родных рек). Зап. А. Лаврилье-Васильева и Г.И. Варламова в 2006 г. от Е.П. Николаева, в с. Усть-Нюкжа Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Благословение обращено к двум рекам: Олёкме и Нюкже. Олёкма протекает в Забайкальском крае, Амурской обл. и Республике Саха (Якутия), правый приток Лены, Нюкжа — в Забайкальском крае и Амурской обл., правый приток Олёкмы.

15 — *...Чакигиры-то (...Чāкигириль-канэ)* — эвенкийский род, проживающий в Тунгиро-Олёкминском р-не Забайкальского края и Нюкжинском р-не Амурской обл. [Эвенкийско-русский словарь, 1958, с. 584].

21 — *Хорошо пусть идут... (Аямат ӈэнэдектынэ...)* — т.е. живут.

23 — *Долгий путь им назначьте... (...сугāркальлюнэ...)* — букв. «поставьте вешки для них». *Сугар* — знак-ветка на засеке, которым эвенки обозначают дорогу в лесу [Мыреева, 2004, с. 519].

30. Иенӈэкэндӯ алгā (Благословение милой Иенгре). Зап. Г.И. Варламова в 2000 г. от О.В. Наумовой (Кондаковой) в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

С 1990-х гг. эвенки вновь стали устраивать традиционные праздники, не проводившиеся в советское время. *Икэнипкэ* — весенний праздник, его название происходит от эвенк. *икэн* («песня»). *Бакалдын* — праздник встречи эвенков из разных местностей. Праздники приобрели новые черты: организуются концерты художественной самодеятельности, на них благословения декламируют как стихи. В публикуемом тексте благословение посвящено родной реке, на берегу которой расположено с. Иенгра.

1 — *Ие-ие-Иенгра милая... (Иē-иē-Иēӈэкэн...)* — к названию реки присоединён уменьшительно-ласкательный суффикс *-кэн*. Перевод «Иенгра милая» отражает это значение описательно.

12 — *На глазах водами наполняется... (Ичэвденэ, мӯдāдевкӣ...)* — от дождей Иенгра может быстро («на глазах») вздуться, наполниться водой.

14 — *Камешки свои дробя... (Дēлокōрви ултӯденэ...)* — поэтическая гипербола, передающая силу и стремительность течения реки: оно такое мощное, что может разбивать, дробить камни. Течение Иенгры, когда она полноводна, действительно очень сильное, в это время через неё невозможно переправиться.

31. Бугадӯ алгā (Благословение Неба). Зап. Г.И. Варламова в 2000 г. от О.В. Наумовой (Кондаковой) в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

32. Дюяпчул, шимиктэл балдыдатын (Чтобы голубика, брусника уродилась). Самозапись В.А. Дуткиной (Иригиной) в 2011 г. в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

– *Дюяпчул... (...голубика...)* — в говоре исполнительницы *дюяпчул* — название ягоды голубики; как отмечает А.Н. Мыреева, в различных говорах это слово может обозначать также малину, бруснику [Мыреева, 2004, с. 214].

1 — *Экшэри... (Экшэри...)* — у эвенков Томской обл. верховное божество, то же, что Небо (*Буга*) у восточных эвенков (см. текст 33).

33. Мӭлкон нӭнэврэн бими дӭткиви (Если *мэлкон* ведёт к своему дому). Самозапись В.А. Дуткиной (Иригиной) в 2011 г. в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...мэлкон...* (*Мӭлкон...*) — *мэлкэн, мэлкон* — лесной дух (см. коммент. к тексту 10).

— *Вы [тогда] вежливо разговаривайте друг с другом (Шу эҥнэкэлру мӭрвэр турэрэ)* — *мэлкон* любит пугать, ссорить людей, и с ними могут происходить несчастные случаи, кто-то даже может умереть; заблудившиеся люди не должны поддаваться ему.

— *Пять кругов сделали мы... (Тунҥапра нэнэрэв ...)* — букв. «пятикратно обошли»; исполнительница рассказывает о случае, произошедшем с ней и её мужем.

— *Экшери...* — имя верховного божества (см. коммент. к тексту 32).

34. Бугады кадарду одёки (Почитание Небесной скалы). Зап. А.А. Воронина от Е.С. Агдыреевой в Усть-Джилиндинском эвенкийском сельском поселении Баунтовского эвенкийского р-на. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Исполнительница говорит на шакающем диалекте.

---

1 — *...областу... (...области...)* — от рус. «область».

— *...кампетъе, пулькэльвэ, карталва эмэнывкил* (...конфеты, пульки, карты оставляют) — от рус. «конфеты», «пульки», «карты».

---

1 — *...духам-хозяевам кропят (...иччилду аптывкил)* — разбрызгивают водку пальцем на три стороны света, окропляя священное место. По представлениям некоторых народов Сибири, духи таким образом вкушают спиртные напитки, чай, молоко. Нередко так угощают духа очага, окропляя напитком огонь.

— *...карты оставляют (...карталва эмэнывкил)* — карты дарят духам. Эвенки верят, что духи воды и духи леса один раз в год играют друг с другом в карты. Если выигрывают духи воды, на следующий год будет много рыбы, если духи леса — будет хорошо размножаться лесной зверь.

12 — *Хорошую жизнь нам дай! (Ая бинье мунду улгакал!)* — эвенки совершают обряд подношения с конкретными пожеланиями, которые дух священной скалы может исполнить. Употребление формы *улгакал* («дай, подари») говорит о положении просителя, о надежде получить ответный дар.

Пояснение исполнительницы: «На ветки деревьев повязывают цветные ленты, чтобы жизнь была яркой, интересной. Земля в этом месте устлана толстым слоем ягеля. Помню, ковырнула я ягель пальцем, а под ним лежат старинные монеты. Это означает, что богомолью десятки лет. Моя бабушка Тулбуконова Аграфена говорила, что о приближении конца света можно узнать, наблюдая за скалой. Каменная голова располагается «лицом» на север, а «затылком» на юг. Когда солнце осветит нос каменной головы, тогда настанет конец света».

35. Имтыдемӣ гуннэкис (Угощая, говори). Зап. Г.И. Варламова в 1981 г. от Н.Н. Леханова в пос. Снежногорск (старое название Журбан — от эвенк. Дюрбэн) Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...дюсӣ (...ещё)* — словарь А.Н. Мыреевой даёт также форму *дюссу* («ещё») [Мыреева, 2004, с. 213].

— *Угощая... (Имтыдемӣ...)* — глагол *имты-ми* образован от *имӯ-ми* («мазать жиром») [Мыреева, 2004, с. 245]; в токкинском, томмотском, чульманском, иенгринском, сахалинском говорах известен также глагол *имтыт-ми* («кадить дымом жира зверя с ценным мехом, голову крупного зверя (*обряд*)») [там же]. Считается, что духи питаются дымом от сжигания жира или другой пищи. Поскольку в огонь в ходе обряда бросают не только жир, но и кусочки мяса, масла, прочего съестного, то в текстах тома глагол *имты-ми* переводится как «угощать».

— *Лося ли добыл, другого ли кого нашёл... (Бэӣнэ-гу вамӣ, ӈунтуе-гу бакамӣ...)* — если в первой части предложения назван лось, то и во второй подразумевается копытный зверь (косуля, кабарга). Словом *бэӣн* одни эвенки называют лося, другие — дикого оленя [Мыреева, 2004, с. 123].

36. Бугадӯ имтыӣ (Угощение Небу). Зап. А.А. Воронина в 2011 г. от Ю.Г. Найканчина в Усть-Джилиндинском эвенкийском сельском поселении Баунтовского эвенкийского р-на Бурятии. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

В тексте отражено диалектное произношение исполнителя: *боӣкол (бэӣкэл)*, *илодённы (иладенны)* *экано-вол (эканэ-вэл)* и т.д., а также особенности секающего диалекта: *бисин (биӈин)*.

— *...побрызгай... (...чӑчӯкал...)* — сначала окропляют чаем огонь, потом брызгают им на четыре стороны света.

— *Идя на лося ... (Бэӣденэ...)* — глагол *бэӣ-ми* означает «охотиться на копытного зверя» [Мыреева, 2004, с. 122]. В текстах настоящего тома словом *бэӣн* чаще всего обозначается лось.

Пояснение исполнителя: «Отец мой, Георгий Павлович, был охотником. Он чтил охотничьи традиции своего народа и нас учил тому же. Помню, добудет отец зверя, мясо поделит. Часть себе оставит, а остальное раздаст родственникам, соседям и одиноким женщинам. Этот эвенкийский обычай дележа добычи называется *нимат*. До сих пор эвенки нашего села соблюдают *нимат*, и я в том числе».

37. Бэӣн сӣнгкэнын (*Сингкэн* лося). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от К.В. Григорьева в совхозе «Заря» Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Опубл.: [Варламова, 2002, с. 128].

— *Сингкэн... (...сӣнгкэныи)* — словом *сингкэн* эвенки определяют сложное понятие, связанное с удачей на промысле. Этим термином обозначают и дух промыслового

животного, и удачу на охоте как таковую, и насекомое, в котором воплощается душа животного, а также самого зверя.

1 — *Сингкэн — дух лося... (Сӣнгкэн — бэю̄н тэкэныи...) — тэкэн* — «корневище; основа, основание...» [Мыреева, 2004, с. 647].

— *Сингкэн дай поймать-добыть! (Сӣнгкэлэ̄вкэл-неһӯкэл!)* — в форме *сӣнгкэлэ̄вкэл* суффикс *-лэ-* образует от именных основ глаголы со значением хождения за предметом, названным производящей основой [Болдырев, 2000, т. 2, с. 473]. Таким образом, *сӣнгкэлэ̄* значит «пойти за *сингкэном*», а *сӣнгкэлэ̄вкэл* — «дай пойти за *сингкэном*».

— *С таким вкусом... (Эргэчӣн амтачӣя...)* — т.е. со вкусом жира, как у мухи-*сингкэна* (о жире у насекомого — овода — см. также текст 38).

2 — *...жиром пахнет (...имӯрэмӯвкӣ)* — форма от *имӯрэн* («жир») с помощью суффикса *—му-*, обозначающего ощущение [Василевич, 1940, с. 202]: *имӯрэмӯ* — «ощущать запах жира».

38. Чӣмэчӣн (Овод). Зап. Г.И. Варламова в 1990 г. от А.И. Лазарева в с. Иенгра Нерюнгринского р-на АЯССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Илгӣндӯ... (На стоянку...)* — словарь А.Н. Мыреевой даёт также форму *илгӣмавун* («стоянка») [Мыреева, 2004, с. 239].

— *Овод (Чӣмэчӣн)* — считается, что у овода есть жир. Название насекомого созвучно слову *чӣмэчӣн* («жир под коленной чашечкой») [Мыреева, 2004, с. 720; Болдырев, 2000, т. 2, с. 327], это традиционное лакомство у эвенков. В словаре приводится слово *чӣмэчӣлдӯн* — «насекомое (мухообразное с пёстрыми крыльями)» [Болдырев, 2000, т. 2, с. 326].

— *...добычу даёт (...неһӯвкӣ)* — т.е. имеет способность дарить охотнику душу лося.

— *...два пальца сделай так... (...дӯр уняканмӣ тыкэ̄ о̄кал...)* — указательный палец и мизинец вытягиваются вверх, а остальные сжимаются в кулак.

39. Бугадӯ алга̄ (элэкэс иманна тыктэкин) (Заклинание неба (когда первый снег выпадет)). Зап. Г.И. Варламова в 1974 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

8 — *Удя удяван кэптӯденэ... (По следам следуя...)* — букв. «следом следа идя».

---

9 — *Мужчины Кэптукэ... (Кэптӯкэ̄нкӯр...)* — суффикс *-нкӯр/-нгкӯр* при названии рода обозначает «принадлежность мужчин к родовой организации» [Василевич, 1940, с. 204].

40. Испӣскэт ичэмкэ̄ (Гадание спичкой). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Лена — дочь исполнителя. В 13 лет она убежала из интерната и всю зиму охотилась с отцом. Когда отец брал её с собой на охоту, охота всегда была удачной, поэтому он говорит, что она была *сӣнгкэ̄чӣ* — имела охотничью удачу (*сӣнгкэ̄н*).

Гадание заключается в том, что спичку зажигают и держат вертикально, пока она не догорит; по тому, куда, сгорая, наклоняется спичка, определяют, в какую сторону идти за зверем.

— *Испӣскэт... (Спичкой...)* — от рус. «спичка».

— *Лена очень удачливой была (Лӗнэ со̄ма сиӈкэчӣ биӈӣн)* — букв. «имела *сингкэн*», т.е. охотничью удачу.

— *...погадай... (...ичэкэл...)* — букв. «посмотри».

41. Сӣнгкэлэ̄вун (Добывание *сингкэна*). Зап. А.Н. Мыреева в 1988 г. от М.П. Кульбертиновой в оленеводческом стаде совхоза «Золотинка» при с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Сӣнгкэлэ̄вун (Добывание сингкэна)* — образовано от слова *сиӈкэн* с помощью суффикса *-лавун/-ловун/-лэвун* со значением «добывать что-либо, отправляться за чем-либо».

---

1 — *Патронов очень мало (О̄ӈукэлтын дёгор)* — тратить оставшиеся патроны на мелкого зверя нельзя — их берегут для лося.

— *...не попадается... (...маячӑ...)* — глагол *мая-* означает «перестать попадаться, не иметь удачи на охоте» [Мыреева, 2004, с. 357].

— *...плохо мы запреты соблюдали (...одёлво эрӯт ичэттчэл биӈин)* — букв. «за соблюдением запретов плохо смотрели». По верованиям эвенков, лось перестаёт попадаться охотникам из-за того, что кто-то нарушал ритуальные запреты по отношению к копытному зверю, не почитал его.

— *За сингкэном сходить хорошо бы (Сӣнгкэлэ̄мӣ ая бимчэ)* — т.е. совершить обряд добывания охотничьей удачи (*сӣнгкэн*).

— *Шаман сон видит... (Самӑн то̄лкичивки...)* — шаман засыпает специально, чтобы увидеть во сне будущий обряд.

4 — *Куропатку найдите помазать (Ӈелакия бакакаллу сэ̄ӈэнгкэ̄нэвэр)* — кровью куропатки мажут амулет-*барылак*, изготавливаемый для обряда.

7 — *Человечка-барылака... (Бэекэ̄нэ-барылӑкъя...)* — *барылӑк* — идол охотничьей удачи в виде силуэта человека, его вырезают из доски, рисуют глаза и рот. На него шьют одежду охотника и чехол с клапаном, чтобы закрывать его «лицо».

— *Барылака... (Барылӑккӑнмар...)* — форма *барылӑккӑн* — уменьшительная (*-кан-* — уменьшительный суффикс), в переводе это значение не передано.

— *...костным жиром мажут... (...чӑнмӣн имӯрэкэ̄нди имтывкил...)* — жир из костей лося всегда хранят для «кормления» охотничьих амулетов.

14 — *Не дай лосю исчезать! (Экэл бэю̄нэ маявкана!)* — букв. «не давай лосю не добываться!»

— *...такого лосёнка делают... (...тар бэю̄кэ̄нэ о̄вкӣл...)* — фигурку лосёнка связывают из веточек стланика, тальника, карликовой берёзы.

— *...того лося скакать заставляет (...тар бэ̄нмӣ hуктывувкэ̄ндевкӣ)* — шаман берёт в руки изготовленного лося, изображая, что тот скачет, и сам прыгает вместе с ним на коврике-*кумалане*.

15—16 — *Когда до середины этого кумалана / Дойду — стреляйте из лука! (Тар кумала̄н дулинма̄н / Иссаракив — гарпакаллу!)* — в обряде используется меховой коврик (*кумалан*), сшитый из шкуры с головы лося. Шаман кружится и прыгает на нём, держа в руках фигурку лосёнка. По сигналу шамана охотники стреляют в фигурку из луков.

20 — *...свежевать... (...hигиливкӣл...)* — охотники изображают, что свежуют лосёнка, сделанного из веточек.

42. [Бэе сӣнгкэнмэ̄н мучӯвка̄нмӣ] ([*Сингкэн* мужчины заставляя вернуться]). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название тексту дала составитель тома по первому предложению.

— *...мэтэвучим... (...наказала...)* — в словаре есть также форма с основой *мэдэв-* [Мыреева, 2004, с. 383].

— *Ча̄скӣ... (Подальше...)* — словарь даёт также форму *ча̄ска̄кӣ* [Мыреева, 2004, с. 714].

— *...бэедэ̄ткэл (...накажи человечков)* — глагол образован от *бэе* («человек»), имеет значение действий с изображениями людей, в данном контексте имеет значение «наказать человечков».

— *...не ладилось (...туркэврӣн) — туркэв-ми* — «не суметь, не выдержать, не осилить» [Мыреева, 2004, с. 626].

— *...сделала женщину с мужчиной (...о̄ча̄в аhӣва бэенӣн)* — по представлениям эвенков, удача уходит от охотника чаще всего либо из-за нарушения охотничьих запретов, либо из-за сглаза, порчи. Мать уверена, что и сын, и все члены семьи соблюдали запреты, значит сына сглазили, но кто именно — неизвестно. Поэтому на всякий случай она делает из травы и женщину, и мужчину.

— *...еды им оставь (...дептыетын нэ̄кэл)* — сначала с травяными человечками нужно обращаться по-хорошему: накормить их, оставить им еду.

43. Дукувучӣ (Писаницы). Зап. А.А. Воронина в 2011 г. от А.Е. Молчанова в с. Багдарин Баунтовского эвенкийского р-на Бурятии. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Эвенки поклонялись писаницам; существует много рассказов о том, как писаницы предсказывали будущее, помогали в жизни. Словом *шӣнгкэн (сӣнгкэн)* называют и охотничью удачу, и душу промыслового зверя, и охотничьи амулеты.

Исполнитель говорит на секающем диалекте.

— *Писаницы (Дукувучӣ)* — букв. «имеющие письмена», слово образовано от *дукуми* («писать, наносить знаки»).

— *...Россошино... (Росса̄шин...)* — посёлок в Баунтовском эвенкийском р-не Бурятии.

— *...шингкэн... (...сӣнгконмо...)* — то же, что *сингкэн* в шакающем диалекте.

— *...каменный ковш (...дёломо соко̄вун)* — ковш, выдолбленный из камня; впоследствии его, по-видимому, украли со священного места.

— *...камлали (...о̄нкитон)* — букв. «делали», т.е. проводили обряды.

Пояснение исполнителя: «Но я продолжаю время от времени посещать Писаницы, вглядываться в рисунки предков. Чтобы увидеть наскальные изображения, нужно подойти к скалам непременно с южной стороны. Если смотреть на скалы с северной стороны или сверху, то ничего не увидишь».

44. Некэ̄вэ имтыр̄и (Угощение соболя). Зап. Г.И. Варламова в 1988 г. от В.Д. Колесова в пос. Бомнак Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Соболя охотники всегда называют иносказательно, чтобы не спугнуть его дух, так как его трудно добывать. Например, у амурских эвенков, когда отец принесёт соболя в палатку, самый маленький ребёнок нюхает его носик, здоровается с ним такими словами: *Нюканы эмэчэ, сома ая!* — «Целующий пришёл, очень хорошо!» Слово *нюканы* здесь — иносказание, обозначающее соболя.

— *...ковордоктy... (...на сковороду...)* — от рус. «сковорода».

6 — *Нэптэкэлдук... (С равнин...)* — в других говорах — *наптака, наптака̄н.*

45. Некэ̄ алг̄ин (Большое заклинание соболя). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от А.С. Николаева в с. Неран Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Эвенки, живущие рядом с хабаровскими якутами в с. Неран, переняли у них манеру произносить свои заклинания громко, торжественно, тогда как у самих эвенков принято говорить тихо.

— *Уруй (Уруй)* — междометие, выражающее радость и восторг. Заимствовано из якутского языка, где *урууй* — междометие со значением «слава, радость».

— *...уруйдакал (...уруй говори)* — глагол образован по эвенкийской модели от якутского междометия (см. коммент. выше).

46. О̄н некэ̄вэ имтыкил (Как соболя угощают). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от В.Д. Колесова в пос. Бомнак Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название тексту дал исполнитель.

1 — *...ар̄ика̄на... (...масло...)* — от якут. *арыы* «коровье масло» [Пекарский, 1959, Стб. 154].

---

1 — *...масло... (...ар̄ика̄на...)* — имеется в виду сливочное масло, редкий продукт — соболя угощают самым лучшим.

47. Некэ̄дȳ алга̄ (Заклинание соболя). Зап. Г.И. Варламова в 1990 г. от В.Е. Урканова в с. Тяня Олёкминского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

1 — *Уруй, уруй!* — см. коммент. к тексту 45.

---

1 — *Оттуда-отсюда... (Эргӣт-таргӣт...)* — т.е. отовсюду.

2 — *...только через почётное место (...малӯлӣ-нюн...)* — таким образом выражали почтение, уважение соболю.

48. Ӧн ӧҥнара, эрӯ бэе дялин бодорокин (Что делать, если мысль злого человека ходит следом). Зап. Г.И. Варламова в 1987 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Опубл.: [Варламова, 2004, с. 106—107].

1, 3 — *...нада... (...надо...)* — от рус. «надо».

2 — *Кумагидук... (Из бумаги...)* — от рус. «бумага».

— *...берданҥкай... (...от берданки...)* — от рус. «берданка».

— *...чӧмпурван... (...шомпол...)* — от рус. «шомпол».

---

1 — *...со злыми мыслями человек... (...эрӯ дяличӣ бэе...)* — способный сглазить, принести вред.

— *...сказал он, может быть (...гунчэдиҥэн багар)* — т.е. задумал, пожелал.

— *...придавили (...тырэденҡитын)* — букв. «прижали к земле».

— *...ты так сделай... (...си тыкэн ӧҥнаран ӧдай...)* — как нужно сделать, рассказывается ниже в тексте.

2 — *...траву беру... (...орӧктово ӧҥнам...)* — обычно для обрядовых целей в этом случае берут длинную сухую траву, растущую на кочках.

3 — *Из лиственничек мне надо сделать человечков, с «личиком» (Мучуктэкэрдук ӧдав нада бэекӑрэ, дэрэкэрэ)* — конец жерди из лиственницы стесывают наискось так, чтобы получилась плоскость, и рисуют на ней лицо. Это охранители-*ментая*, их изготовляют шаманы или другие люди по указаниям шаманов. *Ментая* — оберег семьи и святыня рода [Мазин, 1984, рис. 19, 20]. Исполнитель называет их иносказательно — «личики» (*дэрэкэр*).

— *...подстилки... (...дэвундӯй...)* — *дэвун* — место разделки зверя, на которое укладывают свежие нарубленные ветви деревьев и кустарника. Кровь зверя не должна капать на землю — это грех; кроме того, при разделке на ветках мясо остаётся чистым.

— *...здесь одного, тут одного, там одного (...эдӯ умукӧно, тадӯ умукӧно, талӑ умукӧно)* — «личики» на жердинках при этом повёрнуты внутрь, к подстилке, чтобы они присматривали за ней.

4 — *Это вам пососать вот! (Эр сундӯ укундӯ эӈилэ!)* — обращение к «человечкам» из жердинок.

49. Бугадӯ алгӑ (болор) (Заклинание неба (осеннее)). Зап. Г.И. Варламова в 1991 г. от А.И. Лазарева в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я). Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Осенью перед первым снегом, уходя на охоту, заклинают небо: бросают вверх щепотки махорки, кусочки сахара, лепёшек и другую пищу (кроме мясной) и произносят заклинание. Более молодые охотники предпочитают длинные заклинания, считая, что «чем красивее скажешь, тем лучше» (*аятмар гундиҥэс, аятмар*).

— *Как в созвездии Гнездо Белки [звёздочек], насыпано будет пусть! (Чапактэгэчин чападяктын!)* — Гнездо Белки (*Чапактэ* — от *чапа* («гнездо белки»)) — скопление звёзд со множеством неярких звёздочек (возможно, имеется в виду скопление Плеяд).

50. Ичэмкэ̄ (Гадание). Зап. Г.И. Варламова в 1982 г. от К.В. Григорьева в совхозе «Заря» Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Гадание (Ичэмкэ̄)* — букв. «видение», от *ичэ-мӣ* — «видеть», «смотреть».

— *Сыт будешь — в твою сторону вздуется [кость], голоден будешь — в сторону огня вздуется (Аювукин бидиӈэ̄с — синдулэ̄ кэпэдиӈэ̄н, демӯкин бидиӈэ̄с — тоголэ̄ кэпэвкӣ)* — кость, вздувшаяся, вспухшая в направлении от огня, напоминает выпуклый, набитый живот, а вздувшаяся в направлении от человека к огню — впалый живот (к голоду).

51. Ичэмкэ̄ (Гадание). Зап. Г.И. Варламова в 1982 г. от К.В. Григорьева, в совхозе «Заря» Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Пр-р-р-р!* — звукоподражание шуму крыльев рябчика при взлёте.

52. Каракӣва hиргэ̄чин (Заклинание дикуши). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от Е.Н. Александровой (Лехановой) в пос. Бомнак Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Заклинание дикуши (Каракӣва hиргэ̄чин)* — дикуша, или чёрный рябчик, — *Falcipennis falcipennis*, крупная птица семейства тетеревиных, обитает только в лесах Сибири. На дикушу охотятся с помощью петли, так как птица, затаиваясь, подпускает человека очень близко к себе. Петлю на длинной палке накидывают на шею дикуше и затягивают.

53. Салэйду алга̄ (Заклинание Салэя). Зап. Г.И. Варламова в 1990 г. от П.Е. Николаева в с. Тяня Олёкминского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

У эвенков бассейна Олёкмы, Чары и Нюкжи духа тайги (*эгдэн*) называют Салэй. Он распоряжается копытным и пушным зверем и может покровительствовать охотникам, посылая им добычу. Известны и другие записи заклинаний, обращённых к этому духу, см., напр., вариант к данному тексту.

10 — *Улюкӣлвэ... (Белок...)* — словарь даёт также форму *улукӣ* [Мыреева, 2004, с. 675]. В произношении исполнителя отразилась тенденция к смягчению звука [л].

— *...и соболя... (...андагӣва-да...)* — *андагӣ* — букв. «приятель», иноплеменник. Соболь появился на Дальнем Востоке сравнительно поздно, поэтому его считают «чужим», пришельцем. До этого дальневосточные эвенки охотились только на белку — она «своя», местная.

Вариант

Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от А.П. Авеловой в с. Хатыстыр Беллетского наслега Алданского р-на ЯАССР. Опубл.: [Варламова, 2002, с. 137]. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой.

На горе, тряпочки развешивая, перевал одолевая, так просили, чтобы помог, благословил. Просили, чтобы лосей дал, чтобы хорошо охотиться, хорошо лосей добывать:

— Салэй, Салэй!
Сюда поверни добычу,
Ту, что за гольцами.
К нам поближе приведи, одари!
Ко мне поверни [зверя], Салэй, Салэй!
Хорошего лося подари, жирного подари!
Охотничью удачу поближе поверни!

54. [Улумэ̄чэнэл] ([Уходя белковать]). Зап. М.Г. Воскобойников, исполнитель не указан. Опубл.: [Воскобойников, 1960а, с. 107].

К тексту исполнитель дал пояснение на русском языке: «Перед выходом на промысел пушных зверей необходим снег. Но бывали годы, когда снег долго не выпадал. Брали птицу «умил» (вид филина) и протыкали её палкой насквозь от хвоста до головы. Птицу эту нужно было поймать живой. Повесив на дерево пойманную птицу с палкой, говорили слова» [там же, с. 107].

— *Умилькэ̄кун... (Филин великий...)* — словарь даёт также форму *умил* [Мыреева, 2004, с. 678]. В произношении исполнителя отразилась тенденция к смягчению звука [л].

— *Будунэ̄кэл... (Помоги...)* — диалектное слово из говора эвенков Забайкалья.

— *...много снега просят (...сот имандава гэлэвкил)* — свежий снег нужен для того, чтобы беличьи следы были ясно видны.

55. Бэ̄юнмэ одэ̄кӣчилтын (Почитание копытного зверя). Зап. А.Н. Мыреева в 1988 г. от М.П. Кульбертиновой в оленеводческом стаде совхоза «Золотинка» с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...копытного зверя (Бэюнмэ...)* — копытного зверя (и лося, и дикого оленя) в данной местности называют *бэюн*.

1 — *...«Эк», — скажут... («Э̄к», — гунывкӣл...)* — междометие, означающее согласие.

— *...Буркан... (...Буркӑн...)* — от бурят. *Бурхан* («бог, божество») [Бурятско-русский словарь, 1973, с. 115]. Здесь используется в значении «божество».

— *...таңгара... (...таңгара...)* — эвенки Южной Якутии употребляют якутское слово *таңгара* в значении «бог». Лишний раз упоминать бога не следует, поэтому слово *таңгара* заменяют иносказанием «Буркан» в том же значении (см. коммент. выше).

2 — *...кланяются... (...нэнгэдингэтын...)* — т.е. благодарят.

— *...женщины ли, дети ли за добычей ехать должны (...аһал-гу, кунгакар-гу неһүнгиндингэтын)* — охотники привозят с собой только сердце, печень, почки, требуху и немного мяса добытого зверя. За оставшимся мясом по обычаю едут на оленях женщины или подростки.

— *На эту голову вашу не давайте оленям наступать... (Тар дылингнар энэл ороруду һэкипкэнэ...)* — эвенки верят, что если домашний олень наступит на мясо добытого дикого, то душа убитого зверя обидится на людей.

— *...кланяются... (...нэнгэвкил...)* — обращаясь к голове добытого лося.

56. Эһэнүнмэ һиргэ (Заклинание медведицы). Зап. Г.И. Варламова в 1988 г. от Е.Н. Александровой (Лехановой) в пос. Бомнак Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Медведя в эвенкийском языке называют иносказательно, чаще всего — словами, относящимися к человеку («дедушка», «бабушка», «мать», «отец»).

— *...он ведь наполовину человек (...бэе калтакан...)* — по представлениям эвенков, медведь — родственник человека; существуют мифы о том, что человек и медведь родились от одной матери, а значит они братья (см. текст 4 в Дополнениях). Эти верования подкрепляются сходством в строении конечностей медведя и человека. Оттолосок таких представлений сохранился в рассказе верхнеалданских эвенков о том, что медведь был одним из помощников творца в процессе создания человека.

— *...совсем как женщина (...аһӣмагачӣн бивкӣ)* — освежёванная медведица похожа на голую женщину.

— *...женщин жалеет (...аһалва муланывкӣ)* — связь девушки с медведем отражена в мифах и сказках, где часто встречается сюжет похищения медведем девушки и рождения у неё ребёнка от медведя (см., например, тексты 4 и 5 в Дополнениях). Поэтому эвенки верили, что медведь не нападает на девочек. Возможно, из этих верований возник запрет взрослым девушкам и женщинам есть мясо с головы медведя.

57. Эһэнүнмэ һиргэ (Заклинание медведицы). Самозапись Л.А. Алексеевой в 2011 г. в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Исполнительница записала свои воспоминания о рассказах бабушки, Анны Петровны Конёнкиной-Кудриной из рода Нгангагир, жившей в Мамско-Чуйском р-не Иркутской обл., деда Гаврила Гаврильевича Конёнкина из рода Чэрбэгир, родом из Ербогачёна Иркутской обл., и матери Веры Гаврильевны Конёнкиной-Осиповой из рода Чэрбэгир по отцу, Нгангагир по матери. В национальном тексте используются различные слова со значением «дедушка, дед»: *амакӣ, эһэкэ, амӣкӣн.*

1 — *Мунтикӣт... (У нас...)* — исполнительница родилась в Иркутской обл., говор тех мест не описан подробно в лингвистической литературе. Сегодня на нём могут говорить совсем немного пожилых эвенков. В восточных эвенкийских говорах *мунтикӣт* означает «к нам», в местном говоре — «у нас», «в наших краях».

— *...маңӣва... (...медведя...)* — эвенки Иркутской обл. сохранили древнее название медведя *маңӣ*. Г.М. Василевич сообщает об этом термине следующее: «Образ людоеда манги, *манги-чангита* (врага-иноплеменника), чаще всего изображающегося в виде конного противника пеших охотников-эвенков, широко распространён в родовых преданиях большей части западных и восточных эвенков и эвенов». Сюжеты о манги — конных охотниках, вступающих в брак с эвенками, по сообщению Г.М. Василевич, «перекликаются с воспоминаниями о мангиянах, от которых ведут своё происхождение некоторые из верхнеленских эвенков» [Василевич, 1971, с. 154].

---

1 — *...медведя называют дедушкой (...амӣкӑнма гунивкил эһэкӭ)* — и *амӣкӑн*, и *эһэкӭ* означает «дедушка», но одно из слов пришлось перевести на русский язык как «медведь».

— *...женщин не трогает (...аһӣва эвкӣ илечӭрэ)* — т.е. не нападает без причины.

— *...за своих принимает (...эвучинывки)* — т.е. за медведиц.

2 — *Отец уважаемый... (Амӣкӯкӑн...)* — эвенки данной местности представляют медведя ещё и духом-хозяином тайги, о чём говорится далее. Это ритуальное обращение не зависит от пола зверя, хотя по присутствию медвежат понятно, что пришла именно самка.

— *У огня просят: «Отец уважаемый, помоги мне» (Тогодук гэлэвкӣл: «Амӣкӯкӑн, бэлэкэль минду»)* — огонь выступает посредником между человеком и духом-хозяином тайги (*Амӣкӯкӑн*). Угощая огонь, через него передают просьбу духу-хозяину, поэтому обращаются не к духу огня, а непосредственно к духу тайги.

58. Энӣкэнтыки гӯлрэн (Матери-медведице сказала). Самозапись в 2011 г. В.А. Дуткиной (Иригиной) в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Говор данной группы западных эвенков относится к шакающим: *биши, шурукэл* (ср. *биһи, биси; һурукэл, сурукэл*). Однако принцип перехода *с—ш, һ—ш* соблюдается не всегда (ср. в этом же тексте: *һоктолӣ, һалгардӣви, амаскӣ*).

1 — *Нёне... (Мама...)* — слово из говора эвенков Томской обл.

— *Дӯяпчӯл... (Голубика...)* — у эвенков Томской обл. это слово употребляется в двух значениях: 1) голубика; 2) ягода вообще.

— *...типкан... (...зверь)* — у эвенков Томской обл. этим словом обозначают любого дикого зверя (ср. общеэвенк. *бэйнэ*).

2 — *...пишӑлран... (...выстрелила...)* — глагол *пишӑл-* — от рус. «пищаль» [Аникин, 2003, с. 452—453].

— *...пошла на лапах тихонько... (...аракӯкӑн шурурон...)* — ушла, опустившись на четыре лапы; до этого медведица стояла на задних лапах.

59. Амӣкӯнво голӯсин (Просьба к дедушке-медведю). Зап. А.А. Воронина в 2010 г. от И.А. Савина в Усть-Джилиндинском эвенкийском сельском поселении Баунтовского эвенкийского р-на Бурятии. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Исполнитель — носитель секающего, окающего говора.

— *...в [местности] Ихондо (...Иһōндōду...)* — название образовано от слова *Иһōн (икōн, икэн)* — «песня».

60. Эһэвэ одёкīт (Почитание дедушки-медведя). Зап. Г.И. Варламова в 1990-е гг. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Описанный случай произошёл на самом деле. Как считает исполнитель, его спасло только произнесённое извинение за свою ошибку, определённое словом *алгā* («заклинание, моление»).

— *Эһэвэ... (...дедушки-медведя)* — *эһэ* («дедушка») — слово из дальневосточного диалекта; в других говорах медведя обычно называют *амака, амīкāн* («дедушка, дед»). Медведя часто называют словами из других диалектов, так как остерегаются, что зверь поймёт, что говорят о нём.

1 — *...сталнōйва, винтōвкава (...стальное, винтовку)* — от рус. «стальной», «винтовка».

— *Һэбэйнгэē... (Страшного...)* — *Һэбэй* («страшный») — слово из шаманского лексикона; у амурских эвенков так называют шаманского духа-медведя.

---

1 — *...нельзя непочтительно, плохо говорить (...Һэгды̄т, эрӯт гунэ)* — букв. «свысока, плохо говорить», т.е. высокомерно, неуважительно.

— *Страшного... (Һэбэйнгэē...)* — иносказательное название медведя.

— *Хоть что имей — грех! (Ēкун-да бигин, нгэлумо!)* — следует понимать: «хоть какое прекрасное ружье имейте, но говорить так грех».

2 — *...с затылка кожу содрал (...кэтэккэн танча)* — букв. «затылок его стянул», т.е. содрал кожу с затылка на лицо, снял скальп.

— *Голову потерял... (Дылив һукчавча...)* — букв. «голова моя сломалась»; фразеологизм со значением «тронуться умом, сойти с ума, потерять голову».

— *Кире, кире... (Кирē, кирē...)* — междометие, выражающее брезгливость.

— *Вонючего не трогай! (Нгэһива экэл илечэрэ!)* — эвенки считают зверей более чистыми, чем люди. Звери чище в том смысле, что не вредят природе, живя в ней, не загрязняют её. Человек же всегда оставляет всяческие отходы, которые делают его вонючим.

— *Оплошаешь ведь однажды, ошибёшься (Эрӯт-дэ умнакан алгаһача биһикис)* — однажды по ошибке сделаешь что-то плохое.

— *Сердце своё сдержишь... (Мēванмī дявӯчамī)* — фразеологизм со значением «держать себя в руках; не паниковать; не растеряться».

61. [Эһэ сōмат савкī] ([Дедушка-медведь очень мудрый]). Зап. Г.И. Варламова в 1980-е гг. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Опубл.: [Варламова, 2004, с. 103—104].

1 — *Сир! (Сӣр!)* — звукоподражание отряхиванию медведя.

— *Лук!* — звукоподражание хлопанью медвежьих ушей.

— *Так дурное предсказывает (Тар эрӯкӣтчэрэн)* — если медведь, не выходя из берлоги, сильно отряхивается и хлопает ушами, тряся головой, — это плохая примета.

2 — *Шкуру его мне дали (Наннаван миндӯ бӯрэ)* — нашедший берлогу не берёт себе шкуру, добывший — тоже. Иногда её отдают младшему из добывших. Берлогу же нашла невестка.

— *...старушка[-невестка]... (...атыркан...)* — она была уже пожилой женщиной.

— *Что с тобой стало? (Ӧн ӧча биӈинны тар?)* — букв. «Как ты стал?», т.е. «что с тобой случилось?»; фразеологизм.

— *Молодых не бери! (Эдэрилэ экэл гада!)* — не забирай с собой в мир мертвых.

3 — *...зад свой показывает... (...мукамуккӣ бӯвкӣ...)* — поворачивается задом к выходу из берлоги.

— *Нёкчору... (Нёкчӧрдӯ...)* — мужское прозвище (букв. «горбатый») зятя исполнителя.

— *...сологоны... (...сологӧр...)* — эвенкийский род, название означает «жители верховий рек». Нёкчор был из этого рода.

— *...все извелись (...бутунну манавчал)* — имеются в виду сологоны, проживающие в той местности.

4 — *...на Кукушке... (...Кукӯскэдӯ...)* — название речки и золотого прииска в Зейском р-не Амурской обл. Прииск был закрыт в конце 1950-х гг.

— *Вот ведь не стало её (Тарты-вӗт ачин ӧрин)* — с девочкой, падчерицей рассказчика, в тот же год случилось несчастье, и она погибла.

62. Эӈэвэ одёкӣт (Почитание дедушки-медведя). Зап. Г.И. Варламова в 1987 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Согласно представлениям эвенков, кости медведя нельзя рубить, ломать: они должны быть собраны в правильном порядке и захоронены на лабазе. Если захоронить все кости, не повреждая, то душа медведя вернётся на землю в новом обличье. Лабазы для захоронения медведя у разных групп эвенков делаются по-разному. Некоторые голову и глаза хоронят отдельно, другие — всё вместе на одном лабазе. Такой лабаз называют *гулӣк* или *дэлкэн*.

2 — *Арай... (Глядь...)* — от якут. *арай* («только, едва, вдруг») [Пекарский, 1958, стб. 129—130].

— *Тэлки... (Хорошо, что...)* — от рус. «только». В эвенкийском языке у этого слова кроме значения «только» имеются и другие: «кстати; хорошо, что; опять, ещё» [Мыреева, 2004, с. 648]; «тоже» [Аникин, 2003, с. 611]. Это слово встречается также в бл. 3 в значении «хорошо, что».

3 — *...олус... (...сильно...)* — от якут. *олус* («очень»).

---

1 — *...это его руки (...тар ӈӑлалин)* — у эвенков существует миф о том, что у медведя, как и у человека, было пять пальцев, его лапа ничем не отличалась от человеческой руки. Но медведь был очень силён, поэтому бог Сэвэки отнял у него пятый палец.

— *Ножом всё делай (Котот бутуннувэ ōнны)* — разделывай тушу медведя ножом, разрезая по суставам.

— *...чтобы другие его сородичи человека не порвали (...ḥуҥтул тэгэ̄лин эдэ̄тын бэевэ оḥӣра)* — считается, что если неправильно отделить медвежьи кисти (*маня̄*), то его душа, обидевшись, расскажет об этом медведям-сородичам, и те будут мстить, нападая на людей и царапая их когтями. Существуют предания о мести медведей, которая переходила на детей, внуков охотника. Были эвенкийские роды, на которых лежало медвежье проклятье: мужчины этого рода постоянно подвергались нападениям медведя и гибли. Куда бы они ни откочёвывали, медведи-мстители шли за ними. Это была своего рода кровная вражда между родом людей и родом медведей.

— *Огромного самца... (Сасама̄ркӯна...)* — *сасама̄р* — медведь-самец в расцвете сил, зрелый, *-кӯн-* — увеличительный суффикс.

2 — *...у моей старухи... (...атыркāныв...)* — т.е. у жены.

— *Рука-то у неё не опускается, лицо-то стянуло (Ҥалан-кат эвкӣ тыктэ, дэрэн-кэт танмувча)* — по представлениям эвенков, за проступок человека могут поплатиться его родственники, близкие люди. Из-за ошибки рассказчика пострадала его жена, ни в чем не виновная. Обрубая кисти медведя, рассказчик перерубил сухожилия, поэтому и у его жены стянуло все сухожилия.

— *Желчью мажу, заклинаю, прошу (Дёҥитпӣ ḥӣкчэнэ, алгадяҥнам)* — желчь медведя в народной медицине используется как лекарство от многих болезней. Рассказчик произносит просьбу (*алга̄*), натирая жену медвежьей желчью, т.е. призывая и медведя участвовать в процессе лечения.

3 — *Не давай много [за это]... (Экэл элэнӣе бӯлэ̄рэ...)* — не наказывай сильно.

— *Проступок человека находит (Алгас бэевэ бакавкӣ)* — пословица, имеющая значение «человек не может не оступиться когда-нибудь». Фраза содержит ещё и намёк на то, что сам медведь — наполовину человек, а значит и он может ошибаться, наказывая человека слишком строго.

— *Потом это всё разглаживаться стало (Тариҥив эḥӣлэ нябургаллан)* — судороги начали проходить, стянутые сухожилия расслабились.

63. Эḥэвэ гэлэ̄ҥнэрэ, алганҥнара (Дедушку-медведя просить положено, заклинать положено). Зап. Г.И. Варламова в 1973 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Опубл.: [Варламова, 2004, с. 100—101].

2 — *...саксы̄иллан (...трепать стал)* — от якут. *сахсый* («трусить, трясти, потрясать») [Пекарский, 1958, стб. 2138].

— *Патрōнмӣ... (Патрон свой...)* — от рус. «патрон».

4 — *Тэлки... (Хорошо, что...)* — от рус. «только» (см. примеч. к тексту 62).

— *Дедушку-медведя просить положено, заклинать положено (Эḥэвэ гэлэ̄ҥнэрэ, алганҥнара)* — если ситуация безвыходная и только заклинание (*алга̄*) может помочь.

3 — *...во что бы то ни стало кулаком ударит... (...алӣ-кит колтодиҥōн...)* — когда пуля задела голову медведицы, она встала на задние лапы и начала трясти головой. Когда медведь встаёт на задние лапы, он обычно бьёт человека передней правой лапой, сжав её, как человек, в кулак.

— *...упал я вниз (...тыким hэргискӣ)* — охотник упал нарочно, чтобы медведица не ударила его лапой.

4 — *Младшего брата своего зачем губишь?! (Нэкунмӣ ӗдӑ hэрэкӣденны?!)* — У дальневосточных эвенков есть миф о старшей сестре-медведице и младшем брате-человеке, поэтому рассказчик называет себя младшим братом медведицы. Миф на подобный сюжет записан Г.И. Варламовой от К.П. Афанасьевой в с. Владимировка в 1982 г. (см. текст 5 в Дополнениях).

64. Эhэвэ одӗкӣчилтын (Почитание дедушки-медведя). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от Е.А. Курейской в пос. Тура Эвенкийского АО. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Амакӑва... (Дедушку...)* — слово *амака* означает «дед»: *ама* — «отец», *амака* — «старший отец», т.е. дедушка. Здесь этим словом назван медведь.

---

1 — *...в лоб стреляют (...hӗӗлӣн hӧдавкӣл)* — по расположению глаз видно, где у медведя лоб, и в него можно прицелиться.

2 — *«Кик! Кик!»* — у эвенков Красноярского края это звукоподражание крику ворона.

— *Только старики сердце его едят (Сагдыл-нюн мӗванмӑн депивкӣл)* — молодым людям запрещено есть медвежье сердце.

65. [Эвэнкӣл эhэкӗвэ сӧт одӗвкӣл] ([Эвенки дедушку-медведя очень почитают]). Самозапись А.Н. Мыреевой в 2011 г. в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

В пятнадцатилетнем возрасте А.Н. Мыреева была на каникулах в тайге с отцом и другими эвенками. Мужчины добыли медведя из берлоги. Она видела, как происходило свежевание туши, и запомнила слова заклинания.

— *...балӑткалӑн... (...в палатку...)* — от рус. «палатка».

— *...игиливкил... hигденэ... (...свежевать начинают... свежую...)* — основа *hиг-/иг-* («свежевать, сдирать шкуру») встречается в двух вариантах: со звучащим [h] и без него.

— *«Вот берлогу нашёл», — не говорят («Эр авдӯнма бакарав», — эвкӣл гунэ)* — нашедший берлогу охотник (если другие охотники не заметили её) не сообщает об этом другим тут же, не показывает увиденную берлогу, а говорит об этом иносказательно и только по возвращении домой. Неизвестно, удастся ли добыть медведя, поэтому нельзя, чтобы зверь услышал, что охотники его нашли.

— *...меховой коврик... (...тэнӣнэлвэ...)* — *тэнӣнэ* — меховой коврик, потник, который кладут под вьюк поверх седла.

— *...тихонько произносят... (...аракӯкан гундевкил...)* — заклинания, просьбы и благопожелания эвенки обычно произносят тихо, вполголоса.

66. Эhэвэ бӧрсӑрӣ гуннэк (При добывании дедушки-медведя слова). Зап. Г.И. Варламова в 1973 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской

обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Текст исполнен днём, в посёлке: вечером или в тайге медведь лучше слышит.

— *Эннэ̄кэл! (Пожалей!)* — этот редкий глагол употребляется только по отношению к медведю. Для эвенкийской культуры характерно использование особой ритуальной лексики в отношении медведя (см. примеч. к тексту 60).

— *...старший-младший братья (...нэкӯнэн)* — старший брат — медведь, младший брат — человек (см. коммент. к тексту 63).

— *От одного человека родились мы (Умун бэедук балдычал биһип)* — у эвенков есть миф о том, как молодая женщина зимой заблудилась в лесу и упала в берлогу к медведю. На следующее лето женщина родила ему двоих сыновей, один из которых был человеком, а другой — медведем. Сыновья быстро росли и, играя, боролись друг с другом. Мать и отец, глядя на их всё более серьёзную борьбу, говорили сыновьям, что они не должны мериться силой друг с другом, потому что они братья. Однажды брат-человек сделал себе нож и в очередной схватке случайно убил ножом брата-медведя. Умирая, молодой медведь завещал похоронить его по законам человека и законам медведей. Он подробно описал обряд захоронения медведей, который эвенки выполняют до сих пор.

67. Эһэкэвэ бултāрӣ (Охота на дедушку-медведя). Зап. А.Н. Мыреева в 1988 г. от М.П. Кульбертиновой в оленеводческом стаде совхоза «Золотинка» с. Иенгра Нерюнгринского р-на Якутии. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

1 — *...бакапкил (...находят)* — исполнительница употребляет глагольные формы на *-пкил (бакавкил, о̄лдыпкил)* наряду с формами на *-вкил (урувкил)*.

— *...сомо̄киптын... (...замки...)* — от рус. «замок».

---

2 — *...дом его... (...дю̄ва̄н...)* — исполнительница употребляет в данном случае слово *дю̄* («дом», жилище человека) вместо *авдӯн* («берлога»), уподобляя медведя человеку.

— *По его работе с землёй находят (Дӯннэдӯ авалнадӣн бакапкил)* — когда медведь роет берлогу или готовит старую к зиме, он выбрасывает наружу землю, старую подстилку. Медведь прячет вынутую землю, но охотники всё равно находят различные приметы его работы.

— *...«Лурт!» делает (...«Лурт!» некэпки)* — *лурт* — звукоподражательное слово, обозначающее и негромкий рык медведя (неожиданно разбуженного), и резкое движение (поворот) медведя внутри берлоги.

— *...к дому своему... (...дю̄ла̄вар...)* — к берлоге, которую нашли (поэтому дом «свой»).

2 — *...посюда... (Эркэ̄кинмэ...)* — исполнительница показала на верхнюю часть туловища; медведь должен высунуться из берлоги до половины, тогда в него можно стрелять.

— *Там он засыпает (Таду а̄ниныпки)* — т.е. умирает.

— *Важенка... (Нямиян...)* — *нями* — самка оленя; медведя иносказательно называют мужчиной, а медведицу — важенкой.

— *...шуршат... (...качурукēкāчипкил)* — глагол образован от звукоподражательного слова *качур*, передающего шуршание.

3 — *...подстилку для свежевания... (...сугулōновор...)* — из уважения к медведю подстилку для его свежевания делают такую же, как в его берлоге: о нём говорят, что он «уснул», поэтому пусть «спит», как в берлоге на подстилке из стланика.

— *Теперь начнём силларга делать? (Эһīлэ силларīлдяллап?)* — *силларга* — от *сила-ми* («нанизывать, насаживать на вертел»).

— *...Ихилиры... (Иһиллирвэн...)* — от якут. *иҥиирдэр* («жилы»).

— *...это муравьи твои ползают! (...īриктэҥилли бэһидэдерэ!)* — медведь очень любит есть муравьёв; когда он слизывает муравьёв со своей лапы, то они заползают ему в нос и щекочут. На это и ссылаются эвенки, отрезая медведю нос.

68. Амīкāн одēкīчилин (Почитание дедушки-медведя). Зап. Г.И. Варламова в 1973 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...дэлкэним-гулīм (...похоронил на лабазе-помосте)* — используются два слова, обозначающих лабаз: *дэлкэн* (в учурском, чульманском, олёкминском, тунгирском, непском, подкаменно-тунгусском, северобайкальском диалектах) и *гулīк* (в алданском, зейском, урмийском, сахалинском диалектах) [Мыреева, 2004, с. 148, 188].

— *Пожалей... (Энҥēкэл...)* — этот редкий глагол употребляется только по отношению к медведю (см. примеч. к тексту 66).

2 — *...особые слова... (...одēкит турēнтын...)* — принятые согласно запретам.

— *...уши его или мхом, или чем-то ещё затыкают... (...сēрвāн лалбукат-гу, ēкукāндī-гу липкивкил...)* — чтобы медведь не услышал невзначай опрометчивых, неудачных слов.

— *...ты «слышащий» (...сī «дōлды» биһинны)* — считается, что медведь может слышать всё, что о нём говорят (см. текст 61).

— *Нет, не слушай (Экэл, экэл дōлчатта)* — медведя просят не слушать речь людей — вдруг они скажут что-нибудь не то.

— *Муравьи твои ползают (Нīриктэҥильли бэгинэдэдерэ)* — т.е. это муравьи щекочут тебя за нос (см. коммент. к тексту 67).

— *Сухие лиственницы твои свистят! (Ныҥнӯҥильли кикēдяра!)* — когда медведю срезают уши, нужно снять с них шерсть резким движением. При отдирании шерсти с кожей от ушных хрящевых раковин слышится хруст. Этот хруст эвенки объясняют скрипом и хрустом сухих деревьев в лесу.

3 — *В сторону человека не поворачивали [голову твою]... (Бэетки эчēвун дēһунмувра...)* — т.е. строго соблюли запрет не поворачивать голову медведя в сторону человека при свежевании.

— *Хорошей жизни желает нам зверь (Ая бидэвэ этэепкī бэйнгē)* — формула, произносимая при угощении огня, призвана обеспечить в будущем хорошую (сытую) жизнь, которая наступит благодаря добытому медведю.

4 — *...в траву завернув... (...чӯкадӯ чакиликсал...)* — чтобы глаза не видели действий людей.

— *...лицо его... (...дэрэвӣн...)* — слово *дэрэ* («лицо») по отношению к медведю использовано в знак уважения — медведя очеловечивают.

Вариант

Эҥэвэ одёкӣчилтын (Почитание дедушки-медведя). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от Е.А. Курейской в пос. Тура Эвенкийского АО.

Нос дедушки, другие [части] начинают обрезать — говорят:

— Муравьи твои, щекоча, ползают по тебе!
Муравьи твои, щекоча, ползают по тебе!

Уши начинают обрезать — говорят: «Сухие деревья твои скрипят!» Вот так благословляя, так разделывают.

69. Амӣкӑн одёкӣчилин (Почитание дедушки-медведя). Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Описанный обряд характерен для дальневосточных эвенков.

1 — *Кости медведя топором не разрубают, не раскалывают (Амӣкӑн гирамнаван сукэт эвкӣл токтовкӧно, елдӧлӣвкӑна эвкӣл)* — тушу медведя разделывают ножом, отделяя суставы (см. текст 62).

2 — *Хорошую жизнь указывающий зверь (Ая бидэ этэевкэ бэйнгэ)* — формула, произносимая при угощении огня (см. коммент. к тексту 68).

— *...с дырками (саҥӑричӣ бивкӣ...)* — на вопрос: «Какие дырки?» исполнитель ответил: «Медведь так устроен. Освежуешь — увидишь, что на лопатках есть дырочки. А почему — он так устроен. Это его вторые, потайные (внутренние) уши. Вот ими-то он и слышит всё, что о нём говорят».

— *Похоронив на лабазе... (Гулӣксэл...)* — лабаз строят специально для захоронения костей медведя. Глаза хоронят на жердях отдельно, эти жерди либо являются частью лабаза, либо стоят рядом.

70. Сёкавувкэ (Надевание серёг). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Опубл. на рус. яз.: [Варламова, 2004, с. 102].

Текст содержит частичный, краткий пересказ текста 62 настоящего тома (бл. 2—4).

1 — *...пёчиткӑкӣ... (...к печке...)* — от рус. «печь».

— *...нӑда (...нужны)* — от рус. «надо».

2 — *Тэлки... (Хорошо, что...)* — от рус. «только» (см. примеч. к тексту 62).

4 — *...Сеня... (...Женя...)* — сын исполнителя; в эвенкийском языке нет звука [ж].

6 — *...мясорубкадӯ-кат... (...из мясорубки-то...)* — от рус. «мясорубка».

— *Надевание серёг (Сēкавувкэ)* — обряд захоронения черепа медведя, сопровождающийся надеванием ему на уши серёжек из полосок ткани. Медведь как предок в прошлом воспринимался в женской ипостаси — медведицы, поэтому обряд надевания серёг проводят независимо от того, кого добыли — медведицу или медведя.

2 — *...на Кукушке... (...Кукӯскадӯ...)* — см. коммент. к тексту 63.

— *...самца... (...сасамāрва...)* — см. примеч. к тексту 62.

— *...добыл (...бакарӣв)* — букв. «нашёл».

3 — *Около Благовещенской... (Благовесенская дагамадӯн...)* — здесь имеется в виду прииск и посёлок Благовещенская, просуществовавший до 1953—1955 гг., где жили и работали поселенцы без права выезда; после смерти И.В. Сталина прииск был закрыт.

— *Мать [твоя] покойная... (Энӣнгэһэс...)* — суффикс *-нгаһа/-нгэһэ* добавляется к именам ушедших из жизни людей.

— *Рука не может упасть (Элчэ нгалэн тыкты)* — сухожилия руки стянуло в тот момент, когда женщина что-то делала и её рука была приподнята.

4 — *...рассердился, видимо, что я его порубил (...аламнарка-кӣе токтонолбов)* — охотник нарушил предписанный способ разделки туши медведя: не резал ножом, а рубил топором. За это медведь рассердился на него.

— *...«За бревном!» (...«Тāкан чāгӯлӣн!»)* — зачем так говорить, исполнитель не объяснил.

— *...ерник... (...ōктāнма...)* — имеется в виду карликовая берёза; ерник — её русское название в дальневосточном регионе.

5 — *Каркайте! (Кӯккаллу!)* — т.е. кричите голосом ворона: *«Кук!»*

— *...они по двое каркают: «Кук! Кук!» (...дӯтэл кукӣливкӣл: «Кӯк! Кӯк!»)* — кричат два человека попеременно, сперва один, потом другой, как два перекликающихся ворона.

— *...чёрного... (...конгнорӣнма...)* — одно из принятых у эвенков иносказаний для обозначения медведя.

6 — *...как... (...кāкъя...)* — ритуальное блюдо, другое его название — *тэкэмун* (см. ниже в тексте). Название блюда *«как»* образовано от звукоподражания крику ворона.

— *...топором... (...сукэт...)* — отбивают обухом топора, как молотком для мяса.

— *Кашицу делают (Тэмпэ ōвкӣ)* — застыв, блюдо становится похоже на холодец.

— *...«причастись»... (...«мэнгӗркэл»...)* — т.е. ешь ритуальное блюдо, приготовленное из мяса лося или дикого оленя, круто заправленного медвежьим жиром. Этимология слова *мэнгӗркэл* восходит к древнему слову *маӈи*. *Маӈи* — медведь как предок и прародитель эвенков; в эвенкийских преданиях мифологического характера *маӈи, маӈе* называют медведя. Слово *маӈгӗркэл, мэнгӗркэл* можно понимать как «приобщайся [кушая] к телу священного предка *маӈе*».

— *...«клюй» (...«каккэл»)* — т.е. ешь так, как ест ворон.

7 — *Женщины не едящие... (Аһāл эһӣл депмэ...)* — женщины не могут есть мясо медведя — они лишь пробуют ритуальное блюдо, съедая не больше ложки.

— *По двое... (Дӯтэл...)* — есть полагается двум людям сразу, в паре; почему так — рассказчик не объяснил. Пары мужчин подходят есть по очереди: когда одна пара отойдёт, подходит другая.

— *...«Как! Как!» кричат (...«Как! Как!» гунивкӣл)* — как два ворона, клюющие мясо.

— *...передние кисти берёт (...мāнялбāн гавкӣ)* — кисти передних лап. Слово *мāня* (передние лапы) может употребляться и в значении «кисти рук», иногда иносказательно. Эвенки могут сказать, к примеру: *Мāнялби доңоточол.* — «Кисти рук моих замерзли», подчёркивая таким образом своё родство с медведем.

— *Кисти медведя по [направлению к] спальным местам развешивают (Мāнялбāн ӈарāнтыкāкӣ нэвкӣ)* — передние лапы медведя кладут или вешают внутренней стороной к спальным местам. В чуме, юрте, палатке два основных спальных места расположены направо и налево от входа. На *малу* (почётном месте чума — напротив входа, за очагом) хозяева не спят.

– *Хорошую жизнь протори! (Ая бинӣе сӯгāкэл!)* — *сӯгāкэл* от *сӯгā* — знак, отметка на дереве с указанием пути следования; эту фразу можно понять так: «хорошую жизнь укажи своими отметками», т.е. обозначь хороший жизненный путь.

— *...животворной... (Аруткāн...)* — если все правила по отношению к добытому медведю соблюдены, то после отъезда людей душа медведя вернётся на землю в образе другого медведя, т.е. медведь воскреснет. Поэтому лабаз, изготовленный по всем правилам, становится животворным для медведя.

АВДӮВĀ ДЯВӮЧАРИЛ
СКОТОВОДЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

71. Секалāвкāвун алгāн (Заклинание при надевании «серёжек»). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Ф.Г. Боярковской в пос. Заря Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...надевании «серёжек» (Секалāвкāвун...)* — обряд, во время которого оленятам прокалывают уши и вдевают в них тряпичные «серёжки» из полосок шёлковой ткани. Обряд проводят обычно в конце лета или осенью, когда животные подрастут. Надевая оленятам различные по цвету и форме тряпичные «серьги», хозяева тем самым распределяют, кому из детей они достанутся. Цель обряда — отдать оленят под покровительство божества Неба. Среди детей-владельцев оленят Небо выбирает понравившегося ей ребёнка и посылает ему удачу (*сиңкэн*) — он становится «удачливым на оленя» (*сиңкэчи оронду*), т.е. олени у него будут хорошо размножаться. Впоследствии, определив такого ребёнка, родственники начинают дарить ему своих оленей, чтобы и у них стадо размножалось хорошо. Дарят иногда по-настоящему, иногда условно, отдавая своих оленей под покровительство удачливого ребёнка и продолжая пользоваться оленями как своими собственными.

12—13 — Имеющие *сиңкэнов, сиңкэн/ В руках пусть держат! (Сӣңкэчи сӣңкэнмэ/ Дявӯчадярӣл ӣктын!)* — пусть владеют охотничьей удачей, будут удачливыми на охоте.

72. Нӣмэктэдерӣ алгāн (Заклинание пантовщика). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от А.И. Лазарева в с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Заклинание пантовщика (Нӣмэктэдерӣ алгāн)* — от *нӣмэктэмӣ* («срезать молодые рога оленя»). Эвенки срезали концы рогов, панты, в конце мая—начале июня и

ели их, поджаривая на огне. Из пантов делали лекарство: нарезали их кубиками, обваривали кипятком и сушили. По необходимости из засушенных пантов делали настойку на воде или на спирту. Срезав панты, затягивали рог у спила суровой нитью, посыпали рану пеплом, чтобы в неё не попала вода и мухи не отложили личинки в свежую рану. Если срезать у оленя слишком много пантов, он может заболеть, к тому же операция болезненна, поэтому требовалось особое заклинание.

10 — *...панты ели (...нӣмэлдерӣл)* — от *нӣмэл-ми* («есть молодые рога оленя»).

73. Оронмо Айиһӣттук гэлэ̄рӣ (Испрашивание оленей у Айихит). Зап. Г.И. Варламова в 1984 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Испрашивание оленей... (Оронмо ... гэлэ̄рӣ)* — в ходе обряда шаман просит души оленей у богини Айихит. Часто шаманы «выкрадывали» оленьи души — проводили шаманское камлание «кражи оленьих душ»; это делали во время эпизоотий. Г.М. Василевич описывает его так: «Камлали в чуме. После созыва духов-помощников шаман в пении описывал свой поход в Верхний мир к сэвэки, где паслись души оленей, не рождённых на земле. Он выкрадывал несколько душ и спешил на землю. Подходя к земле, он сам становился оленем. В это время мужчины с арканами и недоуздками стояли наготове. И как только шаман-олень произносил, что он «коснулся ногами земли», приподымали часть покрышки чума (палатки) со стороны почётного места (*малу*). Шаман-олень выскакивал в тайгу и бегал, подражая оленю. Мужчины ловили его арканами. Имитировалась сцена ловли одичалых домашних оленей. Наконец шамана-оленя обуздывали и вводили в чум (палатку), где ставили на коврик. Он прыгал, мотал головой, и из его облачения сыпались шерстинки — души украденных оленей. Их подбирали, стараясь не оставить ни одной. Шаман-олень постепенно превращался в человека. На этом заканчивалось камлание. Все шерстинки зашивали в специальный мешочек (*одёко*) и хранили, что должно было дать здоровье стаду» [Василевич, 1969, с. 248].

1 — *...над речкой почётное место [чума] сделает (...бирака̄нма малӯла̄вкӣ)* — т.е. поставит чум так, чтобы внутри него, там, где располагается почётное место (*малу*), текла речка.

74. Айин-Майиндулэ̄ алга̄ (бэе ороробудэн) (Заклинание Айин-Майин (чтобы у человека олени множились)). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Ф.Г. Боярковской в совхозе «Заря» Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Заклинание произносят во время гона оленей или перед отёлом важенок.

75. Аркилан алга̄н (Заклинание укалывателя). Зап. Г.И. Варламова в 1994 г. от А.И. Лазарева в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я). Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...укалывателя (Аркилан...)* — от *арки-мӣ* («уколоть»); с помощью уколов тонкими длинными щепками в различные органы эвенки лечили оленей от многих болезней.

76. Гивуһин алгăн (Заклинание при стряхивании). Зап. Г.И. Варламова в 1978 г. от Е.Н. Александровой (Лехановой) в пос. Бомнак Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...стряхивании (Гивуһин...)* — *гивуһин* — букв. «стряхивание»; так называют обряд лечения оленей с помощью окуривания багульником болотным или можжевельником. Окуривая оленя дымом, женщина хлещет животное ветками этих растений, произнося заклинание.

6 — *С поперечными глазами... (Торăк ӗһачӗ...)* — см. коммент. к тексту 21.

16 — *Пусть встряской встряхнётся! (Гивмэ гивмэрӗ ӧгин!)* — если олень после этих слов энергично, сильно встряхивался, то обычно излечивался, если был по-прежнему вял, значит обряд ему не помог.

77. [Һуннӗрачӗ орон аят бивки] ([Имеющий хозяина олень хорошо живёт]). Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от А.И. Лазарева в с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дано составителем по первому предложению текста.

1 — *...подăркакал (...подари)* — от рус. «подарок».

---

1 — *...отдай... (...анакал...)* — букв. «толкни».

— *...в мыслях... (...мӗн дялдӳи...)* — букв. «в своём уме», т.е. не вслух.

2 — *Хозяина обрети! (Һуннӗчӗ ӧкал!)* — букв. «Стань имеющим хозяина!»

78. Суруквӗ алгăв (Һуктывундӯ) (Благословление оленя, полученного в приданое (на скачках)). Зап. Г.И. Варламова в 2000 г. от О.В. Наумовой (Кондаковой), в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я). Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Женские гонки на оленях — традиционный элемент зимнего праздника Дня оленевода.

14 — *Иксарӣт! (Поторопись!)* — от якут. *иксарит* («поторопись, поспеши»).

— *...оленя, полученного в приданое (Суруквӗ...)* — *сурук* — «олень, полученный женщиной в приданое» [Мыреева, 2004, с. 526].

13 — *Ловко поймаю его... (Аякăндӣ дявадям...)* — *аякăндӣ* — букв. «хорошо».

79. [Биратки гунӹвкэ, орорво дăвулдавар] ([Реке говорят, оленей переправляя]). Самозапись в 2011 г. В.А. Дуткиной (Иригиной) в г. Якутске. Пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дано составителем по первой строке текста.

В тексте отражено индивидуальное произношение исполнительницы: *гунӹвкэ* (ср. *гунӣвкэ*), *шинду* (ср. *синду*), *анӹдярăв* (ср. *анӣдярăв*), *гакалру* (ср. *гакаллу*).

2 — *Возьмите, возьмите! (Гакалру, гакалру!)* — исполнительница употребляет обращение во мн. ч., хотя адресат у него один — дух-хозяин реки (ср. *шинду* — «тебе»); тем самым подчёркивается почтительность по отношению к духу.

Пояснение исполнительницы: «В наших местах реки широкие, оленей у нас было много — больше трёхсот. Дважды в год: весной, в июне, и осенью, в августе, — мы переводили оленей через реку Чурбигу. На её берегах были специальные наши стоянки, где мы останавливались и готовились к переходу реки. Мать давала нам, детям, крупные бусинки (*ярин*). Мы бросали их в реку, пока родители готовились к переходу. Нужно подготовить вожаков стада, за которыми и остальные олени поплывут. Для вожаков специально готовят бусины. Нанизывают по три бусины на нить и привязывают к тесёмке или полоске ткани. Её привязывают на одну из передних ног оленей-вожаков, произнося вышесказанное. Вожаки должны поплыть за обласком, где сидит мужчина и правит. Другой ведёт вожаков к воде, чтобы они поплыли за обласком — так мы свои лодки по-русски называли».

80. Ят орор дявувчадатын, алгā (Заклинание, чтобы олени хорошо содержались). Зап. Г.И. Варламова в 2011 г. от Т.Н. Соловьёвой (Софроновой) в с. Ивановское (эвенкийское название Ульген) Селемджинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...белый подшейный волос их берут... (...муяллэвэтын гавкӣл...)* — берут по несколько шерстинок от каждого оленя.

— *...сумочку-чэмпули... (...чэмпулӣкэнэ...)* — в такой сумочке хранятся священные предметы.

7 — *Один к одному пусть будут... (Умун умунду биктын...)* — пусть стадо будет единым и крепким.

— *...собираясь кочевать (..нульгидэи некэмӣл)* — сумочку-*чэмпули* с волосом оленей окуривают багульником перед каждой перекочёвкой.

ДЮВĀ ДЯВŪЧАРИЛ
СЕМЕЙНО-РОДОВЫЕ ОБРЯДЫ

81. Айин-Майиндулэ̄, Айиһит-энӣлэ̄, энтӹлдулэ̄-амтӹлдулэ̄ алгā (Заклинание Айин-Майин, Айихит-матери и своих предков). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Ф.Г. Боярковской в пос. Заря Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...своих предков (...энтӹлдулэ̄-амтӹлдулэ̄...)* — *амтӹл* — букв. «отцы, прародители», *энтӹл* — букв. «родители».

3 — *Энӣнгэһэ-амӣнаһа... (Матери-отцы...)* — покойные предки-родители. Суффикс *-наһа/-нэһэ* добавляется к именам ушедших из жизни людей: Иван-*наһа*, Таня-*нэһэ*.

14 — *Из Верхнего мира вы смотрите... (Угӯ Бугадук ичэтчэрэс...)* — по верованиям эвенков, души хороших людей после смерти попадают на небо, в Верхний мир, и живут подобно людям, следя за жизнь родных и помогая им.

82. Айиһит-энӣвэ алгā (Благословение Айихит-матери). Зап. Г.И. Варламова в 1980-е гг. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...Айихит-матери (Айиһит-Энӣвэ...)* — Айихит-мать (*Айиһит-энӣ*) — божество, покровительница шаманов, мать всех эвенков. Живёт на небе, считается бессмертной. Если не почитать её, не благословлять очаг, она может наказать — в семье родятся дети-уроды. Если же родители часто ругали, обижали детей, Айихит-мать наказывала родителей. Айихит могла наказать человека, если он плохо относится к людям, если убьёт запретного зверя. Она же давала людям души оленей и детей.

— *Шаманы с помощью Айихит-матери поют (Самаһал Айиһит-энӣдук дяривкӣл)* — т.е. камлают.

— *Все уранҕкаи... (Бутуннү уранҕкай...)* — здесь: люди, от эвенк. *урэ* «гора», т.е. жители гор, сопок. В героических сказаниях якутов *олонхо* распространено древнее эпическое самоназвание якутов *ураангхай* [Кыыс Дебилийэ, с. 312].

83. Арчалдыри гуннэ̄ки (При встрече говорят). Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от Ф.Г. Бояркoвской в г. Тында Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Прежде чем приступить к приёму пищи, хозяин дома и очага должен совершить обряд угощения огня (*имтӣ*) — бросить самые лакомые кусочки из приготовленной еды в огонь. После раздела туши копытного животного хозяин также должен покормить огонь кусочками костного мозга, печени, почек. Когда варят язык животного, его отрезанный кончик обязательно отдают очагу. В присутствии гостей с огнём делятся вином или молоком. Главным и самым близким для человека огнём был огонь очага, поэтому дух очага был и первым хранителем семьи.

— *...ковордо̄дӯ... (...на сковороде...)* — от рус. «сковорода».
— *...испискэт... (...спичками...)* — от рус. «спички».

— *...багульник... (...чэнкирэвэ...)* — по представлениям эвенков, дым багульника обладает очищающими свойствами, он способен изгонять злых духов, отводить беды.

— *...там здороваются, целуются (...талӣ доро̄вавкил, нюканывкӣл)* — здороваются с родственниками над дымящим багульником, через дым.

— *Огонь пусть горит! (Тогот дегдэдегин!)* — имеется в виду родовой огонь, поддерживающий жизнь и благополучие рода.

Варианты

1. Имтӣ (Угощение огня). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой.

У эвенков Амурской обл., долгое время контактирующих с негидальцами, дух очага носит имя Пудя. Бабушка исполнительницы была негидалкой, поэтому, обращаясь к духу, она называет его негидальским именем [Цинциус, 1982, с. 1—11].

Огонь свой угощая, Матушку-Пудя попросишь:
— Пудя! За детьми своими присматривай!

2. Имтӣмӣ гуннэ̄кис (Угощая огонь, говорить положено). Зап. Г.И. Варламова в 1988 г. от Ф.Г. Боряковской в совхозе «Заря» Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой.

Твой огонь большую силу имеет. Твой огонь всё может. Свой огонь ты кормишь постоянно, поэтому он за твоей семьёй присматривает, хранит. Угощая огонь, так говори: «Матушка, хорошо присматривай за нами, помогай!»

3. Имтӣ (Угощение огня). Зап. Г.И. Варламова от А.С. Лехановой в с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой.

По представлениям эвенков, каждый человек связан с Небом невидимой нитью жизни. Если её продлить, продлится и жизнь.

Огонь кормя, эвенки просят:
— Великое Небо,
Одаривай!
Великое Небо,
[Жизнь] продлевай!

4. Зап. Г.И. Варламова от И.А. Лазарева, в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Опубл.: [Варламова, 2002, с. 128].

Огонь угощают жиром, говоря: «Большая матушка! Нам помогай!»

84. Гороло̄ нульгиӈиныксэ̄л тогово алгарӣ (Перед дальней кочёвкой огонь заклинают). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Ф.Г. Боярковской в совхозе «Заря» Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...урба̄кика̄ндӯи... (...рубахи ...)* — от рус. «рубаха».

— *...хозяйка дома (...дю̄ва дявӯчадярӣ)* — букв. «содержащая дом».

85. Алга̄ (Благословение). Зап. А.А. Воронина в 2000 г. от А.И. Димитровой в пос. Кика Прибайкальского р-на Бурятии. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

В тексте отражены диалектные черты произношения исполнительницы: *нульгишинденэл* (ср. *нульгисинденэл*), *тэшӣвкӣл* (ср. *тэсӣвкӣл*), *ӗллаван* (ср. *э̄ллаван*), *дёмикир* (ср. *дёмукир*).

— *...в мыслях... (...мэ̄н дялдӯвар...)* — букв. «в своём уме» (см. коммент. к тексту 77).

— *Дёмикир (Голодными...)* — от *дёму-ми* («хотеть есть, быть голодным») [Василевич, 1958, с. 114].

Вариант

Испрашивание у неба (как нужно говорить). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Великое Небо!
Удачу дай!
Детям нашим помогай,
Олени наши пусть множатся,
Зверь пусть не переводится,
Никто пусть не болеет!

86. Ōн эмэрӣ анңанма алгāвкӣл (Как пришедший год благословляют). Зап. Г.И. Варламова в 2011 г. от Т.Н. Соловьёвой (Софроновой) в с. Ивановское (эвенкийское название Ульген) Селемджинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Более короткий вариант текста благословения нового года, записанный от другого исполнителя, опубликован: [Варламова, 2002, с. 153–154], см. вар.

— *...Новай год... (...Новый год...)* — от рус. «Новый год».

5 — *Супӯначӣл... (Зипунов...)* — от рус. «зипун». Зипуны есть у русских.

— *...тальник брали (...ōктāктакāрва гавкӣл)* — ветви тальника должны быть с только что распустившимися листочками и только от тех кустарников, которыми питаются лось и олень.

2 — *...выше всех! (...угӯпчӯ...)* — Арче живёт выше всех на небе, он превыше всех божеств.

Вариант

Как новый год благословляют. Опубл.: [Варламова, 2002, с. 153–154].

Когда впервые слышали раскаты грома, ветки ерника в правую руку брали, трижды обходили жилище по движению солнца и произносили:

— Арче, Арче!
Мы эвенки,
У нас *арбагасы.*
Чтобы хорошо жили, чтобы не голодали,
Хорошим годом приходи.
Плохим годом не приходи.
Арче, что выше всех!

87. Дӯннӯр-энӣдӯ болокин алгā (Осеннее благословение духа Земли-матери). Зап. Г.И. Варламова в 1980-е гг. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

1 — *Хвоинки отхвоились... (Чӣе чӣечэ̄ми...)* — т.е. лиственницы сбросили хвою. Хвоинки лиственниц воспринимаются как шерсть Земли-матери; существовали древние представления о ней в облике лосихи, у которой есть шерсть.

2 — *Листочки отлиствились... (Дэ̄кта дэ̄начāми...)* — листва опала.

6—8 — *Когда лиственница залиствится, / Стланик застелется, / Берёзы заберёзятся... (Ирэктэ ирэллэкин, / Болгиктал болгиллактын, / Чалбар чалбалдяддактын...)* — в эвенкийском тексте глаголы образованы от существительных, обозначающих различные деревья. Смысл этих строк: когда весной деревья оживут и зазеленеют.

88. Дюкчадӯ алгā (Благословение оставляемому месту чума). Зап. Г.И. Варламова в 1974 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Благословение произносили осенью, оставляя летние места кочёвок.

1 — *Чимкэ-чиркульдэ... (Скрипящая жердь...)* — *чиркульдэ* — звукоподражание скрипу дерева.

— *...оставляемому месту чума (Дюкчадӯ...)* — *дюкча* — место, где стоял чум, или остов чума, с которого сняты покрышки. При перекочёвке покрышку чума снимают и увозят с собой, а жерди собирают и прислоняют к дереву поблизости. Если жерди чума весной стоят прислонённые, значит его хозяин умер и не приехал на прежнее место. По отношению к месту, где стоял чум, соблюдался ряд запретов. Так, нельзя разводить огонь на чужом кострище; редко ставят жилище на месте прежнего (даже своего) — ставят рядом, используя старые жерди; нельзя ходить по оставленному месту чума, ступать ногами на старое кострище.

1 — *Скрипящая жердь... (Чимкэ чиркульдэ...)* — вертикальная, средняя жердь чума, стоящая ближе всего к почётному месту. Она считается священной; её скрип представляется голосом, речью духа этой жерди, обращающегося к хозяевам дома.

6 — *Здесь же... (Эдӯты...)* — рядом, поблизости. Ставить чум точно на прежнем месте не разрешалось.

11 — *Всего хорошего... (Аямат эмэнмукэл...)* — букв. «хорошо оставайся».

89. Алгāвка-hэгэн (Остōлду алгāвка) (Благословение-песня (Благословение столу)). Зап. участники КФЭ, 1986 от Д.П. Пудова в с. Хатыстыр Алданского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. текста Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые. Нотный пример 43. Компакт-диск, № 14.

— *...остолду (...столу...)* — от рус. «стол».

10 — *Тэрēлькэльдӣ... (...тарелочек)* — от рус. «тарелка».

12 — *Битылькальдӣ... (О бутылочках...)* — от рус. «бутылка».

13 — *...урӯмкэльдӣ... (О рюмочках...)* — от рус. «рюмка».

---

4 — *Вечерком-ял... (Сӣксэгōнмэ-кты-ял...)* — *-ял* — распевный слог, добавленный исполнителем для соблюдения размера строки.

19 — *Играю... (Эвӣденгнэм...)* — т.е. пою, исполняю песню. Слова *икэ-ми* («петь») и *эвӣ-ми* («играть») в фольклоре эвенков часто выступают как синонимы. Шаманское пение также называют «игрой» (см. коммент. к текстам раздела «Шаманские обряды»).

90. Дыгин кирилкан остӧлконты (остӧлконду алгавка) (Наш четырёхугольный столик (благословение столику)). Зап. участники КФЭ, 1989 от М.К. Васильевой в с. Тором Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Благословение столу было исполнено при прощании с участницами экспедиции перед их отъездом. Текст отражает индивидуальное произношение исполнительницы: *нэкнӹыль* (ср. *нэкнӹыл*).

1 — *Нӓӧн-нӓйиӈн (Наен-найиян)* — запев; исполнительница начинала этим запевом многие свои песни.

---

2 — *Младшие сёстры... (Нэкнӹыль...)* — так исполнительница называет женщин-участниц экспедиции, приехавших в гости, считая их родственницами независимо от национальности, потому что они занимались сбором и изучением фольклора эвенков.

4 — *Пусть всегда вот столько созывает (Гэгдэк тыкӭн эрбӭн эрӣдэгӣн)* — исполнительница была очень рада приезду гостей и в песне выражала надежду, что в будущем они смогут так же собраться за столом.

9 — *...играю... (...эвӣдем...)* — т.е. пою, исполняю песню (см. коммент. к тексту 89).

91. Ӈиргӭ (Благословение). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от В.П. Заровняевой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Благословение исполнялось при отъезде Г.И. Варламовой с семьёй из с. Владимировка домой в Якутск.

4 — *Голени ваших детей удлинятся станут... (Ӈутэллун нюӈӣлтын ӈонумуллактын...)* — фразеологизм, означающий «когда ваши дети будут подрастать».

92. Ӈирӓ Ӈурунудӣтэн (Благословение на дорогу). Зап. участники КФЭ, 1989 от М.К. Васильевой в с. Тором Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

2 — *Иргэ̀чинмэ... (Благословение...)* — для многих говоров как восточного, так и западного наречия эвенкийского языка характерно исчезновение [h] в начале слов: *Ӈокто — окто; Ӈиргэчин — иргэчин.*

93. Ӈутэл эмэнэдӣтын икӭн (Песня по случаю приезда ребёнка). Зап. Г.И. Варламо-ва в 1980 г. от М.П. Кульбертиновой в с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Опубл.: [Варламова, 2002, с. 150—151].

Исполнительница называла детьми всех, кто приезжал к ней в гости: она была и старше их всех по возрасту, и опытнее.

3 — *...армиялдук... (...из армии...)* — от рус. «армия».

---

2 — *От всей души радуюсь... (Аякāндӣ неливкāтнэ...)* — букв. «хорошенько душой обрадовавшись», устойчивое словосочетание.

6 — *Думали вы о нём? (Дялилван ӣврэ-дӯ?)* — букв. «в думы свои внесли ли вы его?» Исполнительница поёт песню по случаю возвращения своего внука из армии. Зная о его скором возвращении, при камлании она давала своим духам задание, чтобы они выполнили желание её внука быстро и благополучно вернуться домой, к жене и маленькой дочке.

7—8 — *Вон у тех облаков / Добра испрашивая... (Тар-дадӯ тӯксэлдӯн / Аядыӣ гэлēденэл...)* — облака — это посланцы Неба; обращаясь к облакам, эвенки обращаются к Небу.

9 — *...дожив (...нгэнэнксэндӯ)* — букв. «дойдя». В том же значении слово *нгэнэктандем* («живу») используется в стк. 13.

10—11 — *...всем сердцем / И печенью вспоминая... (...мēварди-да / hакирдӣ-да дёндяна)* — букв. «сердцами и печенями вспоминая», фразеологическое выражение со значением «помня всей душой».

12 — *Под добрым солнцем... (Сигӯн аёракин...)* — букв. «под хорошим солнцем».

16 — *Ради их счастья... (Кутулдӯтэн...)* — т.е. ради внуков, о которых исполнительница вспоминает в стк. 10—11.

18 — *Попробую прожить... (Нгэнэмкэктэ...)* — букв. «пройти» (см. коммент. к стк. 9). Песня записана в 1980 г., Матрёна Петровна ушла из жизни в 1996 г., прожив ещё почти 16 лет.

Вариант

hутэл эмэнэдӯтын hэгэн (Песня на приезд детей). Зап. Н.Н. Николаева в 1991 г. от М.П. Кульбертиновой в 13-м оленеводческом стаде совхоза «Золотинка» (с. Иенгра) Нерюнгринского улуса РС(Я). Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Нотировка Н.Н. Николаевой. Опубл.: [Николаева, 2006, с. 71].

— Попробую-ка я спеть сейчас
По случаю приезда детей.
Поднимая их мысли*,
Спою-ка я.
Приезду детей
Всей душой обрадовавшись,
В добрые дни
Мысли свои задумали ли?*
Добра испрашивая,
До старости я дошла
Под добрым солнцем,
Радуясь, живу.
Сотню [лет] своих наполнила*, —
Подумаю-ка я.
Ради счастья их [внуков] ещё.
Три-два года
Попробую пожить, думаю. Ну!

— *Поднимая их мысли...* — т.е. воодушевляя, вдохновляя их и вдохновляясь сама.

— *Мысли свои задумали ли?* — исполнительница спрашивает, с какими думами, просьбами приехали к ней гости.

— *Сотню [лет] своих наполнила...* — т.е. уже прожила сто лет.

94. Иргэ̄чин бэел октодӯтын (Благословение людям на их дорогу). Зап. Г.И. Варламова в 1990 г. от М.К. Васильевой в с. Чумикан Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Опубл.: [Варламова, 2002 с. 151–152].

— *Иргэ̄чин... (Благословение...)* — см. примеч. к тексту 92.

2 — *Э̄гэ̄дингэв... (Спою...)* — в основе *(h)эгэ-*, так же как в основе *(h)иргэ* (см. предыдущее примеч.) происходит исчезновение начального [h].

5 — *Кэргэлкэ̄hэлбэр... (Семьи свои...)* — от якут. *кэргэн* («семья; муж, жена») [Мыреева, 2004, с. 329].

8–9 — *Да нельзя долго / Петь благословение (Энгнэрэ-нгнэ горот / Э̄гэ̄дедэ иргэ̄чинмэ)* — эвенки считают, что если благословение на дорогу слишком длинное, то и сама дорога будет долгой (это пояснение дала исполнительница, окончив петь).

95. Э̄ллувкэ̄ (Мазанье углем). Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от Е.И. Фёдоровой (Лазаревой) в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...пёчилэ̄и* (...к своей печи...) — от рус. «печь».

— *...к Марии... (...Ма̄рёла̄...)* — Мария (эвенк. Ма̄рё) — старшая сестра отца исполнителя. Она обладала способностью во сне предвидеть будущее, ей снилось, что она пела шаманские песни. Мария имела своего духа-помощника — духа очага по имени Кулумтан, совершала обряды, чтобы отвести зло от своих родственников.

— *...в Журбан... (...Журба̄ндула̄...)* — село на берегу р. Зеи, в настоящее время его уже нет.

2 — *Кулумтан мой! (Кулумтанґив!)* — имя духа-хозяина очага в доме Марии. Этим именем нередко называют духа своего очага шаманы. Подробнее о Кулумтане см. тексты раздела «Шаманские обряды» и комментарии к ним.

14–15 — *Со светлыми волосами, / С русскими глазками... (Багдалама нӯриктэчӣ, / Лӯчака̄н ёhакачӣ...)* — отец у ребёнка русский.

96. Э̄ллувка̄ (Мазанье углем). Зап. А.А. Воронина в 2000 г. от Е.С. Агдыреевой в Усть-Джилиндинском эвенкийском сельском поселении Баунтовского эвенкийского р-на Бурятии. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

В тексте отражены диалектные особенности: *шинни* (ср. *синни*), *шинэвэ* (ср. *синэвэ*), *а̄шилта̄на* (ср. *а̄hилта̄на*), *экшэми* (ср. *эксэми*), *шӣкивкил* (ср. *hӣкивкил*).

— *Нададу... (Если нужно...)* — от рус. «надо».

— *...закатится... (...тыктэкин..)* — букв. «упадёт».

8 — *...удачу не отнимет (эгин ...маявкана)* — от *маяӣ-ми* («не иметь удачи на охоте») [Мыреева, 2004, с. 357].

Пояснение исполнительницы: «Взрослые эвенки стойкие, сглазу не поддаются, а детей оберегают. Моя бабушка всегда мазала нам углем лоб, веря в то, что после такого обряда нас не напугают злые духи, не сглазят люди».

Варианты

1. Опубл.: [Варламова, 2002, с. 147—148; 2004, с. 110—111].

Женщина рожает ребёнка в родильном чуме. Как родится, его ведь ещё не вносили в своё жилище-дом. Женщина-помощница берёт ребёнка на руки и несёт в дом. Как только она вошла, или отец роженицы, или мать, или бабушка берут золу с очага и мажут ребёнку нос, щёки, подбородок, приговаривая:

— Отец твой, мать твоя, дедушка твой!
Бабушки твоей огонь. Дедушки твоего огонь.
Как бабушка твоя, будешь разжигать очаг!

2. Опубл.: [Варламова, 2002, с. 148].

Новорождённого ребёнка в свой дом вносят, говоря:

— Огонь, не принимай за чужого,
Твой пришёл.

97. Ӈунӑдил ичэмкэ̄нтын (Девичье гадание). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от Е.Н. Александровой (Лехановой) в пос. Бомнак Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...из белого золота... (...багдарӣн мэӈун...)* — белым золотом эвенки называли серебро.

4 — *...дном вниз упади (...тэвэкэл)* — *тэв-ми, тэгэ-ми* — букв. «сесть»; в словаре А.Н. Мыреевой *тэгэ-* — «упасть выемкой вверх, предвещая хорошее (о шаманской колотушке)» [Мыреева, 2004, с. 644].

5 — *...дном вверх упади (...мукчэ̄кэл)* — от *мукчэ̄ктэ* («круглый, шарообразный»); букв. «округлись», т.е. упади круглым вверх.

98. Ӈиӈкичӑ̄н эрукӣтчэрӣдӯн Ӈиргэ̄ (Заклинание, если рябчик предсказывает худое). Зап. Г.И. Варламова в 1984 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Ӈиӈкичӑ̄н... (...рябчик...)* — в говорах встречаются также формы *Ӈиӈкичэ̄н* [Мыреева, 2004, с. 556], *Ӈинукӣ* [Болдырев, 2000, т. 2, с. 264].

— *Эрукэ̄ттэ, ...эрукӑ̄ттэ...* (*Не предрекай худого*) — одна и та же форма глагола с вариацией гласного.

— *След свой палкой закроешь... (Удявӣ мӧт кайдиңэс...)* — найдя гнездо рябчика, нужно положить палку поперёк своего пути («закрыть» его), чтобы дурное предзнаменование не увязалось следом.

99. Кутуга (гиркурӣ hэрэкӣ) сӧмат сӑвкӣ (Жаба (шагающая лягушка) очень мудрая). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

В эвенкийской мифологии жаба, которую называют «шагающей лягушкой», — священное животное: лягушка участвовала в сотворении Средней земли (Дулин буга). Г.М. Василевич пишет: «В мифе конных групп из района Нерчи—Читы помощником творца земли была лягушка. Она вынесла землю в лапах на поверхность воды, но злой брат творца (по позднейшим вариантам — небесный шаман) выстрелил в неё. Она перевернулась и с тех пор стала лапами поддерживать нашу землю среди водного пространства» [Василевич, 1969, с. 214]. Эвенки-орочоны, проживающие ныне в основном в Амурской обл., также считают, что появлением земли они обязаны лягушке, а не гагаре (см. [Мазин, 1984, с. 20]). В аналитическом каталоге Ю.Е. Берёзкина «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» под номером С6А указан мотив «ныряльщик — черепаха/лягушка», известный на территории Сибири у эвенков, бурят и монголов [http://www.ruthenia.ru/folklor/berezkin/index.htm].

Шаманы подвешивают к костюму изображение лягушки как символ земли. Амурские шаманы наносят изображения двух лягушек на носки унтов, чтобы правильно найти обратную дорогу домой (на землю), когда путешествуют в иные миры.

1 — *...кутучӣ... (...душа-кут есть)* — слово *кутучӣ* образовано от основы *куту* («удача, счастье») с помощью суффикса обладания *-чи* [Мыреева, 2004, с. 322—323; Василевич, 1940, с. 73]; эвенк. *куту* связано с якут. *кут* («душа живых существ») [Пекарский, 1958, стб. 1261; Мыреева, 2004, с. 322] — это одна из трёх душ человека. *Кутучӣ* может означать и «счастливый, обладающий удачей», и «обладающий душой-*кут*».

— *Пулӑтвӣ... (Платок свой...)* — от рус. «плат».

2 — *Тар тадук... (С тех пор...)* — букв. «то за тем», устойчивое словосочетание, имеющее значение «с тех пор», «с того времени».

— *Шагающая лягушка... (...гиркури hэрэки...)* — так по-другому называют жабу в отличие от лягушки, умеющей прыгать.

— *...очень мудрая (...сӧмат савкӣ)* — букв. «очень знающая», фразеологическое выражение, имеющее значение «иметь дар предвидения» (ср. текст 61, где эпитетом *сӧмат савкӣ* («мудрый») наделён медведь).

1 — *Амгунские эвенки... (Эмҥун эвэнкил...)* — эвенки, проживающие и кочующие в бассейне р. Амгунь Хабаровского края. В настоящее время эта группа эвенков смешалась с негидальцами в районе совместного проживания (с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края).

— *...расстели быстренько (...гиркэмэлчэкэл)* — глагол *гиркэ-ми* означает «расстилать», суффикс *-мал-/-мэл-* выражает быстроту, мгновенность действия, суффикс *-чэ-* в данном случае имеет то же значение.

2 — *А раньше перешагивала (Нонон гиранивкӣ бичэ̄)* — отец рассказчицы много раз гадал о будущем, встречая жабу, и она всегда перешагивала через его ремень, предсказывая ему хорошую жизнь.

— *...ушёл (...сэ̄мнэн)* — слово *сэ̄мнэн* употребляется только по отношению к человеку, как эвфемизм, заменяющий обыденное *бучэ̄* («умер»). Глагол *сэ̄м-ми* означает также «пропасть, исчезнуть» [Мыреева, 2004, с. 533]. По отношению к родным, родственникам эвенки не употребляют слово *бучэ̄*, а говорят *сэ̄мчэ̄*, поскольку считается, что души покойных ушли с земли и находятся на небесах.

100. Ичэмкэ̄ ивэ̄ллэт (Гадание лучиной). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от Е.Н. Александровой (Лехановой) в пос. Бомнак Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Гадание... (Ичэмкэ̄...)* — *ичэмкэ̄* — от *ичэ-ми* («смотреть»); слово *ичэмкэ̄* в значении «гадание» встречается в текстах 40 и 101.

— *...делают (...гавкӣл)* — букв. «берут».

101. Багдарӣн мэнгумэкэ̄н умкандӣ ичэмкэ̄ (Гадание ложкой из белого золота). Зап. Г.И. Варламова в 1992 г. от А.И. Лазарева в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я). Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Гадание ложкой напоминает обряд гадания, проводимый шаманом с помощью колотушки для бубна (*гэ̄ник*). У колотушки, так же как у ложки, есть выпуклая и вогнутая стороны: если она падает выпуклой стороной вверх — это к счастью (см. также коммент. к тексту 97).

— *...из белого золота... (Багдарӣн мэнгумэкэ̄н...)* — т.е. из серебра (см. коммент. к тексту 97, а также текст 144).

2 — *Хорошо — дном вниз упади, / Плохо — дном вверх упади! (Ая бимӣ — тэвэкэл, / Эр бимӣ — мукчэ̄кэл!)* — о значениях глаголов *тэвэкэл* и *мукчэ̄кэл* (см. коммент. к тексту 97).

— *...дном вверх упала (...мокчо̄рокин)* — *мокчой-ми* — «упасть тыльной стороной (о колотушке шамана), предвещая плохое (от якут. *мохчой*)» [Мыреева, 2004, с. 364]. Возможно, на выбор слова повлияло и его созвучие с *мукчэ̄-ми* (см. коммент. к тексту 97).

102. [Гилӯ, Гилӯ-й-энӣкэ̄н] ([Гилюй, Гилюй-матушка]). Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от А.П. Авеловой в с. Хатыстыр Алданского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые. Нотный пример 45. Компакт-диск, № 16.

Исполнительница услышала песню от своей бабушки родом с р. Гилюй на севере Амурской обл. — эту песню пели при сватовстве к ней.

Специального обряда свадьбы у эвенков не было, не существует и единого термина, обозначающего саму свадьбу. Например, забайкальские эвенки употребляли монг. *курим-курум* и заимствованное из рус. *сивайба*. Олёкминские эвенки употребляли ещё слово *ḫуечин* (букв. «выделение»). Дальневосточные эвенки используют выражение *нимэ̄к одярӣ* — букв. «появление соседа», т.е. возникновение новых соседей, новой семьи. Иногда свадьбу называли «*бэе ӧдярӣ*» (букв. «появление человека»).

Уговор о сватовстве могли заключать сами жених и невеста или их родители. Акт свадьбы не являлся кульминацией, так как до рождения ребенка семья не считалась узаконенной в полном смысле слова. Если детей не было, обычно семья распадалась. Если бездетные супруги не желали расставаться друг с другом, они брали на воспитание сирот или детей у многодетных родственников.

Свадебный обряд у всех эвенков состоял из трёх этапов: 1) одевание невесты и сборы её для переезда; 2) переезд невесты в дом мужа; 3) приобщение к семье мужа: невеста трижды обходила вокруг жилища и кормила огонь семейного очага.

Свадебное угощение вошло в обычай сравнительно поздно. Существовали народные термины для отдельных моментов свадьбы. Например, у ербогачёнских эвенков обряд кормления огня невестой назывался *кукинмэр дю̄дӯвар нэ̄рэп* (букв. «невестку свою в дом свой положили»). Обряд угощения гостей назывался *аḫӣ удяван ḫуеҥнин* (букв. «отделение пути женщины»).

— *аймакилин* — от якут. *аймах* («родня»).

1, 6 — *Гилюй, Гилюй-матушка! (Гилӯ, Гилӯ-й-энӣкэ̄н!)* — река Гилюй (эвенк. *Гилӯ*) на севере Амурской обл., в Зейском р-не.

4 — *У горы с нежной травкой... (Сӣвэлэктӯ̓ урэ...)* — *сивэлэк* — болотная низинная трава, которую очень любят олени.

5 — *Говорить они начали! (Гундельчатынэ!)* — строки 1—5 поёт жених Алексей.

12 — *Мелкота этого [какова]? (Арбамкачасӣ?)* — иносказательное выражение, означающее: «Насколько серьёзны твои мысли о свадьбе?» Строки 6—12 поёт девушка.

15—16 — *Как дикий голубь, воркую, / Как кукушка, кукую (Тутуивэ чӯҥнимчальдям, / Куктыӣвэ чӯҥнимчальдям)* — в оригинале в обеих строках использован один и тот же глагол *чӯҥнимчальдям* — от *чӯҥни* («щебетать, петь»), он употребляется по отношению к разным птицам. Переведено по смыслу. Строки 13—16 поёт сват Нярбаче.

20 — *Желаю ведь (Некэдемӗ-ҥэ̄н)* — строки 17—20 поёт девушка.

Пояснение исполнительницы: *Бэе Улюксей аḫӣявӣ гада̄и некэдерэн. Биралӣ, Гилӯлӣ эмэчэ̄ ḫуна̄ттула̄ӣ. Гэлэмҥӯ нуҥандӯн Нярба̄чӗ-бэе. Нонон Улюксэй ḫэ̄гэ̄вкӣ, тадук ḫунадин, гэлэмҥу-сурумдюсут ḫэ̄гэ̄вкӣ. Тадук нян ḫунат. Эр бӣ эвэкэ̄в ḫэгэ̄нын бичэ̄, нуҥанма̄н гадярактын, тыкэ̄н бичэ̄. Тыкэ̄н оҥочэ̄т эмэчэл биḫӣтын нуҥандула̄н. Эвэкэ̄в Гилӯдук бичэ̄л энты̄лин, аймакилин.* — «Мужчина Алексей жену себе взять желает. По реке, по Гилюю приехал к девушке своей. Сватом у него Нярбаче-человек. Сначала Алексей поёт, потом девушка, проситель-сват поёт. Потом опять девушка. Это песня моей бабушки была, когда её брали, так было. Так на лодке приехали к ней. У бабушки моей с Гилюя были родители, родня её».

103. Тэ̄рӣн ӧдярилдӯ hиргэ̄чин (Благословение создающим пару). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от В.П. Заровняевой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...пару (Тэ̄рӣн...) — тэ̄рӣ* — пара, парный предмет; выкуп за невесту, приданое [Василевич, 1940, с. 136].

8 — *Крепкими мужчинами пусть будут (Умачӣл бэел ӧктын) — умачӣ бэе* — фразеологизм, означающий «крепкий, здоровый, сильный мужчина». *Умачӣ* — от *уман* («костный мозг»); считается, что у крепкого, здорового человека в костях много костного мозга.

11 — *Человеческий род... (Бэе тэкэнмын...)* — фразеологизм, букв. «корень человека».

13 — *Умелицы-женщины... (Киптыкар-аhа̄ка̄р...)* — букв. «ножницы-женщины»; ножницы — символ женщины в эвенкийском фольклоре (ср. *Омолги hутэс лукӣлтӯдерэкин, / hуна̄т hутэс киптыилтӯдяракин...* — «Когда мальчик, твой сын, / Начнёт пускать стрелы, / Когда девочка, твоя дочь, / Начнёт кроить ножницами...») [Эвенкийские героические сказания, 1990, с. 176—177].

104. hуелдыдерӣлдӯ алга̄ (нимэ̄к ӧксал) (Благословение отделяющимся (когда они соседями становятся)). Зап. Г.И. Варламова в 1976 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

10 — *...утэлвэр... (...детей...)* — особенностью ряда диалектов эвенкийского языка является выпадение звука [h] в начале слова: *(h)утэ* «дитя, ребёнок».

— *...отделяющимся... (hуелдыдерӣлдӯ...)* — т.е. молодожёнам, которые создают своё отдельное хозяйство.

1 — *...соседями теперь вы стали (...нимэ̄кирдэс)* — стали самостоятельной семьёй, которая живёт отдельным домом.

12 — *...мари... (...дэткэ̄н...)* — марь — заболоченная местность, поросшая кустарником и карликовыми деревьями.

17 — *Родоначальниками... (Бэе тэкэнын...)* — фразеологизм, букв. «корень человека», означает и основателей рода, и сам человеческий род (см. текст 103). Если молодой муж — иноплеменник, он может основать новый род.

105. Тукса̄ндярӣ икэ̄нын (Песня сбегающей). Зап. участники КФЭ, 1989 от М.К. Васильевой в с. Тором Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Для некоторых групп эвенков было характерно умыкание невесты. Обычно это делалось по договорённости между молодыми, а иногда и с ведома родителей (либо матери невесты и её родственников, либо отца и его родни). Песня убегающих девушек исполнялась обычно от третьего лица: они пели о себе как бы со стороны.

106. Сучаhинча̄л hэгэ̄нтын (Песня убегающих). Зап. Г.И. Варламова в 1988 г. от В.Р. Кузьминой в с. Кюсть-Кемда Каларского р-на Читинской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Песня убегающих (Сучаhинча̄л hэгэ̄нтын)* — об обычае умыкания невесты см. коммент. к тексту 105. В данном случае девушка убегает к жениху, который ждет её в

условленном месте. На вершине горы девушка поёт, прощаясь с родными краями, рассказывает о себе горе, сидя на её вершине.

4 — *Рукодельную свою сумочку несу в руках (Авсаканмӣ ӈалдяна-гу)* — *авсакан* — женская сумочка с принадлежностями для шитья, рукоделия. Если девушка уходила из дома, взяв с собой свою сумку для рукоделия, это означало, что она ушла насовсем, собираясь выйти замуж по своему собственному решению.

— *Вершину горки она просила (Ӯрэкэчӭн ӈорӧнмӧн гэлӭдечӭн)* — рассказывая о своём поступке, девушка обращается к вершине горы, так как считается, что дух-хозяин горы (сопки) обитает на самой вершине. Девушка делится с духом своим решением убежать к любимому и просит у него благословения.

107. Айӣӈиттанагин (Хождение к Айихит [за ребёнком]). Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от А.И. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Опубл.: [Варламова, 2002, с. 145–146; 2004, с. 108–109].

— *Хождение к Айихит [за ребёнком] (Айӣиттанагин)* — сложное слово: Айӣӈит — имя божества, *-та-* — суффикс деепричастия со значением цели, *-на-* — суффикс причастия со значением результата действия, *-гин* — суффикс повелительного наклонения (к 3-му лицу).

1 — *...аи-человек (...ай-бэе...)* — *аӣ* — «доброе божество, добрый дух» [Мыреева, 2004, с. 29] (ср. якут. *айыы*). Словом *аӣ* называют как светлых обитателей Верхнего мира, так и людей, души которых посылают на землю светлые небесные божества (например Айихит).

2 — *Раньше у шаманов от Айихит-матери исток камлания был (Нонон самаӈил Айӣӈит-энӣдук тэкэнтэнэл нимӈанӣвкил бичӭл)* — т.е. Айихит давала шаманам силу, с помощью которой они камлали.

— *Айихит-мать от огня берётся (Айӣӈит-энӣ тогодук гавкӣ)* — божество Айихит связано с солнцем и огнём.

— *Вершина... (Дугӭн)* — место, где живёт Айихит.

108. Малаӈин (Пир). Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от Н.Л. Эмидака в пос. Эконда Эвенкийского АО. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Для ритуала обязательно забивается жирный домашний олень, дикого оленя не используют. Пиршество устраивается в честь новорождённого и от его имени, как будто сам ребёнок угощает всех.

— *Малаӈин (Пир)* — от якут. *малааӈын, маладаӈын* («пир, пирушка, столование, обрядовое угощение, праздник по какому-либо случаю, гулянка») [Пекарский, 1958, стб. 1510]. В словаре А.Н. Мыреевой указана форма *малаӈадун* (от якут. *малааӈын*) [Мыреева, 2004, с. 352].

— *...жирного оленя забивают... (ороно бургуву вавкӣл...)* — оленя убивают ножом в затылок, стрелять в него нельзя.

— *...счастливым... (...кутучӣ...)* — от якут. *кут* — «душа живых существ (человека и животных)» [Пекарский, 1958, стб. 1261–1262], эвенк. *куту* — «счастье, удача, благополучие» [Мыреева, 2004, с. 322].

— *...пришедшего ребёнка... (...эмэмэктэ куӷакӣн...)* — устойчивое словосочетание, имеющее значение «младенец, новый человек в этом мире».

— *...появившейся вершины [родового дерева]... (эмэ дувунман...)* — букв. «на пришедшую его вершину». По представлениям эвенков, на родовом дереве с рождением ребёнка появляется новое ответвление.

— *...мысли их добрыми станут (...ая дялилтын ōдан)* — фразеологическое выражение со значением «пожелать добра».

109. Омӣрӯк (Хранилище души). Зап. Г.И. Варламова в 1992 г. от А.И. Лазарева в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я). Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Эвенкийские шаманы полагали возможным держать в специальных хранилищах души больных людей и оленей до выздоровления. Для этого перед лечебным камланием шаман изготовлял куколок и «душехранилище» (*омӣрӯк*) — коробку или мешочек, а после помещал туда души не только больного, но и его семьи. Некоторые шаманы у илимпийской группы эвенков от каждого члена семьи больного брали по пряди волос, в которых будто бы и хранили их души. Для хранилищ душ оленей шаман заказывал коврик (*кутурук*), у амурских эвенков-орочонов он назывался *наму*. На коврике должны были быть изображения (аппликацией или вышивкой) оленей, солнца и месяца, иногда и духа-охранителя в человеческом облике, в окружении линий из полосок меха разных оттенков. Нередко родители оставляли хранилище души ребёнка у шамана до тех пор, пока ребёнок не повзрослеет.

110. Омӣлāк (Водворение души). Зап. Г.И. Варламова в 1988 г. от В.Р. Кузьминой в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Водворение души (*омӣлак*) — обряд возвращения души в тело человека. Тем же словом называли и человека, который умел проводить этот обряд. Согласно представлениям эвенков, человек болеет и умирает потому, что остаётся без своей души-*омӣ*. Душу-*омӣ* здорового человека могут похитить злые духи или враждебный шаман, ей может навредить человек с дурным глазом. Излечивая от болезни, шаман в первую очередь должен найти и вернуть душу человека. Покинувшая тело душа направляется в мир Буни (*Бунӣ*), где живут умершие предки. Если шаман успевает догнать душу, ему приходится лететь в мир Буни и просить умерших предков не принимать её. Если душа уже попала в Буни, шаман просит отдать её, приводя убедительные доводы: маленькие дети останутся сиротами, некому их будет растить. Он приносит душу человека обратно на землю, вселяет её опять в тело больного, и тот выздоравливает.

1 — *...Ната (...Наташа)* — эвенкийский вариант русского имени Наталья. Исполнительница рассказала далее, как старушка Наташа возвращала на место и её душу: «Наталья-старушка могла возвращать душу-*оми*. Вот мне возвращать душу стала. Мне так делала. Подула мне в макушку. В макушку выдох сделала. Этот её выдох холоден, холодом входит. Страшно. Так холодно входит её выдох. Потом жарко-жарко становится. Жарко становится, жаром потом выдох её до ногтей рук моих доходит, до ног моих доходит».

— *Бабушка плохая!* — эту фразу ребёнок сказал по-русски.

2 — *Кутучӣ... (Счастливый...)* — см. коммент. к тексту 108.

---

1 — *На Тяне... (Тӑнэдӯ...)* — название речки и местности.

— *«Ху!» сделаю... («hӯ!» ӧнадӯв...)* — звукоподражание выдоху, дуновению, которым Наташа вдыхает в ребёнка душу.

111. Омӣлӑк (Водворение души). Зап. Г.И. Варламова в 1984 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Алёшка (Улӧскэ), о котором говорит исполнитель, был сильным шаманом: мог гадать по блюдцу хозяина — не будет ли у того большой беды. Он брал блюдце, подносил его к своему лицу и долго смотрел на него. Если блюдце не трескалось — хозяин блюдца будет жить долго и хорошо. Иногда блюдце трескалось от взгляда шамана — это было плохо, хозяин вскоре умирал. Про него говорили: *Улӧскэ бюлӯсэвэ ӗhатпӣ hукчавкӣ.* — «Алёшка блюдце глазами ломает».

— *...ӣприлчӯ (...с ума сошёл)* — *ӣпӣл-ми* — от якут. *шир* («сойти с ума») [Мыреева, 2004, с. 254].

---

4 — *Айихит-мать, помогай! (Айиhит-энӣ, бэлэдекэл!)* — шаман обращается к богине Айихит, так как она считается покровительницей шаманов (см. коммент. к тексту 82).

112. [Ahӣ укунин авуллакин] ([Грудь кормящей женщины опухнет]). Зап. Г.И. Варламова в 1990 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дала составитель по первой фразе текста.

Роль огня в жизни эвенков очень велика. Существует множество запретов, относящихся к огню, и правил поведения по отношению к нему (см. текст 1 в Дополнениях). Основная цель запретов — не обидеть и не ранить огонь, чтобы избежать его гнева. Так, некоторые болезни у эвенков считаются проявлениями такого гнева.

— *...аёвкакал! (...вылечи!)* — сложное слово, образованное от *ая* («хороший») + *оми* («стать») = *аёми* («вылечиться»), букв. «стать хорошим», т.е. здоровым.

— *Пудя!* — имя духа огня у негидальцев (см. коммент. к вар. 1 текста 83).

113. [Куҥӑкӑн чикэлтэлдиҥэн] ([Ребёнок [в постель] писаться начинает]). Зап. Г.И. Варламова в 1990 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дала составитель по первой фразе текста.

— *Ребёнок [в постель] писаться начинает... (Куҥакан чикэлтэлдиҥэн)* — эвенки считают, что энурез возникает у ребёнка потому, что родители недоглядели за ним и тот нарушил запреты по отношению к огню: либо играл с огнем, либо помочился в огонь. За это огонь его наказывает.

— *Много человеческой мочи... (Кая бэе чикэнын бидиңэн...)* — букв. «многих людей моча бывает»; поскольку людей в мире много, то виновником нарушения запрета может быть любой чужой человек, а не только больной ребёнок.

114. [Гороё симкӣдиңэн куңӑкӑн] ([Долго кашляет ребёнок]). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

1 — *Им имена дашь (Тарилбӣ гэрбӣдиңэс...)* — на палочки насаживают угольки: два ворона (*олӣ*), одну ворону (*тураки*) и несколько перелётных птиц. В данном случае не вырезают птичек из угольков, но каждый уголёк называют именем птицы: «Ты — ворон, ты — ворона, вы — перелётные птицы». Ворон — птица, постоянно обитающая на определённой территории и зимующая там же. Два ворона должны стеречь свою территорию, чтобы болезнь ребёнка не вернулась опять. Ворона улетает зимовать в более тёплые края, но не очень далеко. Она понесёт болезнь ребёнка туда, куда сможет долететь. Перелётные птицы подхватят болезнь у вороны и унесут её ещё дальше.

2 — *Дедушка! (Эһэкэ!)* — дух огня в данном случае представляется в образе старца, который оберегает семью от всех бед, в том числе от болезней. Он выступает как посредник между человеком и другими духами: он вдохнёт болезнь ребёнка в угольки, изображающие птиц, и велит им унести болезнь.

115. [Куңӑкӑныс сӧмат симкӣлдиңэн] ([Твой ребёнок сильно закашляет]). Зап. Г.И. Варламова в 1982 г. от К.П. Афанасьевой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дано составителем по первой фразе текста.

Смысл обряда состоит в том, что болезнь ребёнка уносит перелётная птица.

1 — *...пӗчи... (...печи...)* — от рус. «печь».

---

2 — *...«перелётными птицами»... (...«нэнӯ дэгӣ»...)* — см. коммент. к тексту 114.

116. [Һутэс билган авуллакин] ([У твоего ребёнка горло опухнет]). Зап. Г.И. Варламова в 1990 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дано составителем по первой фразе текста.

1 — *Пӗчи... (...печи...)* — от рус. «печь».

---

1 — *...из чёрной земли... (...коңнорӣн дӯннэдук...)* — для изготовления фигурок нужно брать обязательно плодородную почву, а не глину или песок.

— *...тех лягушек пудя называй (Тар һэрэкӣвэ пудявкӑдиңӑс)* — бабушка исполнительницы была негидалкой; негидальцы называют именем Пудя и дух очага, и лягушку (в фольклоре).

— *Как Пудя сделай! (Пудявкāкал!)* — *пудявкāкал* — глагол, образованный от имени Пудя, означает «проявить могущество, свойственное Пудя, поступить, как поступает Пудя». О Пудя см. коммент. к тексту 83, вар. 1.

117. [Куŋакарри бумӯллэктын] ([Твои дети заболели]). Зап. Г.И. Варламова в 1990 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дано составителем по первой фразе текста.

— *...ворону, орла, во́рона (...гакӣва, со̄рва, олӣва)* — здесь ворон, ворона и орёл выступают как духи, сверхъестественные существа (ср. коммент. к текстам 114, 115). Ворона и ворон уносят болезнь ребёнка к границам другого мира. Орёл — страж границы между мирами, он не позволяет болезни вернуться обратно в мир людей.

— *...под лиственницу в самом низу... (...ирэ̄ктэ hэрэмэдӯн...)* — деревья, по представлениям эвенков, связаны с духами предков: умерших раньше хоронили в дуплах деревьев или в выдолбленных колодах. Помещая угольки, в которые вселилась болезнь, под дерево, человек просит защиты у духов умерших предков.

118. Омӣламӣ (Хождение за душой). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от К.В. Григорьева в совхозе «Заря» Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Согласно верованиям эвенков, связанным с представлениями о материальных первоэлементах души, душа человека многосоставна. По сведениям этнографа А.Ф. Анисимова, у эвенков три души: 1) *hанӯн* — душа-тень, находящаяся внутри тела либо поблизости от него; 2) *бэ̄н* — душа-тело, которая находится внутри человека, в его теле; с ней связывались физиологические функции организма; 3) *маин* — душа-судьба, её название происходит от имени божества эвенков Маин (Аин-Маин), определяющей судьбу человека. Все три души нужны человеку для полноценной жизни, потеря каждой чревата болезнями и смертью. Душа *омӣ* — это общая душа, состоящая из трёх. Все животные и птицы тоже имеют *омӣ*.

— *Омӣламӣ* (*Хождение за душой*) — глагол образован от слова *омӣ* («душа»), суффикс *-ламӣ* означает «пойти за чем-либо», «добыть что-либо».

— *Заболеешь ли, плохо ли живётся — красного паука с восемью ногами ищут (Бумӯльмӣ-гу, эрӯт бимӣ-гу — hуларӣн атакӣва дяпкун hалгачӣва гэлэ̄ктэвкӣл)* — по представлениям эвенков, человек заболевает или жизнь не складывается, потому что что-то плохое происходит с душой *омӣ*: её могут украсть, она сама может покинуть человека. Красный паучок (*атакӣ*) считается предком эвенков, он связующее звено между умершими и живыми людьми. Паучок этот встречается редко, он очень маленький, с брюшком ярко-красного цвета. Он может либо принести душу человека, либо дать ему новую от умерших предков. Душа предка входит в две задние лапки паучка, и он отдаёт человеку эти лапки вместе с душой.

— *...отец твой, мать твоя, бабушка твоя, дедушка твой (...аминны, энинны, эвэкэ̄ŋгис, эhэкэ̄ŋгис)* — т.е. твой предок. У некоторых восточных групп эвенков считается, что пауки — это души умерших родных, души предков. Их нельзя убивать. Это представление сохранилось и в наши дни: если паук поселяется в доме, его не трогают.

У дальневосточных эвенков известно героическое сказание (*нимнгакан*) о первопредке-богатыре, имя которого было Умусликэ̄н-ӈуларӣн атакичан (Умусликэн — красный паучок). Умусликэн, обернувшись красным паучком, по своей паутинке мог проникать в Верхний и Нижний миры (зап. Г.И. Варламовой от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка).

119. [Ата̄кӣ — амты̄лты-энты̄лты омӣтын] ([Паучок — душа отцов-матерей твоих]). Зап. Г.И. Варламова в 1984 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

О паучке — хранителе души см. текст 118 и коммент. к нему.

120. Омӣва дяванын (Ловля души). Зап. Г.И. Варламова в 1980-е гг. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Хранилище души сделай! (Омирӯкъян ӧкал!)* — см. коммент. к тексту 109.

121. Омӣва маутла (Ловля души арканом). Зап. Г.И. Варламова 1988 г. от К.П. Афанасьевой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...биденӈэ̄н нада... (...должна быть...)* — *нада* — от рус. «надо».

— *...верхушку жилища захватывают... (...Эюкчава ӈорӧ̄нмӧ̄н дявавкӣл...)* — душа умершего улетает через дымовое отверстие (*дюкча*) в крыше чума, поэтому на него накидывается петля аркана, чтобы поймать те души, которые захотят последовать за душой умершего.

— *...к берёзе привязывают (...чалбандула уивкӣл)* — по представлениям эвенков, в Нижнем мире берёза не растёт. Убегающую душу поймает петля аркана, а берёза удержит её на Средней земле.

— *...на восходе солнца ту березу находят... (...дылача ӯптӯгиндӯн тар чалбанма бакавкӣл...)* — жизнь человека эвенки связывали с солнцем и с местом, откуда оно восходит. Запад ассоциировался со смертью, на запад улетают души умерших, а с востока прилетают души будущих людей, новорождённых.

— *...берут (...гавкил)* — убирают, снимают.

— *...в мыслях говорят что-нибудь... (...мэ̄н дялдӯвар гунывкӣл ӧн-мал...)* — т.е. не вслух, про себя.

122. [Бэ бумӯллэкин — сичипка̄нма ӧвкӣл] ([Человек болеет — ему *сичипкан* делают]). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Ф.Г. Боярковской в совхозе «Заря» Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дано составителем по первой фразе текста.

Сичипкан, чичипкан, ӈичупкан, шичупкан — букв. «лазейка», от *сичу-* («пролезть через узкое отверстие»); так называют идола из лиственницы. *Сичипканы* выглядят поразному, но их всегда делают только из лиственницы. У верхнеамурских эвенков они

бывают трёх типов. 1. Находят лиственницу, разветвляющуюся на два ствола. Из неё изготовляют человекообразного идола: два ствола лиственницы представляют ноги, а из общего ствола делается голова. Поперёк привязывают жердь, обозначающую руки. Вырубают лицо, глаза, нос, рот либо вырезают либо рисуют охрой или углем. Идола втыкают ногами в землю, между его ногами проводят больного и прогоняют оленей. 2. Берут две молодые высокие лиственницы вместе с комлем и связывают: одну комлем вверх, другую вниз. Из комля вверху делают голову идола. Привязывают поперечную жердь, изображающую руки. 3. Молодую лиственницу раскалывают посередине, вставляя расщепы на концах раскола.

Обряд пролезания через *сичипкан* был широко распространён среди всех групп эвенков, его смысл состоит в очищении человека. Пролезание, прохождение и протаскивание больного с последующим закрыванием лазейки было частью обряда лечения. Лазейка могла быть разной формы: *салгат* — в виде человека с раздвинутыми ногами; *саканан* — в виде большого отверстия рта рыбы; *угдупкан* — в виде рамы; *солипкан* — в виде кольца.

1 — *Свою жизнь пройди... (Уēдӯвӣ ӈэнэдекэл...)* — т.е. живи долго.

2 — *У входа в загородку... (Курē амӈадӯн)* — букв. «у рта загородки», т.е. у ворот.

123. [Мунӈӣл эвэнкӣл бумӯдерӣ бэевэ чичипкāндулӣ ӈэнэвувкӣл] ([Наши эвенки больного человека через *чичипкан* проводят]). Зап. Г.И. Варламова в 1988 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Опубл.: [Варламова, 2004, с. 130—133].

В детстве исполнителя лечили так, когда у него болели ноги.

1 — *Лӯккāна-гу... (Лучок...)* — от рус. «лук».

— *...так-ку... (...или так...)* — от рус. «так».

— *...пистōндӣ-нюн... (...одним пистоном...)* — от рус. «пистон».

---

1 — *...в её корень стреляют (...тэкэндулэн пэктырэнивкӣл)* — зачем стреляют в корень, исполнитель не смог объяснить.

— *...из ружья, одним пистоном... (...бэрит, пистōндӣ-нюн...)* — т.е. из незаряженного ружья, не вкладывая патрон.

— *...голову с лицом делают... (...дылван дэрэчӣе ōвкӣл...)* — голову вырезают из ствола лиственницы, придавая ей антропоморфные черты.

2 — *Нить твоя пусть не обрывается! (Уӈикэӈис эгин этыргэрэ!)* — по представлениям эвенков, каждый человек связан с Небом невидимой нитью жизни. Если её удлинить, продлится и жизнь.

124. Сичипкāн (*Сичипкан*). Зап. Г.И. Варламова в 1988 г. от Ф.Г. Боярковской в пос. Заря Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

В тексте обряд прохождения через *сичипкан* (*чичипкан*) описан как родовой и проводящийся каждый год.

— *...проезжают... (...нульгиӈинывкил...)* — *нул(ь)ги-ми* — кочевать, двигаться обозом, как при перекочёвке. Проезжая сквозь *сичипкан*, изображают кочевой обоз.

125. Чичипкāндулӣ нэнэ̄р (Прохождение через *чичипкан*). Зап. Г.И. Варламова в 1988 г. от К.В. Григорьева в совхозе «Заря» Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

1 — *...я̄ркала̄... (...на ярмарку...)* — от рус. «ярмарка».

---

1 — *...живут (...нэнэктын)* — букв. «идут».

— *Болезни русских... (Лӯчаял бумӯилтын...)* — так эвенки называли оспу, сибирскую язву, корь.

2 — *«Хап-хоп!»... («hāп-hōп!»...)* — звукоподражательное слово, обозначающее захлопывание чего-либо.

— *Стрела моя, попади! / Большой палец, загреми, / Мизинец, зазвени! (Нӯрив, да̄кал! / Уругун, урэ̄мнын, / Чимиткӣ, чинэ̄мнын!)* — эпическая формула богатырской стрельбы.

— *...стреляют... (...пэктырэ̄внывкӣл...)* — участники обряда должны выстрелить в невидимого духа болезни, чтобы он не смог пройти через *чичипкан* вслед за людьми.

126. [Билгас энӯлдингэ̄н] ([Горло у тебя заболит]). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дано составителем по первой фразе текста.

— *Пӗчи дагадӯн... (Возле печи...)* — от рус. «печь».

— *Как Пудя сделай! (Пудявкакал!)* — глагол, образованный от имени Пудя, со значением «Пудя, примени свою силу» (см. коммент. к тексту 116).

— *Дети-то, с огнём играя, писаться начинают ведь... (Куҥака̄р-ка тогот эвӣденэл чикэлтэрӯвкӣл эчэ...)* — считается, что если дети, играя, обидели огонь, дух огня наказывает их недержанием (см. текст 113 и коммент. к нему).

127. Дюгунук (*Дюгунук*). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Дюгунук* — от *дю* («дом, жилище»), представляет собой две палочки, поставленные вертикально и связанные между собой ниткой так, чтобы можно было надеть на голову. Одна из палочек называется *бэ̄э* («мужчина»), другая — *а̄ви* («женщина»). Когда *дюгунук* надевают на голову, палочки должны оказаться на висках: «мужчина» — слева, «женщина» — справа. Палочки из дерева изображают пару духов-покровителей дома.

128. Дылис энӯдерэкин, аёвкā (Когда голова болит, лечение). Зап. Г.И. Варламова в 1987 г. от Н.И. Фёдоровой в с. Владимировка р-на им. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Кукушкин аркан... (Куккӯ ма̄вутын...)* — по объяснению исполнительницы, вьюнок с синими цветами; возможно, речь идёт об ипомее сибирской (*Ipomoea sibirica*),

широко распространённой в лесной зоне Восточной Сибири и Дальнего Востока. В семенах ипомеи сибирской содержится эргин (алкалоид, амин Д-лизергиновой кислоты), растение используется в народной медицине.

— *Год за годом хочу идти! (Анҥаныдук анҥаныла ҥэнэктэ!)* — т.е. хочу жить долго.

129. [Дялаһалли энүдерэктын] ([Суставы у тебя болят]). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Название дано составителем по первой фразе текста.

— *Киһалгадү... (Вынуждена...)* — от якут. *кыһалҕа* («нужда, надобность, потребность»).

— *И убегая... (Элэ туһална...)* — когда лягушку суют в муравейник, муравьи начинают кусать её, есть заживо. Как поясняла исполнительница, лягушка при этом кричит, стонет, плачет, поэтому и убегаешь, прося лягушку о прощении.

130. [Иллэс энүдерэкин] ([Кожа болит]). Зап. Г.И. Варламова в 1987 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

1 — *Пус! Пус!* — звукоподражательное слово, обозначающее прокол кожи.

2 — *Тыпус, тыпус!* — звукоподражательное слово, обозначающее тычки, втыкание чего-либо.

131. Гуннэки (Говорят). Зап. Г.И. Варламова в 1987 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...умершие родственники твои зовут (...сэмчэл дялис эрүдерэ)* — народная примета: если звенит в ухе — это умершие подают голос. Чтобы не уйти раньше времени в мир предков, нужно отвечать им, не обидев: «У меня главная забота в этой жизни ещё не выполнена — детей своих детей (т.е. внуков) ещё не поставил на ноги. Когда внуки вырастут, тогда и приду к вам».

132. Тудя (*Тудя*). Зап. Г.И. Варламова в 1981 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

1 — *Бокчолчок... (На бок заваливаясь...)* — от *бокчо* («падать на бок»).

— *...сэлэмэ сэлэ... (...железное железо...)* — тавтология.

— *...эвкӣ бирэ... (...не настоящее...)* — имеется в виду олово.

— *Тудя* — лечебный амулет, изготовляемый из олова (*тудя* значит «олово»). Его делает шаман для конкретного человека. Амулет обычно состоит из парных предметов. Чтобы он не утратил силу, его нельзя показывать чужим.

2 — *...здоровой... (...ая...)* — букв. «хорошей»; переведено по смыслу.

— *...прожила (...нэнэрин)* — букв. «прошла».

133. Аёвкāл (Лечение). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от Е.Е. Лехановой (Кульбертиновой) в с. Иенгра Нерюнгринского р-на Якутии. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Суть лечебного камлания в том, что, камлая, шаманка вселяет в изображения щук духов болезни и отправляет их подальше от людей, прогоняет.

— *Аёвкал (Лечение)* — сложное слово, обозначающее способы излечивания человека. Образовано путем сложения двух слов: *ая* («хорошо») + *ōвкан* («делание»).

2 — *... нāда (...должны...)* — от рус. «надо».

---

1 — *...играть (...эвīрэ)* — камлать.

2 — *...возвращаются (...мучӯвкīл)* — доплыв до противоположного берега, шаманские рыбы возвращаются к шаманке.

134. Ōн авуһив экинмэв имача биһин (Как мой зять тётю мою похоронил). Зап. Г.И. Варламова в 1990 г. от К.П. Афанасьевой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

1 — *...цветнōйдī... (...цветной...)* — от рус. «цветной».

— *...коронīнача... (...хоронить идёт...)* — от рус. «хоронить».

2 — *...урбакива... (...одежд...)* — эвенк. *урбаки* от рус. «рубаха» означает также «одежда, платье».

— *...нада* (...должен) — от рус. «надо».

— *...похоронил (...имача...)* — букв. «зарыл».

1 — *...в гроб положил (...кōрчактӯ нэчэ)* — в древности эвенки умерших хоронили в стоячем положении в дуплах деревьев, самоубийц хоронили сидя. Затем стали хоронить на открытых и в закрытых лабазах (*араңас*). С проникновением христианства распространилась практика погребения в земле.

— *Зная об этом... (Тара сана...)* — зная, что это случится. Когда зять «хоронил» тётю, старик был ещё жив; чтобы он не «забрал» тётю с собой (см. текст 121), требовался охранительный обряд, который и провёл зять.

2 — *Глаза его, нос его, рот его [на ткани] вырезали (Ēһалбан, оңоктовōн, амңаван гиривкил)* — делали в тряпке отверстия на месте глаз, носа и рта умершего.

— *...будущее хорошим будет... (Ая дюлечī биһин...)* — букв. «с хорошим будущим если», т.е. если предсказывает в будущем хорошее: никто не умрёт вслед за ним, никто не заболеет, не будет никакой беды. По представлениям эвенков, душа умершего человека может сманить за собой близкую душу, т.е. близкий человек тоже может умереть. Поэтому зять исполнителя имитировал похороны жены старика, чтобы она жила пос-

ле него долго. Они были очень привязаны друг к другу, жили в любви и согласии всю жизнь. Душа любящего человека независимо от его желания может самостоятельно последовать за душой умершего любимого. Этого-то и боялся старик.

— *Много земель прошедший человек в Нижнем мире [тоже много] земель пройдёт, пройти должен (Баран бугава гиркуча бэе һэргӯ бугадӯ тар дӯннэлвэ ӈэнэдиӈэн, ӈэнэдэн нада)* — если в жизни человек побывал во многих местах, то после смерти его душа должна облететь все эти места в Нижнем мире и только тогда сможет упокоиться.

САМАР ДЯВӮЧАРИЛ
ШАМАНСКИЕ ОБРЯДЫ

135. Саман ēкукарбан ōдярӣл эгэлгэтын (Шаманские принадлежности делаются по-разному). Зап. Г.И. Варламова в 1975 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Шаманские атрибуты изготовляли для шамана постепенно, при этом каждый раз проводили особые обряды, вселяя в приобретаемые атрибуты силу *мусун* (*муһун, мушун*). По представлениям эвенков, все одушевлённые существа имеют душу *оми*, а неодушевлённые — душу *мусун*, т.е. «силу движения». Г.М. Василевич писала: «Эти представления у эвенков сохранились от различных этапов развития. Наиболее древним (сохранилось у подкаменно-тунгусских) было представление о силе движения, которой обладали почти все явления природы: *мусучи* (вост. *муһулкэн*; букв. «*имеющий мусун*») — это ветер, дождь, тучи, реки и другие явления природы, находящиеся в движении... Позже, с развитием шаманских представлений, термином *мусун* стала называться часть благожелательной в отношении человека силы духа — хозяина Верхнего мира, которую шаман добывал у него как для себя, так и для посвящаемого оленя. Получив *мусун*, олень становился табуированным, а шаман — настоящим шаманом» [Василевич, 1969, с. 227]. Такой же силой должны были обладать и все шаманские атрибуты, поэтому при их изготовлении и проводились различные обряды. О термине *мусун* см. также [Варламова, 2004, с. 59—63].

— *Шаманские принадлежности... (Саман ēкукарбан...)* — букв. «шаманское коечто», «шаманские вещицы», т.е. различные атрибуты шамана.

1 — *...его хакра... (...һакран...)* — изогнутая молодая лиственница с кручёными волокнами древесины, которую берут для изготовления обечайки шаманского бубна. Для каждого шамана вырастает своя личная лиственница («его лиственница»): шаман видит во сне, где она находится, и рассказывает о её местонахождении изготовителям обечайки бубна. Такая лиственница используется и для изготовления шаманской колотушки.

— *На полуденное солнце... (Сигӯн дулиндукакун...)* — букв. «на солнце посередине», т.е. в полдень.

— *... держателем... (...дяваӈат...)* — от *дява-ми* («держать, удерживать»).

— *Животворным станешь! (Аруткан одиӈас!)* — обретёшь силу *мусун*. *Аруна-кан*: 1) бессмертный, вечный; 2) оживающий, возрождающийся [Мыреева, 2004, с. 56].

— *...на нём сгибают (...мэ̄ндӯн матавкӣл)* — дерево сгибают вокруг талии шамана, опоясывая его, как ремнём.

— *...живую силу впусти! (...арунма тыкэл!)* — т.е. оживи, стань ободом бубна, имеющим живую священную силу (*мусун*).

— *Слабые заряды... (Уһакӯн тэвӯрилвэ...)* — от *уһа* («мало, немного») [Мыреева, 2004, с. 702], т.е. патроны, куда насыпано меньше пороха, чем нужно для боевого выстрела. О стрельбе в лосёнка из прутьев см. текст 41.

— *...бубен свой обретает (...унтувлэ̄вкӣ)* — букв. «становится имеющим свой бубен».

136. Томколгон (Собирание ниток). Зап. Г.И. Варламова в 1975 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...истандӯн... (...на штанах...)* — от рус. «штаны».

— *Собирание ниток (Томколгон)* — название обряда образовано от слова *томко* («нить, нитка»), *томкол* («нитки»). После того как женщины сошьют шаману шаманский костюм, он проводит обряд собирания остатков ниток. В одежде, сшитой женщиной, остаётся словно бы часть её жизни; по представлениям эвенков, её душа теперь связана с этой шаманской одеждой и самим шаманом. Во время обряда изготовительниц костюма очищают, чтобы их не преследовали шаманские духи. Шаман путешествует по разным мирам, в том числе и по миру мёртвых (Буни). Души изготовителей костюма не должны посещать мир Буни, пока человек жив. Подобный обряд проводят и для мужчин, изготавливающих бубен, шаманские подвески и другие шаманские атрибуты из железа (к примеру, металлический головной убор). Этот обряд для изготовителей-мужчин называется *урэлгэн* — от *урэ̄* («крошки и кусочки металла, остатки ровдуги»).

— *...его шаманские одежды... (...самаһикилбан...)* — *самаһик* — верхняя одежда шамана.

— *...бахрому-чурэктэ... (...чурэ̄ктэлбэ...)* — узкая и длинная бахрома на рукавах, длиной около 20—25 см и шириной около 0,7—1 см. Иногда длинные, более 0,5 м, полоски из ровдуги шириной 1 см обшивают белым и тёмным мехом с камусов оленя. Между ними могут быть вставлены и кусочки меха соболя. На концах бахромы *чурэ̄ктэ* вешают кисточки с тремя тонкими ниточками из ровдуги. Такая бахрома нашивается по низу кафтана или платья шамана.

— *...бахрому-каптакакты... (...каптакакталбан...)* — *каптакакты* — полоски из ровдуги шириной 2,5—3 см, обшитые по краям однотонной материей, обычно красной. Эта бахрома пришивается на штаны шаманского одеяния, полоски ровдуги для неё делаются шире, чем для бахромы на рукавах.

— *...душу его возвращая, принося (...омӣван мучӯвдяна, эмӯденэ)* — если человек болен, шаман идёт в Нижний мир, мир мёртвых (Буни), ищет там душу больного и возвращает её в тело (о способах возвращения души см. тексты раздела «Семейно-родовые обряды»).

— *Взмахнёт — женщины руки вытягивают! (Таһӣһинарӣтан — аһал ӈалалбар бӯвкӣл!)* — женщины выбрасывают вперёд руки, а шаман взмахивает бубном над их руками, словно собирая в бубен невидимые остатки ниток с их рук.

— *...настоящие нитки... (...томко томкодӣн...)* — букв. «нитки ниток».

— *Остатки железа и ровдуги, соберитесь, нитки, соберитесь! (Урэлгэкэл, томколгокол!)* — в эвенкийском языке глагол можно образовать почти от каждого существительного. Эти глаголы будут означать действия человека каким-то предметом или действия с этим предметом. Например: *кото* — «нож», *котокол* — «режь ножом», *һулла* — «одеяло», *һуллалакал* — «накройся одеялом». Иногда от существительного образуется глагол, значение которого указывает, что действие выполняет сам предмет. *Урэлгэ* — «остатки, крошки железа, металла», «остатки, кусочки, обрезки ровдуги». *Урэлгэми* — «собрать остатки, крошки металла и ровдуги». *Урэлгэкэл* — «остатки металла и ровдуги, соберитесь (сами)», *томколгокол* — «нитки, соберитесь».

— *Чтобы руки больными не были... (Ӈаламӣл эктын бирэ...)* — образовано от *ӈала* («рука») с помощью суффикса *-ми*, означающего плохое качество чего-то, например: *укумни* — «молоко», *укумними* — «плохое молоко»; плохие руки — это больные руки.

137. Һулӣ (Согревание). Зап. Г.И. Варламова в 1976 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 177. Публ. впервые.

— *...мӗтрачӣ-вэл... (...где-то в метр...)* — от рус. «метр».

— *Согревание (Һулӣ)* — обряд обращения к шаману с просьбой пошаманить. Слово, относящееся к шаманской лексике, восходит к эвенк. *һӯл* («солнечное тепло»). Просящих называют в этом случае *һулидярил*, т.е. «просящие погреть [бубен]». В обыденной речи есть слово *һулит-мӣ* («греться у огня»). Оно может иметь значение и «греться на солнце»: *Юкэл, сигӯндӯ һулӣткал.* — «Выйди, на солнце погрейся». Просящие должны принести с собой к шаману два куска красной (как солнце и огонь) материи. Название обряда можно истолковать как согревание у шаманского очага.

— *К шаману приходит, потом так говорит... (Самандула эмэвкӣ, тадук тыкӗн гунивкӣ...)* — у шаманов существовала особая шаманская лексика. Сам себя шаман называл *дӯгӯ* — букв. «внутренний», т.е. имеющий свой потаённый мир и свою особую, необычную жизнь. Называть самого себя словом *саман* («шаман») было запрещено. Эвенкийское *саман* происходит от глагола *са-ми* («знать, ведать»), *саман* — знающий всё, ведающий всё. Суффикс *-ман (-мэн)* служит для образования причастий, которые характеризуют людей, очень способных к чему-то, умеющих что-то делать очень хорошо. Люди, приходящие просить пошаманить для них, тоже были обязаны придерживаться этой лексики, а если не знают её (как это часто происходит сейчас), должны по крайней мере говорить иносказаниями.

— *Кое-что посмотри-ка! (Ёкукарва ичэмкӗкэл!)* — погадай, предскажи что-нибудь.

— *У эвенков много обычаев было (Эвэнкӣлдӯ эгэлгэтын сӗ биһӣн)* — речь идёт о множестве традиций, касающихся того, как нужно было обращаться с просьбой к шаману, как и какими словами просить его, как соблюдать все связанные с этим запреты.

Хули. Опубл.: [Варламова, 2004, с. 110–111].

Хули называют просьбу о камлании и то, что должен сделать при этом просящий. Порядок такой, по-русски — обычай. Шамана просят, чтоб его шаманский дух-очаг помог просителю. «Пошамань мне», — так не говорят, порядок *Иты* есть (т.е. традиция), так и просят. Кочуют и вдруг встречают шамана, просят, чтоб пошаманил, через свой огонь-очаг узнал. Просят, говоря:

— Дорогу жизненную мою увидь.

Греют бубен. Просящий трубку шамана раскуривает, один-два [раза] потянет, представляет в мыслях, о чём хочет узнать. Затем шаману трубку его подаёт, говоря:

— Увидь сон, как я буду жить.

Если просящему долго не попадается, к примеру, лось, то о том просит:

— Увидь сон, где меня лось ждёт, благослови!

Шаман бросает, гадая, колотушку, исполняя заклинание:

— Аин-Маин, какова его будущая жизнь, скажи!

Аин-Маин, одели его добычей!

Аин-Маин — это главный дух шамана. Она бывает женщиной, у некоторых шаманов этот дух — мужчина. У духов-помощников просит [шаман], чтобы помогли.

138. Оронмо сэвэкӣлмӣ, сэвэкӑн гунывкил (Оленя освящают, священным называют). Зап. Г.И. Варламова в 1989 г. от Ф.Г. Боярковской в пос. Заря Тындинского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

1 — *Сэвэкӣчан (...священный олень)* — исполнительница употребляет формы *сэвэкӣчан* и *сэвэкӣчӭн* как равноправные.

3 — *...пӗчивэ-нюн (...и печку)* — от рус. «печь». Подробнее см. далее коммент. к бл. 3.

— *...дежӯрнай... (...дежурный...)* — от рус. «дежурный», здесь употребляется в значении «сторож, охранник». Священный олень всегда на страже, охраняя людей и оленей от злых духов, несчастий и болезней.

— *Оленя освящают, священным называют* (*Оронмо сэвэкӣлмӣ...*) — такой олень становится хранителем семьи и оленьего стада. Для освящения оленя проводится обряд *Сэвэкан*. Обычно он приурочен к весеннему празднику верхнеамурских эвенков, который тоже называется *Сэвэкан*. Во время этого праздника проводятся все необходимые для жизни обряды. Шаман взывает к Матери-Небу (Энекан-Буга) и к солнцу, вселяет их священную силу в идола *сэвэкичана* — хранителя семьи и хозяйства, дарителя охотничьей удачи. Идол имеет антропоморфный вид: это безрукий и безногий человечек с чётко обозначенными чертами лица, одетый в эвенкийскую одежду. Его головной убор напоминает шаманскую шапку с крестообразным верхом. *Сэвэкичаны* бывают мужские и женские. Затем шаман наделяет священной силой *наму* — ритуаль-

ные шаманские коврики, изготовляемые из меха или бересты и символизирующие родовую территорию. *Наму* бывают двух видов: охотничьи и оленные. А.И. Мазин отмечает: «Эти коврики представляли собой нечто наподобие иконы у христиан. *Наму* окуривали дымом, делали помазывание кровью, приносили небольшие жертвы, бросая в огонь кусочки жира. Хранили *наму* втайне от посторонних глаз в ритуальной шкатулке *муручун* со святынями семьи или рода. *Наму* изготовлялись по заказу шамана, и не для всех семей, а только для тех, у которых появлялась в этом потребность: не водились олени, долгое время была неудачной охота, появлялись болезни. Раньше *наму* были родовым достоянием» [Мазин, 1983, с. 22–23]. В конце обряда шаман вселяет священную силу и в оленя-*сэвэкичана*.

— *...четыре жерди с личинами... (...дыгин дэрэкэ̄чӣ мо̄лва...)* — у жердей стёсывают наискосок верхний конец и на нём рисуют лицо. На каждой жерди может быть от одной до четырёх личин (по четырём сторонам света).

2 — *Бобай-Небо... (Бо̄бай-Буга...)* — *Бобай* — букв. «дающий счастье». Так же называли различные талисманы, напр., шкурки зверей-альбиносов. Восточные эвенки считали, что они приносят счастье.

3 — *...надевают серьги оленям (...сёкала̄вкӣл ороробор)* — продевают им в уши кусочки красной ткани и ровдуги.

— *...только суму-инмэк, короб-муручун... (...инмэкилвэ-нюн, муручӯрвэ...)* — священный олень не может возить обычные, не ритуальные вещи.

— *...и печку (...пёчивэ-нюн)* — эвенки пользуются небольшими железными печками-буржуйками, которые ставят прямо в палатках, выведя трубу через отверстие в крыше, а при перекочёвках возят с собой. Печка считается священным предметом — в ней живёт дух очага, поэтому её перевозят на священном олене.

— *Тот олень — почитаемый (Тар орон одэ̄кӣт)* — *одэ̄кӣт* — букв. «запрет, оберег». Функция такого оленя двойная: с одной стороны, это священное животное, на нём не ездят верхом и не возят обычную поклажу, с другой — он сам приносит людям и оленьему стаду удачу и благополучие. Перевод дан по смыслу.

139. Бэе сӣнгкэнмэ̄н дёроморӣ (сама̄р) (Воровство *сингкэна* человека (шаманское)). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

В этом тексте слово *сингкэн* означает удачу на охоте. По представлениям эвенков, её можно отнять, передать, вернуть.

4 — *Щенок-воришка! (Нӣнаккан-дёролко̄н!)* — шаман называет себя так, потому что совершает кражи *сингкэна* в облике собаки.

140. Оронмо ана̄лывмӣ (Оленя заменителем делают). Зап. Г.И. Варламова в 1984 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *...сама̄на... (...заменяет...)* — исполнитель использует русское слово.

— *Оленя заменителем делают (Оронмо аналывмӣ)* — обряд отличается от посвящения оленя духу (*сэвэкӣнгипкэ*) и табуирования (*итыкингипкэ*). Г.М. Василевич пишет: «Шаманское камлание *сэвэкӣнгипкэ, итыкингипкэ* — табуирование оленя было характерно для всех оленеводческих групп и имело цель обеспечить здоровое состояние стада и его размножение. Вместе с оленеводами проникло и на запад от Лены. Но здесь его целью было обеспечение здоровья членов семьи, а табуирование оленя занимало второе место. Общим для всех групп эвенков было посвящение оленя духу-хозяину Верхнего мира, от которого шаман добывал *мусун* (священную силу) и вводил в посвящаемого пороза, после чего тот становился «божьим оленем». Отношение к нему менялось: на нём нельзя было ездить, в его сумках перевозили только святыни, он доживал до естественной смерти, после которой тушу его целиком клали на лабаз. В случае исчезновения «божьего оленя» не искали. Этот олень, как правило, был белого цвета или имел белые пятна на голове. Перед и после кочёвки его окуривали. В караване он шёл первым или вторым» [Василевич, 1969, с. 248–249]. Отличие описанного в тексте обряда состоит в том, что олень-заменитель посвящался конкретному человеку. Смерть человека заменялась исчезновением его оленя-заменителя. Такой олень исчезал, его никто никогда не находил мёртвым, он пропадал бесследно; эвенки считают, что его забирали вместо человека духи мира мёртвых (*hӑрги*). Такого оленя называли еще *анавча орон* — букв. «вытолкнутый», т.е. сбытый вместо человека олень, от глагола *анамӣ* («толкнуть, столкнуть, сбыть»).

1 — *...вместо тебя пойдёт... (...сӣ оннудӯ анавдингӑн...)* — т.е. уйдёт в мир мёртвых. То же в бл. 3 («вместо него пойдёшь»).

— *...почётное место своё [в чуме] откроешь... (...малӯвӣ ныкэл...)* — т.е. поднимешь покрышку чума со стороны почётного места (*малу*), чтобы олень, назначенный для обряда, мог войти внутрь.

2 — *...«Тус-тус-тус!»...* (*«Тӯс-тӯс-тӯс»...*) — звукоподражание топоту оленьих копыт.

141. Кулумтандулӑ дярин (Шаманское песнопение Кулумтану). Зап. Г.И. Варламова в 1982 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 14, ед. хр. 177.

Дярин — культовое шаманское пение, чаще всего с поддержкой хора из присутствующих: хор повторяет пропетые шаманом строки. Обращение к огню в форме шаманского песнопения *дярин* было исполнено по случаю встречи отца, И.А. Лазарева, и дочери, собирательницы Г.И. Варламовой. Поэтому исполнитель, обращаясь к собирательнице, говорит «огонь твой, дома твоего огонь», она — одна из его наследниц. Исполнив *дярин* с поддержкой хора из близких родственников, Иван Андреевич тут же комментирует по-эвенкийски непонятные присутствующим слова шаманской лексики.

Исполнитель — носитель акающего говора, характерного для эвенков Амурской обл., а также для эвенков, проживающих в с. Иенгра в Якутии, поэтому он говорит *дугая* (ср. *дугэе*).

Кулумтан — имя духа шаманского очага. Дух огня в домах обычных людей не называли этим именем — он мог носить имя Мать-Огонь (*Энӣкэн-того*) или Бабушка-Огонь (*Эвӭкэ-того*). Айихит-мать (*Айӣhит-энӣ*) — не только божество эвенков, по-

кровительствующее людям и дому, но и личный дух-покровитель шамана А.И. Лазарева. Айихит-мать общается с шаманом через его домашний очаг, с помощью духа по имени Кулумтан.

— *...тугурук... (...округлый...)* — от якут. *төгүрук* («круглый») [Мыреева, 2004, с. 616].

— *Домашний Кулумтан... (Дювӣ Кулумтанман...)* — т.е. очаг в доме шамана, носящий имя Кулумтан.

— *...камлали, шаманили (...я̄я̄ӈкитын, дяричиӈкитын)* — *я̄я̄-ми* — глагол от эвенк. *яр-яр* — звукоподражание звучанию костяных и железных атрибутов шаманского костюма. В тексте последовательно использованы два глагола, обозначающие обрядовое пение шамана.

— *Айихит-мать от Кулумтана ведёт начало (Айӣhит-энӣ Кулумтандӯ тэкэнтэвкӣ)* — т.е. к своей покровительнице Айихит-матери шаман может обратиться с просьбой через огонь своего домашнего очага Кулумтан.

— *Неумирающий Кулумтан... (Арунмачан Кулумтан...)* — исполнитель уверен, что к кому-то из детей перейдёт его шаманский дар, а вместе с ним и шаманский дух огня Кулумтан, т.е. дух его шаманского огня будет жить вечно, его будут поддерживать его дети, внуки. По этой же причине ниже, в стк. 8, он назван вечно живая Кулумтан (*Аравил Кулумтан*).

1 — *Кулумтан-мать! (Кулумтан Энӣē!)* — здесь для исполнителя дух-хозяин шаманского огня выступает в женской ипостаси. Поэтому и далее в переводе слову Кулумтан придан женский род.

4 — *От матери к матери... (Энӣдук энӣлэ̄...)* — шаманский дух очага Кулумтан и шаманский дар перешли к исполнителю по линии матери. У эвенков шаманский дар и шаманские духи могли наследоваться как по отцовской, так и по материнской линиям.

6 — *Будущего моего птенцы... (Дюлеhикир чивкачар...)* — имеются в виду дети, внуки, правнуки исполнителя, которых он называет своими птенцами, так как души-*омӣ* детей традиционно видятся эвенками в образе птенчиков.

11 — *Неумирающая Кулумтан... (Арӯнмачан Кулумтанма...)* — *арӯнмачан* — от эвенк. *армӣ-* («оживать, возрождаться»).

15 — *И впредь пусть порхают! (Нӯ̄рэӈнэвкӣл ӧӈнатын!)* — исполнитель просит у духа Кулумтана, чтобы жизнь его детей была радостной и безмятежной.

142. Кулумтандулэ̄ (К Кулумтану). Зап. Э.Е. Алексеев, А.Х. Слапиньш в 1980 г. от М.П. Кульбертиновой в оленеводческом стаде с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Личный архив Э.Е. Алексеева.

Исполнительница пропела обращение к духу очага Кулумтану в сопровождении бубна по случаю приезда членов фольклорной экспедиции и возвращения из армии её внука Леонида. Он прилетел с ними на одном вертолёте, больной. Данный текст является просьбой шаманки к духу-хозяину очага Кулумтану, который выполняет роль покровителя, посредника в её шаманских камланиях; она просит Кулумтана помочь в предстоящем камлании (оно представлено в тексте 144). Называть дух домашнего огня Кулумтаном позволено только шаманам (см. текст 141).

4 — *...эячинди (...желание)* — форма из урмийского диалекта, от глагола *эячит-ми* («хотеть, желать») [Мыреева, 2004, с. 760]; *я* вместо *е* — индивидуальное произношение исполнительницы.

— *К Кулумтану (Кулумтандулэ̄)* — Кулумтан — имя хозяйки очага шамана, шаманский дух огня (см. текст 141 и коммент. к нему).

1 — *Зову-зову! (Эрӣлэ̄н-эрӣлэ̄н!)* — шаманка призывает своих родовых духов. Из текста видно, что к середине её пения один из них, по имени Амай, уже прибыл, находится рядом.

2 — *Округлый Кулумтан! (Колӯдова Кулумтан!)* — т.е. хозяин округлого очага по имени Кулумтан. Эпитет *колӯдова* («округлый») относится к шаманской лексике.

9 — *Оленя понемножку! (Орондукэ̄н аракӯкан!)* — в честь встречи гостей и по случаю проводимого в связи с этим камлания должен быть забит жертвенный олень.

10 — *Неудобно, Амай... (Кокорӗ, Амай...)* — шаманка извиняется за беспокойство перед каким-то своим духом в образе старца — отца или деда. У шаманов духами-помощниками могли быть и духи умерших предков.

11 — *Заставляют играть-то (Эвивкэндерэ-дэ̄)* — т.е. камлать. Шаманка ссылается на то, что беспокоит духов не по своей воле, а камлает по чужой просьбе.

12 — *Не ленитесь! (Экэллу энэллэ!)* — обращение к шаманским духам рангом ниже, чем Кулумтан.

13—14 — *К добру ли, к худу ли, / [Но] делаю это (Аял-гӯ, эрӯл-гу/ Ӑдялан тарикив)* — т.е. хорошо или плохо будет после камлания, но шаманка будет камлать по просьбе приехавших, в том числе внука.

143. Дяричивун hутэлдӯви (*Дяричин* для своих детей). Зап. Г.И. Варламова в 1975 г. от И.А. Лазарева в пос. Верхнезейск Зейского р-на Амурской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Фрагмент опубл.: [Варламова, 2004, с. 126—127].

Фрагмент текста впервые опубликован на эвенкийском языке с русским переводом без комментариев в книге «Мировоззрение эвенков» [Варламова, 2004, с. 126—128]. Затем тот же фрагмент, но уже с пояснениями и комментариями, вошёл в работу [Варламова, 2008, с. 90—93]. Впервые *дяричин* публикуется полностью с необходимыми пояснениями и комментариями.

В левом столбце помещены реплики шамана, в правом — реплики хора его помощников, повторяющих за ним некоторые пропетые строки, а также слова главной помощницы — дочери Лены. Она частично берёт на себя объяснение происходящего для детей, присутствующих на обряде.

— *...для этого он будет петь* — дети, присутствующие на обряде, не говорят по-эвенкийски, поэтому Лена поясняет им по-русски, что будет дальше.

5 — *...соӈа̄ткаллу... (...хорошенько поддерживайте...)* — отыменной глагол, образованный от прилагательного *соя* («очень хороший»); имеет значение «выполнение какого-то действия очень хорошо», в данном случае очень хорошее подпевание исполнителю. Прилагательное степени *соя* образовано из слов *со* («очень») + *ая* («хорошо»).

15 — *Кӯк! Кӯк! (Кук! Кук!)* — после этих слов шаман некоторое время молчит.

— *...испӣскэт... (...спичкой...)* — от рус. «спичка».

— *Дяричин для своих детей (Дяричивун һутэлдӯви)* — исполнитель проводит шаманский обряд с целью благословить детей и внуков. Дети выступают и его помощниками, повторяя за ним строки песнопения.

— *...кавав зажги (...кавӑвъя нулкал)* — *кавав* — пахучая трава, растущая в расщелинах скал. Шаманы зажигают её при камланиях.

— *Детей очисти... (һутэлвэ һурганӣкал...)* — окури детей зажжённой травой, чтобы сделать их ритуально чистыми.

— *...поднимайте [меня вверх] (...угиръӑткэллу)* — от *угир-ми* («поднять вверх, в воздух»). Помощники шамана, повторяющие за ним слова песнопения, помогают ему «взлететь», достичь мира духов.

— *Подпевающие вы теперь (Дяричимнӯл сӯ эле)* — пока была жива жена шамана, она помогала ему, подпевая во время обрядов. В этом обряде шаман просит своих дочерей стать *дяричимнӯл* — помощницами, повторяющими пропетые им строки.

— *Долго не буду ходить... (Горово этӭм нэнэрэ...)* — т.е. не пойду далеко в другие миры, как во время больших камланий.

— *...о вас узнаю что-нибудь (...син сӑдиңӑв ёва-вал)* — узнаю вашу судьбу, предскажу ваше будущее.

— *Там платок мой есть, мой-то, его очисти [кававом], дай мне (Тадӯ пулӑтыв биһин, минӣ-кэ, тарӑ һулганнӣна, бӯкэл минду)* — у И.А. Лазарева имелся очень большой старый носовой платок, который он накидывал на голову, когда пел *дяричин*. После этих слов Лена разожгла *кавав*, обнесла дымящимся *кававом* всех присутствующих, налила в рюмку водки, подала отцу. Тот плеснул в открытую дверцу печи.

— *...на благо дарю! (...аядӯ борӣдям!)* — после этого, сидя на табурете с закрытыми глазами, шаман накинул поданный Леной большой носовой платок на голову так, что тот чуть прикрывал глаза, попросил, чтобы ему в руку дали его шаманскую колотушку. Сидя на табурете, он пропел три раза один и тот же непереводимый запев.

— *Уху-ху-ху-ээ, уху-ху-ху-ээ! (Уху-һу-һу-ээ, ухи-һу-һу-ээ!)* — после того запева шаман замолчал и стал громко зевать, немного прикрывая рот шаманской колотушкой. Затем встал, начал обходить печь, танцуя (печь стояла у него посередине дома), и петь. Так как исполнитель обращался с песней к своему шаманскому очагу (Кулумтану) накануне вечером, то все его духи-помощники уже осведомлены о готовящемся обряде и можно начинать его без длительной подготовки.

— *Прихром-прихромал я, Кэлэкуй! (Кӭлэ-кӭлэ, Кӭлэкӯй!)* — Кэлэкуй — имя одного из духов-помощников. В детстве у исполнителя был туберкулёз кости ноги, поэтому он хромал. Его вылечил от этой болезни шаман по фамилии Томский из рода Киндигир, кочевавший по югу Якутии, призвав на помощь своего духа-помощника по имени Кэлэкуй. Очевидно, во время лечения и возникла связь И.А. Лазарева с одним из духов шамана Томского. Когда исполнитель сам начал камлать, то одним из его духов-помощников стал дух по имени Кэлэкуй. Имя духа, видимо, связано со словом *кӭлэкэ* — «переваливающийся с ноги на ногу», т.е. немного хромающий. Перевод сделан исходя из этого предположения.

3 — *Кургикуй! (Кургӣкӯй!)* — имя духа-помощника, представляющего стихию огня. Имя образовано от эвенк. *кургӣ* («пламя») или от *кӯргэ* («кузнечные меха») —

исполнитель был кузнецом. У эвенков меха были небольшими, походными, их перевозили с собой среди другого кочевого скарба. Суффикс *-куй* придаёт значение возвеличивания и почитания, большого уважения.

4 — *Закликал я, Лигливлу! (Лигливлā, Лигливлӯ!)* — прибыл дух-лебедь. Этого духа можно узнать по звукоподражательному запеву, имитирующему лебединый клик. Имя образовано с помощью суффикса *-лу*, букв. «кричащий *лигли*».

6 — *Идите за мной! (Бодотовколлу!)* — повторяйте за мной.

8 — *...разогревайте меня (...гурэвкакаллӯ)* — слово из шаманской лексики. Глагол *гурэ-ми* имеет значения: 1) нагреть бубен так, чтобы он хорошо звучал; 2) достичь состояния экстаза (у шамана). *Унтувунын аят игдыллан, дōгут гурэвчэ.* — «Бубен его хорошо зазвучал, наш шаман разогрелся (т.е. вошёл в экстаз)».

9 — *Сидящие [здесь] птенцы, души-оми! (Тэгэлэр чивкачāр, омӣнӣелбӣ!)* — шаман иносказательно называет своих детей птенцами, «душами-*оми*», так как его душа-*оми* связана с душами его детей, за которых он просит.

10 — *Опаляю... (Ниргӣдуй...)* — от *ниргӣ-ми* («опалять, спалить»). От этой же основы образовано имя духа Ниргикуй (см. коммент. к стк. 11).

11 — *Ниргикуй, Ниргикуй! (Ниргӣкуй, Ниргӣкуй!)* — имя духа утренней звезды, означает «Пылающая светом, огнём». Утреннюю звезду (Венеру) эвенки называют Чолбон или Чалбон, многие шаманы путешествуют к ней во время камланий. «С этой планетой связаны шаманские обряды верхнеамурских эвенков. Они считают, что эта звезда является прародиной людей, на ней помещены неродившиеся души (*оми*) всех людей, в том числе шаманов. Путь на Чалбон открыт только сильным шаманам. Из их рассказов и сложились представления о звезде Чалбон у простых эвенков» [Мазин, 1984, с. 10].

12 — *Заря, Заря, рассветные [лучи] мои... (Гēваннē, Гēваннē, гēвакāнинӣлбӣ...)* — дух по имени Геванне — это дух утренней зари (*Геван*). Эвенкийские шаманы заканчивают свои камлания после рассвета, на утренней заре.

15 — *Кук! Кук! (Кӯк! Кӯк!)* — голос кукушки, духа-помощника. Возгласом «*Кук!*» шаман обычно обозначал окончание одного действия и переход к другим действиям в процессе камлания, а несколькими такими возгласами — конец обряда.

16 — *Элэгэ-гэни, элэгэ-гэни! (Элэгэ-гэнӣ, элэгэ-гэнӣ)* — непереводимый запев.

17 — *Пришли, милые! (Эмэчэл, гудāēл!)* — шаман хвалит своих духов за то, что они откликнулись на его зов.

19 — *О чём прося, начал ты дяричин? (Ēкунма гуннэ, дяричилитча?)* — вопрос духов к шаману.

20—21 — *Чтобы птенцов-души / Возвышали, оберегали (Чивкāчāр-омӣлба / Угиримнэкē, айччимнакē)* — шаман отвечает духам на их вопрос.

22 — *Кэлэкуй-отец... (Кэлэкӯй-амā...)* — шаман считал этого духа в какой-то степени своим отцом, так как именно дух Кэлэкуй, когда-то бывший духом-помощником шамана Томского, вылечил его в детстве, спас его душу и жизнь.

24 — *С душами-оми пусть живут, шагают! (Омӣлāкил бигинэл, гиркудяктанэл!)* — у эвенков, как и у многих других народов, считалось, что если от человека уйдёт его душа *оми*, то он умрёт. Поэтому живая душа *оми* должна быть при человеке, человек должен иметь её при себе, в своём физическом теле.

25 — *Прихром-прихром-прихромал (Кэ̄лэ-кэ̄лэ-кэ̄лэгэ̄чим)* — опять о своём приходе сообщает дух Кэлэкуй, который отлучался по заданию шамана в процессе исполнения *дяричина*.

26 — *Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!* — когда в шамана вселялся дух Кэлэкуй, он обозначал это страшным громким хохотом (поэтому перед исполнением просил сказать детям, чтобы не боялись его).

28 — *Хватит, хватит... Спокойно-спокойно. Потихонечку (Элэккэкин, элэккэкин... Бэрэ̄-бэрэ̄. Аракӯка̄н)* — исполнитель *дяричина* вместе с другими духами успокаивает духа-помощника Кэлэкуя.

29 — *Всегда возрождающий Кулумтан... (Ара̄вил Кулумтане...)* — *ара̄вил* — от эвенк. *ар-ми* («ожить, вернуться к жизни»). Дух очага считается бессмертным, поэтому имеет эпитеты *ара̄вил* («вечно живой»), *арунака̄н, арундяри* («всегда возрождающийся») (см. тексты 141, 142).

33 — *Всё хорошо, хорошо будет... (Аялай, аялай бидиӈэ̄нэ...)* — ответ духов на вопрос, заданный в предыдущих строках.

34 — *Дети-потомки мои... (hутэ̄ял-hутэлбӣ...)* — устойчивое словосочетание, обозначающее всех потомков говорящего.

37 — *Айӣхит всемогущая... (Айӣhиткя̄кӯнэ...)* — суффикс *-кун-* имеет значение почитания и уважения, могущества.

39 — *Продлевай, продли! (Сира̄на сира̄кал!)* — букв. «надвязывая, надвязывай». *Сирами* — надставить, удлинить, привязать, надвязать веревку, ремень, нить и т.д. По представлениям эвенков, у человека есть «жизненная нить», которую божества могут сделать длиннее или короче (см., напр., [Варламова, 2004, с. 74—90]).

40 — *Кук-ку, кук-ку, кук-ку! (Кӯк-кӯ, кӯк-кӯ, кӯк-кӯ!)* — реплика духа-кукушки.

— *Покурить мне, дети... (Нупкуда̄в, hутэ̄л...)* — букв. «пососать». Шаману подносят сигарету, он курит.

— *Капающего сделайте мне (Чургивкӣяв о̄каллу)* — вода, прежде чем может быть подана шаману, очищается горящей лучиной, в данном случае горящей спичкой.

— *...спичкой сделай, Лена (...испӣскэт некэнэл, Лёнэ)* — в воду, очищенную огнём спички, шаман сначала опустил мизинец, затем большой палец, затем указательный. Потом пальцами в такой же очерёдности побрызгал на четыре стороны света, выпил воду. Набрав воды в рот, опять побрызгал на четыре стороны изо рта, произнося реплику (стк. 41).

41 — *Вдохните! На благо! (Эрӣhинкэллу! Аядӯ!)* — шаман поит своих духов энергией очищенной воды.

43 — *Что это прошумело? (Ёкунэ сивсӣран?)* — какой-то незваный дух пришёл и ходит снаружи дома.

44 — *Молоток мой, молоток мой! (hалканмав, hалканмав!)* — исполнитель — кузнец, поэтому в доме у него есть молоток. Этим молотком он собирается сражаться с непрошеным духом, который желает чем-то навредить либо шаману, либо его детям. Шаманы сражаются с нежелательными духами, бросая наяву свои молотки, как эпические богатыри сражаются с врагами богатырскими молотами.

45 — *Дверь откройте! (Уркэвэ нӹкэллу!)* — дверь нужно открыть, для того чтобы шаман бросил молоток через открытую дверь в непрошеного духа, стоящего за дверями снаружи.

46 — *В кого-то там, в кого-то! (Нӣёкэн-вэл, нӣ-вэл!)* — с этими словами шаман, размахнувшись, с силой швыряет молоток в открытую дверь.

47 — *Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!* — после броска шаман издаёт громкий и страшный хохот. Это одобрение духа Кэлэкуя: шаман попал молотком в незваного духа.

50 — *Не промажь, нет! (Ура̄ра-нганэ̄!)* — с этими словами шаман бросает молоток в раскрытую дверь, рукой показывает, чтобы закрыли дверь. Лена тут же её закрывает.

56 — *Заприте, заприте! (Ката̄каллу, ката̄каллу!)* — эту фразу шаман не поёт, а громко проговаривает. Дверь после броска молотком следует запирать, молоток же остается до утра, сторожа вход в дом. Только утром на рассвете шаман занесёт его.

57 — *...всё будет хорошо (...ая бидиңэ̄н)* — после этих слов шаман поднялся на ноги.

58 — *Падающую «на добро» в руку мою вложите. Следуйте за мной... (Тэвэлэ̄нмэв нга̄ладӯв нэ̄кэллу. Бодовколлу...)* — словом *тэвэлэ̄н* иносказательно названа шаманская колотушка (*геһик*). Колотушка — первый атрибут, обретаемый шаманом; по форме она несколько напоминает ложку с выпуклой и вогнутой сторонами. Её изготовляют из дерева, разбитого молнией, иногда — из бивня мамонта. У шамана может быть несколько колотушек: колотушка, обтянутая медвежьей шкурой, — для обряда «поиска души», обтянутая шкуркой с рогов оленя или изюбря, лося — для участия в охотничьих обрядах. Вогнутая часть колотушки остаётся непокрытой, иногда на ней укрепляют железные колечки. На рукояти колотушки может быть изображена голова птицы или медведя. Обращаясь к шаману с просьбой что-либо предсказать, употребляли не слово *гун-ми* («сказать, говорить»), а особое слово из шаманской лексики — *гисуң-ми: Сакэл, ёва гисунден.* — «Узнай, что она (т.е. колотушка) скажет». В маньчжурском и нанайском языках есть глагол *гису-ми* в значении «говорить». Шаман кидает колотушку, загадывая желание или задавая вопрос. Если брошенная колотушка падает выпуклой стороной на землю, это считается положительным, хорошим ответом, по-эвенкийски обозначается словом *тэвэчэ (тэвэрэн, тэвэйе)* «на добро упала». Если же колотушка падает внутренней (не обшитой мехом) стороной вниз, это считается знаком «не к добру» — *мокчочэ (мокчорон, мокчойо).* Помощник, подавая шаману колотушку после броска, обязательно сообщает: *«Тэвэчэ!»* или *«Мокчо̄чо!»* В данном случае колотушка специально названа иносказательно: *тэвэлэ̄н* — падающая «на добро», чтобы она так и упала.

60 — *Покажи-ка! (Ичэвка̄кэлё!)* — шаман обращается к колотушке, прося показать через гадание будущее его детей.

64 — *Упади «на добро»! (Тэвэкэл!)* — с этими словами шаман бросает колотушку. Она падает удачно.

— *«На добро», «на добро» [упала]! (Тэвэчэ̄, тэвэчэ̄!)* — реплика участника камлания, который подаёт шаману брошенную колотушку.

79 — *Поддержали вы меня! (Угривъяткурӣс!)* — букв. «подняли».

87 — *Подавать полагается ведь! (Бӯңнэрэ-нгэнэ̄ вет!)* — т.е. угощать. После этих слов Лена, открыв дверцу печи, плеснула туда ложечкой воду. Всех духов, упомянутых в песне шамана, нужно угостить чем-либо, либо подвесить в дар на деревья и кусты в лесу разноцветные полоски ткани.

89 — *Нашим очагам... (Мэ̄нникэ̄р тоголдӯ...)* — шаман напоминает, чтобы каждая из его дочерей покормила свой собственный домашний очаг после его *дяричина.*

91 — *Имеющим четыре ножки тоже... (Дыгин кирилкāһалдӯ-ŋан...)* — имеются в виду четырёхугольные обеденные столы. Эвенки использовали очень низкие прямоугольные столики с четырьмя ножками. В своих песнях эвенки часто называют столы «имеющими четыре ножки» (см. тексты 89, 90). Стол иногда обрызгивают спиртным по четырём углам перед праздником, любым застольем или во время него. Сидя за столом, нельзя совершать неприличных действий, даже потягиваться.

96 — *Духам-помощникам! (Эēһэлдӯв!)* — следует либо в открытое окно, либо по углам дома брызнуть спиртным.

97 — *Духу-хозяину земли! (Дӯннэŋит иччӣлдӯн!)* — в подарок этому духу на следующий день нужно привязать в лесу на дерево либо на прибрежные кусты разноцветные длинные полоски ткани.

98 — *Духу-хозяину дома! (Дӯ иччӣлдӯн!)* — его тоже угощают через печь; присутствующим придётся дома угостить съестным свои очаги.

99 — *Почётному месту моему! (Малӯдӯв!)* — с этими словами шаман брызгает изо рта спиртным.

100 — *Великому Небу нашему! (Бугакāкундӯт!)* — всем участникам обряда следует на следующий день привязать где-то на дерево цветные полосы ткани и бросить около него высоко в небо кусочки сахара.

101 — *Солнцу-матери! (Сигӯкэн-энӣдӯ!)* — утром, как только взойдёт солнце, следует бросить на восток (в сторону солнца) мелко накрошенные лучшие кусочки съестного, либо конфеты, пряники.

102 — *Светящей лунным светом Луне нашей! (Бēгалтан Бēгадӯт!)* — подношения луне может делать только сам шаман. Очевидно, он собирается это сделать в полнолуние, в день камлания луна ещё не полная.

103—104 — *Для жизни людей / Добром благословите! (Бэел бинӣдӯтын / Аяя алгāкаллу!)* — этими словами *дяричин* заканчивается.

105 — *Кук! Закончил (Кӯк! Этэм)* — с этими словами шаман садится, утирает пот.

106 — Водицы, огнём очищенной... (*Мӯкэнэ, тогот тэһӣвчэē...*) — шаману подана очищенная огнём вода, он смоченным в воде мизинцем протирает глаза, что означает, что духи-помощники шамана распущены и он вернулся в Средний мир. О подобном действии шаманов пишет А.И. Мазин: «Но вот он окунает мизинец правой руки в воду, трижды протирает им правый глаз, а затем левый. Глаза мгновенно светлеют, и он с облегчением вздыхает. Этим К.В. Григорьев даёт знать участникам обряда, что духи его покинули» [Мазин, 1984, с. 88].

144. Дяричин-эвӣн (*Дяричин*-игра). Зап. Г.И. Варламова, А.Н. Мыреева и Н.Я. Булатова в 1987 г. от М.П. Кульбертиновой в с. Иенгра Нерюнгирнского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Запись сделана в тайге. Сеанс камлания был двухдневным и совершался по просьбе трёх исследовательниц эвенкийского языка и фольклора: Г.И. Варламовой (Кэптукэ), А.Н. Мыреевой и Н.Я. Булатовой. Цель камлания выражена в самом начале: готовясь, Матрёна Петровна сказала: *Бэел сорукилватын ичэдиŋīт.* — «Намерения людей посмотрим». И по просьбе собирателей в случае получения плохих вестей о будущем она собиралась исправить это — как говорят эвенки, «судьбу поправить».

Интерпретация камланий чрезвычайно трудна, так как существует особая шаманская лексика, неизвестная и непонятная обычным людям. Иносказательность, использование слов-заменителей, своя образность, связанная с определённой шаманской символикой, — всё это затрудняет расшифровку и перевод камланий. Иногда даже сами шаманы не могут точно объяснить содержание и значение не только отдельных слов, но и целых предложений, пропетых ими. Чаще всего дословный перевод многих строф камлания не удаётся сделать из-за архаичности лексики, возможна лишь передача общего смысла пропетого. Иногда точно не ясно, к кому обращается шаманка (к какому духу, божеству). Пояснения и комментарии затрудняет ещё и сила традиции — нельзя объяснять сказанное шаманом, чтобы не сглазить, не испортить результат камлания. В расшифровке камлания помогала Евдокия Леханова, внучка шаманки. Сама Матрёна Петровна говорила нам, что когда-нибудь, вероятнее всего, именно Евдокия будет продолжательницей её дела.

Н.Я. Булатова привезла в подарок Матрёне Петровне колокольчик, отдав его шаманке перед самым камланием. Матрёна Петровна подула в него и сказала, что приобщит к своим принадлежностям. При этом она пояснила, что человек, желающий держать постоянную связь с ней, должен привозить два колокольчика: один после благословения она вернёт хозяину, а другой останется у неё. При необходимости следует звонить в колокольчик, она услышит зов о помощи и может покамлать — помочь, находясь далеко.

Перед сеансом камлания необходима подготовка, она проводится по указанию шаманки. Главный помощник — её зять Терентий. Приподнимая полог палатки на почётном месте, он подаёт помощнице суму с атрибутами и бубен. Бубен и все шаманские принадлежности не вносят через дверь: «У бубна своя дорога» (*Уҥтувун мэн һокточӣ*). Шаманские атрибуты окуривают дымом можжевельника (*арче, ардя*).

На территории Нерюнгринского р-на распространён акающий говор эвенкийского языка, что отражено в публикуемом тексте. Характерной особенностью речи шаманки является частое употребление якутских слов — она хорошо владела якутским языком. В левом столбце — слова, которые произносит шаманка, в правом — реплики подпевающих ей помощников, а также пояснения, которые они дают для заказчиц камлания.

— *...сорукилватын... (Намерения...)* — *сорукилватын* — от *сорук* («цель, намерение; поручение») от якут. *сорук* («заказ, дело, надобность, цель, поручение, с коими предпринимают путь или делают посещение») [Пекарский, 1958, стб. 2287].

— *Пӗчивэ... (Печь...)* — от рус. «печь».

69 — *Камнаһитын... (Зарплата...)* — от якут. *камнаһыы* («зарплата»); от якутской основы с помощью эвенкийских суффиксов образовано эвенкийское слово.

118 — *Контӧрала... (В контору...)* — от рус. «контора».

122 — *...бабуска... (...бабушкой...)* — от рус. «бабушка».

136 — *Нӗвардӣвар... (От всего сердца...)* — *нӗвардӣвар* — от слова *нӗван* («сердце»); форма *нӗван* употребляется в учурском, тунгирском, олёкминском говорах, в остальных диалектах чаще встречается форма *мӗван*.

142 — *Сэмэлӧтылдӣ... (На самолёте...)* — от рус. «самолёт».

166 — *Урӯмкэ... (Рюмочку...)* — от рус. «рюмка».

169 — *...дорово! (...здравствуйте!)* — от якут. *дорообо* (от рус. «здорово»).

170 — *Октолмакту пасӣва! (В путь собирающимся — спасибо!)* — *пасӣва* — от рус. «спасибо». В словаре представлены формы *пасӣбо, паһӣба* [Мыреева, 2004, с. 479]. *Октолмакту* — от *(һ)окто* («путь»), начальный звук [h] в ряде диалектов не произносится.

172 — *...бэёткан (...зверь)* — исполнительница варьирует произношение слова *бэю̄ткан.*

198 — *...сунадив... (...девушки...)* — исполнительница произносит [c] вместо [h] (ср. *һунадив*).

259 — *...сва̄тылби... (...мои сваты...)* — от рус. «сват».

294 — *...ча̄скидӯ (...в чашке)* — от рус. «чашка».

350 — *...олонколо̄дем (...олонко исполню)* — *олонко* — от якут. *олонхо.* Словарь [Мыреева, 2004, с. 464] даёт вариант *олоҥко.*

369 — *...оһолор (...дети)* — от якут. *оҕо* («дитя, ребёнок») [Пекарский, 1958, стб. 1779]; форма мн. ч. *оһолор* образована по якутским правилам (ср. якут. *оҕоллор*).

— *Намерения людей посмотрим! — (Бэел сорукилватын ичэдиҥэ̄т!)* — т.е. узнаем их будущее — в этом состоит цель камлания. Первичная цель камлания — узнать о будущем заказчиц камлания, не ожидает ли их что-то плохое.

— *Печь внесите, разожгите* (*Пе̄чивэ ӣвкэллу, илакаллу*) — камлание происходило летом, поэтому печь стояла на улице. К печи (как дому огня) эвенки проявляют особое, священное отношение. При перекочевках её грузят только на священного оленя (см. текст 138).

— *Вздохнув, скажи!* (*Эрӣксэ, гуннэл!*) — с этими словами шаманка ложкой плеснула в растопленную печь красное вино, подкормив свой огонь, чтобы он «вздохнул», ожил. Красное вино предпочтительно потому, что по цвету оно ближе к крови, водка — более крепкий напиток.

— *Саламу... (Саламая...)* — *салама* будет использована в процессе камлания. Для этого обряда его заказчицы сами изготовили *саламу* длиной в три маховых сажени, поскольку их было три. Каждой велели привязать к *саламе* небольшой предмет: что-то своё — конфетку, сигарету. Затем *саламу* подвесили внутри палатки на правой стороне от входа на стоячие внутренние жерди и привязали на неё цветные нитки, полоски разноцветной ткани.

— *Кровь найдите. Или мясо в воде подержите, обмывки чтобы были* (*Саһэе бакакаллу. Уллэе-гӯ мудакэллу, силкимсая*) — при отсутствии крови можно использовать воду, в которой вымочили мясо, мясные обмывки с кровью. Все эти указания исполняют родственники и помощники. После этой реплики Матрёна Петровна готовит себя к камланию — снимает платок и распускает волосы. Это действие имеет ритуальное значение. У верхнеамурских эвенков женщины распускали волосы в знак траура. Нельзя было хоронить женщин с заплетёнными волосами, также существовала традиция шить погребальную одежду, не завязывая узелков и большими стежками. Шаманка распускает волосы потому, что во время камлания она входит в потусторонние миры, в том числе и в мир Буни — землю умерших предков. Сначала на неё надевают головной убор, потом халат из цветной ткани. По сведениям, полученным нами от многих информантов (от И.А. Лазарева, К.В. Григорьева, Ф.Г. Боярковской, К.П. Афанасьевой и самой Матрёны Петровны), верхнее облачение эвенкийских шаманок обяза-

тельно имело вид халата с запахом, но на нём не могло быть деталей из железа, как у шаманов-мужчин. Терентий помогает шаманке надеть унты из ровдуги, затем поверх пояса надевает на неё ремень-*горги*, его привязывают вверху за продольную жердь палатки, чтобы поддерживать шаманку во время камлания.

— *Можжевельник зажгите!* (*Ардява нулкаллу!*) — после этих слов тут же вновь разжигается можжевельник на металлическом вогнутом подносе. Матрёна Петровна обходит печь, держа в руках этот поднос с дымящимся можжевельником. С этих слов начинается собственно камлание. Шаманка садится на почётном месте палатки, берёт бубен, начинает тихо бить в него и петь.

1 — *Присутствующие...* (*Илегал...*) — от эвенк. *илэ* (человек, имеющий физическое тело), *иллэ* — «тело, кожа». Дальневосточные эвенки и эвенки Южной Якутии в современном эвенкийском языке почти не употребляют слово *илэ* («человек»), вместо него используется слово *бэе*. *Илегал* — это присутствующие люди, имеющие живую плоть, тело, в отличие от бестелесных духов.

— *...не волнуйтесь!* (*...экэллу мэргарэ!*) — при этих словах шаманка то гладит колотушкой бубна свои суставы, то бьёт в бубен.

2 — *Столетняя старушка сейчас встанет на ноги...* (*Нямачӣ атыркан эткан илдя̄н..*) — эта фраза означает, что шаманка созвала всех нужных ей помощников и вошла в особое состояние, когда она может начинать камлание.

— *...здесь присутствующие, сидящие, прибывшие просят* (*...илегал тэгэ̄л эмэ̄ҳэ̄л, соруйдяра*) — при этих словах шаманка гладит колотушкой свои суставы на ногах, постукивает по ним, затем встаёт на ноги.

3 — *...говори же!* (*...гукэлā̄кэй!*) — реплика шаманки обращена к одному из духов. Все духи-помощники говорят, вселившись в Матрёну Петровну, она говорит и поёт и за них, и за себя. Только очень знающий человек может определить, слова какого духа-помощника вложены в уста камлающей в каждый определённый момент. При этих словах поднос с можжевельником придвигают ближе к ней, она окуривает дымом бубны и все прочие атрибуты, начинает бить в бубен.

5 — *...чтобы ей было хорошо играть* (*...аят эвӣдэ̄вӣ*) — Матрёна Петровна свой процесс камлания определяет словом *эвин* («игра»), т.е. игра на бубне.

6 — *Приходите, говорят!* (*Эмэкэллу, гундерэ!*) — шаманка зовёт своих духов-птиц, как об этом свидетельствует предыдущая реплика помощниц.

7 — *Птицы её вам говорят* (*Дэгӣнгилин сунде гундерэ*) — помощница поясняет, что духи-помощники в образе птиц обращаются к заказчицам камлания.

8 — *О, Мулёмкон!* (*О, Муломкō̄н!*) — название р. Мулёмкон образовано от эвенк. *му* («вода»): Мулёмкон — «многоводная». Сама река небольшая, но быстро выходит из берегов даже при небольших дождях.

10 — *Лучшего!* (*Аядыгдая!*) — просьба адресуется к р. Мулёмкон. После этих слов шаманка кладёт бубен на землю и садится. Ей подают воды в чашке.

12 — *Эрэй, эрэй!* — междометие со значением «вот-вот, сейчас». Таким образом шаманка зовёт своих духов.

13 — *Ко-ко-ко!* — звукоподражание крику кукушки. Это значит, что дух-кукушка закончил говорить. После этого шаманка опускает руки в воду, которую ей подали в чашке, потом пьёт из неё.

17 — *Помогайте!* (*Бэлэкэллу!*) — шаманка встаёт на ноги и идёт к заказчицам камлания.

— *Успокойся! (Бэрэл!)* — помощники обращаются к шаманке, чтобы она не впадала в экстаз.

19 — *Усевшиеся [здесь на камлании] помогут пусть! (Тэгэнэ̄ет бэлэктын!)* — слова относятся к тем, кто раньше присутствовал на её камланиях, чтобы они подсказали заказчицам, что делать, когда Матрёна Петровна подойдёт к ним.

24 — *Приехали человеческие сородичи (Эмэчэ̄л илеган тэгэ̄л)* — т.е. эвенки.

28 — *Сухость пусть подарит! (Олгомны̄я боры̄ктын!)* — *олгомны̄* — от эвенк. *олгокин* («сухой»): шаманский термин, означающий жизнь с сухими глазами, когда человек не плачет от горя и несчастий. Просьба обращена к Небу.

29 — *Это, это, верно! (Тавар, тавар элэкин!)* — после этих слов шаманка бросает свою колотушку. *Гэ̄ӈик*, в других говорах также *гис-гисун-гиӈун-гиӈивун* — букв. «говорение», «предмет для говорения, предсказания».

— *...на добро упала (...тэвэрэкин...)* — букв. «поймала» [Болдырев, 2000, т. 2, с. 154; Мыреева, 2004, с. 644]; если колотушка падает «на добро»: выпуклой стороной вниз, вогнутой вверх, — значит загаданное желание или просьба исполнится.

30 — *Великая мать — Великая олениха! (Энӣнэ̄й — бэ̄ю̄нэ̄й!)* — *бэюн* — лось, дикий олень. В данном случае дикая олениха — главный дух-помощник шаманки. Суффикс *-нэ̄й* имеет значение уважения, почитания, возвеличивания.

32 — *Бабушкина душа-оми — та Великая мать — Великая олениха (Эвэ омӣн тар Энӣнэ̄й — бэ̄ю̄нэ̄й)* — мать-олениха — воплощение шаманской души (см. коммент к стк. 33).

33 — *Ты, мою душу-оми хранящая... (Омилак биӈинны...)* — в предыдущей реплике помощниц объясняется, что дух-олениха хранит одну из душ (*оми*) шаманки. О душе *оми* человека см. коммент. к тексту 110, о трёхсоставной душе — к тексту 118.

35 — *Одарят, подарят пусть они! (Нургамны̄я борыӈнатын!)*— шаманка просит окурить её дымом.

40 — *Кэлэ̄й, кэлэ̄й, кэлэдуй!* — непереводимое выражение — шаманка зовёт какого-то духа-помощника. При этих словах она гладит свои суставы колотушкой, чтобы не уставали.

41 — *Не вздумайте захотеть спать! (Энэлнэ̄лӣ амалла!)* — присутствующим на обряде нельзя спать, а следует подпевать шаманке.

44 — *...идите! (...ӈэнэдекэллу!)* — т.е. живите. Согласно словарю А.Н. Мыреевой, в иенгринском говоре (носительницей которого была и М.П. Кульбертинова) глагол *ӈэнэ-ми* имеет значение «прожить, пережить» [Мыреева, 2004, с. 451]. Употребление глагола *ӈэнэ-ми* в значении «жить» часто встречается в текстах тома.

46 — *Ко-ко-ко!* — при этих словах шаманка опускает руки в воду, которую ей подают в чашке.

47 — *Водицу, имеющую силу... (Мӯӈӯрэнни мӯканэ...)* — т.е. наделённую священной силой *муӈун*.

48 — *Капающего подарите! (Чургивкая боры̄каллу!)* — «капающим» (от *чургими*) шаманка иносказательно называет воду. Таким образом она просит дать ей попить.

55 — *Благословляйте! (Алга̄чӯдякаллу!)* — это реплика духов-помощников.

56 — *Сидящая, тутукай! (Тэгэтчэрӣ, тутукэл!)* — шаманка обращается к одному из своих духов-помощников — глухой кукушке. Глухая кукушка (*тутут*) — один из видов кукушек, *Cuculus saturatus*, обитающая в лесах Урала, Сибири и Дальнего Вос-

тока. Названа «глухой» за то, что предпочитает жить в глухих лесных чащах. По размеру несколько меньше кукушки обыкновенной (*Cuculus canorus*). Голос самца глухой кукушки напоминает звук «ру-ду-ду» (отсюда — звукоподражание *тутут*), а крик самки — пронзительный и резкий. Дух-кукушка должна своим криком помогать камланию.

57—58 — *Медвежонка из мира нашего Буни, / Колокольчик имеющего, принесите! (Барканаткан бунӣвэр, / Чораланман эмӯкэллу!)* — один из духов-помощников Матрёны Петровны — медвежонок годовалого возраста, *барканаткан*. Шкура этого медвежонка входит в число её шаманских атрибутов. Шкура необыкновенна тем, что у неё очень длинный хвост, какого обычно не бывает у медведей. По представлениям эвенков, если случается добыть необычного зверя, его шкура становится *сингкэном* — талисманом. В эвенкийской шаманской космогонии помощник в образе медведя — это посредник между Средним миром (землёй, живыми людьми) и миром Буни — миром умерших предков. На шкуру медвежонка подвешен колокольчик: проводят особый обряд подвешивания к шкурке специального шаманского колокольчика, поскольку его дух станет одним из духов-помощников шаманки. После этих слов приносят шкуру медвежонка с колокольчиком, шаманка берёт её, а бубен отдаёт Терентию. Терентий, стуча в бубен, идёт впереди, шаманка — позади, шкуру медвежонка с колокольчиком она держит в руках. Так они трижды обходят по кругу огонь, при этом шаманка поёт благословения.

60 — *Это, это верно! (Тавар, тавар элэкин!)* — после этих слов шаманка и помощники обходят по кругу огонь.

61 — *К эвенкам приехали вы! (Эвэнкилдула эмэчэл биһинну!)* — с этими словами шаманка обходит огонь, останавливается перед печью и машет перед дверцей печи шкурой медвежонка.

62 — *То, что говорят они [духи], поймите! (Гунденэлвэтын тылденэллэ!)* — шаманка обращается к присутствующим на камлании заказчицам: поскольку они эвенкийки, то должны понимать речь духов.

63 — *Соглашайтесь, мимо пронесите! (Элэксӣйнэл, урӑнэл!)* — *ура-ми* — «промахнуться»; шаманка просит духов, чтобы они всё плохое прогоняли мимо заказчиц и всех присутствующих, т.е. уносили всё плохое подальше от людей.

65 — *Округлый Кулумтан! (Колодӧвор Кулумтан!)* — дух-хозяин округлого очага по имени Кулумтан. Эпитет *колодӧва* («округлый») относится к шаманской лексике. После этих слов шаманка кладёт шкуру медвежонка и садится на пол.

66 — *Выполни, о чём просим! (Колонӧлбор колкуйнал!)* — при этих словах помощники ставят бубен на ребро. Шаманка просит налить ей водки.

67 — *Округлый Кулумтан! (Колодогин Кулумтан!)* — шаманка плещет в огонь водкой.

71 — *Усевшиеся [здесь] (Тэгэлэ̄һэр ӧксакил)* — букв. «те, кто сел», т.е. те, кто присутствует на камлании.

74 — *Округлый Кулумтан! (Колодомо Кулумтан!)* — шаманка кружится вокруг печи с благословениями.

76 — *[Все] находящиеся тут люди! (Эткаптыде тымничар!)* — *тымничар* — иносказательное обозначение присутствующих людей.

79 — *Горькой водицы дай... (Идарӣһӣ мӯкан бӯкэл...)* — водки.

80 — *Бубен наш окропить! (Унтувунмэр ивӣнал!)* — после этих слов шаманка обрызгивает водкой из рта свой бубен.

81 — *Саламы наши благословите! (Саламалбар салайнал!)* — шаманка обрызгивает водкой три *саламы*.

83 — *Постучи-ка, дитя! (Иктэмкакэл, ӈутэ̄ӣ!)* — слова обращены к Терентию. Он берёт у шаманки бубен и начинает бить в него.

85—87 — *Горькой водицей, / Из далеких земель привезённой, / Саламы* свои мажу! (*Идарӗ мӯкане / Горол бугалдук эмӯнэтын / Саламалвӣ имӯдем!*) — шаманка опрыскивает *саламу* изо рта вином, привезённым заказчицами. С этими словами она подходит к *саламе*, стоя перед ней, поёт заклинание, ещё раз брызгает на *саламу* водкой, держась за неё одной рукой, и возвращается на почётное место чума. Держась за *саламу* рукой, шаманка тем самым передаёт *саламе* свои мысли с просьбой о благополучии. В представлении эвенков мысль, дума (*дял*) имеют форму, их можно воплотить во что-то, например в *саламу*.

88 — *[Саламу] направляйте! — говорит (Салайкаллу! — гундерэ)* — *салайкаллу* — от *салайдя-ми* («направлять, указывать») от якут. *салай* [Мыреева, 2004, с. 488]. Смысл реплики, обращённой к духам: укажите *саламе* дорогу на Небо.

89 — *Священная сила у неё, говорят (Муӈӯрэнни гундерэн)* — священную силу (*муӈун*) имеет в данном случае хозяйка местности и р. Мулёмкон. Дух р. Мулёмкон, на берегу которой происходит камлание, приказывает отправлять благословлённую *саламу* к Небу (Буга) — хозяйке Вселенной. С этими словами шаманка кружится вокруг себя на почётном месте и поёт.

90 — *Железный Селунай... (Сэлэмэ Сӗлунай...)* — обращение к какому-то духу.

91 — *Один раз сказав! (Умнамэ туранэ!)* — шаманка обращается к помощникам, вторящим её пению.

95—96 — *Только лучшего для моего почётного места [чума] / Пожелай! (Аядӣгдая малӯду / Гукэлакэл!)* — шаманка просит добра для себя и своих родственников, ибо дух почётного места (*малу*) чума — это дух её дома. С этими словами шаманка отсылает своих духов-птиц, чтобы они унесли *саламу* на небо, а сама кружится на почётном месте чума и поёт.

99 — *Округлый Кулумтан! (Колодов Кулумтан!)* — с этими словами шаманка льёт водку в огонь, затем бьёт в бубен.

105 — *Здесь [сидящие] люди, девушки наши! (Элэ̄р бэел, ӈунӣчарты!)* — речь идёт о заказчицах камлания. *Элэ̄р* — от эвенк. *элэ* («здесь»).

106 — *Предсказывай! (Гукэлэ̄кэл!)* — шаманка обращается к своей колотушке. После этого она подходит к заказчицам камлания и даёт им по очереди подержаться за колотушку, не выпуская её из рук.

— *Дай, дай, бабушка! Не дала ещё! (Бӯкэл, бӯкэл, эвэ! Эчӣнны бӯрэ!)* — шаманка протянула колотушку гостям, но они не знали, что нужно подержать её в руках, и не сделали этого. У шаманки в этот момент глаза закрыты. Тем, на кого будут гадать, нужно подержать колотушку в руках. Когда заказчицы подержатся за колотушку, она узнает, чьи судьбы должна предсказать.

— *Бери [руками], держи! (Дявакал, дявӯчакал!)* — реплика помощников обращена к заказчицам камлания.

107 — *Эрэй, эрэй, эрэй!* — призыв, обращённый к духам, букв. «Беда, беда!» Это означает, что она устала.

114 — *Булаяк мой, попади!* (*Булаякив накивкал!*) — *булаяком* здесь называется колотушка: *булая* — «то, что дали подержать руками», от эвенк. *бӯ-мӣ* («дать»). В данном случае колотушка выполняет и роль боевого орудия шаманки. Когда она бросает его, гадая, колотушка должна упасть «на добро», оттоняя от заказчиц всё плохое, недобрых духов. Шаманы-мужчины на костюме имели подвески, символизирующие их орудия для борьбы с враждебными духами. Таким шаманским оружием у западных эвенков были изображения сабель, булав и шаров (*моно*) на длинных ремнях — оружия богатырей в героических сказаниях. С этими словами шаманка бросает свою колотушку.

116 — *Прилетевших как птицы!* (*Дэгивкаткачӣнэ!*) — заказчицам камлания приходится много летать на самолётах по местам проживания эвенков, а к М.П. Кульбертиновой они прилетели на вертолёте.

117 — Благословение *их исполните!* (*Алгӣватын толоколлу!*) — участницы экспедиции, присутствуя на камлании, вторили и пели вместе с Матрёной Петровной, поэтому её благословение в то же время исходит и от них.

118 — *В контору поедут...* (*Контӧрала ӈэнэмӣл...*) — имеется в виду научный институт, где работают собирательницы. У эвенков всех групп «контора» означает официальное учреждение. Шаманка просит о хорошей дороге домой, на работу. Из-за непогоды и отсутствия вертолётов собирателям не раз случалось задерживаться в тайге на целые месяцы.

121 — *Помнили чтобы...* (*Гунчэдатын...*) — букв. «говорили чтобы».

124 — *И вправду хорошо!* (*Тэдемэ-дӭ аядӹя!*) — с этими словами шаманка бросает колотушку. Колотушка упала «на добро», её поднимают и снова подают шаманке.

— *Поймала!* (*Тэвэча!*) — помощницы подсказывают шаманке, что она бросила колотушку удачно.

126 — *Земли-то ваши далеки!* (*Бугаллун-да горокӯр!*) — букв. «места вашего рождения очень далеко»; слово *бугa* здесь имеет значение «родина», «место рождения». Эти слова шаманка пропевает, стуча в бубен.

129 — *Верно или нет?* (Элэкин-ну эчӭ-гу?) — шаманка ставит бубен на ребро и садится. Положение бубна на ребре означает переход к следующей ситуации в камлании, к другому действию.

130 — *Желание скажи!* (*Гунэнми гукэл!*) — скажи, чего желаешь.

132 — *То ли, это ли...* (*Екуна-да-ӈанэ-да...*) — при этих словах шаманка тихонько постукивает колотушкой в грудь, чтобы сбросить усталость.

133 — *В трижды девять иголок...* (*Илан егин инмэе...*) — шаманы называют числа иносказательно, обозначая их через священные числа — тройки, семёрки и девятки. Если нужное число нельзя получить подобным умножением, то к произведениям прибавляют числа 3, 7. К примеру, число 25 получают так: *дюр егин надан* — «дважды девять и семь». Иголки нужны для гадания на приезжих: берут три пучка по девять штук, через каждую иголку продевается нитка.

134 — *Продернув [нить], свяжем* (*Инмэксӭкил силӭмчэллун*) — шаманка поёт эти слова и просит дать ей 27 иголок, необходимых для гадания.

145 — *Чуточку, потихонечку...* (*Араннӯкан аракӯкан...*) — после этих слов шаманка вытирает бубен, опять ставит его на ребро и садится. Колотушку кладут на

почётном месте палатки. Три молодые женщины, сделав три пучка иголок по девять штук, подают их ей в рот, а сами, присев на корточки, готовы помогать ей.

146 — *И ножнички наши вот тут! (Маннӣв киптӯв бидерэн!)* — шаманка просит подать ей ножницы, которые также используются для гадания.

147 — *Не упустите! (Энэмэкил сучавра!)* — шаманка встаёт, берёт колотушку и, благословив её, бросает, проводя гадание.

— *Попала, попала! (Накивран, накивран!)* — реплика помощниц означает, что колотушка упала выпуклой стороной вниз — на исполнение задуманного шаманкой.

156 — *Благословляй! (Алгачӯдякал!)* — реплика обращена к колотушке.

158 — *Предскажи! (Гукэлакэй!)* — реплика также обращена к колотушке.

160 — *Детям своим речь скажи (Ӈутэлдуви гунэнмэ гукэл)* — и эта реплика обращена к колотушке.

162 — *В домашний огонь налейте! (Гулувундӯ унгкукуллу!)* — шаманка просит подать ей водки. Помощники подносят ей рюмку, и она выливает водку в огонь.

163 — *Говори, говори! (Гукэлакэй, гукэлай!)* — реплика обращена к огню: его только что покормили спиртным, и теперь он будет «говорить» с шаманкой.

166 — *Рюмочку... (Урӯмкэе...)* — гости должны поднести шаманке рюмку вина.

— *Держи рукой (Дявакал ӈалатпи)* — слова помощницы шаманки обращены к Г.И. Варламовой.

167 — *Скажи-да! (Гукэлӑкан-да!)* — реплика обращена к огню, который должен предсказать будущее заказчиц камлания. С этими словами шаманка подула в рюмку с водкой, поздоровалась за руку с заказчицами, держа рюмку в правой руке.

169 — *Приехавшим здравствуйте! (Эмэчэлбэ дорово!)* — через шаманку с приезжими здоровается какой-то дух-помощник, рюмка вина предназначена для него, поэтому шаманка дула в неё. Это дух-помощник из числа её предков, когда-то бывший шаманом, поэтому она угощает его вином. Произнося приветствие (стк. 168—169), шаманка брызнула вином в печь, потом дала отпить из рюмки Терентию, держащему её за ремень-*горги*, продетый через верхнюю продольную жердь палатки. Сделав это, она села на *кумалан*, расстеленный на почётном месте чума, и поставила бубен на ребро.

170 — *В путь собирающимся спасибо! (Октолмакту пасӣва!)* — шаманка собирается отпускать каких-то духов и благодарит их.

173 — *Не высыхайте! (Энэмэил олгомнӧро!)* — т.е. не живите плохо; напутствие духу медвежонка и другим духам, собирающимся уходить.

175 — *Рюмку теперь (Урӯмкэвэй эӈӣлэ)* — с этими словами шаманка подаёт рюмку гостям.

176 — *Говори теперь! (Гукэлэй эсӣлэ!)* — реплика обращена к духу предка-шамана.

178 — *Духов постерегите (Эӈӗнэлбэ каравдавар)* — чтобы они не разбежались.

180 — *Вниз по реке отправимся... (Эякӑкӣ ӈэнэӈиндят...)* — шаманка объясняет гостям, что будет происходить дальше: она со своими духами отправится вниз по течению реки.

181 — *Нужное сделайте! (Бэлэлгэе ӧкаллу!)* — с этими словами шаманка обрызгивает печь водкой — угощает духов.

183—185 — *...Кукушек моих клевать стали! / Тучей стаи птиц / Кукушек моих заклёвывают! (Куктӯнчилбам чонгкилчан! / Тугугэчин дэгиял, /Тутунилбэв чонгкил-*

чал!) — у духов идёт борьба, в камлании что-то не ладится. При этих словах шаманке подают колокольчик, который заказчицы привезли с собой. Она берёт колокольчик и дует в него, поёт прямо в него, потом плюёт в колокольчик, кладёт его в бубен и поднимается на ноги.

186 — *Солнышки мои побеждены (Сигӯнилбӣ давдынчал)* — шаманка говорит о кукушках и глухих кукушках, они — её главные помощники. Чужие духи одолевают духов-помощников.

188 — *Речь скажи! (Гунэнмӣ гукэл!)* — шаманка пытается снова поднять своих духов-птиц вверх.

189 — *Эрэн, эрэн, эрэнэн! (Эрӭн, эрӭн, эрэнӭн!)* — она зовёт своих духов.

190 — *Говорите же, говорите! (Гукэлэкэй, гукэллу!)* — с этими словами шаманка берёт в рот колокольчик.

191 — *Эрэй, эрэй, эрэй!* — шаманка садится.

195 — *На оленя не подвешивайте (Оронду энлэ тулэрэ)* — шаманка привязывает колокольчик к своему бубну.

202 — *«Большая бабушка!» — подумай («Эвэлэйкун!» — гунчэнгнэкэл)* — т.е. заболев, позови ее, обратись к ней в мыслях своих, зовя *«Эвэлэйкун!» Эвэ* — «бабушка»; *-лэй* — суффикс обращения; *-кун* — увеличительный суффикс.

203 — *Лучшим благослови... (Аядӣян алганал...)* — реплика обращена к колокольчику.

205 — *Утром они полетят... (Тӭгэлтэнэ дэгилдӭтын...)* — гости-учёные наутро собирались уезжать.

206 — *Речи свои скажите... (Гукэгэл-дэ гукэллу...)* — реплика обращена к бубну и колокольчику.

208—209 — *Соглашаетесь ли, / Нет ли? (Элэксӣйрэс-ку-нгу, / Энэллун-нгу?)* — шаманка спрашивает заказчиц, согласны ли они, чтобы она гадала на их судьбы, будущую жизнь.

210 — *Вначале иголки (Ноноӭ инмэлвэ)* — после этих слов три женщины, присев в левой половине палатки, приготовились помогать шаманке гадать на иголках.

211 — *Вот так сделаю — / Не упустите! (Эртыкӣ бракив — / Энэмэмэл чучавра!)* — шаманка объясняет, что женщины не должны выпускать из рук иголки, что бы она ни делала. Каждая женщина-помощница держит один пучок из девяти иголок, связанных через ушки ниткой.

216 — *Ножнички дадите (Киптӣкарва бедӭвэр)* — на ножницах шаманка гадает на себя.

217 — *Просить буду — не давайте! (Гэлӭллэкив — энэл бӯрэ!)* — шаманка предупреждает женщин о том, что через неё, её голосом, духи могут просить женщин, уговаривать их, чтобы те выпустили из рук иголки. Выпускать, отдавать ей пучки иголок нельзя.

219 — *Девушек моих добром благослови! (Унӣлдев аяя алгакал!)* — просьба к духу-помощнику.

220 — *Добра желайте! (Аядӣян гукэллу!)* — букв. «доброе говорите!»; реплика обращена ко всем присутствующим: они должны пожелать добра приезжим заказчицам. После этого помощницы вкладывают шаманке в рот иголки, не выпуская их из рук. Она сосёт иглы, причмокивает, пытаясь высосать их из рук дающих. Женщины не выпускают их, держат крепко.

221 — *Суставы мои, заиграйте! (Дялаһалби, эвӣкэллу!)* — после этих слов Терентий даёт шаманке в рот ножницы, она кусает их. Все смотрят на иголки и ножницы: они целы, значит предсказание благоприятное. Если иголки и ножницы ржавеют или у них отламываются кончики, это не к добру.

222 — *Потише, потише! (Аракӯн, аракӯн!)* — шаманка кружится на почётном месте чума.

225 — *Ко-ко-ко!* — шаманка опускает руки в чашку с водой.

228 — *В гости приехали, говорят (Ирэмачал, гундерэ)* — стк. 226—228 обращены к духам-птицам шаманки: она объясняет им, по какому поводу проводит камлание.

229 — *Девушек благослови! (Һуныӣлба алгакал!)* — шаманка идёт к развешенной в палатке *саламе*.

233 — *По своим землям веди! (Бугалдулӣвар нэнэвкэл!)* — шаманка передаёт *саламy* помощникам-птицам, чтобы они унесли её на Небо, где живёт верховное божество Буга, отвечающее за судьбы людей. *Салама* воплощает в себе жизнь заказчиц, их будущее, поэтому она отдаётся под защиту Неба.

235—236 — *Смеясь ходят пусть! /Быстро бегая, живут пусть! (Туксаммёкан нэнэктын! / Иннемёкан бидектын!)* — т.е. пусть живут хорошо, счастливо, радуясь, идут по жизни.

240 — *Не поддавайтесь! (Энэмэкил давдывра!)* — т.е. не позволяйте злым духам одолеть себя.

242 — *Что, что, что... (Ӗран, ӗран, ӗран...)* — при этих словах шаманка стоит около *саламы* и, поднеся колотушку к глазам, смотрит из-под неё вдаль.

245 — *Если и так — лучшего! (Тыкэ-да бичэлӣн — аядыя!)* — с этими словами шаманка бросает колотушку.

— *На добро упала! (Тэвэрэн!)* — реплика помощниц, после которой колотушку отдают шаманке.

253 — *Благословляла, скажите! (Алгача гунчэдавэр!)* — с этими словами шаманка машет бубном от печки, от огня по направлению к заказчицам, подходит к ним, благословляет, машет над каждой бубном.

260 — *...помогают (...бэлэтчэрэ)* — вся родня шаманки подпевает ей, помогает своими действиями.

261 — *Сказанное исполнись! (Гукэлэкэй гукэлэй!)* — после этих слов шаманка снова бросает колотушку.

264 — *Теперь на Курбельтиновых! (Эдуккӗ Курбелтӯнэвилбэ!)* — шаманка гадает по очереди на судьбу родственников — сначала Кульбертиновых (Курбельтиновых), затем Семёновых (стк. 265).

268 — *Где вы там? (Тадӯ-ка ӣртыки биһиллун?)* — шаманка обращается к духам-помощникам.

274 — *Кук! (Кӯк!)* — после этих слов шаманка снова бросает колотушку.

279 — *Скот свой возьмёте (Абдӯлвар гадавар)* — шаманка обещает духам жертву из домашнего скота, т.е. домашнего оленя.

281 — *Даже без приношения... (Улгавкия очинди...)* — имеется в виду обряд приношения (*һулганни*).

282 — *Животное Айихит (Аййӣнит абдӯвар)* — т.е. животное, посвящённое Айихит, обещанное ей в дар.

286 — *Кук! (Кӯк!)* — после этих слов шаманка снова бросает колотушку.

— *На добро упала! (Тэвэрэн!)* — после этой реплики одной из помощниц шаманка встаёт на ноги.

289 — *Попадает, — говорит (Накивдяран, — гундерэн)* — эти слова говорит духкукушка, дающая ответ колотушкой на заданные шаманкой вопросы. Шаманка в этот момент гадает, какой будет жизнь всей родни Кульбертиновых.

290 — *Говори, говори! (Гукэлэт гукэл!)* — шаманка снова бросает колотушку.

295 — *Чтобы не пересыхало! (Эдāтын олгомноро!)* — шаманка садится на почётное место чума, вытирая пот.

307 — *Выпуклые глаза имеющие... (Тōраптыкӣ ēначил...)* — *тōраптыкӣ* < *тōрāк* < *тōра* от якут. *туора* («поперечный») (подробнее см. коммент. к тексту 21).

310 — *Олени [саламу] уносят... (Орор hурувувкӣл...)* — если привязать *саламу* низко к дереву, то олени могут зацепить её рогами, оборвать, унести, и *салама* будет валяться на земле, чего нельзя допускать, так как она предназначена Небу.

311 — *Букачарам лучшего! (Бугачарду аядыя!)* — шаманка происходит из рода Букочар (Букачар).

315 — *Лучшего наговори же! (Аядыя гукэл-да!)* — после этих слов шаманка бросает колотушку: она должна предсказать хорошее.

316 — *Это, это верно (Тавар, тавар элэкин)* — помощник бьёт в бубен, шаманка забирает бубен, подходит к заказчицам, держит бубен над печью, бьёт в бубен по направлению к ним. Потом возвращается на почётное место чума, садится, ставит бубен рядом. Потом машет бубном, благословляя, при этом болезни, живущие в людях, падают в огонь.

317 — *Бубен мой и всё прочее, будь живым! (Унтувлэнми бикэл-да!)* — шаманка обращается с просьбой к бубну найти в себе силы камлать и дальше. Словом *унтувлэнми* обозначаются в целом бубен и другие атрибуты шаманки.

318 — *Не поддавайтесь! (Энэмэкил давдывра!)* — просьба к духам, уносящим *саламу*: недобрые духи могут помешать благополучно унести её на небо.

319 — *Греми подобно огню! (Тогогочин бургина!)* — слова, обращённые к бубну: вдохновенно, как горит сильное пламя.

327 — *Благословить пусть попробуют, говоря-то [что нужно] (Алгāмкактын гуннэл-дэ)* — шаманка говорит о своих духах.

336–337 — *Каменного подарят пусть / Утречком... (Дēлогōно борӣктын / Тэгэлтэнэкэн)* — шаманка распоряжается, чтобы охотники к утру следующего дня камлания добыли в жертву духам кабаргу. В начале камлания духи-помощники требовали, чтобы пришёл и дух-кабарга. Кабарга — один из помощников шамана. «Каменным» иносказательно названа кабарга, потому что живёт на камнях, в скалах.

338 — *Бубен их разогреваться начал (Унтувунтын илевӯлчā)* — т.е. бубен просит камлать и завтра.

339 — *Округлому подарят пусть (Колодоё борӣктын)* — здесь словом *колодо* («округлый») иносказательно назван очаг.

341 — *Слово моё ловят пусть девушки (Турэнмэв дявактын hуныл)* — т.е. заказчицы камлания дожны понять всё, что происходило во время обряда, и запомнить навсегда. *Турэнмэв дявами* — букв. «слово поймать», фразеологизм со значением «помнить и понимать всё, что было сказано».

342 — *Лучшее говорите! (Аядыя гуктынэ!)* — с этими словами шаманка уходит на левую половину палатки, кружится вокруг себя, потом встаёт, ставит бубен на ребро, но из рук не выпускает. Бросает колотушку.

350 — *...олонхо исполню (...олоҥколӯдем)* — Матрёна Петровна владела якутским языком и часто заменяла слово *нимнгакан* (героическое сказание) якутским словом *олонхо*.

351 — *Не сделаю — рассердитесь (Эргӯрэ — тыкулдиҥаӈун)* — по традиции шаман после камлания обязательно должен исполнить какое-то фольклорное произведение. Шаманка обещает исполнить заказчицам и присутствующим на камлании героическое сказание, чтобы не нарушить традицию. К тому же она знает, что приехавшие учёные собирают и записывают фольклор и им будет интересно.

355—356 — *На равнинках, поросших кустарником, живёт кто / На реках тоже, скажи (Амнӯнангал биӈилду, / Бираӈлду гукэл!)* — шаманка просит свою главную помощницу, Мать-олениху, благословить всех существ, обитающих в тайге, чтобы земля не оскудела рыбами, животными, птицами.

358 — *В очажки налей (Тогокӯрдӯ уҥкукул)* — шаманка напоминает сама себе, что нужно угостить духов огня всех семей, так как вместе с ней кочуют её зять и невестки.

362 — *Говорящим... (Гукэлӯлду...)* — имеются в виду духи-помощники, которые давали ответы на вопросы шаманки. Их следует отблагодарить, угостив огонь пищей и спиртным.

366 — *Противоположные колени (Баргилтӯчӯн ӈэнҥэлбӣ)* — шаманка машет бубном, кружась вокруг себя. Её усаживают, Терентий тихонько отпускает её «узду». Ей дают воды, она опускает руки в воду, говоря: «*Ко-ко-ко! Эрэй, эрэй!*», потом пьёт воду.

370 — *Эрэй, эрэй, эрэй!* — возглас усталости.

371 — *Исстрадавшиеся суставы... (Ирэйкимӣл мунӣлби...)* — при этих словах шаманка держит руки в воде. На этом камлание заканчивается. Помощники снимают с Матрёны Петровны шаманский головной убор и надевают платок, укладывают её на почётном месте чума. Снимают с неё унты для обряда, надевают другие. Бубен, головной убор, «узду», халат убирают в ритуальную суму.

ИКЭР

ПЕСНИ

Дэвӯ, дэвӯйдэ — эвенкийский традиционный круговой танец в дальневосточном регионе. Запевные слова и название танца связываются со словом *дэвӯ-дэвӯк* («природная охра»), она бывает двух цветов — красноватая и чёрная. Охру находили в горах, запасались ею, чтобы окрашивать орнамент на одежде, вьючных сумах. При обряде похорон посыпали ею покойника. В обрядах охра заменяла жертвенную кровь. Наскальные рисунки тоже наносились охрой.

Общего термина для всех хороводных танцев у эвенков нет. Песни, сопровождающие круговые танцы, даже нельзя назвать собственно песнями, поскольку эвенки по отношению к ним редко употребляют слово «петь». Для исполнителей понятие «петь» и «танцевать» *дэвэ* нерасторжимы. Хоровод *дэвэ* воспринимается ещё и как игра (*эвӣн*): *Дэвӯвэ эвӣгӯт.* — «*Дэвэ* играть давайте».

При исполнении песен-хороводов (*дэвэ, осорай, гэсуннгэ, гэсугур*) танцующие нередко повторяют за запевалой каждую пропетую им строку. В настоящем томе строки, поющиеся всеми участниками хоровода, отделяются от строк, исполняемых запевалой, только там, где между ними имеются отличия, или если хор повторяет не всё. В этих случаях строки, исполняемые запевалой, находятся в левом столбце, а строки, которые поют все танцующие, и другие их реплики — в правом.

145. Дэвэ̄ (*Дэвэ*). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от Л.Е. Кульбертинова в совхозной оленеводческой бригаде с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

В экспедиции 1980 г. участвовали музыковед Э. Алексеев и кинооператор А. Слапиньш. Целью их поездки было снять на кинокамеру камлание эвенкийской шаманки Матрёны Петровны Курбельтиновой (Курбалтуновой). Вместе с участниками экспедиции в вертолёте летел внук шаманки Лёня, возвращавшийся из армии. Вертолёт совершил вынужденную посадку, не долетев до нужного места. Воспользовавшись стоянкой, Лёня завёл танец *дэвэ*, местные эвенки (две семьи) танцевали и подпевали ему.

2 — *В честь моего приезда хорошенько! (Эмэнэдув аямат!)* — станцуем хорошенько в честь приезда запевалы.

3 — *Хоть и к совсем другим-то... (Һунтолтыкōкӣ-дā-нгэн...)* — вертолёт не долетел до стада, куда нужно было Лёне, т.е. он приехал к другим эвенкам.

— *Всё будет хорошо! — думай так (Ая бидян! — гунчэкэл)* — реплика пожилой эвенкийки, танцующей в хороводе. Существует традиция, что пожилые люди в хороводе могут поправлять запевалу, если он начинает петь не то.

6 — *Два плохих года-то... (Дӯр анганӣмӣва-дā...)* — время, которое Лёня провёл в армии.

9 — *К дедушкам своим, — скажи (Эһэкэ̄лдулэ̄вӣ, — гукэл)* — реплика той же женщины.

12—13 — *Сами-дэ снимут / Бабушками моими напетое (Мэ̄мэ̄-да дукчатын, / Эвэлби-дэ̄ эгэ̄нэльбэтын)* — речь идёт о М.П. Кульбертиновой и других пожилых женщинах оленеводческой бригады, к которым летели участники экспедиции, чтобы снять на кинокамеру обряд камлания.

14 — *Не ругай их, Лёня (Энэ ля̄гӣрэ, Лёня)* — реплика той же женщины. В том, что вертолёт не долетел до места назначения, Леонид считал виноватыми участников экспедиции. Он должен был сесть в другой вертолёт, долетевший благополучно, но его попросили сопровождать членов экспедиционного отряда.

146. Дэвэ̄ (*Дэвэ*). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от Т.В. Кирилловой в с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

11 — *Древние игры... (Билиргикӯн эвӣрбэтын...)* — так эвенки называют свои круговые танцы.

Варианты

1. *Дэвэйдэ-осорай.* Зап. В.С. Никифорова и Т.Ю. Дорожкова (ПМШ, 1992) от П.И. Габышевой (Сынгылаевой) в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. Нотный пример 17. Компакт-диск, № 34.

Дэвэйдэ-дэвэйдэ, дэвэйдэ и *дэвэйдэ.*
Осорай-осорэй, осорай и *дэвэйдэ.*
Дэвэйдэ-дэвэйдэ, дэвэй начнём все до одного.
Осорай-осорай вместе с *дэвэйдэ.*
Дэвэйдэ-дэвэйдэ, дэвэйдэ и *дэвэйдэ.*

2. *Дэвэ*. Зап. Ю.И. Шейкин (ПМШ, 1995) от Т.В. Кирилловой в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я). Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой.

Дэвэ-дэвэ, дэвэдэя!
Дэвэ-дэвэ на радостях.
На дэвэ приходите.

3. *Дэвэ*. Зап. Ю.И. Шейкин (ПМШ, 1995) от Е.Т. Дмитриевой в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я). Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Нотный пример 16. Компакт-диск, № 33.

Каждую строку вслед за исполнительницей повторяют присутствующие, но без танца.

Дэвэ-дэвэ, начнём *дэвэ.*
На *дэвэ-дэвэ* игру нашу
На *дэвэ* приходите!

147. Дэвэ̄ (*Дэвэ*). Зап. Ю.И. Шейкин (ПМШ, 1995) от У.Т. Максимовой-Мухачан в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я). Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой.

Каждую строку, пропетую запевалой, повторяет хор танцующих.

1 — *... давайте заговорим... (...гунӣльгатэ...)* — т.е. запоём.

2 — *Почему вы стоите-то? (Ӗкунма-ӈон илгӣмалла?)* — реплика относится к молодёжи, не сразу включившейся в хоровод. Эту строку хор танцующих повторяет со смехом.

6 — *На дэвэйдэ... (Дэвэ̄йдэлӗй...)* — *дэвэйдэ* — то же, что *дэвэ.*

14 — *Старушки прыгают... (Атыркӑчӑн ӈэтэкэрӯльдерэ̄...)* — т.е. даже пожилые люди участвуют в хороводе; эту строку хор танцующих повторяет со смехом.

16 — *На дэвэ — пусть стыдятся! (Дэвэ̄дэлэ̄й — ӈальдя̄ктынэ̄!)* — речь идёт о тех, кто так и не включился в хоровод. Эту строку хор танцующих повторяет со смехом.

148. Олӧкмачен билирги дэвэ̄тын (Олёкминский старинный *дэвэ*). Зап. Г.И. Варламова, А.Н. Мыреева и Н.Я. Булатова в 1987 г. от М.П. Кульбертиновой, в с. Иенгра Нерюнгирнского р-на АЯССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Песня была записана на следующий день после камлания М.П. Кульбертиновой (см. текст 144).

4 — *Утэл... (Дети...)* — начальный звук [h] в ряде диалектов может не произноситься (ср. *ӈутэл* («дети»)).

11 — *Оровнайкан... (С ровненькими...)* — от рус. «ровный».

1 — *Дэвэ-дэвэ, охру дайте! (Дэвэ̄-дэвэ̄, дэвэ̄ксэ!)* — слово *дэвэ̄* означает «охра» — природная краска, которую находят в горах. По-видимому, хороводные танцы *дэвэ̄* в прошлом были связаны с обрядом, во время которого использовалась охра.

2 — *Пойдём охрить в чащу! (Дэвэ̄дэгэт сигӣлэ!)* — поскольку не известно точно, какие именно действия нужно было производить с помощью охры, в переводе выбрано обобщающее слово, образованное аналогично эвенкийскому отымённому глаголу от корня *дэвэ̄-*.

4 — *...видящие (...ичэривэл)* — те, кто видит, что начинается танец.

5 — *Хорошенько проведите кэреткэн! (Аякӑнди кэрӗткэллу!)* — слово *кэректэн* может означать или обряд посвящения оленя (у иркутских эвенков), или похороны, поминки (у эвенков Амурской обл. и Хабаровского края). Известно также слово *кэрӗс* («заповедь, завещание») у томмотских, учурских, чульманских эвенков. О каком из этих обрядов здесь идёт речь, установить не удалось. При записанном исполнении танца обрядовых действий не проводили, однако традиционный текст хороводной песни сохраняет упоминания об обряде.

8 — *Гэсунгэй танцуйте... (Гэсӯнгэйкэн...)* — здесь исполнительница вспоминает другой запев — для танца *гэсунгэ*. Это также хоровод, исполняемый аналогично *дэвэ*.

9 — *Гэсунгэ потёк! (Гэсӯнгэйкэн эӗ̄эльле!)* — т.е. движение хоровода плавное, текущее.

11 — *С ровненькими бродами... (Орӧ̄внайкан олӧ̄коно...)* — с удобными бродами, без камней.

13 — *Нюкжи-посёлка... (Нӯкдееду-посӗлкадӯ...)* — этот посёлок стоит на месте впадения Нюкжи в Олёкму на территории Тындинского р-на Амурской обл.

Вариант

Опубл.: [Варламова, 2002, с. 155—156].

Дэвэ-дэвэ! Охру дайте!
Отправимся за охрой в чащу!
Красить охрой будем,
На раскрашивание приходите!
Красной охрой
Красить приходите!

149. Дэвэ̄ (*Дэвэ*). Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от Т.В. Кирилловой в с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПНМНС СО РАН. Публ. впервые.

Запев начинает исполнительница, потом его повторяют все танцующие.

5 — *Дэвэ наш плохо идёт! (Дэвэ̄йдэмӣ эрӯмӣ!)* — исполнительница намекает, что жители посёлка не могут как следует танцевать и вести хоровод.

7 — *В Золотинке-посёлке... (Золотинка-посӗлкадӯн...)* — пос. Золотинка в Южной Якутии сейчас называется Иенгра (от эвенк. *ие* — «олений рог», *Иӗнгрэ* — «олений рог с множеством отростков»). Расположен на реке с тем же названием. Очертания речки со всеми её притоками напоминают ветвистый олений рог, отсюда и название.

9 — *...идти! (...ӈэнэдегэ̄р!)* — т.е. жить.

150. Дэвэ̄йдэ (*Дэвэйдэ*). Зап. Г.И. Варламова в 1980-е гг. в с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Исполнитель неизвестен. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Личный архив Г.И. Варламовой. Публ. впервые.

7 — *Со священной силой Иенгра! (Муһӯрэнни Иēнгрэ̄)* — т.е. «дающая людям счастье, благополучие». Если хоровод танцуют на берегу реки, то упоминание её в песне обязательно.

12 — *Великая Иенгра — великая река! (Иēнгрэкӯн — биракӯн!)* — речка Иенгра горная, небольшая, хотя весной, осенью и во время дождей разливается, и у неё очень быстрое течение, так что даже переправиться через неё невозможно. Однако в песне обязательно восхваление, возвеличивание реки, на берегу которой танцуют.

151. Осо̄рай (*Осорай*). Зап. Г.И. Варламова в 2005 г. от Т.П. Габышевой (Николаевой) в с. Усть-Нюкжа Тындинского р-на Амурской обл. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Участники хоровода иносказательно обозначаются названиями одежды и обуви, которую они носят (*арбагас*, олочи и т.д.).

Осорай и эсэрэй — два варианта произношения названия танца.

3 — *Олочи затопали... (Оло̄чикар тоһилла...)* — у олочей делаются непромокаемые подошвы из кожи; когда олочи сухие, подошвы стучат.

5 — *Хэмчуры зашуршали (Һэмчӯрэкэр лэптуллэ) — хэмчуры* — обувь из камусов (шкуры с ног оленя). Камусы очень мягкие, поэтому при ходьбе *хэмчуры* шуршат, шелестят.

7 — *Одёжки... (Тэргэһэ̄лкэн...) — тэргэһэ̄лкэн* — любая одежда из кожи, меха, замши.

9 — *Арбагасик — отец их... (Арбагаска̄н — аминтын...) — арбага̄с* (верхняя одежда, парка мехом наружу) считается у эвенков «отцом» всей одежды.

10 — *«Эсэрэй!» — запел... («Эсэ̄рэй!» — икэ̄ллэн...)* — т.е. выступил запевалой в хороводе. Только после этих слов хоровод начал двигаться.

13 — *Не конец ли эсэрэю? (Манавран-гу эсэ̄рэй?)* — запевала спрашивает, все ли из желающих вести танец пропели свои запевы или кто-нибудь хочет продолжать.

152. Осо̄рай (Осорай). Зап. В.С. Никифорова и Т.Ю. Дорожкова (ПМШ, 1992) от В.Р. Кузьминой в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Публ. впервые.

1 — *...кичӣга̄... (...скрипучий...)* — слово, образованное от *кичир* — звукоподражания скрипу обуви и домашней утвари (напр., коробов из бересты). *Качӯга̄* (стк. 9) — вариант произношения формы *кичӣга̄*.

---

1 — *Осорай-да скрипучий... (Осо̄рай-да кичӣга̄...)* — исполнительница шутит, что её пение напоминает скрип.

3 — *В Москве побывать... (Моска̄ведӯ бидэ̄вӣ...)* — в конце 1970-х гг. исполнительница ездила на смотр художественной самодеятельности в Москву; здесь она с юмором намекает на то, что ей хотелось бы снова побывать в столице.

5 — *...люгаре (...люга̄рē)* — запевные слова, характерные для представителей семей Кузьминых и Мальчекитовых.

153. Осӣрай (*Осорай*). Зап. Ю.И. Шейкин и В.С. Никифорова (Материалы Шейкина, 1996) от П.Е. Николаева в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Публ. впервые. Нотный пример 21. Компакт-диск, № 38.

10 — *Дюгāньӈит... (Лето наше...)* — в словаре зафиксированы формы *дюганӣ, дюванӣ* («лето») [Мыреева, 2004, с. 206].

23 — *Ӭгӭкэрдӣ... (Песни...)* — звук [h] в начале слова опущен (ср. *hӭгӭкэрди*). В следующем слове (*hӭгӭкэдерильдеп*) начальный [h] прозвучал. То же явление — в стк. 26 (*ӭгӭр*).

---

2 — *...запев по-шамански... (...дярāвчанӭ...)* — основа *дяр-* означает «петь во время камлания, шаманить».

20 — *...живут (...ӈэнӭптыдерӣл)* — букв. «идут».

25 — *Пропетое нами далеко ушло... (Hӭгӭпчэнӭльтӣн горӧлиллāн...)* — т.е. пропетые песни уже «ушли» к другим.

26 — *Эвенкийские песни умножились... (Эвэдӹль ӭгӭр кэтӭлиллӭ...)* — песни, «ушедшие» от исполнителя (см. стк. 25), «пришли» в другие места, где их перенимают другие эвенки, поэтому песни «умножаются».

154. Осӣрай (*Осорай*). Зап. Ю.И. Шейкин (ПМШ, 1995) от Т.Е. Кириловой-Энгэлаас в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я). Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Публ. впервые.

Каждую строку вслед за исполнительницей повторяет хор танцующих.

10 — *Слышащие, приходите! (Дӧльчачиль эмэкэльлю!)* — т.е. все, кто слышит призыв, приходите танцевать.

14 — *Не забудем (Энэльдэй омӈоро)* — букв. «не должны будем забыть», т.е нельзя забывать.

155. Гэсунтэ (*Гэсунгэ*). Зап. Ю.И. Шейкин (ПМШ, 1995) от У. Максимовой-Мухачан в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я). Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Публ. впервые. Нотный пример 29. Компакт-диск, № 46.

Каждую строку вслед за исполнительницей повторяет хор танцующих.

В тексте отражено индивидуальное произношение исполнительницы: она произносит мягкий [л'].

9 — *...дэбдӭрикэгӭт... (...затрясёмся не в лад...)* — *дэбдӭрикэгӭт* — образное слово, рисующее смешную картину танцующих подвыпивших людей.

---

16 — *Не топчитесь! (Экэль-ӈэнӭ hӭкӣмнэрӭ!)* — *hӭкӣмнэ* — «переступать с ноги на ногу в эвенкийском танце, плясать» [Мыреева, 2004, с 586]; исполнительница шутливо поёт о вновь примкнувших к хороводу молодых людях, которые не умеют хорошо танцевать, неловко топчутся.

17—18 — *Состарились у вас жилы, / Поёте лениво! (Сагданачӭль сумӯльгэчӭль, / Гундӭльгэчӣн энӭльгэчӣн!)* — исполнительница высмеивает молодёжь, не умеющую петь, танцевать и вести хоровод.

Вариант

Гэсугур. Зап. В.С. Никифорова и Т.Ю. Дорожкова (ПМШ, 1992) от А.В. Ивановой в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Публ. впервые.

Гэсугур-гэсугур, на *гэсугур*!
Жилы наши пока
Не ослабели совсем — на *гэсугур*!
Пока наши головушки в сознании,
Пришли мы на *гэсугур*!

156. Гэшӣнтэ (*Гэшингэ*). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от Нади Кульбертиновой в с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Гэшӣнгэ (Гэшингэ)* — то же, что и *гэсунгэ*. Шакают эвенки Бурятии. Далее название танца варьируется: *гэшингэ, гэсингэ, гэсунтэ.*

157. Гэсугӯрлэ (На *гэсугур*). Зап. Ю.И. Шейкин и В.С. Никифорова (Материалы Шейкина, 1996) от П.Е. Николаева-Нгангагэр в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Публ. впервые.

Вариант

Гэсугур. Зап. участники КФЭ, 1986 от А.П. Авеловой, 1932 г.р., в с. Хатыстыр Алданского р-на ЯАССР.

Гэсугур, гэсугур, на *гэсугур*! — *Гэсугур, гэсугур,* на *гэсугур*!
Пока гибкие, как шёлк, мышцы ваши,
Пока они не ослабели,
Суконные зипуны их
Пока ещё не скрутились подобно стружкам наструганным!
Гэсугур, гэсугур, на гэсугур!
Пока золоту расплавленному подобно текучие голоса их
Пока ещё не охрипли!
Гэсугур, гэсугур, все на *гэсугур*!
Гэсугур, гэсугур, все на *гэсугур*!

158. Дялӗр (*Дялер*). Зап. участники КФЭ, 1986 от А.П. Авеловой в с. Хатыстыр Алданского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Публ. впервые.

— *Дялер (Дялӗр)* — название хоровода происходит от *дял* («сустав» или «род, родня»). В некоторых говорах это слово звучит как *дялёр.*

1 — *Дялер-дялер, мальчор-мальчор! (Дялӗр-дялӗр, мальчӧр-мальчӧр!)* — непереводимый запев.

3 — *Одёр-одёр, дялер-дялер! (Одёр-одёр, дялӗр-дялӗр!)* — запев, образованный от слова *одёр* — одно из названий круговых танцев.

5 — *Дялехинчэ-хинчэ-хинчэ! (Дялӗhӣнчэ-hӣнчэ-hӣнчэ!)* — непереводимый запев. С этой строки меняются темп и ритм танца, хоровод ускоряется.

10 — *Одёрай-одёрай! (Одёрай-одёрай!)* — непереводимый запев.
16 — *Одер-одер... (Одёр-одёр...)* — вариант запевного слова *одёрай-одёрай.*

159. Дялēһинчэ (*Дялехинче*). Зап. Ю.И. Шейкин и В.С. Никифорова в 1996 г. от П.Е. Николаева-Нгангагэр в Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Публ. впервые. Нотный пример 12. Компакт-диск, № 30.

В тексте отражено индивидуальное произношение исполнителя: он произносит мягкий [л'].

1 — *Дялēһинчэ-дялēһинчэ... (Дялехинчэ-дялехинчэ...)* — вариант запева *дялер.*

---

3 — *Высокое начальство... (Һэгды̄ль тэ̄гэль...)* — букв. «высоко сидящие». На праздник были приглашены чиновники республиканского значения, к ним и обращается исполнитель.

12 — *Так этим учу (Ара̄й таргим ала̄гамнгӯ)* — т.е. учу молодёжь эвенкийским песням и танцам.

15—16 — *Хорошенько завтра, осенью / К другу своему поеду (Аямамат тымӣ, боло̄ / Гиркы̄лэвӣ нгэнэльдигэм)* — исполнитель говорит о возвращении в родные места из Якутска и предстоящем выезде на охоту осенью со своим напарником-охотником.

20 — *Родные места мои виднеются (Бугамильби ичэ̄вдерэ)* — из местности, где проходил праздник, раньше была прямая дорога на р. Олёкму, где жил исполнитель.

160. Һа̄дэ! (Свойственники!). Зап. Г.И. Варламова в 1983 г. от И.П. Павлова в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Грамматические формы многих слов этой песни близки к эвенским. Исполнитель спел только запев, не танцуя. В скобках даны пояснения исполнителя.

— *Свойственники! (Һа̄дэ!)* — от *һа̄дал* — арх. «родня, свойственники» (ср. современное *дял*); *һа̄дэ* — устаревшая звательная форма от *һа̄дал.*

5 — Это «*по одному*» *(Умуконди тар)* — исполнитель поясняет, что новым танцующим надо вступать в круг танца по очереди.

7 — Это «*приходите*» *(Эмэкэллу тар)* — исполнитель поясняет значение устаревшей формы *эмэкой.*

9 — *Кружитесь! Кружитесь! (Чтобы кружились) (Һумдей! Һумдей! (Пэридэтын))* — исполнитель поясняет значение устаревшей формы *һумдей;* по объяснению исполнителя, при этих словах все танцующие должны кружиться вокруг себя.

11 — *Пойте — это их слово (һэгэкэллу — гуктэтын)* — исполнитель поясняет редкую форму *һа̄гэй.*

161. Икэ̄никлэ нонол̄ эрӣвун (На *икэник* старинный зов). Зап. Г.И. Варламова в 1988 г. от К.П. Афанасьевой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Эривун* (*...зов*) — от *эри-ми* («звать, скликать»).

— *Недалеко от Борукана Авландя... (Борукан дагадӯн Авландя...)* — названия местностей в Тугуро-Чумиканском р-не Хабаровского края.

1 — *...воспарим! (..ӈэриндегэр!)* — *ӈāрин-ми, ӈэрин-ми* — «парить в воздухе» (о птице). В стк. 10 употреблена форма *ӈāринимчэв* от той же основы *ӈāрин-*.

4 — *Весёлая наша Ираиндя верхняя! (Сэвдēелэр Ирāиндят ӯгӯгэ!)* — *ирāиндят* — букв. «наша шаманская местность Ира», т.е. страна камланий (ср. *ирāптылга* «камланье, шаманство») [Мыреева, 2004, с. 252].

5 — *В богатырской Ираиндя земле... (Сōнинӈинӈмар Ирāиндя тӯриндӯн...)* — т.е. в Верхнем мире.

9 — *Дважды девятью перьями... (Дӯр ēгин китыллэв...)* — *дӯр ēгин* — букв. «две девятки». Способ счёта девятками характерен для шаманской традиции, где числа называются иносказательно. *Дӯр ēгин китыл* («дважды девять перьев») — бахрома в виде перьев на рукавах костюма шамана, по 18 ниточек («перьев») на каждом рукаве. Смысл строки: шаман взмахнул бы руками, как крыльями с оперением, и полетел бы к солнцу.

10 — *К лучам земли... (Гарпа тӯриндулэн...)* — к рассветным лучам. На восходе лучи солнца будто бы выходят из-за горизонта, из-под земли.

12 — *...песня песен... (...икэн икэнин...)* — ритуальная, священная песня.

13 — *Великая песня поётся! (Икэнде икэндегэр!)* — суффикс *-нде* имеет значение величия, достоинства и сакральности.

162. Алдāн аян (Благость Алдана). Зап. участники КФЭ, 1986 от Д.П. Пудова в с. Хатыстыр Алданского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые. Нотный пример 42. Компакт-диск, № 13.

Река Алдан в тексте выступает как мать-покровительница живущих на ней людей, поэтому в тексте имя Алдан используется в женском роде.

1 — *...ийэн... (...мать...)* — от якут. *ийэн* («мать»).

10 — *Гōротыльтын... (Города её...)* — *горот* — от рус. «город».

19 — *...алмāсилин (...алмазами своими)* — от рус. «алмаз».

20 — *Сōлотольдӣ... (Золото...)* — от рус. «золото».

---

1 — *Аян-аян...* — традиционный запев алданских эвенков, от *ая* («хороший»).

2 — *...играю... (...эвиденӈнэм)* — т.е. пою.

8 — *В двадцатые годы... (Дӯрдāтыгин анӈанӣльдун...)* — в 1920-е гг. в Якутии стала развиваться добывающая промышленность, и в районе Алдана начали появляться посёлки и города.

15 — *...Эдян (...Эдāн)* — исполнитель говорит о себе, поскольку он происходит из рода Эдян.

27 — *Города свои назвала... (Гōротыльби гэрбӣнэдин...)* — т.е. река Алдан дала городам своё имя.

163. Алдāн-энē (Алдан-мать). Зап. участники КФЭ, 1986 от А.П. Авеловой в с. Хатыстыр Алданского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые. Нотный пример 46. Компакт-диск, № 17.

2 — *Говорить я буду-ты-нгэн (Гунивчакон бия-ты-нгэн)* — *ты-нгэн* — распевные слоги, добавленные для сохранения размера строки.

3 — *Пою-пою, говорю в песне (Эгэй-эгэй, эгэгэлэй)* — этот запев очень распространён в песнях эвенков, его обычно не переводят. Он образован от слова *hэгэн, эгэн,* имеющего значения и «песня», и «пение», т.е. процесс пения, поэтому мы сочли возможным перевести запев (*эгэгэлэй* — букв. «пропеваю, пою о чём-то»).

6 — *Об обмелевших излучинах её... (Торганмучал кочоямил...)* — во время работы экспедиции Алдан обмелел, из-за этого исполнительницу с трудом привезли на моторной лодке в Хатыстыр из с. Угоян, где она работала кассиром в совхозе.

164. hэган (Песня). Зап. участники КФЭ, 1986 от А.П. Авеловой в с. Хатыстыр Алданского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Публ. впервые. Нотный пример 44. Компакт-диск, № 15.

14 — *Палаткалави... (К палатке своей...)* — от рус. «палатка».

---

1 — *Эгэ-гэ-эгэн, говорю в песне... (Эгэ-гэ-эгэн, эгэгэлэй)* — вариант традиционного запева. О переводе см. коммент. к стк. 3 текста 163.

8 — *Земли-то мои... (Дуннэкури-нгэн...)* — имеются в виду охотничьи и пастбищные угодья исполнительницы. Оставшись без мужа, она многие годы жила в тайге, охотясь и содержа оленей самостоятельно.

165. Алгавка-hэгэн (Благословление-песня). Зап. участники КФЭ, 1986 от А.П. Авеловой в с. Хатыстыр Алданского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Публ. впервые. Нотный пример 7. Компакт-диск, № 8.

1 — *Эгэй-эгэдей, эгэй-эгэдей... (Эгэй-эгэдей, эгэй-эгэдей...)* — вариант традиционного запева.

5 — *Разговоры говорили (Улгурояваре ульгучэмачип)* — песня записана на национальном празднике *бакалдын* («встреча»). Этот праздник, приуроченный к началу лета (обычно он проводится в июне), собирает эвенков Якутии и Дальнего Востока. В советское время таких праздников не было, их начали регулярно организовывать в конце 1990-х гг. *Бакалдын* длится несколько дней, в это время проводят традиционные обряды, устраивают игры, соревнования, танцы, выступают коллективы самодеятельности, проходят ярмарки народных промыслов. Эвенки из разных районов встречаются на празднике и могут «поговорить разговоры».

6 — *Для Салэя-дэй горного духа... (Салэйнганэ-дэй урэмкэкилэ...)* — о Салэе см. текст 53 и коммент. к нему.

8 — *Прежде чем уйти-то... (Буделиксэ-нгэн...)* — т.е. прежде чем умереть, исполнительница стремится передать сородичам-эвенкам свои песни.

9 — *...своим сёстрам-то (...экнылдуви-нгэн)* — т.е. эвенкийкам.

166. hэгэн (Песня). Зап. участники КФЭ, 1989 от М.К. Васильевой в с. Тором Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые. Нотный пример 54. Компакт-диск, № 25.

1 — *Ии-ии-ии...* — звукоподражание плачу.

167. Эксӣннē, гэлкэ̄ниндē! (Аксинья, желанная мне!). Зап. Г.И. Варламова в 1985 г. от Е.Н. Соловьёвой в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

— *Половину жизни прошёл мужчина... (Бинӣ дулинма̄н ӣльтэнчэ̄ бэе...)* — т.е. мужчине больше сорока лет.

— *На лосиный кумалан... (То̄кӣкса кумала̄нду...)* — мужчина сам должен убить лося, чтобы сделать такой коврик для сватовства.

— *Старухи... (Атыркāнын...)* — т.е. жены.

168. ҺӣнО-ҺēнО (Рябчик-рябчик). Зап. Г.И. Варламова и Ю.И. Шейкин в 1994 г. от Е.А. Курейской на празднике городских эвенков на р. Кенкеме, в 40 км от г. Якутска.

ҺӣнО, ҺēнО — диалектные варианты слова *Һӣнукӣ* «рябчик» [Мыреева, 2004, с. 556]. В настоящее время этот танец исполняется и танцуется как хороводный круговой. Но в тексте указывается, что должны делать танцующие, а именно — подражать начинающим летать птенцам рябчика. Возможно, изначально это был обрядовый танец, посвящённый рябчику, или охотничий танец. В кочевой жизни эвенков рябчик играл большую роль в питании, так как лося убивали не каждый день. Свежим мясом являлось мясо боровой дичи, чаще всего рябчика. При кочёвках мужчины ехали впереди каравана и по пути охотились на рябчика, глухаря, куропатку.

С. Попов наблюдал в 1794 г. камлание у ербогачёнских эвенков. Он описывал круговой танец с шаманом в центре, аналогичный эвенкийскому танцу под песню-импровизацию. Этот танец первоначально носил магический охотничий характер (см. [Василевич, 1969, с. 234—235].

169. Барчика̄н (Барчикан). Зап. участники КФЭ, 1986 от Д.П. Никитиной в с. Хатыстыр Алданского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые. Нотный пример 47. Компакт-диск, № 18.

Исполнительница училась в Ленинграде, где, возможно, услышала эту песню от студентов. Песню написал в 1930-е гг. эвенкийский поэт Никита Сахаров из Читинской обл., и она стала народной. Барчикан — имя охотника.

8 — *Ҥынакынын... (Собака его...)* — исполнительница произносит это слово с якутским акцентом, ср. эвенк. *ҥинакин.*

---

2 — *По горелому кустарнику (Ӣгэлектэ дегдэнэлин)* — *ӣгэликтэ* — в амурских говорах «черёмуха», «рябина», в токкинском, чульманском, томмотском, подкаменно-тунгусском говорах — «красная смородина» [Мыреева, 2004, с. 231]. Читинский говор, на котором написан текст песни, близок к амурским говорам, однако при переводе решено оставить обобщающее слово «кустарник». *Дегдэнэ* — гарь, выгоревшее место в лесу.

3 — *Снег густой... (Иманнакӯн...)* — *-кӯн* — увеличительный суффикс; букв. «очень большой снег».

7 — *На опушечке... (...дяпкака̄рдӯн)* — букв. «на краешке».

170. Омолгичăн-анăдякăн икĕнын (Песня мальчика-сироты). Зап. участники КФЭ, 1989 от М.К. Васильевой в с. Тором Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Песня мальчика-сироты, убежавшего от плохого опекуна.

1–2 — *И-хи-и-хи-и-и / И-хим-и-хим-и (И-hи-и-и-и-и / И-hим-и-hим-и)* — звукоподражание плачу.

39 — *...для хорошего ребёнка... (...куңăкăн hутэ hутэдукин...)* — букв. «ребёнка из всех детей».

40 — *Светлая жизнь настанет (Исңăтын ңэрĭви)* — букв. «придёт свет».

171. Гӳĕ икĕн (Слово-песня). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от Е.Д. Наумова в с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

8 — *...ираснай... (...по-разному...)* — от рус. «разный».

10 — *...ĕгаганмэ (...песню)* — фонетический вариант слова *hĕгĕн* («песня»).

— *Слово-песня (Гӳĕ икĕн)* — *гӳе* от *гу-ми* («сказать»); *гӳе икĕн* — песня, в которой излагают свои мысли.

3 — *...Мулёмкона... (Мулемгокогӧн...)* — Мулёмкон — река на юго-востоке Якутии.

4 — *...Кэвэктэ... (Кэвэктэё...)* — Кэвэктэ — река на севере Бурятии, левый приток р. Нижняя Ципа.

11 — *...будем идти (...ңэнэдеденăт)* — т.е. жить.

172. Гунчэкĭ-икĕн (Размышление-песня). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от И.Е. Наумова в пос. Золотинка (с. Иенгра) Нерюнгринского района ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

3 — *...(н)олокковор... (...в жизни своей...)* — от якут. *олох* («жизнь»). Добавление к началу слова согласного — приём пения (см. стк. 23).

6 — *...пĕнсяя-гӳ... (...чтобы пенсия...)* — от рус. «пенсия».

13 — *Ӧктэк сĕвертыкакӳн (С юга на самый север)* — от рус. «юг», «север».

14 — *...дӳмадянай... (...думаю...)* — от рус. «думать».

24 — *Обсественнай... (Общественная...)* — от рус. «общественный».

---

4 — *Добьются... (Сотыдеhэнэл ңэнэрэктын...)* — букв. «пойдут в хорошую жизнь».

173. Hĕгĕн (Песня). Зап. Г.И. Варламова в 1986 г. от А.П. Авеловой в с. Хатыстыр Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

2 — *Аямамат-ңэн, аямамат-ңэн! (Очень хорошо-нгэн, очень хорошо-нгэн!)* — добавление одного и того же суффикса *-ңэн* ко всем словам используется как приём пения.

9 — *Пастӳкил-ңэн... (Пастухи-нгэн...)* — от рус. «пастух».

174. Ӈэгэн (Песня). Зап. Г.И. Варламова в 1980 г. от М.П. Кульбертиновой в с. Иенгра Нерюнгринского р-на Нерюнгринского р-на АЯССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

1 — *Ӈэгэдедегэгэтэ... (Петь будем...)* — используется приём удвоения слогов: *деде, гэ-гэ.*

7 — *Солотӯканма... (Золото твоё...)* — *солото* — от рус. «золото».

8 — *...кӧлоӈилты... (...голоса наши...)* — от рус. «голос».

---

3 — *О днях, что мы видели... (Инэӈэлбэ ичэнэлвэр...)* — т.е. о прожитых днях.

6 — *Золотинка-матушка... (Солотӣнка-энӣкэнэ...)* — пос. Золотинка сейчас носит название Иенгра.

175. Ӈунӑт икэнин (Песня девушки). Зап. А.Н. Мыреева в 1981 г. от М.К. Колесовой в с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН. Публ. впервые.

Исполнительница спела эту песню, когда ей было 15 лет. Песня посвящена Григорьеву Петру Кирилловичу и Стручкову Петру Семёновичу.

12 — *Бӧтурчэйӭл-кэ... (Петрушами называемые...)* — русское имя Пётр в уменьшительно-ласкательной форме в произношении эвенков.

15 — *Икэлекэтнэ... (Распевая...)* — поэтическая форма от глагола *икэ-мӣ* («петь»).

19 — *...дэлэй... (...обширной...)* — от якут. *дэлэй* («вольготный, привольный, свободный»). Здесь употреблено в значении «широкий, обширный».

16—17 — *...передние ноги их / Белые... (...дӧкрэ-гӯ дӧкрэ нӗгӣлтын / Бугдӹл...)* — у эвенков считались красивыми олени белой масти или с белыми ногами, головой и т.д.; таких оленей обычно выбирали для освящения, называли *сэвэк орон* — «священный олень».

25 — *В косу их... (Илчарйаден...)* — вожжи у эвенков сплетались из 3—5 сыромятных тонких ремней, нарезанных длинными полосками из кожи оленя или лося. Смысл строк: шёлковые волосы девушки при быстрой езде переплелись бы с косой вожжей.

176. Пӯдовил икэнтын (Песня Пудовых). Зап. А.Н. Мыреева в 1974 г. от Н.Т. Пудова в с. Хатыстыр Алданского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. А.Н. Мыреевой. Личный архив А.Н. Мыреевой. Публ. впервые.

1 — *Эрдӧнка! Эрдӧнка! (Эрдонка! Эрдонка!)* — запев, зачин родовой песни эвенков из рода учурских Бута. Каждый эвенкийский род имел свою родовую песню с определённым запевом и мелодией. Содержание песни импровизировалось. Обычно эвенки пели по случаю значительных событий в жизни: на праздниках, свадьбах, при рождении ребёнка, после особенно удачной охоты, при встрече после долгой разлуки и т.д.

---

5 — *Один я нашёлся (Эмукин бакавча бичэв-кэ)* — исполнитель — последний из рода алгоминских Пудовых.

177. Учӣр эвэнкӣлин икэ̄нтын (Песня учурских эвенков). Зап. А.Н. Мыреева в 1964 г. от Н.Г. Трофимова, в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. А.Н. Мыреевой. Публ. впервые. Нотный пример 48. Компакт-диск, № 19.

21 — *Уруй-айкал!* — от якут. *уруй-айһал*, где *урууй* — междометие со значением «слава, радость», *айһал* — междометие, выражающее радость [Пекарский, 1958, стб. 41].

178. Икэ̄н (Песня). Зап. А.Н. Мыреева в 1974 г. от П.С. Стручкова в с. Хатыстыр Алданского р-на ЯАССР. Расш. с аудиозаписи и пер. А.Н. Мыреевой. Личный архив А.Н. Мыреевой. Публ. впервые.

1 — *Бӣ-кэ гӯ-гӯ... (Я же, гу-гу...)* — *гӯ-гӯ* — вопросительная частица эвенкийского языка, в данном случае употреблена для аллитерации с глаголом *гукэ̄денэл* — поэтической формой глагола *гунмӣ* («говорить, сказать»).

5 — *Аналлакмачан...* (Как священные...) — от якут. *аналлаах* («определённый, назначенный, выделенный») — священный олень, который освобождён от любой работы.

179. Бакалдын икэ̄нин (Песня встречи). Зап. А.Н. Мыреева в 1964 г. от Н.Г. Трофимова в г. Якутске. Расш. с аудиозаписи и пер. А.Н. Мыреевой. Публ. впервые.

2 — *...сэрӯнтэдерӣ... (...прохладный...)* — от якут. *соруун* («прохлада, прохладный»).

15 — *...маны-гӯ... (...праздничным...)* — от якут. *мааны* («почет, почетный; любимый; нарядный»). Здесь слово употреблено в значении «праздничный, изобильный».

— *...остӑлдӯтын... (...столом...)* — от рус. «стол».

17 — *Дӯр дяпкун... (В дважды восьми...)* — в эвенкийской народной поэзии, а особенно в шаманской традиции принято называть числа иносказательно, передавая их через удвоение и утроение меньших чисел: дважды девять, трижды семь и т.д.

---

5 — *...с синеватой... (Чӯтурӣма...)* — от *чӯтурӣн/ чӯтума* («синий, серо-синий, цвета дымки на горизонте») [Василевич, 1940, с. 176; Мыреева, 2004, с. 738].

180. [Эвэлви, эһэкэлви, амтӹлви!] ([Бабушки мои, дедушки мои, родители мои!]). Зап. Г.И. Варламова в 2000 г. от О.В. Наумовой (в девичестве Кондаковой) в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я). Расш. с аудиозаписи и пер. Г.И. Варламовой. Личный архив Г.И. Варламовой. Публ. впервые.

Название дано составителем по первой строке текста.

18 — *Город... (Город...)* — от рус. «город».

— *Бабушки мои, дедушки мои, родители мои! (Эвэ̄лви, эһэкэлви, амтӹлви!)* — текст представляет собой повествование, адресованное предкам, ушедшим из жизни.

4 — *Огня, огня обычаи ваши... (Того, того олвэтын...)* — *того олвэтын* — букв. «для огня положенное делать», т.е. обычаи, которые положено соблюдать по отношению к домашнему очагу.

ДОПОЛНЕНИЯ

1. [ОКОЛО СЕЛА БАГДАРИН]

Около села Багдарин в скале каменное масло* есть, им скала будто плачет. Попросил я, чтобы взять его:

— Бабушка-скала,
Своё каменное масло дай.
Не жалей,
Бабушка-скала.
Каменное масло человека
Вылечивает — дай.
Бабушка-скала, тебе
Жертвую, дай!
Там пульки, еще кое-что оставил.

2. МИФ О ЛЯГУШКЕ, СОТВОРИВШЕЙ ЗЕМЛЮ

Когда-то были вода и небо. В воде жили змея и лягушка. На небе светили солнце, луна, звезда Чалбон, там обитала *энекан буга* со своими небесными помощниками. Змея была уже старой, часто уставала и очень мёрзла в воде. Однажды она попросила свою помощницу-лягушку достать земли и укрепить её на воде, чтобы змея могла отдыхать и греться на солнце. Лягушка нырнула и достала землю. Когда она начала её укреплять, то земля стала тонуть. В это время подплыла змея. Лягушка испугалась, что змея будет ругать её за беспомощность, перевернулась и стала лапами поддерживать землю. Так и осталась до настоящего времени.

3. ОБ ОХОТНИЧЬИХ АМУЛЕТАХ

По эвенкийским обычаям у каждой семьи в стаде должен был быть один священный олень белого цвета. На этом олене верхом не ездили, на нём перевозили священный амулет (*шинкэн*). *Шинкэн* в виде связки фигу-

рок птиц, зверей также имела каждая эвенкийская семья. Он оберегал семью от бед, охранял от злых духов и болезней. Наша прабабушка (по линии отца) перед дорогой обязательно окуривала *шинкэн* дымом от костра. Затем она помещала коробку с амулетом в *поту* (суму) и грузила *поту* на оленя. Обосновываясь на новом месте, прабабушка кормила *шинкэн* лакомыми кусочками мяса. Коробку со священными фигурками она помещала на дереве за чумом. Детей и посторонних к *шинкэну* не допускали.

4. МИФ О МЕДВЕДЕ

У аянских эвенков и их северных соседей (эвенов) сохранился миф о медведе (*торгандри*) — брате человека. Девушка случайно упала в нору медведя и провела там зиму. Весной она вернулась к родителям беременной. Родила медвежонка, которого начали воспитывать её родители. Затем она вышла замуж и родила мальчика. Оба брата подросли и помогали в хозяйстве. Когда братья выросли, они захотели померяться силами. Медведь, как старший, напал первым и содрал кожу у брата. Тогда тот сказал: «У меня нет когтей, пусть камень мне будет вместо когтей». Взял острый камень и ударил им в сердце медведя. Тот упал замертво. Умирая, завещал, как надо охотиться и хоронить медведей. Этот миф является отголоском обряда «борьбы» мальчика с медведем, победителем в которой всегда был мальчик — «младший брат медведя» (в медвежьем ритуале подкаменнотунгусских эвенков борьба мальчика с медведем — пуком из ветвей, в который был уложен костяк медведя)» .

5. МИФ О МЕДВЕДИЦЕ

На берегу реки жили первые люди на земле — младший брат и сестра. Жили дружно, хорошо, никогда не ссорились. Старшая сестра была за мать брату, воспитывала, ухаживала за ним. Он подрос и стал охотиться (с момента первой охоты становится кормильцем). Однажды, вернувшись с охоты, застал сестру свою в доме в новой одежде на выход. Подойдя к двери (выходя), она сказала: «Впредь ты на меня охотиться будешь. Я же не посмотрю, что ты брат мне. Кусать своими зубами буду, рвать своими когтями буду». — «Что случилось с тобой и почему уходить собираешься, — спросил брат, — ведь мы так дружно жили, я тебя слушался, почему обиделась и уходишь?» На то она ему ничего не ответила и вышла из дома, сказав: «Не смей смотреть, куда я пошла!». Спустя некоторое время брат пошел по ее

следам. Следы вели в сторону, где кололи дрова, до этого места они были человеческие, а далее эти следы превратились в медвежьи. Оказывается, сестра его была медведицей и воспитывала брата в образе человека, а потом снова стала медведицей и ушла от него.

6. КАК ДОБЫВАЛИ МЕДВЕДЯ И ГОТОВИЛИ ИЗ ЕГО МЯСА РИТУАЛЬНОЕ БЛЮДО

В отверстие берлоги жердь заталкивают, длинную, «шевелитель» называют её. Выход из берлоги затыкают, один мужчина ту жердину-шевелитель держит. По обе стороны от входа в берлогу два мужчины с копьями наготове сторожат. Затем на поверхности берлоги дыру делают, жердиной крутят, самого медведя нащупывать начинают. Когда находят, он «*Лурт!*» делает — это речь его. Вот когда «*Лурт!*» сделает, шевелящий жердину убирает, место нахождения зверя в берлоге узнают. Вот поверхность берлоги продырявив, добывать начинают. И стреляют-то, и копьем как «посохом тычут». «Заколол копьем» не принято говорить, «посохом ткнул» говорят. «Посохом ткнув», когда медведь «уснёт», поверхность берлоги побольше продырявив, вынимают его. Если недалеко от «двери» находится, через «дверь» вытягивают. Дыру на поверхности берлоги чинят, жердями мостят, землёй присыпают. В этой берлоге позже другой зверь обосновывается, сам её хорошо починив. Так из одной берлоги несколько раз добывали. Добыв его, у берлоги освежёвывают, натягивают шкуру на распялки, место для разделки мяса делают. Если добыли недалеко от жилища, оленями таща по земле, тушу к дому доставляют, в жилище разделывают, натягивают шкуру. *Сэвэрин*, на место пиршества рассевшись, начинают есть. Сердце его, легкие его, гортань, спинные вены, вены передних лап вместе, не разрезая, берут, все это вместе *суллу* (ливер) называется. Ливер в сыром виде не разъединяется, в котле когда поваришь, разъединяешь. Когда немного сварится, его вынимают, разъединяют всё, потом уже хорошо варят всё по отдельности. Когда сварятся, для *сэвэрина* мелко режут. Гортань, горло не режутся, на лабаз (*чуки*) кладут (сырыми не разделяют, запрет соблюдают). Печень его, отдельно сварив, тоже нарезают. Почки его засыхают отдельными бугорками, как в скорлупках затвердевшие бывают, позже, когда засохнут совсем, на нить нанизывают в виде бус. Это называют «лекарство имеющее» — слюнявому ребенку на шею надевают. В *сэвэрин* сваренное мясо, нарезав, добавляют. *Сэвэрин* ещё называют угощением (*туювун*). Сальник медвежий, брыжейку тонкой кишки чистят, нарезав, и тоже в *сэвэрин* добавляют.

Голову его (мозг) варят, по лбу разделив. Мозг берут, глаза его сырыми ещё вынимают. Голову объедают мужчины, потом глаза, в стружки завернув, в череп правый справа, левый слева кладут. Затем на лабаз кладут, лабаз для головы из ивы делают. На лабаз кости передних лап, первый шейный позвонок кладут, лиственницу обтёсывают на три грани. Будто его (медведя) кровью, охрой крестообразные рисунки наносят, лабаз свой высоко подвешивают, ивовые прутья скрутив, привязывают. Чтобы снизу ни собака, ни звери не достали. Позвоночник тоже на деревья вешают. Бедренные кости (с костным мозгом) не ломают, бедренное мясо поперек не режут тоже, вдоль режется для хорошей варки, с лопатки мясо тоже вдоль волокон режется.

7. ДРЕВНИЙ ОБРЯД ПОЕДАНИЯ МЕДВЕЖЬЕГО МЯСА*

Ну вот, голову медведя варят, мозг жарят над огнём. Затем женщинам мужчины говорят:

— Жир приготовьте,
Чтобы с мозгом смешать,
Сэвэрин приготовьте!

— *Сэвэрин* сделаем! — женщины [отвечают].

— Мясо для резки варите,
Хорошо, до мягкости!

— Печень его возьмём. От неё нарежем, — женщины переговариваются, готовят всё нужное.

— Ну, готово всё! Вот, соседей своих пойдём звать! — говорят громко, чтобы слышала душа медведя.

Детям говорят:

— Ну, идите, позовите всех. Нашу священную пищу клевать начнём*.

— Идите клевать священную пищу!

Мужья с жёнами* начинают ритуальную еду:

— Ну вот, стаканы свои поднимите,*
Древний обряд поедания мяса медведя начнём.
Благословим Баянаев наших*,
Чтобы давали добычу и впредь, — самый старший произносит.
— Э-э, священный амулет Баяная!*
Священный амулет Баяная дал эту добычу,
Самого лучшего зверя своего дал!
Мы уж начнём как-нибудь, клевать начнём.
Радуясь, клюём.
И впредь тоже должны будем клевать,
Наверное, если всё хорошо будет. «*Уруй!*» — скажите!*

— Слава! Слава, слава! — говоря, ставят на стол *сэвэрин*.

Раньше священную еду начинали при встрече солнца*. *Тэкэмун* обносили по кругу, трижды обносили*. *Тэкэмун* кушая, «*Кук!*» — говорят.

— Каркайте, тихо не ешьте! — говорят. Когда начинают есть чёрного*, так говорят. Если не говорят: «*Кук!*», добра не будет.*

После мясо едят-едят, потом опять:

— Ну, ещё один раз обнеси по кругу!

— Объелись до отвала?*

— Нет ещё! — некоторые говорят.

Некоторые: «Объелись до отвала! Как жирно!» Какой-нибудь человек: «Не наелся ещё, не объелся!»

— Ну, если ещё не все объелись — так будем есть ещё.

Обо всей оставшейся еде говорят:

— Вот, наши кисти на рожон нанизывайте* да уносите, — хозяин жилища, где ели, говорит. Из посуды беря-беря остатки еды, рожны делают, нанизывают оставшееся мясо, уносят домой. Поев, кости его на лабаз кладут*.

8. ПОЧИТАНИЕ КОПЫТНОГО ЗВЕРЯ

Копытного зверя когда убьют, на лабаз кладут все кости его после съедения. Женщина при этом не должна ступать как попало, если поверх мяса переступит — не станет добываться копытный зверь. Лось или олень убегать будет: возможно, увидев его, попасть в него не смогут, глаза их как будто плохими становятся. Это называется *мая*. Лося или оленя когда добудут, за мясом добытого едут, могут дети, могут женщины поехать. Ну, и сперва едят кишки его, мясо варить положено большими кусками. Мужчины кости ног раскалывают, печень жарят на рожнах, есть начинают все вместе. По отношению к мясу тоже запреты есть, не то оно закончиться может. Менструирующая женщина кишки копытного есть не должна. Если поест, копытный перестаёт добываться, даже целый год добыть не могут, бывает, не попадают в него. Запретов по отношению к копытному зверю тоже много. Менструирующая женщина должна сказать: «Ну, вы ешьте, а я не буду есть». Ей печень, всякое другое дают, костный мозг есть можно. Только вот на кишки запрет. И кровяную колбасу, и тому подобное нельзя ей есть, *уригдэ** не положено есть. Позже, когда пройдут месячные, можно есть тебе. Когда копытного зверя пошлёт, когда Небо даст, не говорят слово «убил», соблюдая запрет.

Обряды и обычаи, связанные с почитанием духа огня, составляют важнейшую часть семейно-родовых обрядов эвенков. В данном тексте болезнь воспринимается как наказание человека духом огня, так как не были соблюдены какие-то запреты (*одё*) по отношению к огню. В культуре эвенков существует множество таких запретов. Так, в огонь нельзя плевать; нельзя касаться огня и углей острыми предметами (ножом, иголкой) и оставлять такие предметы около огня — можно поранить духа. Не разрешается рубить дрова возле очага, иначе в дороге не удастся найти дров. Если в отношении огня нарушен какой-либо запрет, нужно угостить огонь и попросить прощения, тогда он не затаит зла на человека.

Известны сюжеты сказок, в которых человек, небрежно обращавшийся с огнём и нарушивший запреты в его отношении, погибал, оставшись без огня. Иногда ему также является дух огня и объясняет, что человек сделал неправильно. Г.М. Василевич публикует такой текст: «Мужчина лыжи делал. Скобель, сверло сжёг [уронил в огонь. — *Г.В.*]. Он рассердился, в огонь выстрелил. Заснул, огонь погас. Утром не мог зажечь огонь. Вернулся по дороге обратно [на то место, где огонь у него зажигался. — *Г.В.*]. Там была дорога огня. Пришёл туда, там старик спину грел [это был дух огня. — *Г.В.*].

Мужик стал зажигать огонь старика — тот огонь погас. Не мог зажечь. Вернулся домой. Пришёл, в одеяло влез. Долго был. Эвенки [другой человек. — *Г.В.*] пришёл, огня нет. Вошёл, сказал: «Где огонь твой?» — «Нет», он сказал — «Не мог огонь зажечь». Эвенки зажёг, огонь загорелся. Он [нарушитель запрета. — *Г.В.*] собрался, оленя привести пошёл, привёл к старику. Убил. Жир поджёг [для обряда угощения огня]. Огонь тогда ожил».

10. РАССКАЗ О БРАКЕ ПОБЕГОМ

Эвенки жен брали строго из чужого рода. Моему отцу родители девушки, которую он полюбил, не дали согласия на женитьбу. Тогда он со своими друзьями приехал из баунтовской тайги в места исконных кочевий семьи своей возлюбленной — Читинскую область, на берег реки Витим, чтобы выкрасть любимую. Дело было поздней осенью. Он рассчитывал на то, что вскоре выпадет снег и заметёт следы побега. Сообщив каким-то образом девушке о своём прибытии и плане побега, стал ждать. Она появилась на берегу реки в назначенный час. Молодые люди переправились через Витим на плоту, высадились на противоположном берегу. Плот, чтобы скрыть следы переправы, отправили вниз по течению. Жили мои родители долго и счастливо.

Моя бабушка Евдокия Павловна Догончина (в девичестве Каюнчина, 1917 года рождения) рассказывала, что замуж эвенкийки выходили очень рано. Вопросы о браке решали родители. Часто о будущей свадьбе родители договаривались сразу после рождения своих детей. У эвенков жених выбирал себе в жёны девушку из чужого рода. Жениться на девушке из своего рода строго запрещалось. Евдокия Павловна не была обещана жениху с момента своего рождения. Её сватали родители жениха уже во взрослом возрасте. В их стойбище приезжал жених со сватом. Оба они были одеты в нарядные одежды. Сватом являлся человек, уважаемый в своём роду. Дорогих гостей усаживали на *малу* (почётное место в чуме), внимательно выслушивали и либо соглашались принять их предложение, либо отказывались. В положительном случае сват и родители девушки договаривались о *тори* (приданое невесты), дате и месте проведения свадьбы. Мою бабушку выдали замуж, когда ей исполнилось четырнадцать лет. На её свадьбу собрались гости со всего Баунтовского района, некоторые приехали из Читинской области. Свадьба проводилась осенью. Угощение было богатым. Для этого специально забили жирных оленей. Свадьба длилась три дня. На протяжении всего времени проводились различные состязания. Мужчины состязались в национальной борьбе, в почёте были скачки на оленях. Семья моей бабушки кочевала в тайге близ нынешнего поселения Россошино, а места кочевий её жениха Николая Догончина были под Икатским хребтом. Молодые играли свадьбу на местах родовых кочевий жениха. Под Икатом есть место, где эвенкийские мужчины мерялись силой. До сих пор там так и остались стоять друг на друге несколько плоских камней разной величины. Мужчины их специально составляли друг на друга и поднимали до пояса — кто сколько камней сможет. Женщины соревновались в искусном шитье одежды. Все гости на свадьбе были одеты в лучшие свои наряды. Особо нарядами выделялись жених с невестой. Ночи напролёт эвенки водили хоровод *одёрай*, пели песни, сказывали сказания. Эвенкийская девушка к замужней жизни готовилась основательно, и в чум своего мужа она приходила с богатым приданым. Это были олени, одежда на каждый сезон, домашняя утварь, спальные принадлежности. Эвенкийка имела шубы из меха соболя, лисицы, белки.

К чуму жениха новобрачная в сопровождении родственников ехала верхом на олене. Олень был празднично украшен: под седлом лежали расшитые меховые коврики (*кумаланы*), уздечка искусно украшена бисером. На олене невеста должна была трижды объехать чум жениха по ходу солнца и только после этого войти внутрь жилища. В новом чуме для новой се-

мьи в очаге разжигали новый огонь, который все обильно кормили различными лакомствами, чтобы жизнь у молодожёнов сложилась счастливая, сытая. Невеста тоже кормила огонь в знак приобщения к роду мужа. Затем жениха с невестой усаживали на почётное место в чуме (*малу*). Овдовев, по старинному обычаю эвенков, бабушка должна была выйти замуж за родного неженатого брата своего умершего мужа. Так вторым её мужем стал Алексей Догончин.

Бабушка моя (мать отца) была богата, у её семьи было большое поголовье оленей. Мой дед был из бедной семьи и прежде, чем жениться, работал у отца невесты три года. Замуж бабушка выходила в белоснежных унтах, в халате, богато расшитом бисером, в красивой головной повязке-*дэрбэки*, расшитой бисером. Родители невесты обеспечили молодых чумом и оленями. Два раза в год на протяжении всей жизни бабушка вынимала свой свадебный наряд из берестяной коробки (*авса*), чистила его и проветривала. Мы не имели права потрогать его и даже не могли мечтать о примерке.

12. ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД

Хоронили раньше на деревьях. Теперь в Баунтовском районе хоронят в земле, как русские, но обряд захоронения при этом исполняется эвенкийский. Усопшего хоронят на третьи сутки. До похорон тело лежит в чуме на своей постели головой на восток. В чуме курится *шангкирэ* (болотный багульник). Одевают в лучшую одежду. В гроб ему кладут самые необходимые личные вещи: трубку с кисетом (если покойник при жизни курил), охотничий нож и другие вещи. Хоронят лицом на восток. Моя бабушка, Догончина Евдокия Павловна, заранее готовила себе погребальную одежду, в которую мы её облачили. После похорон все участники процесса трижды обходят могилу по направлению солнца. Недалеко от могилы забивают верхового оленя покойного. Освежёвывают его, варят мясо и едят тут же. Остатки мяса делятся между всеми участниками ритуала. Шкуру вместе с головой и копытами вешают на перекладину, прибитую между двумя деревьями рядом с могилой. Голова жертвенного оленя должна смотреть на запад. Шкуру оленя осёдлывают, на седло кладут *поту* (суму). Камусы (шкуру с ног парнокопытного животного) от колена до самых копыт разрезают вдоль на узкие полоски. При ветре полоски камусов развеваются, создается впечатление, что олень передвигается. Вещи, которыми пользовался умерший при жизни, помещают на лабазе близ захоронения. Все вещи специально портят. Например, дно у кружки, из которой при жизни пил, обязательно продырявливают, с одежды удаляют все пуговицы, раз-

вязывают все узлы, которые могут встретиться в домашнем хозяйстве. Долго плакать и горевать по усопшему нельзя. Это задерживает его душу в мире живых. Через год родственникам можно прийти к месту захоронения и помянуть усопшего. Существовала в нашей семье традиция, связанная с похоронами: хоронили женщину в том наряде, в котором она вышла замуж.

13. РАССКАЗ ОБ ИЗГОТОВЛЕНИИ ШАМАНСКИХ АТРИБУТОВ

Для «оживления» бубна совершают специальный обряд охоты *Бэркэн* («Лучок»). Участвуют в нем взрослые мужчины, сородичи шамана. Каждый из них изготовляет для себя игрушечный лук-*бэркэн*. Делают его из тальника толщиной с палец, используя вместо тетивы нитки. Делают также и стрелы к нему. Длина лука 15—20 сантиметров. Когда луки готовы, мужчины начинают состязаться в стрельбе из него. Цель — новый изготовленный бубен. Охотники должны попасть в бубен, чтоб он «ожил». И когда попадают в бубен, с него должен вдруг посыпаться волос сохатого (лося-самца). Если бубен «оживает» для шамана, то с него действительно осыпаются взявшиеся откуда-то ворсинки лося-самца. Эти ворсинки собирают в специально сшитый для этого ритуальный мешочек и кладут на *гулик* — лабаз для захоронения костей добытых диких копытных животных. Положив мешочек с ворсинками на *гулик*, охотники заканчивают обряд возгласом: *Арран*! — «Ожил!». И только после проведения обряда оживления бубна шаман начинает пользоваться им. Бубен, в который не был введен дух *мусун*, такой бубен — это ничто в руках шамана и не обладает никакой силой.

14. О ШАМАНЕ И.А. ЛАЗАРЕВЕ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ИСПОЛНЕНИЯ ТЕКСТА 143 ДЯРИЧИВУН ҺУТЭЛДӮВИ (ДЯРИЧИН ДЛЯ СВОИХ ДЕТЕЙ)

В первый день нашего приезда вечером отец обращался с песней к своему духу очага, называемого шаманами именем Кулумтан. На следующий день утром отец сказал, что сегодня он будет петь *дяричин* на благополучную жизнь всех своих детей (под своими детьми он подразумевал и русских зятьёв, и внуков). Он сказал следующее: *Дяритчиҥав иныммaн, сӯндули, Һутэлдӯливи дяритчиҥав. Сӣ эмэнэдус дяричинма Һутэлдӯви дяричикта. Аракӣкāна гадавāр, аҺилталлакин, эмэдэвэр дю̄лав.* — «Буду исполнять *дяричин* сегодня, на вас, для детей своих *дяричин* исполню. По случаю твоего приезда *дяричин* для своих детей исполню. Водочки возьмите, как завечереет, приходите в мой дом».

Когда сёстры (с детьми и мужьями) пришли к нему, то я увидела, что отец окуривал багульником свою колотушку для бубна, большой носовой платок (он использовал этот платок, когда пел шаманские песнопения) и железный ящичек, где у него хранились железные вещи: молоток, кусачки, напильники и т.д. В этом же ящичке была и форма для изготовления самодельных зарядов для ружья-берданки, которого у отца давно уже не было. Когда-то у него были и небольшие кузнечные мехи и всё, что было необходимо для изготовления самодельных железных предметов, он умел выковать любые нужные вещи — был и кузнецом. Я ещё подумала: »А зачем свои железки-то очищает-окуривает?» Петь *дяричин* он начал при последних лучах заходящего солнца, сказав нам: *Сот дяриттавар минду, эткэн эниннун ачин, ургэ бидиŋэн минду.* — «Как следует помогайте мне, сейчас матери вашей нет, тяжело мне будет».

Главной помощницей во всех его камланиях и любых шаманских действиях была мама — Татьяна Николаевна Лазарева, в девичестве Леханова, 1918 г.р., из рода Пуягир, ушедшая из жизни в 1972 г. Шаману нужен опытный и знающий помощник, он также вторит шаману, поддерживая его своим пением. Если помощник неумелый, шаман не может подняться на небеса, а из Нижнего мира может и вовсе не вернуться — шаман ориентируется на голоса подпевающих ему, когда возвращается на землю. Поэтому помощник тоже избирается духами шамана и духи сообщают ему, кто будет его помощником в камланиях. Потеряв свою главную помощницу (свою супругу и нашу мать), отец оставил далеко в тайге те шаманские атрибуты, с которыми следует камлать лишь с хорошим помощником. Он оставил у себя шаманскую колотушку к бубну (*гехик*), большой платок для накидывания на голову, колокольчик и другие мелкие предметы шаманских атрибутов.

Во время подготовки к акту шаманского песнопения отец попросил нас, трёх дочерей, быть *дяричимнгул* — термин, обозначающий вторящих шаману в его камлании или шаманском песнопении, т.е. быть хором поддержки. Мы не всё понимали в его шаманских действиях, но подпевать, конечно, могли.

15. ОПИСАНИЕ ЛЕЧЕБНОГО КАМЛАНИЯ ИЗ СТАТЬИ М.Г. ВОСКОБОЙНИКОВА

Автору приходилось слышать сотни вариантов шаманских песнопений... Не описывая подробностей и деталей шаманских обрядов, приведём один вариант шаманских песен, посвящённых излечению ребёнка.

В юрте, где лежит больной ребёнок, в полном ритуальном облачении камлает шаман. В левой его руке бубен. Под аккомпанемент легких ударов в бубен шаман поёт непонятные и непереводимые сейчас припевы. Вот один из них:

Кедулдэрдэгэлдэгэр, кедулдэрдэгэлдэгэр (Непереводимо).

Затем шаман смотрит на хозяина юрты и как бы задаёт ему вопрос:

Эла гунэ би суруделим? (Куда я, зачем пойду?)

Приподнимает «самасик», вздрагивает и сам себе отвечает:
Бухадук гэлэнэсинделим (От духа Буха я пойду просить).

Эри кунгакан дярин авгарадан, аялгидан (Чтобы этот ребёнок поправился, излечился).

Затем шаман обращается ко всем сидящим с вопросами и сам же на них даёт ответы*:

Зачем я буду просить?
Для излечения его слова прошу.
От духа Буха словами излечу.
Кедулдэрдэгэлдэгэр, кедулдэрдэгэлдэгэр (Непереводимо).

Шаман подходит к ребёнку и поёт дальше:

Байдикана, гайками хувусинделим эри кунгаканмэ (Подожди, чудодейственно сдую с этого ребёнка).

Припев несколько раз повторяется:

Хувусинчэн тари кунгаканмэ (Сдул дух с того ребёнка).
Аим тари кунгаканмэ (Вылечил я (поправил) того ребёнка).

Припев повторяется несколько раз. Шаман снова издаёт страшные вопли, подражая птицам и зверям, затем падает. Мать больного поднимает шамана, а отец ребёнка подносит трубку с табаком шаману.

16. МАТЕРИАЛЫ О ШАМАНИЗМЕ ИЗ СБОРНИКА Г.М. ВАСИЛЕВИЧ

Шаманское заклинание духа болезни

akirwal ähīlä ətəkəllə
ərūmat nəkədərə!
doldicaş?!

Окирвал эхилэ этэкэллу	Никогда более [навсегда теперь кончайте]
Эрумэт некэдерэ!	Не причиняй боли! [худое причиняете]
Долдычас?	Слышишь ты?! [слышите]

Уточнённый перевод Г.И. Варламовой:

Перестаньте теперь делать [то, что делали прежде],
Очень плохо делаете!
Слышал это?

Комментарий Г. Гута: «Здесь могут быть интересны некоторые сообщения моего тунгусского учителя о том, как шаман излечивает больные части тела, о процедурах его при лечении вообще и, наконец, о его положении как врача. Больное место на ноге, на руке и остальных частях тела шаман излечивает, накладывая дощечки по обе стороны больного места и затягивая их ремнями или верёвками. Через два дня больное место наверняка должно быть излечено; резать же шаман не имеет права.

При церемониях лечения шаман зажигает свечи и молится христианскому богу, или Иисусу Христу, или Николаю-угоднику (милостивому Николе, который называется тоже Николаем-чудотворцем), одному из главных святых греческой церкви. Номинально теперь большая часть тунгусов крещена по православному обряду, но из сказанного ясно, как мало эта внешняя принадлежность к христианской вере оттеснила шаманизм. <..> В вознаграждение за лечение шаман получает от каждого взрослого члена семьи мужского пола пять рублей, или соболя, или оленя. У неимущих он отказывается от оплаты. Из своей выручки он даёт каждому одинокому старцу, каждой одинокой старухе и каждому осиротевшему ребенку, состоящим в родстве с пациентом, по три рубля. Это проявление социальной заботливости со стороны шамана достойно большого внимания: оно обрисовывает деятельность и положение шамана в моральном отношении в более благоприятном свете, чем раньше».

Заклинание шамана против оспы

ṣuwancälmi nunañmān ninākäride
upkat topukollo!

Шувэнчэлми нунганман нинакэриде, Если шаманить ему собаками,
Упкат топуколло! Всех их убейте!

Уточнённый перевод Г.И. Варламовой:

Если начать шаманить против неё с помощью собак,
Всех [собак] убейте!

Комментарий Г. Гута: «Это требование убить всех собак в тунгусской орде и тем самым изгнать оспу имеет, по сообщению моего учителя, тот смысл, что духи убитых собак понесут болезнь обратно в деревню, из которой они пришли. Тунгусы думают, что оспа к ним заносилась, заносится и впредь будет заноситься из русских поселений».

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

1. [Около села Багдарин]. Зап. А.А. Воронина в 2002 г. от В.Ц. Шубина, 1952 г.р., уроженца с. Алла Курумканского р-на Бурятии. Архив ИГИПМНС СО РАН.

В возрасте девяти лет исполнитель переехал с родителями в Баунтовский р-н. Живёт в с. Усть-Джилинда.

— *...каменное масло...* — так эвенки называют мумиё. Оно используется в народной медицине.

2. Миф о лягушке, сотворившей землю. Опубл.: [Мазин, 1984, с. 19–20].

3. Об охотничьих амулетах. Зап. А.А. Воронина в 2005 г. от Е.С. Агдыреевой из рода Чильчагир, 1942 г.р., уроженки местности Старый Уоян Северо-Байкальского р-на Бурятии.

4. Миф о медведе. Опубл.: [Василевич, 1969, с. 217].

5. Миф о медведице. Зап. Г.И. Варламова в 1982 г. от К.П. Афанасьевой из рода Лалигир, 1917 г.р., в с. Владимировка р-на им. П. Осипенко Хабаровского края.

6. Как добывали медведя и готовили из его мяса ритуальное блюдо. Зап. А.Н. Мыреева от своей матери П.Р. Павловой из рода Кунгагай, 1900 г.р.

7. Древний обряд поедания медвежьего мяса. Зап. А.Н. Мыреева в 1988 г. от М.П. Кульбертиновой в оленеводческом стаде совхоза «Золотинка» с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Архив ИГИиПМНС СО РАН.

— *...обряд поедания медвежьего мяса (...hōŋки)* — в словаре А.Н. Мыреевой приводится слово *куŋки-ми* («убить медведя») [Мыреева, 2004, с. 316]. Блюдо, которое приготовляют для обряда, называют *тэкэмун* (см. текст 68 в корпусе текстов) или *сэвэрин* (см. текст 6 в Дополнениях).

— *...клевать начнём* — люди во время обряда ведут себя подобно птицам («клюют» мясо, каркают, как вороны, или кукуют, как кукушки), чтобы медведь не догадался, что его убили люди.

— *Мужья с жёнами...* — ритуальное блюдо положено есть парами, зачерпывая по очереди одной ложкой. Женатые мужчины всегда едят в паре с жёнами.

— *...стаканы свои поднимите...* — уже во времена детства исполнительницы во время священной трапезы эвенки употребляли спиртное.

— *Благословим Баянаев наших...* — эвенки Якутии называют духов-хозяев леса, посылающих охотникам добычу, якутским словом *баянай* (от якут. *байанай*).

— *...священный амулет Баяная...* — *барилак, барылак* (от якут. *барылях*) — охотничий амулет. Его хранят в доме, «кормят» кровью добытых животных и, если охотничья удача уходит, могут «наказать» — поколотить палкой. Некоторые эвенки не имеют такого амулета, так как верят, что он может стать слишком кровожадным, всё время требовать свежей крови, а если его не кормить, будет вредить хозяину.

— *«Уруй!» — скажите!* — якутское слово *уруй* используется в значении «слава!»

— *...начинали при встрече солнца* — т.е. рано утром, в момент, когда появлялись первые лучи солнца.

— *...обносили по кругу, трижды обносили* — блюдо трижды передавали из рук в руки, обнося вокруг стола.

— *...чёрного...* — чёрный (*конгнорин*) — иносказательное название медведя.

— *Если не говорят: «Кук!», добра не будет* — т.е. может случиться несчастье.

— *Объелись до отвала?* — во время трапезы люди должны изображать, что насытились, объелись, показывать удовольствие от еды, выражая таким образом благодарность медведю за пищу.

— *...наши кисти на рожон нанизывайте...* — лапы медведя называют тем же словом *маня*, что и кисти рук человека. О родстве человека и медведя см. тексты 4, 5 в Дополнениях.

— *...кости его на лабаз кладут* — о захоронении костей медведя см. текст 69 в корпусе текстов.

8. Почитание копытного зверя. Зап. А.Н. Мыреева в 1988 г. от М.П. Кульбертиновой в оленеводческом стаде совхоза «Золотинка» при с. Иенгра Нерюнгринского р-на ЯАССР. Расш. и пер. Г.И. Варламовой. Архив ИГИПМНС СО РАН.

— *...Уригдэ...* — кишки, желудок.

9. Обряды, связанные с почитанием огня. Опубл.: [Сборник 1936, с. 156].

10. Рассказ о браке побегом. Зап. А. Воронина в 2010 г. от В.М. Торгонова из рода Киндигир, 1941 г.р., уроженца с. Хойгот Баунтовского р-на Бурятии. Исполнитель окончил ЛГПИ им. А.И. Герцена, работал в редакции газеты «Витимские зори» в должности заместителя редактора. Принимает участие в научных конференциях по проблемам сохранения и развития языка и культуры эвенков, удостоен звания Заслуженный работник культуры Республики Бурятия.

11. Брачные традиции у эвенков. Зап. А. Воронина в 2010 г. от А.В. Догончиной из рода Чильчагир, 1967 г.р., уроженки с. Усть-Джилинда Баунтовского р-на Бурятии. Ис-

полнительница проживает в с. Багдарин, работает в семейно-родовой эвенкийской общине (СРЭО) «Дылача».

12. Похоронный обряд. Зап. А. Воронина в 2010 г. от Альбины Владимировны Догончиной из рода Чильчагир, 1967 г.р., уроженки с. Усть-Джилинда Баунтовского р-на Бурятии.

13. Рассказ об изготовлении шаманских атрибутов. Зап. Г.И. Варламова от О.В. Наумовой. Исполнительница —помощница шамана Савея.

14. О шамане И.А. Лазареве и обстоятельствах исполнения текста 143 Дяричивун hутэлдуви (Дяричин для своих детей). Составлено Г.И. Варламовой.

Слово *дяричин* (*дяр*) имеет значения: 1) камлание шамана, когда ему подпевают присутствующие, хором вторя шаману почти в каждой пропетой им фразе; 2) шаманское песнопение без конкретных действий шамана «наяву» и даже без хоровой поддержки (т.е. шаман может и один исполнять *дяричин*).

Дяричин был исполнен И.А. Лазаревым по случаю приезда собирателя (его дочери) в гости к нему и сёстрам, жившим тогда в поселке строителей БАМа — Верхнезейске. Г.И. Варламова со своими детьми остановилась у отца в его небольшом домике на берегу р. Зеи — жил он отдельно от сестёр.

15. Описание лечебного камлания. Опубл.: [Воскобойников, 1960а, с. 105—106]. Текст записан М.Г. Воскобойниковым от руки, часть строк — только по-русски.

16. Материалы о шаманизме из сборника Г.М. Василевич. В сборнике «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» Г.М. Василевич приводит записи немецкого исследователя Г. Гута, опубликованные им в статье «Тунгусская народная литература и её этнологическое значение» (пер. из «Известий Академии наук», т. XV, № 3, СПб., 1901). Некоторые из этих текстов, записанные от Тимофея Прокопия, включены составителем тома в Дополнения [Василевич, 1936, с. 242]. Тексты даны в оригинальной записи (латиницей), в современной эвенкийской кириллической графике и в русских переводах: оригинальном (сделанном Г.М. Василевич) и уточнённом Г.И. Варламовой.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СЛОВАРЬ НЕПЕРЕВЕДЁННЫХ СЛОВ

Алга (алгā), алгавка (алгāвка) — благословение, благопожелание.

Арбагас — тёплая зимняя верхняя одежда мехом наружу.

Бакалдын — букв. «встреча» — праздник встречи, на который съезжаются эвенки из разных районов.

Булаяк (булāяк) — одно из названий шаманской колотушки.

Буни (Бунī) — мир мёртвых.

Дярин, дяричин — шаманское песнопение, а также пение помощников шамана, вторящих ему во время обряда.

Икэчик (Икэ̄чик), икэнипкэ (икэ̄нипкэ), икэник (икэ̄ник) — у дальневосточных эвенков весенний праздник встречи Нового года (то же, что и *икэнипкэ, икэник*), а также запев кругового танца, исполняемого на этом празднике.

Инмэк — вьючная сума с берестяной основой: основа шьётся из бересты и вкладывается в красиво сшитый футляр из шкур с головы оленя или лося; используется для хранения и перевозки ритуальных предметов.

Как (кāк) — ритуальное блюдо из медвежьего жира и рубленого мяса копытных животных, приготовляемое после удачной охоты на медведя, то же, что *тэкэмун*. Медвежье мясо в *как* не добавляют.

Как! Как! (Кāк! Кāк!) Кик! Кик! (Кīк! Кīк!) или *Кук! Кук! (Кӯк! Кӯк!)* — звукоподражание крику ворона — ритуальные возгласы при добывании и последующей разделке медведя, а также поедании ритуального блюда *тэкэмун (как)* после его добычи.

Кире! (Кирē!) — ругательство, междометие со значением «фу, дрянь!», «гадость!»

Кулумтан — дух-хозяин очага в доме шамана, часто в женском образе. Может выступать как дух-помощник шамана при камлании.

Кэрэткэн — обряд освящения оленя (у иркутских эвенков) или похороны, поминки (у дальневосточных эвенков). Известно также слово *кэрэс* («заповедь, завещание») в диалектах томмотских, учурских, чульманских эвенков.

Мангеркэ (маӈёркэ) — ритуал поедания священного блюда *как* из медвежатины.

Мок, мок, мок, мок! (Мōк, мōк, мōк, мōк!) — возглас, которым подзывают оленей, держа в руке мешочек с солью.

Муручун (муручӯӈ) — круглая сума или коробка для женского рукоделия, обшитая ровдугой.

Наму — ритуальный коврик, символизирующий родовую территорию. Его шьют из бересты или оленьих шкур, украшают изображениями людей, оленей, небесных светил.

Нимат (нимāт) — обычай равноправного дележа добычи между сородичами, кочующими вместе; охотник, добывший зверя, часть добычи отдаёт тем, кто не может охотиться сам.

Оми (омӣ) — по представлениям эвенков, одна из душ человека или животного. Если она покидает тело, живое существо умирает, поэтому лечебные обряды часто направлены на возвращение и сохранение души-*оми* в теле.

Салама — шнур, свитый из нескольких тонких нитей, на который привязываются полоски белых или цветных тканей, обрезки меха, конфеты, папиросы, пули и другие мелкие предметы. *Саламу* изготовляют во время шаманских обрядов, окропляют вином, водкой или кровью и вешают в лесу, далеко от людских глаз, как подношение духам.

Сингкэн (сиӈкэн), шингкэн (шиӈкэн) — понятие, связанное с охотничьей удачей. В различном контексте приобретает следующие значения: 1) душа промыслового зверя; 2) охотничья удача; 3) насекомое, которое, как считается, приносит удачу на охоте. Человека, удачливого в разведении оленей, также называют *оронду сиӈкэчӣ* («с *сингкэном* на оленей»).

Сир! (Сӣр!) — звукоподражательное слово, образно передающее, как медведь хлопает ушами.

Сэвэкичан (сэвэкӣчāн), сэвэкичэн (сэвэкӣчэ̄н) — священный олень, охраняющий души людей и домашних оленей, а также идол, наделённый священной силой, используемый при обряде освящения оленя.

Тудя (Тӯдя) — лечебный амулет, изготовляемый шаманом из олова (от *тудя* — «олово»).

Тус-тус-тус! (Тӯс-тӯс-тӯс!) — звукоподражательное слово, передающее постукивание копыт оленей о твердую почву.

Тэкэмун — см. *Как.*

Уранӈкай (ураӈкай) — человек вообще, также житель горной местности (от эвенк. *урэ* — «гора»).

Уруй! — междометие, от якут. *урууй* («слава»).

Хакра (hāкра) — изогнутая молодая лиственница с кручёнными волокнами древесины, которую берут для изготовления обечайки шаманского бубна.

Харги (hарги) — злой дух, нечисть.

Хэмчуры (hэмчӯрэ) — обувь из камусов (шкуры с ног оленя).

Чорама (чӧра̄ма) — переносное жилище, чум.
Чэмпули (чэмпулӣ) — сумочка, в которой хранятся священные предметы, напр., подшейный волос оленей, используемый в обрядах.

НАЗВАНИЯ КРУГОВЫХ ТАНЦЕВ

Гэсугур (гэсугӯр)
Гэсунгэ (гэсӯнгэ), гэшингэ (гэшӣнгэ̄)
Дэвэ (дэвэ̄), дэвэйдэ (дэвэ̄йдэ)
Дялер (дялёр), дялехинчэ (дялёӈинчэ)
Осорай (осӧрай), осорэй (осӧрэй), эсэрэй (эсэ̄рэй)

ЗАПЕВЫ КРУГОВЫХ ТАНЦЕВ

Гэ, гэйлэр! (Гэ̄, гэ̄йлэр!) — запев танца *икэник*.
Гэсугур, гэсугур! (Гэсугӯр-гэсугӯр!) — запев танца *гэсугур*.
Гэсунгэ, гэсунгэ! (Гэсӯнгэ, гэсӯнгэ!) — запев танца *гэсунгэ*.
Дэвэ-дэвэ-дэвэйдэ! (Дэвэ̄, дэвэ̄, дэвэ̄йдэ!), Дэвэ, дэвэ, дэвэдэй! (Дэвэ̄, дэвэ̄, дэвэ̄дэй!), Дэвэ-дэвэ-дэвэдэе! (Дэвэ̄-дэвэ̄ дэвэ̄дэе̄!), Дэвэйдэ-дэвэйдэ! (Дэвэ̄йдэ-дэвэ̄йдэ!) — запевы танца *дэвэ*.
Дялер-дялер (Дялёр-дялёр) — запев танца *дялер*.
Дялехинчэ-дялехинчэ (Дялёӈинчэ-дялёӈинчэ) — запев танца *дялехинчэ*.
Дялехинчэ-хинчэ-хинчэ (Дялёӈинчэ-ӈӣнчэ-ӈӣнчэ) — запевные слова в танце *дялер*.
Мальчор-мальчор (мальчӧр-мальчӧр) — запевные слова в танце *дялер*.
Одёр-одёр (одёр̈-одёр̈), одёрай-одёрай (одёр̈ай-одёр̈ай), одер-одер (одёр-одёр) — запевные слова в танце *дялер*.
Осорай, осорай! (Осӧрай, осӧрай!), Осорай-эсэрэй! (Осӧрай-эсэ̄рэй!) — запев танца *осорай*.
Хадэ! Хэда! (Ӈа̄дэ! Ӈэ̄да!) — запев танца *хадэ*.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРСОНАЖЕЙ

Аин-Маин (Аӣн-Маин), Айин-Майин — женское божество, покровительница ро́дов, женщин и детей, домашнего скота, также связана с излечением от болезней — 74, 81, 122–125, 132

Айихит-мать (Айиӈит-энӣ), Айихит-матушка (Айиӈит-энӣлэ̄, Айиӈит-энӣкэ̄н), Айихит — Великая мать (Айиӈит Энӣкэ̄кун) — женское божество, покровительница шаманов, прародительница людей. Представляется в виде крылатой женщины. Считается, что она посылает на землю души новорождённых детей и оленят — 73, 81, 82, 107, 111, 120, 141, 143

Аксинья (Эксӣннӗ, Аксӣнья) — женщина, к которой сватается жених — 167
Алексей (Улюксей) — жених — 102
Алёшка (Улӧскэ) — шаман — 111
Андрей (Андрӗй) — мальчик, наполовину русский, наполовину эвенк — 95
Антон (Антӧн) — участник хоровода *осорай* — 156
Арче (Арчӗ) — божество грозы и грома — 6, 8
Барчикан (Барчикӓн) — охотник — 169
Евдокия (Огдӧ) — заболевшая женщина — 120
Железный Селунай (Сэлэмэ Сӗлунай) — дух-помощник шаманки — 144
Заря (Гевани) — имя духа-помощника шамана, связанного с зарёй — 143
Заяц (Туӈакӣ) — кличка оленя — 140
Иван — больной, душу которого шаман «заменил» оленем — 140
Исаков Роман (Исӓков Романӓ) — больной, которого лечил шаман Алёшка — 111
Кокай (Кӧкай) — ...у Кокая... (...Кӧкай...) — Кокай — известный шаман, кочевавший в бассейне р. Гилюй (приток р. Зея). Рассказ И.А. Лазарева об этом шамане опубл. [Варламова, 2004, с. 110—117] — 60, 73, 120, 132, 136
Кулумтан — дух очага в доме шамана, выступающий в качестве духа-помощника — 141, 142,144
Кульбертиновы (Курбелтенэвил) — родственники шаманки, которых она благословляет во время камлания — 144
Кургикуй (Кургӣкӯй) — имя духа-помощника шамана, образовано от *курги* («пламя») или от *кургэ* («кузнечные меха») — 143
Кэлэкуй (Кӗлэкӯй) — имя духа-помощника шамана — 143
Лена (Лёнэ) — дочь И.А. Лазарева — 40, 143
Ленин, Владимир Ильич Ленин — 177
Лёня — Леонид, внук исполнительницы Матрёны Петровны Кульбертиновой — 145
Лёня — участник хоровода *осорай* — 156
Лигливлу (Лингливлӯ) — имя духа-помощника шамана в образе лебедя (от *лигли* — «кликать по-лебединому») — 143
Мария (Марӗ) — бабушка, благословляющая ребёнка — 95
Великая мать — Великая олениха (Энӣнэй-бэюнэй) — главный дух-помощник шаманки, её личный покровитель в образе оленихи — 144
Мукале (Мукӓле) — шаман — 140
Наташа (Ната) — старушка-целительница — 110
Небо (Буга), Великое Небо (Бугакӓкун), Небо-матушка (Буга-энӣкэн), Великое Небо-матушка (Бугакӓкун-энӣкэн), Матушка-Великое Небо (Эникэ-Бугакакун), Небесная матушка (Бугады Эникэ) — божество, живущее на небе; считается прародительницей эвенков — 12, 31, 34, 49, 71, 72, 79, 120,
Небо-дедушка (Буга-эӈэкэ) — божество Неба в образе деда-прародителя — 16
Нёкчор (Нёкчӧр) — охотник — 61
Нира (Нирӓ) — заболевшая женщина — 132
Ниргикуй (Ниргӣкут) — имя духа-помощника шамана, связанного с утренней звездой — 143
Нюку (Нюкӯ) — охотник — 63

Нярбачэ (Нярбāчэ) — сват — 102

Пудя — имя духа огня у негидальцев; эвенки, живущие в Хабаровском крае и контактирующие с негидальцами, также используют это имя, обращаясь к огню — 83, 112, 113, 116, 117, 126

Путин — В.В. Путин, президент РФ в 2000—2008 гг. и с 2012 г. — 142

Салэй — дух горной тайги у эвенков бассейна Олёкмы, Чары и Нюкжи, покровительствует охотникам — 52, 53, 165

Семён (Сэмэн) — шаман — 139

Семёновы (Семёнавил) — родственники шаманки, которых она благословляет во время камлания — 144

Сигундар (Сигӯндар), Сигундарин (Сигӯндарин) — имя, которым называют солнце — 15

Таня (Тāня) — запевала кругового танца — 146

Экшери — эвенки Томской обл. называют этим именем верховное божество Неба — 32, 33

Эла (Э̄ла) — участница хоровода *осорай* — 156

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ

Авландя — местность в Тугуро-Чумиканском р-не Хабаровского края, от *авлан* («луг, поляна; ровное место») — 161

Алгома (Илэмты) Илэмты — река — 176

Алдан (Алдāн) — река, правый приток Лены — 162, 163

Амгунь (Эмгӯн) — река в Хабаровском крае, левый приток Амура — 16

Благовещенская (Благовесенская) — золотой прииск и посёлок в Амурской обл. — 70

Бодайбо (Бодайбō) — река в Иркутской обл., приток Витима — 57

Борукан — Борукан, метеостанция в Тугуро-Чумиканском р-не Хабаровского края — 161

Гилюй (Гилӯ) — река в Амурской обл., правый приток Зеи — 102

Джугджур (Дюгдӯр) — горный хребет в Хабаровском крае и Амурской обл., вдоль северо-западного побережья Охотского моря — 19, 20

Журбан (Журбāн) — бывший пос. в Зейском р-не, на левом берегу р. Зея. Существовал в 1912—1974 гг. как участок Журбанского леспромхоза. Ликвидирован в связи с затоплением Зейским водохранилищем. Перенесен в другое место и назван Снежногорский. Название образовано от эвенк. *дюрбан* («дважды») — 95

Золотинка — посёлок городского типа в Нерюнгринском р-не РС(Я). Центр городского поселения Золотинка — 149, 174

Иенгра (Иенгра) — 1) река в Якутии, левый приток Тимптона; от эвенк. *ие-* («рог»): Иенгра со своими притоками разветвляется, как оленьи рога ; 2) село в Нерюнгринском улусе РС(Я) — 150

Ираиндя (Ирāиндя) — по верованиям эвенков, страна шаманских песен, камланий — 161

Иркутская область (Иркускай области) — 34

Ихондо (Иһондо) — местность, от *икон, икэн* («песня») — 59

Каверга (Кāверга) — священная местность эвенков близ г. Бодайбо в Иркутской обл. — 25

Кукушка (Кукӯскэ) — река в Зейском р-не Амурской обл., приток Зеи, также название золотого прииска на этой реке — 62, 70

Кэвэктэ — река на севере Бурятии, левый приток р. Нижняя Ципа — 171

Мама (Мамо) — река в Иркутской обл. и в Бурятии, левый приток Витима. Образуется при слиянии Левой и Правой Мамы — 34

Москва — 152

Мулёмкон (Мулемкӧн) — река на юго-востоке Якутии — 171, 174

Нерюнгри (Нирунҥа) — город в Нерюнгринском улусе РС(Я) — 180

Нюкжа (Нюкдэ) — река в Забайкальском крае и Амурской обл., правый приток Олёкмы — 29

Нюкжа (Нюкдэ) — посёлок — 148

Нюргуй (Нюргу) — река — 176

Олёкма (Олокма) — река в Забайкальском крае, Амурской обл. и Якутии, правый приток Лены — 27, 29, 57, 148

Писаницы (Дукувучӣ) — священная скала близ с. Россошино (*см.*) в Баунтовском эвенкийском р-не Бурятии; на скале имеются петроглифы — 43

Россошино (Россӧшин) — посёлок в Баунтовском эвенкийском р-не Бурятии — 43

Тяня (Тāнэ) — село в Тянском национальном наслеге Олёкминского улуса РС(Я) — 110

Учур (Учӯр) — река в Хабаровском крае и Якутии, правый приток Алдана, от эвенк. *учир* («вихрь») — 177

Чукчагир — пресное озеро в Хабаровском крае, в бассейне р. Амгунь, из оз. Чукчагир вытекает один из притоков Амгуни — 18

Эннэн — река — 177

Якутск (Ёкӯскай) — 25

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Авелова Анфиса Павловна (1932 г.р.), родилась в с. Кюсть-Кемда Каларского р-на Читинской обл, живёт в с. Тополиное Томпонского улуса РС(Я) — тексты 102, 158, 163—165, 173; вар. текстов 53, 157; нотные примеры 7, 11, 28, 41, 44—46; компакт-диск, № 8, 15—17, 29, 45, 58

Агдыреева Екатерина Семёновна (1942 г.р.), родилась в с. Старый Уоян Северо-Байкальского р-на Бурятии, род Чильчагир. Переехала в Усть-Джилиндинское эвенкийское сельское поселение Баунтовского эвенкийского р-на Бурятии — тексты 34, 96

Александрова (урождённая Леханова) Елена Николаевна (1916 г.р.), род Пуягир — тексты 3, 11, 26, 52, 56, 76, 97, 100

Алексеева Людмила Антоновна (1951 г.р.), родилась в Иркутской обл., мать из рода Чэрбэгир. Более двадцати лет проработала в Якутске на радио, вела радиопередачу «Геван» на эвенкийском языке — текст 57

Артемко Павел Павлович (1930 г.р.), пос. Полигус Эвенкийского АО — нотный пример 34, компакт-диск, № 51

Артемко Павел Петрович (1919 г.р.), пос. Куюмба Эвенкийского АО — нотный пример 36; компакт-диск, № 53

Афанасьева К.П. (1917 г.р.), род Лалигир — тексты 115, 121, 134, 161

Бояркoвская Федотья Герасимовна (1911 г.р.), родилась на р. Амуткачи (левый приток Амура), род Хэбдимнгу — тексты 12, 14, 15, 138, 71, 74, 81, 83, 84, 122, 124, 138; вар. 2 текста 83

Бояршин Г.В. (1920 г.р.), родился в с. Ербогачён Катангского р-на Иркутской обл.; какого он рода, не смог сказать — текст 28

Васильев-Савей Семён Степанович (1938–2013), амурский эвенк, которого называли русским именем Савелий. С 1962 г. проживал в Южной Якутии, в окрестностях с. Иенгра на р. Нюкжа — компакт-диск, № 7

Васильева Мария Карловна (1916 г.р.), родилась в с. Неран Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. Мать из рода Лалиги, отец из рода Эдян. Говорит по-эвенкийски, по-русски, понимает по-якутски. Исполнительская специализация: *икэн*, сказки — тексты 90, 92, 94, 105, 166, 170; нотные примеры 9, 54; компакт-диск, № 10, 25

Габышева (урождённая Николаева) Тамара Петровна (1927 г.р.), отец из рода Донгой, мать из рода Чакигир — текст 151

Габышева (урождённая Сынгылаева) Прасковья Иннокентьевна (1927 г.р.), родилась на р. Олёкме — вар. 1 текста 146; нотные примеры 17, 27, 39; компакт-диск, № 34, 44, 56

Гаврилова Анисья Степановна (1909 г.р.), родилась в бассейне р. Селемджи в Амурской обл. Отец из рода Кангаи, мать из рода Бэтунг — текст 6

Гильдеева Нина — школьница из пос. Куюмба Эвенкийского АО — нотный пример 23; компакт-диск, № 40

Григорьев К.В. (1908 г.р.), род Кэптукэ — тексты 37, 50, 51, 118, 125

Димитрова Анна Ивановна (1957 г.р.), родилась в с. Юмурчен Тунгокоченского р-на Читинской обл., в семье охотника. Работала учителем в Баунтовском р-не, живёт в пос. Кика Прибайкальского р-на Бурятии — текст 85

Дмитриева Елена Тихоновна (1931 г.р.) — вар. 3 текста 146; нотные примеры 16, 56; компакт-диск, № 27, 33

Дуткина (урождённая Иригина) В.А. (1939 г.р.), родилась на р. Лымбок (русское название Орловка) в Верхнекетском р-не Томской обл., род Чамба. Исполнительница окончила ЛГПИ им. А.И. Герцена, прекрасно владеет эвенкийским языком. С 1974 г. живёт в Якутске — тексты 10, 32, 33, 58, 79

Енохова-Нюрмага Анна Николаевна (1919 г.р.) — нотный пример 40; компакт-диск, № 57

Заровняева Варвара Петровна — тексты 91, 103

Иванова Александра Васильевна (1914 г.р.), родилась в Чарской долине — вар. текста 155; нотный пример 26; компакт-диск, № 43

Каплин Иван Константинович (1902 г.р.), служащий из с. Наканно Катангского р-на Иркутской обл. — нотные примеры 5, 6; компакт-диск № 6 (1), 6 (2)

Кириллова Т.В. (1920(?) г.р.), род Дэнмэ — тексты 146, 149, 154; вар. 2 текста 146

Кирилова-Энгэлаас Татьяна Егоровна (1937 г.р.) — текст 154; нотные примеры 15, 20, 57; компакт-диск, № 28, 32, 37

Колесов Владимир Дмитриевич (1941 г.р.), род Бута. Исполнитель имел среднее образование, очень хорошо владел эвенкийским и русским языками — тексты 4, 44, 46

Колесова Майя Константиновна (1910 г.р.), род Мэкэгир — текст 175

Копчиленок Прасковья Никоновна (1910 г.р.), пос. Куюмба Эвенкийского АО — нотные примеры 24, 38; компакт-диск, № 41, 55

Кузьмина Вера Романовна (1925 г.р.), родилась в с. Чано-Олого Каларского р-на Читинской обл., род Нгангаин. Исполнительница владеет эвенкийским и русским языками — тексты 106, 110, 152; нотные примеры 18, 19, 50—52; компакт-диск, № 35, 36, 21—23

Кульбертинов Леонид Егорович (1957 г.р.), внук М.П. Кульбертиновой — текст 145

Кульбертинова Матрёна Петровна (1886(?)/1891–1996), род Букочар. Эвенкийская шаманка, исполнительница песенного фольклора. Биографические материалы см. [Николаева, 2006]. Фамилия исполнительницы в разных источниках записана по-разному: в [Николаева, 2006] — Кульбертинова, в записях Г.И. Варламовой — Курбельтинова. Исполнительница не имела паспорта, а свою фамилию произносила «Курбалтунова». Её родственники также пишут свою фамилию не одинаково: Курбельтинов или Кульбертинов. Родилась в Олёкминском р-не, в местности Токо. Затем жила в местности Нюкжа (Амурская обл.). В период работы с этномузыковедами, этнографами (1991—1993) жила в 13-й оленеводческой бригаде совхоза «Золотинка» Нерюнгринского улуса РС(Я). Героиня документальных фильмов «Времена сновидений» (реж. А. Слапиньш), «Полет в мир духов Угу Буга: Традиции эвенкийского шаманизма» (реж. В. Семенов) — тексты 7, 17, 22, 41, 55, 67, 93, 142, 144, 148, 174; вар. текста 93; нотный пример 3; компакт-диск, № 3—5

Кульбертинова Надя, ученица младших классов школы, дочь Л.Е. Кульбертиновой — текст 156

Курбалтунова Евдокия Николаевна (1912 г.р.), с. Чано-Олого Каларского р-на Читинской обл. — нотный пример 22; компакт-диск, № 39

Курейская Евгения Александровна, род Курейских, из пос. Тура Эвенкийского АО. В публикации А.М. Айзенштадта [1995] упомянута как Шура Курейская, 1945 г.р., студентка МГУ — тексты 64, 168; вар. текстов 26, 68; нотный пример 13

Лазарев Анатолий Иванович (1945 г.р.), род Кэптукэ — тексты 38, 49, 72, 75, 77, 101, 107, 109

Лазарев Иван Андреевич (1908/1910(?) г.р.), род Кэптукэ. Исполнитель точно не знал своего года рождения, так как рано осиротел. Биографические материалы см. [Варламова, 2004] — тексты 2, 20, 23, 24, 39, 40, 48, 60—63, 66, 68—70, 73, 77, 82, 87, 88, 98, 104, 111, 119, 120, 123, 135—137, 139—141, 143; вар. текста 68, вар. 4 текста 83; нотный пример 1; компакт-диск, № 1

Леханов Николай Николаевич (1925 г.р.), род Пуягир. Охотник, грамотный, владел эвенкийским и русским языками — текст 35

Леханова А.С. (1930 г.р.), род Пуягир. Исполнительница малограмотная, владеет эвенкийским и русским языком — вар. 3 текста 83

Леханова (урождённая Кульбертинова) Е.Е. (1951 г.р.), род Букочар, внучка М.П. Кульбертиновой — тексты 27, 133

Максимова-Мухачан Ульяна Тихоновна (1929 г.р.) — тексты 147, 155; нотные примеры 14, 29, 30; компакт-диск, № 31, 46, 47

Марфусалов Пётр Елисеевич (1918 г.р.), с. Хатыстыр Алданского улуса РС(Я) — нотный пример 31; компакт-диск, № 48

Молчанов Анатолий Егорович (1954 г.р.), род Момогир. Потомственный охотник, работал в госпромхозе с. Багдарин Баунтовского эвенкийского р-на Бурятии — текст 43

Мыреева Анна Николаевна (1930—2012), род Нюрмаган. Высшее образование, канд. филол. наук. Биографические материалы см. [http://www.nlib.sakha.ru/knigakan/literaturnaya-kartaa/evenkijskaya-literatura/myreeva-anna-nikolaevna.html] — текст 65

Найканчин Юрий Георгиевич (1964 г.р.), родился в с. Багдарин Баунтовского р-на Бурятии, в семье охотника, род Малукчер. Образование среднее, много лет работает в сельском Доме культуры в Усть-Джилиндинском сельском поселении Баунтовского эвенкийского р-на Бурятии — текст 36

Наумов Е.Д. (1910 г.р.) — текст 171

Наумов Иван Еремеевич (1924 г.р.) — текст 172

Наумова (урождённая Кондакова) О.В. (1962 г.р.), родилась на р. Чульман в Нерюнгринском р-не ЯАССР, род Нюрмаган. Живёт в с. Иенгра Нерюнгринского улуса РС(Я) — тексты 30, 31, 78, 180

Никитина Дарья Павловна (1933 г.р.), с. Хатыстыр Алданского улуса РС(Я) — текст 169; нотный пример 47; компакт-диск, № 18

Николаев А.С. — текст 45

Николаев Егор Петрович (1916 г.р.), род Чакигир. Участник Великой Отечественной войны, дошёл до р. Эльбы — текст 29

Николаев-Нгангагэр Прокопий Егорович (1929/1930(?) г.р.), род Нгангагир (Нгангагэр). Жил в с. Тяня Олёкминского улуса РС(Я) — тексты 53, 153, 157, 159; нотные примеры 2, 12, 21, 33; компакт-диск, № 2, 30, 38, 50

Осипов А.А. (1914 г.р.), якут по происхождению, женат на эвенкийке. Многие годы был председателем эвенкийского колхоза — текст 25

Охлопков Е.Г. (1924 г.р.), род Дер. Исполнитель имел якутские корни, его мать — эвенкийка из рода Нирачэл — текст 19

Павлов Иван Петрович (1919 г.р.), родился в Аяно-Майском р-не Хабаровского края, род Бута. Участник Великой Отечественной войны, имел много наград. Большую часть жизни прожил на р. Амгуни. Сказитель, знаток эвенкийского фольклора. От этого исполнителя Г.И. Варламова записала текст героического сказания «Дёлори мевалкан Дёлоргун-мата» («Крепкое как камень сердце имеющий Дёлоргун-богатырь») [Варламова, 2002, с. 238—298] — текст 160

Пудов Дмитрий Павлович (1925 г.р.), с. Хатыстыр Алданского р-на ЯАССР — тексты 89, 162; нотные примеры 8, 10, 32, 42, 43; компакт-диск, № 9, 12—14, 49

Пудов Николай Трофимович (1884 г.р.), исполнитель владел эвенкийским и якутским языками, его родители были в родственных отношениях с амгинскими якутами — текст 176

Савин Иван Александрович (1984 г.р.), родился в с. Багдарин Баунтовского эвенкийского р-на Бурятии, работает в семейно-родовой общине «Дылача» («Солнце») — текст 59

Слепцова Вера Петровна (1920 г.р.), учительница в с. Удское Чумиканского р-на Хабаровского края — нотные примеры 35, 55; компакт-диск, № 26, 52

Соловьёв Пётр Иннокентьевич (1910 г.р.), род Эдян. Участник Великой Отечественной войны, награждён орденом Отечественной войны. Неграмотный. Говорил на эвенкийском, якутском языках. Исполнительская специализация: сказитель (перенял традицию *нимнгакан* от Дмитрия Васильевича Владимирова, который жил в Тугуре) — нотный пример 53; компакт-диск, № 24

Соловьёва Е.Н. (1932 г.р.), род Эдян — тексты 1, 16, 18, 42, 99, 112—114, 116, 117, 126, 127, 129—132, 167; вар. 1 текста 83, вар. текста 85

Соловьёва (урождённая Софронова) Т.Н. (1935 г.р.), родилась в Тугуро-Чумиканском р-не Хабаровского края, род Эдян — тексты 80, 86, 127

Стручков Пётр Семёнович (1900 г.р.), исполнитель говорил по-эвенкийски и по-якутски — текст 178

Тимофеев Василий Георгиевич (1915 г.р.), пенсионер, с. Удское Тугиро-Чумиканского р-на Хабаровского края — компакт-диск, № 11

Трофимов Николай Гермогенович (1915–1971) — тексты 177, 179; нотные примеры 48, 49; компакт-диск, № 19, 20

Урканов В.Е. (1916 г.р.), родился на р. Нюкжа, из амурских эвенков, род Ляли-гир — текст 47

Фёдорова (урождённая Лазарева) Е.И. (1947 г.р.), род Кэптукэ — текст 95

Фёдорова Н.И. (1927 г.р.), род Эдян — текст 128

Эмидак Н.Л. (1903 г.р.), род Эмис — тексты 5, 8, 21, 108

Ядренцева Аксинья Григорьевна, пос. Куюмба Эвенкийского АО — нотные примеры 25, 37; компакт-диск, № 42, 54

УКАЗАТЕЛЬ СОБИРАТЕЛЕЙ ТЕКСТОВ

Алексеев Э.Е., Слапиньш А.Х. — текст 142

Булатова Н.Я., Варламова Г.И., Мыреева А.Н. — тексты 144, 148

Варламов А.Н. – текст 159

Варламова Г.И. — тексты 1—8, 11, 12, 14—28, 30, 31, 35, 37—40, 42, 44—53, 56, 60—64, 66, 68—78, 80—84, 86–88, 91, 93—95, 97—104, 106—141, 143, 145, 146, 149—151, 156, 160, 161, 167, 171—174, 180; вар. текстов 26, 53, 68, 83, 85

Варламова Г.И., Лаврилье-Васильева А. – текст 29

Варламова Г.И., Шейкин Ю.И. – текст 168

Воронина А.А. — тексты 34, 36, 43, 59, 85, 96

Воскобойников М.Г. — тексты 9, 13, 54

Дорожкова Т.Ю., Никифорова В.С. — текст 152; вар. 1 текста 146, вар. текста 155

Мыреева А.Н. — тексты 41, 55, 67, 105, 175—179

Никифорова В.С., Шейкин Ю.И. – тексты 153, 157

Николаева Н.Н. — вар. текста 93

Участники КФЭ, 1986 — тексты 89, 158, 162—165, 169; вар. текста 157
Участники КФЭ, 1989 — тексты 90, 92, 105, 166, 170
Шейкин Ю.И. — тексты 147, 154, 155; вар. 2, 3 текста 146

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ ПУБЛИКУЕМЫХ ТЕКСТОВ

Эвенкийский автономный округ
пос. Эконда — тексты 5, 8, 21, 108
пос. Нидым — текст 28
пос. Тура — текст 64; вар. текстов 26, 68

Амурская область
Зейский р-н
пос. Верхнезейск — тексты 2, 20, 23, 24, 39, 40, 48, 60—63, 66, 68—70, 73, 82, 87, 88, 95, 98, 104, 107, 111, 119, 120, 123, 135—137, 139—141, 143
пос. Бомнак — тексты 3, 4, 11, 26, 44, 46, 52, 56, 76, 97, 100
пос. Снежногорск (Журбан) — текст 35
Селемджинский р-н
с. Ивановское (Ульген) — тексты 80, 86
Тындинский р-н
г. Тында — текст 83
с. Первомайское — текст 12
пос. Заря — тексты 14, 15, 71, 81, 124, 138
совхоз «Заря» — тексты 37, 50, 51, 74, 84, 118, 122, 132, 125; вар. 2 текста 83
с. Усть-Нюкжа — тексты 29, 151

Хабаровский край
р-н им. П. Осипенко
с. Владимировка — тексты 1, 16, 18, 19, 42, 91, 99, 103, 112—117, 121, 126—132, 134, 160, 161, 167; вар. 1 текста 83, вар. текста 85
Тугуро-Чумиканский р-н
с. Удское — текст 6
с. Неран — текст 45
с. Тором — тексты 90, 92, 105, 166, 170
с. Чумикан — текст 94

Якутская АССР, Республика Саха (Якутия)
р. Кенкеме — тексты 159, 168
г. Якутск — тексты 10, 25, 30—33, 57, 58, 65, 79, 153, 157, 177, 179
Нерюнгринский р-н, Нерюнгринский улус
с. Иенгра — тексты 7, 17, 22, 27, 38, 49, 72, 75, 77, 78, 93, 101, 109, 133, 142, 144—150, 154, 155, 156, 171, 172, 174, 175, 180; вар. 3 текста 83, вар. 2, 3 текста 146
совхоз «Золотинка» — тексты 41, 55, 67; вар. текста 93

Олёкминский р-н, Олёкминский улус
с. Тяня — тексты 47, 53
Алданский р-н, Алданский улус
Беллетский наслег
с. Хатыстыр — тексты 89, 102, 158, 162—165, 169, 173, 176, 178; вар. текстов 53, 157
Бурятская АССР, Республика Бурятия
место записи точно не известно — тексты 9, 13, 54
Баунтовский эвенкийский р-н
Усть-Джилиндинское эвенкийское сельское поселение — тексты 34, 36, 59, 96
с. Багдарин — текст 43
Прибайкальский р-н
пос. Кика — текст 85

Читинская область
Каларский р-н
с. Чара — вар. текста 155
с. Кюсть-Кемда — текст 106
с. Чапо-Олого — тексты 110, 152; вар. 1 текста 146, вар. текста 155

ИСТОЧНИКИ ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

КФЭ, 1986 — Комплексная фольклорная экспедиция ОИИФиФ СО АН СССР, ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР и ФК СО СК РФ под руководством А.Б. Соктоева и Н.В. Емельянова, 1986 г., юго-западные районы Якутской АССР. Участники экспедиции: филологи А.Е. Аникин, В.В. Илларионов, Е.Н. Кузьмина, С.П. Ойунская, П.Е. Ефремов, П.Н. Дмитриев, Г.И. Варламова-Кэптукэ, С.Д. Мухоплева, А.Н. Мыреева, Л.Ф. Рожина, Н.Я. Булатова, этнограф Н.А. Алексеев, музыковеды Э.Е. Алексеев, З.З. Алексеева, Н.Н. Николаева, Ю.И. Шейкин, В.С. Никифорова, Т.И. Игнатьева, Д.А. Сорокин, искусствовед Р.С. Гаврильева, звукооператор М.Л. Дидык, фотограф В.Т. Новиков, лаборант А.Р. Бадмаев. Копии коллекции хранятся в Архиве традиционной музыки НГК им. Глинки (шифр А0082 и А0083) и в личном архиве Ю.И. Шейкина.

КФЭ, 1987 — Комплексная фольклорная экспедиция ОИИФиФ СО АН СССР, ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР и ФК СО СК РФ под руководством А.Б. Соктоева, март—апрель 1987 г., Северная Якутия. Участники экспедиции: фольклористы-филологи П.Н. Дмитриев, В.В. Илларионов, Ж.К. Лебедева, Г.Н. Курилов, Х.И. Дудкин, А.Ф. Маликова, этнограф Л.Н. Жукова, музыковеды Ю.И. Шейкин (руководитель), В.Н. Шевцов, В.С. Никифорова, Т.И. Игнатьева, А. Томский, Г.Г. Алексеева, звукооператор М.Л. Дидык, фотограф В.Т. Новиков. Копии коллекции хранятся в Архиве традиционной музыки НГК им. Глинки (шифр А0082 и А0083) и в личном архиве Ю.И. Шейкина.

КФЭ, 1989 — Комплексная фольклорная экспедиция ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР и НГК им. М.И. Глинки, Тугуро-Чумиканский и Аяно-Майский районы Хабаровского края, март—апрель 1989 г. Участники экспедиции: филологи А.Н. Мыреева, Г.И. Варламова, музыковед О.Э. Добжанская. Личный архив Ю.И. Шейкина.

Материалы Шейкина, 1993а — записи, произведённые Ю.И. Шейкиным при участии Т.И. Игнатьевой в г. Якутске в феврале 1993 г. на концертах фольклорных исполнителей в дни сказителей народов Республики Саха (Якутия) «Заветные сокровища». Личный архив Ю.И. Шейкина.

Материалы Шейкина, 1993б — видеозаписи, произведённые Ю.И. Шейкиным в июле 1993 г. на концерте эвенкийского (С.С. Васильева-Савей) и южно-корейских (Ли Бунг Ок, Им Ки Ук, Ким Куанг Со, Ли Хан Бок, Шин Хью Джу) шаманов во время Саха-корейского международного симпозиума по истории и этнокультуре. Личный архив Ю.И. Шейкина.

Материалы Шейкина, 1996 — репортёрские и концертные записи, произведённые Ю.И. Шейкиным от П.Е. Николаева (Олёкминский улус, с. Тяня) в г. Якутске в апреле 1996 г. при участии В.С. Никифоровой. Личный архив Ю.И. Шейкина.

Материалы Шейкина, 1997 — записи, произведённые Ю.И. Шейкиным от эвенков-орочонов и других носителей традиционных культур в октябре 1997 г. (студийные, репортёрские, во время этнографических концертов) на семинаре, организованном «Обществом живых традиций» (председатель — М. Мак-Дональд, научный секретарь — Р. Александр) в г. Беркли (штат Калифорния, США). Личный архив Ю.И. Шейкина.

Материалы Шейкина и др., 1993 — записи, произведённые Ю.И. Шейкиным при участии Т.И. Игнатьевой, В.С. Никифоровой, А.Б. Кунанбаевой в ноябре 1993 г. в г. Санкт-Петербург на концерте фольклорных исполнителей из Якутии и Казахстана во время Второй международной конференции памяти А.Б. Лорда. Личный архив Ю.И. Шейкина.

ПМ Айзенштадта — коллекция аудиоматериалов, записанных А.М. Айзенштадтом от эвенков, русских, бурят в 1958 и 1966—1968 гг. в Эвенкийском АО Красноярского края, Иркутской и Читинской обл., Тугуро-Чумиканском р-не Хабаровского края, Северо-Байкальском и Баунтовском р-нах Бурятской АССР. Коллекция хранится в НГК им. М.И. Глинки (шифр А0001.1).

ПМ Мыреевой, 1964 — записи, произведённые А.Н. Мыреевой от носителей эвенкийского фольклора в 1964 г. в г. Якутске. Копия коллекции хранится в личном архиве Ю.И. Шейкина.

ПМШ, 1992 — материалы, записанные аспирантом В.С. Никифоровой и студенткой Т.Ю. Дорожковой (НГК им. М.И. Глинки, научный руководитель Ю.И. Шейкин) в июне 1992 г. в ходе экспедиции в Каларский район Читинской обл. (сёла Кюсть-Кемда, Чара и Чапо-Олого). Личный архив Ю.И. Шейкина.

ПМШ, 1995 — репортёрские записи, произведённые Ю.И. Шейкиным в июле 1995 г. в с. Иенгра Хабаровского края на «Празднике эвенкийской культуры», который включал инсценировку свадьбы, обряды кормления воды, земли и огня, круговые танцы и песни. Личный архив Ю.И. Шейкина.

ПМШ, 1996 — записи, произведённые Ю.И. Шейкиным от А.П. Авеловой (Томпонский улус, с. Тополиное) в г. Якутске в феврале 1996 г. Личный архив Ю.И. Шейкина.

АРХИВЫ

Архив ЯНЦ СО РАН – Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук

Архив ИГИПМНС СО РАН – Архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — автономный округ
бл. — блок
букв. — буквально
вар. — вариант
г. — год
г. — город
г.р. — год рождения
ед. хр. — единица хранения
ед. ч. — единственное число
зап. — записал, записала, записан
ИГИПМНС СО РАН — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
им. — имени
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук
исп. — исполняет
ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР — Институт языка, литературы, истории Якутского научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР
коммент. — комментарий
КФЭ — Комплексная фольклорная экспедиция
ЛГПИ им. А.И. Герцена — Ленинградский государственный педагогический институт имени А.И. Герцена
мн. ч. — множественное число
монг. — монгольский
напр. — например
НГК им. Н.И. Глинки — Новосибирская государственная консерватория (академия) им. Н.И. Глинки
обл. — область
ОИИФиФ СО АН СССР — Объединённый институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР
оп. — опись
опубл. — опубликовано

ПМ	—	полевые материалы
пос.	—	посёлок
пер.	—	перевод
примеч.	—	примечание
публ.	—	публикуется
расш.	—	расшифровка
ред.	—	редакция
р-н	—	район
РС(Я)	—	Республика Саха (Якутия)
рус.	—	русский, русское
с.	—	страница
с.	—	село
см.	—	смотри
ср.	—	сравни
стб.	—	столбец
стк.	—	строка
т.е.	—	то есть
тюрк.	—	тюркский
ф.	—	фонд
ФВ	—	фоновалик
ФК СО СК РФ	—	Фольклорная комиссия Сибирского отделения Союза композиторов Российской Федерации
эвенк.	—	эвенкийский
ЯАССР	—	Якутская автономная советская социалистическая республика
якут.	—	якутский
ЯНЦ СО РАН	—	Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

ЛИТЕРАТУРА

Айзенштадт А.М. Музыкальный фольклор народностей Нижнего Приамурья // Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири. М.: Музыка, 1966. С. 5–53.

Айзенштадт А.М. Песенная культура эвенков. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1995. 287 с.

Айзенштадт А.М. У кетов и селькупов // Музыка Сибири и Дальнего Востока: Сб. статей / Сост. И.М. Ромащук. Вып. 1. М.: Сов. композитор, 1982. 205 с.

Айзенштадт А.М., Шейкин Ю.И. Музыка эвенкийских сказаний // Эвенкийские героические сказания. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. С. 89–124. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока.)

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX–начале XX в. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1975. 199 с.

Алексеев Э.Е. Проблемы формирования лада (на материале якутской народной песни). М.: Музыка, 1976. 288 с.

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003. 788 с.

Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы изучения первобытных верований. М.; Л., 1958. 238 с.

Берёзкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог [http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm].

Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь: В 2-х кн. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Кн. 1: А–П. 503 с.; Кн. 2: Р–Я. 484 с.

Бурятско-русский словарь (Буряад-ород словарь) / Сост. К.М. Черемисов. М.: Сов. энцикл., 1973. 804 с.

Варламов А.Н. Игра в эвенкийском фольклоре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006.

Варламова Г.И. Фразеологизмы в эвенкийском языке. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. 80 с.

Варламова Г.И. (Кэптукэ). Новые фольклорные материалы по эвенкийскому шаманизму // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 4. С. 48–54.

Варламова Г.И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск: Наука, 2002. 376 с.

Варламова Г.И. Мировоззрение эвенков. Новосибирск: Наука, 2004. 185 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 1.)

Варламова Г.И. Женская исполнительская традиция эвенков (по эпическим и другим материалам фольклора). Новосибирск: Наука, 2008. 230 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 19.)

Василевич Г.М. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов // Сов. этнография. 1930. № 3. С. 57–67.

Василевич Г.М. Тунгусская колыбель (В связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров) // М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 5–28. (Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. XIX).

Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII–XX вв.). Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 304 с.

Василевич Г.М. О культе медведя у эвенков // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX–начале XX в. М.; Л., 1971. С. 150–169. (Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. XXVII).

Воробьев М.В. Религиозные верования чжурчжэней // Докл. по этнографии Геогр. о-ва СССР. Вып. 4. Л., 1966. С. 61–82.

Воскобойников М.Г. Фольклорная проза эвенков // Кто дал эвенкам солнце: Сб. сказок. Иркутск: Вост.-сиб. кн. изд-во, 1973. 247 с.

Воскобойников М.Г. Эвенки Северной Бурятии // Этногр. сб. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960а. С. 96–107.

Воскобойников М.Г. Эвенкийский фольклор: Уч. пособие для пед. уч-щ. Л.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1960б. 339 с.

Герцман Е.В. Античное музыкальное мышление. Л.: Музыка, 1986. 224 с.

Грачёва Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 176 с.

Добжанская О.Э. Песня Хотарэ. Шаманский обряд нганасан: Опыт этномузыковедческого исследования. СПб.: Дрофа, 2002. 224 с.

Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев и др. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 686 с.

Дугаров Д.С. Бурятские народные песни. Песни западных бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. 280 с.

Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.

Жорницкая М.Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1983. 152 с.

Жорницкая М.Я. Народные танцы Якутии. М.: Наука, 1966. 168 с.

Захаров И.И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1875. 1233 с.

Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Г.М. Василевич. М.; Л., 1966. 399 с.

История и культура дальневосточных эвенков: Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2010. 334 с.

Карабанова С.Ф. Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1979. 141 с.

Кардашевская Л.И., Шейкин Ю.И. Музыкальные инструменты эвенков // Традиционная культура. 2012. № 1. С. 89–99.

Кондратьев С.А. Якутская народная песня. М.: Сов. композитор, 1963. 180 с.

Кэптукэ Г.И. Двуногий да поперечноглазый черноголовый человек-эвенк и его земля Дулин Бута // Северные просторы. 1991. № 4. С. 31–32.

Кэптукэ-Варламова Г.И. Эпические традиции в эвенкийском фольклоре: Очерки. Якутск: Северовед, 1996. 134 с.

Лаврилье А. Ориентация по рекам у эвенков юго-востока Сибири. Система пространственной, социальной и ритуальной ориентации // Этногр. обозрение. 2010. № 6. С. 115–132.

Лашук Л.П. Понятие узла этногонического процесса в современном освещении // Этногр. обозрение. 2001. № 3. С. 7–20.

Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. 207 с.

Лебедева Ж.К. Эпические памятники народов Крайнего Севера. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982. 112 с.

Лукина А.Г. Традиционная танцевальная культура якутов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 175 с.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. 201 с.

Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении: В 2-х ч. СПб.: Типография Императорской Академии наук. Ч. 2, отд. 5: Сибирская фауна. СПб., 1869; Ч. 2. отд. 6: Коренные жители Сибири. СПб., 1878.

Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестн. ИРГО. 1860. Т. XXVIII. Отд. II. С. 25–64.

Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.)

Николаева Н.Н. Песенное творчество М.П. Кульбертиновой. Новосибирск: Наука, 2006. 95 с.

Николаева Н.Н. Сакральное пение в культуре эвенков (из полевых наблюдений) // Музыкальная этнография тунгусо-маньчжурских народов: Тез. докл. и сообщ. междунар. конф. (Якутск, 17–23 августа 2000). Якутск, 2000. С. 57–60.

Нилов В. Северный танец. Традиции и современность. М.: Северные просторы, 2001. 96 с.

Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: Наука, 1984. 304 с.

Окладников А.П. Якутия до присоединения к русскому государству // История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. I. 376 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы (наскальные рисунки у деревни Шишкино). М.; Л., 1959. 198 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. 272 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. М., 1958. Т. I.

Попова У.Г. О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области // История и культура народов севера Дальнего Востока. М.: Наука, 1967. С. 174–181.

Романова А.В., Мыреева А.Н. Диалектологический словарь говоров эвенков Якутии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. 215 с.

Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь / Сост. Г.М. Василевич. М.: ОГИЗ. Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1948. 332 с.

Рычков К.М. Енисейские тунгусы. Землеведение. Кн. 1–2. М., 1917; Кн. 3–4. М., 1922.

Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г.М. Василевич; под ред. Я.П. Алькора / Науч.-исслед. ассоциация Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича. Труды по фольклору. Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. Т. 1. 290 с.

Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области: в 2-х ч. / Сост. Б.В. Болдырев, Г.В. Быкова, Г.И. Варламова, Т.Е. Андреева, Р.Е. Мальчакитова; под ред. Г.И. Варламовой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. Ч. 2. 232 с.

Словарь музыкально-этнографических терминов / Сост. Ю. Шейкин // Музыкальная этнография тунгусо-маньчжурских народов: Тезисы докл. и сообщ. Междунар. конф. Якутск, 2000. С. 93–114.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. I. 672 с.; 1977. Т. II. 992 с.

Стешенко-Куфтина В.Н. Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и тунгусов // Этнография. 1930. № 3. С. 81–108.

Титов Е.И. Материалы по устному творчеству эвенков Прибайкалья // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г.М. Василевич; под ред. Я.П. Алькора / Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. Т. 1. 290 с.

Титов Е.И. Тунгусо-русский словарь. С приложением книги М.А. Кастрена «Основы изучения тунгусского языка». Изд. Читинского гос. музея им. А.К. Кузнецова. Иркутск, 1926.

Топоров В.Н. О ритуале: введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. 332 с.

Трощанский В.Ф. Эволюция чёрной веры (шаманства) у якутов. Казань, 1903.

Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 214 с.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 285 с.

Тураев В.А. Дальневосточные эвенки (этнокультурные и этносоциальные процессы в XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 280 с.

Фольклор эвенков Якутии / Сост. А.В. Романова, А.Н. Мыреева. Л.: Наука, 1971. 332 с.

Шейкин Ю.И. Жанры музыкального фольклора удэ. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 2011. 728 с.

Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 708 с.

Шейкин Ю.И. Музыкальная культура народов Сибири. Сравнительно-историческое исследование инструментов, звукоподражаний и песен: Автореф. дис. ... д-ра искусствовед. СПб., 2001. 64 с.

Эвальд З., Косованов В., Абаянцев С. Музыка и музыкальные инструменты // Сибирская советская энциклопедия. М.: Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1932. Т. III. Стб. 577–596.

Эвенкийские героические сказания. Храбрый Содани-богатырь. Богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 392 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока.)

Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г.М. Василевич. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 803 с.

Collaer P. Chants et airs des peuples de l'Extrême Nord (Siberie) // Colloques de Wegimont, III, 1956. Ethnomusicologie. II. Paris, 1960. S. 127–147.

Sheykin Yu.I. The Relics of Folkloric Culture of the Peoples of Yakutiya // UNESCO International Training Workshop on the Protection of Intangible Cultural Heritage ("Living Human Treasures" System). February 19–23, 2001. Tokyo, Japan. P. 73–82.

Shirokogoroff E.N. Folk music in China // The China Journal of Science and Arts. Shanghai, 1924. Vol. 2. S. 116–121.

SUMMARY

This volume contains 180 examples of ritual and sung Evenki poetry. Of these, twelve texts and ten variants were published previously, while the rest appear in print for the first time. The volume's field materials were collected from the 1970s through 2011 in different parts of the Russian Federation inhabited by the Evenki: Krasnoyarsk Krai, the Republic of Buryatia, Sakha Republic, Amur Province, and Khabarovsk Krai. Most of the material on musical folklore was collected during a multidisciplinary expedition organized by the Institute of Philology and Yakut Branch of the Institute of Language, Literature and History (Siberian Division of the Academy of Sciences, USSR) in 1986. Other field materials come from individual expeditions by philologists G.I. Varlamova and A.N. Myreeva, and by musicologists Yu.I Sheikin and N.N. Nikolaeva.

The introductory article, «Ritual Folklore of the Evenki» broadly acquaints the reader with Evenki ritual traditions, discusses historiography and the difficulties of classifying genres of ritual folklore, and gives an impression of the survival of these traditions in the contemporary world. Collecting materials on the rituals and beliefs of Siberian peoples during Soviet times was complicated by several factors. Interest in Native Siberian ritual and mythology was not encouraged, as these elements were regarded as harmful superstitions. Unencumbered documentation of ritual folklore became possible only at the end of the 20th century. By that time, however, few expert performers remained and many once widespread rituals had disappeared. Folk celebrations of a ritual nature had retreated into the past and the shamanic tradition had practically vanished. To the volume's great benefit, its authors — G.I. Varlamova, PhD, and Yu.I. Sheikin, Doctor of Art Studies — were able to record information about Evenki rituals still available at the turn of the 20th and 21st centuries. They made video and audio recordings shamanic dances

performed by the female shaman M.P. Kul'bertinova, who lived in Yakutia, and the male shaman I.A. Lazarev from Amur Province.

An article by musicologist Yu.I. Sheikin analyzes the culture of Evenki intoning and the details of how vocal and instrumental music was performed. The article researches the characteristic refrains of round dances, techniques of intoning, and types of musical instruments. Special attention is paid to shamanic music, the performance of which the author regards as a professional skill in its own traditional sphere. The article gives a detailed description of how Evenki musical folklore was traditionally performed by the must skilled Evenki artists. The article is illustrated by a large number of lyrics. The volume includes a compact disc with recorded examples of incantations and songs.

Appendixes to the volume contain texts of myths that help reveal the content of ritual activities, stories and recollections from the performers regarding traditions and customs of the Evenki people, and also examples of Evenki ritual poetry from rare editions that would be difficult for the modern reader to find. These include the collection «Materials on Evenki (Tungus) Folklore» (1936, compiled by G.M. Vasilevich), and the article by M.G. Voskoboinikov «Evenki of Northern Buryatia» published in 1960.

The scholarly composition of the volume includes remarks on native texts and commentaries that accompany the translation. Words requiring explanation include loans from Russian or Yakut, as well as sections of text that pose difficulties for translation, such as sacral vocabulary, dialectal terms, and complex grammatical forms. A glossary provides detailed explanations of native terms for special items of local life, and also the traditional names of rituals, festivals and dances. The volume also contains glossaries of people, places, the names of performers and folklore collectors, as well as a list of all locations where the texts were recorded. The contents of the compact disc are also described.

The Evenki language has no general term for «ritual». The most widespread, universal rite, which can be performed in any surrounding – village, nomadic camp, hunting trip, on a visit to friends or relatives – carries the name *imty*, meaning «feeding the fire». The name derives from the verb *imū-mi* «to smear with grease». Fire is regarded as a living being and is fed with the tastiest morsels, including fat and grease. The act of feeding the fire can be part of diverse rituals: hunting, healing, divination, family or clan rites of passage. Shamans feed their fire during shamanistic séances. Before an important event (for example, when departing on a hunting trip), feeding the fire is thought to guarantee a successful outcome. Performed after the event, it conveys gratitude to the fire spirit for his help.

The Evenki call the rite of sacrifice *hulga* or *hulganni*, from the verb *hulga-mi* «to give away, sacrifice». During this rite, gifts are brought to the spirit masters of the natural world — rivers, lakes, mountain ridges, and valleys — with the purpose of placating them. Gifts can be small everyday objects (cartridges, cigarettes) or specially prepared items such as beads or strips of cloth. The act of feeding the fire or supplicating nature guardian spirits is frequently accompanied by verbal formulas, either very short or more involved. Spirits are addressed as relatives: Grandfather Fire, Mother Olyokma (a river in eastern Siberia), or Father Jugjur (a mountain ridge in Amur Province).

The act of supplicating spirits or deities is called *alga*, or incantation, and the word *hirge* is used in essentially the same meaning. The basis of the incantation is formulaic request to a spirit, and the wording can be of various lengths. The word *alga* also means «blessing», since spirits and deities can also be supplicated using eulogistic words expressing beneficent wishes.

The shamanic ritual is called *dyar* or *dyarin*, from the verb *dyar-mi* «to shamanize». Items and events relating to shamanism were traditionally spoken about using euphemisms, so that the term *dyar* has many synonyms: *hege-mi* «to sing», *evi-mi* «to play», and so forth. Evenki lyrical songs are most often called *hegen*, from *hege-mi* «to sing». The sung refrains from round dances, very popular among the Evenki, are called *iken* (from *ike-mi* «to sing») or are called after the name of the specific dance: *deve*, *gesuger*, *osorai*, etc.

Sections of the volume are formulated in accordance with genre divisions among the texts themselves: rituals of nature worship, hunting rituals, pastoral rituals, family and clan rituals, and songs. The section on nature worship rituals (texts 1—34) contains supplications addressed to the master spirits of different locations, rivers, lakes, mountain ridges, or to celestial deities (Sun or Sky) and elemental forces of nature (rain, thunder, strong wind). The Evenki worship the Sky God (*Buga*) in particular, regarding him as the main protector of nature. The other highly revered spirit was Mother Earth, whose protection ensured a prosperous life for the nomadic Evenki. This section also contains texts of incantations for protection against evil spirits, the *melkon*. To avoid *melkon*, the Evenki turned to the high deity *Ekseri* or the thunder spirit *Arche*, who could strike a *melkon* with lightning.

Hunting rituals (texts 35—70) play a large role in the life of the Evenki, for whom hunting is one of the most fundamental activities. To guarantee success on the hunt, the fire was also fed (texts 35, 36), since it was considered that fire could supplicate the spirits that provided meat from a kill. A number of rituals were connected with obtaining *singken* — a polysemantic term denoting hunting success, the spirit of an animal killed on a hunt (as the em-

bodiment of that success), as well as an insect believed by the Evenki to bring success (texts 37, 41, 42, 48). Hunting divinations used to learn where to find game were also widespread (texts 40, 50, 51). A small group of texts were connected with honoring the sable, as the killing of this valuable animal involved a number of ritual requirements and taboos accompanied by incantations (texts 44–47). There is also an analogical text connected with rituals of honoring a hoofed animal (text 55). A larger, separate group (texts 56–70) contains texts connected with the Bear Ceremony that involve the traditional taboos and rites of honoring the bear (*ode*). Many of the texts are entitled according to performer (texts 46, 60, 62). Taboos involve human activity during the bear hunt, the general attitudes toward the bear, and the use of special vocabulary connected with the bear (text 66).

The section on pastoral rituals (texts 71–80) includes incantations asking the deity *Ayikhit* in order to obtain reindeer spirits (text 77), heal reindeer (texts 75, 76) bless a reindeer to be used in a race (text 78), and also charms to protect and multiply the reindeer herd (text 80).

The fourth section of the volume contains texts connected with family and clan rituals (texts 81–134). Most of them include honoring the fire spirit and the clan or family hearth, the main ritual in Evenki life being feeding the fire spirit. This ritual is performed when meeting relatives (texts 82, 83), migrating (text 85), and after the birth of a child (text 108). This section also contains texts of incantations addressed to deities who give the family prosperity (text 81), blessings of the guest table (texts 89, 90), blessings for those departing on a journey (texts 91, 92, 94) or for an arriving relative (text 93). Honoring the fire also involved the rite of smearing a baby with soot from the hearth (texts 95, 96) so that the spirit of the family hearth would protect the child from evil spirits. Following this is a group of texts connected with rites of divination. Some predicted a girl's future husband using a spoon (text 97). Others used a hazel grouse bone to determine the likelihood of a prosperous life (text 98). There was also divination upon encountering a toad, which the Evenki call «strutting frog», attributing to the toad certain prescient abilities (text 99). Finally, a fire splint could be used to predict a future husband (text 100) and there existed methods of predicting future offspring (text 101). The following texts are connected with Evenki wedding traditions: the matchmaker song (text 102), parental blessing of the newlyweds (texts 103, 104), songs of a girl who ran away from her parents to elope with her beloved against their wishes (texts 105, 106). Next come rituals connected with the birth of a child: protecting the infant's soul (text 107) and a ritual feast to mark its birth (text 108). A large group of texts represent healing rituals (texts 109–133).

Rituals for healing members of a family are usually performed by women, and the family hearth plays an important role here. Specific ritual functions were used to ask the hearth to heal disease (texts 112–117). A ritual for getting a soul to return, which was connected with a belief about spiders, helped avoid failure in life (texts 118, 119). The spider was regarded as the embodiment of the souls of deceased relatives who could protect descendants with their power. A shaman performed rituals to return the soul of a sick person (texts 120–121). Texts 122–125 figured in healing rituals using a *chichipkan* or *sichipkan* (healing idol). Texts 126–130 describe treating various diseases without the aid of a shaman. Text 134 is connected with Evenki burial practices: according to traditional beliefs, the soul of a departed relative could «carry away» other family members, and, in order to deceive it, a «funeral» of a living person was held, burying a doll instead of the person.

The fifth section is dedicated to shamanic rituals and contains information of scholarly interest on the current state of shamanic traditions among the Evenki. Special rituals accompanied the preparation of shamanic attributes (text 135), and the purification of individuals who created them (text 136). Ritual behavior was required from the person requesting shamanic intervention (text 137). The shaman ritually blessed a reindeer (text 138): a reindeer dedicated to the god *Seveki* protected people and their reindeer herd from evil spirits (*hargi*). A reindeer could be «substituted» for the soul of a person who was gravely ill, as it was considered that the soul of such a person had been snatched by evil spirits (text 140). Shamans were able to conduct rituals to steal *singken* from other people (text 139). Texts 141 and 142 represent the shaman's ritual singing addressing a master spirit of his hearth named *Kulumtan*. This spirit is the shaman's primary helper during séances. Farther along, the volume includes the full texts of two shamanic séances. Text 143 is a séance by the shaman I.A. Lazareva dedicated to his daughters: during the ritual he asks the sky spirits to protect his children and grandchildren. The séance by M.P. Kul'bertinova (text 144) was performed by request of three scholars who visited her; the shaman tells their future and blesses their success in life.

The section on songs begins with a group of refrains from the round dance: *deve* (texts 145–150), *osorai* (texts 151–154), *gesunnge* (texts 155–157), *dyaler* and *dyalekhinche* (texts 158, 159), and *khade* (text 160). The Evenk round dance has various names, depending on the local dialect, but it is basically the same: a chanter leads the round dance and performs an improvised refrain, while other dance participants repeat his words and movements. Such dances are an obligatory part of the folk festival *Ikenipke*, observed to greet the spring. Text 161 is a sung exhortation to join in this festival. Farther

in the same section are texts of lyrical songs dedicated to native Evenki lands (texts 162–164), musings about the past and future (texts 165, 171–173, 177–180). The volume includes complaint songs: the song of a girl whose parents are forcing her to marry an old man (text 166) and the song of an orphan boy (text 174). The song about the fate of the Pudov Clan of Evenki people expresses the sadness of the clan's last living member (text 176).

The musical scores of the recorded round dances, traditional songs and musical fragments of shamanic séances give an impression of Evenki intoning practices and the local traditions of Evenki musical folklore.

Accompanying the volume is a compact disk containing audio recordings of Evenki ritual and sung folklore.

Compiler: *Yu. Limorenko*
Translator: *E. Vajda*

СОДЕРЖАНИЕ КОМПАКТ-ДИСКА

Материалы тома «Обрядовая поэзия и песни эвенков» иллюстрируются уникальными аудиозаписями редчайших образцов обрядового и песенного интонирования эвенков, записанными с 1958 по 1990-е гг. А.М. Айзенштадтом, Ю.И. Шейкиным, Г.И. Варламовой и другими исследователями. Многообразие обрядового пения иллюстрируют отрывки шаманских песнопений *дзарин* (1—7), молитвенные песнопения *алга-алгавка* (8—11), *тангивка* (12), напевы круговых песне-танцев *дзале-гинче, дэвэ-дэвэ, осорай, йохорьйо, йэхорь-йэхорь, гэсугэр, гэсэм, хадьо, олилеэль-льаа, манчора* (29—58) и др. Разноплановые жанры песенного фольклора *хэган-хэгэн-хогэн-хээгээн* (13—28) представлены в локальных традициях исполнения алдано-зейских, северобайкальских, охотских, витимо-олёкминских, енисейских эвенков*. Все фонозаписи публикуются впервые.

Аудиозаписи, помещённые на диске, производились в разное время, некоторые из них выполнялись с помощью несовершенной бытовой аппаратуры, а их авторы не имели достаточных звукооператорских навыков. В связи с этим в ряде фонограмм остались неустранимые помехи и шумы.

1. *Дзарин* — камлание шамана, посвящённое излечиванию дочери (фрагмент). Исп. Иван Андреевич Лазарев. Зап. Г.И. Варламова. Нотный пример 1 – 4.15

2. *Дзарин* — шаманская песня с припевом *гоо-кай*. Исп. Прокопий Егорович Николаев-Нгангагэр. Зап. Ю.И. Шейкин и В.С. Никифорова в г. Якутске. Материалы Шейкина, 1996, № 4. Нотный пример 2 – 0.57

3. *Дзарин* — начало шаманского камлания. Исп. Матрёна Петровна Кульбертинова, вторят родственники. Установка на лечение «женского заболевания». Зап. Н.Н. Николаева. Нотный пример 3 – 1.38

4. *Дзарин* — важный раздел камлания — ритуальное знакомство с пациентом. Исп. Матрёна Петровна Кульбертинова, вторят родственники. Зап. Н.Н. Николаева – 1.17

---

* Названия треков даны в написании авторов, не всегда совпадающем с орфографией, принятой в данном томе. Для удобства читателя список используемых авторами терминов и соответствующих им эвенкийских слов в нормативном написании приведён в примечании редакторов в начале статьи «Обрядовые песнопения и лирические песни эвенков». — *Примеч. ред.*

5. *Дзарин* — кульминационный раздел камлания. Исп. Матрёна Петровна Кульбертинова, вторят родственники. Зап. Н.Н. Николаева – 5.10

6. *Дзарин* — два фрагмента из камлания по поводу излечивания ребёнка. Исп. Иван Константинович Каплин. Зап. А.М. Айзенштадт в с. Наканно Катангского р-на Иркутской обл., на р. Нижняя Тунгуска (североенисейская группа эвенков). ПМ Айзенштадта, № 27-11-1 и 27-11-2. Первый фрагмент — пение шамана, предшествующее его диалогу с помощником. Нотный пример 5. Второй фрагмент — звукоподражательное пение (с возгласами гагары) и пение со вто́рой (шаман и помощник). Нотный пример 6 – 2.16

7. *Дзарин* — камлание по поводу лечения болезни печени. Исп. Семён Степанович Васильев-Савей (Савелий). Зап. Ю.И. Шейкин (видео из зрительного зала). Материалы Шейкина, 19936 – 4.44

8. *Алга̄вка-ӈэ̄гэ̄н* (Благословение-песня) — обращение к женщинам-эвенкийкам на празднике *бакалдын*. Исп. Анфиса Павловна Авелова. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 843. Нотный пример 7. Текст 165 – 1.21

9. *Алгавка* — благопожелание. Исп. Дмитрий Павлович Пудов. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 858. Нотный пример 8 – 2.47

10. *Алгавка* — благопожелание праздничному столу: «Младшие сёстры... наш столик, имеющий четыре ножки, пусть всегда созывает эвенков...» Исп. Мария Карловна Васильева. Зап. участники КФЭ, 1989 в с. Тором (на р. Тугур) Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. КФЭ, 1989, № 9. Нотный пример 9 – 0.39

11. *Алгавка* — утренняя песня-молитва. Исп. Василий Георгиевич Тимофеев. Зап. А.М. Айзенштадт в 1968 г. ПМ Айзенштадта, № 5-10-3 – 2.44

12. *Тангивка* — считалка, имеющая ритуальный смысл. Напев звучит в сюжете сказки (*нингман)* «Орель». Исп. Дмитрий Павлович Пудов. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 826. Нотный пример 10 – 1.53

13. *Алда̄н аӣн* (Благость Алдана). Исп. Дмитрий Павлович Пудов. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 816. Нотный пример 42. Текст 162 – 2.22

14. *Алга̄вка-ӈэ̄гэ̄н (Осто̄лду алга̄вка)* (Благословение-песня (Благословение столу)). Исп. Дмитрий Павлович Пудов. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 827. Нотный пример 43. Текст 89 – 1.41

15. *ӈэ̄га̄н* — песня о белом олене. Исп. Анфиса Павловна Авелова. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 845. Нотный пример 44. Текст 164 – 1.51

16. *Гилӯ, Гилӯ-й-энӣкэн* (Гилюй, Гилюй-матушка) — песня сватовства. Исп. Анфиса Павловна Авелова. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 837. Нотный пример 45. Текст 102 – 1.00

17. *Алда̄н-энӗ* (Алдан-мать). Исп. Анфиса Павловна Авелова. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 839. Нотный пример 46. Текст 163 – 0.56

18. *Барчика̄н* (Барчикан). Исп. Дарья Павловна Никитина. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 835. Нотный пример 47. Текст 169 – 1.20

19. *Учӣр эвэнкӣлин икэнтын* (Песня учурских эвенков). Исп. Николай Гермогенович Трофимов. Зап. А.Н. Мыреева в г. Якутске. ПМ Мыреевой, 1964, № 5. Нотный пример 48. Текст 177 – 1.50

20. *Хогэн* — протяжная песня «Под солнцем родились...» Исп. Николай Гермогенович Трофимов. Зап. А.Н. Мыреева в г. Якутске. ПМ Мыреевой, 1964, № 3. Нотный пример 49 – 2.16

21. *Хэгэн* — песня про утку-*тармн*. Исп. Вера Романовна Кузьмина. Зап. А.М. Айзенштадт в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМ Айзенштадта, № 13-2. Нотный пример 50 –1.01

22. *Хэгэн* — песня про танец *осорай*. Исп. Вера Романовна Кузьмина. Зап. А.М. Айзенштадт в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМ Айзенштадта, № 13-4. Нотный пример 51 – 0.14

23. *Хэгэн* — песня-воспоминание об отце, Романе Васильевиче. Исп. Вера Романовна Кузьмина. Зап. А.М. Айзенштадт в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМ Айзенштадта, № 13-8. Нотный пример 52 – 0.33

24. *Хогэн* — охотничья песня. Исп. Пётр Иннокентьевич Соловьёв. Зап. участники КФЭ, 1989 в Тугуро-Чумиканском р-не Хабаровского края. КФЭ, 1989, № 20. Нотный пример 53 – 2.19

25. *Һэгэн* (Песня). Исп. Мария Карловна Васильева. Зап. участники КФЭ, 1989 в с. Тором (на р. Тугур) Тугуро-Чумиканского р-на Хабаровского края. КФЭ, 1989, № 2. Нотный пример 54. Текст 166 – 1.53

26. *Хогэн* — иносказательная песня (песня-загадка). Исп. Вера Петровна Слепцова. Зап. А.М. Айзенштадт в с. Удское Чумиканского р-на Хабаровского края. ПМ Айзенштадта, № 5-1. Нотный пример 55 – 0.40

27. *Хэгэн* — песенная импровизация. Исп. Елена Тихоновна Дмитриева. Зап. Ю.И. Шейкин в с. Иенгра. ПМШ, 1995, № 9 (14). Нотный пример 56 – 0.38

28. *Хэгэн* — песенная импровизация. Исп. Татьяна Егоровна Кирилова-Энгэлаас. Зап. Ю.И. Шейкин в с. Иенгра. ПМШ, 1995, № 10 (15). Нотный пример 57 – 1.10

29. *Дзялегинчохена* — быстрая часть кругового танца. Исп. Анфиса Павловна Авелова. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 848-9. Нотный пример 11 – 0.32

30. *Дялӗинче* (*Дялехинчэ*) — песня-танец. Исп. Прокопий Егорович Николаев-Нгангагэр. Зап. Ю.И. Шейкин и В.С. Никифорова в г. Якутске. Материалы Шейкина, 1996, № 2. Нотный пример 12. Текст 159 – 1.17

31. *Дэвэ-дэвэ* — песне-танец. Исп. Ульяна Тихоновна Максимова-Мухачан. Зап. Ю.И. Шейкин в с. Иенгра. ПМШ, 1995, № 4 (8). Нотный пример 14 – 2.00

32. *Дэвэ-дэвэ* — танцевальная песня. Исп. Татьяна Егоровна Кирилова-Энгэлаас. Зап. Ю.И. Шейкин в с. Иенгра. ПМШ, 1995, № 6 (10). Нотный пример 15 – 0.31

33. *Дэвэ* (*Дэвэ*)— танцевальная песня. Исп. Елена Тихоновна Дмитриева. Зап. Ю.И. Шейкин в с. Иенгра. ПМШ, 1995, № 16 (21). Нотный пример 16. Вар. 3 текста 146 – 2.15

34. *Дэвэйдэ-осӧрай* (*Дэвэйдэ-осорай*) — танцевальные песни. Исп. Прасковья Иннокентьевна Габышева (Сынгылаева). Зап. В.С. Никифорова и Т.Ю. Дорожкова в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМШ, 1992, № 26. Нотный пример 17. Вар. 1 текста 146 – 0.26

35. *Осорай* — круговой танец. Исп. Вера Романовна Кузьмина. Зап. В.С. Никифорова и Т.Ю. Дорожкова в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМШ, 1992, № 35. Нотный пример 18 – 0.31

36. *Осорай* — круговой танец. Исп. Вера Романовна Кузьмина. Зап. А.М. Айзенштадт в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМ Айзенштадта, № 13-5. Нотный пример 19 – 0.35

37. *Осорай* — запев кругового танца и хоровая втора. Исп. Татьяна Егоровна Кирилова-Энгэлаас (запевала) и др. Зап. Ю.И. Шейкин в с. Иенгра. ПМШ, 1995, № 19. Нотный пример 20 – 2.14

38. *Осӧрай* (*Осорай*) — круговой танец. Исп. Прокопий Егорович Николаев-Нгангагэр. Зап. Ю.И. Шейкин и В.С. Никифорова в г. Якутске. Материалы Шейкина, 1996, № 1. Нотный пример 21. Текст 153 – 2.54

39. *Йохорьо* — круговой танец. Исп. Евдокия Николаевна Курбалтунова. Зап. А.М. Айзенштадт в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМ Айзенштадта, № 13-14. Нотный пример 22 – 0.15

40. *Йэхорьйо-йэхорьйо* — круговой танец. Исп. Нина Гильдеева. Зап. А.М. Айзенштадт в пос. Куюмба Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта, № 7-2. Нотный пример 23 – 0.18

41. *Йэхорь-йэхорь* — круговой танец. Исп. Прасковья Никоновна Копчиленок. Зап. А.М. Айзенштадт в пос. Куюмба Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта, № 6-1. Нотный пример 24 – 0.22

42. *Йокор-йокор* — круговой танец. Исп. Аксинья Григорьевна Ядренцева. Зап. А.М. Айзенштадт в пос. Куюмба Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта, № 8-2. Нотный пример 25 – 0.07

43. *Гэсугэр* — песня, сопровождающая круговой танец. Исп. Александра Васильевна Иванова. Зап. В.С. Никифорова и Т.Ю. Дорожкова в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМШ, 1992, № 43. Нотный пример 26 – 0.23

44. *Гасугур* — песне-танец. Исп. Прасковья Иннокентьевна Габышева (Сынгылаева). Зап. В.С. Никифорова и Т.Ю. Дорожкова в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМШ, 1992, № 31. Нотный пример 27 – 0.12

45. *Гасугор* — песне-танец. Исп. Анфиса Павловна Авелова. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 840. Нотный пример 28 – 0.55

46. *Гэсӱнгэ* (*Гэсунгэ*) — песне-танец с запевом и хоровым припевом. Исп. Ульяна Тихоновна Максимова-Мухачан. Зап. Ю.И. Шейкин в с. Иенгра. ПМШ, 1995, № 17 (22). Нотный пример 29. Текст 155 – 2.05

47. *Гасунгоо-гасунга-а* — запев песне-танца. Исп. Ульяна Тихоновна Максимова-Мухачан. Зап. Ю.И. Шейкин в с. Иенгра. ПМШ, 1995, № 7 (12). Нотный пример 30 – 0.50

48. *Гачигор* — песне-танец. Исп. Пётр Елисеевич Марфусалов. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 833. Нотный пример 31 – 1.54

49. *Гачигор* — песне-танец. Исп. Дмитрий Павлович Пудов. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 828. Нотный пример 32 – 0.26

50. *Госугор* — подвижный круговой танец. Исп. Прокопий Егорович Николаев-Нгангагэр. Зап. Ю.И. Шейкин и В.С. Никифорова в г. Якутске. Материалы Шейкина, 1996, № 2. Нотный пример 33 – 0.37

51. *Гэсэм* — круговой танец. Исп. Павел Павлович Артемко. Зап. А.М. Айзенштадт в пос. Полигус Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта, № 2-6. Нотный пример 34 – 0.53

52. *Хадьо* — запев кругового танца у восточных эвенков. Исп. Вера Петровна Слепцова. Зап. А.М. Айзенштадт в с. Удское Чумиканского р-на Хабаровского края. ПМ Айзенштадта, № 5-5. Нотный пример 35 – 0.09

53. *Олилеэль-льаа* — устойчивый припев в круговом танце (у западных эвенков). Исп. Павел Петрович Артемко. Зап. А.М. Айзенштадт в пос. Куюмба Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта, № 2-3. Нотный пример 36 – 0.40

54. *Олияко-лияко-ли-яа* — песне-танец. Исп. Ядренцева Аксинья Григорьевна. Зап. А.М. Айзенштадт в пос. Куюмба Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта, № 8-3. Нотный пример 37 – 0.07

55. *Тайкуо-куохо* — круговой танец. Исп. Прасковья Никоновна Копчиленок. Зап. А.М. Айзенштадт в пос. Куюмба Эвенкийского АО Красноярского края. ПМ Айзенштадта, № 6-2. Нотный пример 38 – 0.48

56. *Манчор* — песне-танец. Исп. Прасковья Иннокентьевна Габышева (Сынгылаева). Зап. В.С. Никифорова и Т.Ю. Дорожкова в с. Чапо-Олого Каларского р-на Читинской обл. ПМШ, 1992, № 30. Нотный пример 39 – 0.23

57. *Манчора* — запев кругового танца. Исп. Анна Николаевна Енохова-Нюрмага. Зап. Ю.И. Шейкин в с. Иенгра. ПМШ, 1995, № 18 (23). Нотный пример 40 – 2.32

58. *Мальчора* — медленная часть танца. Исп. Анфиса Павловна Авелова. Зап. участники КФЭ, 1986 в с. Хатыстыр на р. Алдан (Якутия). КФЭ, 1986, № 847-9. Нотный пример 41 – 1.21

Общее время звучания – 79.57

Ю.И. Шейкин,
О.Э. Добжанская

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 7
Обрядовый и песенный фольклор эвенков (*Г.И. Варламова*) 12
Обрядовые песнопения и лирические песни эвенков
(*Ю.И. Шейкин, О.Э. Добжанская*) 42
Нотные примеры 79
Примечания к нотным примерам
(*Т.И. Игнатьева, Ю.И. Шейкин, О.Э. Добжанская*) 116

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

БУГАДЫ ИТЫЛ
ОБРЯДЫ ПОЧИТАНИЯ ПРИРОДЫ

1. [Сигӯн аһинывкӣ умнэкэн] 122
[Солнце засыпает вдруг] 123
2. Тыгдэлэвун 122
Хождение за дождём 123
3. [Тыгдэлдэн] 124
[Чтобы дождь пошёл] 125
4. [Тыгдэлдэн] 124
[Чтобы дождь пошёл] 125
5. Агдыллакин һиругэн 124
Заклинание при грозе 125
6. Арчёва алгӣ 124
Заклинание для Арче 125
7. Агдыллакин алгӣ 126
Заклинание при грозе 127
8. Арчёва алгӣ 126
Заклинание для Арче 127
9. [Маркана чикуксал] 128
[Марник срезают] 129
10. Агдытки гуҥнэрэ 128
Грому принято говорить 129
11. [Неҥдэлэдэн] 128
[Чтобы распогодилось] 129
12. [Ӧн ӧвкил, неҥдэлэдэн] 130
[Как делают, чтобы распогодилось] 131
13. [Экэл тыгдэрэ] 130
[Не лей] 131

14. [Сигӯнэвэ куҥакар гэлэ̄вкӣтын (со̄ма горо тыгдэдерэкин, мудэ̄рэкин)]. . . 130
[Испрашивание детьми солнца (если идут долгие дожди, начинается наводнение)] . . . 131
15. Сигӯнэвэ куҥакар гэлэ̄вкӣтын . . . 132
Испрашивание детьми солнца . . . 133
16. [Алга̄] . . . 132
[Заклинание] . . . 133
17. Сугӣва алга̄ . . . 132
Заклинание вихря . . . 133
18. Ӈулганнӣ . . . 134
Подношение . . . 135
19. Дюгдю̄р-эӈэкэдӯ ӈиргэ . . . 134
Заклинание Джугджура-дедушки . . . 135
20. Дюгдю̄р-амин бугадӯ алга̄ . . . 134
Заклинание земли Джугджура-отца . . . 135
21. Саламавка̄ . . . 136
Дарение *саламы* . . . 137
22. Саламавка̄ алга̄нюн . . . 136
Дарение *саламы* с благословением . . . 137
23. Дӯннӯр-энӣдӯ ӈулганнӣ . . . 138
Подношение Земле-матери . . . 139
24. Балдыдя̄к дӯннэдуккӣ нулгилмӣ алга̄н . . . 138
Благословение при переезде с родной земли . . . 139
25. Дӯннэ иччӣдӯн алга̄ . . . 138
Благословение духу-хозяину земли . . . 139
26. Бира муӈӯрэндӯн алга̄ (Бирава алга̄) . . . 140
Заклинание духа реки (Заклинание реки) . . . 141
27. Бирава ала̄ндярӣл алга̄тын . . . 140
Заклинание духа реки при переправе . . . 141
28. Бирава гэлэ̄диӈэс . . . 142
Просьба к реке . . . 143
29. Балдыдя̄к бираду алга̄ . . . 142
Заклинание родных рек . . . 143
30. Иеӈнэкэндӯ алга̄ . . . 144
Благословение милой Иенгре . . . 145
31. Бугадӯ алга̄ . . . 146
Благословение Неба . . . 147
32. Дюяпчул, шимиктэл балдыдатын . . . 146
Чтобы голубика, брусника уродилась . . . 147
33. Мэ̄лкон ӈэ̄нэврэн бими дю̄ткиви . . . 146
Если *мэлкон* ведёт к своему дому . . . 147
34. Бугады кадарду одёки . . . 148
Почитание Небесной скалы . . . 149

БЭЮ̄КТЭРӢ ИТЫЛ
ПРОМЫСЛОВЫЕ ОБРЯДЫ

35. Имтыдемӣ гуннэкис 150
Угощая, говори 151
36. Бугадӯ имты 150
Угощение Небу 151
37. Бэю̄н сӣнгкэнын 150
Сингкэн лося 151
38. Чӣмэчӣн 152
Овод 153
39. Бугадӯ алгӑ (элэкэс иманна тыктэкин) 152
Заклинание Неба (когда первый снег выпадет) 153
40. Испӣскэт ичэмкэ̄ 154
Гадание спичкой 155
41. Сӣнгкэлэ̄вун 154
Добывание *сингкэна* 155
42. [Бэе сӣнгкэнмэ̄н мучӯвкӑнмӣ] 156
[*Сингкэн* мужчины заставляя вернуться] 157
43. Дукувучӣ 158
Писаницы 159
44. Некэ̄вэ имтырӣ 158
Угощение соболя 159
45. Некэ̄ алгӣhин 158
Большое заклинание соболя 159
46. О̄н некэ̄вэ имтывкӣл 160
Как соболя угощают 161
47. Некэ̄дӯ алгӑ 160
Заклинание соболя 161
48. О̄н о̄ӈнара, эрӯ бэе дялин бодорокин 160
Что делать, если мысль злого человека ходит следом 161
49. Бугадӯ алгӑ (болор) 162
Заклинание Неба (осеннее) 163
50. Ичэмкэ̄ 162
Гадание 163
51. Ичэмкэ̄ 164
Гадание 165
52. Каракӣва hиргэ̄чин 164
Заклинание дикуши 165
53. Салэйду алгӑ 166
Заклинание Салэя 167
54. [Улумэ̄чэнэл] 166
[Уходя белковать] 167

55. Бэ̄ӧнмэ одэ̄кӣчилтын 166
Почитание копытного зверя 167
56. Эhэнӯнмэ hиргэ̄ 168
Заклинание медведицы 169
57. Эhэнӯнмэ hиргэ̄ 170
Заклинание медведицы 171
58. Энӣкэ̄нтыки гӯлрэн 170
Матери-медведице сказала 171
59. Амӣко̄нво голо̄син 172
Просьба к дедушке-медведю 173
60. Эhэвэ одэ̄кӣт 172
Почитание дедушки-медведя 173
61. [Эhэ со̄мат савкӣ] 174
[Дедушка-медведь очень мудрый] 175
62. Эhэвэ одэ̄кӣт 176
Почитание дедушки-медведя 177
63. Эhэвэ гэлэ̄ӈнэрэ, алгаӈнара 178
Дедушку-медведя просить положено, заклинать положено 179
64. Эhэвэ одэ̄кӣчилтын 180
Почитание дедушки-медведя 181
65. [Эвэнкӣл эhэкэ̄вэ со̄т одэ̄вкӣл] 182
[Эвенки дедушку-медведя очень почитают] 183
66. Эhэвэ бо̄рса̄рӣ гуннэ̄к 182
При добывании дедушки-медведя слова 183
67. Эhэкэвэ бултя̄рӣ 182
Охота на дедушку-медведя 183
68. Амӣка̄н одэ̄кӣчилин 184
Почитание дедушки-медведя 185
69. Амӣка̄н одэ̄кӣчилин 188
Почитание дедушки-медведя 189
70. Сэ̄кавувкэ̄ 188
Надевание серёг 189

АВДӮВА̄ ДЯВӮЧАРИЛ
СКОТОВОДЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

71. Секала̄вка̄вун алга̄н 194
Заклинание при надевании «серёжек» 195
72. Нӣмэктэдерӣ алга̄н 194
Заклинание пантовщика 195
73. Оронмо Айиhӣттук гэлэ̄рӣ 196
Испрашивание оленей у Айихит 197
74. Айин-Майиндулэ̄ алга̄ (бэ ороробудэн) 196
Заклинание Айин-Майин (чтобы у человека олени множились) 197

75. Аркилан алгāн 198
Заклинание укалывателя 199
76. Гивуһин алгāн 198
Заклинание при стряхивании 199
77. [Һуннӣрачӣ орон ает бивки]. 198
[Имеющий хозяина олень хорошо живёт] 199
78. Суруквӣ алгāв (һуктывундӯ). 200
Благословление оленя, полученного в приданое (на скачках). 201
79. [Биратки гунӹвкэ, ороро дāвулдавар] 202
[Реке говорят, оленей переправляя]. 203
80. Ает орор дявувчадатын, алгā 202
Заклинание, чтобы олени хорошо содержались 203

ДЮВĀ ДЯВӮЧАРИЛ
СЕМЕЙНО-РОДОВЫЕ ОБРЯДЫ

81. Айин-Майиндулэ̄, Айиһит-энӣлэ̄, энтӹлдулэ̄-амтӹлдулэ̄ алгā 204
Заклинание Айин-Майин, Айихит-матери и своих предков. 205
82. Айиһит-энӣвэ алгā. 204
Благословение Айихит-матери. 205
83. Арчалдыри гуннэ̄ки 206
При встрече говорят. 207
84. Гороло̄ нульгиһиныксэ̄л тогово алгарӣ. 206
Перед дальней кочёвкой огонь заклинают 207
85. Алгā 206
Благословение 207
86. О̄н эмэрӣ аннганма алгāвкӣл 208
Как пришедший год благословляют 209
87. Дӯннӯр-энӣдӯ болокин алгā. 208
Осеннее благословение духа Земли-матери 209
88. Дюкчадӯ алгā. 210
Благословение оставляемому месту чума 211
89. Алгāвка-һэ̄гэн (Остōлду алгāвка) 210
Благословение-песня (Благословение столу). 211
90. Дыгин кирилкан остōлконты (остōлконду алгавка). 212
Наш четырёхугольный столик (благословение столику). 213
91. Һиргэ̄ 212
Благословение 213
92. Һирā һурунудӣтэн 212
Благословение на дорогу 213
93. Һутэл эмэнэдӯтын икэ̄н. 214
Песня по случаю приезда ребёнка 215
94. Иргэ̄чин бэел октодӯтын. 214
Благословение людям на их дорогу 215

95. Ӭллувкӭ. 216
Мазанье углем 217
96. Ӭллувкӑ. 216
Мазанье углем 217
97. Ӈунӑдил ичэмкӭнтын 218
Девичье гадание 219
98. Ӈиӈкичӑн эрукӣтчэрӣдӯн ӈиргӭ 218
Заклинание, если рябчик предсказывает худое 219
99. Кутуга (гиркурӣ ӈэрэкӣ) сӧмат сӑвкӣ 218
Жаба (шагающая лягушка) очень мудрая 219
100. Ичэмкӭ ивӭллэт 220
Гадание лучиной 221
101. Багдарӣн мэӈумэкӭн умкандӣ ичэмкӭ 220
Гадание ложкой из белого золота 221
102. [Гилӯ, Гилӯ-й-энӣкӭн] 222
[Гилюй, Гилюй-матушка] 223
103. Тӭрӣн ӧдярилдӯ ӈиргӭчин 224
Благословение создающим пару 225
104. Ӈуелдыдерӣлдӯ алгӑ (нимӭк ӧксал) 224
Благословение отделяющимся (когда они соседями становятся) 225
105. Туксӑндярӣ икӭнын 226
Песня сбегающей 227
106. Сучаӈинчӑл ӈэгӭнтын 226
Песня убегающих 227
107. Айӣӈиттанагин 228
Хождение к Айихит [за ребенком] 229
108. Малӑӈин 228
Пир 229
109. Омӣрӯк 230
Хранилище души 231
110. Омӣлӑк 230
Водворение души 231
111. Омӣлӑк 230
Водворение души 231
112. [Аӈӣ укунин авуллакин] 232
[Грудь кормящей женщины опухнет] 233
113. [Куӈӑкӑн чикэлтэлдиӈэн] 232
[Ребёнок [в постель] писаться начинает] 233
114. [Гороё симкӣдиӈэн куӈӑкӑн] 234
[Долго кашляет ребёнок] 235
115. [Куӈӑкӑныс сӧмат симкӣлдиӈэн] 234
[Твой ребёнок сильно закашляет] 235

116. [Ӈутэс билган авуллакин] . . . 234
[У твоего ребёнка горло опухнет] . . . 235
117. [Куӈакарри бумӯллэктын] . . . 236
[Твои дети заболели] . . . 237
118. Омӣламӣ . . . 236
Хождение за душой . . . 237
119. [Атāкӣ — амтӹлты-энтӹлты омӣтын] . . . 236
[Паучок — душа отцов-матерей твоих] . . . 237
120. Омӣва дяваныӈ . . . 238
Ловля души . . . 239
121. Омӣва маутла . . . 238
Ловля души арканом . . . 239
122. [Бэе бумӯллэкин — сичипкāнма ӧвкӣл] . . . 240
[Человек болеет — ему *сичипкан* делают] . . . 241
123. [Мунӈӣл эвэнкӣл бумӯдерӣ бэевэ чичипкāндулӣ ӈэнэвувкӣл] . . . 240
[Наши эвенки больного человека через *чичипкан* проводят] . . . 241
124. Сичипкāн . . . 240
Сичипкан . . . 241
125. Чичипкāндулӣ ӈэнэ̄р . . . 242
Прохождение через *чичипкан* . . . 243
126. [Билгас энӯлдиӈэн] . . . 244
[Горло у тебя заболит] . . . 245
127. Дюгунук . . . 244
Дюгунук . . . 245
128. Дылис энӯдерэкин, аёвкā . . . 244
Когда голова болит, лечение . . . 245
129. [Дялаһалли энӯдерэктын] . . . 246
[Суставы у тебя болят] . . . 247
130. [Иллэс энӯдерэкин] . . . 246
[Кожа болит] . . . 247
131. Гуннэки . . . 248
Говорят . . . 249
132. Тудя . . . 248
Тудя . . . 249
133. Аёвкāл . . . 248
Лечение . . . 249
134. Ӧн авуһив экинмэв имача биһин . . . 250
Как мой зять тётю мою похоронил . . . 251

САМАР ДЯВӮЧАРИЛ
ШАМАНСКИЕ ОБРЯДЫ

135. Саман ēкукарбан ӧдярӣл эгэлгэтын . . . 252
Шаманские принадлежности делаются по-разному . . . 253

136. Томколгон 254
Собирание ниток 255
137. Ḥулӣ 256
Согревание 257
138. Оронмо сэвэкӣлмӣ, сэвэкӑн гунывкил 256
Оленя освящают, священным называют 257
139. Бэе сӣнгкэнмэн дёроморӣ (самӑр) 258
Воровство *сингкэна* человека (шаманское) 259
140. Оронмо анӑлывмӣ 258
Оленя заменителем делают 259
141. Кулумтандулӑ дярин 260
Шаманское песнопение Кулумтану 261
142. Кулумтандулэ̄ 262
К Кулумтану 263
143. Дяричивун ḥутэлдӯви 262
Дяричин для своих детей 263
144. Дяричин-эвӣн 270
Дяричин-игра 271

ИКЭР
ПЕСНИ

145. Дэвэ̄ 292
Дэвэ 293
146. Дэвэ̄ 292
Дэвэ 293
147. Дэвэ̄ 294
Дэвэ 295
148. Олӧкмачен билирги дэвэ̄тын 294
Олёкминский старинный *дэвэ* 295
149. Дэвэ̄ 296
Дэвэ 297
150. Дэвэ̄йдэ 296
Дэвэйдэ 297
151. Осӧрай 298
Осорай 299
152. Осӧрай 298
Осорай 299
153. Осӧрай 300
Осорай 301
154. Осӧрай 300
Осорай 301
155. Гэсӯнгэ 302
Гэсунгэ 303

156. Гэшӣнгэ 302
Гэшингэ 303
157. Гэсугӯрлэ 304
На *гэсугур* 305
158. Дялӗр 304
Дялер 305
159. Дялӗhинчэ 306
Дялехинче 307
160. Һāдэ! 306
Свойственники! 307
161. Икэниклэ нонолӣ эрӣвун 308
На *икэник* старинный зов 309
162. Алдāн аян 308
Благость Алдана 309
163. Алдāн-энӗ 310
Алдан-мать 311
164. Һэгāн 310
Песня 311
165. Алгāвка-һэгэн 312
Благословение-песня 313
166. Һэгэн 312
Песня 313
167. Эксӣннӗ, гэлкэниндӗ! 314
Аксинья, желанная мне! 315
168. Һӣно-һӗно 314
Рябчик-рябчик 315
169. Барчикāн 316
Барчикан 317
170. Омолгичāн-анадякāн икэнын 316
Песня мальчика-сироты 317
171. Гӯӗ икэн 318
Слово-песня 319
172. Гунчэкӣ-икэн 320
Размышление-песня 321
173. Һэгэн 320
Песня 321
174. Һэгэн 322
Песня 323
175. Һунāт икэнин 322
Песня девушки 323
176. Пӯдовил икэнтын 324
Песня Пудовых 325

177. Учӣр эвэнкӣлин икэ̄нтын 326
Песня учурских эвенков 327
178. Икэ̄н 326
Песня 327
179. Бакалдын икэ̄нин 328
Песня встречи 329
180. [Эвэлви, эһэкэлви, амтӹлви!] 328
[Бабушки мои, дедушки мои, родители мои!] 329
Сведения о текстах и принципах их публикации
(*Г.И. Варламова, Ю.В. Лиморенко*) 332
Примечания и комментарии 335

ДОПОЛНЕНИЯ

1. [Около села Багдарин] 430
2. Миф о лягушке, сотворившей землю . . . . . —
3. Об охотничьих амулетах . . . . . —
4. Миф о медведе 431
5. Миф о медведице . . . . . —
6. Как добывали медведя и готовили из его мяса ритуальное блюдо 432
7. Древний обряд поедания медвежьего мяса 433
8. Почитание копытного зверя 434
9. Обряды, связанные с почитанием огня 435
10. Рассказ о браке побегом . . . . . —
11. Брачные традиции у эвенков 436
12. Похоронный обряд 437
13. Рассказ об изготовлении шаманских атрибутов 438
14. О шамане И.А. Лазареве и обстоятельствах исполнения текста 143
Дяричивун hутэлдӯви (Дяричин для своих детей) . . . . . —
15. Описание лечебного камлания из статьи М.Г. Воскобойникова 439
16. Материалы о шаманизме из сборника Г.М. Василевич 440
Примечания и комментарии 442

ПРИЛОЖЕНИЯ

Словарь непереведённых слов 446
Указатель персонажей 448
Указатель топонимов 450
Указатель исполнителей 451
Указатель собирателей текстов 455
Указатель мест записи публикуемых текстов 456
Источники фольклорных материалов 457

Список сокращений 460
Литература 462
Summary 467
Содержание компакт-диска (*Ю.И. Шейкин, О.Э. Добжанская*) 473

Научное издание

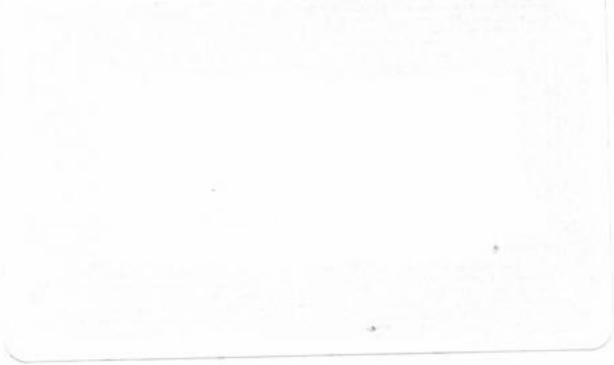
ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ И ПЕСНИ ЭВЕНКОВ

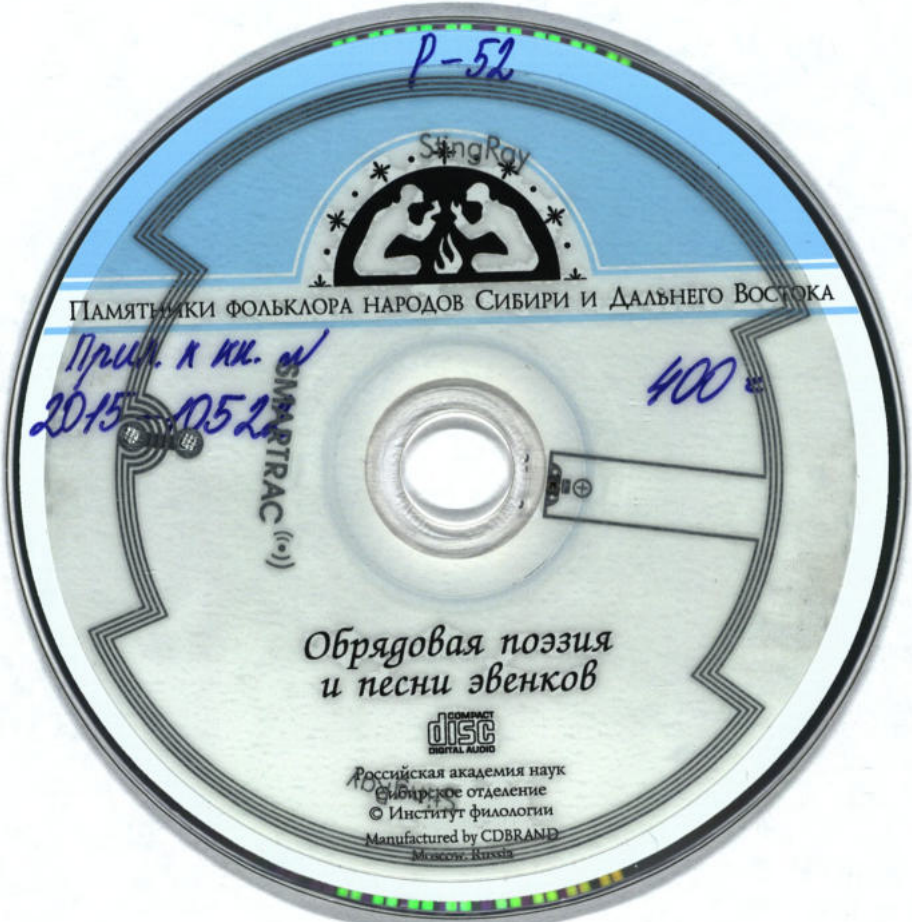
Редактор *В.И. Варламова*
Художественный редактор *Л.Н. Ким*
Обработка фотоматериалов *Л.Н. Ким*
Корректор *Н.А. Кайданик*
Оператор электронной верстки *Н.М. Райзвих*
Нотный набор *Н.С. Капицына*

Подписано в печать 29.12.2014. Формат 75×90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Lazurski.
Бумага ВХИ. Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,8 . Уч.-изд. л. 31,9.
Тираж 200 экз. Заказ № 49.

ООО «Академическое издательство «Гео»
630055, Новосибирск, ул. Мусы Джалиля, 3/1
тел./ факс: (383) 328-31-13, http://www.izdatgeo.ru

Отпечатано в ЗАО ИПП «Офсет»
630117, Новосибирск, ул. Арбузова, 4/27, тел. (383) 332-72-12




Р-52
SlingRay
Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока
Прил. к кн. №
2015 - 1052
400
SMARTRAC
Обрядовая поэзия
и песни эвенков
COMPACT
disc
DIGITAL AUDIO
Российская академия наук
Сибирское отделение
© Институт филологии
Manufactured by CDBRAND
Moscow, Russia